x 497

Linev

ПО ТЮРЬМАМЪ

Po tiur'mam

(Записки заключеннаго.)

„ВПРЕДЬ ДО РАСПОРЯЖЕНІЯ“

Д. А. ЛИНЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1878.
Типографія Л. В. ФОМИНА, Загородный пр., № 24.

Digitized by Google

ПО ТЮРЬМАМЪ [1].

(*Записки заключеннаго.*)

„ВПРЕДЬ ДО РАСПОРЯЖЕНІЯ".

ГЛАВА I.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

...Я начиналъ приходить въ себя. До слуха моего все болѣе и болѣе явственно доходили чудныя слова теплой молитвы, произносимыя мягкимъ, полнымъ чувства, женскимъ голосомъ. Мало по малу, пріятная музыка этихъ словъ совершенно овладѣла мною. Я сталъ жадно прислушиваться и мысленно повторять каждое слово... Но, вотъ, звуки умолкли. Я открылъ глаза. У моего изголовья, стоя на колѣняхъ, тихо молилась немолодая женщина. Слезы текли изъ глазъ ея, обращенныхъ къ иконѣ Спасителя. Выраженіе этихъ глазъ, какъ и лица женщины, было, по истинѣ, неземное: столько вѣры, покорности, глубокой любви, надежды, столько чистоты душевной виднѣлось въ нихъ. Это было одно изъ тѣхъ рѣдкихъ лицъ, которыя нетолько приковываютъ къ себѣ вниманіе наблюдателя, но и съ перваго раза вселяютъ въ немъ чувство безпредѣльнаго уваженія и глубокаго благоговѣнія... Образъ этой женщины и ея положеніе, остано-

---

[1]) Подъ общимъ заглавіемъ «ПО ТЮРЬМАМЪ», имѣютъ появиться нѣсколько книгъ, посвященныхъ описанію быта русской тюрьмы всѣхъ ея наименованій. Такъ, въ настоящей книгѣ, находитъ себѣ описаніе—ПОЛИЦЕЙСКІЙ ДОМЪ; въ слѣдующей, будутъ описаны—ПЕРЕСЫЛЬНЫЯ ТЮРЬМЫ и т. д.

Digitized by Google

вивъ на себѣ мой взглядъ, въ то-же время вызвали въ моей воскресшей памяти цѣлый рядъ болѣе или менѣе связныхъ воспоминаній, картинъ давно минувшаго дѣтства, забытые образы.....

Голова болѣла, духъ захватывало отъ волненія, грудь высоко подымалась. Я ужь не смотрѣлъ на моляшуюся женщину. Глаза мои безцѣльно блуждали по какимъ-то незнакомымъ мнѣ предметамъ и лицамъ. Предо мною стоялъ страшный гигантъ — мое «прошлое», со всѣми его ужасами, страданіями и преступленіями...

— О, Ива! прости, прости меня! отчаянно воскликнулъ я, и громко зарыдалъ...

— Что съ вами? Постарайтесь успокоиться... прошу васъ. Вы несчастны, очень несчастны? Да, я это вижу... Я молилась за васъ... Примите вотъ капли: онѣ нѣсколько успокоятъ васъ. Не отчаявайтесь. Божіе милосердіе, любовь Господа безпредѣльны. Вотъ, что говоритъ слово Божіе... и чудныя слова Божественнаго учителя полились изъ устъ ея. Замѣтивъ, что я успокоился, она закрыла Евангеліе, и голосомъ, полнымъ участья, освѣдомилась: какъ я себя чувствую?

— Благодарю васъ, проговорилъ я слабымъ голосомъ, — не можете-ли вы мнѣ сказать, гдѣ я нахожусь, и кто васъ прислалъ ко мнѣ?

— Господь прислалъ меня къ вамъ. Вы находитесь въ тюремной больницѣ. Благодарю Бога, что вы, наконецъ, пришли въ себя.

— Да, я и забылъ... я въ тюрьмѣ... и вы пришли посѣтить меня... преступника... Кто-же вы?

— Я сестра ваша во Христѣ... Вы еще такъ слабы: вамъ крайне вредно такъ волноваться. Успокойтесь... А вотъ и докторъ идетъ къ вамъ. До свиданія. Господь съ вами. Я къ вамъ еще вечеромъ приду. — И, осѣнивъ меня троекратно крестнымъ знаменіемъ, посѣтительница удалилась.

— Какъ онъ? небрежно спросилъ палатный докторъ у фельдшера, подойдя къ моей кровати. И не дожидаясь отвѣта, черкнулъ что-то перомъ въ поданномъ ему скорбномъ листѣ, поспѣшно вышелъ изъ палаты, не удостоивъ меня даже взглядомъ.

Я еще былъ такъ слабъ, что не могъ безъ посторонней помощи удовлетворить свое желаніе прочитать надпись на доскѣ, прибитой къ кровати повыше моего изголовья. Мальчикъ-арес-

Digitized by Google

тантъ подалъ мнѣ эту доску. На ней значилось: «Отставной юнкеръ Дмитрій *Карасевъ*. 19 октября 1874 года». Итакъ, конецъ моему самозванству. *Карасевъ* пріобрѣлъ право на существованіе... Да, теперь я помню: это было 17 октября... сегодня 8-е ноября, — слѣдовательно, три недѣли тому назадъ... Я ничего не понималъ: вокругъ меня все кружилось, ноги подкашивались... я упалъ...

Смутно припоминаю затѣмъ, какъ меня куда-то носили, возили, раздѣвали... Надпись на доскѣ объясняетъ мнѣ теперь, что я 19 октября прибылъ въ тюремную больницу. Гдѣ-же я провелъ 18 число? На доскѣ значится *только настоящая* моя фамилія: значитъ, я сознался въ самозванствѣ. Кто-же меня допрашивалъ? Гдѣ? Когда?... Ну, да все равно: благо *конецъ* дьявольской игрѣ... Но, вотъ, стали опять проноситься въ моемъ воображеніи непрошенные образы... Память остановилась на *Ивѣ*... Сердце болѣзненно сжалось; горькое, мучительное раскаяніе, отчаяніе овладѣли мною. Къ счастію, мой духовный организмъ былъ еще такъ слабъ, что не могъ выдержать долгаго напряженія: вскорѣ мысли стали безсвязны.... исчезли мои мучители: воображаемыя лица и событія... вѣки сомкнулись... я заснулъ.

Digitized by Google

ГЛАВА II.

ВЪ ТЮРЕМНОЙ БОЛЬНИЦѢ.

Крѣпкій и продолжительный сонъ произвелъ на меня врачующее дѣйствіе. Послѣ него, я почувствовалъ себя значительно крѣпче. Сосѣдъ мой, мальчикъ-арестантъ, подалъ мнѣ миску съ овсянкой и кусочекъ ситнаго, чѣмъ я и удовлетворилъ пробудившійся аппетитъ.

— Здравствуйте, Карасевъ! Вотъ не ожидалъ опять встрѣтиться съ вами въ тюрьмѣ!... Ну, очень радъ, впрочемъ,—будетъ, по крайней мѣрѣ, съ кѣмъ поговорить. А то, повѣрите-ли, просто съ ума сойдешь... Все такая шваль: ни одного *порядочнаго* мошенника... форточники, карманщики... Но что вы? Или не узнаете меня? Плохая-же у васъ память! Неужели вы не помните Фока? Спасская часть... Лавровъ... И господинъ, неожиданно поразившій меня этимъ словоизверженіемъ, безцеремонно усѣлся на моей кровати. Испитое, блѣдное лицо, впалая грудь, необыкновенная худоба при большомъ ростѣ, подергиваніе личныхъ мускуловъ, безпокойные, разбѣгающіеся по сторонамъ, глаза, все это дѣлало фигуру моего непрошеннаго гостя, въ арестантскомъ халатѣ, крайне непривлекательною. Напрасно я старался припомнить его. И не мудрено: оказалось, что онъ всего только нѣсколько дней содержался со мною въ части во время моего злосчастнаго ареста въ 1872 году.

— Тѣмъ не менѣе, лицо ваше врѣзалось въ моей памяти. Вы были такой симпатичный мальчикъ... Да, скажите, правда-ли, что вы успѣли заграницей три раза жениться? — вдругъ озадачилъ меня мой безцеремонный гость.

— Нѣтъ, неправда.

— Ну, полноте! Что вамъ скрывать! Вѣдь все извѣстно: и въ газетахъ писали, да и доктора на-дняхъ разговаривали у

Digitized by Google

ванной кровати... Вы были еще безъ памяти... А славную, чортъ возьми, штуку вы выкинули! съ видимымъ восхищеніемъ воскликнулъ вдругъ Фокъ. — Быть цѣлый годъ княземъ, объѣздить всю Европу, три раза жениться на красавицахъ... Да, послѣ этого, и въ каторгу не досадно идти!... А тутъ, вотъ, какое-нибудь глупое, пустячное мошенничество на тридцать рублей,— т. е. оно, собственно, и не мошенничество, а гражданское дѣло: я это докажу въ судѣ, какъ дважды-два — четыре... рѣшеніе сената, знаете... такъ вотъ, говорю, и изволь вопіять. Эхъ, канальство! Ну, и въ Парижѣ были? То-то, я думаю, городъ!.... А француженки... Да что натерта! — послѣ такой жизни и умереть, ей Богу, не грѣхъ! — И гость мой сдѣлалъ какой-то особенный жестъ головой, ногами и руками — одновременно.

— Давно ужъ вы содержитесь въ тюрьмѣ?

— И давно, и недавно, т. е., это какъ вы взглянете. Собственно говоря, въ этотъ разъ, я приведенъ въ тюрьму всего съ мѣсяцъ тому назадъ. Недѣлю былъ на свободѣ, а до того годъ сидѣлъ; раньше — тоже мѣсяцевъ десять отсидѣлъ. Теперь, вотъ, попалъ на такого слѣдователя, что ничего не подѣлаешь. Съ двумя-то кое-какъ поладилъ, — у меня, знаете, дѣла у трехъ слѣдователей, — такъ, вотъ, двоихъ-то умаслилъ: подъ надзоръ отпускаютъ. А третій, чортъ его возьми, знать ничего не хочетъ: подавай поручителя, да и только! да еще съ денежною отвѣтственностью въ 100 рублей... Просилъ, вотъ, здѣсь ходитъ одна ханжа, вотъ — которая у васъ сегодня была... такъ нѣтъ: на словахъ ангелъ, а заикнись о дѣлѣ, такъ убѣжитъ сейчасъ. Не понимаю, только, чего это ихъ пускаютъ сюда шляться! По моему: взялась помогать, такъ помогай, какъ слѣдуетъ... Читать Евангеліе мы сами съумѣемъ, если захотимъ. Вѣдь вы согласны со мной?

— Не совсѣмъ. Мнѣ кажется, что она помогаетъ чѣмъ можетъ. Богата-ли она настолько, чтобы помогать деньгами?

— Такъ зачѣмъ же она ѣздитъ сюда? Ну, скажите, пожалуйста, какое удовольствіе она можетъ доставить мнѣ своимъ чтеніемъ, молитвою, слезами? Только пуще тоску наводитъ.

— Изъ того, что вы не расположены слушать ея чтеніе, еще не вытекаетъ, чтобы оно наводило тоску и на другихъ. Наконецъ,

Digitized by Google

неужели вы никогда не нуждаетесь въ искреннемъ участіи, хотябы и такомъ, которое ограничивается добрымъ словомъ?

— Покорно благодарю-съ. Увольте-съ... Этакое-то участье и я, если вамъ угодно, могу оказать... Да что въ немъ толку? Нѣтъ, ужь извините... Не вѣрю я этимъ барынямъ: пробовалъ я съ ними дѣло имѣть... гривенникомъ отдѣлаются.

— Конечно, если вы смотрите на нихъ съ такой точки зрѣнія, то...

Въ эту минуту, въ палатѣ показалась спокойная, кроткая фигура доброй женщины. Мой гость поднялся.

— Уйду, — она, кажется, къ вамъ идетъ. Потомъ приду къ вамъ чай пить. Я принесу... достану... Вѣдь у васъ ничего нѣтъ... Эхъ, жалко, что я не встрѣтился съ вами, когда вы были княземъ... То-то-бы мы зажили!!... и, ухарски щелкнувъ пальцами, Фокъ вышелъ изъ палаты.

Ничто не мѣшало мнѣ слѣдить за посѣтительницей. Вотъ, подошла она къ трудно-больному крестьянину, лежавшему черезъ нѣсколько кроватей отъ меня. Царствовавшая въ палатѣ тишина позволяла не проронить ни одного слова изъ разговора ея съ больнымъ.

— Здравствуй, другъ мой! лучше-ли тебѣ? привѣтствовала она больнаго, взявъ его за руку и устремивъ на него свой полный участія и любви взглядъ.

— Покорно благодаримъ, матушка... Кажись, полегчало малость... Чайку-бы хотѣлось напиться, да нѣту... слабымъ голосомъ отвѣтилъ больной.

— Вотъ, голубчикъ, я принесла съ собою немножко чайку и сахарку: кушай на здоровье! — И она достала, изъ висѣвшаго на ея рукѣ редикюля, небольшой свертокъ, который и положила подъ подушку больнаго. — Ходитъ къ тебѣ кто нибудь? Есть у тебя родные?

— Какъ-же, матушка! Есть жена, трое дитятъ; да далеко, въ деревнѣ... Они, чай, и не знаютъ, что меня угораздило въ тюрьму... Небось, ждутъ денегъ къ празднику... Охъ, лукавый попуталъ меня окаяннаго, произнесъ больной голосомъ, полнымъ грусти и безъисходнаго горя.

— Давно ты сидишь?

Digitized by Google

— Уже три мѣсяца, и Богъ знаетъ, когда конецъ-то будетъ. Всю, какъ есть, правду чистую сказалъ... Чего-бы, кажись, больше? А все еще не судятъ... И дѣло-то мое какое! Какъ есть лукавый попуталъ... Дѣло было праздничное,—ну, грѣшный человѣкъ, зашелъ въ трактиръ душу отвести... Оно-бы въ церковь идти помолиться, а я пошелъ въ трактиръ... Думалъ, земляковъ, можетъ, найду. Денегъ было у меня шесть гривенъ... когда еще было заработать-то!... Только изъ деревни пришелъ. Взялъ это я себѣ полштофъ водки и пью... Подвернись ко мнѣ на грѣхъ парень. Слово за слово, стали пить вмѣстѣ. Ужь я порядкомъ охмѣлѣлъ... Оно-бы на фатеру идти, анъ нѣтъ... Ну, знамое дѣло, лукавый... Пить, пить... денегъ-то ужь нѣтъ, глядь—одежу за стойку: армякъ и сапоги... Глядь—и попалъ въ часть. Вишь, ночью на улицѣ пьянаго подняли. Ну, повели это меня, значитъ, къ фатерной хозяйкѣ... Здѣшній, говоритъ, паспортъ, все въ порядкѣ. Куда пойдешь безъ одежи-то? Взялъ я это двѣ рубахи, почитай у меня еще не надѣваны были, и пошелъ на Сѣнную. Продамъ, молъ, и куплю какіе ни на есть сапоги и куртку... Ходилъ, ходилъ, все никакъ не могъ настоящей цѣны заполучить... Видно, думаю, ничего не подѣлаешь: продалъ я за девять гривенъ... Купилъ я себѣ старенькіе сапожишки, ну, а куртки это ужь гдѣ купить на этакія деньги! Зайду, молъ, въ закусочную, закушу, да и измаялся ужь больно, ходимши... Эхъ, грѣхъ, грѣхъ!... Не утерпѣлъ: купилъ себѣ косушку и селедку. Ну, на тощакъ-то, да измаямшись, знамо, запьянѣлъ... Ей-Богу, ужь не помню, какъ это съ меня сняли сапоги, смѣнили рубаху, ободранную такую дали... Только какъ проснулся я это на другой день, посмотрѣлъ на себя, индо страшно стало. Залился я слезами горючими... А на меня какъ накинется какой-то солдатъ, да и давай бить... «Чего ревешь»?—говоритъ... А это я, матушка, къ мазурикамъ попалъ, знаешь домъ-то большой на Сѣнной... Ужь какой тамъ народъ: знамо—воры. Какъ, думаю, теперь къ хозяйкѣ идти... Не пуститъ... Хошь топиться ступай... А голова-то трещитъ съ похмѣлья. Ну, солдатъ и говоритъ: «Нечего реветь; пойдемъ, похмѣлю и накормлю; только слушаться меня, не то—смотри!» И взаправду похмѣлилъ... Только идемъ это мы потомъ по Фонтанкѣ. Судно стоитъ. Солдатъ и говоритъ: «Погоди, малость, я схожу на судно». Потомъ меня позвалъ туда. «Таши»,

Digitized by Google

говоритъ. Смотрю: одежа... Народу на суднѣ никого... Думаю, дѣло не чисто. А онъ это роется въ каморкѣ—каютой прозывается... Вижу, самоваръ несетъ... «Ступай, говоритъ, скорѣй!» А въ рукахъ-то у меня одежа: поддевка, стало быть, чуйка и казакинъ. Только это мы вышли на дорогу, глядь—кричатъ: «держи! держи! замокъ сломали!» Я бѣжать... одежу-то бросилъ. Да недалеко отбѣжалъ, поймали обоихъ. А это онъ, окаянный, въ этой самой каютѣ замокъ сломалъ... Вотъ какъ передъ Богомъ говорю; не дай, Господи, робятишекъ увидать, коли вру! А онъ теперь все на меня сваливаетъ: говоритъ, что я ломалъ... Что-то мнѣ будетъ, матушка? Сказываютъ: въ рабочій... а за мной никогда никакихъ оказіевъ не было... все Богъ миловалъ... Таперь пропащій я, одно слово, человѣкъ... И больной сильно закашлялся.

Я не переставалъ слѣдить за лицомъ посѣтительницы, во все время, пока несчастный разсказывалъ свою грустную исторію. Съ какимъ интересомъ слушала она его... Не разъ, во время разсказа, вырывался у нея глубокій вздохъ, и глаза ея обращались къ иконѣ... Видно было, что ей до болѣзненности жаль несчастнаго; что она страдаетъ за него, что онъ ей дорогъ. Я все болѣе и болѣе проникался уваженіемъ къ этой чудной женщинѣ, посвятившей себя трудному дѣлу служенія страждущему человѣчеству.

— Молись Богу, другъ мой!—необыкновенно ласково сказала она. — Никто, какъ Онъ. Грѣшно отчаяваться. Зачѣмъ ты говоришь, что ты теперь пропащій человѣкъ? Это неправда. Ты еще не старъ; Богъ дастъ, выздоровѣешь, тебя выпустятъ, будешь трудиться, помогать семейству. Человѣкъ ты хорошій, водку бросишь пить...

— Издохни я, матушка, коли ее, поганую, когда въ ротъ возьму,—энергично прервалъ ее больной.

— Вѣрю, другъ мой. Ну, вотъ, видишь: Господь послалъ тебѣ испытаніе; перенеси его безропотно. А женѣ напиши, чтобы знали, что съ тобой. Ты грамотный?

— Нѣтъ, матушка; да и денегъ-то у меня нѣтъ за пошту заплатить.

— Хочешь, голубчикъ, тамъ я напишу за тебя и пошлю?

Digitized by Google

— Заставьте за себя вѣчно Бога молить, отвѣтилъ видимо тронутый мужичокъ.—Да пусть она мнѣ отпишетъ,—добавилъ онъ.

— Хорошо, хорошо, другъ мой. Скажи-же мнѣ, куда писать: какъ называется твоя деревня?—И посѣтительница вынула изъ того-же редикюля, вѣроятно, памятную книжку, въ которую и занесла подробный адресъ крестьянина.—Я сегодня-же напишу. Поправляйся, голубчикъ. Я буду тебя навѣщать. Ну, прощай, Богъ съ тобой... И поправивъ, съ материнскою заботливостью, постель больнаго, посѣтительница подошла къ слѣдующей кровати, около которой стоялъ, охорашиваясь, повидимому совершенно здоровый «больной», воинственный видъ, усы и манеры котораго заставляли безошибочно предполагать въ немъ военнаго.

— Вы г. Бурцевъ?—кротко спросила его посѣтительница.

— Такъ точно, ваше сіятельство,—хриплымъ басомъ отвѣтилъ воинъ.

— Мнѣ передавалъ надзиратель, что вы имѣете ко мнѣ просьбу? Говорите. Очень буду рада, если смогу что нибудь сдѣлать для васъ.

— Я бла-ародный человѣкъ,—началъ воинъ свою рѣчь,—а со мною, вы видите, какъ поступили? Но это ничего... Они всѣ подъ судъ пойдутъ...

— Извините меня,—ласково перебила она его,—я бы собственно хотѣла знать, чѣмъ я именно могу вамъ быть полезна?

— Осмѣлюсь обратиться къ вашему сіятельству съ покорнѣйшей просьбой... Какъ бла-ародный человѣкъ... офицеръ... Я возвращу,—повѣрьте, ваше сіятельство: только временно нахожусь въ такихъ обстоятельствахъ... У меня есть связи, богатые родственники... Послѣ завтра оканчивается срокъ моего ареста... На первое время,—сами знаете,—необходимо имѣть хоть сколько-нибудь денегъ... О, я ихъ возвращу... Не далѣе, какъ черезъ пять дней... Вѣрьте бла-ародному человѣку... хоть десять рублей... я...

— Десять рублей я вамъ не могу дать... Если вамъ угодно, я оставлю въ конторѣ на ваше имя два рубля; можетъ быть, какъ нибудь обойдетесь?

— Я очень благодаренъ вашему сіятельству... какъ бла-ародный человѣкъ... черезъ пять дней... соблаговолите вашъ адресъ...

— Можете прислать въ тюремную контору на мое имя. До свиданія,—торопливо закончила она, замѣтно дѣлая надъ собой усиліе ласково улыбнуться.

Digitized by Google

— Ну, вотъ, вы и здоровы почти!—радостно проговорила она, беря меня за обѣ руки.—Не правда-ли? Вы себя хорошо чувствуете?

— Да, физическій организмъ мой замѣтно возстановляется; къ сожалѣнію, этого-же нельзя сказать о моемъ душевномъ состояніи...

— Я это знаю. Вашъ бредъ, ваши сегодняшнія слезы и отчаянный голосъ, умолявшій кого-то о прощеніи, голосъ—прибавлю—до глубины души тронувшій меня,—достаточно ясно свидѣтельствуютъ о душевныхъ страданіяхъ. Я, конечно, не знаю причинъ, ихъ вызывающихъ,—я и о дѣлѣ-то вашемъ имѣю очень смутное понятіе, почерпнутое изъ нѣсколькихъ словъ здѣшняго смотрителя,—позволю себѣ только высказать вамъ то, что я вынесла изъ долгаго личнаго опыта, и въ цѣлебной силѣ чего я искренно убѣждена. Вѣра и надежда—вотъ единственное, съ чѣмъ невозможно пасть подъ бременемъ душевныхъ страданій, какъ-бы велики они ни были. Согласитесь, можно-ли придти въ отчаяніе, если сильна надежда? И я-бы отъ души желала, чтобы это чувство укрѣпилось въ васъ.

— О нѣтъ, нѣтъ; оно невозможно безъ участія тѣхъ, которыхъ я оскорбилъ; вы не знаете, не можете себѣ представить, какъ велики мои страданія... Да и откуда явится во мнѣ надежда?!.. надежда, которую я ужь давно, много лѣтъ назадъ, безвозвратно потерялъ... не удивляйтесь! когда мнѣ еще было 17—18 лѣтъ... О, мое проклятое прошлое!...—Слезы душили меня, я не могъ говорить.

— Да поможетъ вамъ Господь,—и она молча опустилась на колѣни и предалась горячей молитвѣ.

Женщина эта представлялась мнѣ явленіемъ необычайнымъ. Такъ глубоко проникнуться великой идеей, до такой степени предаться служенію этой идеѣ, мнѣ казалось невозможнымъ, противнымъ природѣ человѣка. Какъ было-бы счастливо человѣчество,—думалъ я, глядя на погруженную въ молитву женщину,—еслибы посреди него такія натуры не были поражающимъ исключеніемъ!... Мысль невольно увлекалась, рисуя заманчивыя картины счастья и довольства такого воображаемаго общества... Мечты мои были прерваны; она поднялась съ колѣнъ и, занявъ свое прежнее мѣсто около меня, нѣкоторое время продолжала безмолвно

Digitized by Google

смотрѣть на меня; наконецъ, взявъ меня за руку, произнесла задушевнымъ голосомъ:

— Вы, кажется, теперь успокоились; могу я предложить вамъ одинъ вопросъ?

— Будьте такъ добры. Мнѣ тѣмъ болѣе пріятно будетъ отвѣчать вамъ, что я уже чувствую благотворное дѣйствіе вашего присутствія и словъ.

— Мнѣ это очень пріятно. Я хотѣла-бы знать: молитесь-ли вы?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я совершенно искренно.

— Но прежде,—вы молились?

— Да; но это не была сознательная молитва.

— Прошу васъ, попробуйте молиться. Вы увидите, какая великая сила кроется въ молитвѣ—она вамъ дастъ и надежду, и терпѣніе, и избавитъ васъ отъ страданій. Вы не будете *безпомощны*. Говоря это, я основываюсь на долголѣтнемъ личномъ опытѣ. Съ того только времени, какъ я научилась молиться, я пріобрѣла спокойствіе. Вы, конечно, понимаете меня: я не говорю о писанной молитвѣ, о молитвѣ, какъ обрядѣ. Я подразумѣваю исключительно молитву *души*, будь она устная, или безмолвная. Горе ваше найдетъ тогда исходъ. Вамъ не будетъ такъ тяжело; у васъ не будетъ безъисходнаго горя, тупаго отчаянія. Что вы мнѣ на это скажете?

— Къ несчастью, я не могу *такъ* молиться; въ этомъ и заключается, можетъ быть, мое главное несчастье.

— Не ваше одно; повѣрьте мнѣ, что въ этомъ заключается несчастье большинства людей. Гдѣ молитва—тамъ надежда; гдѣ надежда—тамъ не можетъ имѣть мѣсто отчаяніе. Что вамъ мѣшаетъ молиться?

— Вѣроятно, тоже самое, что большинству: нетвердая вѣра.

Глубокое страдательное сожалѣніе виднѣлось въ ея взглядѣ, вызванномъ моимъ послѣднимъ отвѣтомъ. Звонокъ къ повѣркѣ прервалъ нашу бесѣду.

— До свиданія!... Да, скажите, пожалуйста, какъ васъ зовутъ?... спросила она меня, готовясь оставить палату.

— Дмитрій Александровичъ.

— До свиданія-же, Дмитрій Александровичъ. Я не имѣю основаній не вѣрить тому, что вы сказали, что вамъ пріятно мое присутствіе. Я получаю, такимъ образомъ, предлогъ часто посѣщать васъ. Мы съ вами еще поговоримъ. Прошу васъ только не

Digitized by Google

предаваться безотраднымъ мыслямъ. Я вамъ оставлю вотъ это Евангеліе. Обѣщайте мнѣ заглянуть въ него, когда вамъ взгрустнется?

— Непремѣнно.

— Господь съ вами!... и крѣпко пожавъ мнѣ руку, посѣти тельница вышла изъ палаты.

Шумъ... говоръ... стукъ... бряцанье сабель... Человѣкъ шесть солдатъ, столько-же тюремныхъ служителей, караульный офицеръ и помощникъ смотрителя вошли въ палату для повѣрки больныхъ арестантовъ. Трудно-больные, разбуженные безполезнымъ, врядъ-ли требуемымъ интересомъ повѣрки, шумомъ,—заметались: кашель, охи, вздохи, плачъ раздались по палатѣ. Все это тѣмъ болѣе поражало, что до того, въ этой палатѣ, назначенной для слабыхъ больныхъ, царствовала совершенная тишина. «Начальство» остановилось у моей кровати.

— А-га! Очнулись!—привѣтствовалъ меня помощникъ смотрителя, маленькій, толстенькій, красненькій человѣчекъ, носъ котораго, своими отличительными, благопріобрѣтенными признаками, достаточно ясно свидѣтельствовалъ о трезвости своего владѣльца.

— Какъ видите,—отвѣтилъ я.

— Чего тутъ видѣть! Такъ не отвѣчаютъ начальнику! Мы васъ заставимъ забыть о княжествѣ!... Ха-ха-ха! Видѣли князя Каракадзе? Онъ самый... Не угодно-ли полюбоваться!... прибавилъ «начальникъ», обращаясь къ караульному офицеру, не переставая залиться грубымъ смѣхомъ.

— Я-бы просилъ васъ, господинъ «начальникъ», оставить меня въ покоѣ, если не изъ уваженія къ себѣ, то хотя изъ вниманія къ моему болѣзненному состоянію, на которомъ ваше издѣванье можетъ очень дурно отозваться, торопливо проговорилъ я, весь трясясь.

— Что-о-о! Эй! записать его! разразилось «начальство».— Какъ вамъ нравится это острожное сіятельство? Гоноръ-то какой, замѣтили? Ну, да мы его выбьемъ!... громко разсуждало оно съ караульнымъ офицеромъ, удаляясь съ своей грозной свитой изъ палаты.

Безпамятство, въ которое я впалъ въ первые часы ареста, избавило меня до сихъ поръ отъ сценъ, подобныхъ только-что

Digitized by Google

описанной. Тѣмъ ужаснѣе подѣйствовала на меня эта *первая* сцена. Страшно дѣлалось при мысли о томъ длинномъ періодѣ времени, который мнѣ придется провести въ полномъ подчиненіи, въ совершенной зависимости отъ *такихъ* тюремныхъ дѣятелей, какъ этотъ помощникъ... Я уже предвидѣлъ ту горькую чашу страданій, которую мнѣ придется испить до дна,—чашу, не имѣющую ничего общаго съ *законнымъ* наказаніемъ... Что дѣлать?.. Гдѣ взять столько терпѣнія?... «*Молитесь, и вы не будете безпомощны*», невольно вспомнились слова доброй женщины. Молиться безъ вѣры... Къ чему поведетъ этотъ родъ лицемѣрія? Страданія до гроба—вотъ мой удѣлъ. Страшное возмездіе за страшное преступленіе... Да и что значатъ мои страданія въ сравненіи съ той мучительной нравственной пыткой, которой я подвергъ несчастную Иву?!... Боже! вынесетъ-ли ея духовный организмъ страшный ударъ, постигшій ея любящее, преданное сердце? Я, ея палачъ... я, который охотно-бы отдалъ жизнь за ея спокойствіе!... Поздно. Мысли, одна другой страшнѣе, долго не оставляли меня, и только далеко за полночь сонъ положилъ конецъ моему мучительному бодрствованію.

Digitized by Google

ГЛАВА III.

ТАМЪ-ЖЕ.

— Наконецъ-то вы проснулись!—воскликнулъ Фокъ, когда я открылъ глаза.—А я вотъ, батюшка, все вожусь съ чаемъ, устраиваю вамъ закуску... Протирайте-ко скорѣй глаза! Смотрите: и масло, и сыръ, и колбаса... Недостаетъ только, чортъ возьми, очищенной!... Ну да погодите, и это достанемъ,—успокоительно прибавилъ Фокъ, наливая мнѣ чай;—были-бы только деньги, а достать все можно.

— Благодарю васъ за любезность; но... какъ вамъ сказать?... я не рѣшаюсь воспользоваться ею...

— Это на счетъ водки-то?!! живо перебилъ меня Фокъ.

— Нѣтъ! водки-то я не пью и вовсе. Я не объ этомъ; а вотъ вы израсходовались для меня: купили масло, колбасу...

— Э, полноте, что за пустяки! да помилуйте, развѣ я не *арестантъ?* спросилъ онъ меня вдругъ полуобидчиво.

— Не въ этомъ дѣло. Но вы, вѣроятно, сами человѣкъ далеко не богатый...

— Ерунда, ерунда!—не далъ онъ мнѣ договорить.—Извольте ѣсть, вотъ и все тутъ! и Фокъ, почти насильно, всунулъ мнѣ въ руки бутербродъ. Минута... и не только этотъ бутербродъ, но и все бывшее на столѣ полетѣло на полъ. Передъ нами, съ поднятыми кулаками и пѣною у рта, стоялъ одинъ изъ надзирателей, наканунѣ сопровождавшихъ помощника смотрителя во-время «повѣрки». Цѣлый потокъ ругательствъ, пересыпаемыхъ полными крайняго цинизма выраженіями, раздавался на всю больницу.

— Это что такое! Трактиръ завели здѣсь, канальи! Сыры, масла всякія!... Ишь, чортъ васъ дери! Вотъ я васъ!... проучу! Ну, что-же ты стоишь? Матрасъ долой!!! И больничный служитель, къ которому относились послѣднія слова, приправленныя

Digitized by Google

подзатыльникомъ, въ одну минуту сбросилъ съ меня одѣяло, простыню, скинулъ подушки, и уже началъ было и меня самого стаскивать, когда я, наконецъ, сдѣлалъ попытку остановить его рвеніе напоминаніемъ о своей слабости, о томъ, что я не могу оставить кровати.

— Стащить! стащить! бѣсновался надзиратель.

Меня стащили и положили—вѣрнѣе сказать, бросили—на холодный полъ. Вышелъ старшій докторъ.—«Вотъ, ваше высокоблагородіе,—подскочилъ къ нему надзиратель,—трактиръ вздумалъ заводить... вчера нагрубилъ господину помощнику, а теперь еще обыскивать не дается»... Тощій матрасъ мой и кровать были, между тѣмъ, тщательно осмотрѣны.

— Ничего нѣтъ,—доложилъ служитель.

— Подотри хорошенько полъ (чайникъ съ чаемъ и стаканы также валялись на полу разбитые), подбери всю эту закуску и снеси въ контору! скомандовалъ надзиратель.

— Положите его скорѣй на кровать... Какъ можно на холодный полъ?... пробормоталъ, наконецъ, докторъ.

— Да что вы, развѣ еще такъ слабы, что не можете сами подняться? раздраженно спросилъ онъ меня, когда служитель поднялъ меня съ полу. Я ничего не отвѣчалъ.

— Сдѣлать ему ванну!... Этимъ и ограничилась для меня докторская визитація. Не успѣлъ еще докторъ обойти остальныхъ больныхъ, какъ изъ сосѣдней палаты послышался отчаянный крикъ. Фельдшера бросились туда; надзирателя и служителя уже не было въ палатѣ.

— Ничего, ваше высокородіе: *балуются*,—смѣясь доложилъ вернувшійся фельдшеръ.

— Какъ балуются? спросилъ докторъ. Въ эту минуту, рыдая, вбѣжалъ въ палату мальчикъ, арестантъ лѣтъ 15-ти. Лицо его подергивало какъ отъ жгучей боли.

— Что ты плачешь?—произнесъ докторъ, не оборачиваясь и продолжая дѣлать отмѣтки въ скорбныхъ листахъ. Мальчикъ раскрылъ халатъ и обнажилъ животъ: большая часть его была въ крови и синебагровыхъ пятнахъ.—Что-жъ ты не отвѣчаешь?»—повторилъ свой вопросъ докторъ, взглянувъ на мальчика, и вслѣдъ затѣмъ равнодушно прибавилъ:—Что это у тебя?

Digitized by Google

— *Банки* ставили... озорничаютъ больно, ваше благородіе... совсѣмъ до смерти было,—всхлипывая и глотая слезы, отвѣтилъ мальчикъ.

— Кто ставилъ? и не дожидаясь отвѣта, обратился къ фельдшерамъ:—Доложить въ контору. Обмыть... Холодный компрессъ... Докторъ оставилъ палату.

Банками, на арестантскомъ языкѣ, называется слѣдующее: обнаживъ жертвѣ животъ, наиболѣе сильный арестантъ засучиваетъ правый рукавъ рубашки повыше локтя и, упершись колѣномъ въ грудь жертвы, начинаетъ всѣми силами тереть сперва ладонью, затѣмъ локтемъ, по животу его, предварительно посыпанному солью. Когда-же все растираемое такимъ образомъ мѣсто настолько воспалится и растрескается, что кровь начнетъ показываться, приступаютъ къ самымъ *банкамъ*. Опуская со всего размаха правую руку, арестантъ, ставящій банки, схватываетъ пальцами наболѣвшее отъ растиранія мѣсто живота и затѣмъ сильнымъ взмахомъ лѣвой руки *подстукаетъ* банку, т. е. ударяетъ по этому мѣсту, которое, вслѣдствіе этого удара, и вырывается изъ пальцевъ правой руки. Это—одна банка. Число ихъ зависитъ или отъ личнаго усмотрѣнія сильнаго, или же отъ рѣшенія ареопага, состоящаго изъ наиболѣе удалыхъ и потому уважаемыхъ арестантовъ. Послѣднее, впрочемъ, бываетъ только въ случаяхъ, гдѣ виновный провинился передъ цѣлой камерой, или учинилъ преступленіе противъ долга *порядочнаго* арестанта: какъ, наприм., учинилъ неважный доносъ, *зажилилъ* или скрылъ *смолку* (табакъ), откуда-либо добытую и проч. За болѣе важныя преступленія виновному ставятъ *мушку, кормятъ узлами, разыгрываютъ въ лотерею*, что въ своемъ мѣстѣ будетъ также подробно объяснено.

— Оказалось, что несчастному мальчику банки поставилъ ни кто иной, какъ Фокъ, и притомъ,—какъ признали единогласно всѣ дѣйствительно и мнимо-больные,—«за дѣло». Извѣстно, что сыръ, масло, колбаса и прочіе, имъ подобные, продукты составляютъ предметы, запрещенные для больныхъ. Отправляясь ко мнѣ съ контрабандой, Фокъ поставилъ мальчика *на стрёму* (сторожить). Однако, надзиратель съумѣлъ такъ подкрасться, что мальчикъ замѣтилъ его ужь слишкомъ поздно. И вотъ, Фокъ, лишь только контрабанда полетѣла на полъ, пользуясь тѣмъ, что надзиратель все свое вниманіе почему-то устремилъ на меня,

Digitized by Google

незамѣтно выскользнулъ изъ палаты для учиненія расправы съ *плошкой* (оплошавшій). Поступокъ мальчика былъ признанъ достойнымъ 15 банокъ.

— Помилуйте, не простить-же ему!—оправдывался предо мной Фокъ, послѣ того, какъ я поставилъ ему на видъ жестокость и безцѣльность его поступка. — Форточникъ, каналья, и вдругъ прозѣвалъ *паука* [1])! Теперь, вотъ, по его милости, мы безъ закуски. Нѣтъ, по нашему, по арестантски, если ужъ сталъ на стрёму, такъ и смотри!... А что этому каракатицѣ, надзирателю, накроютъ *темную*... за это я вамъ также ручаюсь.

— То-есть, какъ темную?—полюбопытствовалъ я.

— Вы и не знаете, что такое темная? Э, да плохой-же вы, послѣ этого, арестантъ... а еще второй разъ сидите! *Темная*, это, батюшка, вотъ что: нѣсколько человѣкъ неожиданно набрасываютъ на подлеца одѣяло или халатъ, и, застраховавъ себя, такимъ образомъ, отъ возможности быть узнанными, бьютъ негодяя сколько душѣ угодно. Поди потомъ, узнавай: кто колотилъ! Былъ у насъ тутъ недавно служитель, такая тоже *патока* [2]), что просто, бывало, никакая стрёма не помогаетъ. Такъ, вотъ, какъ уговорились мы, человѣкъ десять, накрыли ему темную, такъ на другой день самъ ушелъ изъ тюрьмы.

— Бить человѣка за то, что онъ исполняетъ свою обязанность... какъ хотите, а это, мнѣ кажется, не можетъ рекомендовать даже съ арестантской точки зрѣнія. Дѣло другое—притѣсняетъ, придирается, или, вотъ, какъ сегодняшній надзиратель, который, вмѣсто того, чтобы исполнить только свою обязанность,—отобрать запрещенное,—раскидалъ, разбросалъ все, поднялъ шумъ...

— А вы знаете, почему онъ это сдѣлалъ? перебилъ меня Фокъ.—Я вамъ сейчасъ скажу: мы вчера сговорились ничего не доставать черезъ этого надзирателя, потому что, за чѣмъ ни пошли, мало того, что купитъ меньше и хуже, навретъ цѣну, возьметъ столько-же *за труды*, такъ еще сдачи никогда не приноситъ. А то случалось: самъ-же набьется *смолкой* или *гамыркой* [3]), возьметъ деньги, анъ смотришь и ничего не получишь, да и денегъ спросить

---

[1]) Городовой, тюремный надзиратель.
[2]) Придирчивый, ретивый.
[3]) Водка.

Digitized by Google

не смѣй. Мы къ себѣ и пріучили тутъ служителя, *форшовый* [1]) такой... онъ-то и купилъ мнѣ сыръ, масло, всякую штуку, да еще *гамырки буснутъ* [2]) хотѣлъ принести; а тотъ *патока*, должно быть, слѣдилъ: на, дескать, покажу я вамъ, какъ помимо меня доставать! Только ему это не пройдетъ даромъ,—увѣренно кончилъ Фокъ.

— Ну, а намъ это пройдетъ даромъ? спросилъ я его.

— Мнѣ-то ничего не будетъ. Я знаю, что онъ и не заикнется обо мнѣ. А, вотъ, вамъ досталось-бы, еслибы вы немного покрѣпче были: пришлось-бы переѣхать къ *Капотину на дачу*.

— Къ кому?

— Къ Капотину. Это, знаете, карцеръ такъ называется. А всѣми карцерами завѣдуетъ паукъ Капотинъ. Ахъ, каналья какая, еслибы вы знали!... Однако, что-же я тутъ болтаю, вы, небось, чаю хотите? Мы сейчасъ достанемъ,—и Фокъ ужь было бросился доставать.

— Пожалуйста, не доставайте; увѣряю васъ, что я вовсе не хочу пить. Право, я и такъ вамъ очень благодаренъ.

— А гамырки буснете? Это васъ подкрѣпитъ. Пойду-ка посмотрю: не готово-ли?

— Нѣтъ, нѣтъ, прошу васъ, я ужь вамъ, кажется, говорилъ, что не пью водки.

— Какой-же вы трусъ, батюшка! да не бойтесь,—успокоивалъ онъ меня,—такъ буснемъ, что никто не замѣтитъ... Ужь я вамъ ручаюсь.

— Увѣряю васъ, что я не пью.

— Ерунда, ваше сіятельство! и Фокъ, замахавъ руками, отправился доставать.

Это, ничѣмъ, повидимому, не вызванное расположеніе ко мнѣ Фока не могло, конечно, быть слѣдствіемъ сочувствія къ моему бѣдственному положенію. Странно было-бы подозрѣвать что-либо подобное въ человѣкѣ, не задумавшемся сознательно, съ полною увѣренностью въ своей правотѣ, произвести жестокое истязаніе надъ бѣднымъ мальчикомъ за его мнимую вину. Того *поверхностнаго* знакомства съ тюремнымъ міромъ, которое я вынесъ изъ моего прежняго ареста, было, однакожь, достаточно для безошибочнаго объясненія этой готовности услужить, помочь, которую

[1]) На всѣ руки.
[2]) Выпить водки.

Digitized by Google

выказывалъ мнѣ Фонъ. Я назвалъ свое знакомство съ тюрьмой *поверхностнымъ*: инымъ оно и быть не могло. Разумѣется, я зналъ тюрьму гораздо больше, чѣмъ любой изъ такъ называемыхъ «тюремныхъ дѣятелей», зналъ тѣ стороны тюремной жизни, которыя ускользаютъ отъ вниманія самаго добросовѣстнаго изслѣдователя тюремнаго дѣла; но все это далеко еще не можетъ быть названо *дѣйствительнымъ* знаніемъ тюрьмы, этой громадной, страшной школы, въ которой воспитывается и перевоспитывается масса людей всѣхъ возрастовъ и состояній. *Дѣйствительно* узнать тюрьму, во время моего перваго ареста, я не могъ уже потому, во-первыхъ, что былъ слишкомъ молодъ и, во-вторыхъ, совершенно не имѣлъ за собою нетолько серьезныхъ знаній, безъ чего невозможна правильная оцѣнка даже самыхъ незначительныхъ жизненныхъ явленій, но и опыта. Знакомясь, въ качествѣ туриста, съ тюрьмами запада, я то и дѣло натыкался на такія явленія, которыя *прежде* ускользали отъ моего неопытнаго вниманія; между тѣмъ, какъ *прежде* я былъ непосредственно-дѣйствующимъ лицомъ, а во время посѣщенія заграничныхъ тюремъ—частнымъ наблюдателемъ. Но какъ ни незначительно было мое знакомство съ «тюрьмою», такое явленіе, какъ поведеніе Фока относительно меня, не могло затруднить меня своимъ объясненіемъ. Фокъ—сынъ тюрьмы. Тюрьма, это—школа, въ которой онъ дѣйствительно получилъ воспитаніе. Удачное, выходящее изъ ряда, преступленіе, замысловатый, эффектный обманъ, хорошо задуманное и тщательно выполненное мошенничество,—передъ всѣмъ этимъ онъ благоговѣетъ, преклоняется. Ничего нѣтъ мудренаго, поэтому, если онъ, для котораго лучшая похвала—несомнѣнно названіе: «*настоящій* арестантъ», рѣшился заискивать у знаменитаго мошенника, восхищенія подвигами котораго онъ не могъ скрыть при первомъ знакомствѣ. Одно ужь то, что я не выказалъ охоты болтать ему объ этихъ подвигахъ, уклонился отъ болѣе подробныхъ отвѣтовъ на его вопросы о моихъ женитьбахъ и проч., на ряду съ тѣмъ, что ему было извѣстно изъ тюремной молвы обо мнѣ, молвы, большею частью берущей начало изъ оффиціальнаго источника: изъ словъ смотрителя, его помощниковъ, докторовъ, писарей и фельдшеровъ, словъ, случайно подслушанныхъ, подхваченныхъ кѣмъ-либо изъ арестантовъ на ходу, въ конторѣ, кухнѣ, караул-

Digitized by Google

номъ домѣ, цейхгаузѣ и въ прочихъ мѣстахъ, куда только арестантъ имѣетъ входъ,—служило для Фока лучшей приманкой.

Натура моя не поддавалась болѣзненной сосредоточенности. Какъ ни велико было мое горе, оно, однакожь, было безсильно совершенно овладѣть моимъ духовнымъ организмомъ. Не смотря на глубокую внутреннюю тоску, я не могъ порой не интересоваться живо окружающимъ меня, той новой обстановкой, въ которой я теперь очутился. Этотъ интересъ доставлялъ мнѣ временное забвеніе моего несчастья и, такимъ образомъ, какъ-бы подкрѣплялъ меня. Къ сожалѣнію, то, что меня интересовало, представляло иногда моему взору такія картины, которыя нетолько вызывали меня изъ забытья, но еще усугубляли мои душевныя страданія. Такія сцены, какъ объясненіе помощника смотрителя, поступокъ надзирателя, возмутительное равнодушіе доктора къ тому, что составляло его святую обязанность, несомнѣнно прилично оплачиваемую правительствомъ, не могли не потрясти меня. Помимо этого, что душа вообще возмущалась этимъ, какъ въ высшей степени преступнымъ зломъ, направленнымъ противъ слабаго, во мнѣ не могли не быть вызваны опасенія за самого себя. Только двое сутокъ, какъ я пришелъ въ сознаніе, и въ такое короткое время я уже былъ свидѣтелемъ—нѣтъ, дѣйствующимъ лицомъ—въ столькихъ печальныхъ сценахъ! Чего-же ждать отъ будущаго? отъ тѣхъ многихъ не дней, а мѣсяцевъ и, можетъ быть, годовъ, которые мнѣ придется провести въ заключеніи? Но нѣтъ,—утѣшалъ я себя,—то, что я вижу,—явленіе, конечно, далеко не общее; при томъ-же, застраховать себя отъ всего подобнаго несомнѣнно возможно: законная, справедливая жалоба кому слѣдуетъ, и я буду огражденъ отъ противузаконнаго. Послѣдняя мысль меня совершенно успокоивала, и вниманіе мое вновь отвлекалось окружавшею меня оригинальною жизнью.

Фокъ добылъ-таки гамырки. Поставивъ должную стрёму, онъ счелъ нужнымъ, прежде, нежели буснуть, познакомить со мной своего собутыльника, Бурцева, того самаго благороднаго человѣка, который собирался «всѣхъ подъ судъ отдать».

— Отличный человѣкъ, князь! Одно слово—военный!... Не любитъ полиціи потачки давать,—рекомендовалъ мнѣ Фокъ Бурцева.

Digitized by Google

— Да, признаюсь,—хвастливо заговорилъ грубымъ голосомъ Бурцевъ, — доставалось ей отъ меня! Да вотъ не угодно-ли, я вамъ разскажу одинъ эпизодъ? и Бурцевъ усѣлся на моей кровати.

— Постой! Эпизоды послѣ; а теперь давайте-ка буснемъ,—и Фокъ поднесъ мнѣ одну изъ наполненныхъ водкой чайныхъ кружекъ.

— Я пить не стану,—рѣшительно заявилъ я.

— Ну, ужь это напрасно, князь! вмѣшался Бурцевъ,—знаете: «Богъ вино намъ далъ на радость»... Грѣшно, грѣшно не пить эту драгоцѣнную влагу... вѣрьте бла-ародному человѣку...

— Къ чорту разсужденія! перебилъ его Фокъ, продолжая держать у моего рта кружку съ драгоцѣнной влагой.—Пейте, князь!

— Не настаивайте: это безполезно.

— Это ваше послѣднее слово? — удивленно спросилъ меня Фокъ.

— Да, послѣднее. И такъ какъ, предлагая мнѣ пить, вы несомнѣнно разсчитываете доставить мнѣ *удовольствіе*, то я говорю вамъ, что не терплю водки. Употребивъ усиліе надъ собой, я бы могъ, конечно, выпить эту кружку; но тогда, вмѣсто ожидаемаго удовольствія, получится совершенно обратное.

— Ну, извините-съ: *квасомъ* [1]) мы васъ угостить не можемъ. Хватите-ка, Бурцевъ, по *арестантски!*

— Хватить могу, только не по арестантски, какъ вы говорите, а по офицерски. Какъ бла-ародный человѣкъ...

— Чортъ съ вами, съ вашимъ благородствомъ! За ваше здоровье, князь! и Фокъ живо опорожнилъ чайную кружку водки довольно почтенныхъ размѣровъ. Бурцевъ не заставилъ себя просить и, въ свою очередь, также скоро раздѣлался съ своей кружкой. Моя-же порція водки была отдана тѣмъ, которые стояли на стрѣмѣ.

— По моему мнѣнію, съ которымъ, надѣюсь, согласится и нашъ пріятель Фокъ,—началъ глубокомысленно Бурцевъ,—тотъ, кто не пьетъ водки, добровольно лишаетъ себя одного изъ благъ жизни. Для меня жизнь безъ водки не имѣетъ смысла. Помилуйте, князь!—продолжалъ онъ, все болѣе и болѣе приходя въ экстазъ,—

---

[1]) Виноградное вино.

Digitized by Google

непьющій мужчина развѣ не та-же баба? да я вамъ про себя скажу... Какъ бла-ародный человѣкъ... Когда я не выпью, я стыжусь самого себя; нѣтъ, знаете, той энергіи, бодрости...

— Ну, это само собой разумѣется, энергіи больше: какъ выпьешь, такъ сейчасъ въ морду кому нибудь закатишь, вставилъ Фокъ.

— Да, ужь тогда только держись: ни одна каналья не сорвется! произнесъ Бурцевъ, принимая побѣдоносный видъ.—Ужь меня знаютъ: кого хотите спросите про Бурцева, всякій вамъ скажетъ... какъ бла-ародный человѣкъ... Ну, у меня, знаете, связи, знакомства, полиціи-то со мной и не сподручно бороться. Вы не смотрите, что я въ тюрьмѣ... Какъ бла-ародный человѣкъ, офицеръ... *они* всѣ тутъ сами будутъ сидѣть. Дайте только Бурцеву выйти изъ тюрьмы... Мерр-зав-цы! Знаете вы, за какую пустяковину меня, бла-ароднаго человѣка, въ тюрьму засадили?

— Любопытно знать.

— Повѣсить каналій мало! Ну, посудите сами: шелъ я по проспекту; за галстухомъ, какъ водится, было изрядно. Встрѣчаю бабенку; предлагаю свои услуги проводить... знаете, вѣжливо, какъ бла-ародный человѣкъ. Что-жь вы думаете, каналья,—чортъ ее знаетъ, съ ума, что-ли, сошла,—только взяла, да, ни съ того, ни съ сего, плюнула мнѣ въ лицо. Ну, натурально, какъ бла-ародный человѣкъ, я сейчасъ ее по мордасамъ—разъ, два и три. Городовые, околодочный явились. «Пожалуйте, говорятъ, въ участокъ». Зачѣмъ? «Тамъ, говорятъ, узнаете». Нѣтъ, говорю, дудки! Я бла-ародный человѣкъ, и въ участокъ тащить себя, какъ мужика какого-нибудь, не позволю! Пусть приставъ явится, тогда дѣло другое. «Пожалуйте; а не пойдете, такъ поведутъ». Поведутъ?—говорю, да хвать его въ морду, этого солдапятину околодочнаго! Не могу, знаете: дерзостей не терплю. Ну, потомъ и поѣхалъ въ участокъ. Явился приставъ, давай протоколъ строчить; а я курю себѣ сигару, да посмѣиваюсь. Приставъ разъ, другой на меня взглянулъ; а я все курю, да смѣюсь. «Строчи, молъ, сколько угодно: это для насъ наплевать». «Не угодно-ли вамъ потушить сигару,—вдругъ обратился ко мнѣ приставъ,—и прошу, говоритъ, во время составленія протокола, держать себя приличнѣе». Это какой-нибудь полицейскій смѣетъ мнѣ говорить,

Digitized by Google

бла-ародному человѣку, отставному штабсъ-капитану!!... Потушить сигару? Изволь!—да и сунь ему сигару зажженнымъ, знаете, концомъ въ носъ: потушить, знаете, хотѣлъ объ носъ. Вотъ и все. Ну, тутъ, знаете, цѣлая исторія вышла: къ слѣдователю, въ судъ... Лапотники бла-ароднаго человѣка судятъ... Ну, и присудили въ тюрьму. Да нѣтъ, съ ними такъ не раздѣлаешься...

— Это что!—перебилъ его Фокъ.—А князь такъ эту самую полицію заставлялъ шинель съ себя снимать... Во-отъ какъ, батюшка! Фельдшеръ въ газетахъ читалъ, говоритъ, что князь всю вѣнскую полицію,—а тамъ знаете, какая полиція, не то, что у насъ,—все образованные люди,—и самого директора—оберъ-полиціймейстеръ по нашему—на ноги поднялъ, заставилъ искать то, чего у него никогда не было... Голубчикъ, князь! разскажите... умолялъ онъ меня.

— Вы напрасно меня называете княземъ: вы-же знаете, что я не князь,—замѣтилъ я Фоку,—разсказать-же вамъ я готовъ все, что угодно, только не подробности моего дѣла.

— Отчего, отчего-же? Голубчикъ! Прошу васъ!—приставалъ ко мнѣ Фокъ,—ну, разскажите, какъ вы женились, на первой... на княжнѣ, что-ли, какъ ее?

— Пожалуйста, Фокъ, оставьте. Подождите; когда поправлюсь, можетъ быть, все разскажу вамъ.

— Вы не бойтесь, поспѣшилъ онъ успокоить меня:—никому, ни-ни! Я, знаете, *арестантъ*, и умѣю держать языкъ за зубами. Такъ вы мнѣ все разскажете?

— Разскажу.

Тутъ подошелъ къ намъ старшій фельдшеръ, щеголеватый малый лѣтъ 25. Платье, кольца на рукахъ, золотая цѣпочка у часовъ, золотыя очки, все это, конечно, свидѣтельствовало о достаткѣ.

— Здравствуйте, господа!—вѣжливо привѣтствовалъ онъ насъ.— Ну-съ, Константинъ Николаевичъ,—обратился онъ, улыбаясь, къ Фоку.—Что-то мы завтра придумаемъ съ вами доктору сказать? Того гляди, что *выкатитъ* [1]).

— Меня-то! Ну-съ, вы ошибаетесь! Мы ему къ завтраму такую штуку выкинемъ, что онъ только удивится.

---

[1]) Выпишетъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, нѣтъ, ужь вы послушайте меня, Константинъ Николаевичъ: не выкидывайте никакихъ штукъ. Вѣдь я знаю: опять наколы, опухоль, краснота... Все это такъ часто практикуется у насъ *татебными* [1]), что старшій докторъ догадался и въ послѣдній разъ одного къ Капотину отправилъ... Нѣтъ, ужь вы знайте свой кашель и грудную боль; а я ужь доложу, что вы ночью спокою не даете: все припадки кашля... Такъ-то лучше, кажется, будетъ?

— Ну, дѣлайте, какъ знаете, — согласился Фокъ; — вѣдь, по настоящему, это ваше дѣло и есть; а ужь мы съ вами сочтемся...

— А вы какъ, князь,—поправляетесь?

— Да, понемногу.

— У васъ долженъ быть теперь аппетитъ: не хотите-ли, мы вамъ котлету выпишемъ или курицу?

— Отчего-же, если докторъ назначитъ, я буду очень благодаренъ...

— Нѣтъ, ужь докторъ-то вамъ не назначитъ; это, если угодно, я ужь отъ себя.

— Вотъ нашъ докторъ! и Фокъ дружески хлопнулъ по плечу фельдшера,—чего тутъ толковать: котлету или курицу хотите?

— Ну, ладно. Завтра вы получите то и другое. На пару словъ, Константинъ Николаевичъ!—и фельдшеръ увлекъ за собою Фока въ слѣдующую палату.

— Бестія, я вамъ скажу, этотъ фельдшеръ!—заговорилъ мой оставшійся гость.—Съ живаго и съ мертваго! Ну, за то, у него нѣтъ ничего невозможнаго. Видѣли, какъ онъ къ вамъ ловко подъѣхалъ! *Трешницу* приготовляйте.

— Ну, а если онъ ошибается: если мнѣ не откуда взять ему трешницу? спросилъ я Бурцева.

— Не безпокойтесь,—ужь онъ лучше вашего знаетъ, что съ васъ можно взять.

— Да нѣтъ-же у меня ни гроша денегъ!

---

[1]) Одно изъ тѣремныхъ отдѣленій называется «татебнымъ»: тамъ содержатся бродяги и обвиняемые въ преступленіяхъ, влекущихъ за собой ссылку въ Сибирь, въ каторгу. Отдѣленіе всегда заперто, и арестанты ни на прогулку, ни на работу, никуда изъ камеръ не выводятся.

Digitized by Google

— Я все устроилъ, князь!—радостно объявилъ вернувшійся Фокъ.—Вы будете получать куриный супъ, котлету, а если захотите, то и квасъ будетъ; что вы больше любите: мадеру, хересъ, лафитъ?

— Вы меня крайне удивляете: г. Бурцевъ только что сказалъ мнѣ, что все, что только этотъ почтенный фельдшеръ сдѣлаетъ, стоитъ денегъ; а у меня — нужно вамъ знать — нѣтъ ни гроша.

— Вамъ необходима *сара?* [1]).

— Мало-ли что необходимо...

— Позвольте. Въ конторѣ хранятся ваши *бока съ паутиной* [2]) и еще что-то, что было при васъ, когда васъ привезли сюда; да и сары, кажется, сколько-то тамъ было. Гулькевичъ (фамилія фельдшера) все разузналъ. Если хотите, онъ продастъ ваши бока? Не безпокойтесь, онъ все сдѣлаетъ. Вещи ваши въ книгу не записаны, принималъ васъ помощникъ,—скажите только, согласны-ли вы?

— Пожалуй,—отвѣтилъ я,—скажите только, пожалуйста, какъ это онъ все тутъ устраиваетъ? Ну, вотъ, порціи, напримѣръ...

— А очень просто, — смѣясь отвѣтилъ мнѣ Фокъ, — взялъ, въ вѣдомостичку поставилъ лишнихъ 5 — 10 порцій, и готово дѣло. По листкамъ никогда не провѣряютъ. А то, вотъ, еще лучше. Три недѣли тому назадъ, докторъ назначилъ вонъ тому мужику (онъ указалъ при этомъ на трудно-больнаго крестьянина, разсказъ котораго я приводилъ) куриный супъ. Ну и посудите сами: куда ему? онъ отъ роду его не ѣдалъ! Я къ Гулькевичу; ну, вотъ, съ тѣхъ поръ, я получаю его порцію. Онъ, бѣдняга, и не знаетъ, что я, за его здоровье, каждый день изволю курицу ѣсть! ха-ха-ха... Жаль только, что поправляется: чего добраго, докторъ вымараетъ въ листкѣ курицу. Да ничего: другого найдемъ...

— Давно здѣсь служитъ этотъ Гулькевичъ?

— Да ужь лѣтъ пять. Пришелъ сюда въ опоркахъ, оборванный, грязный такой... Ну, а теперь, мо-ое почтеніе!... многозначительно произнесъ Фокъ...

---

[1]) Деньги.

[2]) Часы съ цѣпочкой.

Digitized by Google

— Сколько онъ получаетъ жалованья?

— Да что жалованье! жалованья-то всего 15 рублей въ мѣсяцъ; а въ карманъ-то попадетъ 200, а то и больше.

— Ну, ужь будто-бы такъ много?

— Э, батюшка, вы еще не знаете, что тутъ дѣлается! Гулькевичъ знаетъ свое дѣло. Да вотъ, тутъ лежалъ одинъ богатый еврей, купецъ Полкенштейнъ; такъ отъ него, отъ одного, сколько перевалило! Вотъ жилъ-то, я вамъ скажу, здѣсь: словно дома! Да что Гулькевичъ! и повыше его, всѣ увивались около этого жида. Я вамъ какъ-нибудь разскажу про него... Ужь обѣдъ разносятъ. Нужно пойти передъ обѣдомъ-то царапнуть. Пойдемъ-ка, Бурцевъ!

Два служителя внесли въ палату большой ушатъ. «Миски сюда! вторая порція! не зѣвать!»—раздалось по палатѣ. Выздоравливающіе и мнимо-больные бросились съ мисками къ ушату. Наполнивъ свои миски, эти-же больные позаботились о слабыхъ, наполнивъ также и ихъ миски супомъ. На 1-й порціи въ палатѣ былъ только одинъ Бурцевъ; ему принесъ особый служитель щи, кашу и довольно большой кусокъ говядины. Хлѣбъ раньше раздавали: состоящимъ на 1-й порціи— 2 фунта чернаго, на 2-й—булку и на 3-й — двухкопѣечный розанчикъ. — Наконецъ, раздалось: «3-я порція! Овсянка! Не зѣвать!» Трудно-больному крестьянину, у котораго въ листкѣ значилось: «курица», подали овсянку. Я также получилъ миску съ овсянкой; впрочемъ, еслибъ я самъ не позаботился о себѣ, и не попросилъ своего сосѣда, мальчика-арестанта, налить мнѣ овсянки,—я, навѣрное, остался бы безо всего. Служители только стояли у ушата и разливали въ подносимыя миски. Никакого надзора, контроля, никакой заботы о слабыхъ больныхъ, изъ которыхъ многіе не въ состояніи приподняться, не только принимать пищу безъ посторонней помощи... Черезъ полчаса, тѣ-же служители обошли палату, обобрали миски, ложки и оставшійся хлѣбъ... Обѣдъ кончился. Въ палатѣ настала тишина; всѣ предались послѣобѣденному сну. Въ головѣ моей царствовалъ невообразимый хаосъ: все, что я видѣлъ и слышалъ въ этотъ день, было для меня такъ ново, такъ дико, такъ оригинально, что мнѣ трудно было совладѣть съ своими мыслями, дать имъ правильный ходъ, сосредоточить ихъ на чемъ-нибудь. Тщетно я старался придти къ какому-нибудь выводу, болѣе или

Digitized by Google

менѣе вѣрному, правильно формулированному заключенію,—ничто не выходило. Въ итогѣ получалось одно только общее, безотчетное, такъ сказать, инстинктивное впечатлѣніе грусти и глубокой тоски. Изъ груди то и дѣло вырывался глубокій вздохъ, а порой и слезы навертывались на глазахъ... Вотъ явился младшій фельдшеръ раздавать больнымъ лекарства: опять полное пренебреженіе къ однимъ, хотя и трудно-больнымъ, и вниманіе къ подобнымъ Фоку и Бурцеву.

— Тебѣ что докторъ назначилъ?

— Не знаю, батюшка.

— Чортъ васъ знаетъ! запутаешься съ вами... Ну, держи ротъ! больше разѣвай, не раздерешь! и фельдшеръ, не справляясь въ скорбномъ листѣ, льетъ прямо въ ротъ больнаго множество капель,—очевидно наугадъ.

— Ну, не вертись!—говоритъ онъ другому, дѣлая ему наскоро перевязку.—Такъ двину, что и своихъ не узнаешь!

— Гришка!—зоветъ онъ, наконецъ, мальчика-арестанта,—возьми-ка, раздай лекарства: помнишь, кому что вчера давалъ, то и сегодня поставь. Ну, живѣй!

— А вы, г. Бурцевъ, не хотите-ли, можетъ быть, въ ванну? спрашиваетъ онъ, совершенно другимъ голосомъ, благороднаго человѣка.

— Да, думаю въ ванну.

— Тепловатую, этакъ, градусовъ въ 27? не хотите-ли папиросу?

Является Фокъ. Начинаются смѣхъ, грубыя остроты... Черезъ нѣсколько минутъ, почтенное trio, съ Фокомъ во-главѣ, сидитъ ужь у меня на кровати. Грубымъ шуткамъ, полнымъ цинизма разсказамъ не предвидится конца. Приходъ графини Галенъ,— такъ звали добрую женщину, посѣщавшую теремную больницу,— избавилъ меня, наконецъ, отъ бесѣды моихъ гостей.

— Боюсь, что помѣшала вамъ? — сказала она по уходѣ ихъ отъ меня.

— Напротивъ, ваше присутствіе какъ нельзя болѣе кстати. Я не зналъ, какъ избавить себя отъ моихъ гостей, которые уже успѣли мнѣ порядочно надоѣсть.

— Ну, какъ ваши силы—укрѣпляются?

Digitized by Google

— Да, я чувствую, что выздоравливаю, что меня отчасти и удивляетъ, потому что здѣшнія условія содержанія и леченія далеко не способствуютъ этому.

— Какія-же условія? развѣ такъ дурно лечатъ?

Въ возможно короткихъ словахъ, я передалъ ей все пережитое и перечувствованное въ теченіи сутокъ. Во все время разсказа она не сводила съ меня глазъ. Когда я кончилъ, изъ груди ея вырвался глубокій вздохъ.

— Все это, дѣйствительно, ужасно, — согласилась она, — эти люди жалки, не правда-ли? и долгъ нашъ молиться за нихъ.

— Но въ рукахъ этихъ жалкихъ людей нравственная жизнь многихъ сотенъ существъ?

— Во всякомъ случаѣ, повѣрьте, что они ужъ не такъ дурны, какъ вамъ кажется. Если попристальнѣе вглядѣться въ нихъ, мы, можетъ быть, увидимъ, что въ нихъ есть и не мало хорошаго, и ужъ навѣрное найдутся смягчающія обстоятельства. Извините меня: ваше воображеніе, — сами вы это не можете замѣтить,— преувеличиваетъ дѣйствительно существующую долю зла. Ваше положеніе не можетъ способствовать совершенно безпристрастному о нихъ сужденію....

— Но я вамъ передаю факты,—горячился я.

— Успокойтесь, Дмитрій Александровичъ, — зачѣмъ вы такъ волнуетесь? Мнѣ кажется, что вамъ необходимо какъ можно меньше обращать вниманія на то, что вокругъ васъ, въ тюрьмѣ, дѣлается. Къ чему прибавлять къ своимъ страданіямъ новыя?

— Вы мнѣ совѣтуете уйти въ самого себя; но, во-первыхъ, это противно моей натурѣ: я не могу весь беззавѣтно, *на долго* отдаться своему горю, и, во-вторыхъ, если-бы я и могъ, то окончательно палъ-бы подъ этимъ горемъ. Къ тому-же, родъ этого горя таковъ, что я страшусь, боюсь на немъ сосредоточиться. Помимо тѣхъ мучительныхъ душевныхъ страданій, которыя оно вызываетъ во мнѣ, когда моя мысль останавливается на немъ, я боюсь еще съ ума сойти... Ахъ, графиня! Вы не знаете, что лежитъ на моей совѣсти... И, кто знаетъ? сидѣли-ли бы вы еще такъ около меня, если-бы все знали? Сказавъ это, я опустилъ голову. Достаточно было всколзь коснуться моего несчастія, какъ, мало по малу, всѣ мысли мои переходили на него. Я тутъ-же забывалъ все и предавался безотраднымъ, мучительнымъ воспоминаніямъ,

Digitized by Google

одно изъ которыхъ—преступленіе противъ Ивы—убійственно дѣйствовало на меня: оно вызывало ненависть къ самому себѣ. Угадывая, что происходитъ въ моей душѣ, графиня необыкновенно ласково произнесла:

— Дмитрій Александровичъ! Вы обѣщали мнѣ заглянуть въ Евангеліе, когда вамъ взгрустнется. Я вижу, что послѣднія слова ваши вызвали въ васъ тяжелыя воспоминанія и что въ эту минуту вы очень страдаете. Человѣческое утѣшеніе тутъ безсильно; только Слово Божіе можетъ доставить миръ вашей душѣ... и графиня, съ сильнымъ чувствомъ, благоговѣйно прочла нѣсколько мѣстъ изъ Св. Евангелія. Чувство, убѣжденіе, слышавшееся въ каждомъ ея словѣ, отвлекло вскорѣ мое вниманіе и, слѣдовательно, разсѣяло тѣ мрачныя воспоминанія. Ясно, что я—такъ сказать—человѣкъ минуты. Я весь отдаюсь извѣстному впечатлѣнію, пока, въ свою очередь, другое, вызванное минутой, впечатлѣніе не замѣнитъ его. Я завидовалъ этому убѣжденію, чувству, которое я не могъ, а между тѣмъ такъ хотѣлъ вызвать въ себѣ. Какъ-бы то ни было, чтеніе графини произвело на меня врачующее дѣйствіе. Я далъ себѣ слово серьезно позаботиться о пріобрѣтеніи, путемъ здраваго размышленія, «вѣры»,—сокровища, о которомъ я, благодаря самовоспитанію, до сихъ поръ совершенно не заботился.

Въ палату вошелъ смотритель, плотный, небольшаго роста, капитанъ, лицо котораго носило слѣды болѣзни.

— Вашему сіятельству мое почтеніе! развязно здоровался онъ съ графиней.—Ахъ, это вы съ г. Карасевымъ бесѣдуете? Ну, что? поправляетесь? спросилъ онъ меня.

— Кажется,—отвѣтилъ я.

— Поправляйтесь, поправляйтесь, а то ужь долго очень залежались.—Вѣдь старый знакомый!—обратился онъ къ графинѣ.—Я, признаюсь, не думалъ, чтобы г. Карасевъ вернулся въ тюрьму.

— Ахъ, Иванъ Алексѣевичъ! подождемте произносить свой судъ. Кто знаетъ, какія обстоятельства заставили его вновь впасть въ преступленіе, и какъ долго онъ, можетъ быть, тщетно боролся съ нимъ? Я привыкла вѣрить своему внутреннему чувству, и, относительно Дмитрія Александровича, я почему-то убѣждена, что онъ не преступникъ въ правильномъ смыслѣ этого слова, т. е., я хочу сказать: злая воля и дурные инстинкты не играли роли въ его преступленіи....

Digitized by Google

— Ну, ужь вы, ваше сіятельство, готовы всѣхъ оправдывать,— смѣясь возразилъ смотритель. — Впрочемъ, я и самъ, насколько знакомъ съ дѣломъ г. Карасева изъ газетныхъ и другихъ извѣстій, не ставлю его на одну доску съ другими арестантами. Ахъ, виноватъ-съ! — спохватился смотритель,—я и забылъ: васъ просятъ на женское отдѣленіе. Не пожалуете-ли вмѣстѣ? Я туда-же.

— До свиданія, Дмитрій Александровичъ. Въ слѣдующій разъ надѣюсь дольше посидѣть у васъ. А относительно этихъ маленькихъ непріятностей, не безпокойтесь: Иванъ Алексѣевичъ человѣкъ добрый.... Я его попрошу.

— Что такое? Что прикажете, ваше сіятельство?

— До свиданія-же! и, крѣпко пожавъ мнѣ руку, графиня удалилась вмѣстѣ съ смотрителемъ.

Въ шесть часовъ, опять показались въ палатѣ тѣ-же два служителя съ ушатомъ. Соблюдая тотъ-же порядокъ — не вѣрнѣе-ли будетъ сказать: безпорядокъ? — что и за обѣдомъ, больнымъ роздали ужинъ: тотъ-же супъ, только безъ говядины, и овсянка; послѣдней, впрочемъ, почти никто не бралъ. Послѣ ужина, Фокъ вновь явился ко мнѣ съ контрабандой. Я не находилъ болѣе нужнымъ отказываться отъ предлагаемой имъ закуски. Фокъ сообщилъ мнѣ, что часы уже взяты Гулькевичемъ, который сегодня-же продастъ ихъ, и что, стало быть, *сары* будетъ довольно. Въ восемь часовъ звонокъ; тотъ-же стукъ, шумъ, бряцанье сабель, что и вчера, тѣ-же послѣдствія: охи, вздохи... Повѣрка. Опять остановка у моей кровати. Къ счастью, повѣрку производилъ *младшій* помощникъ смотрителя, молодой симпатичный офицеръ съ необыкновенно добродушнымъ лицомъ.

— Здравствуйте, г. Карасевъ! У васъ отобраны сегодня съѣстные припасы. Въ больницѣ нельзя имѣть ничего подобнаго,— безъ разрѣшенія доктора, по крайней мѣрѣ. Надѣюсь, что впредь вы не нарушите порядка?... Или-же будьте осторожнѣе! — тихо добавилъ онъ.—Прощайте.

— Такъ это князь Карабадзе? почти вслухъ спросилъ караульный офицеръ помощника, выходя изъ палаты.

Digitized by Google

ГЛАВА IV.

Я ОСТАВЛЯЮ БОЛЬНИЦУ.

Здоровье мое быстро возстановлялось. Вырученная отъ продажи моихъ великолѣпныхъ *княжескихъ* часовъ сумма дала мнѣ возможность, при посредствѣ услужливаго Гулькевича, пользоваться питательною пищею; а Фокъ, съ своей стороны, обставилъ меня такъ, что я и въ стрѣмѣ болѣе не нуждался. Тотъ-же свирѣпый надзиратель, который однажды такъ грозно распорядился съ нашей закуской, теперь самъ поставлялъ ту контрабанду. Я лично, впрочемъ, не входилъ въ сношенія ни съ нимъ, ни съ Гулькевичемъ. Заботу о моихъ потребностяхъ вполнѣ принялъ на себя Фокъ. У него были мои деньги, которыя и расходовались по непосредственному его усмотрѣнію. Только порой, онъ находилъ нужнымъ объяснять мнѣ, сколько кому «далъ въ зубы», Львиная часть принадлежала, разумѣется, Гулькевичу: онъ оцѣнилъ свое вниманіе ко мнѣ въ 10 рублей; свирѣпый надзиратель получилъ 3 руб., служители — по четвертаку. Нужно сказать, что главное мѣсто въ моихъ расходахъ занимала гамырка, которой ежедневно поставлялось двѣ *сороковки* [1]); она истреблялась Фокомъ и Бурцевымъ, пока послѣдній былъ въ тюрьмѣ. Тутъ я, къ удивленію моему, узналъ, что на всѣ, запрещенные для употребленія арестантами, предметы издавна существуетъ въ тюрьмѣ какъ-бы такса, въ которой обозначенныя цѣны увеличиваются или уменьшаются, смотря по степени строгости существующаго въ данное время надзора. Такъ, при мнѣ слѣдующіе предметы стоили: фунтъ махорки — *1 р. 20 коп.*, 1/4 фунта табаку 3-го сорта *75 к.*, сороковка водки *80 к.*, колода игранныхъ картъ *2 рубля*, и проч. Прежде цѣны эти стояли значительно

[1]) 40-я часть ведра.

Digitized by Google

ниже. Это зависѣло отъ слабаго характера надзора, который былъ въ тюрьмѣ при прежнемъ смотрителѣ. Теперешній-же смотритель строго преслѣдовалъ всякую тюремную контрабанду, съ цѣлью обнаруженія которой 2—3 раза въ недѣлю производились обыски по всѣмъ арестантскимъ отдѣленіямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ подвергался у тюремныхъ воротъ строгому осмотру всякій тюремный *служитель*, за чѣмъ либо входившій и выходившій изъ тюрьмы, чтобы узнать, не было-ли при немъ писемъ или записокъ, взятыхъ отъ арестанта, для передачи кому-либо «на свободу». Не смотря, однакожь, на все это, всякій *имущій* арестантъ, во всякое время дня, могъ достать, за вышеупомянутыя цѣны, все, что угодно. Тяжесть запрещенія лежала, такимъ образомъ, исключительно на *неимущихъ* арестантахъ, которые составляли, конечно, большинство. Неравенство, вытекавшее изъ большаго или меньшаго достатка того или другого арестанта, особенно рѣзко бросалось въ глаза въ тюремной больницѣ. Можно утвердительно сказать, что больничная пища не только не содѣйствовала выздоровленію больныхъ, но, напротивъ, дѣлала послѣднее невозможнымъ, безъ добавочной, откуда-бы то ни было добытой, пищи. Тюремнымъ врачамъ, какъ и въ нетюремныхъ больницахъ, предоставлено улучшать пищу того или другого больнаго, смотря по его болѣзненному состоянію, выписывая такъ называемыя «экстраординарныя» порціи, которыя состоятъ: изъ кружки молока, куска жареной говядины, куринаго супа, или 2—3 яицъ. Фактическое примѣненіе этого права въ тюремной больницѣ было, по истинѣ, возмутительно. Старшій фельдшеръ пользовался совершеннымъ довѣріемъ докторовъ, которые, съ своей стороны, и не находили нужнымъ вникать въ способъ примѣненія своихъ распоряженій. Всѣ они занимались въ тюрьмѣ «между прочимъ». Каждый изъ нихъ состоялъ на службѣ въ нѣсколькихъ «вольныхъ» больницахъ, и въ тюрьму урывался на полчаса, не болѣе; а въ это короткое время нужно обойти свою палату, какъ-нибудь осмотрѣть больныхъ и черкнуть въ листкѣ каждаго. Какимъ образомъ производился этотъ осмотръ, читатель уже знаетъ. Собственно *тюремнаго врача*, который исключительно завѣдывалъ-бы тюремной больницей, имѣющей — слѣдуетъ замѣтить при этомъ — 80 мѣстъ, въ тюрьмѣ не полагалось. Три-четыре доктора каждый день, а кто и черезъ два, «наѣзжали».

Digitized by Google

Не надо при этомъ думать, что тутъ играла какую-нибудь роль «экономія», что наѣзжавшіе врачи единственно изъ человѣколюбія жертвовали своимъ дорогимъ временемъ... Ничуть не бывало! Каждый изъ нихъ получалъ довольно приличное мѣсячное жалованье; такъ что становилось совершенно непонятнымъ, почему, вмѣсто этихъ четырехъ «наѣзжающихъ» врачей, нѣтъ одного или двухъ постоянныхъ? Расходъ на послѣднихъ нисколько не превышалъ бы сумму, выплачиваемую первымъ. И вотъ, экстраординарныя порціи большею частью назначались «по представленію» Гулькевича; если-же случалось, что тотъ или другой врачъ, безъ предварительной у него справки, назначилъ какому-либо слабому больному добавочную порцію, — таковая только значилась въ листкѣ больнаго. На дѣлѣ оказывалось, что всѣ такія порціи получались исключительно «денежными» людьми, большею частью совершенно здоровыми, но о мнимыхъ болѣзненныхъ припадкахъ которыхъ свидѣтельствовалъ Гулькевичъ. Бѣдняжки-же больные, неизмѣнно при всякомъ состояніи болѣзни, питались только овсянкой или супомъ. Сама *врачебная* часть была въ нелучшемъ состояніи. Врачи никогда не провѣряли, давалось-ли больному назначенное ими лекарство; и вотъ, на дѣлѣ оказывалось, что иные больные по нѣсколько дней оставались безъ лекарствъ, безъ ваннъ. Черезъ кровать отъ меня лежалъ одинъ больной солдатъ. Докторъ черезъ день прописывалъ ему сѣрную ванну, и больной каждый разъ не переставалъ хлопотать объ этой ваннѣ — все напрасно; минула недѣля; докторъ продолжаетъ черезъ день писать сѣрную ванну, а больной ни разу не былъ въ ней. И вотъ, онъ рѣшился, наконецъ, жаловаться старшему доктору.

— Ваше высокоблагородіе! прикажите пустить меня въ ванну,— сдѣлайте божескую милость!...

Докторъ посмотрѣлъ въ листокъ.

— Чего тебѣ еще? Вѣдь, тебѣ дѣлаютъ ванну черезъ день.

— Никакъ-съ нѣтъ, ваше высокоблагородіе! ни разу не былъ.

— Вретъ онъ, Николай Алексѣевичъ! живо перебиваетъ больнаго Гулькевичъ. — Тутъ какъ-то сѣры не хватило въ аптекѣ— ему и не дѣлали ванну.

— Чего-жь ты жалуешься, болванъ? Что онъ получаетъ?— обратился докторъ къ Гулькевичу, — 2-ю порцію? Дать ему овсянку,—пусть знаетъ впередъ, какъ жаловаться.

Digitized by Google

А водъ другой больной жалуется.

— Ваше высокоблагородіе! мнѣ прописана котлетка, а фельдшеръ не даетъ....

— Будь доволенъ тѣмъ, что даютъ, равнодушно отвѣчалъ докторъ. — Да онъ, кажется, совсѣмъ здоровъ? вопросительно обращается онъ къ Гулькевичу.

— Совершенно. Притворяется все.

— Помилуйте! отчаянно перебиваетъ его больной, — ходить совсѣмъ не могу: ишь какъ ноги опухли... И больной показываетъ дѣйствительно сильно отекшія ноги. — Но докторъ уже черкнулъ: «выздоровѣлъ, выписать», и не слушалъ возраженій больнаго.

Практика выработала въ Гулькевичѣ нѣчто похожее на чутье хорошей охотничьей собаки. Онъ никогда не позволитъ себѣ не только произвола, но и рѣзкаго обращенія съ такимъ больнымъ, который, по его, всегда безошибочному мнѣнію, можетъ дать отпоръ. Такъ, арестантъ развитой, бывалый, нахальный, всегда можетъ разсчитывать на пріятное покровительство Гулькевича, въ такой-же степени, какъ «новичекъ», «вологодскій мужичокъ»,— на всевозможную грубость и лишенія. Въ одной палатѣ со мной лежалъ нѣкто еврей Штейнъ. Этотъ господинъ пользовался отличнымъ здоровьемъ, такъ что и Гулькевичу даже, какъ передавалъ мнѣ Фокъ, не легко было устраивать пребываніе его въ больницѣ; а между тѣмъ Штейнъ находился въ больницѣ ужь восьмой мѣсяцъ. Каждый вечеръ, послѣ «повѣрки», къ Штейну являлись обычные гости: фельдшера, больничный надзиратель и два-три состоятельныхъ арестанта. На столикѣ и кроватяхъ Штейна, — онъ занималъ двѣ кровати, т. е. другая, рядомъ съ нимъ стоявшая, кровать, по милости Гулькевича, была свободна «отъ постоя»,—появлялись чай, вино, закуска. Начиналось пиршество: палата наполнялась дымомъ отъ сигаръ; шумъ, хохотъ... И это — до поздней ночи. Однажды больной рѣшился сказать: «Нельзя-ли, господа, потише? и такъ-то трудно, а тутъ еще спокою не даете».—«Молчи, *михрютка*, если не хочешь на *татебное* [1])! видишь, какой баринъ выискался: спокою не даете»!...—

---

[1]) Въ больницѣ есть также палата, называемая «татебною». Въ этой палатѣ помѣщаются такіе больные, болѣзнь которыхъ причиняетъ сильное зловоніе. Въ эту-же палату помѣщаются и иные больные—въ наказаніе «за грубость» и проч.

Digitized by Google

напустился на него надзиратель,—и компанія, нисколько не стѣсняясь, продолжала пировать. Съ этимъ-же Штейномъ и доктора, почему-то, были необыкновенно любезны, и старшій помощникъ смотрителя внимателенъ. Въ то время, какъ прочимъ больнымъ разрѣшалось свиданіе съ родственниками одинъ разъ въ недѣлю, въ теченіи 15 минутъ, въ воскресенье, за рѣшеткой, къ Штейну безпрепятственно допускались, чуть-ли не ежедневно, его знакомые, большею частію женщины, — прямо въ палату.

Бурцевъ почему-то не долюбливалъ эту «жидовскую морду», Штейна. Не разъ, хвативъ «гамырки», онъ подходилъ, бывало, къ Штейну съ явно-враждебными намѣреніями, и только благодаря бдительности Фока, имѣвшаго свой интересъ заступаться за Штейна, послѣдній долго избавлялся отъ «бурцовщины». Но вотъ, наканунѣ своего освобожденія изъ тюрьмы, Бурцевъ выпросилъ у меня «взаймы... на три дня... какъ бла-ародный человѣкъ» три рубля. Деньги эти нужны были, разумѣется, для того, чтобы отпраздновать «какъ должно» послѣднюю ночь въ тюрьмѣ. Это «какъ должно» заключалось, конечно, въ большемъ противъ обыкновеннаго истребленіи «гамырки». Праздникъ начался, разумѣется, послѣ повѣрки, т. е. въ то самое время, когда у Штейна обычная компанія была въ сборѣ. Опорожнивъ съ Фокомъ, ничѣмъ не закусывая, четыре сороковки, Бурцевъ былъ, очевидно, какъ нельзя болѣе «въ своей тарелкѣ». Мнѣ пришлось запастись немалымъ терпѣніемъ, чтобы съ притворнымъ вниманіемъ выслушать массу скабрезныхъ анекдотовъ, въ которыхъ главную роль играли неизмѣнныя: «въ морду», «въ зубы», «хватилъ», — анекдотовъ, на которые Бурцевъ былъ особенно щедръ въ этотъ вечеръ.

— Однако, Фокъ, въ горлѣ пересохло, чортъ возьми!—вопросительно заявилъ Бурцевъ, послѣ, быть можетъ, сотаго анекдота.

— Ну, ужь теперь, братъ, ничего не подѣлаешь,—печально отвѣтилъ Фокъ.

— Пустое... подѣлаемъ.—И Бурцевъ, ничего не говоря, направился въ уголъ палаты, гдѣ помѣщался Штейнъ.

— Будетъ потѣха! потирая руки, радостно повторялъ Фокъ.

Digitized by Google

— Здравствуйте, господа! Здравствуй, жидовское благородіе! привѣтствовалъ Бурцевъ Штейна и его компанію, безцеремонно усаживаясь между послѣдней.

Все замолкло. Штейнъ засуетился: переходилъ отъ одного къ другому изъ своихъ гостей, шептался, повидимому, совѣтовался, какъ избавиться отъ непрошеннаго гостя, который, между тѣмъ, не обращая ни на кого вниманія, досталъ изъ-подъ кровати откупоренную бутылку вина, налилъ двѣ кружки и, закричавъ: «Фокъ! кати сюда!», опорожнилъ одну изъ нихъ. Фокъ не заставилъ себя ждать. Сообщивъ что-то, по пути, нѣсколькимъ неспавшимъ больнымъ, онъ также свободно подошелъ къ компаніи и выпилъ поданную ему Бурцевымъ кружку вина. Гулькевичъ, вѣрный своей испытанной тактикѣ—не задѣвать извѣстнаго сорта арестантовъ, счелъ неудобнымъ оставаться долѣе у Штейна.

— Ахъ, я и забылъ совсѣмъ!—какъ-бы вдругъ вспомнивъ что-то, воскликнулъ Гулькевичъ, поднявшись съ кровати.—Извините, господа, я далъ сегодня слово быть въ 10 часовъ у одного товарища... Прощайте, Лазарь Соломоновичъ!—И, не смотря на жалобные взгляды и просьбу Лазаря Соломоновича «еще немного посидѣть», Гулькевичъ выбѣжалъ изъ палаты. Бурцевъ и Фокъ, между тѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало бесѣдовали за бутылкой. Больничный надзиратель, наконецъ, собрался съ духомъ.

— Нужно, господа, Лазарю Соломоновичу спокой дать. Пойдемте, г. Бурцевъ! Константинъ Николаевичъ!...

— Къ чорту!—гаркнулъ вдругъ Бурцевъ на всю палату. Нѣкоторые больные стали надѣвать халаты.

— Куда вы одѣваетесь?—спросилъ я своего сосѣда.

— Да, вотъ, посмотрѣть: комедь будетъ... Задастъ баринъ этой жидовской мордѣ!... съ особеннымъ злорадствомъ отвѣтилъ мнѣ больной. Дѣйствительно, почти всѣ больные горѣли желаніемъ посмотрѣть, какъ баринъ «задастъ жидовской мордѣ». Общая ненависть больныхъ къ Штейну была очень сильна. Своимъ поведеніемъ, презрительнымъ обращеніемъ со всѣмъ, что «не денежно», ночными попойками съ фельдшерами и надзирателемъ, отъ которыхъ не разъ жестоко доставалось больнымъ за какое-нибудь слово противъ Штейна, всѣмъ этимъ Штейнъ сильно вооружилъ противъ себя больныхъ. Понятно, какія надежды возлагались ими теперь «на барина». Шептаніе Фока съ нѣко-

Digitized by Google

торыми больными, какъ видно, заключало въ себѣ предупрежденіе объ имѣющей быть «потѣхѣ».—Никто лучше Фока не зналъ, чѣмъ можно въ данную минуту угодить арестантамъ.—«Потѣха» надъ противнымъ, *богатымъ* жидомъ непремѣнно должна была возбудить общій восторгъ.

— Я вамъ покажу покой!—кричалъ, между тѣмъ, Бурцевъ.—Жидъ по цѣлымъ ночамъ пѣнистуетъ, не даетъ покоя цѣлой палатѣ, *это*—ничего? а *ему* такъ изволь дать покой!... Ну, жидовская морда, поворачивайся! водки сюда!

— Что-же это?—весь дрожа отъ страха, вопросительно обращался ко всѣмъ Штейнъ,—буянить здѣсь нельзя... Господинъ надзиратель!...

— Молчать! водки давай, поганая твоя морда!

Больничный надзиратель растерялся: онъ не зналъ, что дѣлать.

— Господинъ Бурцевъ!

— Какой я тебѣ къ чорту господинъ Бурцевъ?! Ты кто? Солдатъ! Не знаешь, какъ съ офицеромъ говорить?!

— Виноватъ, ваше благородіе! Осмѣлюсь просить васъ жаловать на свое мѣсто... всѣ больные встали... безпорядокъ...

— Бей жида!—раздалось вдругъ въ палатѣ нѣсколько голосовъ, и, неожиданно набросивъ на Штейна одѣяло, человѣкъ пять больныхъ начали несчастнаго тузить во что попало.

— Браво! браво! поощрялъ Бурцевъ. Вдругъ, кто-то сказалъ: «банки»!—Надзиратель тщетно попробовалъ было броситься изъ палаты; двое здоровыхъ «больныхъ» притиснули его въ уголъ. «Не бойтесь. Вамъ ничего не будетъ... Погодите, дайте только съ жидомъ раздѣлаться...»—утѣшали они его. Младшій фельдшеръ, тщедушный мальчикъ лѣтъ 17-ти, трясясь словно въ лихорадкѣ, сидѣлъ у меня на кровати. Бывшіе въ числѣ гостей Штейна два арестанта изъ другой палаты незамѣтно скрылись въ свою палату. Штейнъ не издавалъ ни одного звука. Посреди общаго хохота и радостныхъ восклицаній, какъ-то: «Вотъ тебѣ, анаѳемская душа! Будешь издѣваться надъ бѣднымъ человѣкомъ! Хорошенько, хорошенько, чтобы помнилъ!» — Штейну ставились полновѣсныя банки... «И хвершаламъ то-же будетъ! и надзирателю!» храбрились арестанты.

— Двадцать-пять!

Digitized by Google

— Довольно! скомандовалъ Фокъ, и несчастный Штейнъ, еле дыша, поднялся съ пола. «Мало!»—жалѣли нѣкоторые.

— Смирно, братцы!—прервалъ вдругъ всѣхъ Фокъ. Вотъ тебѣ мой совѣтъ, Лазарь Соломоновичъ,—обратился онъ къ Штейну:— если хочешь быть живъ, про сегодняшнее—ни-ни; а тамъ какъ знаешь. Смотри, послѣ не пеняй.

— Да и я такъ думаю,—замѣтилъ оправившійся надзиратель,— лучше молчать.—Штейнъ былъ нѣмъ.

Бурцевъ, между тѣмъ, перерылъ всю постель Штейна; но, кромѣ разныхъ закусокъ, ничего,—т. е., того, чего онъ искалъ,— водки, не нашелъ. Закуски, какъ законная добыча непріятеля, были отданы побѣдителямъ. Тѣмъ и кончилась «потѣха». Больные, не исключая Бурцева и Фока, удовлетворенные произведенною надъ Штейномъ экзекуціей, вскорѣ разбрелись по кроватямъ; надзиратель съ фельдшеромъ, перекинувшись нѣсколькими словами съ Лазаремъ Соломоновичемъ, оставили палаты; наконецъ, и самъ Лазарь Соломоновичъ предался сну.

Слова: «если хочешь быть живъ» видимо подѣйствовали на Штейна. «Потѣха» такъ и не была доведена до свѣдѣнія тюремнаго начальства, чему, впрочемъ, не мало способствовали Гулькевичъ и больничный надзиратель, для которыхъ противное не могло быть выгодно. Все ограничилось тѣмъ, что Гулькевичъ на другой день перевелъ Штейна въ другую палату, гдѣ,—какъ говорилъ Фокъ,— дѣло также врядъ-ли обойдется «безъ банокъ». Штейнъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ себя держать по прежнему; только Гулькевичъ и надзиратель уже больше не участвовали въ его ночныхъ пирушкахъ.

Тщетно я ожидалъ графиню Галенъ: она вдругъ перестала посѣщать тюремную больницу. Это казалось мнѣ тѣмъ болѣе страннымъ, что она дала слово не оставлять меня, и ничѣмъ не выразила возможности прекращенія ея посѣщеній. Арестанты, «по своему», доискивались причины, побудившей графиню вдругъ бросить ихъ. Нѣсколько подслушанныхъ словъ кого-то изъ тюремныхъ администраторовъ послужили основаніемъ для слѣдующей исторіи: графиня заступалась за арестантовъ, хлопотала о нихъ, и тѣмъ навлекла на себя неудовольствіе одного изъ лицъ, имѣющихъ непосредственное наблюденіе надъ тюрьмами. Лицо это задалось, будто-бы, цѣлью добиться во что бы ни стало запрещенія

Digitized by Google

графинѣ посѣщать тюрьмы. Однако, добиться этого было трудно, вслѣдствіе тѣхъ связей, которыя имѣла графиня. Но, вотъ, одинъ изъ важныхъ арестантовъ, содержавшихся въ секретныхъ камерахъ, упросилъ графиню передать кому-то письмо. «Лицо», бдительно слѣдившее за всѣми дѣйствіями графини, узнало объ этомъ и сообщило куда слѣдуетъ. Графиню затѣмъ, куда-то, будто-бы, вызвали, и объявили ей, что нежелательно, чтобы она посѣщала тюрьмы. Не знаю, насколько было правды въ этой исторіи, но только отсутствіе графини искренно опечалило многихъ больныхъ, въ особенности такъ называемыхъ «*стрѣлкихъ*». Еще не зараженные тюремной атмосферой, эти новички на пути порока, брошенные на него большею частію безъисходной нуждой и неразвитостью, живо чувствовали доброе вліяніе теплаго слова графини, такъ хорошо умѣвшей затрогивать ихъ сердца. Она была для нихъ не только единственнымъ заступникомъ, совѣтникомъ и источникомъ матеріальной помощи, но и несомнѣнно лучшимъ врачемъ. Религіозное чувство ихъ,—обыкновенно столь крѣпкое въ нашемъ простолюдинѣ,—воскресало подъ вліяніемъ бесѣдъ графини и вызывало искреннее раскаяніе. Для меня самого посѣщенія графини были необходимы. Если я и не имѣлъ твердой, неколеблемой сомнѣніями, вѣры, то, все-таки, нравственная личность графини не могла не вліять благотворно на мое духовное состояніе.

Между тѣмъ, по мѣрѣ укрѣпленія моего физическаго организма, страшная путаница мыслей, царившая въ моемъ умѣ, принимала, мало по малу, порядокъ. Прослѣдивъ съ логическою послѣдовательностью событія прошлаго, мысль подвергла своему анализу «настоящее». Оно было крайне-неопредѣленно. Я узналъ только, что я арестованъ; что лежу въ тюремной больницѣ подъ своимъ настоящимъ именемъ и что, слѣдовательно, самозванство мое вполнѣ обнаружено. Являлись вопросы: обнаружена-ли та длинная цѣпь преступныхъ обмановъ, которая сопровождала мое самозванство? Принимаютъ-ли участіе въ дѣлѣ правосудія жертвы моихъ преступленій? Обнаруженъ-ли мой бранъ съ Ивой? Производится-ли предварительное слѣдствіе? Долго-ли оно можетъ продлиться? Являлся еще условный вопросъ: какъ держать себя въ случаѣ, если окажется, что я обвиняюсь *только* въ самозванствѣ: слѣдовало-ли мнѣ самому чистосердечно заявить свою преступную

Digitized by Google

исторію? Если первые вопросы ждали разрѣшенія извнѣ, то отвѣтъ на послѣдній я могъ искать только въ самомъ себѣ. Отвѣтъ этотъ долженъ былъ заключать здраво-обдуманное, твердое рѣшеніе, какъ вести себя во все время производства дѣла, результатъ котораго несомнѣнно много зависѣлъ отъ моего собственнаго поведенія. Сознаніе *во всемъ*, конечно, грозило тяжкой уголовной карой. Во всякомъ случаѣ, *все* не могло быть извѣстно властямъ. Я не буду отрицать извѣстнаго, не буду искать спасенія во лжи, но и не буду самъ объявлять о неизвѣстномъ, необнаруженномъ. Къ чему повело-бы такое добровольное отягченіе своей участи? Дѣло другое, если-бы чистосердечное сознаніе во всемъ передъ судебнымъ слѣдователемъ могло доставить мнѣ душевное спокойствіе, могло снять съ моей души гнетущій ее камень... О, тогда я съ радостію сдѣлалъ-бы его, не смотря ни на какія послѣдствія. Болѣе того, я чувствовалъ потребность въ чистосердечной исповѣди; но не передъ слѣдователемъ. Такая оффиціальная исповѣдь не принесла бы мира моей душѣ. Если бы я могъ предстать предъ всѣми жертвами моихъ обмановъ... Съ какою радостью я открылъ бы имъ мою душу! Онѣ узнали-бы все затаенное, такъ долго скрываемое, все то, что я долженъ былъ столько времени носить въ себѣ, тщательно скрывая отъ глаза самаго близкаго изъ нихъ. О, я знаю, онѣ не отвѣтили бы мнѣ презрѣніемъ.

Я не пришелъ ни къ какому рѣшенію. Оправданіе этому я нашелъ въ той крайней неопредѣленности моего положенія, которая выражалась въ вышеприведенныхъ вопросахъ. Да, необходимо было обратиться къ кому-нибудь изъ начальствующихъ лицъ за свѣдѣніями о положеніи моего дѣла. Послѣ неоднократныхъ просьбъ, ежедневно адресованныхъ мною, во время повѣрокъ, помощникамъ смотрителя,—послѣдняго не удавалось видѣть,—я, наконецъ, благодаря содѣйствію Гулькевича, содѣйствію, оплаченному, при посредствѣ Фока, тремя рублями, получилъ изъ конторы тюрьмы справку такого содержанія: «Отставной юнкеръ Дмитрій Александровъ Карасевъ присланъ въ больницу тюремнаго замка, при отношеніи смотрителя полицейскаго дома *** части. Никакихъ документовъ, кромѣ свидѣтельства полицейскаго врача, производившаго освидѣтельствованіе Карасева, при отношеніи нѣтъ; я Карасевъ, по выздоровленіи, подлежитъ возвращенію обратно въ полицейскій домъ». Ясно,—думалъ я,—пока лежу въ больни-

Digitized by Google

цѣ, ничего не узнаю. Только въ части я могу добыть нужныя свѣдѣнія о своемъ дѣлѣ. Ужь двѣ недѣли прошло, какъ я пробудился отъ состоянія безпамятства. Я былъ почти здоровъ; только слабость въ ногахъ напоминала еще о болѣзни. Но такъ какъ я въ это время никакихъ медицинскихъ пособій не получалъ, то не представлялось необходимости оставаться въ больницѣ. Шансы на окончательное выздоровленіе, какъ въ части, такъ и въ больницѣ, были для меня одинаковы. 21 ноября, на обычный во просъ палатнаго доктора: «ничего особеннаго?», я отвѣтилъ просьбой выписать меня. Препятствій, конечно, не встрѣтилось.

— Что вы, батюшка, такъ скоро вздумали выписаться?— какъ-то испуганно спросилъ прибѣжавшій ко мнѣ Фокъ, которому, какъ видно, Гулькевичъ ужь успѣлъ передать о моей выпискѣ.— Успѣете еще накоптиться въ части. Плохой-же вы товарищъ! Только что сошлись было, и вдругъ... Это не по *арестантски!* А я еще собирался вамъ одинъ планъ сообщить: славная-бы, чортъ возьми, штука! Да нѣтъ,—съ вами, видно, пива не сваришь...

— Я бы, можетъ быть, и не выписался такъ скоро, но мнѣ хочется поскорѣй видѣть слѣдователя.

— На кой онъ вамъ чортъ!—съ сердцемъ сказалъ Фокъ.— Ужь не думаете-ли вы и въ самомъ дѣлѣ *на чистую?* По моему, это была-бы страшная глупость съ вашей стороны. Вамъ нужно только одно: задать *лататы* [1]), и я ужь вамъ устроилъ-бы это; клянусь вамъ!

— Нѣтъ, я не думаю бѣжать. Это-бы ни къ чему не повело.

— Какъ ни къ чему? Опять графомъ или барономъ какимъ нибудь стали-бы... Цапнуть этакъ кучу денегъ, да въ Америку! И я-бы какъ нибудь постарался вырваться изъ тюрьмы... славно-бы вмѣстѣ!

— Не лучше-ли намъ, Константинъ Николаевичъ, вернуться на дорогу честнаго труда?

— Ха-ха-ха! Что вы—очумѣли? Вы рекомендуете мнѣ умереть съ голоду; покорно васъ благодарю. Да позвольте васъ спросить,

---

[1]) Убѣжать.

Digitized by Google

какой такой честный трудъ для меня доступенъ? — вызывающе спросилъ меня Фокъ.

— Я не знаю, на что вы способны...

— На обманъ, больше ни на что!—перебилъ онъ меня.—Или вы думаете, что я родился такимъ, какъ я теперь? Что я никогда не гнушался обмана, не изыскивалъ другихъ средствъ къ пропитанію? Я не забылъ, что я дворянинъ,—какъ-то печально продолжалъ вдругъ совершенно измѣнившимся голосомъ Фокъ,—сиротство сгубило меня... Да что толковать! *Прежде* нельзя было, а *теперь* и подавно. Не думаете-ли вы, что кто-нибудь приметъ къ себѣ на службу человѣка, трижды сидѣвшаго въ тюрьмѣ? Да будь я семи пядей во лбу, и тогда-бы мнѣ пришлось, по выходѣ изъ тюрьмы, умереть съ голоду, прежде, чѣмъ я получу возможность честно заработать кусокъ хлѣба. Да и на что я способенъ? Пишу—плохо; образованія—никакого; мастерства—не знаю; на поденную работу также не гожусь: силъ мало; въ лакеи идти—пробовалъ. Не тутъ-то было: какъ посмотрятъ въ документъ, узнаютъ, что я потомственный дворянинъ, сынъ полковника, такъ сейчасъ и откажутъ. Теперь, кажется, ужь не вывернусь, придется съ дворянствомъ-то распроститься: навѣрное лишатъ правъ; а ужь тогда и подавно хоть воруй... Нѣтъ, князь! Вы все это сами въ тысячу разъ лучше меня знаете. Трудно нашему брату, разъ попавшему въ тюрьму, выбраться на честную дорогу!... Ну, у кого еще есть родные... у меня ни одной души нѣтъ... На рѣсницахъ у Фока показались слезы.

Я былъ крайне удивленъ и тронутъ. Фокъ, этотъ *порядочный* арестантъ, у котораго нѣтъ, повидимому, ничего святаго и дорогаго, пропитанный насквозь тюрьмой, вдругъ заговорилъ такимъ языкомъ! Сколько отчаянія, тоски слышалось въ послѣднихъ словахъ его безсвязнаго монолога... А слезы, послѣ словъ: «у меня нѣтъ ни одной души»?... И этого человѣка мучило сознаніе горькаго одиночества, сиротства. А знаетъ-ли онъ, что это самое сиротство—главная причина его нравственной гибели? Что сиротству онъ обязанъ отсутствіемъ воспитанія, образованія, нуждой, которая могучей рукою толкнула его на путь порока.

— У меня также нѣтъ ни одной родной души,—сказалъ я Фоку.—Въ этомъ случаѣ мы одинаково несчастны. Но что дѣлать? Это несчастье непоправимо. Мы можемъ утѣшать себя только

Digitized by Google

тѣмъ, что оно не нами создано. Я отъ души жалѣю, что мнѣ раньше не пришлось вызвать васъ на откровенность. Признаюсь, мнѣ казалось, что вы до такой степени сроднились съ своимъ положеніемъ, что сдѣлались неспособны честно чувствовать. Но то, что теперь вырвалось изъ вашихъ устъ, разубѣдило меня въ этомъ. Какая досада, что мнѣ сегодня-же приходится разстаться съ вами, Константинъ Николаевичъ! Вы, конечно, замѣтили, что я уклонялся отъ бесѣды съ вами о моихъ преступленіяхъ, о чемъ вы меня каждый разъ не переставали просить. Вы выказывали такую готовность восхищаться моими преступными похожденіями, что мнѣ дѣлалось гадко не за себя только, но и за васъ. Теперь я вамъ скажу: я совершилъ массу преступленій; каждый день моего самозванства,—это рядъ обмановъ; а оно длилось восемь мѣсяцевъ... Я, такимъ образомъ, испыталъ всю сладость и горечь преступной жизни. Вѣрьте-жъ мнѣ, послѣдній бѣднякъ, голодающій изо-дня въ день, счастливѣе преступника, совѣсть котораго еще не успѣла заглохнуть. А дойти до состоянія совершеннаго нравственнаго отупѣнія, человѣкъ, въ которомъ, подобно вамъ, сознаніе своего несчастья порой вызываетъ слезу,—не можетъ желать. Позвольте,—остановилъ я его попытку возразить.—А вы, между тѣмъ, не употребляете ни малѣйшаго усилія устранить отъ себя губительное вліяніе окружающей васъ тюремной среды. Эта среда положила на васъ сильный отпечатокъ, — настолько сильный, что я въ теченіи двухъ недѣль не видалъ въ васъ ничего *истинно-человѣческаго*. Вспомните вашъ жестокій поступокъ съ бѣднымъ мальчикомъ, отзывъ о графинѣ—этой честнѣйшей, всецѣло преданной добру женщинѣ, ваши пресловутыя понятія о какой-то арестантской порядочности... Въ вашихъ словахъ о горькой долѣ человѣка вашего положенія, т. е. одинокаго, безъ образованія, съ тюрьмой въ прошедшемъ,—много правды; но все это не даетъ намъ права махнуть на себя рукой и совершенно отдаться пороку, *не разсуждая*, не позволяя ни разу мысли здраво обсудить свое состояніе. Только привычка мыслить, углубляться иногда въ себя, спасла меня отъ совершенной гибели. *Человѣкъ* можетъ *пасть*, но не *пропасть*. Мое положеніе не лучше вашего, если еще не хуже.

— О, нѣтъ! Нѣтъ!—замахалъ руками Фокъ.—Еслибы я былъ такъ образованъ, какъ вы, я бы зналъ, что дѣлать. Но я тупъ... глупъ...

Digitized by Google

— Это неправда. Вы вовсе не глупы. Но вы втянулись въ грязную жизнь, и не хотите удержать себя. Вы мало *думаете*, Константинъ Николаевичъ. Вы падаете безъ борьбы; а это хуже всего.

— Но что-жь вы прикажете мнѣ дѣлать?—какъ-то выкрикнулъ мнѣ Фокъ.—Я сознаю, что дошелъ чортъ знаетъ до-чего; но что толку въ этомъ сознаніи, когда нельзя помочь?

— Почему *нельзя*? Нужно пробовать; не переставать пробовать. Мои слова, конечно, теряютъ много въ вашихъ глазахъ, потому что *я* ихъ произношу; *я*—не менѣе васъ преступный! Но, повѣрьте мнѣ, я произношу ихъ искренно. Я падалъ и боролся, и теперь борюсь; и только сознаніе, что я борюсь, удерживаетъ меня отъ того, чтобы покончить всѣ разсчеты съ жизнью, однимъ выстрѣломъ изъ револьвера. Попробуйте и вы бороться. Стряхните съ себя эту шутовскую, арестантскую маску, уйдите немного въ себя, и вы увидите, насколько вы выростите въ собственныхъ глазахъ. Извините меня, что я позволяю себѣ давать вамъ совѣты. Повторяю: только слезы, замѣченныя мною въ вашихъ глазахъ, при воспоминаніи о своемъ сиротствѣ, побудили меня вступить съ вами въ этотъ разговоръ.

— Спасибо вамъ,—отвѣтилъ Фокъ.—Вы говорите правду. Я самъ себя ненавижу... Ахъ, еслибы вы дольше остались въ больницѣ!

— Вотъ видите, вы испытываете на себѣ вліяніе правдиваго слова. Сознайтесь: не вы-ли сами виноваты, что до сихъ поръ это *слово* не доходило до васъ? Сколько добраго, честнаго, благороднаго, проникнутаго истиннымъ участіемъ къ вамъ, вы могли бы услышать отъ графини, во-все время, пока она посѣщала больницу? Знаете что, Константинъ Николаевичъ? Одна, правда, нескладная, народная пословица говоритъ: «чужую бѣду руками разведу, а къ своей ума не приложу». Сколько я ни думалъ о *своемъ* положеніи, пока я еще ничего не придумалъ такого, чѣмъ можно бы его улучшить; но, право, мнѣ кажется, что для васъ у меня нашелся бы дѣльный, добрый совѣтъ. Вы сказали, что вы себя ненавидите. Не вѣрнѣе-ли будетъ сказать, что вы ненавидите свое прошлое и настоящее? Причина этой ненависти кроется, какъ я уже сказалъ, въ отсутствіи борьбы, съ чѣмъ не можетъ еще примириться вашъ внутренній, не совершенно еще павшій человѣкъ. Что вы хотѣли бы

Digitized by Google

измѣнить свою жизнь, это для меня ясно. Но вы не знаете, какъ это сдѣлать? Если вы только употребите надъ собой усиліе, заставите себя теперь-же отрѣшиться отъ всего усвоеннаго, привитаго, такъ сказать, къ вамъ тюрьмой, вы достигнете желаемаго. Въ противномъ случаѣ, ваше желаніе никогда не приведется въ дѣло; и кто знаетъ? долго-ли оно пробудетъ въ васъ. Надѣетесь-ли вы на себя?

— Говорите, говорите, кня... виноватъ, Дмитрій Александровичъ; я все испробую, все сдѣлаю! Мнѣ надоѣла, опротивѣла моя жизнь... Эта грязь... Я васъ никогда не забуду.

— И я васъ не забуду. Повѣрьте: я воспользуюсь всякимъ возможнымъ въ тюрьмѣ случаемъ, чтобы узнать о васъ. Познакомьте-же меня теперь съ подробностями вашего *настоящаго*. Это необходимо, чтобы дать вамъ дѣйствительный совѣтъ.

Это была самая обыденная и, потому, тѣмъ болѣе грустная исторія большинства тюремныхъ героевъ. Всего только два мѣсяца тому назадъ, Фокъ освобожденъ былъ изъ тюрьмы по оправдательному приговору суда. Обвинялся онъ тогда въ кражѣ платка, оцѣненнаго въ 20 коп. Какъ дворянину, ему грозило лишеніе правъ. До суда, онъ, какъ неимѣющій осѣдлости и не представившій денежнаго залога въ 15 рублей, содержался цѣлый годъ въ тюрьмѣ. Это долгое содержаніе объясняется перепиской, возбужденной слѣдователемъ въ видахъ удостовѣренія личности Фока, продавшаго кому-то, незадолго до ареста, свой документъ за три рубля. Судъ присяжныхъ, разумѣется, оправдалъ его. Онъ очутился на свободѣ въ холодное осеннее время. Весь костюмъ его состоялъ изъ рванаго сюртучишки на голыхъ плечахъ, худыхъ нанковыхъ панталонъ и опорокъ на босую ногу; одѣтый такимъ образомъ, безъ гроша денегъ въ карманѣ, безъ вида, съ однимъ только тюремнымъ удостовѣреніемъ, несчастный, въ первый день *свободы*, не только не имѣлъ гдѣ голову приклонить, но и куска хлѣба закусить. Онъ проклиналъ эту свободу, въ сравненіи съ которой тюрьма представлялась раемъ. Безцѣльно прошатавшись цѣлый день по тротуарамъ, онъ, вечеромъ, холодный и голодный, пришелъ назадъ въ тюрьму, умоляя позволить ему хоть переночевать тамъ. «Тоже дворянинъ! Стыди-тесь! убирайтесь вонъ!»—отвѣтилъ ему смотритель на его просьбу; и бѣднягу чуть-ли не пинками выпроводили изъ конторы тюрьмы. Еле-плетясь отъ усталости, онъ

Digitized by Google

добрался до полицейскаго дома. «Пустите, ради Бога, ночевать. Не околѣвать-же мнѣ на улицѣ?»—обратился онъ къ смотрителю дома, предъявляя тюремное удостовѣреніе. То-же «вонъ!» послѣдовало въ отвѣтъ на его просьбу.

— Мною овладѣло отчаяніе, — разсказывалъ Фокъ. — Хоть топиться ступай... И усталъ, какъ собака, и продрогъ-то весь... да и голодъ сильно давалъ себя чувствовать... Мнѣ кажется, я-бы тогда не задумался не только украсть что-нибудь, но и задушить кого-либо, только бы получить возможность закусить и обогрѣться. Вышелъ я изъ конторы, прошелъ дворъ; а чтобы выйти на улицу, надо было пройти корридоромъ черезъ главный флигель частнаго дома, который выходилъ на улицу. Только-что вошелъ въ корридоръ, вижу—направо какая-то дверь отворена. Я заглянулъ: никакого намѣренія у меня не было; такъ, безъ всякой мысли... ужь очень я усталъ. Только вижу: у самыхъ дверей, на вѣшалкѣ, виситъ мужское пальто, Я и подумать не успѣлъ... словно руку мою кто-нибудь толкнулъ къ пальто. Я схватилъ его, и, что было мочи, скорѣй поплелся къ Вяземскому [1]), близко, знаете, отъ части-то. Ну, а тамъ сейчасъ и товарищи нашлись; все изъ тюрьмы... вѣдь, въ годъ мало-ли съ кѣмъ просидишь. Я это поскорѣй разсказалъ все. Осмотрѣли пальто. Въ боковомъ карманѣ *лопатошникъ* [2]); денегъ 12 рублей. Ну, и пальто сейчасъ спровадили: хозяйка семь рублей дала. Въ одну минуту нашлись и сапоги, и поддевка потеплѣе, и башлыкъ; накинулъ его на голову, закрылъ, знаете, лицо, чтобы не узнали, да съ однимъ товарищемъ—тоже дворянинъ, Смирновъ,—скорѣй на извозчика, да на Выборгскую. Тамъ въ закусочной закусили, въ кабакѣ выпили; согрѣлся я; а ужь дѣло позднее: часовъ 11 вечера. Куда ночевать? деньги-то есть. Въ ночлежный—опасно: кража, конечно, обнаружилась, ну и ночью ужь навѣрное сдѣлаютъ облаву по ночлежнымъ. Отправились въ публичный домъ. На другой день, Смирновъ сбѣгалъ на рынокъ, купилъ рубашку, теплое пальтишко, крѣпкія панталоны, шапку, галстухъ; да по дорогѣ у кого-то *слимонилъ* [3]) лопатошникъ. Онъ, знаете, по карманной части *торговалъ* [4]). Въ лопатошникѣ 40 рублей денегъ... «Смотри,—

[1]) Домъ князя Вяземскаго.

[2]) Бумажникъ.

[3]) Стащилъ.

[4]) Промышлялъ.

Digitized by Google

говоритъ. Теперь мы съ тобой заживемъ!»—Я это въ публичномъ домѣ одѣлся, обрился, подстригся,—ну, совсѣмъ другой человѣкъ сталъ. Забылъ я все... И начали мы съ Смирновымъ днемъ торговать, а ночью пьянствовать. Разъ, можетъ быть, двадцать сторговали; онъ по своей части, а я больше по переднимъ; то я у него на стрёмѣ, то онъ у меня... Ну, вдвоемъ и *перетырить* [1]), когда нужно, можно. Только, на восьмой день, насъ сыщикъ въ публичномъ домѣ и накрылъ. Лататы нельзя было задать; у всѣхъ дверей пауки стояли. Меня прямо въ часть, гдѣ я пальто-то сторговалъ. «Ничего, говорю, знать не знаю». Потомъ еще въ одно мѣсто — то-же самое, да послѣ еще одно дѣло открылось... Ну, вотъ и все. Дѣла-то въ разныхъ участкахъ, ну, и у разныхъ слѣдователей...

Къ концу разсказа Фокъ, очевидно незамѣтно для самого себя, принялъ свой прежній *арестантскій* тонъ и форму выраженій; причемъ на лицѣ его являлось то нахальное выраженіе, которое дѣлало его отталкивающимъ. Однако, когда онъ кончилъ и посмотрѣлъ на меня, то, какъ будто вспомнивъ что-то, измѣнился въ лицѣ, вздохнулъ, и предомной былъ опять *только* несчастный, жалкій Фокъ.

— А вы мнѣ, кажется, прежде говорили о какой-то подложной подписи на векселѣ въ 30 рублей? — спросилъ я, вспомнивъ его первую хвастливую рекомендацію. На блѣдномъ лицѣ Фока выступили красныя пятна.

— Ну, мало-ли что вамъ говорилъ!... Вы меня извините... Я вамъ *теперь* чистую правду сказалъ... произнесъ онъ, какъ бы въ чемъ-нибудь предо мной виноватый.

— Я васъ хорошо понимаю, Константинъ Николаевичъ. Сознайтесь, что вы сами чувствуете отвращеніе къ воришкамъ; что собственно *кража* вамъ самимъ кажется настолько отвратительнымъ, недостойнымъ даже *порядочнаго арестанта*, дѣломъ, что, въ роли послѣдняго, вы стыдились сказать, что сидите за кражу. *Подлогъ* казался вамъ какъ-то благороднѣе?

— Ну, да, конечно... Я вамъ говорю, что ненавижу себя...

— Вотъ вамъ мой дружескій совѣтъ: немедля вызовитесь къ слѣдователямъ и чистосердечно сознайтесь въ совершеніи тѣхъ

[1]) Передать въ другія руки.

Digitized by Google

кражъ, въ которыхъ васъ обвиняютъ. Объясните откровенно, какъ вы провели первый день по выходѣ изъ тюрьмы; попросите допросить смотрителей тюремнаго и полицейскаго домовъ, о томъ, что вы дѣйствительно умоляли и того и другого пустить васъ ночевать. Я увѣренъ, что это обстоятельство измѣнитъ взглядъ на вашу преступность и слѣдователей; а присяжные ужъ навѣрное не отнесутся къ вамъ строго. Во всякомъ случаѣ, на сторонѣ сознанія всѣ шансы на благопріятный исходъ дѣла. Защитнику раскажите, — только не прибѣгая ко лжи, — всю исторію вашей жизни, начиная съ сиротства. Жаль, что я ея не знаю. Вы врядъ-ли успѣли-бы передать мнѣ ее... того и гляди, что меня сейчасъ позовутъ одѣваться. Такъ вотъ, Константинъ Николаевичъ, послѣдовавъ моему совѣту, вы употребите при этомъ всевозможныя старанія, чтобы отдѣлаться отъ всего *арестантскаго*, острожнаго, начиная съ языка... Теперь, есть у васъ платье, въ чемъ выйти на свободу, въ случаѣ, если васъ выпустятъ?

— Есть. Я успѣлъ одѣться.

— Сколько у васъ осталось моихъ денегъ?

— 35 рублей.

— Если-бы я могъ надѣяться, что вы сбережете до выхода, я бы вамъ оставилъ 15 рублей... Чтобы на первое время вамъ опять не быть безъ копѣйки.

— Клянусь вамъ, я васъ никогда не забуду!—не переставалъ повторять Фокъ.

— Такъ оставьте у себя 15 рублей, и затѣмъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, постарайтесь писать мнѣ о себѣ въ часть. Даю вамъ слово, что съ радостью буду отвѣчать вамъ.

— Я непремѣнно буду писать... можно... черезъ арестантовъ, которыхъ въ часть отправляютъ... Только не оставляйте меня... Ей Богу...

— Карасевъ! Въ цейхгаусъ! Живо! — провозгласилъ дежурный по тюрьмѣ городовой.

— Ну, прощайте-же, Константинъ Николаевичъ! Можетъ быть, увидимся еще... И я крѣпко обнялъ Фока.

— Дай Богъ, чтобы васъ не сослали... и я бы тогда не пропалъ... сквозь слезы говорилъ Фокъ, отдавая мнѣ мои 20 руб.

Digitized by Google

— Надѣюсь, что вы, во всякомъ случаѣ, не пропадете. Не пренебрегайте только добрымъ словомъ... Читайте больше, пишите... А выпустятъ — посѣтите меня.

Фокъ твердилъ только: «я васъ никогда не забуду».

Человѣкъ, отвращеніе мое къ которому росло съ каждымъ днемъ моего знакомства съ нимъ, вдругъ сдѣлался мнѣ близокъ, — болѣе нежели близокъ — дорогъ. Оказалось, что все, за что я его ненавидѣлъ, не принадлежало ему: все это было привито тюрьмой, той средой, въ которую его бросила злодѣйка-нужда. Къ счастію, именно то, что способствовало скорому воспринятію вліянія этой убійственной среды, — безхарактерность, слабая въ духовномъ отношеніи натура, — послужило къ тому, что привитое зло не имѣло возможности совершенно уничтожить то доброе, надъ которымъ оно временно восторжествовало. Въ Фокѣ оказалась мягкая натура, доброе, чувствительное сердце, именно то, что всего менѣе можно было подозрѣвать въ немъ. Невольно возникалъ въ умѣ моемъ вопросъ: что сталось-бы со мной, если-бы судьба не натолкнула меня, во время моего перваго ареста, на такое доброе, человѣколюбивое существо, какъ Гурина? Не имѣлъ-ли бы и для меня первый день освобожденія изъ тюрьмы тѣхъ-же гибельныхъ послѣдствій, что и для Фока? Возможна-ли какая-нибудь борьба противъ такихъ страшныхъ стимуловъ, какъ голодъ, холодъ? Да, я долженъ былъ сознаться, что не себѣ, не своимъ духовнымъ силамъ я обязанъ тѣмъ, что не палъ въ первое-же время моего выхода изъ тюрьмы. Посторонняя, ничѣмъ незаслуженная помощь сдѣлала это. Виноватъ-ли Фокъ, что онъ былъ менѣе меня счастливъ и не нашелъ въ тюрьмѣ этой помощи?...

Въ больничномъ халатѣ, въ туфляхъ, съ непокрытой головой, меня повели, не смотря на сильную стужу, по всему длинному тюремному двору, на другомъ концѣ котораго помѣщался цейхгаусъ. На просьбу мою позволить мнѣ одѣться въ больницѣ, такъ какъ такая прогулка по двору грозитъ простудой, тѣмъ болѣе мнѣ, несовершенно еще оправившемуся отъ горячки, — послѣдовалъ со стороны дежурнаго городоваго такой отвѣтъ:

— Васъ выписали, *стало-быть* — вы здоровы. У насъ всѣхъ одѣваютъ въ цейхгаузѣ, *стало-быть* и вамъ туда нужно идти.

Digitized by Google

Докладывать-же въ контору о вашей просьбѣ не нахожу нужнымъ, потому что знаю порядокъ.

Очевидно, было-бы безполезно возражать противъ такого *форменнаго* отвѣта. Попытка моя пробѣжать скорѣе дворъ, чтобы не такъ долго быть на морозѣ въ своемъ больничномъ костюмѣ, также не удалась.

— Стойте! Бѣжать не полагается. Начальство можетъ увидать изъ корридора, и я долженъ за это отвѣчать. Ступайте шагомъ.

Пока я доплелся до цейхгауза *шагомъ*, я страшно продрогъ. Къ счастію, другихъ послѣдствій не имѣла эта опасная прогулка *шагомъ*, по морозу 30°, съ открытыми головой и шеей.

— Фамилія?—видимо ко мнѣ обратилъ свой вопросъ старый бакенбардистъ, уткнувшись въ какую-то большую конторскую книгу.

— Карасевъ.

— А, старый знакомый! Понравилась, видно, тюрьма? что это вамъ вздумалось княжествовать? спрашивалъ, улыбаясь, оставившій книгу бакенбардистъ. — Что-же вы не отвѣчаете? ваше сіятельство! откройте ротикъ... удостойте...

— Прошу васъ выдать мнѣ платье, — отвѣтилъ я.

— Выдадимъ, выдадимъ, ваше сіятельство... Посидите... удостойте... Ну, и въ плотную вы теперь попались?

— Или дайте мнѣ одѣваться, или ведите въ контору!—сказалъ я, наконецъ, дежурному городовому.

— Не кипятитесь, не кипятитесь, ваше сіятельство... Тише поѣдете, дальше будете...

Еще долго бакенбардистъ продолжалъ въ такомъ-же родѣ *шутить*. Безмолвіе мое заставило его, наконецъ, оставить меня въ покоѣ. Онъ приказалъ выдать мнѣ платье.

— Ну, чѣмъ не князь? — удостоилъ онъ меня, когда я ужь одѣлся, послѣдней шуткой.

— Въ контору! скомандовалъ дежурный городовой.

— Фамилія?—грубо закричалъ маленькій, толстенькій, красненькій помощникъ смотрителя, знавшій очень хорошо мою фамилію.

— Карасевъ.

— Ка-акъ?

— Карасевъ.

— За что арестованъ?

Digitized by Google

Улыбки, ужимки, которыми онъ сопровождалъ свои вопросы, интонація голоса были крайне нахальны и умышленно дерзки.

— Прошу избавить меня отъ подобныхъ вопросовъ,—отвѣтилъ я, не будучи въ состояніи хладнокровно отвѣчать помощнику. — У васъ есть документы, изъ которыхъ вы и можете извлечь нужныя вамъ свѣдѣнія.

— Безъ разсужденій! за что арестованъ?

Я молчалъ.

— Ужь допеку-же я васъ, голубчикъ, когда попадете къ намъ! вы у меня насидитесь въ карцерѣ!...

— Городовой! Вотъ, возьми конвертъ и отведи этого князя къ смотрителю N-ской части... Только смотри въ оба! Понимаешь?

— Будьте спокойны, ваше благородіе: не уйдетъ.

— То-то! Да скажи смотрителю отъ меня, чтобы онъ посбилъ съ него спѣсь... Да не забудь сказать, что онъ не дворянинъ: это видно изъ прежнихъ бумагъ, когда онъ у насъ сидѣлъ. Пусть его тамъ посадятъ къ разночинцамъ... Впрочемъ, постой...

И помощникъ досталъ изъ кармана визитную карточку, написалъ на ней нѣсколько словъ и отдалъ городовому.

— Отдай смотрителю. Гляди въ оба...

Я вышелъ изъ конторы, сильно взволнованный сценами въ цейхгаузѣ и тюремной конторѣ. Тяжело было на душѣ. Мною овладѣли, по обыкновенію, мрачныя мысли. Я до такой степени углубился въ себя, что не замѣтилъ, какъ прошелъ довольно порядочное пространство, отдѣляющее тюрьму отъ части, и очутился въ конторѣ полицейскаго дома.

Digitized by Google

ГЛАВА V.

ВЪ ПОЛИЦЕЙСКОМЪ ДОМѢ.—«НА СЛѢДСТВЕННОЙ».

На половинѣ длиннаго, темнаго корридора, въ нижнемъ этажѣ довольно большаго корпуса, занимаемаго собственно арестантскими помѣщеніями, открывалась большая площадка въ видѣ буквы П. Площадка эта и была контора полицейскаго дома. Скудно освѣщаемая двумя узенькими, высокими окнами, выходящими на дворъ, контора имѣла крайне грязный, неприличный видъ: потолокъ и стѣны были покрыты густымъ слоемъ черной копоти; просвѣчивавшія на этомъ темномъ фонѣ, свѣтлыя мѣста были покрыты влагой и, конечно, свидѣтельствовали о страшной сырости. Съ перваго взгляда трудно было опредѣлить, какой полъ былъ въ конторѣ: такъ онъ былъ покрытъ густымъ слоемъ грязи. Конторская мебель состояла изъ большаго, съ краснымъ сукномъ стола, въ одномъ углу, ободраннаго, запыленнаго, на трехъ ножкахъ, дивана въ другомъ, длинной деревянной скамейки у правой стѣны и одного стула и трехъ некрашенныхъ табуретовъ вокругъ стола; конторскія книги и бумаги лежали на томъ-же грязномъ полу, подъ столомъ, на доскѣ. На стулѣ сидѣлъ полицейскій чиновникъ, среднихъ лѣтъ, въ синихъ очкахъ. Большой носъ крючкомъ, необыкновенно тонкія губы, рѣзко выдающіяся скулы, рѣденькая козлиная бородка и множество морщинъ и складокъ на узкомъ лбу и лицѣ придавали тощей фигурѣ чиновника какой-то очень жалкій, не лишенный, въ то-же время, лукавства, видъ. Онъ подписывалъ какія-то бумаги. Табуретки были заняты, повидимому, писарями. На диванѣ полулежалъ околоточный надзиратель, типъ котораго говорилъ о еврейскомъ происхожденіи. Онъ просматривалъ суточный приказъ по полиціи. Тутъ-же у дивана стояли два полицейскіе служителя.

—Ваше высокоблагородіе! привели арестанта!—доложилъ одинъ изъ служителей чиновнику, очевидно смотрителю, вниманіе кото-

Digitized by Google

раго я и сопровождавшій меня городовой тщетно силились обратить на себя въ теченіи нѣсколькихъ минутъ.

— Давай сюда!—И городовой подалъ ему конвертъ и визитную карточку, отрапортовавъ при этомъ все, что ему наказывалъ въ тюрьмѣ помощникъ смотрителя относительно моей особы.

Прочитавъ бумагу и надпись на визитной карточкѣ, смотритель удостоилъ меня сначала долгимъ, пристальнымъ взглядомъ, а затѣмъ—рядомъ, должно быть неизбѣжныхъ, вопросовъ о званіи, имени, фамиліи, лѣтахъ, вѣроисповѣданіи и проч. Я рѣшительно не понималъ, къ чему предлагаются мнѣ, ужъ не въ первый разъ, эти вопросы? Документъ, при которомъ я присланъ для содержанія подъ стражей, несомнѣнно заключалъ въ себѣ всѣ тѣ свѣдѣнія, о которыхъ меня спрашивали. Тѣмъ не менѣе, я отвѣтилъ на всѣ вопросы смотрителя. Росписавшись въ книгѣ, при которой ему былъ поданъ пакетъ обо мнѣ, онъ передалъ ее городовому, со словами:

— Ступай! Кланяйся Ивану Ивановичу и скажи, что я очень благодаренъ за предупрежденіе...

— Обыскать!

Ко мнѣ подскочили два служителя; одинъ схватилъ мою шляпу, другой—пальто. Тщательно осмотрѣвъ то и другое, служители безцеремонно приступили къ осмотру не только всего остальнаго на мнѣ платья, но и всего тѣла.

— Хорошенько! хорошенько!—приказывалъ смотритель.—Цинизмъ, съ какимъ служители осматривали мое тѣло, положилъ конецъ моему терпѣнію.

— Вы видите, что у меня ничего особеннаго нѣтъ; все, что есть,—передъ вами. Нельзя-ли положить конецъ усердію служителей? Посмотрите, что они дѣлаютъ...

— Хорошенько осмотрѣть! былъ отвѣтъ.

— Готово, ваше высокоблагородіе! произнесли, наконецъ, служители.

— Одѣвайтесь! Деньги, золотыя и серебряныя вещи, бумага, шляпа, перчатки, галстухъ останутся въ конторѣ,—произнесъ смотритель, какъ-бы отчеканивая каждое слово.

Господинъ, полулежавшій на диванѣ, въ формѣ околоточнаго надзирателя, уже болѣе не читалъ суточнаго приказа; онъ, видимо, весь погруженъ былъ въ разглядываніе моей преступной

Digitized by Google

особы. Конецъ его наблюденіямъ положилъ сдѣланный ему смотрителемъ знакъ пальцемъ, приглашавшій его подойти къ столу. Пока я одѣвался, не прекращался разговоръ шепотомъ между смотрителемъ и околоточнымъ; разговоръ, видимо, касался меня.

— Такъ вы распорядитесь!—громко заключилъ смотритель, вставая и выходя изъ конторы.

— Готовы вы?—спросилъ меня околоточный.

Я одѣлся.

— Пожалуйте за мной.—И околоточный повелъ меня темнымъ корридоромъ, изъ котораго вела крутая, грязная, плохо освѣщенная лѣстница въ другіе два этажа трехъэтажнаго каменнаго корпуса. У дверей, ведшихъ въ корридоръ втораго этажа, лѣстница прерывалась. Дверь была заперта со стороны корридора. Околоточный началъ стучать ногами въ дверь; это длилось минуты двѣ. Наконецъ, стукъ дошелъ до кого слѣдуетъ; раздались издалека шаги, и послѣ продолжительной возни съ замкомъ, въ который отпиравшій—надо полагать—не могъ скоро вложить ключъ, дверь была отперта очень старенькимъ, дряхлымъ унтеръ-офицеромъ, въ формѣ полицейскаго служителя. Корридоръ во второмъ этажѣ былъ гораздо свѣтлѣе; изъ камеръ, выходившихъ на корридоръ и отдѣленныхъ отъ него большой деревянной рѣшеткой, доносились безобразный гулъ отъ многихъ голосовъ, грубая брань и хохотъ. Изъ этого корридора вела лѣстница въ третій этажъ, также упиравшійся въ запертую дверь корридора того этажа. На этотъ разъ, на стукъ околоточнаго, живо отперъ дверь здоровый дѣтина лѣтъ сорока, съ залихватскими усами и лицомъ, заплывшимъ отъ жира, или пьянства,—казалось, вѣрнѣе отъ послѣдняго.

— Вотъ, Савельевъ, къ разночинцамъ... На слѣдственную,—сказалъ ему околоточный, указывая на меня.

— Ну, не понравится барину съ разночинцами... качая головой, произнесъ Савельевъ.

— Это, братъ, такой-же баринъ, какъ ты,—смѣясь, отвѣтилъ ему околоточный, уходя изъ корридора.

Заперевъ дверь, Савельевъ, прежде, чѣмъ помѣстить меня въ камеру, счелъ нужнымъ полюбопытствовать: за что меня привели, покровительственно добавивъ при этомъ:

Digitized by Google

— Присядьте-ка вотъ тутъ, на подоконникъ! Надоѣстъ еще въ камерѣ! Я, знаете, человѣкъ *такой*... да, вотъ, сами узнаете...

Volens-nolen, пришлось удовлетворять любопытство любезнаго *такого* человѣка.

— А, такъ это вы-то и есть князь Каракадзе!...—Какъ-же-съ... Читалъ-съ много... И смотритель часто поминалъ...—Зачѣмъ-же это васъ на разночинную? — произнесъ онъ послѣ того, какъ я ему объяснилъ, что я «арестованъ за присвоеніе непринадлежащаго мнѣ имени князя Каракадзе».

Я попросилъ его проводить меня въ эту разночинную. Послѣ всего испытаннаго въ этотъ день, я очень нуждался въ отдыхѣ. Мнѣ хотѣлось поскорѣй остаться съ самимъ собою.

Такая-же деревянная рѣшетка, какъ и во второмъ этажѣ, отдѣляла отъ корридора три арестантскихъ камеры; четвертая-же камера, на дверяхъ которой красовалась надпись: «благородные», помѣщалась отдѣльно отъ другихъ,—не съ боку корридора, а въ концѣ его. Вмѣсто деревянной рѣшетки, была обыкновенная перегородка, съ массивною дверью по срединѣ и маленькимъ въ ней окошечкомъ, рѣдко переплетеннымъ желѣзными прутьями. Я былъ введенъ въ одну изъ первыхъ трехъ камеръ.

— Ну—вы! Сорванцы! Смотрѣть у меня, безъ всякихъ *штукъ!* Не-то проберу! — строго обратился Савельевъ къ нѣсколькимъ грязнымъ, оборваннымъ мальчишкамъ, бросившимся ко мнѣ съ крикомъ: «Новенькій! Новенькій! Вотъ здѣсь ложитесь, около печки... Нѣтъ, нѣтъ: у стѣнки!»... Мальчишки присмирѣли. Въ камерѣ находилось еще человѣкъ восемь такимъ-же оборванныхъ, немытыхъ лицъ, разныхъ лѣтъ,—повидимому, отъ 25 до 50. Не смотря на холодъ въ камерѣ, большинство жильцовъ были безъ обуви, босикомъ. Всѣ они упорно оглядывали меня. Я поблагодарилъ Савельева за его вниманіе; онъ, видимо, только и ждалъ этого. Отозвавъ меня въ сторону, онъ шопотомъ произнесъ:

— Помилуйте-съ! я всегда, что могу... Вѣдь сейчасъ видно по человѣку... Только, осмѣлюсь васъ попросить, нѣтъ-ли у васъ 20 коп.? Признаться, передъ обѣдомъ хотѣлось бы хватить, да ни гроша денегъ...

Я объяснилъ моему почтенному стражу, что деньги у меня отобраны въ конторѣ, и что если бы я имѣлъ ихъ при себѣ, то не преминулъ бы исполнить его просьбу.

Digitized by Google

— Это ничего-съ! Вы только прикажите, а мы ужь получимъ... Да вамъ, все равно, въ лавку за чѣмъ-нибудь придется посылать... Ужь я знаю: здѣшнія помои вамъ не понравятся...

— Дѣйствительно, нужно-бы чего-нибудь купить,—отвѣтилъ я, вспомнивъ, что я еще ничего въ тотъ день во рту не имѣлъ.

— Вотъ и отлично! сколько прикажете получить изъ конторы на расходы?

— Сколько дадутъ.

— Я возьму три рубля; а тамъ, что вамъ только нужно будетъ, вы только скажите, и я—мигомъ...

Стражъ заперъ камеру. Грязныя, ничѣмъ не покрытыя, высокія нары занимали большую половину камеры. Кромѣ наръ, въ камерѣ не было никакой мебели. Взобравшись на эти нары, я вступилъ въ разговоръ съ моими новыми сотоварищами по заключенію. Всѣ они оказались воспитанниками страшнаго вертепа, именуемаго домомъ Вяземскаго. Безжизненныя, испитыя лица у однихъ, опухлыя, вздутыя у другихъ, у нѣкоторыхъ крайне изуродованныя физическимъ развратомъ, заразительными болѣзнями, всѣ эти несчастные, воры по ремеслу, бродяги по состоянію, представляли собою отвратительное, ужасное общество. Три мальчика, изъ которыхъ старшему могло быть не болѣе 17 лѣтъ, казалось, были даже развращеннѣе своихъ старшихъ товарищей. Ихъ воровское нарѣчіе изобиловало такой массой *крѣпкихъ* словъ, возмутительными мѣстоименіями, содержаніе разговора было до такой степени грубо-цинично, что становилось невѣроятнымъ, чтобы порокъ, при какихъ-бы то ни было обстоятельствахъ, могъ такъ глубоко проникнуть въ эти юныя существа, всецѣло овладѣть ихъ душами. Сначала, вступивъ самъ въ разговоръ съ ними, я вскорѣ не зналъ, какъ отдѣлаться отъ него. Ужь я болѣе не спрашивалъ; *меня* спрашивали. Попытка уклониться отъ отвѣтовъ вызвала сперва грубыя остроты, а затѣмъ и брань. Чтобы совершенно не потерять уваженія этихъ людей и не подвергнуться большимъ непріятностямъ, пришлось насиловать себя, насколько возможно подлаживаясь подъ общій тонъ. Я заявилъ, что я ужь не новичекъ и сидѣлъ во многихъ тюрьмахъ. Это возымѣло свое дѣйствіе. Два-три слова тюремнаго арго окончательно убѣдили публику, что я «свой человѣкъ», только высшаго полета; о послѣднемъ свидѣтельствовало мое наружное благосостояніе: богатое

Digitized by Google

платье. Роли перемѣнились: старые жильцы, видимо, стали заискивать у новичка; словомъ, послѣ крайне тяжелой для меня двухчасовой бесѣды съ этими, потерявшими человѣческій образъ, несчастными созданіями, я могъ, не стѣсняясь и не опасаясь вызвать грубыя замѣчанія, объявить слѣдующее:

— Я сегодня очень усталъ. А мнѣ еще надо кое о чемъ подумать. Уберитесь-ка, ребята, въ тотъ уголъ, да не очень шумите.

Нары, какъ я уже упомянулъ, были ничѣмъ не накрыты; никакой подстилки. Напрасно я пробовалъ было снять съ себя пальто и положить подъ голову; мнѣ скоро пришлось отказать себѣ въ такой роскоши: въ камерѣ было такъ холодно, что въ одномъ сюртукѣ я скоро продрогъ; къ тому-же, жесткое ложе очень чувствительно заявляло о себѣ. Я долго прилаживался и, наконецъ, кое-какъ, въ полу-сидячемъ положеніи, упершись въ уголъ, вѣроятно благодаря тому, что я былъ сильно утомленъ, заснулъ. Затѣявшаяся въ камерѣ драка, поднятымъ собою шумомъ, заставила меня проснуться. Дрались собственно двое; остальные принимали въ ней живое участіе *словомъ*: «Ай да заяцъ!... Хорошенько, косой!... Славно хватилъ!... Подъ микитку-то!... Молодецъ, заяцъ!...» подзадоривали товарищи дерущихся. Видъ послѣднихъ былъ страшенъ. Какъ разъяренные звѣри, они брасались другъ на друга, нанося во что ни попало полновѣсные удары руками и ногами. У одного кровь текла изъ носа, у другого — одновременно и изъ носа, и изо рта; глаза подбиты; отъ ветхихъ, грязныхъ лохмотьевъ, покрывавшихъ ихъ плечи, не осталось и слѣда. Драка, не смотря на крикъ и гвалтъ, ее сопровождавшіе, долго не могла вызвать появленія стражи.

Наконецъ, послышались шаги. Къ камерѣ, нетвердой походкой, сильно покачиваясь изъ стороны въ сторону, подошелъ Савельевъ.

— Ну, вы, черти! Смирно!... Ишь какъ исполосовали другъ друга... Маршъ въ контору!—скомандовалъ онъ, выводя за волосы обоихъ дерущихся изъ камеры.

— Полно, Савельичъ! брось!... Охота тебѣ... Мы лучше своимъ судомъ... усмиримъ... бро-сь! — обступила вся камера Савельева.

— Я что-жь... Я ничего...—бормоталъ Савельевъ.—По мнѣ чортъ съ вами! Только порядокъ... правило требуетъ, чтобы я,

Digitized by Google

значитъ, того... А, вотъ, какъ по вашему? — обратился онъ вдругъ ко мнѣ.

— Знамо—брось,—подсказывали мнѣ арестанты.

— Какъ знаете. Это — ваше дѣло, отвѣтилъ я. — Только-бы они перестали драться. — Да изъ-за чего они разодрались? полюбопытствовалъ я у одного изъ особенно заступавшихся за дравшихся.

— А видишь: косого-то стоило и не такъ еще побить! Онъ, вишь, на волѣ вмѣстѣ съ зайцемъ торговалъ. Ну, разъ возьми и *зажилъ* [1])—ни *сламу* [2]), ничего... Это, по нашему, не дѣло. А теперь попались ребята вмѣстѣ и считаться стали... малость помяли другъ друга... Оно, вѣдь, это здорово! пра-аво.

Постоявъ минуты двѣ въ нерѣшимости, Савельевъ, наконецъ, изрекъ:

— Чортъ съ вами! ступайте, обмойтесь хорошенько. Это я для барина вотъ... заключилъ онъ, показывая на меня. — Дравшіеся бросились куда-то обмываться.

— Эхъ, что-бы васъ на благородную... Ужь я похлопочу! озабоченно говорилъ мнѣ Савельевъ.—Можетъ быть, кушать хотите? Я получилъ на васъ три рубля. Сейчасъ баринъ будетъ записывать, кому что нужно... Да, вотъ, они—легки на поминѣ.

У рѣшетки показался «баринъ», съ грифельной доской въ рукахъ. Это былъ высокій господинъ, въ щегольскомъ сѣронѣмецкомъ спальномъ халатѣ.

— Ну, говорите: что кому нужно?—спросилъ онъ камеру густымъ, здоровымъ басомъ, съ любопытствомъ осматривая меня, между тѣмъ.

— Мнѣ селедку!—Мнѣ пятокъ огурцовъ!—Тежки!—Колбасы! заказывали мои сожители, подавая «барину» пятаки.

— А вы ничего не прикажете?—вѣжливо обратился онъ ко мнѣ.

Я попросилъ записать полубѣлый хлѣбъ и чухонскаго масла.

— Деньги ихнія у меня,—заявилъ Савельевъ.

— Да что это васъ куда посадили? Вы проситесь къ намъ. У насъ и постели есть, и чисто...

— Смотритель находитъ, вѣроятно, противузаконнымъ помѣстить меня къ вамъ,—отвѣтилъ я.

---

[1]) Утаилъ.

[2]) Часть добычи.

Digitized by Google

— Нѣтъ, это не то. У насъ-же сидятъ крестьянинъ и цеховой... *Дать* нужно! добавилъ онъ по французски. О, Егоровъ знаетъ свое дѣло! сказалъ онъ про себя, отходя отъ рѣшетки.

— Чья здѣсь фамилія: Егоровъ?—спросилъ я у Савельева.

— Это баринъ про смотрителя сказали,—отвѣтилъ онъ мнѣ, запирая камеру.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ корридорѣ раздалось: «за ужиномъ!»—Арестантъ полѣзъ подъ нары, откуда и вытащилъ двѣ большія, черныя отъ грязи, деревянныя чашки и такія-же ложки. Затѣялся споръ: кому идти на кухню?

— Ишь ты какой! четыре раза былъ на этой недѣлѣ, а все лѣзетъ... Нѣтъ ужь—дудки! Я давно не былъ! горячился одинъ, отнимая чашку у другого.

— Врешь, чортовъ сынъ! кричалъ третій.—Ты вчера за подаяніемъ ходилъ! Отдай безъ грѣха... Не-то, вотъ-те Христосъ, задушу!

— Я знать ничего не хочу! Сегодня Машка будетъ на кухнѣ, и я ужь ни за какія коврижки не пропущу!

Каждый стремился завладѣть чашкой. Едва успѣлъ Савельевъ отпереть камеру, какъ двое, посильнѣе, рванувъ изо всѣхъ силъ чашки, бросились съ ними въ корридоръ. Вслѣдъ имъ раздался дружный залпъ непечатной брани. Прошло минутъ десять. Арестанты возвратились «съ ужиномъ». Обѣ чашки были до краевъ наполнены жидкостью, носившею названіе «*супа*». Тѣ-же грязныя нары служили вмѣсто стола и скамеекъ. Чашки были поставлены посрединѣ наръ, на которыхъ арестанты расположились кругомъ. Мнѣ предложили отвѣдать «супа». Я съ отвращеніемъ проглотилъ ложку горячей, грязной воды, въ которой плавала какая-то шелуха, вѣроятно,—необходимая составная часть этого оригинальнаго супа. Нельзя было, однакожь, не удивляться аппетиту, съ какимъ арестанты поглощали его. Затрапезная бесѣда объяснила мнѣ, почему арестанты рвались на кухню. Дѣло въ томъ, что въ полицейскомъ домѣ есть также и женская камера, которая большинствомъ своихъ обитательницъ обязана тому-же преслову-тому дому Вяземскаго. Понятно, что тамъ находились и старыя знакомыя моихъ сотоварищей по камерѣ. И, вотъ, для нихъ-то, «кухня» и служила мѣстомъ свиданія: они не только не прекращали въ полицейскомъ домѣ своихъ прежнихъ сердечныхъ отно-

Digitized by Google

шеній, но иные завязывали на той-же кухнѣ новыя,—разумѣется, съ тѣми-же погрязшими въ развратѣ и пьянствѣ женщинами. Отсутствіе должнаго надзора давало возможность *всякому* пользоваться запретнымъ. Такъ, на кухню, одновременно, выпускались, изъ всѣхъ шести мужскихъ и одной женской камеръ полицейскаго дома, по два арестанта. Служебный персоналъ на кухнѣ—староста, поваръ и хлѣборѣзъ — назначался изъ арестантской-же среды. На ихъ-же отвѣтственности лежала правильная раздача пищи. Очень рѣдко, кто-нибудь изъ чиновъ административнаго надзора въ домѣ присутствовалъ при этомъ. Въ предупрежденіе-же возможности побѣга кого-либо изъ арестантовъ, во время слѣдованія чрезъ дворъ изъ камеръ на кухню и обратно, дежурный по двору принималъ ихъ изъ нижняго корридора и впускалъ обратно, *по счету*. Затѣмъ, пока арестанты были на кухнѣ, все ограничивалось, можетъ быть, болѣе внимательнымъ наблюденіемъ дежурнаго за полицейскимъ дворомъ. Собственноже *на кухню* арестантовъ никто не сопровождалъ. Можно себѣ представить, какія безобразія тамъ творились... Одинъ изъ ходившихъ «за ужиномъ», правда, вернулся съ подбитымъ глазомъ; но, тѣмъ не менѣе, онъ былъ очень доволенъ и увѣрялъ, что все удалось какъ нельзя лучше; то-же подтверждалъ и его товарищъ. Вскорѣ послѣ ужина явился Савельевъ «съ лавкой». Селедки, тежка, чай, сахаръ, огурцы, хлѣбъ, масло, все, что только было записано арестантами, валялось во внесенной Савельевымъ въ камеру грязной корзиннѣ. Я употребляю выраженіе «валялось», потому что всѣ эти разнообразные продукты, даже такіе, какъ сливочное масло и селедки, лежали вмѣстѣ, не будучи ничѣмъ отдѣлены, даже въ бумагу не обвернуты. Понятно, что и принесенное мнѣ въ той-же корзинкѣ масло было грязно и пропитано запахомъ селедки, такъ что, не смотря на чувствуемый голодъ, я, однакожь, вынужденъ былъ довольствоваться только хлѣбомъ,—впрочемъ, также не мало пострадавшимъ отъ сосѣдства селедокъ, составлявшихъ главную статью въ арестантскихъ закупкахъ. Раздавъ «лавку», Савельевъ незамѣтно сунулъ мнѣ въ карманъ пальто пачку папиросъ [1]), сказавъ при этомъ: «Ужь не

[1]) Куреніе арестантами табаку, какъ въ тюрьмахъ, такъ и въ полицейскихъ домахъ строго возбраняется.

Digitized by Google

безпокойтесь, я человѣкъ *такой*... Все сдѣлаю»... Онъ былъ очень удивленъ, когда я, также незамѣтно для другихъ, возвратилъ ему эту пачку. Объяснять ему при прочихъ арестантахъ, что я не курю, было неудобно. Савельевъ истолковалъ это *по своему* и, спустя немного времени, вызвалъ меня въ корридоръ.

— Я перемѣнилъ... эти ужь будутъ хороши... въ 25 копѣекъ,— сказалъ онъ мнѣ, подавая пачку другихъ папиросъ. Я предложилъ ему записать на меня заплаченныя 25 коп. и оставить папиросы у себя, такъ какъ я не курю.

— Ну, къ утру, я вамъ водочки припасу,—утѣшительно произнесъ онъ. Старанія мои убѣдить его, что я не курю и не пью водки, были напрасны.

— Полноте шутить!... ничего... я, знаете, англійской горькой.—На лѣстницѣ послышался шумъ.—Повѣрка идетъ! сказалъ мнѣ Савельевъ, спѣша запереть меня въ камеру.

Повѣрку производилъ околоточный, сопровождаемый нѣсколькими служителями.

— Здорово, ребята!—произнесъ онъ, входя въ нашу камеру. Послѣ дружнаго «здравія желаемъ!», которымъ отвѣтили ему арестанты, началась перекличка по именному списку.

— Дмитрій Карасевъ!—заключилъ околоточный перекличку.

— Я,—отвѣтилъ я, по примѣру другихъ арестантовъ.

— Не имѣете-ли чего заявить?—спросилъ онъ меня.

— Говорятъ, что здѣсь есть камера, въ которой имѣются постели и въ которой болѣе или менѣе чисто. Я бы просилъ васъ перевести меня въ ту камеру.

— Это невозможно: смотритель приказалъ помѣстить васъ въ эту камеру. У насъ есть, правда, комната, въ которой имѣются нѣкоторыя удобства, но она предназначена *только* для дворянъ. Вы-же, насколько видно изъ постановленія о васъ, не принадлежите къ привиллегированному сословію.

— Въ такомъ случаѣ, дайте что-нибудь положить подъ голову.

— У насъ ничего не полагается. Впрочемъ, я доложу смотрителю,—можетъ быть, онъ и найдетъ возможнымъ дать вамъ казенный армякъ.

— Я-бы хотѣлъ прочитать постановленіе, о которомъ вы упомянули.

— Доложу смотрителю.

Digitized by Google

Когда и въ другихъ камерахъ кончилась перекличка, околоточный скомандовалъ: «на молитву!» Арестанты были выпущены изъ всѣхъ камеръ на корридоръ, и передъ образомъ, висѣвшимъ надъ «благородной» камерой, нѣкоторые запѣли вечернія молитвы. Околоточный, во время молитвы, находился у «благородныхъ», не удостоившихъ пожаловать «на молитву». Изъ ихъ камеры доносились громкій смѣхъ и стукъ вилокъ и ножей о тарелки. По окончаніи молитвы, околоточный, не выходя изъ «благородной» камеры, крикнулъ: «Маршъ по камерамъ! Да смотрѣть—не курить!» Всѣ разошлись. Савельевъ заперъ камеры и потушилъ въ нихъ ночники, и безъ того очень плохо освѣщавшіе. Мы остались въ потемкахъ.

— Развѣ тутъ ночью огня не полагается?—спросилъ я моихъ сотоварищей.

— Какъ не полагается! Всюду полагается! — отвѣтилъ мнѣ одинъ изъ нихъ,—это только у здѣшняго смотрителя такъ водится. Понимаешь, чтобы въ карманъ-то, значитъ, больше попало... Ужь я, къ примѣру сказать, во скольких тюрьмахъ и частяхъ сидѣлъ, а этакого ерыги смотрителя, какъ здѣшній, не видѣлъ. Въ теперешнее, самое холодное время по два дня не топитъ камеры,—гдѣ это видано?

— А развѣ никто изъ начальства не приходитъ сюда?—спросилъ я его.

— Какъ не приходить! анамеднись пріѣзжалъ какой-то. Петруха возьми, да и пожалуйся: холодно, молъ.... Такъ онъ какъ на него напустился: «чортъ, говоритъ, тебя несъ въ тюрьму!» А какъ уѣхалъ, такъ сейчасъ смотритель Петруху въ карцеръ; а ужь тамъ, знамо дѣло, взлупили какъ быть должно... мое почтеніе!—Что, Петруха, небось и теперь чешется? ха-ха-ха! обратился онъ къ кому-то.

— Ничево, досталось малость на орѣхи!—отозвался, должно быть, Петруха.

— Какъ это взлупили?—спросилъ я.

— Какъ? а вотъ какъ: здѣсь, въ камерѣ-то, опаску имѣютъ,—не равно другіе, молъ, заступятся; а ужь въ карцерѣ, одного-то дуй сколько хочешь... Нечего сказать, на счетъ чего, а на счетъ этого смотритель знаетъ свое дѣло.—Ну, чья очередь сказку ска-

Digitized by Google

зывать? Начинай! обратился онъ къ товарищамъ, давно взобравшимся на нары.—Заяцъ! тебѣ сказывать.

И заяцъ, затянувшись смолкой, началъ *сказывать*.

Въ камерѣ былъ невыносимо тяжелый запахъ. Глаза и горло сильно страдали отъ ѣдкаго дыма махорки, которую, какъ только въ камерѣ потушили огонь, почти всѣ закурили. Кромѣ того, запахъ сырости и зловоніе отъ такъ называемой «парашни» [1]), поставленной на ночь въ камерѣ, дѣлали пребываніе въ камерѣ убійственнымъ. Въ полицейскомъ домѣ предоставлялось каждому арестованному носить свое платье и бѣлье, какъ-бы оборвано и грязно оно ни было; казенная смѣна не всякому выдавалась. Арестанты, подобные моимъ сотоварищамъ по камерѣ, прибывая въ полицейскій домъ въ лахмотьяхъ, нерѣдко вовсе безъ рубашки, и оставались въ такомъ видѣ во все время содержанія ихъ въ полицейскомъ домѣ, 3—4 мѣсяца. Мудрено-ли, поэтому, что эти несчастные, валявшіеся, къ тому-же, на грязныхъ, голыхъ нарахъ, дѣлались жертвами отвратительныхъ насѣкомыхъ, зарождавшихся въ этой грязи, и пропитывались особенно зловоннымъ запахомъ. Въ послѣдствіи я узналъ, что мѣстный тюремный комитетъ снабдилъ достаточнымъ количествомъ бѣлья всѣ полицейскіе дома. Стирка этого бѣлья составляла добрую статью дохода. И вотъ, смотритель того полицейскаго дома, въ которомъ мнѣ привелось сидѣть, выдавая лишь нѣсколько смѣнъ бѣлья арестованнымъ «благороднымъ», остальное хранилъ чистымъ, въ цейхгаузѣ, и долгое время получалъ, откуда слѣдовало, деньги, на 3—4 стирки въ мѣсяцъ. Незадолго до моего прибытія, полицейскій домъ посѣтилъ одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ директоровъ этого комитета.

Грязный видъ арестантовъ побудилъ его освидѣтельствовать ихъ бѣлье.

— Это все, ваше превосходительство, проходящіе бродяги... на нѣсколько дней... Такъ что я считаю лишнимъ выдавать имъ бѣлье, — заявилъ смотритель. Посѣщеніе этого директора имѣло послѣдствія: смотрителя лишили «стирки». Грязное бѣлье должно было сдаваться, для мытья, въ мѣстный тюремный замокъ. Ка-

[1]) Такъ арестанты называютъ умвтъ, служащій для ночныхъ испражненій. Называютъ также «Парашей», «Прасковьей Андреевной».

Digitized by Google

залось-бы, что, послѣ этого, смотрителю не было цѣли не выдавать бѣлья нуждающимся въ немъ арестантамъ. Тѣмъ не менѣе, послѣдніе, какъ и прежде, удостоивались носить казенное бѣлье по строгому выбору. Вліятельный директоръ больше не пріѣзжалъ, а прочее начальство, изрѣдка посѣщавшее домъ, не обращало на это обстоятельство особеннаго вниманія, всегда оставаясь довольнымъ чистотою въ «благородной» камерѣ, которою оно обыкновенно оканчивало свой обходъ дома.

Не прошло, полагаю, и часа послѣ того, какъ я улегся на нарахъ, какъ я сталъ ощущать присутствіе на себѣ насѣкомыхъ. Мало по малу, число ихъ увеличивалось, и вотъ, въ то время, какъ я въ теченіи цѣлой ночи не могъ ни на минуту заснуть, охотясь въ темнотѣ за осадившимъ меня непріятелямъ, мои сотоварищи, разсказавъ и выслушавъ нѣсколько сказокъ, поругавъ нѣкоторыхъ «пауковъ» и сыщиковъ и утѣшивъ себя надеждой на мщеніе по выходѣ «на волю», заснули богатырскимъ сномъ, сопровождая его оглушительнымъ храпомъ. То, что грозило мнѣ при продолжительномъ пребываніи въ камерѣ чахоткой, — воздухъ, сырость, зловоніе,—на этихъ людей не производило, повидимому, никакого вліянія. Ихъ легкія давно привыкли дышать испорченнымъ воздухомъ въ сырыхъ подвалахъ дома Вяземскаго, тѣла—къ постоянному присутствію грязи и насѣкомыхъ. Въ эту ночь я просто завидовалъ имъ. Голова моя, покоившаяся на голой доскѣ, страшно болѣла; бокамъ было не менѣе чувствительно; зудъ, производимый насѣкомыми, заставлялъ бодрствовать... Я весь измучился. Съ несказанною радостію я встрѣтилъ утро.

Полицейскій служитель (не Савельевъ) отперъ камеру, крича: «Вставать! вставать! живо!»—Я спросилъ его, гдѣ умываются?

— А вонъ, въ корридорѣ стоитъ ушатъ, наберите воды въ ковшикъ и умывайтесь.

— Но есть-же, вѣроятно, и другой какой-нибудь ушатъ или ведро, надъ чѣмъ умываются?

— Нѣтъ; у насъ прямо на полу умываются. Конечно, много наливать тоже нельзя... А такъ умываться... отчего-же?—все равно, каждое утро приходится мочить полъ... Моемъ швабрами каждый день... чтобы чистота была.

Я умылся, т. е. обдалъ лицо и руки холодной водой. Новое горе: у меня не было полотенца.

Digitized by Google

— Нѣтъ-ли чѣмъ нибудь утереться?—спросилъ я опять служителя. — Неужели здѣсь не полагается какой-нибудь тряпки лицо вытирать?

— Должно быть, не полагается, если нѣтъ. Вонъ посмотрите, какъ другіе утираются!—добавилъ онъ, показывая на расхаживавшихъ по корридору арестантовъ, вытиравшихъ свои мокрыя лица, кто—переднею частью грязной рубашки, кто—рукавомъ не менѣе грязной, оборванной поддевки, кто—картузомъ и т. д.

— И «благородные» такъ утираются?

— Ну, зачѣмъ?... Тамъ *народъ другой*... У кого нѣтъ своего полотенца, такъ мы выдаемъ...

Отъ души пожалѣлъ, въ этомъ случаѣ, о невозможности удостоиться причисленія къ лику «благородныхъ», т. е. такихъ «другихъ народовъ», которые и въ полицейскомъ домѣ имѣютъ право на полученіе полотенца для вытиранія лица и рукъ, — я, кое-какъ, при помощи своего не совсѣмъ чистаго носоваго платка, избѣгъ на этотъ разъ необходимости ждать, пока лицо и руки обсохнутъ естественнымъ путемъ.

Нѣсколько арестантовъ приступили къ мытью половъ въ камерахъ и корридорахъ, для чего предварительно весь полъ былъ обданъ водой. Принесенныя откуда-то мочальныя швабры, отъ избытка грязи на нихъ, совершенно потеряли свой первоначальный цвѣтъ. Этими-то швабрами и начали мыть—точнѣе—мазать полъ. Двѣ-три минуты, и полъ былъ *вымытъ*; швабры кое-какъ вобрали въ себя воду, и полъ, отъ сырости и грязи, какъ-бы окрасился черной краской.

— За кипяткомъ!—раздалось въ корридорѣ.

Изъ прочихъ камеръ показались арестанты съ жестяными чайниками и глиняными кувшинами въ рукахъ. Это были счастливцы, которые имѣли *что* заварить. Въ моей камерѣ не водилось ни чайниковъ, ни кувшиновъ; но, тѣмъ не менѣе, одинъ арестантъ попытался было побывать на кухнѣ, какъ-бы «за кипяткомъ».

— Эй, кадетъ! Ты куда? Давно-ли ты чай-то сталъ пить? Гдѣ у тебя чайникъ? — И полицейскій служитель впихнулъ бѣднягу обратно въ камеру.

Желая немного оправить на себѣ платье, такъ какъ я спалъ, т. е. метался всю ночь на нарахъ, не раздѣвшись, — я снялъ съ

Digitized by Google

себя пальто и сюртукъ. И, о ужасъ!... осаждавшій меня, ночью, непріятель буквально покрывалъ все пальто. Трудно было найти на немъ мѣсто, свободное отъ насѣкомыхъ. Сюртукъ, брюки и жилетъ также изобиловали ими.

— Позвольте, я вамъ стряхну,—вызвался одинъ арестантъ.— Этой твари тутъ вдоволь... Ишь, какъ набросились на свѣжаго человѣка!

— Да что толку стряхивать, если завтра ихъ столько-же будетъ!—отвѣтилъ я съ досадой.

Я позвалъ служителя.

— Есть кто-нибудь въ конторѣ?—спросилъ я его.

— Какъ-же: смотритель давно ужь тамъ.

— Потрудитесь, пожалуйста, сейчасъ-же доложить ему, что я прошу его или вызвать меня къ себѣ въ контору, или пожаловать сюда. Мнѣ необходимо теперь-же его видѣть.

— Да вы это на счетъ чего? Не на счетъ-ли этого?—спросилъ онъ, смѣясь показывая на пальто и сюртукъ, лежавшіе на нарахъ.

— Да, и на счетъ этого, и на счетъ другого. Пожалуйста доложите.

— Хорошо-съ. Неравно кто-нибудь снизу придетъ, такъ передамъ. Мнѣ самому нельзя отсюда отойти... Да вы одѣньтесь,—въ рубашкѣ-то одной холодно!... наставительно добавилъ служитель.

— Здравствуйте, monsieur Карасевъ! Какъ спали?—произнесъ подошедшій къ рѣшеткѣ «баринъ», записывавшій «лавочку».

— Какъ видите,—отвѣчалъ я, предъявляя ему мое пальто.

— Это возмутительно!—серьезно воскликнулъ «баринъ».— Вы или *дайте* этому бестіѣ Егорову, или жалуйтесь прокурору... Жаль, что онъ не на меня нарвался, — я-бы ему показалъ... «Баринъ» не договорилъ, что-бы онъ ему показалъ.

— Я просилъ доложить ему, что хочу его видѣть,—сказалъ я.

— И отлично! Только вы, знаете, этакъ напуститесь на него... О, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, первостепенный трусъ... Да вы, я думаю, и сами знаете, какъ его отдѣлать: я имѣю нѣкоторое понятіе о князѣ Каракадзе... И «баринъ», ухмыляясь, протянулъ мнѣ чрезъ рѣшетку свою «благородную» руку.

— Пожалуйте въ контору, г. Карасевъ!—объявилъ мнѣ вбѣжавшій въ корридоръ Савельевъ.—Какъ спали?... здоровы-ли?... Позвольте, нужно немного стряхнуть... сказалъ онъ равнодушно,

Digitized by Google

когда я надѣвалъ пальто. Масса насѣкомыхъ его, повидимому, нисколько не удивила.

— Не безпокойтесь... я хочу показаться въ такомъ видѣ смотрителю.

— Напрасно... они еще пуще разсердятся.

— На кого?—удивленно спросилъ я.

— Да на васъ... Они этого не любятъ.

— Проводите-же меня къ нему.

Въ конторѣ, кромѣ смотрителя, писарей и околоточнаго, находилось еще, повидимому, цѣлое семейство, члены котораго,— высокій, плотный, лѣтъ 50-ти, лысый мужчина, съ приплюнутымъ носомъ и узенькими, сѣрыми глазками, двѣ худенькія дамы, руки которыхъ безцеремонно покоились на его колѣняхъ, золотушный мальчикъ лѣтъ 17 и, такихъ-же лѣтъ, кругленькая вертлявая барышня, — не столько говорили, сколько хохотали. Въ хохотѣ принималъ участіе и смотритель... Послѣдній, не смотря на то, что замѣтилъ мой входъ въ контору, не счелъ нужнымъ прервать свой хохотъ. Только послѣ того, какъ я минутъ 15 простоялъ у перегородки, отдѣляющей контору отъ корридора, смотритель удостоилъ меня словами.

— Пожалуйте сюда! Что угодно?

По мѣрѣ моего приближенія къ столу, за которымъ сидѣлъ смотритель, не только хохотъ, но и разговоръ въ конторѣ становились тише, сдержаннѣе; вниманіе всѣхъ обратилось на меня, или, вѣрнѣе, на мое пальто.

— Тьфу! Что за гадость? Какъ вы смѣли въ такомъ видѣ явиться въ контору?—закричалъ на меня смотритель, вскочивъ со стула. Дамы, плюнувъ нѣсколько разъ въ сторону, отвернулись съ видимымъ отвращеніемъ.

— Я именно и явился къ вамъ, г. смотритель, съ просьбой избавить меня отъ такой, ничѣмъ не заслуженной пытки.

— Что! Что такое? Пытки? Что-же, вы прикажете мнѣ самому обчистить васъ? а? я *васъ* спрашиваю?!...

— Савельевъ! живо! снять пальто!...

— Я прошу васъ помѣстить меня въ какую-нибудь другую комнату.

— Прошу меня не учить! Я знаю, гдѣ васъ держать! это мое дѣло!—все болѣе и болѣе горячился смотритель.

Digitized by Google

— Полагаю, во всякомъ случаѣ, что отдача меня на съѣденіе насѣкомымъ не только не входитъ въ цѣли правосудія...

— Не разсуждать! Я васъ въ карцеръ посажу!... Я имѣю право... Вы не болѣе, какъ дезертиръ!...

— Позвольте-же мнѣ написать заявленіе г. прокурору,—проговорилъ я дрожащимъ голосомъ.

— Что? Теперь нельзя! Когда будетъ въ конторѣ *свободно*, я васъ позову... Отправляйтесь на свое мѣсто!

Голова кружилась... руки и ноги тряслись... слезы душили меня. Я скорѣе выкрикнулъ, нежели проговорилъ:

— Одно изъ двухъ, г. смотритель: или вы позволите мнѣ теперь-же написать заявленіе, и я, въ ожиданіи распоряженія г. прокурора, отправлюсь въ камеру, или-же, въ противномъ случаѣ, я рѣшительно отказываюсь добровольно возвратиться туда... Вы не имѣете права запретить мнѣ писать!...

— Позвольте... Позвольте! — остановилъ меня смотритель, значительно понизивъ первоначально принятый имъ тонъ.—Вы, вѣроятно, забываете, что вы не князь...

— Прошу не оскорблять меня! за свое преступленіе я не передъ вами отвѣтственъ...—прервалъ я его.

Припадокъ сердцебіенія и нервная дрожь во всемъ тѣлѣ побудили меня къ машинальному дѣйствію: я опустился на табуретъ. Смотритель растерялся. Онъ, видимо, былъ пораженъ моей мнимой дерзостью, проявившеюся въ сидѣніи на табуретѣ, въ его присутствіи.

— Савельевъ! Надѣнь Карасеву пальто и отведи его на мѣсто,—сказалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Пойдемте, г. Карасевъ... Себѣ-же хуже сдѣлаете, если не пойдете... повѣрьте... уговаривалъ меня Савельевъ, надѣвая на меня освобожденное отъ паразитовъ пальто.

Безсонная ночь, вынесенная нравственная пытка сломили меня. Я вдругъ почувствовалъ полный упадокъ силъ. Явилась потребность прилечь... меня клонило ко сну. Ничего не говоря, я поднялся съ табурета и, еле держась на ногахъ, доплелся до камеры. Я болѣе не чувствовалъ неудобства спать на голыхъ доскахъ. Едва только я прилегъ на нары, какъ вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Сонъ мой, длившійся нѣсколько часовъ, былъ прерванъ Савельевымъ.

Digitized by Google

— Встаньте, г. Карасевъ! Товарищъ прокурора пріѣхалъ, сейчасъ по камерамъ будетъ ходить.

— Эй, вы! приберитесь немного! да смотрѣть,—не приставать съ пустяками!—грозно наказывалъ онъ моимъ сотоварищамъ по камерѣ.

Въ корридорѣ показались смотритель, околоточный и господинъ среднихъ лѣтъ, «въ штатскомъ». По обходѣ прочихъ камеръ, они вошли въ нашу.

— Не имѣетъ-ли кто чего-либо заявить товарищу прокурора?— спросилъ «штатскій».

— Позвольте мнѣ... началъ я.

— Ваша фамилія?

— Это Карасевъ... За самозванство... подхватилъ смотритель.

— Что вы имѣете сказать?

Въ немногихъ словахъ, я передалъ ему о моемъ ужасномъ положеніи и просилъ о помѣщеніи меня въ другую, болѣе чистую комнату, и объявленіи мнѣ о томъ: у кого находится дѣло обо мнѣ и скоро-ли я буду допрошенъ.

— Я васъ попрошу дать мнѣ постановленіе о Карасевѣ, — обратился товарищъ прокурора къ смотрителю.

— Документы приготовлены въ конторѣ...

— Нѣтъ, ужь пожалуйста потрудитесь дать мнѣ сюда документъ Карасева.

Околоточный бросился внизъ.

— Здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, ужасно грязно! Я понимаю положеніе г. Карасева, — обратился опять товарищъ прокурора къ смотрителю.

— Это ужь полъ такой... знаете, непрашенный... Но насѣкомыхъ въ камерѣ нѣтъ; я вамъ ручаюсь... Это пустое.

— Прошу васъ, г. прокуроръ, провѣрить мое заявленіе!— сказалъ я, возмущенный нахальствомъ смотрителя.

Околоточный подалъ бумаги. Внимательно просмотрѣвъ ихъ, товарищъ прокурора сказалъ:

— Мнѣ-бы казалось, что его можно перевести въ привилегированное отдѣленіе? и онъ вопросительно взглянулъ на смотрителя.

— Я не имѣю права... Извольте видѣть... онъ не дворянинъ...

Digitized by Google

— Позвольте. Изъ постановленія ничего не видно о непривиллегированномъ состояніи г. Карасева: тутъ онъ названъ отставнымъ юнкеромъ, уволеннымъ изъ военнаго вѣдомства.

— Я имѣю вѣрныя свѣдѣнія о его происхожденіи! — важно заявилъ смотритель.

— Допустимъ. Но вы видите, онъ не совсѣмъ здоровъ, и для него дѣйствительно,—я ему вполнѣ вѣрю,—тяжело такъ валяться...

— Что дѣлать!... Я бы съ удовольствіемъ, но не могу, не имѣю права.

— Считаю нелишнимъ заявить вамъ, г. прокуроръ, что я пріобрѣлъ права состоянія по образованію, — прервалъ я смотрителя.

— Имѣете вы права окончившаго курсъ въ гимназіи?—спросилъ меня товарищъ прокурора.

— Несомнѣнно,—отвѣтилъ я.—Это очень легко узнать, сдѣлавъ запросъ м-скому артиллерійскому училищу.

— Хорошо, хорошо... заторопился товарищъ прокурора, видимо недовольный упрямствомъ смотрителя. — Я полагаю, что вы теперь-же переведете г. Карасева, — сказалъ онъ ему повелительнымъ тономъ.

— У меня, къ тому-же, и мѣстъ нѣтъ тамъ... попробовалъ было возразить смотритель, краснѣя отъ злости.

Товарищъ прокурора, ничего не отвѣтивъ, направился къ благороднымъ.

— Какъ-же мѣстъ нѣтъ? а эти двѣ кровати? слышался оттуда голосъ товарища прокурора.

— Если ужь вы безусловно придерживаетесь правила не смѣшивать привиллегированныхъ съ непривиллегированными, то на какомъ-же основаніи вы держите тамъ Глюма? Насколько я помню, онъ, кажется, цеховой?—доносилось изъ корридора.

— Прощайте!—произнесъ товарищъ прокурора, поровнявшись съ нашей камерой.—Относительно васъ, г. Карасевъ, я поговорю съ смотрителемъ; надѣюсь, что онъ не откажетъ перевести васъ къ привиллегированнымъ, — добавилъ онъ, отходя отъ камеры.

Не прошло и получаса, послѣ ухода товарища прокурора, какъ ко мнѣ явился околоточный, съ словами:

— Пожалуйте на «благородную!» Только вы должны знать, что переводомъ туда вы обязаны не товарищу прокурора, а смотрителю,—для чего-то добавилъ онъ, какъ-бы по обязанности.

Digitized by Google

ГЛАВА VI

«НА БЛАГОРОДНОЙ».

«Благородная» камера представлялась мнѣ не болѣе, какъ *сноснымъ* арестантскимъ помѣщеніемъ. Правда, я былъ довольно высокаго мнѣнія объ ея обитателяхъ; зналъ, что это «другой народъ», который—именно потому, что онъ «другой»—не спитъ на голыхъ нарахъ, не утирается рубашкой, но, все-таки, то обстоятельство, что этотъ «другой народъ» пріобрѣлъ право на жительство въ полицейскомъ домѣ заслугами, однородными съ тѣми, которыя имѣли за собою и мои злосчастные сотоварищи, заставляло думать, что преимущества первыхъ передъ послѣдними не должны быть велики. Тѣмъ рѣзче поразило меня представившееся моимъ глазамъ, какъ только я переступилъ порогъ «благородной» камеры. Предполагаемое сносное арестантское помѣщеніе оказывалось чистой, свѣтлой, прилично меблированной комнатой, половина которой была занята красивыми желѣзными кроватями, покрытыми байковыми одѣялами. Поверхъ одѣялъ, на каждой кровати было по двѣ подушки въ чистыхъ наволокахъ. Накрытый бѣлой салфеткой круглый столъ, нѣсколько плетеныхъ стульевъ и шкафъ составляли мебель другой половины комнаты. Крашеный полъ, чисто выбѣленные потолокъ и стѣны, три большія окна на улицу, все это дѣлало комнату нисколько не похожею на обыкновенныя, самыя лучшія арестантскія помѣщенія. Самыя желѣзные прутья въ окнахъ были необыкновенно тонки и рѣдко разставлены. Въ комнатѣ находилось шесть человѣкъ, одѣтыхъ въ одинаковые халаты, въ какомъ я уже видѣлъ «барина», записывавшаго лавочку. Одинъ, лежа на кровати, съ сигарой въ зубахъ, читалъ газету. Трое, въ томъ числѣ и знакомый мнѣ «баринъ», расхаживали по комнатѣ, повидимому, горячо о чемъ-то споря; и, наконецъ, остальные два «благородные» субъекта си-

Digitized by Google

дѣли у стола, на которомъ стояли кофейникъ и чайная посуда. Въ одномъ изъ этихъ субъектовъ я узналъ того самаго толстаго, лысаго мужа, который засѣдалъ въ конторѣ, въ кругу веселаго семейства.

— Позвольте, господа!... Вы меня не убѣдите! — закончилъ «баринъ» споръ съ своими товарищами, лишь только я показался въ «благородной» камерѣ. Сердечно радуюсь за васъ, monsieur Карасевъ!—привѣтствовалъ онъ меня, сильно тряся мои руки. Позвольте... Позвольте... Господа! рекомендую monsieur Карасевъ, онъ-же князь Каракадзе, о подвигахъ котораго мы столько читали и восхищались...

— Очень пріятно...—Баронъ Сотe...—Поручикъ де-Трайль...—Давыдовичъ... — Угровъ... рекомендовались мнѣ «благородные» люди.

— А это, произнесъ «баринъ», указывая на лысаго мужа съ приплюснутымъ носомъ,—нашъ уважаемый староста, благодѣтель, покровитель, отъ всѣхъ бѣдъ и напастей защититель, Иванъ Ивановичъ Глюмъ, лучшій другъ нашего достопочтеннаго смотрителя Егорова... Совѣтую хорошенько познакомиться.

— Да перестанешь-ли ты врать? — обидчиво проговорилъ Глюмъ.

— Я ужь, кажется, имѣлъ честь видѣть васъ сегодня въ конторѣ?—сказалъ я Глюму, послѣ того, какъ онъ удостоилъ протянуть мнѣ свою руку и предложилъ стулъ.

— Да-съ... имѣлъ удовольствіе... Непріятный случай!... Я, признаюсь, просилъ за васъ смотрителя,—отвѣтилъ толстякъ, жеманясь.

— Ну какъ-же не благодѣтель!—воскликнулъ «баринъ».

— Вы не извольте на нихъ обращать вниманіе. Господинъ Николаевъ все шутятъ... они ужь такіе... говорилъ мнѣ Глюмъ.

— Однако, нечего тутъ толковать!---перебилъ его «баринъ», т. е. Николаевъ.—Скидывайте-ко пальто, сюртукъ... Вотъ вамъ халатъ,—неправда-ли, очень приличный? Будьте какъ дома. Вотъ ваша кровать.—Холуй!—вдругъ гаркнулъ своимъ сильнымъ басомъ Николаевъ.

— Кого это вы зовете?—полюбопытствовалъ я.

— А это у насъ есть здѣсь служитель изъ *разночинцевъ*... Вамъ, вѣдь, не мѣшаетъ немного пообчиститься...

Digitized by Google

— Вотъ, возьми платье; хорошенько, смотри, вычисти! —приказывалъ Николаевъ вошедшему въ камеру арестанту.

— Я думаю, вамъ также не мѣшало бы перемѣнить бѣлье и умыться?

— Да это даже необходимо; но у меня нѣтъ бѣлья.

Это ничего не значитъ: у меня есть!—И Николаевъ вынулъ изъ шкафа чистое бѣлье.

— Эй!—закричалъ онъ опять. На «эй!» явился въ камеру другой арестантъ.

— Живо воды! Возьми тамъ кувшинъ, тазъ, всякую штуку... Подашь барину умыться. Понялъ?

— Какъ не понять-съ! — отвѣтилъ арестантъ, выходя изъ камеры.

— Пожалуйста, monsieur Карасевъ, безъ стѣсненія... Съ вашего позволенія, Иванъ Ивановичъ?—вдругъ обратился Николаевъ къ Глюму, лукаво улыбаясь.

— Прошу безъ церемоній!—важно отвѣтилъ Глюмъ.

Освободивъ голову, лицо и руки отъ грязи, вынесенной изъ «слѣдственной», перемѣнивъ бѣлье и надѣвъ чистый халатъ, лежавшій на указанной мнѣ Николаевымъ кровати, я почувствовалъ себя какъ-бы обновившимся. Я сталъ бодрѣе, крѣпче, и на душѣ какъ-то сдѣлалось свѣтлѣе. Аппетитъ былъ также удовлетворенъ: я съ радостью воспользовался предложенною мнѣ Николаевымъ закуской и чашкой кофе. Словомъ, послѣ двухъ-трехъ-часоваго пребыванія на «благородной», я сдѣлался вновь способнымъ мыслить и чувствовать. Первые вопросы, предложенные мною моимъ новымъ товарищамъ, касались, конечно, ихъ внѣшней обстановки въ «благородной» камерѣ, столь отличной отъ «слѣдственной». Николаевъ далъ мнѣ довольно подробные отвѣты. Оказывалось, что «благородная» камера своимъ приличнымъ видомъ обязана нѣкоему купцу N., мѣстному приходскому попечителю, обратившему вниманіе на плачевное положеніе благородныхъ особъ, которымъ доводилось жить въ полицейскомъ домѣ. Онъ отдѣлалъ на свой счетъ камеру для нихъ, пожертвовалъ 10 желѣзныхъ кроватей, столько-же одѣялъ, матрасовъ, 20 подушекъ, двѣ смѣны постельнаго бѣлья и десять суконныхъ спальныхъ халатовъ, тѣхъ самыхъ, въ которыхъ теперь щеголяли «благородные» люди. На «разночинцевъ» богатый купецъ не простеръ

Digitized by Google

своей милости. Ихъ участь не удостоивалась ничьего вниманія. «Благородная» камера запиралась только на ночь, послѣ вечерней повѣрки. Убирать камеру, вообще прислуживать «господамъ», назначались два арестанта изъ мировой камеры, т. е. содержащіеся по приговорамъ мировыхъ судей. Пищи натурой благороднымъ не полагалось. Дворяне и чиновники получали опредѣленныя закономъ кормовыя деньги: какъ они, такъ и остальной «благородный» людъ пріобрѣтали пищу, смотря по средствамъ: кто — изъ лавочки, кто — изъ гостинницы, а кто и изъ собственной квартиры. Куреніе, пѣніе, игры, газеты, письменныя принадлежности, вино, хотя и не преслѣдовались въ «благородной» камерѣ, но это происходило не вслѣдствіе разъ принятаго правила, а по милости «благодѣтеля», Ивана Ивановича Глюма, ради котораго смотритель «и не то еще дѣлалъ».

— Не совѣтую ссориться съ Иваномъ Ивановичемъ,—говорилъ Николаевъ.—Тутъ у насъ разъ вышла маленькая перебранка, такъ мы всѣ два дня безъ табаку сидѣли, и въ два дня насъ разъ двадцать обыскивали: все отобрали.

— Ну, ужь, будто я былъ въ этомъ виноватъ?—оправдывался Глюмъ.—Напротивъ, я всегда, что могу... Вотъ и о нихъ сколько я вчера просилъ,—сказалъ Глюмъ, относя свои послѣднія слова ко мнѣ.

Я, конечно, поспѣшилъ поблагодарить его за ходатайство, и просилъ и впредь не лишать меня своего покровительства.

— Ужь не безпокойтесь. Я устрою, что вы сойдетесь съ смотрителемъ,—успокоивалъ меня Глюмъ.

Въ шесть часовъ вечера, служитель арестантъ подалъ самоваръ. Роль хозяина принадлежала, видимо, Глюму. Онъ заварилъ чай и поставилъ на мѣдный подносъ четыре чайные прибора. Я былъ приглашенъ занять мѣсто за столомъ, вокругъ котораго помѣстились Глюмъ, Николаевъ и Угровъ. Баронъ Соте, поручикъ де-Трайль и Давыдовичъ не удостоились приглашенія. Распахнутый халатъ барона обнаруживалъ толстое казенное бѣлье и, потерявшіе свой первоначальный цвѣтъ, кавалерійскіе рейтузы. Вообще было замѣтно, что баронъ и поручикъ, не смотря на титулъ одного и чинъ другого, не были аристократами камеры. Они и держали себя какъ-то особнякомъ отъ остальной компаніи, изрѣдка перекидываясь нѣсколькими словами только съ Николаевымъ. Давы-

Digitized by Google

довичъ заварилъ себѣ чай въ отдѣльный чайникъ, съ которымъ и удалился на одинъ изъ широкихъ подоконниковъ, гдѣ сталъ пить чай «въ прикуску» изъ глиняной кружки. Разговоръ за чаемъ изъ общаго вскорѣ сдѣлался исключительнымъ. Любезные «хозяева», Глюмъ и Николаевъ, очень просили меня разсказать имъ что-нибудь изъ своей, несомнѣнно-богатой всевозможными приключеніями заграничной жизни. Глюмъ получалъ вѣнскую газету «Presse», особенно занимавшуюся моей особой во время моего пребыванія въ Вѣнѣ. Прочитанное имъ въ этой газетѣ послужило поводомъ къ многимъ вопросамъ. Между тѣмъ, пребываніе въ Вѣнѣ, обнимавшее собою первый періодъ моего самозванства, оставило во мнѣ столько мрачныхъ, гнетущихъ душу воспоминаній, что воскрешать ихъ я всего менѣе могъ желать. Предупредительность и внимательность Николаева и почтительныя просьбы Глюма дѣлали, однакожь, неловкимъ отказъ съ моей стороны; тѣмъ болѣе, что мои товарищи, въ свою очередь, выражали готовность познакомить меня съ своими «дѣлами». Баронъ Соте, не принимавшій участія въ общемъ разговорѣ, тутъ также присоединился къ просьбѣ Глюма и Николаева. Насилуя себя, я передалъ нѣсколько эпизодовъ изъ моей вѣнской жизни, которые привели въ восторгъ моихъ слушателей. Только баронъ Соте рѣшился выразить порицаніе моего образа дѣйствій относительно несчастной Луизы, сдѣлавшейся жертвой своего честнаго, глубокаго чувства ко мнѣ.

— Извините меня... но это возмутительно! — сказалъ мнѣ серьезно баронъ. Взглядъ, брошенный на него въ это время Глюмомъ и Угровымъ, выражалъ столько насмѣшливаго презрѣнія, что болѣе яснаго протеста противъ сказанной барономъ «нелѣпости» врядъ-ли можно было выразить словами. Николаевъ поспѣшилъ съ извиненіями по поводу словъ, сказанныхъ «чудакомъ» барономъ, который, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, произнесъ:

— Надѣюсь, monsieur Карасевъ, что вы нисколько не обидѣлись моими словами? Я назвалъ возмутительнымъ самый фактъ, не касаясь того, насколько вы нравственно виновны въ немъ. Вы сами были увлечены чувствомъ.

— Не старайтесь, баронъ, пріискивать мнѣ оправданій. Благодарю васъ за правдивое слово,—искренно отвѣтилъ я,—вы еще

Digitized by Google

слишкомъ снисходительно относитесь ко мнѣ. — Баронъ какъ-то странно посмотрѣлъ на меня; не меньше удивленія выражалось и во взглядѣ другихъ.

— По моему, господа, — заявилъ Глюмъ, — тутъ нѣтъ ничего возмутительнаго; только напрасно вы не женились на ней: такой кушъ не упускаютъ... Тамъ что-бы ни было, а такой капиталъ всегда пригодился-бы. Вамъ-бы прямо деньги въ карманъ, да и въ Америку!

— Ай да Иванъ Ивановичъ! — воскликнулъ Николаевъ.— Люблю! По купечески: деньги въ карманъ, и драло!... Руку, дружище!

— Что-же? я говорю *по практикѣ*, — самодовольно отвѣтилъ Глюмъ, подавая руку Николаеву. Послѣдній долго не переставалъ острить надъ «благодѣтелемъ», который большую часть злыхъ шутокъ Николаева принималъ за чистую монету, нисколько, повидимому, не обижаясь. Вошедшій въ камеру околоточный дружески пожалъ всѣмъ руки, не сдѣлавъ на этотъ разъ и относительно меня исключенія.

— Я очень радъ, что вы переведены сюда,—сказалъ онъ мнѣ.— Совѣтую вамъ поблагодарить за это смотрителя.

— Это требуетъ нѣкотораго поясненія,—возразилъ неугомонный Николаевъ:—т. е. какъ поблагодарить: *въ сухую*, или иначе какъ-нибудь?

— Ну, что за шутки!—полуобидчиво произнесъ околоточный.— Право, вы хорошо сдѣлаете, если поблагодарите. Не правду-ли я говорю, Иванъ Ивановичъ?

— Конечно, не мѣшаетъ, — засвидѣтельствовалъ Глюмъ. — Только ужь я вамъ вотъ что скажу, Павелъ Алексѣевичъ: *ихъ* учить нечего... они лучше нашего знаютъ, какъ и что дѣлать!...

— Признаюсь вамъ, я рѣшительно не вижу, за что-бы мнѣ слѣдовало благодарить смотрителя: не за утреннюю-ли сцену въ конторѣ, или за тѣ отговорки, къ которымъ онъ прибѣгалъ для оправданія передъ товарищемъ прокурора? Не за то-ли, что онъ не желалъ перевести меня въ эту камеру?—рѣшился замѣтить я.

— Какъ бы то ни было, но онъ васъ перевелъ... Впрочемъ, какъ хотите... Я только такъ... замялся околоточный.

— Пойтемте-ка, Иванъ Ивановичъ, вѣдь я за вами пришелъ: Амалія Карловна ужь давно сидитъ въ конторѣ. — Иванъ Ива-

Digitized by Google

новичъ, не торопясь, облекся въ широкій сюртукъ и отправился, вмѣстѣ съ околоточнымъ, для свиданія съ Амаліей Карловной.

— Сейчасъ намъ будутъ бока промывать,—сказалъ, по уходѣ ихъ, Николаевъ.—Егорову будетъ подробно донесено обо всемъ, что мы изволили и не изволили говорить.

— Кто-же это донесетъ?

— А благодѣтель-то нашъ,—вѣдь его задушевный другъ!

— Кто онъ такой, этотъ Глюмъ?—спросилъ я.

— Не болѣе, какъ рижскій цѣховой, мерзавецъ первой руки. Пріобрѣлъ мошенническими продѣлками капиталъ и блаженствуетъ. Егоровъ—продажная душа, которая за деньги не задумается роднаго брата продать. Вотъ, Глюмъ что хочетъ, то и дѣлаетъ здѣсь. Побудете у насъ, такъ диковинныя вещи увидите.

За что онъ сидитъ?—спросилъ я.

— А, вотъ, извольте слушать, и я вамъ разскажу интересное дѣло,—съ напускною важностью сказалъ Николаевъ, закуривая сигару.

— Вашъ покорный слуга,—началъ онъ,—находится въ этой части всего другой мѣсяцъ; до этого, я обрѣтался въ С-ской части, гдѣ также содержится нѣкій храбрый штабсъ-капитанъ, баронъ Вьёвъ. Этотъ-то баронъ и содѣйствовалъ Глюму въ обобраніи одной барыни, за что они теперь оба и сидятъ. Сколько Глюмъ скрытенъ и лукавъ, столько-же Вьёвъ откровененъ и простъ. Онъ мнѣ разсказалъ истинную исторію дѣла. Нужно вамъ знать, что Глюмъ имѣетъ собственную мастерскую и магазинъ бронзовыхъ издѣлій. Это обстоятельство играло важную роль въ его троекратныхъ женитьбахъ на купеческихъ вдовахъ. Каждая изъ нихъ приносила съ собою порядочную сумму денегъ, и затѣмъ, чрезъ два-три года послѣ вѣнца, убиралась къ праотцамъ, открывая такимъ образомъ вакансію другой. Такъ, Глюмъ составилъ себѣ изрядный капиталъ и, кромѣ того, пріобрѣлъ связи въ среднемъ купеческомъ кругу. Еще при жизни своей послѣдней жены, онъ вступилъ въ связь съ одной еврейкой—содержательницей «ссуды денегъ», не разъ сидѣвшей на скамьѣ подсудимыхъ. Глюмъ какъ нельзя болѣе сочувствовалъ воровскимъ планамъ своей сожительницы. И вотъ, онъ часть своего капитала пускаетъ въ оборотъ. Купеческіе сынки, внуки, богатые наслѣдники, обрѣтаютъ въ Глюмѣ добраго кассира, съ готовой всегда къ ихъ услугамъ кассой; причемъ, единственное, что отъ нихъ требовалось, это подписы-

Digitized by Google

вать, безъ возраженій, извѣстнаго рода бумажки, на такую сумму, какую вздумается обозначить ихъ кассиру. Мастерская и магазинъ не закрывались, однакожь. Полиція не очень-то благопріятно смотритъ на такъ называемыхъ «дисконтеровъ»; положеніе-же фабриканта, владѣльца магазина, ставило его внѣ всякихъ подозрѣній. Тѣмъ не менѣе, два-три процесса, возбужденные противъ него не очень-то сговорчиными «папеньками», усмотрѣвшими въ дѣйствіяхъ Глюма, относительно ихъ излюбленныхъ сынковъ, признаки уголовнаго преступленія,—заставили его вскорѣ распроститься съ дисконтерскою дѣятельностію. Но жажда легкой наживы, уже успѣвшая овладѣть всѣмъ существомъ Глюма, мѣшала ему почить на лаврахъ. Умираетъ одинъ изъ его друзей, — нѣмецъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ,—оставляя своей немолодой вдовѣ изрядный капиталъ. Глюму извѣстно соблазнительное количество этого капитала, и онъ ничего не имѣетъ противъ переселенія его изъ кармана вдовы въ свой. Сожительница-еврейка, опытная въ такихъ дѣлахъ, составляетъ планъ этого переселенія и рекомендуетъ своему сожителю своего стараго знакомаго, запутавшагося въ долгахъ и готоваго на всѣ руки, барона Вьёва. Глюмъ, въ роли друга покойнаго мужа, часто навѣщаетъ вдовушку, не переставая нашептывать ей о блаженствѣ втораго брака съ молодымъ офицеромъ, а то, пожалуй, и барономъ. Вдовушка часто бываетъ у сожительницы Глюма, гдѣ и знакомится съ барономъ Вьёвомъ. Баронъ разсказываетъ ей о своихъ курляндскихъ замкахъ, знатныхъ родственникахъ и о томъ почетѣ, который выпадетъ на долю той счастливицы, которую онъ, баронъ, удостоитъ чести назвать своей супругой. Нѣмка, невидѣвшая свѣта, мало знавшая жизнь, послѣ нашептываній Глюма и баронскихъ бесѣдъ tête-à-tête, разумѣется, скоро вбила себѣ въ голову, что недурно сдѣлаться баронессой. Она признается Глюму въ любви своей къ барону и умоляетъ его устроить ея счастье. Подъ диктовку Глюма, она пишетъ барону объясненіе въ любви, за которымъ слѣдуетъ еще болѣе пріятное tête-à-tête, и вдовушка получаетъ невыразимыя доказательства любви барона...

— Остальное понятно: онъ ее обобралъ?—перебилъ я увлекшагося своимъ разсказомъ Николаева.

— Въ томъ-то и дѣло, *какъ* обобралъ? Ужь вы позвольте мнѣ кончить, не перебивайте. Такъ вотъ-съ. У Глюма по какому-то

Digitized by Google

случаю балъ. Въ самомъ разгарѣ бала, вдовушка, послѣ только-что оконченнаго съ барономъ вальса, приглашается въ кабинетъ Глюма.

— Ахъ, благодарю васъ!... Я васъ никогда не забуду... Вы устроили мое счастье... Я только теперь начинаю жить, начинаю понимать, что такое счастье... И все *вы*, добрый, хорошій Иванъ Ивановичъ!—говоритъ ему восхищенная вдова.

Глюмъ, безъ всякихъ предисловій, объявляетъ ей, что онъ оторвалъ ее на нѣсколько минутъ отъ общества обворожительнаго барона лишь въ интересахъ его, а слѣдовательно и ея; что онъ имѣетъ сообщить ей нѣчто очень важное; но что, прежде всего, онъ желаетъ теперь-же услышать отъ нея твердый отвѣтъ на вопросы: дѣйствительно-ли для нея баронъ очень дорогъ и вѣритъ-ли она, что онъ, Глюмъ, перенесши на нее свою долголѣтнюю дружбу къ ея покойному мужу, искренно желаетъ ей добра и счастья? Разумѣется, вдовушка разсыпается въ утвердительныхъ увѣреніяхъ и умоляетъ его сообщить ей поскорѣй то «важное», которое касается дорогаго ей барона. Оказывается, что добрѣйшій Глюмъ, принявъ участіе въ устройствѣ судьбы вдовушки, счелъ, въ то-же время, своимъ долгомъ принять на себя приведеніе въ порядокъ баронскихъ дѣлъ, нѣсколько запутанныхъ человѣкомъ, употребившимъ во зло довѣріе къ нему барона. Во всякомъ случаѣ, дѣла барона были не плохи. Къ несчастью, баронъ страдалъ обычнымъ недугомъ аристократовъ—безпечностью во всемъ, что касается ихъ денежныхъ дѣлъ. Эта-то безпечность и была причиной того, что теперь барону грозятъ очень серьезныя непріятности. Онъ, Глюмъ, только вчера узналъ объ этомъ. Словомъ, нужно, во что-бы ни стало, выручить барона, а для устраненія отъ него непріятностей нужны двѣ подписи посторонннихъ лицъ. Не далѣе, какъ черезъ недѣлю, эти подписи будутъ возвращены. Онъ, Глюмъ, конечно, не задумается дать свою подпись, но нужна еще одна. Самъ баронъ нисколько не заботится объ этомъ, какъ будто дѣло и не касается его; а между тѣмъ подписи должны быть къ завтрашнему дню.

— Понимаете вы меня?—въ заключеніе спросилъ Глюмъ вдовушку.

— Господи! да говорите скорѣй! Умоляю васъ... можетъ быть деньги нужны? Говорите, сколько? у меня есть.

Digitized by Google

Глюмъ объявляетъ, что денегъ не нужно, что не далѣе, какъ черезъ недѣлю, барону предстоитъ получить порядочный капиталъ,—нужна только вторая подпись, и баронъ избавится отъ всякихъ непріятностей. Малограмотной, не имѣющей понятія о значеніи подписи, нѣмкѣ подается чистая вексельная бумага, на оборотѣ которой и предлагается написать всего только нѣсколько словъ: званіе, имя, отчество и фамилію. Вдовушка охотно дѣлаетъ это и, очень довольная, что этимъ ограничивается «важное» дѣло, бросается скорѣй въ залъ къ барону. Не далѣе, какъ черезъ недѣлю, влюбленная вдовушка получаетъ извѣщеніе отъ нотаріуса или отъ судебнаго пристава,—не помню хорошенько; спѣшитъ съ этой бумажкой къ Глюму; его нѣтъ дома. Сожительница его успокоиваетъ ее относительно полученной ею бумажки, которую и оставляетъ у себя. На другой день, на третій, вдовушка все не застаетъ Глюма; да и баронъ куда-то исчезъ, извѣстивъ ее запиской, что вернется черезъ три дня. Вдовушка только тогда поняла, въ чемъ дѣло, когда въ ея квартиру явился приставъ съ понятыми, для описи ея наличнаго имущества. Съ бѣдной взыскивалось 32,000 рублей, по векселю, выданному барономъ Вьёвомъ Глюму,—векселю, на которомъ оказался бланкъ вдовушки. Приставъ увѣренно указалъ на одинъ изъ запертыхъ ящиковъ комода. Сопротивленіе несчастной, убитой горемъ, такъ жестоко разочарованной женщины, ни къ чему, конечно, не повело. Ящикъ былъ отпертъ. Тамъ оказался, въ процентныхъ бумагахъ, весь наличный капиталъ вдовушки—35,000 рублей. 32,000, не смотря на крики, слезы и клятвы несчастной, что она ничего не знаетъ о долгѣ Вьёва, были вручены Глюму. Что же касается до обмана, о которомъ она заявляла, приставъ предложилъ ей обратиться къ прокурору, который потомъ, по ея жалобѣ, и возбудилъ уголовное преслѣдованіе противъ Глюма и Вьёва, какъ выманившихъ обманнымъ образомъ подпись вдовушки. Судебная палата нашла даже нужнымъ арестовать Глюма. Говорить-ли вамъ теперь, что Глюмъ также надулъ и своего соучастника Вьёва? Вьёвъ клялся мнѣ, что Глюмъ далъ ему всего только 800 рублей. И злится-же онъ теперь, что не можетъ напакостить Глюму, не рискуя собственной шкурой!... Надо полагать, что дѣло ни чѣмъ не кончится, и легковѣрной вдовушкѣ не видать 32,000, какъ своихъ ушей. Вотъ вамъ и вся исторія

Digitized by Google

«благодѣтеля» Глюма. Остается развѣ только добавить, что въ то время, какъ Глюмъ пользуется здѣсь всевозможными удобствами, его соучастникъ баронъ переноситъ всю тягость заключенія, будучи вынужденъ, по неимѣнію другихъ рессурсовъ, довольствоваться на получаемыя кормовыя деньги, а на нихъ далеко не уѣдешь: хлѣбъ и селедка, селедка и хлѣбъ,—вотъ и все, что можно пріобрѣсти на отпускаемыя кормовыя.

— Я ужь шесть дней испытываю это удовольствіе,—замѣтилъ баронъ Соте, также внимательно слушавшій разсказъ Николаева.

— То-есть, какое удовольствіе?—спросилъ я, недоумѣвая.

— А питаться на отпускаемыя кормовыя деньги. Я, право, предпочелъ-бы лучше пользоваться изъ общаго котла: тамъ, все-жь таки, какое оно ни есть, горячее.

— Ну, батюшка, тоже хватили! Вы прежде попробуйте эту бурду, которою Егоровъ кормитъ разночинцевъ, а потомъ и скажите намъ, что вы предпочитаете ее «*сухомяткѣ*», — возразилъ Николаевъ.

— Однако, я и забылъ совсѣмъ про лавку... Что прикажете, бароцъ? — спросилъ Николаевъ, снимая со стѣны грифельную доску.

— Да, по обыкновенію: на весь капиталъ,—отвѣтилъ, смѣясь, баронъ.

— Значитъ, фунтъ полубѣлаго хлѣба и вареной колбасы? А вамъ что, m-r Карасевъ? Впрочемъ, я вамъ ничего не запишу: я попрошу васъ сегодня со мною отъужинать,—любезно прибавилъ Николаевъ.

Поручикъ де-Трайль записалъ фунтъ чернаго хлѣба и 10 штукъ папиросъ въ 5 коп. (онъ тоже питался на кормовыя).

— А вамъ что, г. несостоятельный должникъ? — спросилъ Николаевъ Угрова.

— Право, не знаю... Ветчина у меня есть, сыръ есть, икра тоже... развѣ сардинокъ запишите...—какъ-то лѣниво отвѣтилъ счастливецъ.

Николаевъ отправился къ разночинцамъ.

Меня особенно заинтересовалъ баронъ Соте. Правдивое, не «арестантское» замѣчаніе, сдѣланное имъ когда я кончилъ свой разсказъ о пребываніи въ Вѣнѣ, возбудило во мнѣ желаніе ближе

Digitized by Google

познакомиться съ нимъ... Наружность его, манеры и особенно печальное выраженіе его изящнаго аристократическаго лица, видимое отсутствіе всякаго благосостоянія, такъ плохо гармонировавшее съ баронствомъ и дѣйствительно барскимъ видомъ Соте,— еще болѣе подстрекали меня къ этому.

— Давно вы сидите?—спросилъ я барона.

— Сегодня ровно недѣля, какъ я арестованъ,—отвѣтилъ онъ мнѣ.

— Ваше дѣло у слѣдователя, конечно?

— Нѣтъ, у меня нѣтъ никакихъ *дѣлъ*; я арестованъ въ порядкѣ административномъ... вѣроятно, вышлютъ куда-нибудь...

— Я боюсь быть нескромнымъ; но, признаюсь, мнѣ-бы очень хотѣлось предложить вамъ нѣсколько вопросовъ...

— Сдѣлайте одолженіе! Вамъ хочется узнать, за что я арестованъ?

— Вы угадали.

— Преступленіе мое заключается въ томъ, что несчастное прошлое поставило меня въ положеніе человѣка, не имѣющаго осѣдлости, опредѣленныхъ занятій и средствъ выйти изъ такого проклятаго положенія.

— Вы заставляете меня желать узнать это *прошлое*... Васъ не удивляетъ мое любопытство?

— Нисколько. Оно даетъ мнѣ право, въ свою очередь, быть любопытнымъ на вашъ счетъ; а вы, сознаюсь, меня очень интересуете.

— Прекрасно. И такъ, мы заключаемъ условіе: сегодня *вы* мнѣ разсказываете свою исторію, а завтра—я.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ баронъ.—Вы мой сосѣдъ по кровати, и когда мы уберемся подъ одѣяла, я передамъ вамъ свою, далеко не веселую, исторію.

Послѣдовалъ обычный возгласъ: «на повѣрку!» Вошедшій околоточный не произнесъ начальническаго «здорово, ребята»; въ благородной камерѣ это замѣнялось менѣе шумнымъ «здравствуйте, господа».

По уходѣ околоточнаго, Николаевъ и Угровъ сервировали ужинъ, къ которому, на этотъ разъ, былъ приглашенъ и баронъ Соте. Послѣдній, съ очень замѣтною неискренностью, пытался было уклониться отъ этой чести. На столѣ появилось нѣсколько бутылокъ пива и холодный поросенокъ, понарски приправленный.

Digitized by Google

На крикъ Николаева «эй!»—изъ «мировой» камеры былъ выпущенъ слуга-арестантъ, который, взявъ въ «благородной» самоваръ, удалился куда-то ставить его. Минутъ черезъ 20, самоваръ стоялъ ужь на столѣ. Изъ-подъ подушки Угрова Николаевъ досталъ бутылку коньяку, который и принялся усердно разливать по стаканамъ. Общество повеселѣло. Забавные анекдоты, пѣсни, шансонетки полились рѣкой; Давыдовичъ и поручикъ де-Трайль также заразились общимъ веселымъ настроеніемъ, хотя въ выпивкѣ и не принимали участія. Тутъ баронъ Соте еще рѣзче выдѣлялся изъ общей среды. Его анекдоты, шутки, пріемы имѣли особенный, что называется—*приличный* характеръ. Видно было, что это—человѣкъ, получившій воспитаніе въ свѣтскихъ салонахъ и знавшій лучшее общество. Мнѣ удалось отклонить его отъ общей бесѣды и завязать съ нимъ отдѣльный разговоръ. Мало по малу, переходя отъ одного предмета къ другому, разговоръ коснулся личныхъ обстоятельствъ.

— Пойдемте по комнатѣ, и я разскажу вамъ свою исторію,— сказалъ баронъ, взявъ меня подъ руку.

Нѣсколько минутъ мы молча прохаживались по комнатѣ. Баронъ какъ-бы старался воскресить въ своей памяти прожитое. Но, вотъ, лицо его оживилось, и онъ началъ свой разсказъ. Въ голосѣ его слышалось столько искренности и задушевности, самый разсказъ былъ настолько полонъ живаго интереса, что я имъ до крайности увлекся. Я и не замѣтилъ, какъ другіе обитатели камеры прекратили веселую бесѣду и предались сну. Мы еще продолжали, по окончаніи разсказа, нѣкоторое время молча ходить по камерѣ, предаваясь собственнымъ мыслямъ, вызваннымъ разнообразными картинами изъ исторіи жизни барона, какъ вдругъ дверь камеры съ шумомъ растворилась, и въ комнату скорѣе вползъ, чѣмъ вошелъ, самъ «благодѣтель» Глюмъ.

— Вотъ и я... и я... это ничего... господа, извините, я все... все могу... что хотите... смотрителя купимъ, всѣхъ купимъ... *хватитъ*... несвязно бормоталъ Глюмъ, пробираясь по стѣнкѣ къ своей кровати.

— *Хватитъ*,—вотъ вамъ дѣйствительная сила, уравнивающая всѣ положенія и состоянія, освящающая собою *всякое* прошлое, какъ-бы оно грязно ни было, — философствовалъ баронъ, на котораго собственный разсказъ, видимо, навелъ мечтательное на-

Digitized by Google

строеніе. Онъ, будто, забылъ о моемъ присутствіи, и шаги его не переставали раздаваться еще долго и послѣ того, какъ я, утомленный продолжительной ходьбой по камерѣ, раздѣлся и легъ на кровать.

Мои послѣдующія отношенія къ барону и интересъ, представляемый его исторіей, которую я имѣлъ въ послѣдствіи случай провѣрить, заставляютъ меня познакомить съ нею читателя.

Digitized by Google

ГЛАВА VII.

ИСКЛЮЧЕННЫЙ ИЗЪ СЛУЖБЫ.

Прямые потомки рыцарей, бароны Соте, всегда съ честью поддерживали достоинство своего стариннаго и знаменитаго рода. Гордость и богатство этой фамиліи росли съ каждымъ новымъ поколѣніемъ. Одному изъ своихъ членовъ, дѣду моего героя, фамилія обязана особенною честью. Бракъ его породнилъ фамилію съ нѣмецкимъ домомъ одного изъ многочисленныхъ въ то время мелкихъ владѣтельныхъ князей Германіи. Это обстоятельство еще болѣе увеличило блескъ почтенной фамиліи. Отецъ моего собесѣдника — извѣстный въ свое время боевой генералъ, подъ вліяніемъ богатаго запаса житейскаго опыта, отрѣшился отъ многихъ мелкихъ, пустыхъ традицій своего дома. Понявъ духъ времени и видя постоянный упадокъ лучшихъ фамилій, генералъ желалъ обезпечить своему сыну дѣйствительное счастье, давъ ему серьезное образованіе. Необыкновенно воспріимчивый умъ мальчика, замѣчательныя способности къ математическимъ наукамъ обѣщали прекрасные результаты. Оставивъ службу, генералъ всецѣло посвятилъ себя заботѣ объ образованіи своего единственнаго сына. Послѣдній воспользовался уроками лучшихъ нѣмецкихъ и русскихъ учителей. Семнадцати лѣтъ отъ роду, молодой Соте, по непреклонному желанію отца и собственному влеченію, вопреки противодѣйствію матери, пустой, тщеславной аристократки, и такихъ же знатныхъ родственниковъ, поступилъ на математическій факультетъ одного изъ лучшихъ русскихъ университетовъ. Богатый студентъ, отношенія котораго къ университету вначалѣ ограничивались лишь болѣе или менѣе частымъ посѣщеніемъ лекцій нѣкоторыхъ наиболѣе популярныхъ профессоровъ, вскорѣ сошелся съ двумя-тремя однокурсниками, студентами-плебеями, общество которыхъ очень понравилось ему. Въ

Digitized by Google

одномъ изъ этихъ студентовъ, умномъ, честномъ, необыкновенно трудолюбивомъ малороссѣ, баронъ нашелъ себѣ добраго товарища и учителя. Приглашенный однажды въ домъ генерала, неуклюжій малороссъ, своими манерами и сужденіями, привелъ въ ужасъ баронессу-мать... Къ довершенію ужаса, она стала замѣчать совершающуюся въ сынѣ перемѣну: общество малоросса имѣло вліяніе на мягкую, податливую душу юноши. Онъ весь предался ученію; его стали тяготить нѣкоторыя китайскія церемоніи, занимающія столь видное мѣсто въ жизни многихъ аристократическихъ семействъ: онъ не только не скрывалъ своихъ убѣжденій, но, напротивъ того, очень часто высказывался весь; наконецъ, въ его рѣчи и манерахъ стало обнаруживаться отсутствіе блеска, искусственности, безсодержательныхъ свѣтскихъ выраженій... На бѣднаго генерала набросилась вся знатная родня; надо было, во что-бы ни стало, вырвать юношу изъ чуждой ему, по происхожденію и воспитанію, сферы, въ которую его толкнулъ произволъ сумасброднаго отца, забывшаго святыя преданія своей фамиліи, надо было направить молодаго человѣка на настоящую дорогу и замѣнить непривлекательный студенческій сюртукъ блестящимъ гвардейскимъ мундиромъ. Неизвѣстно, кто-бы вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы, если-бы упрямый противникъ-генералъ, давно страдавшій неизлѣчимою болѣзнью, не поспѣшилъ переселиться туда, гдѣ нѣтъ печали и воздыханій... Неустановившагося еще, 18-ти-лѣтняго юношу, со смертью отца лишившагося всякой опоры, конечно, не трудно было уломать. Въ доводахъ родни было столько прекрасныхъ, льстящихъ самолюбію, словъ, столько любви, желанія добра, что юный баронъ не замедлилъ сдаться. Не прошло и полугода послѣ смерти генерала, какъ молодой студентъ навсегда распростился съ университетомъ и товарищами-разночинцами и, къ великому удовольствію матери, преобразился въ блестящаго пажа. Еще годъ, и камеръ-пажъ Соте былъ произведенъ въ корнеты, въ одинъ изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Это было въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда извѣстнаго рода кавалерійская удаль не перешла еще въ преданіе и имѣла въ полкахъ многихъ достойныхъ представителей. Лихія попойки, любовныя исторіи, крупная картежная игра, безумная расточительность, содержанки, лошади,—все это были необходимыя придаточныя многихъ «лихихъ» кавалеристовъ.

Digitized by Google

Полкъ, въ который былъ зачисленъ баронъ Соте, имѣлъ въ своей средѣ нѣсколько такихъ офицеровъ, принадлежавшихъ къ лучшимъ и богатымъ фамиліямъ. Помня напутственныя слова матери, молодой баронъ, съ первыхъ-же дней прибытія въ полкъ, ревностно принялся за преслѣдованіе одной цѣли: достичь того, чтобы не быть послѣднимъ, чтобы не только не отставать ни въ чемъ отъ другихъ, но превосходить всѣхъ, словомъ—поддерживать на должной высотѣ честь своего доблестнаго рода.

— Никакія затраты не должны пугать тебя. Это не твоя забота. Ты долженъ помнить, что ты не выскочка какой-нибудь, а представитель древняго рода... Ты *не можешь разорить себя*: ты для этого достаточно обезпеченъ... *на твой вѣкъ хватитъ*,— не разъ говорила ему мать.

Сѣмена, посѣянныя дальновиднымъ генераломъ, и идеи, почерпнутыя изъ короткаго знакомства съ студентомъ-малороссомъ, будучи заглушены въ зародышѣ, не могли принести плодовъ. Не прошло и года, какъ молодой корнетъ успѣлъ ужь завоевать себѣ первое мѣсто между отчаяннѣйшими «нутилами» полка. Его безумныя пари, громадныя карточныя ставки и мотовство его содержанокъ парижскаго происхожденія приводили въ изумленіе даже самыхъ записныхъ мотовъ. А добрая мать не переставала сопровождать каждую посылку денегъ милыми просьбами: «не ронять себя, не заботиться о деньгахъ, быть *первымъ* во всемъ»...

Но, вотъ, начали являться какія-то затрудненія въ высылкѣ денегъ; присылаемыя суммы становились все меньше и меньше... А расходы барона все росли. Пришлось прибѣгнуть къ займамъ. Услужливые сыны Израиля, давно высматривавшіе добычу, явились съ своими туго-набитыми бумажниками. Не зная цѣны деньгамъ, баронъ не останавливался передъ страшными процентами. Объ уменьшеніи расходовъ нечего было и думать: развѣ это не значило-бы подорвать къ себѣ уваженіе, сдвинуть себя съ созданнаго пьедестала?... Напротивъ, именно въ это-то время, баронъ считалъ своею обязанностью какъ можно больше бросать денегъ, предупреждая этимъ всякое предположеніе о своей несостоятельности. Наступили сроки; нужно было платить по векселямъ. Назойливые кредиторы стали осаждать двери баронской квартиры. А текущіе расходы вызывали новые займы, дѣлавшіеся съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе затруднительными. Горькая дѣй-

Digitized by Google

ствительность заставила забыть завѣщаніе матери: не заботиться о деньгахъ. Безпечный баронъ скорѣе инстинктивно почувствовалъ приближеніе роковой развязки. При всей своей непрактичности и неопытности, онъ не могъ не ужаснуться, приведя въ извѣстность сумму своихъ долговъ. Поручикъ Соте, въ теченіи четырехлѣтней службы въ полку, сверхъ тѣхъ громадныхъ денегъ, которыя высылались баронессой, успѣлъ выдать документовъ болѣе, нежели на 350 тысячъ рублей серебромъ. «Четыреста тысячъ,—или я застрѣлюсь. Честь фамиліи страдаетъ», — писалъ онъ матери, виновницѣ его отчаяннаго положенія. Въ отвѣтъ — телеграмма: «Я при смерти; пріѣзжай и прими свое имѣніе». Баронъ беретъ мѣсячный отпускъ и ѣдетъ въ свое родовое имѣніе. Почтительный управляющій, представляя молодому владѣльцу отчетъ, проситъ, въ то-же время, увольненія отъ своей, переставшей быть доходною, должности. Оказывается, что на имѣніи числится немалый долгъ и что оно давно ужь не покрываетъ всѣхъ расходовъ. Безконтрольное хозяйство страшно истощило имѣніе, обогативъ почтеннаго управляющаго. Послѣдній нашелъ возможнымъ пріобрѣсти, покупкою отъ своего бывшаго хозяина, богатый строевой лѣсъ и лучшую усадьбу. Съ полутораста тысячами рублей баронъ вернулся въ полкъ, оставивъ на произволъ того-же бывшаго управляющаго остатки своего родоваго имущества. Аристократическому до болѣзненности чувству баронессы видимое раззореніе нанесло страшный ударъ. Прошло не много времени, и она скончалась. Тѣмъ временемъ, обстоятельства барона стали извѣстны; кредиторы уже не соглашались болѣе на безконечное переписываніе векселей, причемъ каждый разъ сумма удвоивалась. Обнаруживалась совершенная невозможность удовлетворенія даже необходимѣйшихъ потребностей барона,— а ихъ у него было не мало. Положеніе «промотавшагося» было незавидно въ гвардейскомъ полку. Баронъ перешелъ въ армейскіе гусары. Имѣнія были проданы съ молотка, по требованію кредиторовъ. Сумма, вырученная отъ этого, не могла, однакожь, покрыть и десятую часть долговъ. Безжалостнымъ кредиторамъ понадобилась самая личность барона. Никто изъ знатной родни не шевельнулъ пальцемъ, чтобы помочь представителю знаменитаго рода. И вотъ, послѣ шести лѣтъ «службы», ротмистръ Соте, уволенный даже изъ армейскаго полка, очутился въ долговой тюрьмѣ. Два года

Digitized by Google

томился тамъ несчастный, пока, наконецъ, кредиторы, убѣдившись въ безцѣнности *личности* барона, перестали вносить кормовыя деньги. Тогда его выпустили; но этотъ бывшій милліонеръ не имѣлъ теперь пріюта.

Два года заключенія не остались безъ вліянія на нравственное состояніе Соте. Тяжелый урокъ заставилъ его умъ проснуться отъ долгаго сна. Баронъ созналъ всю пустоту, всѣ ошибки своей, даромъ убитой, молодости, и, чтобы избавиться отъ скуки, занялся чтеніемъ. Въ немъ совершился нравственный переворотъ. Природныя способности, честные инстинкты, заглушенные при самомъ началѣ своего развитія, здравыя идеи воскресли, получили въ заточеніи новую жизнь. Тѣмъ несчастнѣе былъ баронъ. Извѣстно, что ни что не дѣйствуетъ такъ убійственно на душу, какъ глубокое сознаніе своихъ ошибокъ, — сознаніе, вызывающее поздное и, потому, тѣмъ болѣе мучительное раскаяніе. Въ самомъ дѣлѣ: ужасно постоянно чувствовать, что не случайныя обстоятельства, не людская злоба, а вы *сами* искалѣчили свою жизнь, *сами* разрушили свое матеріальное благосостояніе. Разсудокъ говоритъ вамъ о томъ, какъ *слѣдовало-бы* жить, а воображеніе рисуетъ заманчивыя картины матеріальнаго и нравственнаго довольства.

Первой заботой барона Соте, по освобожденіи его изъ долговой тюрьмы, было — заняться добываніемъ насущнаго хлѣба. Если припомнить, каково было полученное имъ воспитаніе, то будетъ ясно, какъ было затруднительно его положеніе. Оскорбленная гордость и здравый смыслъ не позволяли ему, не роняя себя, искать помощи у родственниковъ. Онъ рѣшился создать себѣ новую, болѣе или менѣе самостоятельную жизнь, какъ-бы непривлекательна она ни была. Продавъ скудные остатки своего, когда-то богатаго, гардероба, баронъ, съ 200 рублей въ карманѣ, прибылъ въ губернскій городъ N, гдѣ въ то время былъ губернаторомъ нѣкто графъ П., одинъ изъ лучшихъ друзей покойнаго отца барона.

— Вамъ извѣстно, какъ ограничена сфера дѣятельности отставнаго офицера, — говорилъ мнѣ баронъ.—Получивъ спеціально-военное образованіе, большинство изъ насъ считалось хорошими строевиками, элегантными кавалерами, лихими наѣздниками, пріятными салонными собесѣдниками, но весьма плохими *гражданами*. Повѣрите-ли: я только въ долговой тюрьмѣ познако-

Digitized by Google

мился, — и то, разумѣется, книжно, — съ общественной жизнью. Рѣдкій изъ насъ былъ въ состояніи сколько-нибудь сносно объяснить современное положеніе Россіи. Мы были такъ несвѣдущи, что лишь только кому изъ насъ приходилось, по своимъ имущественнымъ и сословнымъ дѣламъ, столкнуться съ внѣ-полковою жизнью, мы терялись, бывая вынуждены дорого оплачивать совѣтъ и помощь «дѣльца». Не зная, что такое «трудъ», въ обширномъ значеніи этого слова, не имѣя даже элементарныхъ понятій о политической экономіи, большая часть изъ насъ была полезна только въ военной службѣ. Какъ ни скуденъ былъ тотъ вычитанный изъ книгъ опытъ, который я вынесъ изъ заключенія, его было, однакожь, достаточно, чтобы сознать необходимость немедленно перевоспитать себя въ общедоступной жизненной школѣ широкаго практическаго опыта. Въ эту школу я могъ нести съ собой только искреннее желаніе быть честнымъ человѣкомъ, стремиться къ сознательному выполненію имѣющихъ выпасть на мою долю обязанностей. Я рѣшился поступить въ гражданскую службу.

Графъ П., который еще не зналъ о раззореніи, постигшемъ молодаго барона, принялъ его, какъ сына своего покойнаго друга, съ распростертыми объятіями. Онъ собирался его долго не отпускать отъ себя, доставить дорогому гостю всевозможныя развлеченія: балы, катанья, охоту и проч. Въ продолженій трехъ дней, онъ, дѣйствительно, былъ предметомъ самыхъ усердныхъ ухаживаній, какъ со стороны губернаторскаго семейства, въ которомъ главное мѣсто принадлежало перезрѣлой дочери графа, жаждавшей соединить свою судьбу съ знатнымъ и богатымъ человѣкомъ, такъ и со стороны губернскаго «бомонда». На четвертый день, баронъ, улучивъ удобное время, т. е. случайно оставшись наединѣ съ губернаторомъ, откровенно объяснилъ ему свое положеніе, и обратился къ его сіятельству съ просьбой о мѣстѣ уѣзднаго исправника для себя. Очень удивленный, «любезный» графъ, «другъ» отца барона, послѣ нѣсколькихъ общихъ выраженій соболѣзнованія и искренняго сожалѣнія, отвѣтилъ барону, что, при всемъ своемъ желаніи, онъ, однакожь, вынужденъ отказать ему въ просимомъ мѣстѣ, — во-первыхъ, по неимѣнію вакансій, и во-вторыхъ, — по отсутствію за барономъ той доли администраторской опытности, какая требуется отъ претендующаго на мѣсто начальника уѣзда.

Digitized by Google

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ, ваше сіятельство, пріобрѣсти эту опытность на другомъ посту. Я не прочь занять другую должность... Мое положеніе не позволяетъ мнѣ, въ этомъ случаѣ, быть разборчивымъ,—говорилъ баронъ губернатору.

— Душевно сожалѣю... повѣрьте, что только можно будетъ сдѣлать... очень жалѣю... кто-бы могъ думать! — отрывисто отвѣтилъ ему губернаторъ.

Нечего и говорить о томъ, что положеніе гостя барона въ губернаторскомъ семействѣ въ тотъ-же день измѣнилось. Исповѣдь барона сдѣлалась извѣстною. Съ нимъ не нашли болѣе нужнымъ церемониться. Члены этого аристократическаго семейства слишкомъ быстро и, потому, тѣмъ болѣе замѣтно, не смотря на свою «свѣтскость», перемѣнили въ обращеніи съ барономъ свой «дружескій» тонъ. Ему ясно показывали, что дальнѣйшее его присутствіе, какъ «гостя», сдѣлалось болѣе нежелательнымъ. Когда баронъ сталъ, черезъ нѣсколько дней, откланиваться, губернаторъ, видимо довольный догадливостью «гостя» и желая, вѣроятно, нѣсколько загладить свое равнодушіе къ положенію Соте, сказалъ:

— Я отъ души хотѣлъ-бы для васъ что-нибудь сдѣлать. Если вы не найдете для себя щекотливымъ занять мѣсто становаго пристава, я вамъ охотно предлагаю его. Но я понимаю, что оно для васъ негодится...

— Напротивъ, ваше сіятельство! — перебилъ губернатора баронъ Соте.—Я очень радъ, и надѣюсь оправдать ваше ко мнѣ довѣріе.

Въ тотъ-же день, снабженный указомъ губернскаго правленія и предписаніемъ на имя одного изъ уѣздныхъ исправниковъ, баронъ Соте отправился къ мѣсту своего назначенія, т. е. на должность становаго пристава. Подъ руководствомъ опытнаго письмоводителя, онъ, въ два-три мѣсяца, совершенно ознакомился съ своими обязанностями, и вскорѣ заявилъ себя исполнительнымъ чиновникомъ. Изъ лихаго кавалериста выработался знающій свое дѣло становой приставъ. Тѣмъ не менѣе, не только исправникъ, но и сослуживцы барона, и полицейскіе надзиратели, отнеслись къ нему довольно враждебно. Основанія этой, повидимому, безпричинной вражды крылись въ свойственной небезупречнымъ людямъ подозрительности. Уѣздъ, въ которомъ барону довелось служить, отличался фабричною производительностью. Въ одномъ

Digitized by Google

только его стали было 110 фабрикъ и заводовъ. Во всемъ-же уѣздѣ числилось ихъ 480. Это обилiе мануфактурной и заводской промышленности въ уѣздѣ служило издавна главной статьей дохода чиновъ полиции. Формальности, которыми обставлено полученiе разрѣшенiя на открытiе фабрики, неизбѣжные при этомъ свидѣтельствованiя и осмотры заставляютъ мелкихъ владѣльцевъ небольшихъ фабрикъ обходить законъ. Извѣстный ежегодный взносъ мѣстному приставу застраховалъ владѣльца отъ возможности составленiя акта и отвѣтственности за неимѣнiе разрѣшенiя на открытiе фабрики. Тѣ-же осмотры, по предписанiю губернатора и губернскаго правленiя, большихъ фабрикъ и заводовъ дѣлались также постоянной статьей дохода мѣстной полиции, отъ которой всегда зависитъ явиться на фабрику или заводъ и составить актъ о неисправномъ анти-гигiеническомъ содержанiи ихъ. Распри хозяевъ съ рабочими, жалобы послѣднихъ, требуемое закономъ отъ фабрикантовъ и заводчиковъ обязательное представленiе, къ 1 января и 1 iюля каждаго года, вѣдомостей о состоянiи ихъ фабрикъ и заводовъ, «происшествiя» на фабрикахъ,—все это доставляло полицiи того уѣзда громадный доходъ, притомъ нисколько не осуждаемый мѣстнымъ обществомъ, какъ нѣчто такое, что изстари ведется. Этотъ доходъ былъ изъ такъ называемыхъ «безгрѣшныхъ». Судебная реформа, какъ извѣстно, совершенно уничтожила главный источникъ доходовъ старой полицiи — судъ и расправу, и сдѣлала небезопасными и многiе другiе «доходы». «Безгрѣшное» каралось уложенiемъ о наказанiяхъ, или преслѣдовалось высшей мѣстной администрацiей. Не смотря на это, полицейскiе чины, сроднившiеся съ незаконными поборами, но необратившiе почему-либо на себя вниманiя начальства и потому сохранившiе свои мѣста, конечно, и не думали измѣнять свои привычки... Но такъ какъ «безгрѣшное» стало преслѣдоваться, то, понятно, явилась необходимость дѣйствовать осторожно и старательно охранять благодатные источники отъ вторженiя посторонняго глаза. Къ несчастью барона, его сослуживцы, большею частью бывшiе секретари и столоначальники упраздненныхъ земскихъ и уѣздныхъ судовъ, и самъ исправникъ «изъ земскихъ», занимавшiй эту должность лѣтъ 15, оказались глубоко зараженными страстью къ «безгрѣшнымъ» доходамъ. Общность интересовъ вызывала и дружныя предупредительныя мѣры противъ

Digitized by Google

возможности обнаруженія начальствомъ ихъ продѣлокъ. Всѣ усилія исправника спасти «добраго» подчиненнаго, предмѣстника барона, были тщетны. Вѣдняга, слишкомъ ужь усердно предававшійся страсти «драть съ живаго и съ мертваго», возстановилъ противъ себя какого-то подъячаго, который и подалъ на него доносъ начальству. Произведенное, при содѣйствіи исправника, дознаніе хотя и не подтвердило важнѣйшихъ пунктовъ доноса, тѣмъ не менѣе, начальство нашло нужнымъ уволить пристава. Заботясь о недопускѣ въ свою среду «чужихъ», исправникъ ходатайствовалъ о назначеніи на его мѣсто секретаря мѣстнаго полицейскаго управленія. Ходатайство это уже было принято, и секретарь ждалъ со дня на день назначенія. Вдругъ, совершенно неожиданно, является баронъ, съ указомъ губернскаго правленія, — баронъ, котораго происхожденіе, чинъ ротмистра и служба въ гвардейскомъ полку дѣлали крайне неблагонадежнымъ становымъ приставомъ. Степень этой предполагаемой неблагонадежности еще болѣе увеличилась и получила уже значеніе факта, когда другъ исправника, совѣтникъ губернскаго правленія, въ отвѣтъ на запросъ исправника, прислалъ писульку, гласившую, что баронъ Соте вовсе и не обращался въ губернское правленіе, и что, прежде, чѣмъ быть назначеннымъ становымъ приставомъ, онъ цѣлую недѣлю гостилъ у самого губернатора. Нужды нѣтъ, что весь багажъ *барона* заключался въ одномъ тощемъ чемоданчикѣ, что новый приставъ просилъ исправника рекомендовать ему портнаго, который могъ-бы сдѣлать ему въ долгъ полицейскую обмундировку. Напротивъ, эти обстоятельства, по мнѣнію «осторожныхъ» служакъ, не только не противорѣчили сдѣланному ими относительно барона выводу, но еще подтверждали его. Иначе, что-же заставило-бы этого бѣдняка-пристава не принять отъ фабриканта Журавлева, заводчика Иванова, торговца Степанова и другихъ, обычныхъ приношеній по разнымъ случаямъ? О чувствѣ *долга*, о нормѣ *совѣсти* эти господа, надо полагать, не имѣли понятія... Словомъ, было рѣшено, что баронъ Соте «шпіонъ», назначеніе котораго приставомъ вызвало дознаніемъ по доносу на бывшаго пристава, — дознаніемъ, которое, не смотря на свой домашній характеръ и участіе въ немъ исправника, все-жь таки, набросило на полицейскихъ чиновъ уѣзда нѣкоторую тѣнь подозрѣнія. Новаго пристава стали остерегаться; каждое его слово, дѣйствіе толко-

Digitized by Google

вались, такъ сказать, съ подозрительной точки зрѣнія. Его бѣдности никто не довѣрялъ, а честности — тѣмъ менѣе. Между тѣмъ, баронъ страшно нуждался; ограниченнаго жалованья было едва достаточно на скудное содержаніе своей особы. Прошлая жизнь не могла научить его благодѣтельной экономіи или искусству «сводить концы съ концами», на что такіе мастера наши труженики-чиновники съ Петербургской Стороны и Коломны. Уже годъ, какъ онъ приставствуетъ, а все еще не соберется съ суммой, необходимой для обмундированія себя въ полицейскую форму: онъ продолжаетъ щеголять въ своемъ «отставномъ» кавалерійскомъ мундирѣ, т. е. безъ погонъ и сабли. Что-же касается до обзаведенія себя, по примѣру прочихъ исполнительныхъ чиновниковъ — своихъ сослуживцевъ, тройкой собственныхъ лошадей, то о такой роскоши онъ и мечтать пересталъ. Онъ былъ единственный приставъ въ уѣздѣ, выразившій желаніе получать отъ земства лошадей «натурой». Изолированное положеніе въ средѣ сослуживцевъ, созданное подозрительностью ихъ, сначала очень печалило барона; но когда ему стали понятны причины этой подозрительности, когда онъ познакомился, въ извѣстной степени, съ ихъ нравственнымъ состояніемъ,—эта изолированность представилась и ему самому наиболѣе желательною. Онъ весь предался службѣ, строго слѣдя за собой, за точнымъ, педантическимъ исполненіемъ своихъ обязанностей. Цѣлый годъ оппозиція,—не смотря на бдительный надзоръ за приставомъ, на придирчивыя отношенія къ нему исправника и уѣзднаго полицейскаго управленія,—не находила для себя пищи. Дѣйствія пристава являлись настолько безупречными, что даже подъяческія способности его сослуживцевъ оказывались безсильными создать для него ловушку. Несомнѣнно, что цѣлый годъ службы значительно ослабилъ, если вовсе не уничтожилъ, возбужденныя назначеніемъ барона подозрѣнія; тѣмъ не менѣе, вражда къ нему нисколько не уменьшилась. Именно положеніе *особняка*, ими-же для барона созданное, теперь оскорбляло ихъ своеобразную гордость, заставляя ихъ видѣть въ поведеніи барона высокомѣріе, пренебреженіе, презрѣніе къ нимъ, «старымъ служакамъ».

Таково было положеніе барона Соте, когда 12 сентября 1870 года, къ нему, какъ приставу 1 стана N-скаго уѣзда, поступилъ изъ полицейскаго управленія, для исполненія, указъ губернскаго

Digitized by Google

правленія о немедленномъ взысканіи съ мѣстнаго богача — землевладѣльца Б. — числившейся по имѣніямъ его небольшой казенной недоимки. Не смотря на двукратныя повѣстки, никто изъ лицъ, завѣдующихъ имѣніями Б., не явился въ канцелярію пристава. Тогда, для объявленія Б. содержанія указа губернскаго правленія, баронъ отправился къ нему въ усадьбу лично. Важный дворецкій, вызванный звонкомъ Соте на крыльцо шикарнаго барскаго дома, вмѣсто отвѣта на вопросъ: «дома-ли г. Б.?» — спросилъ, въ свою очередь, Соте: «кто вы такой?»

— Я приставъ перваго стана.

— А-а, становой... И дворецкій, гримасничая, измѣрилъ фигуру пристава долгимъ, презрительнымъ взглядомъ.

— Я тебя, любезный, спрашиваю: дома-ли баринъ? Что-же, дождусь я отвѣта? — нетерпѣливо проговорилъ баронъ, котораго начинало коробить отъ нахальства дворецкаго.

— Дома-то дома, да не для васъ, — протяжно отвѣтилъ дворецкій.

— Изволь ему сейчасъ-же доложить, что его желаетъ видѣть приставъ. Да пропусти-же меня въ дверь! Есть-же у васъ, навѣрное, пріемная комната, — я тамъ подожду...

— Ха-ха-ха! — засмѣялся ему прямо въ лицо дворецкій.— Какой, подумаешь, важный баринъ явился! Да у насъ становые по цѣлымъ днямъ на дворѣ ждутъ; исправникъ и тотъ съ чернаго хода входитъ...

— Дерзость этого человѣка, вся его нахальная фигура, гримасы, наконецъ грубый хохотъ вывели меня изъ себя, — разсказывалъ мнѣ баронъ. — Повинуясь внезапно вызванному всѣмъ этимъ душевному движенію, я нанесъ нахалу ударъ по лицу. Потомъ, воспользовавшись бѣгствомъ дворецкаго, я поднялся по лѣстницѣ и очутился въ громадномъ, богато-отдѣланномъ залѣ, гдѣ и остался ожидать появленія кого-либо.

— Быть не можетъ! Становой?... Люди! нагаекъ сюда! — раздался черезъ нѣсколько минутъ на лѣстницѣ чей-то громкій голосъ.

— Такъ *этотъ* вздумалъ здѣсь драться?... Какъ вы смѣете здѣсь находиться? Кто васъ пустилъ сюда? Вонъ!... Эй! выпроводить отсюда этого каналью!—разразился на меня вбѣжавшій въ

Digitized by Google

залу, въ сопровожденіи дворецкаго и цѣлой толпы слугъ, господинъ въ бархатномъ пиджакѣ и ботфортахъ.

— Позвольте, милостивый государь... Я приставъ здѣшняго стана, — попробовалъ было я обратиться къ нему.

— Молчать! вонъ! Я тебѣ покажу, подъячій, какъ врываться въ барскій домъ!... Ну!—И, по мановенію барскаго хлыста, вся толпа слугъ набросилась на меня.

— Прочь! или я застрѣлю, какъ собаку, перваго, кто дотронется до меня! — рѣшительно объявилъ я, выхвативъ изъ кармана рейтузъ небольшой револьверъ, который всегда имѣлъ при себѣ, при своихъ разъѣздахъ по стану... И, съ револьверомъ въ рукахъ, я очистилъ себѣ дорогу къ своему тарантасу. Черезъ нѣсколько часовъ, я уже былъ въ городѣ, въ кабинетѣ исправника.

— Да, это очень непріятно... Мнѣ весьма жаль васъ, баронъ... но какъ-же это?... такой вельможа... Да и револьверъ... Помилуйте, какъ это вы до такой степени забылись... Знаете-ли вы, чѣмъ это пахнетъ? Я сегодня-же ѣду къ губернатору. Конечно, я, съ своей стороны, все сдѣлаю, чтобы какъ-нибудь *замять* это дѣло; но врядъ-ли мнѣ это удастся,—съ худо-скрываемою радостью произнесъ исправникъ, послѣ того, какъ я передалъ ему о случившейся со мною исторіи.

— Я вовсе не хочу, чтобы это дѣло было *замято*, — горячо возразилъ я,— напротивъ, я требую, чтобы дѣлу былъ данъ законный ходъ. Я оскорбленъ не какъ частное лицо, а въ качествѣ должностнаго лица, полицейскаго чиновника. Такія вещи не могутъ проходить безнаказанно.

— Тѣмъ лучше. Я, впрочемъ, обо всемъ доложу губернатору. Не угодно-ли вамъ будетъ подать мнѣ рапортъ,— сухо произнесъ исправникъ, протягивая мнѣ руку.

Соте, конечно, понялъ, что его больше не задерживаютъ, и немедленно оставилъ кабинетъ исправника. Написавъ, въ канцеляріи послѣдняго, рапортъ о самоуправствѣ Б., Соте вернулся къ себѣ въ станъ... Письмоводитель его, имѣвшій родственныя связи въ средѣ многочисленной дворни вельможи Б., имѣлъ возможность узнать, что, въ тотъ-же день, отъ Б. отправился нарочный въ губернскій городъ, съ письмомъ къ губернатору. Результаты этого письма и заступничества исправника не замедлили обнаружиться. Черезъ три дня, приставъ Соте получилъ предпи-

Digitized by Google

саніе явиться къ его сіятельству, г. губернатору, для объясненій по дѣламъ службы. Глубоко увѣренный въ своей правотѣ, не зная за собою ни малѣйшаго упущенія по службѣ, Соте не безъ основанія надѣялся, что губернаторъ выскажетъ ему свое соболѣзнованіе по поводу случившагося. И, кто знаетъ, можетъ быть, графъ найдетъ своевременнымъ поощрить его усердную службу именно теперь, когда онъ сдѣлался жертвой исполненія своихъ обязанностей? Это поощреніе было тѣмъ болѣе возможно, что исправникъ сосѣдняго уѣзда подалъ въ отставку, что, въ связи съ годичной службой барона въ должности становаго пристава, совершенно устраняло тѣ двѣ причины, вслѣдствіе которыхъ губернаторъ, годъ тому назадъ, отказалъ ему въ мѣстѣ уѣзднаго исправника: неимѣніе вакансіи и отсутствіе полицейской опытности... Баронъ уже мечталъ о томъ, какъ онъ воспользуется своею самостоятельностью для искорененія въ средѣ своихъ подчиненныхъ того зла, которое такъ широко практиковалось его сослуживцами; какъ онъ всецѣло посвятитъ себя служенію правдѣ, добру, законности. Воображеніе чертило обширную программу смѣлой, благородной дѣятельности...

Съ такими розовыми надеждами явился баронъ въ пріемную губернатора, графа П.

Не имѣя, по роду своей службы, непосредственныхъ сношеній съ губернскимъ начальствомъ, баронъ съ поступленія своего на должность пристава, ни разу, не только не былъ въ губернскомъ правленіи, или въ канцеляріи губернатора, но и не посѣтилъ губернскаго города. Неудивительно, поэтому, что ему, въ числѣ прочихъ просителей, ожидавшихъ выхода губернатора, былъ предложенъ дежурнымъ чиновникомъ обычный вопросъ: «вамъ что угодно?» Баронъ назвалъ свою фамилію и добавилъ, что онъ явился по приказанію губернатора.

— Ахъ, да, это съ вами случился скандалъ въ Б-ской усадьбѣ?... Я сейчасъ доложу о васъ графу.—И чиновникъ поспѣшно вышелъ изъ пріемной... Минутъ черезъ пятнадцать, тотъ-же чиновникъ пригласилъ Соте къ его сіятельству въ кабинетъ.

— Здравствуйте!—рѣзко произнесъ губернаторъ, лишь только баронъ вошелъ въ его кабинетъ.—Не безпокойтесь!—еще рѣзче перебилъ онъ барона, когда послѣдній началъ было: «Имѣю честь явиться», и проч.

Digitized by Google

Прощай всѣ надежды! Эта рѣзкость, нахмуренный видъ губернатора, его взглядъ, выражавшій упрекъ, укоризну, — очевидно, не предвѣщали ничего добраго. Баронъ былъ озадаченъ.

— Вы меня заставили раскаяваться въ оказанномъ вамъ довѣріи,—началъ губернаторъ строгимъ голосомъ, послѣ минутнаго молчанія.—Зная вашего покойнаго батюшку, я считалъ себя обязаннымъ подать вамъ руку помощи. Я не имѣлъ повода не вѣрить вашему слову и былъ убѣжденъ, что вы покажете себя достойнымъ оказаннаго вамъ довѣрія и дадите мнѣ возможность позаботиться о вашей дальнѣйшей карьерѣ. Къ сожалѣнію, надежды мои не оправдались. Вашъ ближайшій начальникъ, исправникъ, и прежде отзывался о васъ, какъ о неспособномъ къ полицейской службѣ. Вы сами, наконецъ, постарались дать мнѣ доказательства своей неспособности. Какъ вы объясните ваше поведеніе въ имѣніи Александра Павловича Б.? Ворваться въ домъ всѣми уважаемаго помѣщика, мѣстнаго предводителя дворянства... бить прислугу... грозить револьверомъ!... Да это ужасъ что такое!— И губернаторъ, быстро поднявшись съ кресла, сталъ ходить по кабинету.—Да объ этомъ ужь весь городъ говоритъ... въ газетахъ напишутъ... Вѣдь это отзовется на всей полиціи... Становой приставъ производитъ буйство, нарушаетъ спокойствіе обывателя!... отрывисто говорилъ губернаторъ.

— Позвольте мнѣ, ваше сіятельство, представить свои объясненія,—произнесъ, наконецъ, баронъ.

— Какія тутъ объясненія!.. Впрочемъ, извольте... Говорите!— И губернаторъ остановился противъ барона, выражая готовность выслушать его.

Глубоко взволнованный и, потому, неспособный говорить хладнокровно, баронъ съ необыкновенною горячностью началъ передавать подробности разъигравшейся въ усадьбѣ Б. исторіи. Когда онъ дошелъ, въ своемъ объясненіи, до момента нанесенія дворецкому удара, губернаторъ строго произнесъ:

— Довольно... Вы напрасно горячитесь. Вы разсказываете мнѣ именно то, что мнѣ ужь извѣстно. Прибѣгнуть къ кулачной расправѣ за то, что дворецкій предложилъ подождать на лѣстницѣ...

— Но я приставъ, ваше сіятельство...

Digitized by Google

— Что-же изъ этого? Тѣмъ болѣе не было причины выходить изъ себя. Вѣдь, вы и не губернаторъ-же въ самомъ дѣлѣ!— Такой аргументъ вызвалъ со стороны Соте такой отвѣтъ:

— Ваше сіятельство! Занявъ мѣсто становаго пристава— одинъ изъ постовъ государственной службы, я этимъ не только не потерялъ права на уваженіе, но еще, напротивъ, пріобрѣлъ его. Если мой предмѣстникъ, и вообще большинство становыхъ приставовъ, поставили себя въ отношеніи къ обществу въ положеніе, недостойное ихъ званія и несовмѣстное съ ролью государственнаго чиновника, то изъ этого, смѣю полагать, еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы я обязанъ былъ слѣдовать ихъ примѣру. Пріѣхавъ къ Б. по обязанностямъ службы, я имѣлъ право быть имъ немедленно принятымъ. Нахальство дворецкаго не могло не возмутить меня, какъ офицера и становаго пристава. При фразѣ: «какой, подумаешь, важный баринъ явился! Да у насъ становые по цѣлымъ днямъ на дворѣ ждутъ», я потерялъ самообладаніе и сдѣлалъ то, сторонникомъ чего я никогда не былъ: я ударилъ дворецкаго. Отъ вашего сіятельства зависитъ наложить на меня за это взысканіе. Но, какъ должностное лицо, я при этомъ требую, чтобы о дѣйствіяхъ Б. было произведено слѣдствіе, чтобы онъ понесъ наказаніе за нанесенное имъ мнѣ оскорбленіе при отправленіи мною служебныхъ обязанностей. То, что онъ сдѣлалъ, предусмотрѣно въ уложеніи о наказаніяхъ. Что-же касается до моей неспособности къ полицейской службѣ...

— Довольно!—перебилъ его губернаторъ.—Вы не на своемъ мѣстѣ: полицейская служба не для васъ. Совѣтую вамъ избрать другую карьеру... Я жду вашей просьбы объ отставкѣ,—рѣшительно проговорилъ губернаторъ.

— Я не могу подать вамъ такой просьбы: я хочу служить, признаю себя способнымъ; а если дѣйствія мои кажутся противузаконными, я покорнѣйше прошу предать меня суду,—не менѣе рѣшительно отвѣтилъ Соте.

— Вы дерзки, милостивый государь. Вамъ неугодно подать прошенія объ отставкѣ; въ такомъ случаѣ, я васъ уволю *по третьему пункту*, безъ всякихъ прошеній... Можете идти,—сурово закончилъ губернаторъ данную имъ Соте аудіенцію.

Обманутый въ своихъ лучшихъ ожиданіяхъ, разочарованный и жестоко оскорбленный, возвратился приставъ къ мѣсту своего

Digitized by Google

служенія. Угроза губернатора уволить по третьему пункту какими-то путями дошла до исправника. Какая радость для сослуживцевъ барона! Наконецъ-то они избавятся отъ этого надменнаго, неподкупнаго барона-пристава... Теперь нѣтъ болѣе надобности скрывать свои дѣйствительныя къ нему чувства. И, вотъ, каждый изъ нихъ находилъ случай чѣмъ-нибудь проявить свою ненависть. Исправникъ и полицейское управленіе стали бомбардировать бѣднаго пристава «замѣчаніями», «выговорами», «предостереженіями». Ни одинъ его рапортъ, какъ-бы ни незначительно и законно было его содержаніе, не обходился безъ замѣчанія. Положеніе Соте сдѣлалось невыносимымъ. Онъ видѣлъ, что ему не «сдобровать», что единственный исходъ изъ этого положенія — подача прошенія объ отставкѣ; тѣмъ не менѣе, онъ твердо рѣшился сдержать свое слово и не просить увольненія по мнимымъ «домашнимъ обстоятельствамъ». Твердость эта колебалась-было, когда полицейское управленіе и исправникъ изобрѣли новый способъ «выживанія»: они стали дѣйствовать на тощій карманъ пристава. Почти каждое самостоятельное дѣйствіе барона въ области своихъ правъ и обязанностей вызывало возраженія и командировки, *на счетъ бѣдняка-пристава*, полицейскаго надзирателя, или непремѣннаго засѣдателя, для исправленія, будто-бы, упущеній гонимаго пристава. Баронъ, однакожь, не долго колебался. Упорное преслѣдованіе его исправникомъ и сослуживцами, несправедливое отношеніе къ нему губернатора произвели въ немъ нравственную перемѣну. Онъ ожесточился. Угроза увольненія его безъ прошенія сдѣлала его упрямымъ до болѣзненности. Онъ ужь не преслѣдовалъ никакихъ задачъ, кромѣ одной: доказать, что его не заставятъ подать въ отставку. Прежней энергіи, усердія къ службѣ, любви къ своему дѣлу не осталось и слѣда. Результатъ его годичной службы заставлялъ его глубоко жалѣть о напрасно потраченныхъ силахъ.

— Если-бы я въ это время не былъ совершенно одинокъ,— говорилъ баронъ, — если-бы я не былъ осужденъ прозябать въ обществѣ сотскихъ, десятскихъ и другихъ, одинаковаго съ ними образованія лицъ, словомъ—если-бы я могъ въ это время имѣть какое-нибудь *здравое* развлеченіе, я несомнѣнно избѣгъ-бы того, что вскорѣ случилось. Я не оправдываю себя совершенно, но и особенно винить себя не представляется основаній. Желѣзная

Digitized by Google

воля—достояніе немногихъ избранныхъ. А въ моемъ тогдашнемъ положеніи, меня могла спасти именно только *такая* воля. Увы! у меня ея не было... Потерявъ, благодаря ложному воспитанію, состояніе, карьеру, дойдя до нищеты, я принялъ рѣшеніе создать себѣ новую — трудовую, полезную для общества, жизнь. Я ужь говорилъ вамъ, съ какою страстностью, съ какимъ рвеніемъ я предался исполненію принятыхъ мною на себя обязанностей. Я весь отдался своему дѣлу; я полюбилъ это дѣло. *Честное* отношеніе къ нему возстановило противъ меня моего непосредственнаго начальника, исправника, и сослуживцевъ, зараженныхъ недугомъ старой полиціи—взяточничествомъ. И что-же? Одинъ неосторожный, вынужденный шагъ далъ этимъ людямъ поводъ погубить меня. Меня очернили передъ губернаторомъ, сдѣлали «неспособнымъ» къ службѣ. Случай, бывшій со мною, получилъ ложное толкованіе, такъ какъ знатность Б., по мнѣнію аристократа-губернатора, давала ему право презрительно относиться къ становому приставу, который, «вѣдь, не губернаторъ-же!» Словомъ, моя *новая* жизнь была разбита. Могъ-ли я ждать чего-нибудь отъ «будущаго»?... Я страшно страдалъ. И, въ это время, ни откуда ни одного теплаго слова, нравственной поддержки. А, между тѣмъ, ударъ слѣдовалъ за ударомъ. Не проходило дня, чтобы самолюбію, гордости, не было нанесено новаго оскорбленія. Я чувствовалъ себя безсильнымъ сознательно устоять подъ гнетущею душу тяжестью. Я искалъ случая забыться, хоть не надолго отдохнуть душевно. Обстановка моя исключала возможность какого-бы то ни было здраваго развлеченія. Я прибѣгъ къ вину и нашелъ то, чего искалъ. Болѣе дешевая водка замѣнила вскорѣ вино. Я не могъ побороть въ себѣ отвращенія къ сивухѣ, а, все-жь таки, пилъ ее, пилъ—до самозабвенія...

Послѣдствія понятны. «Бдительный» исправникъ имѣлъ вскорѣ основанія донести губернатору о нѣсколькихъ упущеніяхъ по службѣ пристава Соте, а спустя нѣкоторое время—объ обнаруженной растратѣ 250 рублей казенныхъ денегъ. Не замедлилъ, конечно, послѣдовать указъ губернскаго правленія объ увольненіи Соте отъ должности пристава и прикомандированіи его, впредь до суда, къ правленію. Слѣдственное дѣло о немъ тянулось около двухъ лѣтъ. «Нужда», нисколько не похожая на ту нужду, которую онъ испытывалъ подъ конецъ своей службы въ гвардейскомъ

Digitized by Google

полку, не заглохнувшее чувство «порядочности» и допросъ слѣдователя вызвали въ Соте благодѣтельный душевный переворотъ. Пагубная страсть къ вину еще не успѣла совершенно овладѣть имъ. Пьянству былъ положенъ конецъ. И вотъ, получая, какъ находящійся подъ слѣдствіемъ чиновникъ, извѣстную часть крайне скуднаго жалованья по чину, баронъ Соте очутился въ страшной бѣдности. «Столъ» его въ это время обыкновенно состоялъ изъ куска чернаго хлѣба и нѣсколькихъ чашекъ чая, а пріютъ—изъ двухрублеваго «угла» въ какомъ-то подвалѣ. Имѣя много свободнаго времени, онъ долго не переставалъ искать какой-нибудь «работы». Но такъ какъ на повѣрку выходило, что для него доступна только одна работа—«переписка», то, за неотысканіемъ ея, всѣ его поиски за «работой» были безплодны. Въ немъ явилось тогда желаніе пополнить недостатокъ матеріальной пищи умственною. Однакожь, отсутствіе въ губернскомъ городѣ безплатной публичной библіотеки явилось очевиднымъ препятствіемъ къ приведенію въ исполненіе этого желанія. Къ счастью, горемыка-студентъ, также занимавшій «уголъ» въ одномъ съ нимъ подвалѣ, оказался владѣльцемъ нѣсколькихъ десятковъ томовъ серьезныхъ сочиненій, пріобрѣтенныхъ, въ ущербъ желудку, на тѣ немногіе гроши, которые бѣдняку удавалось добыть иногда литературнымъ трудомъ. Барону Соте удалось снискать расположеніе обыкновенно очень угрюмаго и необщительнаго студента и получить право пользоваться тѣми книгами. При этомъ студентъ охотно предложилъ ему свое научное содѣйствіе къ усвоенію тѣхъ изъ сочиненій, содержаніе которыхъ оказалось-бы для него недоступнымъ. «Несвѣтскія» манеры не могли лишить его прилежнаго ученика. Баронъ достойно воспользовался обществомъ трудолюбиваго и высоко-образованнаго студента. Умственный кругозоръ его значительно расширился. Вполнѣ усвоенныя, до того совершенно ему неизвѣстныя, сочиненія нѣкоторыхъ знаменитыхъ мыслителей развили въ немъ силу логики, глубину мысли. Словомъ, годъ совмѣстной жизни со студентомъ сдѣлалъ Соте дѣйствительно образованнымъ человѣкомъ. Наконецъ, насталъ надъ нимъ день суда. Отказавшись отъ «казенной» защиты, Соте, съ совершенною искренностью, разсказалъ суду обстоятельства дѣла, нисколько не касаясь того, что заставило его «махнуть рукой на службу», — несправедливыхъ отношеній къ нему непосредствен-

Digitized by Google

наго начальства и исторіи съ Б., вызвавшей, вмѣсто преданія суду самодура Б., приказаніе губернатора ему, приставу, подать въ отставку и угрозу увольненія по третьему пункту. Судъ, оправдавъ его по обвиненію въ растратѣ, призналъ виновнымъ въ несвоевременныхъ донесеніяхъ о происшествіяхъ, непреставленіи, по требованію начальства, какой-то вѣдомости и въ оставленіи имъ безъ отвѣта трехъ оффиціальныхъ запросовъ исправника по одному дѣлу, за что приговорилъ къ исключенію изъ службы. Такъ кончилась и административная карьера ротмистра Соте.

Послѣ приговора суда, Соте остался, буквально, безъ всякихъ средствъ къ какому-бы то ни было существованію. Лишившись, съ исключеніемъ изъ службы, и тѣхъ немногихъ рублей въ мѣсяцъ, которые онъ получалъ изъ губернскаго правленія, Соте потерялъ возможность оплачивать свои «столъ» и «уголъ». Ужасное положеніе! Собственныя, личныя силы одного человѣка слишкомъ ничтожны, чтобы бороться съ нимъ. Я знаю это положеніе. Оно способно попрать въ человѣкѣ самыя святыя его чувства, убѣжденія; оно ведетъ или къ преступленію, или въ гробъ. Нѣтъ середины! Только посторонняя помощь, посторонняя сила могутъ спасти несчастнаго. Увы! Эта помощь рѣдко является, и, большею частью, очутившійся въ такомъ положеніи, предоставленный самому себѣ, безусловно гибнетъ. Баронъ Соте былъ, однакожь, относительно счастливѣе многихъ. Онъ нашелъ нѣкоторую помощь, которая, не смотря на свою незначительность, все-таки, давала ему возможность нѣсколько продлить страшную борьбу съ нищетой. Такой-же бездомный бѣднякъ, какъ онъ, богатый только надеждами, не разбитыми еще практическою жизнію,—его учитель-студентъ, заставилъ Соте принять отъ него его трехъ-мѣсячныя сбереженія, назначавшіяся на покупку книгъ и заключавшіяся въ 18-ти рубляхъ. На эти деньги баронъ добрелъ до столицы, гдѣ, относительно, болѣе шансовъ найти средства къ существованію, чѣмъ въ небольшомъ и небогатомъ губернскомъ городѣ.

Не такимъ онъ оставилъ эту столицу тринадцать лѣтъ назадъ. *Тогда*—молодой, знатный, богатый, блестящій гвардейскій офицеръ, довольный собою и другими, человѣкъ, которому «будущее» представлялось не иначе, какъ въ видѣ безконечнаго праздника, пира, *теперь* — возвращался совершенно разбитымъ, голоднымъ, безпріютнымъ скитальцемъ, ищущимъ куска хлѣба,

Digitized by Google

готовымъ, ради него, на самый тяжкій трудъ. Съ энергіей отчаянія, баронъ принялся искать этотъ «кусокъ», немедленно по прибытіи въ столицу. Прошло три недѣли. Не осталось ни одного частнаго или правительственнаго учрежденія, въ которое баронъ не явился-бы за «кускомъ». Увы! Государственная служба оказалась для него навсегда закрытою.

— Много дерзости и смѣлости нужно имѣть, милостивый государь, чтобы съ *такимъ* аттестатомъ искать государственной службы! — съ гнѣвомъ сказалъ барону одинъ сановникъ, возвращая ему, охотно принятый отъ него наканунѣ, аттестатъ.

— Извините,—у насъ, правда, есть мѣста, но мы принимаемъ къ себѣ на службу только ничѣмъ не опороченныхъ лицъ,—вѣжливо отвѣтилъ ему директоръ частнаго учрежденія.

— Намъ *такихъ* надзирателей и сторожей не нужно,—рѣзко произнесъ хозяинъ завода, къ которому баронъ обратился съ просьбою взять его хоть въ сторожа.

А желудокъ, между тѣмъ, требовалъ пищи. Что дѣлать? Неужели обратиться къ своимъ знатнымъ родственникамъ, поспѣшившимъ отвернуться отъ него, лишь только онъ сталъ бѣденъ?... Гдѣ-же взять хлѣба? Гдѣ найти пріютъ? Послѣдній изъ нищихъ счастливѣе его: тотъ можетъ, по крайней мѣрѣ, протянуть руку за милостыней. Уже два дня, какъ онъ ничего, кромѣ воды, во рту не имѣлъ; уже другую ночь онъ проводилъ на уличныхъ тротуарахъ... Послѣдняя попытка: онъ адресовался къ одному изъ своихъ бывшихъ товарищей по пажескому корпусу, занимавшему довольно видный, самостоятельный служебный постъ. Послѣ обидныхъ словъ: Не помню... баронъ Соте, Соте?... право, не помню! «товарищъ» предложилъ барону зайти черезъ часъ. Онъ явился.

— Графъ извиняются, — они больны и не могутъ васъ принять. Приказали вамъ отдать, — объявилъ швейцаръ, подавая Соте изящный конвертъ.

Выйдя изъ швейцарской графскаго дома, баронъ поспѣшилъ вскрыть конвертъ: въ немъ оказался пятидесяти-рублевый кредитный билетъ.—Этого только недоставало! *милостыня*, поданная черезъ швейцара! Я прошу занятій, прошу работы; а отъ меня находятъ нужнымъ отдѣлаться милостыней... И эту милостыню подаетъ мнѣ мой школьный товарищъ!—думалъ баронъ, держа въ рукѣ кредитный билетъ.

Digitized by Google

— И каждый имѣетъ *право* подать мнѣ милостыню, какъ человѣку голодному, не имѣющему средствъ поддерживать свое жалкое существованіе... Я воспользуюсь своимъ паденіемъ — этими 50-ю рублями: буду нѣкоторое время сытъ, найду пристанище. Но что-же будетъ дальше, черезъ два-три мѣсяца? Опять *милостыня*! — не иначе. Развѣ я не испробовалъ все для отысканія куска хлѣба? Мои поиски, скитанія по многочисленнымъ передникъ ни къ чему ни привели. Не только *исключеніе* изъ службы, даже *имя* мое являлось мнѣ препятствіемъ. И въ самомъ дѣлѣ: кто-же возьметъ *барона* въ сторожа?... И такъ, что-жь? Опять протягивать руку, пока судьбѣ будетъ угодно положить конецъ моему существованію?!

— Воспользуюсь этой милостыней, чтобы избѣжать необходимости искать смерти въ рѣкѣ. Я *умру на виду у всѣхъ*... Больная фантазія барона создала картину такой смерти—«на виду у всѣхъ»,—картину, которую Соте немедленно бросился осуществить.

Подкрѣпивъ себя въ первомъ попавшемся ресторанѣ виномъ и легкой закуской, Соте направился къ портному. Ему нужно было привести въ нѣкоторый порядокъ свое затасканное, ветхое платье. Старанія портнаго увѣнчались успѣхомъ: при помощи иголки, щетки, утюга, платье барона вскорѣ получило довольно приличный видъ. Мальчикъ-ученикъ вычистилъ сапоги, сбѣгалъ въ находившійся рядомъ магазинъ бѣлья, принесъ барону новую сорочку. Тутъ-же, въ мастерской портнаго, ему подали умыться. Тѣмъ временемъ, посыльный принесъ билетъ на ложу въ театръ, гусарскую фуражку и перчатки. Словомъ, черезъ часъ какой-нибудь съ небольшимъ, баронъ вышелъ отъ куафера,—къ которому направился изъ мастерской портнаго,—совершеннымъ джентльменомъ. Пріобрѣвъ въ магазинѣ оружія небольшой карманный револьверъ и коробку пуль для него, баронъ тутъ-же въ магазинѣ зарядилъ его и положилъ въ карманъ.

Въ семь часовъ вечера, баронъ уже сидѣлъ въ театральной ложѣ и представлялъ себѣ тотъ переполохъ, испугъ, истерики, которые произойдутъ въ этомъ театрѣ послѣ того, какъ раздастся выстрѣлъ, имѣющій прекратить его существованіе.

— Это, однако, превосходная мысль,—разсуждалъ или, вѣрнѣе, бредилъ баронъ. — Въ то время, когда, на сценѣ, герой драмы произноситъ свой потрясающій монологъ,—бацъ выстрѣлъ; и ба-

Digitized by Google

ронъ Соте умираетъ на глазахъ у всѣхъ. Застрѣлиться въ банѣ, въ нумерахъ, на улицѣ,—все это такъ обыденно!... Стрѣляться въ оперѣ еще, кажется, никто не вздумалъ... Превосходная мысль! великолѣпная мысль!

Оставшіеся отъ 50-ти рублеваго билета три-четыре рубля даютъ ему возможность сходить въ буфетъ. Онъ выпиваетъ залпомъ стакамъ коньяку. И, удивительное дѣло: нисколько не пьянѣетъ. Онъ чувствуетъ себя только бодрѣе, веселѣе. Въ немъ даже является желаніе поговорить, «полюбезничать» съ высокой, красивой брюнетой, прогуливающейся по корридору,—вспомнить старину.

— И она, черезъ часъ, будетъ, испуганнымъ голосомъ, спрашивать: «Кто? Что? Какъ?»—И навѣрное пожалѣетъ его, — можетъ быть и поплачетъ... Но, вотъ, она роняетъ вѣеръ. Ex-гусаръ, съ бывалою ловкостью, успѣваетъ поднять его и подать брюнеткѣ... Та благодаритъ его, удостоиваетъ обворожительной улыбкой. Онъ не упуститъ случая поболтать. Ему такъ весело, онъ такъ расположенъ посмѣяться... Онъ пользуется этимъ «mersi» и не оставляетъ его безъ возраженія. Завязывается живая французская болтовня.

Баронъ красивъ, чудно красивъ... Глаза брюнетки то и дѣло обращаются на его роскошные бѣлокурые бакенбарды.

Звонокъ. Антрактъ кончился.

— Я одна въ ложѣ. Если вамъ пріятно продолжать со мною бесѣду, прошу покорно,—говоритъ ему брюнетка своимъ очаровательнымъ голосомъ, входя въ ложу.

Баронъ слѣдуетъ за нею. Очаровательный, ласкающійся голосъ, чудесные глаза, красивое, выразительное лицо, вся статная, граціозная фигура брюнетки производятъ перемѣну въ его настроеніи. Онъ становится менѣе веселъ, менѣе болтливъ. Эта женщина, такъ пріятно улыбающаяся ему, обреченному себя на смерть, напомнила ему, что онъ оставляетъ жизнь, не испытавъ самаго святаго и, какъ увѣряютъ, блаженнѣйшаго изъ чувствъ— любви.

— Что съ вами сдѣлалось?—спрашиваетъ его брюнетка, удивленная внезапной перемѣной въ своемъ собесѣдникѣ.—Боже мой! да какой вы вдругъ мрачный сдѣлались!...

Digitized by Google

— Извините меня... я... я... Онъ не могъ ничего сказать: слезы душили его.

— Я васъ не пущу! вы скажете мнѣ, что съ вами. Слышите? Дайте вашу руку! — И брюнетка почти насильно опять усадила барона, намѣревавшагося оставить ея ложу.

Припадокъ веселья, видимой беззаботности, давно миновалъ. Барону вдругъ сдѣлалось не страшно, а *жалко* умереть. Онъ предался горькому отчаянію. Поднявъ глаза, онъ увидалъ, что изъ чудныхъ глазъ брюнетки катились слезы. Она съ такимъ участіемъ, съ такою любовью смотрѣла на него...

— Простите меня! — проговорилъ онъ, наконецъ, слабымъ голосомъ. — Я уйду. Я не имѣлъ права заговорить съ вами, разстроить васъ. Я сумасшедшій...

Онъ, дѣйствительно, былъ похожъ на сумасшедшаго.

— Можете вы мнѣ сказать ваше имя?—спросила она, дотрогиваясь до его руки и устремляя на него свои чудные глаза.

— Мое имя: баронъ Соте, отставной ротмистръ. Довольно! Я *долженъ* уйдти. Вы сейчасъ узнаете причину моего разстройства, — отрывисто отвѣтилъ вдругъ пріободрившійся Соте. Прощайте! — какъ-то особенно произнесъ онъ, направляясь къ выходу.

— Нѣтъ! Я васъ не пущу! Умоляю васъ, скажите, что съ вами? Я не отстану отъ васъ. Вы мнѣ *все* скажете!—рѣшительно произнесла брюнетка, не выпуская его рукъ.

— Хорошо... Извольте! — твердо отвѣтилъ баронъ, послѣ минутнаго колебанія, въ третій разъ возвращаясь на свое мѣсто.— Я готовъ отвѣчать вамъ на вопросы. Вы хотите знать, что со мной? Отвѣчаю: мнѣ тяжело разстаться съ жизнью.

— Развѣ вы умираете?—недоумѣвая спросила она.

— Да, я хочу умереть и за этимъ именно пріѣхалъ въ театръ.

— Я васъ не понимаю.

— Я говорю очень ясно. Вы видите этотъ револьверъ? онъ заряженъ. Минута—и на свѣтѣ однимъ несчастнымъ меньше.

Съ быстротою молніи выхватила брюнетка изъ рукъ барона только-что вынутый имъ изъ кармана револьверъ.

— Вы не умрете! Дайте вашу руку!... Разсказывайте, что побуждаетъ васъ къ самоубійству?—полу-повелительно произнесла брюнетка, выйдя съ барономъ изъ ложи.

Digitized by Google

Баронъ, по возможности кратко, разсказалъ ей свое ужасное положеніе.

— Вы знаете генерала З.? — спросила она его, когда онъ кончилъ свой разсказъ.

— Да, знаю: онъ, между прочимъ, одинъ изъ тѣхъ, къ которымъ я тщетно обращался за мѣстомъ.

— Онъ мой двоюродный братъ; и я вамъ даю за него слово, что вы получите мѣсто, и притомъ непремѣнно хорошее, достойное васъ мѣсто. Это такъ-же вѣрно, какъ то, что я съ вами теперь говорю. Что вы недовѣрчиво качаете головой?

— Это невозможно. Вы не знаете, что такое значитъ *исключеніе* изъ службы,—отвѣтилъ онъ.

— Я и не хочу знать. Знаю только, что вы непремѣнно получите мѣсто. Однако, смотрите: опера кончилась, всѣ разъѣзжаются. Пойдемте и мы.

Баронъ, молча, повиновался. Ливрейный лакей подалъ брюнеткѣ великолѣпную ротонду.

— Вы меня проводите? Кстати, узнаете мою квартиру, — сказала она барону, между тѣмъ, какъ лакей отворялъ дверцы шикарной кареты, подкатившей къ подъѣзду.

— Что-же вы стоите? Давайте руку! — Боже! да вы просто остолбенѣли!—чуть не плача, произнесла она, увидавъ, что баронъ не послѣдовалъ за нею въ экипажъ. Какъ бы опомнившись, онъ стремглавъ бросился въ карету и, лишь только дверцы захлопнулись и карета помчалась, какъ баронъ схватилъ обѣ руки брюнетки и сталъ осыпать ихъ безчисленными горячими поцѣлуями.

— Вы будете жить!... Вы будете счастливы... Васъ не умѣли понять, оцѣнить... Тѣмъ лучше: я васъ спасу. Вы мой!—говорила брюнетка, страстно обнимая и цѣлуя барона.

Карета остановилась у освѣщеннаго подъѣзда богатаго дома, на одной изъ модныхъ улицъ столицы.

— И такъ, до завтра, другъ мой! — по французски сказала брюнетка, прощаясь съ барономъ у подъѣзда своей квартиры.— Хоть я и не боюсь теперь за васъ, потому что вы достаточно успокоились; но револьвера, все-таки, не отдамъ: онъ у меня останется. Смотрите-же, будьте аккуратны... къ 11 часамъ. У меня будетъ въ это время братъ. Захватите съ собою ваши бумаги. До свиданія-же! Запомните, домъ № 20.

Digitized by Google

Двери подъѣзда захлопнулись. Нѣсколько минутъ баронъ не трогался съ мѣста. Онъ словно приросъ къ нему. Стукъ проѣхавшаго экипажа вывелъ его изъ забытья. Быстрыми шагами пошелъ онъ по направленію къ бульвару. Но, вотъ, и бульваръ пройденъ, и громадная площадь, и еще много улицъ и переулковъ, а баронъ продолжалъ все такъ-же быстро шагать. Бой часовъ на городской башнѣ привлекъ его вниманіе. Онъ остановился.

— Два, три, четыре... четыре часа утра! Странно, какъ я не замѣтилъ, что такъ поздно... Уфъ! — пробормоталъ баронъ, прислонившись къ забору. Онъ едва стоялъ на ногахъ. Онъ только теперь почувствовалъ усталость. Къ счастью, оказалось, что онъ остановился какъ разъ противъ гостинницы. Баронъ позвонилъ. Заспанный швейцаръ отнѣкивался было пустить такого поздняго постояльца; и только послѣ убѣдительныхъ просьбъ, платы «*впередъ*» за нумеръ (въ карманѣ барона нашелся рубль) и тщательнаго просмотра, при помощи громадныхъ очковъ, аттестата барона, швейцаръ смилостивился и провелъ барона въ какой-то, чуть-ли не шестой, этажъ, въ рублевый нумеръ.

— Огня прикажете? — спросилъ швейцаръ.

— Ничего не нужно!—И баронъ, не раздѣваясь, какъ снопъ, повалился на кровать.

Было девять часовъ, когда баронъ проснулся на другой день. Онъ долго не могъ собраться съ мыслями, привести въ порядокъ все пережитое въ теченіи вчерашняго дня. Происшедшее съ нимъ въ театрѣ было до такой степени необычайно, романтично, что, приводя въ памяти всѣ выдающіеся моменты этого вечера, онъ невольно увлекался и давалъ просторъ воображенію. «Я васъ жду въ 11 часовъ... С—кая улица, домъ № 20»,—вдругъ вспомнилось ему.

Ровно въ 11 часовъ, баронъ позвонилъ у подъѣзда дома № 20. Видимо предупрежденный, швейцаръ избавилъ его отъ обычныхъ вопросовъ: «Кого вамъ угодно?» «Какъ прикажете доложить?» и проч. Баронъ особенно боялся именно перваго вопроса: что онъ отвѣтитъ?—*Ее!*... А кто *она*? Какъ ея имя?... Онъ очень обрадовался, поэтому, когда швейцаръ, отворивъ двери, почтительно произнесъ: «Пожалуйте-съ! Васъ ждутъ»—и вслѣдъ затѣмъ дернулъ за сонетку. Раздались звонки, и два человѣка, во фракахъ, показались на площадкѣ великолѣпно-убранной лѣстницы, по которой

Digitized by Google

баронъ торопливо поднимался. Послѣдовало еще одно: «пожалуйте-съ!»—и баронъ, сопровождаемый «человѣками», пройдя рядъ роскошныхъ комнатъ, достигъ цѣли — крайней комнаты. Баронъ машинально остановился. Глазамъ его представилась большая, круглая, полусвѣтлая комната, обитая дорогой матеріей, убранная съ необыкновенною роскошью въ восточномъ вкусѣ. На небольшой оттоманкѣ полулежала *она*, одѣтая въ бархатное платье; маленькія ноги ея, обутыя въ превосходныя, шитыя золотомъ, шелковыя туфли, кокетливо покоились на высокой бархатной подушкѣ, помѣщавшейся нѣсколько ниже оттоманки. Все существо красавицы дышало страстью, нѣгой. Тутъ-же, раскачиваясь въ американскомъ креслѣ, сидѣлъ пожилой, полный господинъ въ генеральскомъ мундирѣ.

— Ну, вотъ и вы! Какъ я рада!... Я ужь боялась, что вы раздумаете пріѣхать. Здравствуйте-же, баронъ!—радостно привѣтствовала его красавица, поднявшись съ оттоманки и протягивая ему руку. — Баронъ Соте... Мой братъ, — поспѣшила она представить другъ другу барона и генерала.

Оказалось, что генералъ нѣкогда служилъ подъ начальствомъ отца Соте, и что, поэтому, онъ тѣмъ болѣе радъ знакомству съ его сыномъ, что онъ пораженъ разсказомъ сестры о положеніи барона.

— Просто, не вѣрится!—съ пафосомъ воскликнулъ генералъ.— Человѣкъ съ такимъ *именемъ*, образованіемъ, прибѣгаетъ къ самоубійству *отъ нужды*!... Вы несправедливы къ «свѣту», къ обществу; оно вовсе не такъ безучастно къ своимъ членамъ, чтобы отказать имъ въ помощи. Каждый изъ насъ, — вѣрьте мнѣ, — за честь считалъ-бы протянуть вамъ руку.

Баронъ рѣшился возразить генералу, напомнивъ, что онъ, между прочимъ, *и къ нему* обращался... и, однакожь, не имѣлъ успѣха. Сконфуженный генералъ очень краснорѣчиво объяснилъ тогда положеніе сановника, ежедневно осаждаемаго массой просителей, принимающихъ всевозможные виды и положенія, чтобы *заискать* довѣріе къ своимъ, большею частью, неосновательнымъ просьбамъ.

— Нѣтъ никакой физической возможности *самому* входить въ положеніе каждаго такого просителя. Невольно впадешь въ *ошибки*, но въ *равнодушіе*—никогда. Адресуйте вы ко мнѣ письмо, подайте

Digitized by Google

бумагу, явитесь въ мой домъ, и вы, — смѣю васъ увѣрить, — не имѣли-бы повода прибѣгать къ такому крайнему протесту противъ равнодушія общества, какъ самоубійство.—Послѣ довольно продолжительной бесѣды, генералъ попросилъ барона дать ему свой аттестатъ. Просмотрѣвъ его, генералъ, извинившись передъ сестрой, что лишаетъ ее на нѣсколько минутъ пріятнаго общества барона, предложилъ послѣднему руку, приглашая его въ кабинетъ. Тщательно притворивъ двери кабинета и указавъ барону на кресло, генералъ совершенно другимъ, такъ называемымъ, «дѣловымъ» тономъ произнесъ длинную рѣчь, сущность которой заключалась въ томъ, что *исключеніе* изъ службы, дѣйствительно, составляетъ трудно преодолимое препятствіе къ занятію какого-либо мѣста; что положеніе барона,—онъ вполнѣ понимаетъ,—крайне незавидно, и что, тѣмъ не менѣе, онъ, генералъ, желаетъ спасти его, устроить его настоящее и, затѣмъ, позаботиться о будущемъ.

— Хотите вы получить мѣсто командира арестантской роты и 20 тысячъ рублей денегъ?—вдругъ неожиданно озадачилъ барона генералъ.

— Я и не смѣю мечтать о такомъ счастіи, ваше превосходительство. Но я васъ не понимаю... Это невозможно.

— Я вамъ говорю: возможно. Мало того, я предлагаю вамъ при этомъ еще одно сокровище... Словомъ, баронъ, — замялся нѣсколько генералъ, — вы хотите быть счастливы? — женитесь на *этой особѣ*... Нетвердо, торопливо, какъ-бы испугавшись собственныхъ словъ, произнесъ генералъ.

— Т. е., на комъ? На вашей *сестрѣ*?—спросилъ озадаченный баронъ.

— Н-да... Это для васъ все равно: сестра-ли она мнѣ, нѣтъ-ли. Довольно того, что я хочу выдать ее за васъ замужъ, дать ей право носить ваше имя, котораго она, несомнѣнно, достойна...

Кровь бросилась въ голову Соте; у него потемнѣло въ глазахъ. Въ немъ опять заговорилъ гордый баронъ. Не обдумавъ хорошенько предложенія генерала и послѣдствій своего отказа, баронъ, внѣ себя, вскочилъ съ кресла.

— Вы—негодяй, милостивый государь! Баронъ Соте никогда не продастъ себя! Вы мнѣ отвѣтите!...

Генералъ хладнокровно позвонилъ.

Digitized by Google

— Сейчасъ-же проводить этого господина, и никогда не впускать!—отдалъ онъ приказаніе явившемуся на звонокъ человѣку.

Соте бросился на генерала. Къ счастію послѣдняго, «человѣкъ» успѣлъ схватить барона за руки, чѣмъ воспользовался генералъ, и бросился вонъ изъ кабинета. Явились «люди», и барона выпроводили на улицу далеко не съ тою почтительностью, съ какою его встрѣтили, часъ тому назадъ. Аттестатъ его остался въ рукахъ генерала. Не отдавая себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, безсмысленно слѣдуя внезапному душевному порыву, баронъ поспѣшно отправился въ квартиру «оскорбившаго» его своей милостыней графа.

— Доложи графу, что мнѣ нужно, необходимо сейчасъ-же его видѣть, живѣй! — грозно приказалъ онъ швейцару. Испуганный страшнымъ видомъ барона, швейцаръ не осмѣлился не исполнить его приказанія.

— Вы негодяй!—было первое слово барона, когда онъ увидалъ графа.

Послали за полиціей. Баронъ не переставалъ наносить оскорбленія графу, полицейскому чиновнику. Его арестовали, причемъ дали ему возможность написать жалобу.

— Право, не помню, что именно я написалъ. Знаю только, что исписалъ цѣлыхъ три листа. Я былъ словно въ горячкѣ. Я совершенно не владѣлъ собою,—говорилъ мнѣ баронъ.

Въ тотъ-же день, вечеромъ, его потребовалъ къ себѣ полиціймейстеръ.

— Гдѣ вашъ документъ? Чѣмъ вы занимаетесь? Гдѣ живете?

Вмѣсто того, чтобы хладнокровно отвѣтить, объяснить свои обстоятельства, баронъ Соте, своими рѣзкими отвѣтами, возстановилъ противъ себя и полиціймейстера. Послѣдствіемъ этого явилось постановленіе о задержаніи барона Соте, какъ безпаспортнаго, не указавшаго своего мѣстожительства и занятій.

Такимъ образомъ, баронъ Соте очутился въ благородной камерѣ N-ской части, гдѣ и не замедлилъ придти въ себя.

Digitized by Google

ГЛАВА VIII.

«ЕГОРОВЩИНА».

Благородное общество давно уже позавтракало. Завтракъ этотъ состоялъ для Угрова, Николаева и меня — изъ кофе и цѣлаго арсенала *угровскихъ* закусокъ: икры, сыра, масла, сардинокъ; для Давыдовича—изъ кружки чая «въ прикуску» и маленькаго полутора-копѣечнаго розанчика; для барона Соте и поручика де-Трайля—изъ чернаго хлѣба и двухъ небольшихъ кусочковъ вареной колбасы съ чеснокомъ. Причемъ наша группа занимала столъ, Давыдовичъ—подоконникъ, а баронъ и поручикъ—закусывали «на ходу», находя это для себя, вѣроятно, болѣе удобнымъ и соотвѣтственнымъ достоинству своего скуднаго завтрака. «Благодѣтель» Глюмъ все еще продолжалъ покоиться крѣпкимъ сномъ. Въ корридорѣ раздалась команда: «смирно!»—Послѣ громкаго: «здорово, ребята!» и дружнаго: «здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!» въ отвѣтъ, настала, въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, тишина.

— Егоровъ обыскъ производитъ,—сказалъ мнѣ Николаевъ.

— Значитъ, и насъ обыскивать будутъ? спросилъ я.

— Ну, нѣтъ; мы *пока* застрахованы отъ этого. Егорову *теперь* не очень-то удобно съ нами ссориться... Вы видѣли, *когда* и *въ какомъ видѣ* явился ночью «благодѣтель»?

Послышались звукъ полновѣсной оплеухи, топанье ногами и оглушительный крикъ:

— Говори! говори, мерзкій мальчишка! Заморю! Кандалы надѣну!... Взять его!... раздѣть!... Въ карцеръ!...

— Ваше высок.... заговорили было нѣсколько голосовъ.

— Молчать, бродяги!... А-а! вся камера сговорилась!... Не давать никому ни подаянія, ни кипятку!... Смотрѣть! строго смотрѣть у меня! Я имъ покажу: «щи не хороши!» Я узнаю, за-

Digitized by Google

ставлю сказать, кто научилъ этого дурака жаловаться... Канальи! — Не переставая кричать, смотритель вошелъ въ нашу камеру.

— Здравствуйте, господа! Что это, у васъ до сихъ поръ еще постели не убраны?—произнесъ смотритель, обводя глазами комнату.

— А Иванъ Ивановичъ еще спитъ?—Поздно, поздно, батенька! Вставайте-ка! ужь время, — заговорилъ смотритель совершенно инымъ тономъ, похлопывая по плечу между тѣмъ проснувшагося Глюма.

— Никто ничего не имѣетъ заявить?—спросилъ онъ, направляясь къ выходу. Всѣ молчали.

— Прощайте! И смотритель оставилъ «благородную» камеру.

— Савельевъ! Карасева приведи сейчасъ ко мнѣ въ контору!— донеслось изъ корридора приказаніе смотрителя.

Черезъ нѣсколько минутъ, за мной явился Савельевъ.

— Пожалуйте, «баринъ», въ контору: васъ зачѣмъ-то смотритель хочетъ видѣть,—сказалъ онъ мнѣ. Я, конечно, не заставилъ себя долго ждать.

— Во вниманіе къ вашему болѣзненному состоянію, я нашелъ возможнымъ не отказать въ просьбѣ товарища прокурора о переводѣ васъ изъ слѣдственной камеры,—важно обратился ко мнѣ Егоровъ, лишь только я показался въ конторѣ.—Мнѣ нѣтъ дѣла до полученнаго вами образованія. Я знаю только, что вы не дворянинъ, и что, поэтому, я *обязанъ* васъ содержать вмѣстѣ съ разночинцами. Повторяю, что я сдѣлалъ для васъ исключеніе именно только въ виду того, что вы еще не совершенно оправились отъ болѣзни, ради которой я, также, *на этотъ разъ* не наказываю васъ за тѣ *неумѣстныя* выраженія, которыя вы употребили *въ моемъ присутствіи*, при объясненіи съ товарищемъ прокурора; но, прощая вамъ это, я предупреждаю, что не терплю вольностей. Малѣйшее нарушеніе вами заведеннаго у меня *порядка*—и вы понесете строгое наказаніе, не говоря уже о томъ, что я васъ немедленно переведу къ разночинцамъ. Надѣюсь, что вы не будете неблагодарны, и *оцѣните* допущенное мною, относительно васъ, исключеніе. Больше ничего. Я только это и хотѣлъ вамъ передать.—Савельевъ! отведи на мѣсто! закончилъ смотритель.

Digitized by Google

— Что это за стукъ?—спросилъ я Савельева, проходя по коридору средняго этажа.

— А это въ карцерѣ. Смотритель давеча посадилъ одного «мироваго».

— Можно мнѣ посмотрѣть карцеръ?

— Оно, положимъ, что не полагается... да ужь для васъ... многозначительно отвѣтилъ мнѣ Савельевъ, подводя меня къ карцеру.

Онъ отперъ узкую дверь. Я отшатнулся. Меня вдругъ обдало страшною сыростью и необыкновеннымъ зловоніемъ. Оправившись немного и сдерживая, по возможности, дыханіе, я вошелъ въ карцеръ, попросивъ при этомъ своего чичероне зажечь спичку, такъ какъ въ немъ было совершенно темно. Въ карманѣ запасливаго Савельева нашелся огарокъ стеариновой свѣчки, который онъ и зажегъ. Прижавшись въ уголъ, весь трясясь отъ сильнаго холода, царившаго въ карцерѣ, стоялъ мальчикъ лѣтъ 17-ти, въ одномъ только оборванномъ нижнемъ бѣльѣ. Ноги его были босы.

На вопросъ мой, Савельевъ объяснилъ, что верхнее платье и обувь снимаются съ тою цѣлью, чтобы наказанному было *холоднѣе* и чтобы онъ не могъ что-нибудь подостлать подъ себя. Карцеръ никогда не отапливался и стѣны его были покрыты порядочнымъ слоемъ снѣжнаго инея. Въ другомъ углу помѣщались грязныя, полузамерзшія, мокрыя швабры. У одной изъ стѣнъ стояли такъ называемыя «парашки», ставившіяся на ночь въ общія камеры. Понятно, какое убійственное зловоніе онѣ издавали. Полъ былъ также мокрый. Я взглянулъ на мальчика. Онъ плакалъ.

— Зачѣмъ ты стучалъ?—спросилъ я его.

— Холодно больно... да и хлѣбца нужно взять изъ камеры... отвѣтилъ онъ, всхлипывая. Савельевъ предупредительно добавилъ, что въ карцерѣ, кромѣ хлѣба и воды, ничего не полагается и что мальчикъ посаженъ на шесть дней,—высшая мѣра взысканія, которому смотритель имѣетъ право подвергнуть арестанта.

— Пожалуйте, баринъ, неравно кто войдетъ, мнѣ достанется,— напомнилъ онъ мнѣ наконецъ.

Поровнявшись съ «мировой» камерой, я полюбопытствовалъ узнать, что такое у нихъ произошло и за что именно смотритель посадилъ въ карцеръ мальчика. Оказалось, что камера давно со-

Digitized by Google

биралась жаловаться смотрителю, что ужь больно плохи щи; а супъ такъ и въ ротъ нельзя взять: одни помои,—но какъ только *до дѣла* доходило, такъ всѣ и пасъ: никто не рѣшался жаловаться. Наконецъ, удалось уговорить мальчика,—пущай, дескать, онъ только начнетъ, а мы подхватимъ. И дѣйствительно, какъ только смотритель кончилъ обыскъ, мальчикъ подошелъ къ нему и робко произнесъ: «ваше высокоблагородіе! щей совсѣмъ ѣсть нельзя». «Подхватить»—никто не подхватилъ. «Очень, вишь, перепугались всѣ, ужь больно осерчалъ», и бѣдняга-мальчикъ попалъ на шесть дней въ «карцеръ».

— Не вынесетъ малый, захвораетъ... Вотъ мы всѣ хотимъ просить Ивана Ивановича, не похлопочутъ-ли. Для нихъ смотритель все сдѣлаетъ,—сказалъ мнѣ одинъ пожилой, довольно благообразной наружности, арестантъ, котораго прочіе величали старостой.

— Прощенья просимъ, «баринъ». Не позволите-ли двугривенничекъ?.. голова трещитъ... заслужу... Я такой человѣкъ,—остановилъ меня Савельевъ у дверей благородной камеры.

— Хорошо. Благодарю васъ, что вы мнѣ показали карцеръ,—отвѣтилъ я.

— Помилуйте-съ! Я всегда готовъ... Такъ позволите взять?

— Да, вѣдь, у васъ есть мои деньги?

— Виноватъ-съ!... Я *потратилъ*... Жалованье получу, — отдамъ... А ужь заслужу,—вѣрьте совѣсти,—смѣло произнесъ онъ, нисколько не конфузясь.

— Ладно. Получите изъ конторы 50 копѣекъ. Возьмите себѣ четвертакъ, а на остальныя купите булокъ, колбасы, или что нибудь другое, и отдайте мальчику, который сидитъ въ карцерѣ. Вѣдь *вамъ* можно это сдѣлать?

— Будьте покойны-съ!—И Савельевъ стремглавъ бросился въ контору.

Николаевъ ждалъ съ нетерпѣніемъ моего возвращенія. Онъ искренно ненавидѣлъ Егорова, эту «продажную душу», какъ онъ его называлъ.

Каждый шагъ, каждое дѣйствіе Егорова доставляло пищу этой ненависти. Онъ жадно слѣдилъ за отношеніями Егорова къ Глюму и съ язвительнымъ сарказмомъ сравнивалъ эти отношенія съ тѣми возмутительными, по своей грубости и противузаконности, поступками его съ прочими арестованными, которые происходили

Digitized by Google

чуть-ли не ежедневно. Егоровъ и Глюмъ почти не сходили съ языка Николаева.

— Разсказывайте, разсказывайте-ка скорѣй!... То-то, думаю, исповѣдывалъ онъ васъ?—радостно обратился ко мнѣ Николаевъ, какъ только я вошелъ въ камеру. Поздоровавшись съ завтракавшимъ «благодѣтелемъ» Глюмомъ, я передалъ «обществу» рѣчь Егорова и тяжелое впечатлѣніе, произведенное на меня егоровскимъ карцеромъ.

— Вотъ наналья-то!—съ притворнымъ восхищеніемъ воскликнулъ Николаевъ.—На шесть дней!... Видѣли вы, видѣли, что это за карцеръ? вѣдь это чахоткой пахнетъ, со всевозможными ревматизмами въ придачу! Семнадцатилѣтняго мальчика!—продолжалъ онъ съ какимъ-то злорадствомъ. — А знаете вы содержаніе этой 229 статьи, изъ которой Егоровъ дѣлаетъ такое примѣненіе?

— Признаюсь, не знаю,—отвѣтилъ я.

— Не угодно-ли, я вамъ сейчасъ прочту ее. — И Николаевъ сталъ перелистывать имѣвшійся у него XIV томъ Свода Законовъ.

Словно отчеканивая каждое слово, Николаевъ передалъ намъ содержаніе параграфа 229, дѣлая удареніе на каждомъ его словѣ.

— Теперь спрашиваю васъ: гдѣ-же въ поступкѣ мальчика «буйное поведеніе» или «непослушаніе»? А, между тѣмъ, законъ только за это предоставляетъ смотрителю право содержать арестанта въ карцерѣ до шести дней.

— Да полноте! Вамъ то что? вѣдь не васъ посадили? — замѣтилъ Глюмъ.

— Вотъ это-то, дружище, и обидно, что вашъ пріятель не меня, не васъ посадилъ, а бѣднаго, слабаго мальчика! — съ улыбкой презрѣнія отвѣтилъ ему Николаевъ.

— Я нахожу въ этомъ фактѣ особенно возмутительнымъ то, что дѣйствіе явно-противузаконное совершается, будто-бы, во имя закона,—спокойно замѣтилъ баронъ Соте.

— Эхъ, господа, господа!... Всѣ вы, я вижу, мало жили на свѣтѣ! Нашли, чему удивляться!—произнесъ Глюмъ, кончая завтракать и собираясь уйти изъ камеры.

— А знаете что, Иванъ Ивановичъ? «Мировые» собираются васъ просить, чтобы вы похлопотали за мальчика,—остановилъ я его у дверей.—*Вамъ* смотритель навѣрное не откажетъ. Я, съ

Digitized by Google

своей стороны, также прошу васъ объ этомъ.—Глюмъ почесывалъ затылокъ съ видомъ сознанія своего могущества.

— Да чего тутъ толковать! Вамъ жалко мальчика? Вручите Ивану Ивановичу *синенькую*, для передачи по адресу, и вашъ протеже будетъ немедленно выпущенъ изъ карцера. Не правда-ли, Иванъ Ивановичъ?—обратился Николаевъ къ Глюму.

— Въ самомъ дѣлѣ? — спросилъ я, въ свою очередь.—Очень жаль, что мои нѣсколько рублей находятся въ конторѣ,—я-бы съ удовольствіемъ вручилъ вамъ эту *синенькую*,—добавилъ я.

— Дайте вашу руку, князь! Люблю!... уважаю... потому, видно, что душа есть!—горячо проговорилъ Николаевъ, крѣпко сжимая и тряся мою руку. Глюмъ вышелъ изъ камеры.

— Сдѣлайте Божескую милость... Парень-то больно смирный... замолвите за него слово!... доносилась изъ корридора просьба «мировыхъ», очевидно обращенная къ проходившему мимо ихъ камеры «благодѣтелю».

Еще нѣсколько минутъ Николаевъ продолжалъ выходить изъ себя, и какими только прилагательными онъ ни награждалъ въ это время Егорова!... Но веселый, въ сущности легкомысленный, характеръ взялъ свое. На смѣну грознымъ, полнымъ справедливаго негодованія, монологамъ явились шуточные анекдоты изъ частной жизни того-же Егорова, съ семействомъ котораго Николаевъ былъ знакомъ задолго до своего ареста. Множество уморительныхъ происшествій, мастерски переданныхъ Николаевымъ, дали мнѣ полное понятіе о *нравственной* личности Егорова. Понятіе это можетъ быть формулировано слѣдующими нѣсколькими словами: «хвастунъ, лгунъ, фатъ—въ частной жизни; взяточникъ и деспотъ — на службѣ». Къ этой характеристикѣ слѣдуетъ еще добавить, что Егоровъ, по мѣткому выраженію Николаева, имѣлъ «лисій хвостъ и волчьи зубы», употребляя первый при сношеніяхъ со всѣмъ, что стоитъ «выше», что составляетъ «непосредственное начальство», что «денежно», и послѣдніе—въ кругу своихъ подчиненныхъ, полицейскихъ служителей и несчастныхъ *бѣдняковъ* арестантовъ, ввѣренныхъ его надзору. Пользуясь тѣмъ, что благородная камера не запиралась, я сдѣлалъ, въ сопровожденіи барона Соте, экскурсію по третьему этажу полицейскаго дома. Дежурный полицейскій служитель нисколько не препятствовалъ намъ, и мы могли смѣло разговаривать съ «мировыми» и «слѣдствен-

Digitized by Google

ными» жильцами этого этажа. Какъ тѣ, такъ и другіе жаловались на *голодъ, холодъ* и *скуку*. Читатель уже знаетъ, какимъ «супомъ» питались арестанты. Два раза въ недѣлю, «супъ» замѣнялся такими-же «щами». Говядины, картофеля, ничего подобнаго и въ поминѣ не было. Въ праздничные дни подавалась крайне жидкая «каша» съ постнымъ масломъ,—и то въ весьма ограниченномъ количествѣ. Оставался только хлѣбъ, который и составлялъ для арестованныхъ единственный предметъ питанія. Но и этотъ хлѣбъ, въ количествѣ двухъ фунтовъ на человѣка въ сутки, былъ самаго отрицательнаго достоинства: неизмѣнно черствый, и, притомъ, заключалъ въ себѣ много не-мучныхъ частей. Взявъ небольшой кусокъ такого хлѣба въ ротъ, я почувствовалъ на языкѣ множество крупныхъ, твердыхъ песчинокъ, непріятно хрустѣвшихъ между зубами. Легко представить себѣ положеніе *бѣдняка* арестанта, неимѣющаго возможности, на собственныя средства, нѣсколько улучшить такой столъ... Не смотря на сильные морозы, камеры отапливались обыкновенно черезъ день, а очень часто и черезъ два. Плохо одѣтые бѣдняги, съежившись отъ холоду, имѣли крайне жалкій видъ. Свободное отъ наръ пространство камеры было настолько невелико, что въ то время, когда одни прохаживались: дѣлали два-три шага впередъ и назадъ, другіе, по необходимости, должны были сидѣть на нарахъ. Запертые днемъ и ночью, никуда, кромѣ кухни—за обѣдомъ, ужиномъ и кипяткомъ,—ни на минуту не выпускаемые, несчастные наживали всевозможныя болѣзни. Отсутствіе вентиляціи, заражаемый «парашкой», и безъ того несвѣжій, комнатный воздухъ, изобиліе насѣкомыхъ,—вслѣдствіе неимѣнія перемѣны бѣлья, — все это не могло не отзываться самымъ ужаснымъ образомъ на здоровьи лицъ, по 5 и 6 мѣсяцевъ обитавшихъ въ этихъ камерахъ. Особенно сильно жаловались заключенные на *скуку*.

— Просто хоть руки накладывай на себя! — говорили намъ нѣкоторые изъ нихъ. — Хоть-бы работу какую-нибудь дали, что-нибудь дѣлать заставили; а то — ничего! Такъ съ ума сойти можно.

Увидавъ, въ концѣ корридора, шкафъ съ книгами, на которомъ была прибита доска съ крупною надписью: «Книги, пожертвованныя его превосходительствомъ N. N. въ пользу арестантовъ»,—я спросилъ «мировыхъ», выдаютъ-ли имъ эти книги для

Digitized by Google

чтенія. Оказалось, что нѣкоторые изъ заключенныхъ много разъ тщетно обращались къ смотрителю, съ просьбой снабдить ихъ книгами. «Не даетъ!.. Просили хоть божественныхъ»... Ишь, говоритъ, какіе книжники выискались!» — А была-бы книга, оно бы, все-таки, повеселѣе было... Да и научились-бы, можетъ быть, чему-нибудь хорошему. Нѣтъ-ли хоть у васъ, баринъ, что нибудь почитать? сдѣлайте такую милость... просилъ меня одинъ изъ «мировыхъ».

Сильный и частый стукъ съ лѣстницы въ запертую дверь корридора побудилъ насъ прекратить бесѣду съ «мировыми» и «слѣдственными» и вернуться въ свою камеру. Оказалось, что мы поступили весьма благоразумно: въ корридоръ вошелъ смотритель.

— Почему не заперто? Какъ ты смѣлъ не запереть? Болванъ! Или въ *Никольской* [1]) давно не сидѣлъ?

— Виноватъ, ваше высокоблагородіе! «Господа» тутъ подходили, просили на минутку отпереть... Я не осмѣлился...

— Какіе «господа»?! Ну, отвѣчай-же, болванъ! — кричалъ смотритель.

— Господинъ баронъ, да вотъ еще новенькій... въ очкахъ,— слышался робкій отвѣтъ дежурнаго полицейскаго служителя.

Егоровъ быстро вошелъ въ нашу камеру, дверь которой, отъ сильнаго удара въ нее ногою, съ шумомъ отскочила.

— Прошу не облакачиваться!—выкрикнулъ онъ словесно военную «команду», замѣтивъ, что я стоялъ облокотившись на подоконникъ; и вслѣдъ затѣмъ, остановившись противъ меня въ вызывающей позѣ, грубо спросилъ:

— Какъ вы смѣли входить къ «мировымъ»?

— Я не зналъ, что это запрещено; тѣмъ болѣе, что дежурный служитель охотно исполнилъ мою просьбу и отперъ камеру, не давъ даже мнѣ понять, что это запрещено,—отвѣтилъ я.

— Тэ-эксъ!... Ну-съ, а если я васъ за это въ карцеръ посажу? — произнесъ онъ съ ехидной улыбкой. Я затруднялся отвѣтить на такой полувопросъ.

---

[1]) Названіе части, при которой обыкновенно арестовывались низшіе полицейскіе чины.

Digitized by Google

— Я васъ спрашиваю: понравится-ли вамъ, если я васъ сейчасъ въ карцеръ посажу?— грозно повторилъ онъ свой вопросъ, сопровождая каждое слово взмахомъ указательнаго пальца.

— Прошу васъ, г. смотритель, не предлагать мнѣ такихъ вопросовъ,—отвѣтилъ я, по возможности, спокойнымъ голосомъ.

— Я васъ *заставлю* отвѣчать на мои вопросы! Помните, что вы *арестантъ!* Слышите? Вы *арестантъ!*... кричалъ Егоровъ, отвратительно жестикулируя.

— Не мѣшаетъ и вамъ, г. Егоровъ, помнить, что вы *смотритель*, — многозначительно замѣтилъ вдругъ Николаевъ. Это замѣчаніе произвело на Егорова удивительное дѣйствіе. Онъ вдругъ какъ-то осѣлъ, смутился, растерялся. Съ минуту, онъ молча обращался то къ одному, то къ другому изъ сопровождавшихъ его полицейскихъ служителей, видимо не зная, что дѣлать, что приказать.

— Это не ваше дѣло! Не угодно-ли вамъ не вмѣшиваться, когда я говорю!... наконецъ произнесъ онъ, нѣсколько оправившись. — Савельевъ! позови ко мнѣ помощника. — Явился околоточный.

— Потрудитель сейчасъ-же произвести самый тщательный обыскъ въ этой камерѣ, и все, что найдете запрещеннаго, не исключая и табаку, представьте въ контору, — важно обратился къ нему Егоровъ. — Я имъ покажу, какъ вольничать! Все отобрать! все! кричалъ Егоровъ, удаляясь изъ камеры.

Околоточный, повидимому, весьма недовольный, неохотно приступилъ къ выполненію приказанія смотрителя.

— Напрасно трудитесь... «Благодѣтель» придетъ, все будетъ по старому. Вѣдь не захочетъ-же Егоровъ, *въ самомъ дѣлѣ*, исторію заводить? — сказалъ Николаевъ околоточному, когда послѣдній сталъ откладывать въ сторону ножи, вилки, табакъ, письменныя принадлежности, старыя газеты, бутылку коньяку и т. п.

Околоточный, въ отвѣтъ, только пожималъ плечами, что, повидимому, означало, что онъ совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Николаева, но что, тѣмъ не менѣе, онъ обязанъ сдѣлать то, что ему приказано. Забравъ, при помощи двухъ служителей, найденную контрабанду, околоточный оставилъ камеру.

— Егоровъ меня поразилъ; я всего могъ отъ него ожидать, но только не такой храбрости, какую онъ только что проявилъ

Digitized by Google

здѣсь, въ присутствіи лицъ, которымъ извѣстны всѣ его пакости. Онъ становится *отчаянно* смѣлъ,—произнесъ Николаевъ.

— Напротивъ, возразилъ я, — онъ былъ такъ *жалокъ* въ ту минуту, когда вы посовѣтовали ему помнить, что онъ смотритель... Врядъ-ли онъ можетъ претендовать на храбрость.

— А обыскъ? Нѣтъ; вы не смотрите, что его смутило мое замѣчаніе. Его смутили не слова, а именно то, что слова эти произнесъ я. Онъ *знаетъ* меня, и не безъ основаній побаивается затрогивать. Но, какъ хотите, господа, а пора сдѣлать попытку положить конецъ *Егоровщинѣ*! Не заявить-ли товарищу прокурора? Слѣдуетъ, положительно слѣдуетъ!... горячился Николаевъ.

— Я вамъ завидую, Дмитрій Александровичъ, — сказалъ мнѣ баронъ.—Вы умѣете владѣть собою. Ну, право, я-бы не вытерпѣлъ на вашемъ мѣстѣ, когда этотъ Егоровъ старался унизить васъ словомъ *арестантъ*...

— Да, да, и какимъ тономъ, какія гримасы онъ при этомъ строилъ!... подхватилъ Никалаевъ.— И нашелъ-же онъ къ чему придраться! Зашли къ «мировымъ»... ха-ха-ха!... А съ «благодѣтелемъ» сидѣть на женскомъ отдѣленіи, выдѣлывать тамъ всевозможныя безобразія... это можно?

«Сидѣнье» на женскомъ отдѣленіи меня заинтересовало. Не трудно было упросить Николаева разсказать объ этомъ.

— Я разскажу вамъ фактъ, случившійся всего только недѣли три тому назадъ. «Благодѣтель» нашъ, не смотря на свои 50 лѣтъ и плѣшивую голову, большой охотникъ до прекрасной половины рода человѣческаго. Скряга во всемъ прочемъ, онъ дѣлается расточительнымъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о знакомствѣ съ хорошенькой барыней. И нужно сказать правду: къ нему ѣздятъ много женщинъ. Зайдите въ любое время дня въ контору, и вы увидите его въ обществѣ болѣе или менѣе прекрасныхъ дамъ. Недѣли три тому назадъ, мнѣ случилось что-то писать въ конторѣ. Глюма, на этотъ разъ, тамъ не было. При мнѣ, городовой привелъ изъ полицейскаго участка молоденькую, весьма недурненькую собой, нѣмку, взятую за «безписьменность» и подлежавшую отправленію, этапнымъ порядкомъ, на родину. Пока Егоровъ просматривалъ бумагу, при которой она препровождалась изъ участка, бѣлокурая нѣмочка успѣла бросить на меня нѣсколько кокетливыхъ взглядовъ. Я, конечно, не остался въ долгу и, вос-

Digitized by Google

пользовавшись удобною минутою, два-три раза выразительно кивнулъ ей головой. Поощренная этимъ, нѣмочка — очевидно, падшее, хотя и прелестное созданіе, — слѣдуя изъ конторы за служителемъ на женское отдѣленіе, послала мнѣ воздушный поцѣлуй. Тюремная жизнь такъ однообразна, — если, конечно, не принимать въ разсчетъ слишкомъ ужъ разнообразныхъ выходокъ достопочтеннаго Егорова,—что и такой пустой, ничего не выражающій случай составляетъ событіе, достойное быть разсказаннымъ. Окончивъ свое писаніе, я вернулся въ камеру, гдѣ и не преминулъ разсказать свой мимолетный романъ съ нѣмочкой. Замѣтивъ, что находившійся въ конторѣ Глюмъ жадно прислушивался къ моему разсказу, я нашелъ нужнымъ значительно прикрасить его. Вышло, что я восхищенъ, очарованъ бѣлокурой узницей.

— Ну, а какъ вы думаете, г. Николаевъ, *трудно* познакомиться съ нею? — заискивающе спросилъ меня сладострастный Глюмъ, у котораго и глаза сдѣлались необыкновенно масляны.

Я только и ждалъ этого. Я увѣрилъ его, что онъ могъ-бы вполнѣ разсчитывать на успѣхъ, если-бы только дѣло было не въ полицейскомъ домѣ.—«Значитъ, все зависитъ отъ смотрителя?»—радостно спросилъ онъ меня.—«Понятно!» отвѣтилъ я.—Не говоря болѣе ни слова, Глюмъ отправился въ контору. Спустя, приблизительно, часъ, я посылаю за Савельевымъ.—«Гдѣ,—спрашиваю его, — Иванъ Ивановичъ?» — Оказывается, что Иванъ Ивановичъ сидитъ съ смотрителемъ въ женской камерѣ и заигрываютъ съ моей нѣмочкой. Женское отдѣленіе помѣщается въ среднемъ этажѣ; такъ что, идя въ контору, приходится проходить мимо. Я нарочно отправился въ контору, и убѣдился въ невѣроятномъ: нисколько не стѣсняясь присутствіемъ прочихъ четырехъ женщинъ, Иванъ Ивановичъ возился съ нѣмкою. Полицейскій служитель стоялъ у дверей и, конечно, только ради формы, не переставалъ повторять: «Пожалуйте, Иванъ Ивановичъ!... пожалуйте!» Егорова, однакожъ, не было. У него хватило настолько такта, чтобы тамъ долго не оставаться вмѣстѣ съ Глюмомъ. Онъ даже вскорѣ послалъ за послѣднимъ и сдѣлалъ выговоръ полицейскому служителю за то, что тотъ ему не доложилъ, что Иванъ Ивановичъ не выходитъ изъ женской ка-

Digitized by Google

меры. Глюмъ не замедлилъ, конечно, явиться въ камеру, похвастаться «побѣдой»!

— Ну, батюшка! насилу отвязался... влюбилась, да и баста!— говорилъ онъ мнѣ, внѣ себя отъ восторга. Послѣдовало подробное описаніе наружныхъ прелестей Гретхенъ. Я не приминулъ восхвалить его молодечество и умѣнье устраивать невозможное.

— Это еще что, батюшка, погодите,—ужо не то еще будетъ... Потомъ узнаете... шепнулъ онъ мнѣ на ухо. Что-же вы думаете? Въ тотъ-же день, нѣмка, въ виду, будто-бы, ея нежеланія сидѣть въ *общей*, переводится изъ женскаго отдѣленія въ незапираемый *одиночный* нумеръ, куда «благодѣтель» незамѣтно и заходитъ въ первомъ часу ночи, *по пути* изъ конторы въ «благородную» камеру, въ которую является уже въ семь часовъ утра. На другой день, нѣмку препровождаютъ въ пересыльную тюрьму. «Благодѣтель» цѣлый день былъ на себя не похожъ; а вечеромъ, «съ горя», напился. Языкъ его пояснилъ намъ тогда и свойство этого «горя»: ему жаль было не разлуки съ нѣмкой, а пятидесяти рублей, которые Егоровъ взялъ съ него за сводничество. Вы не вѣрите? спросите г. Давыдовича: онъ вамъ это подтвердитъ, закончилъ Николаевъ, замѣтивъ на моемъ лицѣ выраженіе недовѣрія.

— Это совершенно вѣрно, — отозвались Давыдовичъ и де-Трайль.

— И вотъ-съ этотъ почтенный смотритель грозитъ вамъ карцеромъ за то, что вы зашли на минуту въ такую-же арестантскую камеру! Впрочемъ, виноватъ: не за это, — иронизировалъ Николаевъ,—а за то, что вы не *оцѣнили* его доброты, выразившейся въ переводѣ васъ къ намъ. Да и вы хороши! Человѣкъ васъ нарочно позвалъ въ контору, объяснилъ вамъ *свое* могущество и *ваше* ничтожество, предложилъ вамъ *оцѣнить* его могущество; а вы и не догадались поднести... ну, хоть десять рублей...

Въ дверяхъ показался околоточный.

— Пожалуйте, г. Карасевъ, къ смотрителю! — сказалъ онъ мнѣ.

— Опять *ртчь*! И несомнѣнно грозная, страшная... произнесъ Николаевъ.—И неужели вы опять будете молчать? — спросилъ онъ меня, и тутъ-же, не ожидая моего отвѣта, добавилъ умоляющимъ голосомъ. — Да не поощряйте-же его, ради Бога!

Digitized by Google

Дайте ему разъ *форменный* отпоръ, и вы увидите, онъ васъ оставитъ въ покоѣ. Удружите, Дмитрій Александровичъ...

Напутствуемый такимъ образомъ, я отправился въ контору. Тамъ, кромѣ смотрителя, писаря и Глюма съ тремя барынями, сидѣлъ еще какой-то господинъ,—судя по фуражкѣ съ кокардой, которую онъ держалъ въ правой рукѣ, — чиновникъ. При входѣ моемъ, Егоровъ, обращаясь къ чиновнику и указывая въ то-же время на меня, многозначительно произнесъ: «вотъ-съ!»—Чиновникъ пристально на меня взглянулъ.—Нѣтъ, это не онъ,—тихо сказалъ чиновникъ,—а впрочемъ... увидимъ.

— *Вы* г. Карасевъ?—громко обратился онъ ко мнѣ.

— Я.

— Подойдите ближе къ столу. Скажите, пожалуйста, когда именно вы оставили Варшаву? Только безъ всякихъ уловокъ,—скажите прямо, откровенно, — началъ чиновникъ свой допросъ.

— Прежде, чѣмъ отвѣчать, я-бы хотѣлъ знать, *кто* меня допрашиваетъ?—спросилъ я, въ свою очередь.

— Это не имѣетъ для васъ никакого значенія, и я нисколько не считаю нужнымъ называть вамъ себя. Я спрашиваю васъ въ присутствіи г. смотрителя; это служитъ вамъ удостовѣреніемъ, что я имѣю право спрашивать васъ. И такъ, не угодно-ли вамъ отвѣтить на мой вопросъ? — И чиновникъ досталъ изъ боковаго кармана записную книжку, повидимому, собираясь записать мой отвѣтъ.

— Присутствіе г. смотрителя нисколько не обязываетъ меня отвѣчать на вопросы совершенно неизвѣстнаго мнѣ лица, которое, притомъ-же, отказывается назвать себя,—отвѣтилъ я.

— Вы *обязаны* отвѣчать!—крикнулъ на меня чиновникъ, топнувъ ногою.

— Повторяю: я не скажу вамъ ни слова въ отвѣтъ на вашъ вопросъ, пока вы не докажете мнѣ свое право допрашивать меня,—рѣшительно объявилъ я. Чиновникъ и смотритель переглянулись. Съ минуту длилось молчаніе, которое, наконецъ, прервалъ чиновникъ, предложивъ смотрителю объяснить мнѣ, кто онъ.

— Васъ допрашиваетъ г. Z.., чиновникъ сыскной полиціи,—сказалъ мнѣ Егоровъ.

— Тѣмъ менѣе я считаю себя обязаннымъ отвѣчать г. Z.

— Это почему?!—вскочилъ со стула смотритель.

Digitized by Google

— Потому, что онъ не судебный слѣдователь,—спокойно отвѣтилъ я.

— Помните-жь! Все равно, васъ *заставятъ* говорить; но даю вамъ *честное* слово, что вы жестоко поплатитесь за ваше упрямство!—съ сердцемъ произнесъ почтенный чиновникъ, подымаясь съ своего мѣста.

— Во всякомъ случаѣ, имѣйте въ виду, что къ *нему* нельзя никого допускать на свиданіе, — добавилъ онъ, обращаясь къ смотрителю. Послѣдній, взявъ чиновника подъ руку, вышелъ вмѣстѣ съ нимъ изъ конторы.

— Напрасно, вы, князь, ссоритесь съ *ними*... Дѣло въ ихъ рукахъ; что захотятъ, то и сдѣлаютъ,—проговорилъ Глюмъ своимъ сладкимъ, заискивающимъ голосомъ.

— Бутдо-бы ужь въ ихъ рукахъ? Кто вамъ это сказалъ? — спросилъ я его.

— Да ужь понятное дѣло: все отъ полиціи зависитъ; вѣдь васъ еще слѣдователь не допрашивалъ, значитъ, дѣло еще не передано судебной власти. Я, впрочемъ, только такъ... Я и не смѣю вамъ совѣтывать... Вы сами лучше знаете, — поспѣшилъ онъ оговориться.

Собесѣдницы его, черезъ-чуръ перезрѣлыя и тучныя красавицы, не сводили съ меня глазъ.

— Позвольте васъ представить, князь,—спохватился Глюмъ:— Амалія Егоровна... Луиза Карловна... Анна Николаевна.

— Оччень пріятно... Оччень пріятно, — картавя и жеманясь, произнесла одна изъ нихъ—Луиза Карловна,

— Мы читали про васъ,—сказала, улыбаясь, Амалія Егоровна.

— Князь, конечно, говоритъ по нѣмецки? — кокетливо спросила меня Луиза Карловна.

Вернувшійся въ контору, смотритель, своимъ появленіемъ, помѣшалъ дѣльнѣйшему развитію только-что завязывавшагося разговора.

— Я *вынужденъ* перевести васъ обратно на «слѣдственную»,— сказалъ онъ мнѣ.

— Позвольте узнать, г. смотритель, *чемъ* вы *вынуждены*?— возразилъ я.

— Вашимъ поведеніемъ, — отвѣтилъ онъ. — Я, кромѣ того, предоставляю себѣ посадить васъ въ карцеръ, когда послѣдній

Digitized by Google

освободится: теперь онъ занятъ. Вините сами себя, если не съумѣли жить со мною въ ладу...

— Позвольте мнѣ написать жалобу г. прокурору,—заявилъ я.

— Какую жалобу? о чемъ?

— Жалоба не можетъ миновать васъ; такимъ образомъ, если пожелаете, вы своевременно получите возможность ознакомиться съ ея содержаніемъ.

— Я вамъ не позволю писать, пока вы мнѣ не скажете, о чемъ именно вы будете писать?

— Извольте, я вамъ скажу, хотя это для меня вовсе не обязательно. Я хочу просить г. прокурора объ огражденіи меня отъ вашего произвола, крика, угрозъ, оскорбленій... Всего только два дня, какъ я нахожусь въ части, и уже достаточно успѣлъ пострадать отъ всего этого...

— На дняхъ будетъ товарищъ прокурора, и вы можете ему лично заявить, что вамъ нужно... Только вы очень ошибаетесь, если думаете, что онъ меня можетъ *заставить* что нибудь сдѣлать, или отмѣнить какое-нибудь мое распоряженіе. Здѣсь хозяинъ *я*, и прокурорскій надзоръ не имѣетъ никакого права вмѣшиваться въ административное управленіе вѣреннымъ мнѣ полицейскимъ домомъ. Вы нарушили порядокъ: вошли въ другую камеру, держали себя неприлично, и я, на основаніи *закона*, имѣю право наказать васъ... Впрочемъ, я васъ оставлю *пока* въ «благородной» камерѣ... Можете идти... И Егоровъ, къ немалому моему удивленію, нѣсколько приподнялся со стула и кивнулъ мнѣ головой.

Въ камерѣ я засталъ околоточнаго; онъ очень убѣдительно доказывалъ Николаеву и барону Соте, что Егоровъ, въ сущности, человѣкъ очень добрый, хотя и горячій, и что, если только его *попросить*, въ камерѣ все останется по прежнему...

— Вотъ, смотрите, вѣдь *ладитъ*-же съ нимъ Иванъ Ивановичъ! — привелъ околоточный въ подтвержденіе своихъ словъ о добротѣ Егорова.

— Полноте, батюшка, намъ сказки сказывать!—безцеремонно отвѣтилъ ему Николаевъ. — Знаю я вашего Егорова давно, что онъ за птица. Иванъ Ивановичъ!... да, вѣдь, не у всякаго-же такъ толстъ карманъ, какъ у него! Да что тутъ толковать! Держу пари, что самъ-же Егоровъ и прислалъ васъ наставить насъ на

Digitized by Google

путь истинный, сирѣчь—посовѣтывать намъ *попросить* его. Это ужь его извѣстная тактика... Скажите-жь Егорову, что никто изъ насъ и не думаетъ просить его. Взятки мы ему не дадимъ, хоть онъ лопни: во-первыхъ, потому, что намъ самимъ ѣсть нечего, и, во-вторыхъ, что дать ему взятку, значитъ—поощрить его на дальнѣйшіе подвиги...

— Позвольте, пожалуйста, не говорите этого при мнѣ!— перебилъ его околоточный, затыкая пальцами уши.

— Почему-же? — спросилъ Николаевъ. — Напротивъ, именно при васъ я и хочу это говорить. Передайте ему,—пусть онъ знаетъ, что на его счетъ не ошибаются и что рисоваться ему въ мантіи горячаго, но добраго человѣка, по крайней мѣрѣ, передъ нами, безполезно. Ну, что онъ вамъ тамъ проповѣдывалъ?—обратился ко мнѣ Николаевъ.

Я не нашелъ нужнымъ стѣсняться присутствіемъ околоточнаго и разсказалъ, зачѣмъ меня требовалъ смотритель.

— Какъ! Онъ вамъ не далъ жалобу написать!... Въ такомъ случаѣ, *я* докажу ему, что арестованный имѣетъ право жаловаться! И Николаевъ сталъ облекаться въ сюртукъ, собираясь отправиться въ контору писать жалобу.

— Пойдемте вмѣстѣ,—сказалъ онъ мнѣ.—Вѣдь вы не раздумали-же писать?

— Погодите, господа, дайте мнѣ прежде уйти; а то неловко. Я ему доложу, что вы хотите писать,—сказалъ намъ околоточный, котораго, видимо, безпокоилъ столь неудачный исходъ возложенной на него Егоровымъ миссіи.

Намѣренію Николаева написать *обо всемъ* прокурору не довелось осуществиться. Черезъ четверть часа послѣ ухода околоточнаго, Николаева, правда, позвали въ контору, но... для освобожденія изъ-подъ стражи. Судебная палата уважила просьбу Николаева и измѣнила принятую противъ него мѣру, для воспрепятствованія уклониться отъ слѣдствія и суда, отдачею подъ надзоръ полиціи. Полученное объ этомъ предписаніе должно было очень обрадовать Егорова, который тщетно старался избавиться отъ Николаева; онъ даже нѣсколько разъ просилъ товарища прокурора о переводѣ Николаева для содержанія въ другую часть. И вотъ, именно въ то время, когда Николаевъ рѣшился довести до свѣдѣнія прокурора обо всѣхъ продѣлкахъ Егорова, послѣдній

Digitized by Google

вдругъ получаетъ предписаніе объ освобожденіи Николаева изъ-подъ стражи. Вѣсть о свободѣ тѣмъ болѣе обрадовала самого Николаева, который ужь восемь мѣсяцевъ находился подъ арестомъ. До жалобы-ли ему тутъ было?... Онъ вбѣжалъ въ камеру, какъ съумасшедшій.

— Поздравьте, друзья! Я свободенъ... Свободенъ!.. повторялъ онъ, торопливо обнимая и цѣлуя каждаго изъ насъ. — Каково! иду жалобу писать, а тутъ вдругъ такой сюрпризъ... Говорите скорѣй, господа, что кому нужно? Съѣздить-ли куда, написать, поговорить-ли съ кѣмъ-нибудь, — я весь къ вашимъ услугамъ. Давайте-жь порученія! Monsieur Карасевъ?

Я попросилъ его посѣтить Фока, и затѣмъ, письменно, по почтѣ,—слѣдовало полагать, что Егоровъ никого, а тѣмъ менѣе Николаева, не допуститъ для личнаго свиданія со мною, — сообщить мнѣ обо всемъ, что ему Фокъ, въ свою очередь, поручитъ передать мнѣ.

— Непремѣнно! въ первое-же воскресенье... И чтобы я былъ убѣжденъ, что письмо дойдетъ до васъ, я адресую его въ канцелярію прокурора, откуда оно ужь, конечно, поступитъ къ Егорову при оффиціальной бумагѣ.

Уложивъ свои вещицы въ небольшой ручной чемоданчикъ, Николаевъ сталъ прощаться:

— Прощайте-жь, друзья! Отъ души желалъ-бы видѣть васъ всѣхъ на свободѣ.... И, еще разъ перецѣловавъ всѣхъ, онъ не *вышелъ*, а *выбѣжалъ* изъ камеры.

Читателю, конечно, интересно знать: кто такой этотъ Николаевъ и за что онъ сидѣлъ? Вотъ его краткая исторія.

Служа въ одномъ изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, квартировавшихъ въ Царствѣ Польскомъ, 20-ти-лѣтній подпоручикъ Николаевъ страстно влюбился въ одну польку, «дочь бѣдныхъ, но честныхъ родителей». Сгораи желаніемъ поскорѣй связать себя узами Гименея, подпоручикъ, неимѣвшій, по своему возрасту, права на это, не задумался оставить военную службу. Сдѣлавшись, затѣмъ, «на законномъ основаніи», обладателемъ страстно любимой польки, отставной воинъ переселился въ Петербургъ — мѣсто своей родины, гдѣ онъ надѣялся, при помощи своихъ родственниковъ, получить частное мѣсто. Мѣсто, однако, долго не давалось, и молодая чета, для поддержанія своего существованія,

Digitized by Google

вынуждена была войти въ долги, обезпечивая ихъ предметами своего, далеко не богатаго, гардероба. Бились они такимъ образомъ два года. Ужь все было заложено и перезаложено. Чувство польки не выдержало испытанія. Она нашла себѣ «покровителя», съ которымъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, и скрылась изъ столицы. Всѣ поиски влюбленнаго мужа были напрасны: польки и слѣдъ простылъ. Какъ-бы въ утѣшеніе, ему, наконецъ, выпало мѣсто въ одной изъ банкирскихъ конторъ. Одиночество, однакожь, не переставало тяготить Николаева, который, при томъ-же, не могъ забыть любимую, хотя и невѣрную жену. Вдругъ городская почта приноситъ ему письмо. Можно себѣ представить его радость, когда онъ увидалъ на конвертѣ почеркъ жены... Она умоляла о прощеніи и спасеніи изъ долговой тюрьмы. Николаевъ забылъ все, и бросился въ домъ Тарасова. Оказалось, что польку засадилъ ея бывшій «покровитель», котораго она захотѣла бросить и который заранѣе заручился правомъ на ея личную свободу, въ видѣ векселя въ тысячу рублей, необдуманно ею подписаннаго. Недолго думая, Николаевъ, занимавшій въ банкирской конторѣ должность кассира,—беретъ изъ кассы тысячу рублей и выкупаетъ свою жну. «Растрата» не замедлила обнаружиться, и легкомысленный кассиръ былъ переданъ судебному слѣдователю. Смерть роднаго брата его, послѣдовавшая вскорѣ послѣ его ареста, сдѣлала его владѣльцемъ четырехъ билетовъ внутренняго, съ выигрышами, займа, которые онъ и представилъ на пополненіе «растраченныхъ» имъ 1,000 рублей, прося при этомъ объ освобожденіи, впредь до суда, изъ-подъ стражи. Остается добавить, что благородной женѣ наскучило ждать освобожденія своего супруга и, спустя два мѣсяца послѣ его ареста, она уѣхала, въ качествѣ «экономки къ одинокому», въ помѣстье новаго «покровителя».

Наступило время обѣда. Позванный Угровымъ, Савельевъ освѣдомился: не пошлю-ли и я, кстати, въ гостинницу за обѣдомъ?

— А что стоитъ обѣдъ изъ гостинницы?—спросилъ я.

— 75 копѣекъ.

Пришлось подумать. Весь капиталъ мой заключался въ оставшихся въ конторѣ 16 рубляхъ 50 к. На эту сумму я, конечно, могъ получить двадцать-два обѣда... Но что-же-бы я сталъ дѣлать

Digitized by Google

черезъ три недѣли? Да и чѣмъ-бы я вознаградилъ «услуги» Савельева за эти три недѣли? Наконецъ, приходилось отказать себѣ даже въ чаѣ, къ которому я очень привыкъ... Очевидно, что получать обѣдъ изъ гостинницы нечего было и думать. Тѣмъ менѣе можно было разсчитывать на «казенную» пищу, однимъ своимъ видомъ уже внушавшую мнѣ отвращеніе. Оставалось одно: слѣдовать примѣру барона—питаться въ «сухомятку» на 10 коп. въ сутки, тратя, при этомъ, еще 5 копѣекъ на чай и сахаръ. *Такой* расходъ, по крайней мѣрѣ, отдалялъ неизбѣжный кризисъ: 16 р. 50 к. могло хватить на нѣсколько мѣсяцевъ. «Кормовыхъ» мнѣ, какъ не дворянину, не полагалось.

— Купите мнѣ фунтъ полубѣлаго хлѣба,—удивилъ я Савельева, видимо считавшаго меня «денежнымъ» человѣкомъ.

— Да вы, баринъ, можетъ быть, думаете, обѣдъ нехорошъ? Такъ это напрасно. Попробуйте, или, вотъ, ихъ спросите... сказалъ мнѣ Савельевъ, ссылаясь на Угрова.

— Обѣдъ довольно порядочный. Конечно, не то, что у Дюссо, Бореля... но ѣсть можно. Совѣтую вамъ попробовать,—глубокомысленно произнесъ несостоятельный должникъ.

— Нѣтъ, вы купите мнѣ только хлѣба,—рѣшительно сказалъ я Савельеву.—Возьмите въ конторѣ еще рубль денегъ, который и попрошу васъ расходовать на что мнѣ нужно будетъ. Да скажите: купили вы тамъ что-нибудь мальчику, который сидитъ въ карцерѣ?

— Хлѣбъ, масло... Все, какъ вы приказали. Еще пятачекъ *свой* прибавилъ,—смѣло отвѣтилъ мнѣ Савельевъ.

— Что это вы вздумали скупиться?— спросилъ меня Угровъ по уходѣ Савельева.

Я объяснилъ причины, побуждающія меня быть «скупымъ».

— Слышите, Иванъ Ивановичъ?—обратился Угровъ къ вошедшему Глюму:—князь увѣряетъ, что онъ остался безъ копѣйки, что онъ не приберегъ ничего на черный день, и съ сегодняшняго дня намѣренъ жить на одномъ только хлѣбѣ и чаѣ...

— Что-жь, *осторожность* не мѣшаетъ,— отвѣтилъ, смѣясь, Иванъ Ивановичъ.

Выраженіе недовѣрія къ моимъ словамъ, видѣвшееся и на лицахъ остальныхъ моихъ «благородныхъ» сожителей, не могло не удивить меня.

Digitized by Google

— Да скажите-жъ, пожалуйста, господа, почему вы не вѣрите моей бѣдности?—спросилъ я, обращаясь ко всѣмъ.

— Какъ не вѣрить? вѣримъ... вѣримъ,—отвѣтилъ мнѣ Глюмъ, продолжая смѣяться.

— Я былъ-бы вамъ очень благодаренъ, баронъ, если-бы хоть вы объяснили мнѣ, почему мнѣ не вѣрятъ, что у меня нѣтъ денегъ?—обратился я, наконецъ, къ барону.

— Видите-ли, когда вы еще были въ больницѣ, смотритель какъ-то разсказывалъ намъ,—т. е., собственно, не намъ, а Ивану Ивановичу,—о вашемъ дѣлѣ, суть котораго, по его словамъ, заключается въ томъ, что вы, проживая за-границей подъ именемъ князя Карякадзе, различными обманами умѣли составить себѣ большое состояніе, съ которымъ и вернулись въ Россію, хорошо предвидя возможность попасть въ Сибирь, гдѣ,—какъ говорилъ Егоровъ,—съ деньгами очень недурно живется,— объяснилъ мнѣ баронъ.

— Сказать ужъ развѣ по секрету?... Смотритель надѣялся отъ васъ немножко поживиться; онъ и теперь еще *ждетъ*,—пояснилъ мнѣ Глюмъ поведеніе Егорова относительно меня. Ясно, что мнѣніе о моей преступной состоятельности играло важную роль въ *странныхъ* отношеніяхъ ко мнѣ Егорова, очевидно, имѣвшихъ цѣлью заставить меня удѣлить ему *малую толику*. Я, разумѣется, старался убѣдить моихъ сожителей и Глюма—какъ приближеннаго Егорова, въ особенности, что преступленіе мое не принесло мнѣ никакихъ денежныхъ выгодъ.

— Быть не можетъ, чтобы такой умный человѣкъ, какъ вы, не обезпечили себя на всякій случай нѣсколькими десятками тысячъ рублей?... Изъ-за чего-же вамъ было быть княземъ?—вопросительно разсуждалъ Глюмъ.

Я обѣщалъ «благодѣтелю» разсказать, *изъ-за чего* я былъ княземъ и просилъ постараться увѣрить Егорова, что мнѣ нечего ему дать.

— А я ему обѣщалъ за мальчика... вѣдь вы просили?—сказалъ мнѣ Глюмъ.

— Что-же, онъ его выпуститъ?

— Непремѣнно, вечеромъ. Онъ-бы еще давеча выпустилъ его изъ карцера, да неловко, знаете, вдругъ... Такъ это ужъ какъ хотите, я на вашъ счетъ,—добавилъ Глюмъ.

Digitized by Google

— Сколько-же вы обѣщали? *синенькую?*

— Ну, да, какъ говорили.

Мальчикъ былъ, дѣйствительно, выпущенъ въ тотъ-же день вечеромъ, чему арестанты не мало удивлялись.

— Первый примѣръ. Никогда этого не бывало. Ужь посадить, такъ не проси: еще хуже разозлятся, и день, другой набавитъ. Что! если-бы у него душа была,—а то, вѣдь, чистый звѣрь... Никакой, какъ есть, жалости... Надо Бога молить за Ивана Ивановича: это онъ (Егоровъ) для *нихъ* сдѣлалъ, — говорили «мировые».

Глюму принесли обѣдъ «изъ дому»; причемъ кухарка, принесшая обѣдъ, была впущена въ камеру, гдѣ и оставалась, пока не освободилась посуда. Приносимое Глюму никогда не подвергалось осмотру. Пользуясь *открыто* всѣмъ запрещеннымъ, Глюму, конечно, и не было надобности получать что-либо *секретно*. Обѣдъ Глюма и Угрова раздражительно дѣйствовалъ на мое обоняніе. Я едва избѣжалъ искушенія послать также и себѣ за обѣдомъ, хотя капиталъ мой и уменьшился еще на *синенькую*. Хлѣбъ одинъ показался мнѣ очень невкуснымъ блюдомъ. Послѣ роскошныхъ княжескихъ обѣдовъ и завтраковъ, которыми мое самозванное сіятельство упитывало себя въ теченіи восьми мѣсяцевъ,—переходъ къ такому «столу» не могъ не быть чувствительнымъ. Глюмъ, впрочемъ,—изъ вѣжливости, конечно,—приглашалъ меня обѣдать; но я счелъ нужнымъ поблагодарить его и разъ навсегда отказаться отъ подобныхъ приглашеній. Я старался ободрить себя примѣромъ барона, и, въ концѣ концовъ, принесенный мнѣ Савельевымъ фунтъ хлѣба оказался съѣденнымъ, и я почувствовалъ себя сытымъ.

Послѣ обѣда, Глюма *попросили въ квартиру* смотрителя. Какъ читатель видитъ, этотъ оригинальный *арестантъ*, въ сущности, былъ только *квартирантомъ* полицейскаго дома. Егоровъ, усмотрѣвшій важное нарушеніе *порядка* въ томъ, что я зашелъ на минуту въ камеру «мировыхъ»,—не усматривалъ, въ то-же время, *безпорядка* въ предоставленныхъ имъ Глюму правахъ и привиллегіяхъ. Глюмъ свободно ходилъ по всему зданію полицейскаго дома, по двору, проводилъ цѣлые вечера въ квартирахъ смотрителя, его помощника и акушерки мѣстной части, имѣвшей казенную квартиру въ полицейскомъ домѣ; видѣлся съ кѣмъ и ко-

Digitized by Google

гда только было ему угодно, между тѣмъ, какъ къ другимъ арестованнымъ родственники и знакомые допускались только въ извѣстные дни и часы. Виномъ онъ пользовался открыто, яко-бы съ разрѣшенія полицейскаго врача. Наконецъ, подъ видомъ поѣздки «въ баню», Глюмъ еженедѣльно посѣщалъ свою еврейку... Словомъ, Глюмъ только *числился* подъ арестомъ. Въ этотъ разъ онъ недолго пробылъ у смотрителя. Онъ вскорѣ вернулся и вызвалъ меня въ корридоръ «на пару словъ».

— Сегодня пріѣзжалъ къ смотрителю какой-то господинъ, настойчиво добивался свиданія съ вами; но смотритель не допустилъ,—у него какая-то *бумага* есть объ этомъ... но это ничего.— Дѣло вотъ въ чемъ,—говорилъ мнѣ шепотомъ Глюмъ:—если вы хотите видѣть этого господина,—онъ еще на дняхъ хотѣлъ пріѣхать,—такъ это можно будетъ устроить. Но *даромъ*,—сами знаете, —ничего не дѣлается. Вѣдь, это, все-таки, рискъ, какъ хотите... Не пожалѣете 25 рублей, такъ будете имѣть свиданія съ кѣмъ вамъ будетъ угодно.

— Да у меня-же нѣтъ 25 рублей, увѣряю васъ,—возразилъ я.

— Какъ хотите. Я только *передалъ* вамъ, посовѣтовалъ, а тамъ какъ знаете... Тольно вы напрасно боитесь: Егоровъ не такой человѣкъ. Онъ самъ все поможетъ вамъ устроить, съѣздитъ всюду... и многаго не возьметъ,—уговаривалъ меня Глюмъ.

— Благодарю васъ, Иванъ Ивановичъ, за участіе; но совѣтомъ вашимъ я, къ сожалѣнію, не могу воспользоваться. Да мнѣ и не къ кому писать, некого видѣть... Я даже не знаю, кому это вздумалось посѣтить меня.

— Я васъ понимаю, понимаю... *осторожность*... ха-ха-ха!... Не мѣшаетъ, не мѣшаетъ...—И Глюмъ, дружески хлопнувъ меня по плечу, побѣжалъ опять куда-то по лѣстницѣ.

Что-же это за *посѣтитель?* У *Карасева* не было друзей; многочисленные-же друзья *князя Карагодзе*, конечно, не вздумаютъ провѣдать послѣдняго, въ его настоящемъ, не-княжескомъ, положеніи. Неужели-же, среди жертвъ моего обмана, нашлась такая незлобная душа, которая, не смотря на обнаруженный обманъ мой въ имени, сохранила свое расположеніе ко мнѣ? Меня мучило любопытство. Несостоятельность моя, лишавшая меня возможности купить себѣ за 25 рублей право на свиданіе, вызвала во мнѣ чувство озлобленія противъ «денежнаго человѣка», Глюма,

Digitized by Google

и—сознаюсь—нѣчто похожее на чувство зависти. Придумывая средства къ достиженію желаемаго,—т. е. свиданія безъ двадцатипяти рублевой депозитки,—я вдругъ остановился на мысли, что Егоровъ, очень можетъ быть, вовсе и не имѣетъ никакой бумаги о недопускѣ ко мнѣ посѣтителей, что онъ выдумалъ эту бумагу съ цѣлью получить съ меня взятку. Казалось невѣроятнымъ, чтобы онъ, человѣкъ семейный, въ самомъ дѣлѣ *рискнулъ* изъ-за такой ничтожной суммы, какъ 25 рублей.

Я рѣшился потребовать отъ него предъявленія мнѣ бумаги, на основаніи которой онъ не допустилъ ко мнѣ посѣтителя. Баронъ Соте, къ которому я обратился за совѣтомъ по этому поводу, совершенно согласился съ моимъ мнѣніемъ о несуществованіи бумаги, о которой упомянулъ Глюмъ, хотя и не раздѣлялъ мысли о томъ, что Егорова остановила-бы такая бумага,—тамъ, гдѣ дѣло идетъ о возможности полученія 25-ти рублей.

— Такой человѣкъ, какъ Егоровъ, 25 рублей ни за что не упуститъ, — сказалъ мнѣ баронъ. — Если онъ и имѣетъ бумагу, то, повѣрьте, съумѣетъ обставить ваше свиданіе такъ, чтобы на всякій случай имѣть какую-нибудь отговорку. Онъ, напримѣръ, можетъ позвать васъ, собственно, *въ контору*, — ну, положимъ, хоть писать, что-нибудь; туда-же явится и вашъ посѣтитель, будто-бы за справкой о какомъ-нибудь давно выбывшемъ арестантѣ. Онъ съ вами заговоритъ, вы отвѣтите. Смотритель уйдетъ изъ конторы, оставитъ васъ тамъ писать, а посѣтителя — ждать, пока писарь отыщетъ справку. Вотъ вамъ и свиданіе. Мнѣ Николаевъ разсказывалъ именно такой примѣръ сообразительности Егорова.

Я позвалъ дежурнаго служителя и заявилъ ему о своемъ желаніи сойти въ контору.

— Такъ что-жь? ступайте! — сказалъ мнѣ служитель.

— Да можно-ли? Смотрите, какъ-бы потомъ намъ съ вами опять не досталось отъ смотрителя?—предостерегъ я его.

— Нѣтъ-съ, вамъ можно: *вы не разночинцы*, — отвѣтилъ мнѣ служитель, тотъ самый, котораго смотритель утромъ пробиралъ за меня-же, т. е. за впускъ меня въ камеру «мировыхъ».

Я сошелъ въ контору. Тамъ находился одинъ лишь писарь.

— Кого вамъ угодно? — спросилъ онъ меня.

— Я-бы хотѣлъ видѣть смотрителя.

Digitized by Google

— Присядьте, подождите; они, можетъ быть, скоро войдутъ: они ушли куда-то съ Иваномъ Ивановичемъ, — кажется, въ пріемный покой; тамъ какую-то сумасшедшую барыню привезли.

Я воспользовался словоохотливостью писаря и, послѣ обмѣна нѣсколькими фразами, спросилъ его:

— У васъ еще не получена бумага относительно недопуска ко мнѣ посѣтителей?

— Нѣтъ, такой бумаги не было... Я записываю во входящую всѣ бумаги,—зналъ-бы. Да и зачѣмъ-же не допускать? вѣдь, вы, пока, еще за администраціей числитесь; а всѣмъ административнымъ у насъ дается свиданіе, — простодушно объяснилъ мнѣ писарь.

Вошедшій въ контору околоточный, узнавъ, что я жду смотрителя, предложилъ мнѣ идти въ камеру.

— Когда смотритель придетъ, я ему доложу, что вы хотите его видѣть, — сказалъ онъ мнѣ.

Незадолго до повѣрки, въ камеру вошелъ Егоровъ, вмѣстѣ съ Глюмомъ.

— Вотъ, господа, — сказалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ находившимся въ камерѣ: — Иванъ Ивановичъ передалъ мнѣ вашу просьбу оставить вамъ ножи и вилки, все по прежнему. Такъ какъ Николаева теперь нѣтъ здѣсь, я нахожу возможнымъ уважить вашу просьбу. Николаевъ нѣсколько забывался, и, ради его одного, я долженъ былъ стѣснять камеру... Надѣюсь, что вы будете держать себя какъ слѣдуетъ... Я самъ дворянинъ и офицеръ, и понимаю ваше положеніе. — А къ вамъ кто-то пріѣзжалъ, но я не допустилъ,—обратился онъ ко мнѣ.

— Почему-же вы не допустили?—спросилъ я.

— Я получилъ предписаніе никого къ вамъ не допускать.

— Покорнѣйше прошу васъ предъявить мнѣ это предписаніе.

— Вы забываетесь, г. Карасевъ,—мягко замѣтилъ мнѣ Егоровъ. — Я имѣлъ право вовсе не объяснять вамъ, почему я не допустилъ къ вамъ посѣтителя. Я не обязанъ отдавать *арестованнымъ* отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

— Я потому прошу васъ о предъявленіи мнѣ полученнаго вами предписанія, что намѣренъ обжаловать распоряженіе о недопускѣ ко мнѣ посѣтителей.

Digitized by Google

— Ну, *жалобами* вы немного возьмете, г. Карасевъ; повѣрьте мнѣ... Впрочемъ, будетъ товарищъ прокурора, можете жаловаться,—сказалъ мнѣ Егоровъ.

— И такъ, господа,—обратился онъ опять ко всѣмъ,—вамъ сейчасъ принесутъ все, что у васъ тамъ было отобрано. Надѣюсь, что вы не заставите меня вновь прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ. Я-бы вовсе не хотѣлъ стѣснять васъ... Я самъ дворянинъ. Прощайте!

— Кто-же васъ просилъ, Иванъ Ивановичъ, адресоваться къ Егорову отъ нашего имени съ просьбами? Мы, кажется, васъ объ этомъ не просили,—обратился Давыдовичъ къ Глюму, послѣ того, какъ Егоровъ удалился изъ камеры.

Оказалось, что Глюмъ и не думалъ передавать Егорову просьбы о ножахъ и вилкахъ, которые, къ тому-же, и нужны-то были только Глюму и Угрову; такъ какъ я, баронъ, Де-Трайль и Давыдовичъ, по роду нашей пищи, могли обходиться и безъ нихъ. Такимъ образомъ, дѣло получало такое несомнѣнно вѣрное объясненіе: сдѣлавъ распоряженіе объ отобраніи запрещенныхъ предметовъ, Егоровъ ждалъ просьбы объ ихъ возвращеніи. «Ссориться» съ благородной камерой ему было, и въ самомъ дѣлѣ, далеко невыгодно, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока Глюмъ находился въ этой камерѣ! Егоровъ, правда, не очень-то обращалъ вниманіе на неудовольствія арестантовъ; тѣмъ не менѣе, въ этомъ случаѣ, было-бы безразсудно оставить Глюму все то, что отобрано у другихъ, содержащихся съ нимъ въ одной камерѣ: это могло-бы переполнить чашу. А такъ какъ просьбы не поступало, то Егоровъ, чтобы сохранить свое достоинство, выдумалъ мнимую просьбу, будто-бы переданную ему Иваномъ Ивановичемъ, въ молчаніи котораго онъ, конечно, былъ увѣренъ. «Буйнаго» элемента, каковымъ былъ Николаевъ, въ камерѣ не было; протеста-же съ нашей стороны, онъ, надо полагать, не опасался.

Когда околоточный явился, по обыкновенію, въ девятомъ часу, «на повѣрку», Глюмъ сталъ собираться «въ баню».

— Ступайте поскорѣй, Иванъ Ивановичъ! Смотритель съ Радецкимъ давно ждутъ васъ,—сказалъ ему околоточный.

Радецкій, тоже арестованный, содержался, по распоряженію судебнаго слѣдователя, въ секретномъ нумерѣ. Какъ человѣкъ «денежный», онъ также пользовался различными правами, между

Digitized by Google

прочимъ, поѣздкой вмѣстѣ съ Глюмомъ, въ сопровожденіи *самого* смотрителя, «въ баню». Поѣздка эта совершалась всегда послѣ повѣрки. Ночное время Егоровъ находилъ для этого болѣе удобнымъ.

На столѣ появился самоваръ. У меня нехватило силы воли отказаться отъ предложеннаго мнѣ Угровымъ стакана чая. Баронъ былъ также приглашенъ чай пить. Поручикъ де-Трайль и Давыдовичъ, сейчасъ-же послѣ повѣрки, завалились спать. Въ камерѣ царствовала необыкновенная тишина.

— А вѣдь вы у меня въ долгу, Дмитрій Александровичъ?— прервалъ баронъ молчаніе. — Не расположены-ли вы теперь, въ свою очередь, повѣдать мнѣ свою исторію?... Если только не стѣснятесь его присутствіемъ,—добавилъ баронъ по французски, намекая на Угрова.

Мнѣ было крайне-непріятно видѣть выраженіе недовѣрія на лицѣ барона, когда я говорилъ о своемъ безденежьи. Симпатичная личность барона меня влекла къ нему, и мнѣ, естественно, хотѣлось, съ своей стороны, возбудить въ немъ симпатію къ себѣ. Съ совершенною искренностью я приступилъ къ разсказу о своемъ дѣтствѣ, сиротствѣ, самовоспитаніи, службѣ и проч. Все мое прошедшее живо возстановилось въ моей памяти.

Было четыре часа утра, когда я кончилъ свой разсказъ. Я достигъ цѣли: баронъ высказалъ неподдѣльное сочувствіе моему положенію, радость, что онъ познакомился со мною и надежду, что это знакомство продолжится. Я далъ слово отвѣчать ему на его письма изъ «мѣстъ злачныхъ», куда, онъ былъ увѣренъ, что его сошлютъ.

Мы имѣли удовольствіе дождаться возвращенія «благодѣтеля» «изъ бани». Какъ и наканунѣ, онъ явился—«еле можахомъ».

— Славная женщина!... Чудная женщина!... Вы не знаете, не знаете, господа... Я вамъ говорю... Это ничего... все трынъ-трава... бормоталъ Глюмъ, пробираясь, при помощи дежурнаго служителя, къ своей кровати.

— Господа! а господа!... баронъ!... взывалъ онъ къ намъ, растянувшись на кровати. Мы притворились спящими.

— Спите, ну и чортъ съ вами!... Наплевать на васъ!... Бароны, князья... ха-ха-ха! Шишгаль, одно слово... жрать нечего...—Несвязное бормотаніе вскорѣ замѣнилось оглушительнымъ храпомъ.

Digitized by Google

ГЛАВА IX.

ОРИГИНАЛЬНОЕ СВИДАНІЕ.

Необходимость въ чистой перемѣнѣ бѣлья побудила меня освѣдомиться, что сталось съ моими вещами и бумагами. Состояніе безпамятства, въ которое я впалъ въ первый-же вечеръ ареста, лишило меня возможности самому позаботиться объ охраненіи своего имущества. Оно все осталось въ квартирѣ, которую я занималъ въ одномъ изъ лучшихъ столичныхъ отелей. Хотя княжескій багажъ мой, вслѣдствіе торопливаго бѣгства изъ Брайтона и особенныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ это бѣгство, заключался лишь въ двухъ, средней величины, чемоданахъ и одномъ сундукѣ, однако, онъ состоялъ изъ многихъ, довольно цѣнныхъ вещей и—главное—изъ массы весьма дорогихъ для меня бумагъ: громадной переписки со многими лицами за періодъ моего самозванства, альбомовъ съ фотографическими портретами, видовъ, рисунковъ, книгъ и проч. Было-ли сдѣлано, одновременно съ арестованіемъ меня, какое-нибудь распоряженіе относительно этого имущества,—я ничего не зналъ.—«Впрочемъ,—думалъ я,—болѣе, чѣмъ вѣроятно, что, арестуя меня, полиція не упустила изъ виду такого важнаго обстоятельства, какъ осмотръ моихъ вещей и бумагъ. Это отчасти и подтверждается тѣмъ, что я въ больницѣ очутился подъ своимъ настоящимъ именемъ; вѣдь, я рѣшительно не помню, чтобы меня кто-нибудь допрашивалъ. Только бумаги мои могли окончательно убѣдить полицію, что я, дѣйствительно, то лицо, которое, годъ тому назадъ, служило въ полку подъ именемъ Карасева. Какъ только осмотръ моихъ бумагъ и вещей произведенъ, такъ, несомнѣнно, приняты были мѣры и къ охраненію ихъ». Но когда я вспомнилъ, что бумаги мои содержатъ въ себѣ, главнымъ образомъ, исторію моей духовной жизни, исторію моихъ отношеній ко многимъ, достойнымъ всякаго уваже-

Digitized by Google

нія лицамъ, большею частью—женщинамъ, увлеченнымъ моимъ мнимымъ благородствомъ, идеальною честностью и геройствомъ; когда я воскресилъ въ своемъ воображеніи ужасныя картины семейныхъ сценъ, которыя должно было вызвать обнаруженіе моего самозванства,—мною овладѣло сильное безпокойство... Какъ будто мало было, что я разбилъ, уничтожилъ спокойствіе, счастіе благороднѣйшихъ существъ,—я еще долженъ былъ предать *публичному* поруганію *ихъ имена*, ихъ чувства... За себя я не боялся. Пусть узнаютъ *все*; пусть судятъ, наказываютъ.... Но это *все* должно было тяжело отозваться на другихъ...

Вѣроятная мысль объ арестѣ моихъ бумагъ меня совершенно преобразила. Я не интересовался болѣе окружающимъ, и опять ушелъ въ себя; я углубился въ свое горе, сосредоточилъ всю свою умственную дѣятельность на своемъ недавнемъ промахѣ. Внезапная перемѣна во мнѣ обратила на себя вниманіе Соте; внутреннія страданія, конечно, отразились и на моемъ лицѣ. Соте, знакомый съ моей исповѣдью, понялъ, что дѣлается въ моей душѣ, и въ продолженіи двухъ дней тщетно старался разсѣять охватившее меня настроеніе. Человѣкъ, симпатіи котораго я такъ добивался, общество котораго мнѣ было такъ пріятно, дѣлался мнѣ ненавистенъ, лишь только онъ тревожилъ меня въ *этомъ* состояніи. Чувство приличія и сознаніе, что вмѣшательство барона—слѣдствіе состраданія къ моему положенію и искренняго участія, удерживали меня въ должныхъ границахъ принужденной вѣжливости. Соте и это замѣтилъ.

— Я вижу, что на васъ непріятно дѣйствуютъ мои вопросы,—сказалъ онъ мнѣ.—Вы, очевидно, находитесь въ такомъ состояніи, когда все окружающее, даже родныя, близкія лица, становятся въ тягость; когда пріятно только совершенное уединеніе. Но, Дмитрій Александровичъ, это состояніе убійственно. Вамъ еще много предстоитъ вынести горя,—нужно запастись силами; а вы и остатки ихъ безжалостно губите. Призовите на помощь чувству разсудокъ,—убѣдитесь, разъ навсегда, что подобныя душевныя самоистязанія не ведутъ ни къ чему хорошему, лишаютъ энергіи, бодрости, словомъ—всего того, что необходимо для борьбы. Посмотрите на себя: что съ вами сдѣлалось въ два дня. Да и что могло вдругъ вызвать въ васъ эту перемѣну? Неужели только

Digitized by Google

опасеніе за цѣлость вашихъ бумагъ?... Увѣряю васъ, что онѣ не могутъ пропасть. Я-же самъ былъ полицейскимъ чиновникомъ.

— Оставьте меня въ покоѣ, баронъ,—не вытерпѣлъ я.—Что вы мнѣ толкуете о *цѣлости*? О цѣлости въ рукахъ полиціи!... Да поймите вы, наконецъ, что эти бумаги могутъ бросить пятно на честь и доброе имя людей, которымъ я обязанъ глубокою благодарностью и передъ которыми я и безъ этого страшно преступенъ... Боже мой! *Ихъ* будутъ вызывать къ слѣдователю... въ судъ... допрашивать... и еще, быть можетъ, въ присутствіи моемъ... Нѣтъ! я этого не допущу!.. Прошу васъ, баронъ, оставьте меня. Благодарю васъ... Я *понимаю* ваше доброе чувство; но *цѣнить* его я теперь не способенъ. Оставьте меня. — И, быстро шагая изъ угла въ уголъ, я продолжалъ отыскивать воспоминанія самаго мрачнаго свойства...

Мнѣ не спалось. Въ камерѣ раздавался мѣрный храпъ Глюма, которому вторилъ изъ корридора дежурный служитель, также давно предавшійся сну. «Благодѣтель» чувствовалъ себя больнымъ и, вопреки обыкновенію, послѣ повѣрки, не пошелъ «въ контору», и завалился спать. Его примѣру вскорѣ послѣдовали и прочіе, находя, что съ уходомъ Николаева «въ камерѣ» настала смертельная скука; при немъ никогда раньше часу не ложились. Баронъ Соте пробовалъ было втянуть меня въ бесѣду; но, убѣдившись въ безполезности своей попытки, пожелалъ мнѣ, наконецъ, спокойной ночи, и повернулся на другой бокъ. На городскихъ часахъ пробило двѣнадцать. Въ головѣ моей царствовалъ страшный хаосъ. Невообразимая путаница разнообразныхъ мыслей лишала возможности слѣдить за ихъ ходомъ. Я видѣлъ сны на яву,—сны, въ которыхъ происшествія, сцены, не имѣющія между собою никакой связи, быстро слѣдовали одни за другими; мрачное, веселое, горе, радость,—все смѣшивалось, повторялось... Громкій говоръ и стукъ въ дверь корридора разомъ прервали фантастическую работу мозга. Въ головѣ сдѣлалось вдругъ пусто—ни одной мысли. Я сталъ прислушиваться... Что-то брякнулось объ полъ.

— Ишь, какъ натрескался! Бери, Саведьевъ, за плечи! А ты, Прохоровъ, сюда иди. Берите-ка... Ну!

— Прочь!... Я самъ, самъ... держи!..—говорилъ сквозь зубы голосъ, видимо принадлежавшій предмету, который собирались тащить.

Digitized by Google

— Ну, подымайтесь-же, баринъ! не хорошо...—Я узналъ голосъ Савельева.

— Чего на него смотрѣть! Бери, ребята!—скомандовалъ кто-то.

— Ну, ты не очень-то!—крикнулъ Савельевъ.—Не съ мужикомъ, вѣдь, дѣло имѣешь, а съ капитаномъ...

Тяжелыя шаги приближались къ двери «благородной» камеры. Вотъ и дверь отворилась, и четверо полицейскихъ почти внесли на рукахъ высокаго господина, одѣтаго въ богатую шубу. Его положили на одну изъ свободныхъ кроватей.

— Кого это вы положили?—спросилъ я Савельева.

— Изъ участка прислали, — за скандалъ... Ну, конечно, до утра, чтобы выспались: ужь очень нагрузились, на силу дотащили.

— Кто онъ такой?

— Въ протоколѣ написано: отставной капитанъ... Фамилія какая-то не русская,—отвѣтилъ мнѣ Савельевъ.

Отставной капитанъ тяжело сопѣлъ.

— Ишь, подумаешь, что водка дѣлаетъ: не успѣлъ хлопнуться на кровать,—ужь и заснулъ; и ничего, что въ шубѣ!—разсуждалъ вслухъ одинъ изъ служителей, оставляя камеру.

— Что это? кто тамъ? протирая глаза, спрашивалъ разбуженный происходившимъ въ камерѣ шумомъ—Глюмъ. Баронъ также проснулся. Служители, между тѣмъ, не отвѣчая на вопросъ Глюма, на цыпочкахъ вышли изъ камеры. Полицейскіе вообще очень побаивались Глюма. Они знали по опыту, какъ опасно возбудить противъ себя его неудовольствіе. Достаточно было одного его слова, чтобы провинившійся передъ нимъ служитель былъ уволенъ отъ службы, или, по меньшей мѣрѣ, отправленъ въ Никольскую на нѣсколько дней. И вотъ, лишь только раздался голосъ проснувшагося «благодѣтеля», служители, до того свободно разговаривавшіе, какъ-бы чего-то испугавшись, быстро бросились на цыпочкахъ изъ камеры. Чего добраго,—«благодѣтель» могъ быть въ претензіи «за шумъ, нарушившій его сонъ»... Объяснить благодѣтелю: *что это* и *кто это*, пришлось, такимъ образомъ, мнѣ.

— Ну, вотъ еще! всякаго пьяницу въ полночь сюда ведутъ...—проговорилъ съ неудовольствіемъ Глюмъ, послѣ того, какъ я *объяснилъ* ему. — Я, вотъ, скажу завтра смотрителю, — этого не

Digitized by Google

будетъ...—И, плотно закутавшись въ одѣяло, онъ перевернулся на другой бокъ.

— А вы, Дмитрій Александровичъ, все еще бодрствуете до сихъ поръ?—произнесъ баронъ, доставая изъ-подъ подушки картузъ табаку 3-го сорта.

— Что дѣлать: не спится,—отвѣтилъ я.

Отставной капитанъ, вдругъ переставшій «сопѣть», зашевелился. Оглянувшись по сторонамъ, онъ медленно поднялся съ кровати, скинулъ съ себя шубу, твердой рукою вынулъ изъ боковаго кармана своего длиннаго сюртука англійскаго покроя гребенку и сталъ причесываться. Этотъ рѣзкій переходъ отъ безчувственнаго состоянія къ совершенно сознательнымъ, нормальнымъ дѣйствіямъ, меня, конечно, не мало удивилъ. Я сталъ внимательнѣе вглядываться въ незнакомца. Это былъ высокій, статный брюнетъ, лѣтъ 30. Большія бакенбарды и длинные, закрученные усы придавали его красивому лицу воинственный видъ. Лицо это было крайне типично и, несомнѣнно, свидѣтельствовало о южномъ происхожденіи. Оно было совершенно спокойно. Незнакомецъ, казалось, былъ весь поглощенъ процессомъ причесыванія своей головы и бакенбардъ. Это длилось нѣсколько минутъ. Наконецъ, онъ всталъ и подошелъ къ столу, на которомъ стояла лампа. Удивленіе мое еще болѣе возросло, когда незнакомецъ, закуривъ отъ лампы великолѣпную сигару, направился прямо къ моей кровати, у которой и остановился, устремивъ на меня свои черные глаза.

— Что вы такъ всматриваетесь въ меня?—рѣзко спросилъ и незнакомца.

— Мнѣ кажется, что я васъ гдѣ-то видѣлъ; припоминаю даже, гдѣ,—спокойно отвѣтилъ онъ, нисколько, повидимому, несмущенный рѣзкостью моего тона.

— Гдѣ-же, напримѣръ?

— Въ Лондонѣ, въ Брайтонѣ... въ салонѣ маркизы Латюдъ... произнесъ незнакомецъ такъ-же спокойно, продолжая пытливо смотрѣть на меня. Въ умѣ моемъ почему-то мелькнуло имя *Касимова*.

— Короче: вы знаете меня?—спросилъ я.

— Да, я зналъ князя Дмитрія Александровича Каракадзе, который добровольно промѣнялъ свободу на тюрьму.

Digitized by Google

— А я такъ васъ рѣшительно не знаю; но слова ваши и странная перемѣна въ вашемъ поведеніи, лишь только служители удалились изъ камеры, возбуждаютъ во мнѣ нѣкоторыя,—надѣюсь не совсѣмъ безосновательныя, — подозрѣнія. Я къ вашимъ услугамъ. — И, торопливо оставивъ кровать, я указалъ незнакомцу на стулъ, стоявшій у стола; причемъ самъ занялъ такой-же по другую сторону стола.

— Вы догадливы: узнаю ученика и друга моего пріятеля *Касимова*,—улыбнулся незнакомецъ, занявъ указанный мною стулъ. Меня передернуло.

— Неугодно-ли?—Онъ предложилъ мнѣ сигару, и по англійски прибавилъ:—увѣрены-ли вы, что насъ никто не можетъ подслушать изъ корридора и что въ камерѣ нѣтъ *длиннаго языка*. Безопасенъ ли этотъ блондинъ, который куритъ папиросу? да и кто онъ такой?

— Блондина не опасайтесь. Это нѣкто баронъ Соте, съ которымъ я очень сошелся и который знаетъ *все*. Что-же касается до остальныхъ, то мы совершенно застрахованы, если будемъ говорить по англійски.

— Касимовъ шлетъ вамъ свой привѣтъ.

— Я такъ и зналъ! — сорвалось у меня.—Чего онъ еще хочетъ? Не думаетъ-ли онъ, что я его выдамъ? Пусть не безпокоится. Однако, виноватъ... объясните мнѣ вашу миссію.

Незнакомецъ молчалъ, не сводя съ меня, въ то-же время, глазъ. Онъ словно хотѣлъ что-то прочитать на моемъ лицѣ.

— Не бойтесь, — прервалъ я молчаніе. — Вѣрьте, что вы въ безопасности. Я неспособенъ предать васъ. Говорите только скорѣй...

— Я вѣрю вамъ: вы не предатель, — тономъ твердаго убѣжденія сказалъ мнѣ незнакомецъ.—Я начну съ конца, т. е. съ того, какимъ образомъ устроилось мое настоящее свиданіе съ вами; а потомъ и перейду къ моей,—какъ вы выразились, — миссіи. Я пріѣхалъ сюда двѣ недѣли тому назадъ. Не трудно было узнать, что вы находитесь въ тюремной больницѣ. Всѣ старанія мои добиться тамъ свиданія съ вами были напрасны. Посланному моему три раза давали въ тюремной конторѣ одинъ и тотъ-же отвѣтъ: «нельзя-съ». Обращаться къ «властямъ» за разрѣшеніемъ мнѣ было неудобно. Я дождался вашего выздоровленія. Писарь изъ

Digitized by Google

тюремной конторы, которому посланный мой заплатилъ за услуги «впередъ», немедленно далъ мнѣ знать, что вы отосланы въ этотъ полицейскій домъ. Тотъ-же посланный явился къ здѣшнему смотрителю. Здѣсь—тоже «нельзя». Что оставалось дѣлать? А, между тѣмъ, я поклонникъ извѣстныхъ вамъ касимовскихъ теорій, между прочимъ, и той, по которой слово «невозможно» было произнесено въ первый разъ непремѣнно дуракомъ... Я поручилъ узнать, гдѣ вы помѣщаетесь, т. е., не въ секретномъ-ли нумерѣ. Задача моя была значительно облегчена, когда оказалось, что вы содержитесь въ благородной камерѣ. Добывъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія, я приступилъ къ приведенію въ исполненіе предначертанаго мною плана свиданія съ вами. Положивъ въ карманъ паспортъ на имя нѣкоего отставнаго капитана, я отправился сегодня, въ 11 часовъ вечера, къ вашей квартирѣ. Изображая изъ себя пьянаго, я, по дорогѣ, задѣвалъ каждаго встрѣчнаго, и, наконецъ, у самаго полицейскаго дома, обругалъ околоточнаго. Дѣло ясное: меня пригласили въ участокъ. Тамъ я оказался совершенно пьянымъ: ноги отказывались служить. На вопросъ: «кто-вы?» я бросилъ на столъ свой паспортъ. — «Гвардейскій капитанъ»... проговорилъ про себя околоточный, кончивъ осмотръ моего паспорта, и счелъ нужнымъ послать за помощникомъ пристава. Конечно, и тотъ отъ меня никакого толку не добился, и послѣ тщетныхъ вопросовъ о моемъ адресѣ, по которому меня, вѣроятно, хотѣли отправить на квартиру, помощникъ приказалъ, наконецъ, написать постановленіе и отправить меня до утра въ часть, *для вытрезвленія*. Какъ «благородный» субъектъ, я и попалъ въ камеру, въ которой вы обитаете. Утромъ меня, конечно, позовутъ въ участокъ; я извинюсь, сошлюсь на безсознательное состояніе, въ которомъ я находился, получу паспортъ и—дѣлу конецъ. Неправда-ли, отлично устроено? *Самъ* Касимовъ не придумалъ-бы иного способа видѣться съ вами...

— Скажите, пожалуйста, вы, въ самомъ дѣлѣ, встрѣчали меня прежде? Я что-то васъ совершенно не помню,—спросилъ я моего оригинальнаго посѣтителя.

— Если-бы я *снялъ* мои великолѣпные бакенбарды, вы, быть можетъ, узнали-бы Гуаидзе, нѣкогда секретаря, а нынѣ равноправнаго друга Касимова. Вглядитесь-ка,—отвѣтилъ онъ, смѣясь.

Digitized by Google

И дѣйствительно: это былъ онъ, тотъ самый Гуаидзе, котораго Касимовъ отправлялъ изъ Лондона въ Петербургъ и Москву, съ порученіемъ бомбардировать меня поздравительными телеграммами съ баронскими, графскими и княжескими подписями, — телеграммами, приводившими въ такой восторгъ бѣдную Иву.

— Однако,—къ дѣлу. До утра осталось только нѣсколько часовъ, а намъ еще предстоитъ съ вами длинная бесѣда.—И Гуаидзе, доставъ изъ-за сапога миніатюрный ножичекъ, къ удивленію моему, принялся распарывать великолѣпный воротникъ своей богатой шубы.

— Посланіе?—спросилъ я.

— Сейчасъ увидите.

Черезъ минуту, мѣховой воротникъ съ трехъ сторонъ былъ отдѣленъ отъ покрывавшаго его сукна. На внутренней сторонѣ его оказалась большая, мѣховая-же, заплата въ видѣ кармана. Снявъ эту заплату, Гуаидзе досталъ изъ-подъ нея что-то круглое, обернутое въ небольшой шелковый платокъ. Въ платкѣ оказалось нѣсколько листовъ исписанной почтовой бумаги большаго формата, сложенныхъ особеннымъ образомъ въ видѣ круга.

— Вотъ, вамъ письмо,—сказалъ онъ мнѣ, подавая два мелко исписанныхъ листа и кладя остальные въ боковой карманъ.— А пока вы будете читать, я приведу въ нѣкоторый порядокъ свою шубу. И Гуаидзе изъ-подъ подкладки своей шапки вынулъ маленькій продольный бумажный свертокъ, въ которомъ оказались иголка и нитки. Очевидно, всѣ эти предосторожности были приняты на случай тщательнаго осмотра при пріемѣ, въ конторѣ полицейскаго дома. Однако, позднее время, въ которое былъ приведенъ Гуаидзе, и родъ его вины избавили его отъ строгаго осмотра. Его только слегка обшарили по карманамъ; тамъ было немного мелкихъ денегъ, которыми обыскивавшіе стражи, въ ихъ числѣ и Савельевъ, не преминули, конечно, воспользоваться. — «Его хоть и всего обери,—не услышитъ»,—успокоилъ наиболѣе смѣлый стражъ Савельева, выразившаго было при этомъ нѣкоторыя опасенія: «ловко-ли? вѣдь благородный... не раздѣлаешься потомъ»...

Я сразу узналъ твердый, красивый почеркъ Касимова. Съ лихорадочною поспѣшностью я принялся пробѣгать частыя строки письма. Я еще не успѣлъ просмотрѣть первую страницу, какъ

Digitized by Google

почувствовалъ сильное внутреннее волненіе: меня бросало въ жаръ; лицо горѣло; руки тряслись; толчки сердца сдѣлались необыкновенно сильны и часты. Волненіе это было вызвано, однако, не содержаніемъ страницы письма, ничего особеннаго въ себѣ не заключавшимъ, а какимъ-то трудно объяснимымъ, такъ сказать, неуловимымъ душевнымъ процессомъ. Тщетно силясь, въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, побороть въ себѣ волненіе, потушить, повидимому, совершенно безпричинное безпокойство, которое примѣшивалось къ этому волненію, я, наконецъ, выпилъ залпомъ стаканъ холодной воды и сосредоточилъ, насколько было возможно, все свое вниманіе на касимовскомъ посланіи.

Вотъ что писалъ мнѣ мой бывшій «учитель» и «другъ»:

«Товарищъ!»

«Напрасно я старался найдти *разумное* оправданіе твоему бѣгству отъ меня, любимой женщины и жизни, полной удовольствій,—бѣгству, ради того только, чтобы влачить самое жалкое, недостойное умнаго человѣка, существованіе. Тюрьма, со всѣми ея отвратительными ужасами въ *настоящемъ*; пожизненное заточеніе въ какомъ нибудь пятидомовомъ городишкѣ Енисейской или Иркутской губерніи, отдаленномъ отъ всякаго человѣческаго жилья на многія сотни верстъ, въ *будущемъ*; страшная нужда, голодная смерть въ перспективѣ, — вотъ на что ты добровольно промѣнялъ дружбу, любовь, счастье; да — дружбу, самую искреннюю, на какую только когда-нибудь былъ и будетъ способенъ человѣкъ...

«Однако, твое бѣгство, меня, хотя, конечно, и удивило, скажу болѣе,—поразило, но не затруднило своимъ объясненіемъ. Если я дважды ошибся въ своихъ выводахъ относительно тебя, въ первое время нашего знакомства, то это служитъ мнѣ только ручательствомъ, что мнѣніе, которое я составилъ о тебѣ потомъ, безошибочно. Да, я достаточно изучилъ тебя, и знаю, что бѣжать отъ дружбы ты менѣе всего способенъ; а между тѣмъ, ты это сдѣлалъ. Для меня, поэтому, ясно, что бѣгство твое — не болѣе, какъ слѣдствіе твоей-же громадной *ошибки*, которая была-бы невозможна, еслибы ты стоялъ на чисто-практической почвѣ, и чувство у тебя не брало-бы часто верхъ надъ разсудкомъ. Ошибку эту я представляю себѣ въ такомъ видѣ: находясь подъ вліяніемъ минуты, когда ты именно весь отдался чувству, вызванному

Digitized by Google

какимъ-нибудь внѣшнимъ толчкомъ, ты быстро построилъ цѣлый рядъ ложныхъ выводовъ, послѣдствіемъ которыхъ и явилось бѣгство. По своему характеру, ты не могъ бѣжать отъ дружбы, и вотъ, выводъ говорилъ, что этой дружбы нѣтъ, что эта дружба мнимая, основанная на самомъ холодномъ разсчетѣ. Ты не могъ бѣжать отъ любви; однако, и не вѣрить въ чувство къ тебѣ маркизы ты также не могъ; и вотъ, путемъ такихъ-же ложныхъ выводовъ, принятыхъ предположеній, явилось убѣжденіе, что любовь эта шатка, непрочна и, во всякомъ случаѣ, кратковременна; что достаточно маркизѣ *узнать* тебя и любви къ тебѣ конецъ. Такія два убѣжденія внесли въ твою душу жестокое разочарованіе. Ты тогда далъ волю воображенію, не оставивъ мѣста здраво обдуманной мысли. Явились преувеличенныя картины возможныхъ ужасовъ. Отвлеки тебя въ это время, хоть не на долго, какое-нибудь внѣшнее обстоятельство отъ овладѣвшаго тобою состоянія, и ты не впалъ-бы въ громадную, страшную, по своимъ послѣдствіямъ, ошибку. Ты тогда все обдумалъ-бы, провѣрилъ-бы путемъ критической мысли, и то, что казалось тебѣ недавно несомнѣннымъ, стало-бы, во всякомъ случаѣ, очень сомнительнымъ. Но этого внѣшняго обстоятельства не было. Я отлучился изъ Лондона, и ты всецѣло отдался первому душевному порыву. «Бѣжать отъ мнимой дружбы, отъ любви, держащейся на волоскѣ». Какъ бѣжать? Куда бѣжать? Эти вопросы разрѣшились такъ же быстро и, потому, безумно. Здравая мысль не могла подсказать тебѣ: «Бѣги въ тюрьму».—Ты несомнѣнно избралъ-бы лучшій выходъ, какъ, напр., пулю, мысль о которой тебя не разъ посѣщала. Но ты не далъ себѣ времени опомниться. Смутное сознаніе шаткости своихъ выводовъ заставляло тебя опасаться моего пріѣзда. «Скорѣй, скорѣй»! кричало твое разстроенное воображеніе, и ты безъ оглядки бросился въ тюрьму, нанесъ тяжкій, незаслуженный ударъ любимому существу, отвергъ дружбу, счастье...

«Что только такой душевный процессъ привелъ тебя къ печальному концу, меня совершенно убѣждаетъ, прежде всего, твое сильное чувство къ маркизѣ. Ты-бы никогда и ни за что не разстался съ этой дѣйствительно рѣдкою женщиной, если-бы не пришелъ къ вышеприведенному выводу относительно любви ея къ тебѣ. Принимая, такимъ образомъ, мое объясненіе за фактъ, я постараюсь доказать тебѣ, что выводы твои дѣйствительно

Digitized by Google

составляютъ ошибку. Я, впрочемъ, увѣренъ, что время тебя отрезвило, и что ты уже самъ оцѣнилъ по достоинству истинное значеніе сдѣланнаго тобою шага. Во всякомъ случаѣ, вотъ тебѣ ясныя, логическія доказательства твоей ошибки:

«Положеніе твое, годъ назадъ, когда я познакомился съ тобой, было таково, что, потерявъ всякую надежду на его улучшеніе, ты рѣшился покончить съ собою. Въ положеніи этомъ ты былъ нисколько не повиненъ. Страшная нужда, въ которую ты впалъ, нужда въ насущномъ, въ кускѣ хлѣба, въ кровѣ,—не была слѣдствіемъ лѣни, пьянства, расточительности или чего-либо подобнаго. Ты готовъ былъ работать безъ устали, трудиться; ты желалъ быть полезнымъ, искалъ честнаго, разумнаго примѣненія своихъ способностей; но все это разбилось, какъ о камень, о незаслуженное тобою презрѣніе, которымъ общество не перестаетъ до сихъ поръ преслѣдовать *бѣдняку*, заклейменнаго тюрьмой. Обществу не было дѣла до обстоятельствъ, приведшихъ 17-ти-лѣтняго мальчика въ тюрьму, до качества твоего проступка; не было, наконецъ, дѣла до понесеннаго тобою наказанія, до твоего, доказаннаго годичною жизнью послѣ выхода изъ тюрьмы, желанія и стремленія быть честнымъ человѣкомъ; оно видѣло, по обыкновенію, только твое официально-преступное прошлое, и ты долженъ былъ подвергнуться общей участи бездомныхъ бѣднягъ, однажды бывшихъ въ тюрьмѣ: или сдѣлать преступленіе своей профессіей, или погибнуть не только нравственно, но и физически, въ борьбѣ съ нищетой. Но порокъ былъ тебѣ противенъ, и ты, испытавъ свое безсиліе устоять подъ напоромъ такихъ страшныхъ стимуловъ, какъ голодъ и холодъ, рѣшился разомъ насильственно прекратить свое существованіе. Ты былъ совершенно одинокъ, никому не было до тебя дѣла, и ты, конечно, не встрѣтилъ бы препятствій къ осуществленію своего рѣшенія. Именно въ это время я встрѣтилъ тебя въ публичной библіотекѣ.

Теперь, обрати вниманіе на *мое* тогдашнее положеніе; я пользовался отличнымъ матеріальнымъ благосостояніемъ, ни въ комъ не нуждался, и помощниковъ въ своей профессіи имѣлъ достаточно. Ясно, что *ты*, малоопытный горемыка, *нуженъ* мнѣ не былъ. Корысть, слѣдовательно, не играла никакой роли въ предложенной мною тебѣ помощи, послѣ того, какъ я, по твоему дневнику, познакомился и съ твоимъ *внутреннимъ* человѣкомъ.

Digitized by Google

Въ первую минуту знакомства, ты возбудилъ во мнѣ обыкновенную симпатію къ себѣ, твоею наружностью, складомъ рѣчи, даже содержаніемъ книги, въ которую ты былъ погруженъ. Симпатія эта обратилась въ совершенно сознательное чувство, окрѣпла, когда я узналъ твою біографію: твоя исторія, во многомъ, напомнила мнѣ мою собственную, когда я, такой-же молодой, полный энергіи, силъ и такъ называемыхъ «честныхъ» стремленій, сдѣлался сперва жертвою своей неопытности, а потомъ предразсудка, несправедливости. Моему другу грозила бѣда; чтобы спасти его, я ссудилъ ему на нѣсколько дней, подъ всевозможныя клятвы, сумму денегъ, полученную мною изъ банка по довѣренности. Недѣля, другая, третья; другъ скрылся, а довѣрительница потребовала свои деньги; ложный стыдъ заставилъ меня также скрыться, вмѣсто того, чтобы сознаться довѣрительницѣ и просить отсрочки: по частямъ, я могъ-бы выплатить всѣ деньги. Явилось дѣло о растратѣ. Я былъ розысканъ и попалъ въ извѣстную тебѣ *бутырскую академію* [1]), эту страшную фабрику всевозможныхъ преступниковъ, въ это — своего рода воспитательное заведеніе. Остальное тебѣ извѣстно. Пробывъ годъ въ этомъ омутѣ, я вышелъ на свѣтъ Божій, съ роковымъ паспортомъ: «лишеннаго всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ». И я-бы покорился своей участи, носилъ-бы этотъ вѣчный позоръ, если-бы онъ не закрылъ мнѣ, также, какъ и тебѣ — «тюрьма» — всѣ пути къ болѣе или менѣе сносному существованію. Я воспользовался вынесенными изъ *академіи* уроками, и создалъ себѣ жизнь безбѣдную и... счастливую. Да, счастливую; не смѣйся. Со смертью матери, потерею жены, всѣ мои кровныя связи были порваны. Ничто меня не связывало, и я сбросилъ съ себя *прежнее*, сбросилъ съ себя позорное имя, и только способности свои и энергію направилъ къ доставленію себѣ *личнаго* счастья. Вопреки пословицѣ: «не въ деньгахъ счастье», я убѣдился, что счастье заключается, именно, въ деньгахъ. Способъ добывать ихъ я вынесъ изъ той-же тюрьмы; онъ тебѣ извѣстенъ. Я имъ не гнушался, потому что переродился. Прошло много лѣтъ, и я, вдругъ, встрѣчаю тебя, такъ живо напом-

[1]) «Бутырской академіей» называютъ московскій тюремный замокъ, находящійся, какъ извѣстно, за бутырской заставой въ Москвѣ.

Digitized by Google

нившаго мнѣ мое прошлое. Мнѣ стало жаль тебя. Во мнѣ явилось желаніе спасти тебя отъ ранней смерти. Я предложилъ тебѣ руку помощи, и ты съ восторгомъ принялъ ее. Потребовалъ-ли я при этомъ отъ тебя чего-нибудь взамѣнъ? Предложилъ-ли я какія-нибудь условія? Нѣтъ; я только *давалъ*, но ничего не бралъ. Дальше: въ интересахъ твоего-же спасенія, я предложилъ тебѣ оставить свое запятнанное имя. Извлекалъ-ли я что-нибудь при этомъ лично для себя? Не я-ли, узнавъ тебя ближе, нѣкоторыя особенности твоего характера, предложилъ тебѣ ѣхать за-границу, получить спеціальное образованіе, сдѣлаться хорошимъ инженеромъ, и, такимъ образомъ, составить себѣ дѣйствительное имя? Наконецъ, убѣдившись, что ты ободрился, что ты къ пулѣ больше не прибѣгнешь, я оставляю тебя въ Кіевѣ, съ нѣсколькими стами рублями, предоставляя тебѣ самому воспользоваться выгодами усвоеннаго тобою ложнаго, т. е. новаго положенія. Что, кромѣ совершенно безкорыстнаго участья и чувства сожалѣнія, могло руководить мною въ такихъ моихъ къ тебѣ отношеніяхъ? Вернувшись черезъ три недѣли въ Кіевъ, я тебя ужь не засталъ тамъ. Слухи о какомъ-то князѣ, встрѣтившемъ тебя въ Кіевѣ и увѣрявшемъ потомъ, что ты не князь Каракадзе, достаточно объяснили мнѣ причину твоего отъѣзда; искать тебя, было, очевидно, безполезно. Оставалось надѣяться, что случай когда-нибудь столкнетъ насъ. Случай этотъ дѣйствительно представился, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я нашелъ тебя въ Лондонѣ. Оказалось, что ты въ короткое время создалъ себѣ прекрасное положеніе, нажилъ друзей, пользовался любовью, но... энергія, наконецъ, оставляла тебя; напряженное состояніе твоихъ нервовъ произвело утомленіе, а глубокое чувство къ достойной женщинѣ парализировало серьезную умственную дѣятельность. Ты сталъ идеализировать свое прежнее «безгрѣшное» состояніе и ненавидѣть настоящее. Словомъ, я и въ этотъ разъ стрѣтилъ тебя, хотя и въ блестящей обстановкѣ, но также, какъ и въ первую встрѣчу, — глубоко страдающимъ. Руководимый тѣмъ-же чувствомъ искренней симпатіи, я старался возвратить тебя къ *здоровому* состоянію. Меня очень тронула твоя душевная исповѣдь, и я еще болѣе полюбилъ тебя за твою наивность, идеализацію, т. е. за то, отъ чего, къ счастью, мнѣ удалось давно отрѣшиться, но живое воспоминаніе о чемъ мнѣ, все-жь-таки, было пріятно. Я представилъ тебѣ твое

Digitized by Google

положеніе въ реальномъ видѣ, возможные изъ него выходы, и указалъ на одинъ изъ нихъ, какъ единственно-соотвѣтствующій твоимъ матеріальнымъ и духовнымъ интересамъ. Разумное слово вызвало къ дѣятельности твой, было уснувшій, умъ: здраво обсудивъ, взвѣсивъ «за» и «противъ», ты согласился, что возвратъ къ *прежнему* состоянію, прежде всего — невозможенъ, а затѣмъ и нежелателенъ; что нужно, во что-бы ни стало, сохранить свое «новое» положеніе, задавшись при этомъ цѣлью запастись деньгами; «новое» положеніе должно было дать ихъ. Ты страстно любилъ маркизу, пользовался взаимностью; не представлялось основаній медлить прочнымъ союзомъ, который, при томъ-же, несомнѣнно упрочивалъ созданное положеніе. По твоей просьбѣ, я взялся способствовать осуществленію принятаго тобою рѣшенія, которое, само собою, уравнивало наши положенія, одинаковость которыхъ побудила насъ заключить дружескій союзъ. Я искренно желалъ идти съ тобою рука объ руку. Выгоды союза, были, во всякомъ случаѣ, всѣ на твоей сторонѣ: ты, несомнѣнно, нуждался въ моей опытности, въ моей нравственной поддержкѣ, о которой ты меня умолялъ; я-же нуждался только въ твоей симпатіи, въ одной твоей дружбѣ. Обоюдныя старанія наши увѣнчались успѣхомъ; препятствіе, — Луиза и Гусятниковъ, — было устранено: ты женился на маркизѣ, обзавелся, такимъ образомъ, знатной родней, богатыми связями; ты сталъ внѣ всякихъ подозрѣній, и блестящее положеніе упрочилось. Успокоенный совершенно на твой счетъ, я оставилъ на нѣсколько дней Лондонъ. По возвращеніи, узнаю о твоемъ сумасбродномъ, и ужь, конечно, далеко не дружескомъ поступкѣ.

«Ты видишь, что ничто не давало тебѣ права заподозрить мою дружбу, доказательства безкорыстія, искренности которой на каждомъ шагу. А развѣ ты поступилъ по дружески? Вмѣсто того, чтобы вызвать меня изъ Нанси,—ты зналъ мой тамошній адресъ,— откровенно объяснить мнѣ свои сомнѣнія, свое безпокойство, словомъ, — вмѣсто того, чтобы поступить по дружески, ты торопишься предупредить мой пріѣздъ, и, какъ-бы боясь меня, торопливо бѣжишь изъ Брайтона? Гдѣ поводы къ такой боязни? Не ясно-ли, товарищъ, что твой выводъ о ложности моей дружбы былъ не болѣе, какъ плодъ разстроеннаго воображенія, а вовсе не выводъ здравой мысли?

Digitized by Google

«Я тебѣ посылаю *фактическое* доказательство безосновательности вывода о шаткости и непрочности любви маркизы. Но я не довольствуюсь этимъ. Я хочу доказать, что ты не имѣлъ основаній къ такому выводу. Что ты хорошо зналъ маркизу, ея твердый характеръ, ея способность на жертвы, это видно было изъ нашихъ съ тобою о ней бесѣдъ. Твое *имя* могло, быть можетъ, имѣть значеніе для Луизы, но не для маркизы. Знатность, богатство, полная независимость, умъ, свободный отъ предразсудковъ, все это достаточно ручалось тебѣ, что любовь этой женщины касалась лично *тебя*, *человѣка*, и что *твое* имя, *твое* богатство, тутъ, во всякомъ случаѣ, никоимъ образомъ не играли важной роли. Ея пріѣздъ изъ Парижа, уходъ за тобою во время твоей болѣзни и всѣ обстоятельства вашего сближенія, также ручались за силу, а, слѣдовательно, и за прочность ея чувства къ тебѣ. Не слѣдовало-ли предполагать, судя по складу мыслей и характеру маркизы, что чувство ея къ тебѣ сдѣлается еще сильнѣе, когда она узнаетъ о твоемъ дѣйствительномъ несчастьи? Гдѣ, спрашиваю тебя, здравыя основанія къ бѣгству отъ самого себя, отъ собственнаго чувства?.. Такихъ основаній нѣтъ, и нѣтъ. Ты впалъ въ страшную ошибку, и вотъ ея послѣдствія: ты разбилъ нетолько свое, созданное съ такимъ трудомъ, счастье, но и счастье горячо тобою любимой женщины, которую ты и обрекъ на страданія. Ты оскорбилъ и жестоко отплатилъ за дружбу: твое бѣгство не могло, конечно, не отразиться и на прочности моего положенія. Наконецъ, самого себя ты обрекъ на что? На ужасную, продолжительную агонію. Сколько мытарствъ предстоитъ тебѣ пройдти въ ожиданіи суда; сколько мѣсяцевъ, а, можетъ быть, и лѣтъ томленья въ тюрьмахъ, но секретныхъ и не секретныхъ нумерамъ, по этапамъ, по полицейскимъ домамъ; а нравственная пытка при безчисленныхъ допросахъ и переспросахъ, грубая тюремная дисциплина, презрѣніе кругомъ... а произволъ всевозможныхъ смотрителей и сторожей!?... И что-же?—настанетъ, наконецъ, день суда, произнесется: «виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія», и какой-нибудь «городъ» Кола или Мезень замѣнитъ тебѣ навсегда, до самой смерти, твою тюрьму. Тамъ-ли ты найдешь для себя умственную пищу, духовную дѣятельность? Нѣтъ; ты будешь лишенъ возможности удовлетворенія и самыхъ существенныхъ физическихъ потребностей, необходимыхъ для поддер-

Digitized by Google

жанія своего чисто животнаго существованія. Не имѣя права никуда отлучиться изъ свой тюрьмы, несчастной деревушки, именуемой «городомъ», не имѣя копѣйки за душой, ты принужденъ будешь, за отсутствіемъ спроса даже на физическій трудъ, протягивать руку за милостыней, къ такому-же почти нищему—мѣстному жителю. Не будетъ этой милостыни, и ты умрешь съ голоду. Нечего сказать, хорошій исходъ для умнаго человѣка!...

«Ты знаешь, я не слезливъ; но, право, представляя себѣ твое настоящее и будущее, невольно глупая слеза напрашивается на рѣсницы. Я слишкомъ привязался къ тебѣ, слишкомъ полюбилъ тебя, чтобы оставить тебя въ такомъ положеніи. Скажу болѣе, моя привязанность къ тебѣ—единственная, и потому я, тѣмъ болѣе, дорожу ею. Неужели ты еще не отрезвился, не раскаялся въ сдѣланномъ тобою шагѣ? Я, впрочемъ, имѣю хорошаго союзника въ твоемъ чувствѣ къ маркизѣ. Я знаю, какъ глубоко и страстно ты любишь ее, и увѣренъ, что разлука съ нею для тебя мучительна. Что ни сдѣлалъ-бы ты, чтобы вновь быть съ нею?—А, между тѣмъ, все поправимо, не все еще потеряно...

«Я слишкомъ хорошо знаю тебя, и потому относительно себя спокоенъ. Ты не способенъ предать меня. Что я въ этомъ убѣжденъ, лучше всего доказываетъ тебѣ это письмо, посылаемое черезъ извѣстное тебѣ—юридически не безукоризненное лицо. Только *чистая* дружба заставляетъ меня, не смотря на важныя препятствія, на громадное разстояніе, насъ раздѣляющее, бесѣдовать съ тобою. Я говорю тебѣ, что *все поправимо*. Я подразумѣваю: ты можешь быть вновь свободнымъ, любимымъ, счастливымъ. Немного энергіи и доброй воли, и все будетъ именно такъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ты избавишь отъ страданій такую достойную, рѣдкую женщину, какъ маркиза, отдашь должную дань дружбѣ; словомъ... и ты, и маркиза, и я будемъ счастливы. Я, впрочемъ, напрасно подлаживаюсь къ твоему характеру, напрасно стараюсь дѣйствовать на сердце. Я взываю къ разсудку. Хладнокровно обсуди свое положеніе и, отчасти, мои доводы. Результатъ неоспоримъ: желаніе, во что-бы ни стало, «вернуться». И ты вернешься; я тебѣ ручаюсь. Извѣстное лицо совершенно замѣнитъ меня; оно все устроитъ, словомъ, вернется вмѣстѣ съ тобою. Совершенно довѣрься ему, и мы скоро увидимся. Я тебѣ не сообщаю плана дѣйствій; мнѣ, отсюда, трудно было прадначертать его, да и не

Digitized by Google

къ чему: я вѣрю въ твои силы, въ твой собственный умъ, сообразительность. Тотъ, кто съ такимъ отличнымъ знаніемъ дѣла, самъ, одинъ, безъ посторонней помощи, съумѣлъ въ короткое время создать себѣ блестящее положеніе; кто не разъ съ успѣхомъ разрѣшалъ обыкновенно самые мудрые денежные вопросы, конечно, съумѣетъ начертить планъ и въ данномъ случаѣ, разумѣется, при *трезвомъ* отношеніи къ дѣлу. Если я сказалъ, что N «все устроитъ», если онъ не долженъ оставить тебя, то я имѣю въ виду помощь его, какъ человѣка свободнаго, и будь увѣренъ, что онъ съумѣетъ провести любой планъ. Словомъ, посылаю тебѣ совѣтника, помощника, банкира. Буду отъ него съ нетерпѣніемъ ждать извѣстій о результатѣ его съ тобою свиданія. Еще съ большимъ нетерпѣніемъ ждетъ этого твоя бѣдная жена. Нѣсколько словъ о ней: наружно, она геройски перенесла ударъ, которымъ тебѣ угодно было ее угостить; но опытный глазъ не можетъ не усмотрѣть, подъ спокойной оболочкой, ужасныя душевныя муки. Чтобы избѣжать необходимости отвѣчать на непріятные вопросы, принимать выраженія соболѣзнованія и участія, маркиза, какъ только появилось въ газетахъ извѣстіе о твоемъ арестѣ, удалилась на островъ Уайтъ, въ одно изъ своихъ имѣній, гдѣ и живетъ совершенной отшельницей, принимая только весьма немногихъ лицъ. Вмѣсто разспросовъ, объясненій, она обратилась ко мнѣ съ *мольбою*,—ея собственное выраженіе,—доставить тебѣ ея письмо. Имя маркизы не сходитъ теперь съ языка лондонской аристократіи. Родня ея въ отчаяніи. По настояніямъ герцога Х., я вынужденъ былъ дать директору лондонской полиціи нѣкоторое объясненіе.

«Итакъ, Дмитрій Александровичъ,—къ дѣлу. Къ чорту безплодное раскаяніе, убійственно дѣйствующее на духъ, сокрушеніе! Нужно *дѣйствовать*. Словомъ,—возвращайся. Разумъ и чувство одинаково требуютъ этого.

«Заканчиваю свое письмо увѣреннымъ: до свиданія.

Твой Касимовъ.

Лишь только глаза мои упали на подпись, какъ Гуаидзе, давно окончившій приведеніе въ порядокъ воротника своей шубы и, видимо, слѣдившій за всѣми моими движеніями во все время, пока я читалъ про себя письмо Касимова, какъ-бы предупреждая

Digitized by Google

мой вопросъ, поспѣшно подалъ мнѣ маленькій изящный конвертикъ.

— Письмо маркизы,—тихо проговорилъ онъ при этомъ.

Сердце забилось еще сильнѣе. Судорожно разорвавъ дрожащими руками конвертъ, я съ жадностью сталъ читать строки несчастной Ивы:

— «У меня передъ глазами твое ужасное письмо, которое, почти два мѣсяца тому назадъ, принесло мнѣ извѣстіе о *нашемъ* несчастьи. О, какъ мало ты зналъ твою Иву, какъ мало изучилъ ея характеръ и какъ слабо ты вѣрилъ въ ея любовь, если боялся открыть ей свою тайну. Неужели ты думалъ, что я въ состояніи оттолкнуть тебя, узнавъ, что ты несчастенъ? Неужели ты думалъ, что у меня нехватитъ силъ перенести удара, примириться съ нимъ? Ударъ былъ ужасенъ именно своею внезапностью, тѣмъ, что я узнала о немъ изъ письма, которое говорило мнѣ о вѣчной разлукѣ. Боже, да развѣ я могу ненавидѣть тебя? Да и гдѣ причины для этой ненависти? Неужели въ несчастьи твоемъ? Нѣтъ, мой другъ: мое главное несчастье состоитъ въ томъ, что, внушивъ къ себѣ чувство любви, я, въ то же время, не съумѣла внушить тебѣ вѣру въ меня, въ мои силы. Я совершенно вѣрю искренности твоего чувства: скажу болѣе,—въ честность его. То и другое ты мнѣ доказалъ, какъ своимъ внезапнымъ отъѣздомъ изъ Парижа, такъ и тѣмъ, на что ты рѣшился 3 сентября. Ты боялся за меня, за мое чувство, и «ради моего счастія» безжалостно бросилъ меня. Бѣдный! я знаю, какую ужасную борьбу ты выдержалъ съ самимъ собою; я была свидѣтельницей этой борьбы, этихъ душевныхъ мукъ; но, къ несчастью, не поняла ихъ. Я видѣла, вѣрнѣе, чувствовала только, что ты несчастенъ; сердце предвѣщало мнѣ что-то страшное; разставаясь съ тобою, я словно угадывала, что ты бѣжишь отъ меня, отъ моей любви. Я словно чувствовала, что ты оставляешь меня навсегда.... Но этотъ безмолвный лепетъ души не получилъ яснаго выраженія, и случилось то, что *не должно* было случиться. Милый мой, гдѣ ты теперь? Что съ тобой? Боже! какая пытка знать, чувствовать твои ужасныя страданія, и не быть въ состояніи помочь! Раскрой мнѣ свою душу, скажи, объясни мнѣ все. Вѣдь, я пока только и знаю, что ты—не князь. Но я хочу, мнѣ необходимо все узнать, всѣ подробности. Но имѣешь ли ты возможность удовлетворить

Digitized by Google

меня теперь? Неужели тебѣ нельзя вернуться ко мнѣ? Бѣги, бѣги ко мнѣ, и я тебя укрою, спрячу. Мы выберемъ себѣ какой-нибудь далекій, но тихій уголокъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и будемъ вмѣстѣ коротать жизнь. Мы будемъ искать, и вѣрь, что найдемъ счастье въ самихъ себѣ. Я брошу все, порву всѣ связи... Но если для тебя возвратъ невозможенъ?... Скажи, дай знать, что мнѣ дѣлать? Неужели я потеряла тебя навсегда? О, нѣтъ, быть не можетъ! Графъ Грегасъ обнадежилъ меня. Онъ ручается, что ты вернешься, и я вѣрю ему. «Свѣтъ», его глупые законы, отвергающіе все истинно-человѣческое, безсильны заставить меня забыть тебя, котораго я такъ горячо полюбила и которому такъ сознательно разъ отдалась. Я назвала своимъ мужемъ не князя Каракадзе. Для меня только теперь стало ясно истинное значеніе словъ: «не князь Каракадзе, а *человѣкъ*, который»...—словъ, которыя сопровождали твое предложеніе. И вѣрь мнѣ, мой другъ: я полюбила и назвала своимъ мужемъ *только человѣка*. Благодарю судьбу за выпавшія на мою долю средства къ независимости, дающія мнѣ возможность, безъ всякихъ колебаній, идти противъ «свѣта», свѣтскихъ родныхъ и друзей. Что я, впрочемъ, говорю: колебанія!... какъ будто, не имѣй я этихъ средствъ, я стала-бы колебаться!...

«О, милый мой! сколько горя, сколько страданій насъ миновало-бы, если-бы ты зналъ свою Иву, силу ея чувства... Ты вернешься, непремѣнно вернешься. Говорятъ, что деньги—великая сила; не откроютъ-ли онѣ тебѣ и тюремныя двери? Я вручила графу Грегасу достаточную для этого сумму. Неужели твое сердце не рвется ко мнѣ? Вѣдь, ты меня любишь, сильно любишь, милый мой: я въ этомъ убѣждена, и это убѣжденіе—мое счастье. *Ты не обманулъ меня*. Только искреннее чувство могло привести тебя къ рѣшенію бѣжать отъ меня. Не такъ поступилъ-бы безчестный человѣкъ, обманщикъ. Онъ не сбросилъ-бы съ себя такъ скоро маски, онъ бросилъ-бы меня только тогда, когда успѣлъ-бы обобрать меня, достичь цѣли своего обмана. Я понимаю, какъ тяжело, какъ противно было тебѣ притворяться, хотя наружно маскироваться предо мной. Тебя убивало это, тебѣ стало, наконецъ, невыносимо такое состояніе; а открыть мнѣ все ты, къ несчастью, не рѣшился: ты еще слишкомъ мало узналъ меня. И ты рѣшился пожертвовать собою, своимъ чувствомъ... Ну, развѣ ты

Digitized by Google

не благороднѣйшая душа?!... Каждый твой шагъ, каждое твое слово только теперь получили истинное объясненіе. Для меня только теперь ясно стало чувство, побуждавшее тебя проводить цѣлые дни въ парижскихъ тюрьмахъ; твоя симпатія ко всему, что только несчастно, загнано; твое горячее слово на ихъ защиту. Вѣрь-же, мой несчастный другъ, что именно теперь ты сталъ мнѣ еще дороже, еще необходимѣе. Любовь моя получила новую пищу. Тѣмъ ужаснѣе будетъ мое несчастье, если я, именно теперь, потеряю тебя. Но нѣтъ, прочь мрачныя мысли!... Мы одинаково необходимы другъ другу; а чувство — великая сила. Оно должно преодолѣть все. И я именно надѣюсь на силу твоей любви ко мнѣ, на вліяніе моего слова на твое чувство. Говорю тебѣ: твоя гибель—вмѣстѣ съ тѣмъ и моя гибель. Если у тебя достало воли принести себя въ жертву, добровольно обречь себя на гибель, я знаю, что ты окажешься безсильнымъ допустить мою гибель. Ну, увѣряю-же тебя, что мы будемъ счастливы, что мы съумѣемъ создать себѣ честную, спокойную жизнь. Мы бросимъ Старый Свѣтъ, а вмѣстѣ съ нимъ и все старое: печали, горе. Въ Новомъ Свѣтѣ мы начнемъ и новую жизнь. Благословляю мое богатство; оно избавитъ насъ отъ нужды и дастъ намъ возможность дѣлать добро, посвятить себя не безплодному служенію бѣдному ближнему. Скорѣй, скорѣй, мой другъ! О, съ какимъ нетерпѣніемъ я буду ждать вѣсти отъ тебя!

«*До свиданія*, милый, дорогой мой. Мысленно обнимаю и цѣлую тебя. Прощай, мое счастье, моя радость. Всѣ мои мысли, все мое существо занято только однимъ тобою. О, бѣдный, неужели моя любовь, мои строки не облегчатъ твоихъ страданій, не снимутъ съ твоей души безпричинныхъ угрызеній совѣсти? Ты не виноватъ, ни въ чемъ не виноватъ предо мною. Мое прощеніе тебѣ не нужно; мнѣ нечего прощать...

«Прощай-же, милый мой, и не забудь горячо любящую тебя жену и друга

«Иву».

— Боже, и это не сонъ?!—невольно вырвалось у меня, при послѣднихъ словахъ письма. Напрасно я старался сдерживать рыданія: я плакалъ, какъ ребенокъ. Мои громкія всхлипыванія, вздохи разбудили опять-было уснувшаго барона.

Digitized by Google

— Дмитрій Александровичъ! голубчикъ, успокойтесь, что съ вами? зачѣмъ такъ убиваться? мужества, мужества больше...

— Я не убиваюсь, баронъ. Я давно такъ не плакалъ: это слезы радости... О, добрая, святая женщина! и, прерываемый рыданіями, я сталъ было вслухъ читать письмо Ивы.

— Позвольте, Дмитрій Александровичъ! — остановилъ меня Гуаидзе.—Будьте благоразумны. Прошу васъ постараться сейчасъ-же успокоиться. Вы должны дать мнѣ обдуманный отвѣтъ на эти письма. Ужь свѣтаетъ, времени остается немного; а вамъ еще, полагаю, угодно будетъ поговорить со мной.

— Да, я успокоюсь... мнѣ нужно говорить съ вами... благодарю васъ... позвольте мнѣ только нѣсколько минутъ...

Я попросилъ барона дать мнѣ стаканъ воды. Гуаидзе, между тѣмъ, зажегъ спичку, о которую и сталъ сжигать взятыя имъ со стола оба письма. Я было хотѣлъ остановить его, когда онъ поднесъ къ спичкѣ французское письмо Ивы; мнѣ жаль было разстаться съ этими драгоцѣнными строками; но сознаніе необходимости быть осторожнымъ удержало меня. Я не способенъ былъ «обдумать», «обсудить» доводы Касимова. Письмо маркизы пробудило во мнѣ всю силу страстнаго къ ней чувства. Успокоившись нѣсколько, я объявилъ Гуаидзе о своемъ желаніи «вернуться» и просилъ его содѣйствія.

— Вамъ нѣтъ надобности меня просить, — отвѣтилъ онъ.— Я обязанъ содѣйствовать вамъ, потому что въ этомъ состоитъ моя миссія.—Итакъ, вамъ нужно бѣжать,—продолжалъ онъ по англійски.—Къ нашимъ услугамъ большая сумма денегъ, которою снабдила маркиза Касимова, именно для этой цѣли. Съ деньгами, полагаю, нетрудно будетъ устроить это бѣгство. Есть у васъ какой-нибудь планъ?

— Нѣтъ; я до сегодняшней ночи и не думалъ о побѣгѣ,— отвѣтилъ я.

— Въ такомъ случаѣ, познакомьте меня съ вашимъ настоящимъ положеніемъ, т. е., долго-ли вы здѣсь пробудете, куда васъ отсюда отправятъ, гдѣ находится ваше дѣло, каковы порядки надзора въ полицейскомъ домѣ, что за субъектъ здѣшній смотритель?

Digitized by Google

Давъ ему обстоятельный отвѣтъ на послѣдніе два вопроса, я долженъ былъ сказать, что еще до сихъ поръ и самъ не знаю ничего о ходѣ моего дѣла и куда меня отправятъ.

— Но это нужно узнать какъ можно скорѣй. Вы напишите завтра заявленіе прокурору и требуйте допроса. Итакъ, вы говорите, что смотритель — образцовый взяточникъ? — спросилъ онъ меня.

— Образцовый.

— Хвала аллаху, что на Руси взяточники еще не перевелись. Вамъ придется завтра-же воздать ему должное. — И Гуаидзе досталъ изъ-за сапога пачку кредитныхъ билетовъ. Отсчитавъ нѣсколько депозитокъ, онъ подалъ ихъ мнѣ.

— Вотъ вамъ пока 300 рублей. Смотрителю дадите, сколько найдете нужнымъ; только не далѣе, какъ завтра. Нужно дѣйствовать, мѣшкать нельзя; а то васъ еще, пожалуй, отправятъ въ тюрьму, запрутъ тамъ въ секретный нумеръ, и задача наша усложнится. Разъ смотритель *возьметъ*, онъ дастъ свиданіе съ вами. Вмѣсто черныхъ бакенбардъ,—рыжая борода, такой-же головной парикъ, и я явлюсь къ вамъ на свиданіе. Онъ, конечно, ни бельмеса не смыслитъ въ англійскомъ языкѣ, и мы будемъ имѣть возможность свободно разговаривать. Только повторяю: вы завтра-же должны *дать*, завтра-же написать прокурору, а послѣзавтра я явлюсь къ вамъ на свиданіе, то-же *поблагодарю* смотрителя и разузнаю кое-что. Вы ничего не имѣете возразить?— добавилъ онъ, полушутя.

— Ничего. Дѣлайте, что знаете, только выведите меня изъ тюрьмы, — отвѣтилъ я полусознательно. Я почти не слушалъ Гуаидзе. Я мысленно не переставалъ повторять слова письма маркизы: «ты не виноватъ... мнѣ нечего прощать... ты сталъ мнѣ еще дороже... мое счастье... моя радость».

— Я вижу, что вами овладѣли воспоминанія; это понятно,— сказалъ мнѣ Гуаидзе послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.—Не буду-же вамъ мѣшать и воспользуюсь двумя-тремя часами, чтобы соснуть. Если вы будете спать, когда я буду уходить, я васъ разбужу.—И Гуаидзе прилегъ на кровать.

Уже было свѣтлое утро, когда и я, одолѣваемый дремотой, оставилъ стулъ и также предался сну.

Digitized by Google

ГЛАВА X.

ВОЗДАЮ ЕГОРОВУ «ДОЛЖНОЕ» И ПОЛЬЗУЮСЬ ПЛОДАМИ ЭТОГО ВОЗДАЯНИЯ.

Прикосновеніемъ руки, Гуандзе заставилъ меня проснуться. Онъ стоялъ у моей кровати одѣтый въ шубу, видимо, готовый оставить камеру. Видъ его моментально освѣжилъ мою память, и я живо вспомнилъ обстоятельства моего ночнаго съ нимъ свиданія и содержаніе прочитанныхъ имъ писемъ.

— За мной, вѣроятно, сейчасъ придутъ, — сказалъ онъ мнѣ по англійски, садясь на рядомъ стоявшую кровать. — Могу я надѣяться, что вы сегодня-же объяснитесь съ смотрителемъ?

— Непремѣнно.

— Въ такомъ случаѣ, не забудьте, что завтра я явлюсь къ нему испрашивать свиданія съ вами. Знайте: что я вашъ слуга во всемъ, что касается вашего освобожденія. Все, что вы придумаете для этого, я постараюсь и, надѣюсь, съумѣю исполнить. Словомъ, прошу васъ совершенно довѣриться мнѣ. Да не забудьте еще написать прокурору. Намъ необходимо знать, долго-ли вы пробудете въ части. А, вотъ, и за мной пришли... Итакъ, до свиданія. Не унывайте, и, пожавъ мнѣ руку, Гуандзе послѣдовалъ за Савельевымъ, приглашавшимъ его пожаловать въ контору.

На столѣ шипѣлъ самоваръ. «Благородное» общество, какъ видно, давно уже бодрствовало. Глюмъ и Угровъ упитывали свои тучныя тѣла своими многочисленными «закусками». Давыдовичъ, съ своимъ чайникомъ и кружкой, занималъ, по обыкновенію, одинъ изъ подоконниковъ; баронъ и де-Трайль довольствовались,— вмѣсто завтрака и чая,—куреніемъ табаку 3-го сорта.

— Не думаете-ли вы и сегодня хандрить, Дмитрій Алексан-

Digitized by Google

дровичъ? Съ добрымъ утромъ! — первымъ поздоровался со мной баронъ, по уходѣ Гуаидзе.

— Нѣтъ, баронъ, сегодня нужно *дѣло* дѣлать, — отвѣтилъ я, одѣваясь.

— Ну, и очень радъ; а то, вѣдь, просто больно было смотрѣть на васъ.—А можно узнать, какого рода «дѣло» вы собираетесь дѣлать? — многозначительно улыбаясь, вдругъ, спросилъ меня баронъ по французски.

— Вамъ, я могу сказать; впрочемъ, послѣ...

Я торопливо одѣлся, наскоро умылся и попросилъ между тѣмъ отзавтракавшаго Глюма удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ, для чего и пригласилъ его въ корридоръ.

— Я васъ достаточно узналъ, Иванъ Ивановичъ, и потому больше не считаю нужнымъ притворяться передъ вами,—сказалъ я, удивленно смотрѣвшему на меня Глюму, по нѣмецки. — Вы, конечно, очень хорошо понимаете, почему мнѣ неудобно выставлять на видъ, что я имѣю деньги. Но съ вами, какъ я вижу, мнѣ нечего стѣсняться. Неправда-ли?

— О, конечно,—я это зналъ, я понимаю... я, знаете, практикъ: умѣю кое-что угадывать, — самодовольно отвѣтилъ Глюмъ, пожимая мнѣ обѣ руки.

— Такъ вотъ, Иванъ Ивановичъ; я бы хотѣлъ стать къ Егорову въ иныя отношенія. Вы сами дали мнѣ слово сблизить меня съ нимъ. Надѣюсь, что онъ будетъ вамъ въ особенности за это благодаренъ, такъ какъ безъ васъ я врядъ-ли рѣшился-бы ближе сойтись съ нимъ. Повѣрьте, что онъ останется доволенъ. Вы понимаете?... Мнѣ нужно кое съ нѣмъ видѣться...

— Будьте спокойны; Егоровъ за деньги все сдѣлаетъ. Это золотой человѣкъ.

— Въ такомъ случаѣ, прошу васъ, Иванъ Ивановичъ, сойдти внизъ, и теперь-же съ нимъ поговорить. Увѣрьте его, что онъ не будетъ въ накладѣ. Я черезъ часъ вызовусь къ нему, и, конечно, надѣюсь застать его въ конторѣ одного. Я тамъ объяснюсь съ нимъ, и, разумѣется, *дамъ*. Вы только предупредите его.

— Съ удовольствіемъ... сейчасъ-же... и Глюмъ, какъ-то особенно качая своей тыквообразной плѣшивой головой, подпрыгивая — вѣроятно, отъ радости, что можетъ сообщить Егорову

Digitized by Google

пріятную, быть можетъ, давно ждавшую вѣсть, — отправился въ контору.

Приказавъ «халдѣ» подогрѣть самоваръ, я попросилъ Угрова распорядиться послать для меня въ лавку, за чаемъ, сахаромъ и нѣкоторыми «закусками». Данный ему мною для этого двадцатипяти рублевый билетъ вызвалъ на лицѣ барона выраженіе наивнаго удивленія.

— Раздумали, видно, смухлевать?—замѣтилъ Угровъ, въ pendant барону, нисколько не удивленный моимъ «богатствомъ».

— Это послѣднія, — отвѣтилъ я, нисколько, однако, не стараясь придать своему голосу тонъ искренности.

Между тѣмъ, какъ Угровъ вышелъ изъ камеры «распорядиться», я взялъ барона подъ руку и въ полголоса завелъ слѣдующую бесѣду.

— Извольте, милѣйшій баронъ, я разскажу вамъ, что я собираюсь дѣлать,—началъ я. — Но прежде всего, одинъ вопросъ: что вы подумали, когда я передавалъ Угрову деньги? вы такъ странно на меня посмотрѣли.

Вопросъ мой, видимо, смутилъ барона; онъ слегка покраснѣлъ.

— Вы сами, Дмитрій Александровичъ, старались убѣдить меня, что у васъ нѣтъ денегъ. Послѣ того, что вы разсказали мнѣ о себѣ, я полагалъ, что хорошо васъ знаю. Понятно, что меня не могло не удивить такое видимое противорѣчіе между словомъ и дѣломъ, — нерѣшительно отвѣтилъ онъ мнѣ, послѣ продолжительнаго молчанія.

— *Удивленіе* я прочелъ на вашемъ лицѣ; но что вы *подумали* обо мнѣ?

— Я подумалъ только, что обращусь къ вамъ за разъясненіемъ моего недоумѣнія. Если не ошибаюсь, то, мнѣ кажется, что тутъ долженъ играть нѣкоторую роль господинъ, съ которымъ вы всю ночь просидѣли?

— Вы не ошибаетесь. Господинъ этотъ играетъ тутъ больше, чѣмъ «нѣкоторую» роль. Его появленіе заставило меня вдругъ рѣшиться нанести ударъ всему, что было мною достигнуто тромадными жертвами. Я еще самъ хорошенько не обдумалъ своего рѣшенія; но оно уже принято, и я привожу его въ исполненіе. Я чувствую себя бодрымъ, энергичнымъ; хотя, повторяю, я еще

Digitized by Google

не отдалъ себѣ сознательнаго отчета въ томъ, что вызвало эту а вно во мнѣ уснувшую энергію. Васъ, конечно, тѣмъ болѣе удивитъ мое рѣшеніе, что оно идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ, что я говорилъ вамъ. Однакожъ, я поступаю совершенно искренно. До минувшей ночи, я былъ убѣжденъ, что я навсегда порвалъ всѣ мои прошлыя связи, отношенія, я искренно вѣрилъ въ мое печальное будущее, и совершенно примирился съ мыслью о своей горькой долѣ. И вотъ, неожиданно нагрянувшее новое обстоятельство, и вся моя духовная жизнь со дня бѣгства изъ Брайтона, всѣ мои страданія, все, съ чѣмъ я примирился, во имя нравственной справедливости, словомъ—все дѣло моего нравственнаго возстановленія вызываютъ во мнѣ только сожалѣніе о напрасно потраченныхъ силахъ и желаніе вернуться назадъ. Натурѣ моей несвойственна замкнутость, и я, какъ нельзя болѣе, доволенъ, что нашелъ въ васъ симпатичную мнѣ личность, которой я могу надоѣдать своими душевными излияніями.

— Напрасно, Дмитрій Александровичъ,—поспѣшно перебилъ меня баронъ,—вы мнѣ доставляете большое удовольствіе,—это не фраза, повѣрьте мнѣ. Право, я питаю къ вамъ самыя дружескія чувства. Конечно, въ моемъ положеніи, предлагать свою дружбу...

— Благодарю васъ, баронъ. Я понимаю, что вы хотите сказать. Но мое положеніе нисколько не завиднѣе вашего, и потому мы можемъ смѣло предлагать другъ другу дружбу. Позвольте-жъ, я вамъ разскажу событія ночи. И я съ полною искренностью разсказалъ симпатичному мнѣ человѣку все, что произошло въ минувшую ночь.

Благоразуміе, конечно, требовало большей осторожности. Откровенность въ подобномъ дѣлѣ представляетъ не малый рискъ. Я и самъ, какъ нельзя болѣе, сознавалъ, что успѣхъ задуманнаго предпріятія зависитъ, главнымъ образомъ, отъ моей и Гуаидзе осторожности. Тѣмъ не менѣе, я не задумался все разсказать барону, съ которымъ я познакомился еще такъ недавно и, притомъ, при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ. Потребность дѣлиться своими мыслями въ тѣ минуты, когда я не подвергался припадкамъ меланхоліи, во мнѣ очень сильна. Баронъ Соте принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ, симпатичныхъ лицъ, которыя съ первой встрѣчи, съ первыхъ словъ, вселяютъ къ себѣ чувство довѣрія.

Digitized by Google

— Знаете что? — задумчиво произнесъ баронъ, когда я кончилъ свой разсказъ, — мнѣ кажется, что то, на что вы теперь рѣшились, — въ интересахъ Касимова, но не вашихъ.

— Положимъ, я и самъ не вѣрю въ бескорыстіе его, что-бы онъ тамъ ни говорилъ и ни писалъ; но и мой интересъ очевиденъ: я соединяюсь навсегда съ Ивой, чувство къ которой во мнѣ теперь еще сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Письмо ея открыло мнѣ ту рѣдкую, высокую степень благородства, возвышенности чувства и самопожертвованія, на которую я, при всей моей глубокой любви къ ней и уваженіи, не считалъ ее способною. Помилуйте! Пренебречь положеніемъ, родственными связями ради человѣка, больно или нехорошо, но все-же-таки, жестоко обманувшаго ее... Какая душа! Какъ должно быть сильно и пѣльно ея чувство ко мнѣ! О, баронъ! для такой женщины я на все готовъ. Мнѣ кажется, я не остановился-бы даже передъ преступленіемъ для того, чтобы получить возможность соединиться съ нею. И меня въ ту минуту, подъ вліяніемъ собственныхъ словъ, охватило такое жгучее, до такой степени крайне-страстное чувство глубокой любви къ маркизѣ, что, нѣтъ сомнѣнія, я-бы не задумался обратить слово въ дѣло.

— Какъ-бы то ни было, но участье въ этомъ дѣлѣ Касимова, имѣющаго до сихъ поръ доступъ къ маркизѣ, нами-же предупрежденной о его неблагонадежности, крайне подозрительно; и мнѣ кажется, что вы слишкомъ поспѣшно рѣшились на такой важный шагъ, — мягко замѣтилъ мнѣ баронъ. — Препятствіемъ къ вашему соединенію съ маркизой являлась степень прочности ея чувства къ вамъ; а какъ скоро вы убѣдились, что чувство это нисколько не пострадало отъ вашего самозванства, вамъ нечего опасаться разлуки съ нею. Хотите, Дмитрій Александровичъ, знать, какъ-бы я поступилъ на вашемъ мѣстѣ? Ради того, чтобы избавиться навсегда отъ фальшиваго положенія, я-бы никоимъ образомъ не рѣшился на бѣгство. Какой можетъ быть самый худшій исходъ вашего дѣла?

— Думаю, что самое большее, въ чему меня могутъ приговорить, это — ссылка на житье въ Сибирь, — отвѣтилъ я.

— Сибирь, или Америка, полагаю, для васъ все равно; лишь бы не разлучаться съ маркизой. Поле, для осуществленія ея филантропическихъ плановъ, конечно, и въ Сибири не меньше.

Digitized by Google

«Страждущее» человѣчество — всюду; а въ Сибири, пожалуй, еще больше, чѣмъ гдѣ-либо. Я хочу сказать, что то, что маркиза думаетъ наполнить свою совмѣстную жизнь съ вами, обоюднымъ служеніемъ ближнему, — вполнѣ приложимо и къ Сибири. Не лучше-ли запастись на нѣкоторое время терпѣніемъ, дождаться суда надъ собой, и ужь, затѣмъ, явно соединиться навсегда съ столь горячо любимою вами женой? Тогда, вы можете смѣло глядѣть на Божій міръ, у васъ не будетъ непризнанной тайны, положеніе ваше не будетъ фальшиво. Средства маркизы откроютъ вамъ широкое поприще дѣятельности, и будущее представляется мнѣ завиднымъ. Судя по содержанію письма маркизы, съ которымъ вы меня только что познакомили, нѣтъ сомнѣнія, что она не задумается теперь-же пріѣхать сюда, и здѣсь, вблизи отъ васъ, дожидаться приговора суда надъ вами. Я, по крайней мѣрѣ, поступилъ-бы именно такъ, къ тому-же, это избавило-бы меня отъ такого опаснаго друга, какъ Касимовъ. Право, я очень хочу, отъ души желаю, чтобы вы приняли мой совѣтъ; только на его сторонѣ не пошлое будущее...

— Г. Карасевъ! пожалуйте, васъ смотритель проситъ въ контору,—вдругъ прервалъ рѣчь барона неожиданно появившійся въ камерѣ Савельевъ.

— Да, да, ступайте, живо; онъ васъ ждетъ!—многозначительно подтвердилъ одновременно вошедшій Глюмъ.

— Проговоривъ въ отвѣтъ Савельеву: «сейчасъ, подождите минутку», я попросилъ барона продолжать свою прерванную рѣчь. Не отличаясь особенной убѣдительностью доводовъ, она, однако, произвела во мнѣ сенсацію. Слушая ее, я въ то-же время, въ первый разъ, сталъ мысленно обсуждать разумность принятаго мною рѣшенія. Основательность совѣта барона была для меня очевидна. Что-бы ни писалъ Касимовъ, какъ-бы его доводы ни были убѣдительны и, повидимому, основательны, они, все-таки, не могли не вступить во мнѣ недовѣріе къ нему, такъ сказать, инстинктивную боязь. Я былъ убѣжденъ не менѣе барона, не смотря на отсутствіе видимыхъ поводовъ, что, способствуя моему побѣгу, Касимовъ преслѣдуетъ исключительно личную цѣль: я ему на что-нибудь нуженъ. Наконецъ, я не могъ не сознавать тягость неизбѣжнаго, въ случаѣ бѣгства изъ тюрьмы, фальшиваго положенія.

Digitized by Google

— Благодарю васъ, баронъ, за вашъ истинно-дружескій совѣтъ,—сказалъ я.—Онъ совершенно основателенъ, но слѣдовать ему я, однакожъ, не рѣшаюсь. День суда слишкомъ далекъ. До сихъ поръ, я еще не допрошенъ. Дѣло можетъ продлиться, по меньшей мѣрѣ, годъ. Не говоря уже о томъ, что я не могу добровольно отложить на такое продолжительное время соединеніе съ Ивой, одно воспоминаніе о которой возбуждаетъ во мнѣ сильнѣйшую агитацію, во мнѣ не хватитъ терпѣнія, того желѣзнаго терпѣнія, той силы характера, которыя необходимы при такомъ долгомъ заключеніи. То, что я вынесъ въ это короткое время, заставляетъ меня страшиться возможности провести цѣлый годъ въ тюрьмахъ. Я знаю, вы скажете, что, съ деньгами, я могу избѣжать всѣхъ непріятностей, которыя обыкновенно выпадаютъ на долю бѣдняка-арестанта; это такъ, я съ вами согласенъ. Но развѣ, именно, такая застрахована—необходимость подкупать, льстить негодяю, вознаграждать, или что все равно—поощрять эту подлость, развѣ это не нравственная пытка? Нѣтъ, баронъ, я не хочу себя больше продавать, васкировать. Взятка, которую я дамъ Егорову, первая и послѣдняя. Что тамъ ни будетъ, но я буду вмѣстѣ съ женою. Сношенія съ Касимовымъ я постараюсь прервать, постараюсь даже скрыть отъ него свое мѣстопребываніе. Что-же касается до неизбѣжнаго фальшиваго положенія, то тягость его будетъ значительно облегчена присутствіемъ Ивы, и при томъ надѣюсь, что нашъ образъ жизни дастъ намъ черезъ нѣкоторое время возможность уничтожить эту фальшивость, не опасаясь дурныхъ послѣдствій. Словомъ, баронъ, залогъ моего счастья въ любви Ивы, и я не измѣню своему рѣшенію, которое обѣщаетъ меня скоро соединить съ нею. — Быть можетъ, я-бы еще долго продолжалъ вслухъ мыслить, если-бы Савельевъ, на этотъ разъ довольно внушительно, не напомнилъ мнѣ, что меня ждутъ.

— Дѣлать, видно, нечего. Начинается первый актъ комедіи. Пожелайте-жъ мнѣ успѣха,—сказалъ я одновременно и себѣ, и барону, послѣдовавъ за Савельевымъ «внизъ».

Заданный себѣ вопросъ: «сколько *дать*», я разрѣшилъ, идя въ контору, на основаніи того, что мнѣ было извѣстно о Егоровѣ. Я зналъ, что онъ нетолько *сильной*, но и *зеленькой* не пренебрегаетъ; что для сохраненія его расположенія лучше давать

Digitized by Google

поменьше, но чаще, нежели рѣдко, хотя и большую сумму. Въ виду этого, я и рѣшилъ, что двадцать пять рублей, для Егорова, взятка весьма приличная, тѣмъ болѣе, что ее придется нѣсколько разъ повторить. Къ счастью, данные мнѣ Гуаидве 300 рублей заключались именно въ 25-ти рублевыхъ билетахъ; одинъ такой билетъ я и приготовилъ въ правой рукѣ.

Какъ и слѣдовало ожидать, въ конторѣ, кромѣ Егорова, никого не было.

— Здравствуйте, г. Карасевъ! — привѣтствовалъ онъ меня подчѣркнуто-ласковымъ голосомъ; и, указывая мнѣ на табуретъ, любезно добавилъ: «не угодно-ли садиться?»

Строгое «пошолъ въ казармы!» избавило насъ отъ присутствія третьяго лица—Савельева.

— Иванъ Ивановичъ передалъ мнѣ, что вамъ угодно говорить со мной?—ободряюще началъ Егоровъ.

— Да. Онъ вамъ, конечно, также передалъ и сущность того, о чемъ я хочу говорить. Я вижу, monsieur Егоровъ, что вы, къ сожалѣнію, меня совершенно не поняли. Карточка помощника смотрителя тюрьмы васъ предупредила, и съ перваго же моего шага въ полицейскомъ домѣ, возстановила противъ меня. Благодаря этому, я вынесъ нѣсколько непріятностей, которыхъ, я увѣренъ, я-бы избѣжалъ, еслибы вы не были предубѣждены противъ меня.

— Совершенно вѣрно-съ,—замѣтилъ видимо смущенный Егоровъ.

— Мнѣ предстоитъ еще, конечно, не малое время пробыть въ этомъ домѣ и, естественно, мнѣ-бы хотѣлось, чтобы мы поняли другъ друга. Мнѣ необходимо ваше расположеніе для того, чтобы хоть нѣсколько облегчить тягость заключенія. Я надѣюсь, что вы не откажетесь сдѣлать для меня то, что вы, напримѣръ, дѣлаете для Ивана Ивановича... Позвольте!—остановилъ я его, замѣтивъ, что онъ намѣренъ сдѣлать возраженіе. Повѣрьте мнѣ, что я съумѣю быть столько-же, если еще не болѣе, благодарнымъ, какъ и Иванъ Ивановичъ.

При моихъ послѣднихъ словахъ, Егоровъ какъ-то отвратительно съежился. Лицо его вдругъ приняло необыкновенно слащавое, крайне гадкое выраженіе.

Digitized by Google

— Помилуйте,—произнесъ онъ,—я никогда не прочь сдѣлать все, что отъ меня зависитъ, если только знаю, что я это дѣлаю для *достойнаго* человѣка. Спросите Ивана Ивановича, онъ вамъ это подтвердитъ. Меня дѣйствительно очень возстановили противъ васъ, и прошу извинить меня, если я, не зная васъ, обошелся съ вами, какъ обходятся съ заурядными *арестованными*. Вѣдь право трудно узнать...

— Я нисколько не въ претензіи на васъ,—поспѣшилъ я его успокоить.—Позвольте мнѣ надѣяться, что съ сегодняшняго дня вы будете ко мнѣ иначе относиться. Въ *благодарности* моей не сомнѣвайтесь. Не откажите теперь-же принять отъ меня, на первое время, эту *бездѣлицу*, и я подалъ Егорову въ четверо сложенный, двадцати-пяти рублевый кредитный билетъ, который онъ и не замедлилъ сунуть въ карманъ, предварительно, заѣтно освидѣтельствовавъ взглядомъ достоинство депозитки.

— Благодарю васъ, Дмитрій... виноватъ, какъ васъ?... да, Дмитрій Александровичъ, благодарю васъ! — съ своего рода достоинствомъ, произнесъ Егоровъ, въ первый разъ протягивая мнѣ свою «начальническую руку», которую я, разумѣется, не преминулъ почтительно потрясти.

Приходъ околоточнаго положилъ конецъ нашей интимной бесѣдѣ.

— Позвольте мнѣ написать прокурору прошеніе,—сказалъ я, вспомнивъ совѣтъ Гуаидзе.

— Сдѣлайте одолженіе,—былъ отвѣтъ. И смотритель снабдилъ меня листомъ бумаги. Уходя вслѣдъ затѣмъ изъ конторы, Егоровъ, къ немалому удивленію околоточнаго, протянулъ мнѣ руку, произнеся: «До свиданія, Дмитрій Александровичъ»...

Написанное мною прошеніе не было особенно длинно; оно было слѣдующаго содержанія:

«Господину прокурору N—скаго окружнаго суда
отставнаго юнкера Дмитрія Александрова Карасева
Прошеніе.

«Будучи арестованъ еще 17 октября, я, до сихъ поръ, не только не имѣю свѣдѣній о томъ, гдѣ находится слѣдственное обо мнѣ дѣло, но и не знаю даже сущности обвиненія, послужившаго поводомъ къ моему аресту, такъ какъ не былъ ни разу допрошенъ. Вопреки 431 ст. уст. угол. суд., постановленіе о

Digitized by Google

взятіи меня подъ стражу мнѣ не только не было объявлено до истеченія *сутокъ* отъ времени задержанія меня, но и до сихъ поръ остается мнѣ неизвѣстнымъ. Вслѣдствіе чего, имѣю честь покорнѣйше просить ваше высокородіе не замедлить объявленіемъ мнѣ: гдѣ находится слѣдственное обо мнѣ дѣло и когда именно я буду допрошенъ. Ноября 30 дня 1874 года.

«Д. А. Карасевъ.»

— Пожалуйста, отправьте сегодня-же къ прокурору, — обратилося я къ околочному, подавая ему свое прошеніе.

— Непремѣнно-съ! — отвѣтилъ онъ мнѣ, кланяясь. — Разъ я далъ *смотрителю*, «справедливость» обязывала дать и его *помощнику*. Но у меня не было приличной его небольшому ранту депозитки, и я искренно пожалѣлъ, что, уйдя изъ камеры, не успѣлъ получить отъ Угрова сдачи. Я оставилъ контору, намѣреваясь посѣтить ее въ тотъ-же день еще разъ, для врученія околоточному «должнаго».

— Ну что? сошлися? — плутовато улыбаясь, встрѣтилъ меня Глюмъ.

— Какъ нельзя лучше,—отвѣтилъ я,—благодарю васъ.

— Вы увидите, это превосходный человѣкъ, главное: у него нѣтъ ничего невозможнаго.

Отвращеніе къ личности «превосходнаго человѣка», послѣ моей интимной съ нимъ бесѣды, достигло крайней степени. Слова Глюма вызвали во мнѣ ту легкую дрожь, которую обыкновенно испытываешь при видѣ крайне уродливаго пресмыкающагося и вообще чего-нибудь необыкновенно гадкаго, мерзкаго... Я былъ очень радъ, что могъ дѣлиться своими мыслями съ барономъ, на непонятномъ Глюму и прочимъ моимъ сожителямъ, французскомъ языкѣ.

— Боже мой, какая отвратительная личность этотъ Егоровъ!— сказалъ я, обращаясь къ барону.— При видѣ такого нравственнаго урода, невольно закрадывается въ душу чувство гордости. Право, разговаривая съ нимъ, я не могъ отдѣлаться отъ крайней къ нему брезгливости и сознанія своего нравственнаго превосходства. Такъ что такимъ людямъ, какъ я, пожалуй, и необходимо встрѣчаться съ такими личностями. Такія встрѣчи, въ своемъ родѣ, какъ-бы даютъ силу, ободряютъ, спасаютъ отъ отчаянія.

Digitized by Google

— Будетъ вамъ тамъ, князь, орапцузить! Садитесь-на чай пить! — перебилъ меня Угровъ, подавая мнѣ при этомъ сдачи съ 25-ти рублеваго билета. На столѣ, кромѣ подогрѣтаго «халуемъ», собственно для меня, самовара, находилось также и множество закусокъ, купленныхъ Угровымъ, по моей просьбѣ. Баронъ не отказался присоединиться къ моему завтраку, и тѣмъ доставилъ мнѣ не малое удовольствіе.

— Нѣтъ, Дмитрій Александровичъ, вы плохой товарищъ. Я уже и въ самомъ дѣлѣ было думалъ, что пріобрѣлъ въ васъ компаніона, и вдругъ что-же оказывается? — сказалъ онъ мнѣ, смѣясь, показывая на елисеевскія закуски. Быстрота, съ какою онѣ нами уничтожались, свидѣтельствуя о нашемъ неумительномъ аппетитѣ, слѣдствіи «баронскаго *стола*», какъ нельзя лучше оправдывала мое, впрочемъ, неумышленное отступничество.

Случилось такъ, что, послѣ завтрака, всѣ мои сожители, за исключеніемъ барона, разбрелись, кто куда: Глюмъ — къ своей Амаліи Карловнѣ, Угровъ — также на свиданіе, де-Трайль — къ слѣдователю, Давыдовичъ—въ мировой съѣздъ. Почти цѣлый день мы оставались вдвоемъ. Баронъ, который крайне не симпатизировалъ задуманному мною предпріятію, воспользовался этимъ tête-à-tête, чтобы убѣдить меня отказаться отъ побѣга. Твердо рѣшившись не поддаваться никакимъ убѣжденіямъ, какъ-бы правдивы они ни были, я, однакожь, съ удовольствіемъ слушалъ горячіе монологи барона. Мнѣ было пріятно убѣдиться въ его симпатіи, въ расположеніи, которымъ дышало каждое его слово.

— Вы ничего не возражаете, молчите; слѣдовательно, вы согласны со мною? я надѣялся, что вы согласитесь,— радостно закончилъ баронъ свой послѣдній монологъ. Крѣпко пожавъ ему руку, я твердо отвѣтилъ:

— Мое рѣшеніе неизмѣнно. Все, что вы мнѣ говорили, очень убѣдительно, я совершенно согласенъ съ вашими доводами и, тѣмъ не менѣе, я докончу то, что началъ сегодня. Не называйте это, баронъ, сумасбродствомъ. Я подчиняюсь честному, глубокому чувству, чувству совершенно мною овладѣвшему. Въ будущее я не заглядываю далѣе свиданія съ женой. Пожелайте мнѣ успѣха, и не будемте больше объ этомъ говорить. Поговоримъ, баронъ, о васъ.

Баронъ махнулъ рукой.

Digitized by Google

— Что обо мнѣ говорить! Моя пѣсня спѣта. Сошлютъ въ какую-нибудь отдаленную губернію, буду цѣлую жизнь биться изъ-за куска хлѣба... Надѣюсь, впрочемъ, никого не обременятъ своей безполезной особой,—гордо добавилъ онъ.

— Если *ваша* пѣсня спѣта, то *моя* и подавно,— возразилъ я.—А, между тѣмъ, я еще не потерялъ надежды.

— А что вамъ даетъ *эту надежду*? — вызывающе спросилъ онъ меня. — Развѣ вы *на себя*, на *свои* силы надѣетесь? Вы надѣетесь, потому что *любите*. Ваша сила именно въ этой любви. Конечно, и эта сила была-бы отрицательнаго достоинства, если-бы вы не были также и взаимно любимы. Но вы любимы; любимы достойной женщиной... И въ этомъ—ваше счастье. На мою долю не выпало ничего подобнаго. Во всемъ мірѣ нѣтъ существа, которому я былъ-бы истинно близокъ, дорогъ. Вы счастливы, и были счастливѣе меня. Жизнь дала вамъ много отрадныхъ часовъ. Вы знали дружбу, знали и знаете любовь. Вамъ знакомъ голосъ чувства... Какое-же можетъ быть сравненіе между моимъ и вашимъ положеніями? Потерянъ право вносить въ общество свою долю честной гражданской дѣятельности, потерянъ право активно участвовать въ общей жизни, я, къ моему несчастью, не могу, подобно вамъ, искать утѣшенія въ *личномъ* счастьи; и оно мнѣ недоступно.

— Извините мой вопросъ: вы не раскаиваетесь, что отвергли предложеніе З.?—спросилъ я барона.

— Я не *долженъ* раскаиваться,—отвѣтилъ онъ мнѣ, съ оттѣнкомъ гордости въ лицѣ, особенно ударяя на словахъ «не долженъ».

— Я, однако, не понимаю въ васъ, баронъ, этой ложной гордости. Вы сами сознались, что эта красивая женщина возбудила въ васъ съ первыхъ словъ сильную симпатію, что въ разговорѣ своемъ она обнаружила развитый умъ; развѣ она не могла-бы составить вашего счастья?

— Никогда! — горячо возразилъ баронъ. — Я могу любить только того, кого искренно уважаю; а уважать ее я могъ только до сцены съ З., обнаружившей всю нравственную негодность личности, вздумавшей купить меня въ мужья себѣ. Можно мириться съ дурнымъ прошлымъ, если оно замѣнилось нравственнымъ настоящимъ. Предложеніе-же З., о которомъ она не могла не знать, свидѣтельствовало объ отсутствіи въ ней свойственной всякой,

Digitized by Google

болѣе или менѣе, порядочной женщинѣ стыдливости; очевидно, послѣ этого, я могъ питать къ ней только презрѣніе. Поддаться-же гнетущимъ обстоятельствамъ и, ради пріобрѣтенія довольства, потерять право даже на собственное уваженіе на это я неспособенъ. И *вы* развѣ не поступили-бы въ подобномъ случаѣ такъ-же, какъ я?—озадачилъ онъ меня вдругъ вопросомъ. Съ минуту я молчалъ, отыскивая въ себѣ сознательный, вѣрный отвѣтъ на вопросъ, котораго я до этого ни разу не задавалъ себѣ.

— Какъ я вижу, баронъ, вы составили себѣ обо мнѣ крайне невѣрное мнѣніе. Я слишкомъ палъ, чтобы сильно возмущаться предложеніемъ З. Вполнѣ сознавая всю его неблаговидность, я, тѣмъ не менѣе, врядъ-ли бы его отвергъ, если-бы дѣло шло объ избавленіи меня отъ всемогущей нужды, убивающей все честное и святое. Въ вашемъ положеніи, я не преминулъ бы жениться на той особѣ, и нисколько не отчаивался-бы въ возможности жить счастливо. Я отвѣтилъ вамъ совершенно искренно.

— Да? хотѣлось-бы мнѣ не вѣрить вамъ. Не сомнѣваюсь, однако, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вы, конечно, не сдѣлали-бы этого.

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ? Да, навѣрное не сдѣлалъ-бы и поступилъ-бы, конечно, очень неразумно, доказалъ-бы только свою неврѣлость, свое незнакомство съ жизнью.

— Не спорю, впрочемъ, что я поступилъ *непрактично*. Прими я предложеніе З., я, конечно, простился-бы навсегда съ бѣдностью; жена моя имѣла-бы вліятельнаго и богатаго покровителя, который, конечно, не отказался-бы вознаграждать мое благоразуміе. Очень можетъ быть, что, по его милости, я пріобрѣлъ-бы право на государственную службу, на чужое уваженіе... Но я поступилъ-бы *нечестно*, подло. Нѣтъ, Дмитрій Александровичъ, увѣряю васъ, что я не распаиваюсь. Обратиться къ ремеслу проститутки, хотя и тайной, слишкомъ недостойно всякаго маломальски уважающаго въ себѣ свое человѣческое достоинство. Можетъ быть, подъ вліяніемъ испытаннаго вами въ жизни, вы и не отвергли-бы предложенія З.; но я не повѣрю, чтобы вы внутренно могли въ послѣдствіи искренно примириться съ этимъ фактомъ. Вы были-бы вѣчнымъ мученикомъ. Разумѣется, говоря это, я имѣю въ виду васъ въ *настоящее* время. Вы не безнравственный человѣкъ... Я въ этомъ убѣжденъ.

Digitized by Google

Слова барона, сознаюсь, пріятно щекотали мое самолюбіе. «Онъ не умѣетъ врать»,—говорилъ я себѣ мысленно.—«Если онъ это говоритъ, то значитъ, что я дѣйствительно произвелъ на него такое впечатлѣніе. А я съ нимъ нисколько не притворялся... Не слѣдуетъ-ли изъ этого, что я и въ самомъ дѣлѣ не дурной человѣкъ?»—Я готовъ былъ обнять его.

— Утверждать, что ваше убѣжденіе вѣрно, я не рѣшаюсь, но, во всякомъ случаѣ, оно мнѣ очень пріятно. Могу, впрочемъ, сказать при этомъ, что *стремленіе* къ нравственной жизни во мнѣ сильно. Мы, кажется, предложили другъ другу дружбу? Серьезно, баронъ, наши дороги, въ настоящее время, правда, совершенно противуположны. Но все-же, можетъ случиться, что мы еще встрѣтимся въ жизни и будемъ имѣть свѣдѣнія другъ о другѣ. Я, по крайней мѣрѣ, гдѣ-бы я ни былъ, воспользуюсь первымъ случайнымъ или не случайнымъ извѣстіемъ о васъ, чтобы завязать съ вами непрерывную переписку.

— Я уже просилъ васъ объ этомъ,—радостно отвѣтилъ мнѣ баронъ.— Переписка съ вами доставитъ мнѣ искренное удовольствіе, потому что внесетъ новый элементъ—дружбу,—въ мою одинокую, всѣмъ чуждую жизнь. Мнѣ будетъ, конечно, пріятно, хоть такимъ образомъ пользоваться вашей дружбою. Мнѣ предстоитъ несомнѣнно бѣдственнѣйшая жизнь, и мнѣ кажется, что задушевная бесѣда съ вами, хотя и письменная, будетъ служить мнѣ при такой жизни не малымъ подкрѣпленіемъ. Только вотъ бѣда: найдутся-ли у меня въ извѣстное время для отсылки письма десять копѣекъ?—смѣясь особеннымъ, такъ сказать, грустнымъ смѣхомъ, произнесъ баронъ.

— Ну, эта-то бѣда еще поправима; а вотъ какъ-бы намъ устроить, чтобы мы знали адресъ другъ друга?

Напрасно, однако, мы ломали себѣ головы, отыскивая способъ къ возможности переписываться. Мой предстоящій побѣгъ и неизвѣстность ожидающей барона участи, т. е., куда, именно, онъ будетъ отправленъ, дѣлали несбыточною мысль о перепискѣ, по крайней мѣрѣ, въ скоромъ времени.

— Подождемъ!—рѣшилъ я,—можетъ быть, Гуаидзе поможетъ намъ въ этомъ случаѣ?

Ссылаясь на право «друга», я потребовалъ отъ барона согласія пользоваться моимъ случайнымъ достаткомъ. Онъ не только

Digitized by Google

не выказалъ обыкновенной щепетильности, но, напротивъ, искренно сознался, что черный хлѣбъ и 1/4 фунта колбасы съ чеснокомъ ему порядочно надоѣли и что физическій организмъ его настоятельно требуетъ болѣе питательной пищи. До самаго прихода Глюма, что было ужь часовъ въ шесть вечера, мы не переставали бесѣдовать, словомъ, — сблизились, какъ нельзя лучше. Я чувствовалъ какое-то безотчетное, нисколько не оправдываемое обстоятельствами, довольство. Меня посѣтило столь давно ужь не испытываемое свѣтлое настроеніе духа. Вкусный обѣдъ «изъ гостинницы», принесенный Савельевымъ, котораго замѣтно удивила моя неожиданная щедрость, выразившаяся, какъ въ посылкѣ за *двумя* обѣдами (для себя и барона), такъ и въ предложеніи оставить въ свою пользу четвертакъ «на чай», — еще болѣе расположилъ меня къ благодушеству.

— Великая просьба, Иванъ Ивановичъ, обратился я къ Глюму. — У меня явилась фантазія отпраздновать мое сближеніе съ вашимъ пріятелемъ, Егоровымъ: бутылка, другая порядочнаго вина, въ настоящую минуту, право, не дурная-бы вещь.

— За чѣмъ-же дѣло стало? прикажете распорядиться?... съ удовольствіемъ. — Глюмъ на четверть часа исчезаетъ и возвращается съ желаемымъ.

— На всякій случай, я захватилъ три бутылочки, — заявилъ догадливый «благодѣтель».—Я полюбопытствалъ узнать, сколько стоитъ «запретный плодъ».

Я, не безъ основанія, полагалъ, что и въ полицейскомъ домѣ, подобно тюрьмѣ, имѣется что-нибудь въ родѣ конфиденціальной таксы на извѣстнаго рода продукты, предусмотрѣнные нѣкоторыми статьями уст. о сод. подъ страж. Отвѣтъ послѣдовалъ на ухо:—«Вѣдь я ето у *него* беру; онъ обижается, если помимо его достанешь... Лишній полтинникъ на бутылку... Знаете, нельзя-же? А онъ догадался, что это для васъ».—Пришлось отдать справедливость *его*, т. е. Егорова, изобрѣтательности: все-же-таки, статья дохода, какъ-бы она ни была незначительна.

Когда, черезъ нѣсколько дней, въ интимной бесѣдѣ съ Егоровымъ, разговоръ коснулся этого обстоятельства, онъ довольно серьезно принялся доказывать, что нѣтъ ничего противузаконнаго въ томъ, что онъ иногда, по своему усмотрѣнію, разрѣ-

Digitized by Google

шаетъ арестованному употребленіе вина, получая таковое отъ него, смотрителя.

— Не угодно-ли вамъ посмотрѣть въ законъ?—говорилъ мнѣ Егоровъ, предъявляя XIV томъ Свода Законовъ. — Вотъ вамъ 218 ст. уст. о сод. подъ стражей, читайте... вотъ 130 параграфъ инструкціи смотрителю, приложенной къ 96 статьѣ тогоже устава; всюду говорится, что смотритель наблюдаетъ, чтобы вино, табакъ и проч. не было проносимо *стражей*; но, чтобы самъ смотритель не имѣлъ права давать арестованному вина, этого вы нигдѣ въ законѣ не найдете. Я, прежде всего, — строгій формалистъ, и понимаю законъ *буквально*, не позволяя себѣ никакихъ толкованій.

Отсутствовавшее общество собралось, между тѣмъ, и, понятно, также не отказалось отвѣдать запрещенной влаги.

— Жисть господамъ! право... Имъ и въ тюрьмѣ воля; не то, что нашему брату! — сопровождая свои слова глубокимъ вздохомъ, громко говорилъ кто-то за дверью.

— На-то они и господа; ты-бы еще хотѣлъ, чтобы и тебя, сѣраго мужика, сравняли съ благородными? Нечего тутъ валандаться, ступай на мѣсто!—строго отвѣтилъ ему голосъ, очевидно, полицейскаго служителя.

«Господа», между тѣмъ, усердно угощались; разговоръ становился все болѣе и болѣе оживленнѣе; тостъ слѣдовалъ за тостомъ; не забыли вспомнить добрымъ словомъ и весельчака Николаева. Даже Глюмъ, надъ которымъ Николаевъ обыкновенно такъ издѣвался, выразился о немъ, что это «славный малый», и что «жалко, что его теперь нѣтъ съ нами: отмочилъ-бы что-нибудь!» — Смѣхъ, веселый говоръ, стукъ рюмокъ, тосты, значеніе которыхъ понятно и для «сѣренькаго»,—все это, ясно доносясь до близкихъ сосѣдей, «мировыхъ», надо полагать, наэлектризовало *ихъ*. Раздалась веселая разгульная пѣсня десятка здоровыхъ грубыхъ голосовъ, пѣсня, которую, въ свою очередь, подхватили и бывшіе мои сожители, несчастные «слѣдственные». Мы вышли въ коридоръ. Видимо растерявшійся «стражъ» метался по коридору, какъ угорѣлый.

— А, такъ вы бунтовать, с—ны дѣти! Перестать! молчать, говорятъ! Озорничать! Карцера захотѣли? Кандаловъ? Ахъ, вы, окаянные!... Перестаньте, братцы! — вдругъ переходилъ онъ отъ

Digitized by Google

угрозъ къ мольбѣ. — Вѣдь, и мнѣ достанется за васъ. Смотритель, не дай Богъ, услышитъ, прибѣжитъ, бѣда будетъ.

Арестанты, однако, не обращали на него вниманія и продолжали пѣть, или, вѣрнѣе, кричать, «кто во что горазда». Только «мировой староста» произнесъ, въ видѣ утѣшенія: «Оставь, Гаврилычъ, потѣшимся и перестанемъ». Но вотъ, кто-то затянулъ полную грусти и безысходнаго горя, популярную въ тюремномъ мірѣ арестантскую пѣсню: «Ночь тиха, лови минуты». Крикъ и шумъ прекратились сами собой. Грустный мотивъ раздавшейся пѣсни словно переродилъ несчастныхъ, находя живой отголосокъ въ ихъ сердцахъ. «На слѣдственной» тихо запѣли: «Не слышно шума городскаго»... Стражъ начиналъ было успокоиваться, какъ вдругъ на лѣстницѣ послышались шаги и въ корридорѣ показался околоточный.

— Что у тебя здѣсь за шумъ? Орутъ пѣсни такъ, что на всю улицу слышно! Для чего-жь ты-то сюда поставленъ?—набросился онъ на совершенно растерявшагося «стража».

— Я, ваше благородіе... говорилъ... *ругалъ*... не слушаютъ.

— Дуракъ! — Ахъ, извините, я и не вижу васъ. Здравствуйте!—и, замѣтивъ насъ, околоточный сталъ протягивать каждому изъ насъ, по-очередно, руку.

Въ камерахъ, между тѣмъ, лишь только въ корридорѣ раздался голосъ околоточнаго, словно все замерло: ни одного звука.

— Кто тутъ пѣлъ?—добивался околоточный, входя къ «мировымъ» и «слѣдственнымъ».

— Мы и говорить-то вслухъ боимся, не то што пѣть! Помилуйте-съ!—говорили въ одинъ голосъ «одни». — Какъ передъ Богомъ, ваше благородіе... напраслина; это, можетъ, во второмъ этажѣ, — отвѣчали «другіе».

— Выведи сюда, кто тамъ пѣлъ?—приказалъ онъ стражу.

— Они всѣ-съ пѣли,—нѣсколько ободрившись, отвѣчалъ тотъ.

— Всѣ? хорошо; я доложу смотрителю. А ты рта не разѣвай, замѣтилъ кого, и тащи въ контору,—внушилъ ему околоточный.

Войдя въ нашу камеру, онъ остановился въ притворномъ изумленіи передъ столомъ, на которомъ стояли пустыя бутылки и недопитыя рюмки съ виномъ.

— Что это, господа? Откуда вы это достали? Ну, какъ вы

Digitized by Google

такъ неосторожно... Вдругъ, кто-нибудь нагрянетъ?... да и смотритель можетъ войти.

Такъ какъ «общество» было на-веселѣ и самъ Глюмъ былъ «въ градусѣ» (его собственное выраженіе), то неудивительно, что замѣчаніе помощника Егорова, и особенно слова: «смотритель можетъ войти», были встрѣчены общимъ хохотомъ.

— Полноте чудить, Павелъ Алексѣевичъ! Все свои, вѣдь, люди; вотъ и князь послушалъ меня и сегодня поладилъ съ смотрителемъ... А что, господа,—обратился Глюмъ собственно ко мнѣ и къ Угрову, — не мѣшало-бы еще бутылочки три? Ужь кутить, такъ кутить! Прикажете, что-ли?

— Нѣтъ ужь, Иванъ Ивановичъ, позвольте прежде мнѣ уйдти; а то *неловко*, знаете... произнесъ околоточный, поднимаясь со стула.

— Нечего тутъ неловко! какого чорта вы боитесь? Хотите, такъ и Егоровъ сюда придетъ, да еще и самъ вина принесетъ... Сидите, Павелъ Алексѣевичъ, вѣдь, все равно, не пущу... Такъ какъ-же, господа?—настаивалъ Глюмъ.

— Да чего тутъ спрашивать? доставайте, милѣйшій Иванъ Ивановичъ, и мы вамъ будемъ очень благодарны,—рѣшилъ я.

— Сейчасъ, сію минуту... Не пускайте-жь Павла Алексѣевича! — А дома *онъ?* — спросилъ Глюмъ на ходу околоточнаго, нѣсколько понизивъ голосъ.

— Кажется, дома,—отвѣтилъ тотъ, замѣтно конфузясь.

Глюмъ отправился «доставать». Нельзя было не замѣтить, что наше не тюремное поведеніе было не по душѣ околоточному. Онъ не только не раздѣлялъ нашего увлеченія, но и выраженіе его лица, принявшаго необыкновенно кислый, недовольный видъ, какъ-бы говорило: «счастье ваше, что не я смотритель; я-бы вамъ показалъ, какъ пьянствовать въ полицейскомъ домѣ! Я вынужденъ, молча, смотрѣть на такое безобразіе, потому что оно составляетъ доходъ смотрителя, а онъ мой начальникъ»... Желая его нѣсколько задобрить, я нашелъ своевременнымъ отозвать его въ сторону, съ цѣлью воздать ему «должное».

— Прошу васъ, Павелъ Алексѣевичъ, принять отъ меня... шопотомъ проговорилъ я, суя ему въ руку пяти-рублевую бумажку.

Digitized by Google

— Что вы, что вы, нѣтъ, извините... благодарю васъ... попробовалъ онъ было нерѣшительно отнѣкиваться.

— Ну, полноте, берите примѣръ съ вашего начальника: тотъ не ломается и беретъ, что даютъ, нисколько не скрывая своего удовольствія. Да и почему, спрашивается, не взять? Развѣ вы настолько богаты? Да, наконецъ, это и не взятка: вѣдь я отъ васъ ничего не требую. Поблагодаривъ смотрителя, я считаю себя обязаннымъ тѣмъ-же самымъ и къ его помощнику. Берите-жь!

— Благодарю васъ. Только прошу васъ, чтобы онъ не зналъ объ этомъ... Я-бы не хотѣлъ,—отвѣтилъ околоточный, опуская бумажку въ карманъ.

Нравственная личность достойнаго помощника Егорова, такимъ образомъ, достаточно выяснилась. Только отсутствіе самостоятельности и опасеніе навлечь на себя неудовольствіе своего начальника, которому не могло-бы, конечно, понравиться, если-бы его помощникъ сталъ отбивать отъ него доходъ, дѣлали Павла Алексѣевича сдержаннымъ, относительно скромнымъ. Понятія о долгѣ, о собственномъ достоинствѣ, какъ лица, состоящаго на государственной службѣ, въ немъ было ничуть не больше, какъ и въ Егоровѣ, и если его, замѣтно, коробило находившееся на столѣ вещественное доказательство нашего незаконнаго время-провожденія, то это только потому, что оно возмущало его своею публичностью. Какъ человѣкъ менѣе смѣлый, менѣе закаленный въ служебныхъ передрягахъ, онъ не имѣлъ, конечно, егоровской «храбрости», и будь онъ смотрителемъ, онъ-бы, дѣйствительно, принялъ *мѣры*, не къ уничтоженію пьянства посреди *достаточныхъ* благородныхъ субъектовъ, а къ тому, чтобы это дѣлалось «шито-крыто». Словомъ, въ общемъ, Павелъ Алексѣевичъ представлялъ собою такую-же гаденькую и не менѣе вредную для службы личность, какъ и Егоровъ. Не прошло, полагаю, и пяти минутъ, какъ Глюмъ уже вернулся, на этотъ разъ, съ небольшой корзинкой, въ которой, кромѣ трехъ бутылокъ съ коньякомъ, находилось еще нѣсколько фунтовъ винограду. Меня не мало удивила эта скорость. «Не можетъ-же быть»,—думалъ я,—«чтобы у Егорова на квартирѣ имѣлся такой обильный запасъ вина! кто-же потребители?» На вопросъ мой объ этомъ, предложенный

Digitized by Google

Глюму по нѣмецки, послѣдовалъ совершенно удовлетворительный отвѣтъ:

— Э, батюшка! да вы думаете, что только мы одни съ вами пьемъ? У Егорова есть и безъ насъ человѣкъ пять пансіонеровъ.

Оказывалось, что *секретные* нумера полицейскаго дома были заняты почти исключительно достаточными узниками, которые предпочитали сами секретный, т. е. просто отдѣльный нумеръ общей камерѣ. Одинъ изъ такихъ узниковъ, нѣкто поручикъ С., обвинявшійся въ подлогѣ, устроился настолько комфортабельно, что, по удостовѣренію Глюма, его секретный нумеръ скорѣй походитъ на будуаръ молодой барыни. У этого С. по вечерамъ собирались его 2—3 полковыхъ товарища, страстные любители «штосса», «мушки» и проч. Нерѣдко удостоивала поручика своими поздними посѣщеніями одна дама изъ столичнаго beau monde'а, сохранившая къ нему свои нѣжныя чувства. Собственно, отъ этой дамы и зависѣло благосостояніе бывшаго гвардейца, дававшее ему возможность играть и пировать въ полицейскомъ домѣ. Егоровъ, при такихъ собраніяхъ и посѣщеніяхъ, обыкновенно являлся исправнымъ метръ-д'отелемъ, и, по словамъ Глюма, въ карманъ столь услужливаго смотрителя отъ щедротъ поручика и дамы его сердца «перепала-таки малость».—«Ему что жалованье?»—говорилъ мнѣ Глюмъ.—«Наплевать! ему главное вотъ доходъ».

— И ужь догадливый онъ человѣкъ, я вамъ скажу,—разсказывалъ мнѣ потомъ Глюмъ.—Въ просакъ не попадетъ. Недѣли три тому назадъ, былъ вотъ какой случай: сидитъ это у поручика вся компанія и барыня тамъ, и смотритель тоже. Пиръ горой. Савельевъ, говорятъ, раза три за шампанскимъ бѣгалъ... А тутъ, вдругъ, товарищъ прокурора пріѣзжаетъ. Разумѣется, сейчасъ дали знать. Только что убрали все со стола и компанія собралась выйдти изъ нумера, какъ въ дверяхъ показался товарищъ прокурора. Что-же вы думаете Егоровъ? смутился?... ни чуть не бывало.

— «Рекомендую, ваше сіятельство, г. товарищъ прокурора»,—отрекомендовываетъ онъ вдругъ мнимой графинѣ товарища прокурора, и, вслѣдъ затѣмъ, предупреждая возможные вопросы, поспѣшно докладываетъ товарищу прокурора: «почетные посѣтители изволятъ осматривать полицейскій домъ». Ну, разумѣется, товарищъ прокурора съ почтеніемъ: «очень, молъ, радъ, что

Digitized by Google

могу сопровождать васъ по дому», и вся подвыпившая компанія отправилась по нумерамъ и камерамъ, слушая объясненія одураченнаго товарища прокурора. Обошли домъ; почетная посѣтительница, успѣвшая, между тѣмъ, совершенно войдти въ свою роль, ласково поблагодарила товарища прокурора и смотрителя, не перестававшаго, то и дѣло, повторять «ваше сіятельство», и, затѣмъ, съ своими кавалерами преспокойно оставила домъ, куда, впрочемъ, какъ только товарищъ прокурора уѣхалъ, не замедлила вернуться. Ну, что, по вашему: не молодецъ-ли онъ? Другой, при такой оказіи, такъ-бы перетрусилъ, а онъ и въ лицѣ не измѣнился. Одно слово—находчивость,—великое дѣло».

Volens-nolens, околоточному пришлось принять участіе въ опорожниваніи принесенныхъ Глюмомъ бутылокъ. Къ сожалѣнію, полицейскій служитель явился вскорѣ просить его благородіе пожаловать «на повѣрку».

— Вы куда-жь? въ контору? — спросилъ меня околоточный, замѣтивъ, что я послѣдовалъ за нимъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я,—хочу проидтись съ вами по камерамъ. Вѣдь, вы на повѣрку идете?—Да не бойтесь, ничего, — добавилъ я, замѣтивъ, что онъ какъ-бы колеблется.

— Впрочемъ, если вы ему *дали*, такъ ничего, пойдемте! — тихо проговорилъ околоточный, очевидно, высказывая результатъ своей непродолжительной думы.

— Не понимаю, что это у князя за охота ходить смотрѣть на этихъ «мужиковъ»!—громко выразилъ «благородный» Глюмъ свое неудовольствіе по поводу моего ухода.

Повѣрка производилась обычнымъ порядкомъ. Только во второмъ этажѣ, при входѣ околоточнаго въ такъ называемую «бродяжную» (она-же и «пересыльная») камеру, произошла слѣдующая сцена, отчасти удовлетворившая мое любопытство, побудившее меня сопровождать околоточнаго во время «повѣрки».

— Ваше благородіе! смилосердуйтесь, дайте хоть кусочекъ хлѣба; вѣдь, инда животики подвело... сдѣлайте Божескую милость,— всхлипывая, обратился къ околоточному крайне болѣзненный на видъ, худощавый мальчикъ, лѣтъ, приблизительно, 17-ти или 18-ти.

— Небось, тоже съ голоду-то не велятъ морить, хоша и нашего брата. Судить,—суди, а чтобы, значитъ, ѣсть не давать,

Digitized by Google

такого закона еще, слава-те Господи, нѣтъ на свѣтѣ. Ишь, мальченку, словно собаку какую, бросили въ камеру... смѣло поддержалъ мальчика высокій, бодрый старикъ, лохмотья на которомъ нисколько не уменьшали благообразности и важности его фигуры.

— Молчать! — остановилъ его околоточный.—Ты когда прибылъ сюда?—спросилъ онъ мальчика.

— Вчерась.

— Во сколько часовъ?

— Да ужь темно было. И въ участкѣ-то пробылъ вечеръ цѣлый день голодный, и тутъ ничаво не дали... Думалъ, сяводня дадутъ пообѣдать, анъ нѣтъ: старшой сказалъ, не полагается. Спасибо, робята хоть похлебки-то дали, а то-бы, кажись, померъ... Хлѣбца, ваше благородіе!...

— Ну, будетъ тебѣ лясы-то точить! Впередъ наука: не бѣгай отъ хозяевъ, не бродяжничай, — и околоточный, съ возмутительнымъ равнодушіемъ, приступилъ къ перекличкѣ.

— Ваше благородіе! явите Божескую милость, прикажите дать хлѣбца! — бросился мальчикъ за околоточнымъ, направившимся въ корридоръ.

— Маршъ на мѣсто! запри! — съ тѣмъ-же хладнокровіемъ приказалъ околоточный дежурному полицейскому служителю.

— И креста-то на васъ нѣтъ, окаянные! Анафемы эдакіе!— раздалось намъ вслѣдъ. Я узналъ голосъ старика, неудачно заступившагося за «мальченку».

— Но, вѣдь, это ужасно, Павелъ Алексѣевичъ, и врядъ-ли законно?—заговорилъ я съ околоточнымъ въ корридорѣ.

— Что такое ужасно?—недоумѣвающе спросилъ онъ меня.

— Вы, конечно, притворяетесь, что не понимаете меня. Я говорю объ этомъ мальчикѣ: два дня оставлять безъ пищи...

— Ну, ужь это не нами заведено и не нами будетъ отмѣнено,— нетвердо отвѣтилъ онъ.—Что онъ въ участкѣ ничего не ѣлъ, мы за это не отвѣчаемъ; а къ намъ его прислали вечеромъ, когда требованіе на пищу на другой день уже было написано; такимъ образомъ, онъ и могъ попасть только въ сегодняшнее требованіе и завтра онъ, конечно, получитъ пищу.

— И это у васъ всегда такъ дѣлается? Сколько-бы человѣкъ ни прибыло вечеромъ, если ужь требованіе написано, они на другой день остаются безъ пищи?

Digitized by Google

— Непремѣнно. А то какже? вѣдь, не свои-же деньги на нихъ расходовать, — резонно отвѣтилъ онъ мнѣ.

Замѣчательно, что такой порядокъ практиковался не въ одномъ только томъ полицейскомъ домѣ, въ которомъ я содержался. Вмѣсто того, чтобы писать пищевое на другой день требованіе позднѣе, или, что было-бы еще разумнѣе и цѣлесообразнѣе, подавать рано утромъ дополнительныя требованія, смотрители полицейскихъ домовъ твердо придерживались издавна усвоеннаго правила и оставляли въ теченіи полутора сутокъ безъ всякой пищи лицъ, присланныхъ въ полицейскій домъ позже семи часовъ вечера. Это обстоятельство, полагаю, не нуждается въ комментаріяхъ.

Въ камерѣ, куда я не замедлилъ вернуться по окончаніи «повѣрки», я засталъ самого Егорова, сердечно бесѣдующаго съ своимъ милымъ жильцомъ, Глюмомъ.

— Здравствуйте, г. Карасевъ! Гдѣ это вы изволили быть?— ласково раскланялся онъ со мной.

— Сопровождалъ Павла Алексѣевича по камерамъ. Ужь вы, пожалуйста, простите; я увѣрилъ его, что вы ничего не будете имѣть противъ этого, — заискивающе отвѣтилъ я.

— Конечно, ничего, сдѣлайте милость... А я вотъ зашелъ посѣтить васъ, потолковать кое о чемъ. Чего-же вы не берете стулъ, г. Карасевъ? — и Егоровъ соблаговолилъ собственноручно придвинуть ко мнѣ стулъ.

Присутствіе смотрителя отзывалось на «благородныхъ» различно. Особа Ивана Ивановича выражала неподдѣльное удовольствіе; Угровъ почтительно суетился: заботился о смотрительской сигарѣ, то подвигая пепельницу, то подавая нетвердой рукою зажженную спичку, лишь только сигара тухла въ рукахъ заболтавшагося смотрителя. Де-Трайля и Давыдовича присутствіе смотрителя, повидимому, очень стѣсняло; они не знали, что дѣлать съ собою: сидѣть-ли, стоять-ли, принять-ли участіе въ разговорѣ? Они даже не рѣшались курить въ его присутствіи, не смотря на примѣръ Глюма. Взглядъ смотрителя особенно смущалъ Давыдовича, который при этомъ какъ-бы терялся. Только одинъ Соте былъ чуждъ какой-бы то ни было доли вліянія на себя начальническаго присутствія. Его, видимо, мало безпокоило: тутъ или нѣтъ Егоровъ. Сидя у себя на кровати и куря сигару, онъ

Digitized by Google

просматривалъ какую-то книгу. Впрочемъ, вниманіе Егорова, насколько было замѣтно, касалось только Глюма и слегка Угрова. Остальные рѣдко удостоивались даже мимолетнаго взгляда. Бутылокъ и рюмокъ не было видно; очевидно, что компанія немного *прибралась*, ради, если не дорогаго, то, во всякомъ случаѣ, почтеннаго гостя.

— Не угодно-ли? настоящая гаванна... я, знаете, любитель,— перенесъ онъ свое вниманіе на меня, какъ только я сѣлъ на предложенный мнѣ стулъ. Я не только не отказался на этотъ разъ отъ сигары, но, закуривъ ее, поспѣшилъ увѣрить «любителя», что сигара, дѣйствительно, превосходнаго качества; хотя не нужно было быть не только «любителемъ», но даже просто курящимъ, чтобы убѣдиться, что весьма непривлекательная на видъ сигара не имѣла приписываемаго ей высокаго происхожденія.

— Да ужь *не смотрительская*, не правда-ли?—сказалъ, видимо польщенный моимъ отзывомъ, Егоровъ.—Привыкъ... ничего не подѣлаешь. Оно, знаете, и очень накладно, а отвыкнуть не могу. Ахъ да, *князь*,—произнесъ онъ, какъ-бы внезапно что-то вспомнивъ:—у меня сегодня справлялся о васъ NN (Егоровъ назвалъ одно весьма высокопоставленное лицо, имя и положеніе котораго въ связи съ тѣмъ, что я зналъ отъ Николаева о свойственной Егорову привычкѣ хвастать о своемъ знакомствѣ съ «начальствомъ» и, вообще, важными лицами, дало мнѣ возможность сразу оцѣнить по достоинству его слова).

— Быть не можетъ!—удивленно отвѣтилъ я.—Неужели? Какъ вы туда попали?

— Ха-ха-ха! Такъ вы еще, *князь*, не знаете Егорова... Спросите-ка Ивана Ивановича, онъ вамъ скажетъ. Нужды нѣтъ, что я смотритель полицейскаго дома: я только временно занимаю эту должность... обстоятельства... Но заикнись я только, и завтра-же я буду приставомъ; да-а-съ!—и Егоровъ, продолжая почему-то величать меня «княземъ», пустился доказывать силу «протекціи»; причемъ разсказалъ исторію полицеймейстера губернскаго города N., коллежскаго совѣтника и разныхъ орденовъ кавалера, Алексѣева, выбравшагося изъ военныхъ фельдшеровъ, не получившаго никакого образованія и съумѣвшаго, притомъ, въ короткое время своего полицеймейстерства нажить громадный каменный домъ и богатое имѣніе на югѣ. Благополучіемъ своимъ, начиная съ про-

Digitized by Google

изводства въ первый классный чинъ, полицеймейстеръ этотъ обязанъ случаю, сдѣлавшему его мужемъ особы, долгое время состоявшей въ должности горничной при его полковомъ командирѣ, холостомъ полковникѣ, нынѣ губернаторѣ той губерніи, въ которой Алексѣевъ полицеймейстерствуетъ.

— Однако, удовлетворите, пожалуйста, мое любопытство: гдѣ это васъ сегодня N. N. видѣлъ?—спросилъ я Егорова, будучи увѣренъ, что въ отвѣтъ послѣдуетъ не безъинтересный экспромтъ.

— А видите-ли, я вѣдь у него часто бываю; т. е. собственно не у него,—поспѣшилъ онъ поправиться,—а у его домашняго священника, перваго любимца его жены; онъ мнѣ приходится близкимъ родственникомъ. А сегодня у священника были крестины, сынъ родился. Ну, воспріемникомъ и былъ *самъ*. Когда вышли изъ церкви, онъ меня и остановилъ на площадкѣ:

— «Здравствуй, Егоровъ! Какъ поживаешь?» Ну я, конечно, по военному вытянулся, гаркнулъ: «покорнѣйше благодарю, ваше—ство».

— «Очень радъ», и хлопнулъ меня по плечу. Потомъ сталъ спрашивать, кто у меня сидитъ. Я было началъ перечислять; а онъ, оказывается, самъ не хуже моего знаетъ: «Баронъ Соте у тебя, вѣдь», говоритъ, «сидитъ?» Такъ точно-съ, ваше—ство!— «А который княземъ-то назывался, Карасевъ? Я знаю, что онъ въ твоей части: ну, какъ онъ?» Я, разумѣется, отрекомендовалъ васъ съ лучшей стороны,—и, нагнувшись къ моему уху, Егоровъ шопотомъ добавилъ: «Я-бы не долженъ вамъ этого говорить, но, такъ и быть скажу: онъ приказалъ мнѣ доносить ему о васъ, какъ вы будете себя вести, обо всемъ.... Это, вѣдь, много значитъ... Но вы будьте спокойны».

Мнѣ стоило не мало усилій надъ собой, чтобы удержаться отъ смѣха.

— Такъ его—ство и про меня освѣдомлялся? Скажите, пожалуйста; а я, представьте, и не предполагалъ, что могу быть ему извѣстенъ,—иронически промолвилъ молчавшій до того Соте, отрываясь отъ книги.

— Мало-ли что вы не предполагали! Вы и въ тюрьму попасть навѣрное не предполагали? — рѣзко отвѣтилъ ему до глупости завравшійся Егоровъ.

Digitized by Google

Однако, непочтительное замѣчаніе барона, осмѣлившагося заподозрить «начальство» въ враньѣ, положило конецъ болтливости Егорова. Онъ какъ-то вдругъ пріостановился и свысока, покровительственнымъ тономъ, сталъ освѣдомляться у Давыдовича и Де-Трайля о положеніи ихъ дѣлъ.

— Плохо, плохо... не люблю... и концовъ спрятать не съумѣли! Э-эхъ, господа, не за свое дѣло беретесь,—какъ-то презрительно произнесъ онъ въ отвѣтъ на разсказъ Давыдовича о ходѣ дѣла, по обвиненію его въ покупкѣ завѣдомо краденаго серебра.

— Ну, а у васъ, поручикъ, какъ идетъ? Что хорошенькаго сказалъ вамъ слѣдователь?

— Сегодня, наконецъ, слѣдствіе закончилъ; дѣло поступаетъ къ товарищу прокурора.

— Тоже хорошъ!—обратился ко мнѣ Егоровъ.—Гдѣ-бы доказать, что не было растраты, что деньги были взяты взаймы, что дѣло, однимъ словомъ, гражданское,—онъ учинилъ полное сознаніе. Смотришь, тамъ, гдѣ дѣло, въ худшемъ случаѣ, могло-бы кончиться только «Тарасовской», человѣкъ, по меньшей мѣрѣ, угодитъ въ Архангельскую губернію. Нѣтъ, князь, совсѣмъ что-то вывелись настоящіе *дѣльцы*: нѣтъ, знаете, разныхъ Лавровыхъ, Левицкихъ, Робертовъ (мошенники, пріобрѣвшіе особенную извѣстность ловкостью и многочисленностью своихъ продѣлокъ и сосланные, по приговору суда, въ 1870—72 годахъ въ Сибирь). Все какая-то мелочь!—тономъ искренняго презрѣнія произнесъ Егоровъ.—Однако, прощайте! засидѣлся я съ вами,—и «начальство», удостоивъ меня и Глюма выразительнымъ крѣпкимъ рукопожатіемъ, не только не нашло совмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ позволить себѣ тоже и относительно прочихъ «благородныхъ», но и оставило камеру, не удостоивъ ихъ даже обычнымъ кивкомъ головы. Почти вслѣдъ за нимъ вышелъ и Глюмъ. Отсутствіе послѣдняго длилось недолго.

— Скверно, господа!—промолвилъ онъ.—Думалъ было, на сонъ грядущій, раздобыться хоть еще бутылочкой... хмѣль-то совсѣмъ вѣдь выходитъ... да ничего, видно, не подѣлаешь. У *самого* осталось только одно пиво. Развѣ похлопотать, чтобы въ погребъ кто-нибудь сходилъ?

— Что это, братъ, съ тобою сегодня сдѣлалось?—замѣтилъ ему Угровъ.—Вишь ты, вдругъ, какъ расщедрился.

Digitized by Google

— Нѣтъ, это я тово... для князя... и Глюмъ объявилъ мнѣ, что онъ заплатилъ за меня 15 рублей.

— Стоитъ-ли толковать о такихъ *пустякахъ*! — сказалъ я, вручая Глюму 15 рублей и давая этимъ понять ему и другимъ о своемъ изрядномъ достаткѣ.

— То-то, Иванъ Ивановичъ; а я ужь было думалъ, что свѣтопреставленіе близко... оказывается, что вы это все на чужой счетецъ изволили прохаживаться!... укололъ его Давыдовичъ.

— Это вы напрасно... прошу этого не говорить!—обидчиво отвѣтилъ ему Глюмъ, возвышая голосъ. — Я всегда могу князю отплатить: я *не вы*, не какая-нибудь голь перекатная... смѣетъ еще говорить!...

— Что-о? молчать, колбасникъ, проклятый! — вскочилъ было Давыдовичъ.

Ясно, что хмѣль далеко еще не вышелъ изъ головъ моихъ сожителей. Возникшее между Глюмомъ и Давыдовичемъ пререканіе, судя по своему грозному crescendo, не обѣщало мирнаго исхода. Я поспѣшилъ успокоить «благодѣтеля» завѣреніемъ, что я вполнѣ убѣжденъ въ его порядочности и что благодарности моей, за устройство имъ моего сближенія съ Егоровымъ, нѣтъ границъ.

— Полноте и вы, г. Давыдовичъ; охота вамъ ссориться! Иванъ Ивановичъ прекраснѣйшій человѣкъ и увѣряю васъ, что я отъ души радъ, что, какъ вы, такъ и онъ, раздѣлили со мной компанію.

Послѣдовали было возраженія, по поводу употребленныхъ сторонами выраженій «голь перекатная» и «колбасникъ»; но мнѣ, кое-какъ, удалось убѣдить обоихъ въ отсутствіи серьезнаго значенія за тѣмъ и другимъ выраженіями, сказанными въ горячую минуту, такъ сказать, «сплеча», и что, во всякомъ случаѣ, благоразумнѣе отложить объясненіе по этому поводу до утра. Кончилось тѣмъ, что, какъ Глюмъ, такъ и Давыдовичъ, оставили поле сраженія съ честью.

— Только изъ уваженія къ князю я оставляю дѣло,—съ достоинствомъ заявилъ Давыдовичъ.

— Да ужь, если-бы только не князь, показалъ-бы я ему «колбасника»... честное слово... для васъ,—съ неменьшимъ достоинствомъ произнесъ также и Глюмъ. Сонъ не замедлилъ овладѣть немного подкутившими «благородными» жильцами полицейскаго дома. Ба-

Digitized by Google

ронъ, который, не разъ, въ теченіи вечера, жаловался мнѣ на головную боль, очевидно, усилившуюся подъ вліяніемъ выпитаго вина, также предался сну, о чемъ я искренно пожалѣлъ, такъ какъ мнѣ, напротивъ, вовсе не спалось и я былъ не прочь побесѣдовать съ нимъ. Невозможность такой бесѣды вызвала усиленную, одностороннюю дѣятельность бодрствовавшаго мозга, и я, никѣмъ и ничѣмъ не отвлекаемый, углубился въ мысленный анализъ моего такъ внезапно измѣнившагося душевнаго состоянія.

Digitized by Google

ГЛАВА XI.

«БУНТЪ» И «УСМИРЕНІЕ».

Визита Гуаидзе я ждалъ съ нетерпѣніемъ. Съ ранняго утра, я не переставалъ навѣдываться въ контору, надѣясь тамъ встрѣтить его. По мѣрѣ приближенія вечера усиливалось мое безпокойство, чему не мало способствовало предположеніе барона, что къ освобожденію Гуаидзе изъ участка могли встрѣтиться какія-нибудь неожиданныя препятствія, и я зналъ, что онъ розыскивался приказомъ по мѣстной полиціи, и боялся, что онъ попалъ въ тюрьму. Найдетъ-ли онъ, въ такомъ случаѣ, возможность увѣдомить о себѣ Касимова? Узнаетъ-ли маркиза о томъ, что письмо ея дошло до меня, что оно произвело во мнѣ нравственный переворотъ, что я рвусь къ ней, стремлюсь, во что-бы ни стало, къ скорѣйшему съ нею соединенію? Мыслимо-ли мнѣ, самому, безъ всякой посторонней помощи извнѣ, устроить свое бѣгство?...

Но, вотъ, и день кончился, прошла «повѣрка»; а Гуаидзе все нѣтъ. Я не сомнѣвался, что Егоровъ, не медля ни минуты, далъ-бы мнѣ знать, если-бы ко мнѣ кто-нибудь явился на свиданіе. Обыкновенной «неаккуратности» тутъ не могло быть. Слѣдовало узнать, что сталось съ нимъ, послѣ отправленія его изъ конторы полицейскаго дома въ управленіе участка. Какъ узнать? черезъ кого?... Самое лучшее черезъ Егорова. Увѣрялъ-же меня Глюмъ, что Егоровъ *все* сдѣлаетъ; конечно, не даромъ. Егоровъ, несомнѣнно, будетъ очень радъ «заработать» что-нибудь.

Дождавшись утра, я, часовъ въ десять, сошелъ въ контору, съ цѣлью попросить Егорова о справкѣ и былъ не мало удивленъ, увидавъ тамъ Николаева. Послѣдній, со свойственною ему фамильярностью, бросился обнимать меня.

— Здравствуйте, голубчикъ! Ну, вотъ и отлично. Здоровъ-ли? что новаго? какъ «благодѣтель»-каналья поживаетъ Очень радъ,

Digitized by Google

что вижу васъ. Я ужь съ полчаса жду здѣсь; хотѣлъ попробовать попросить Егорова о свиданіи съ *тобой*. Авось, думаю, допуститъ! а вотъ и безъ него обошлось. Сядемъ-же, поговоримъ. Привезъ писульку отъ Фока...

— Здравствуйте, господа! Г. Николаевъ, какими судьбами?— перебилъ Николаева вошедшій въ контору Егоровъ, ласковое обращеніе котораго и дружеское пожатіе имъ моей руки, замѣтно, его очень удивили.

— Я заѣхалъ навѣстить г. Карасева, дожидался васъ, чтобы просить разрѣшенія...

— Сдѣлайте одолженіе, сдѣлайте одолженіе, очень радъ,—отвѣтилъ смотритель, даже не выслушавъ объясненія того, какимъ образомъ свиданіе состоялось безъ его разрѣшенія.

— Особеннаго ничего нѣтъ?—спросилъ онъ письмоводителя.

— Нѣтъ, только, вотъ, двѣ-три бумажки къ подписи,—отвѣтилъ тотъ.

— Ну, это еще успѣется.—Я вамъ не буду мѣшать, господа... до свиданія, г. Николаевъ!—любезно произнесъ догадливый «золотой человѣкъ», оставляя контору.

— Такъ вы таки посѣтили Фока?

— Еще-бы! Если я далъ слово, да еще заключенному, будьте увѣрены, что всегда его сдержу. Вотъ вамъ посланіе.

Извѣстно, что заключенному, между прочимъ, строго возбраняется получать какія-бы то ни было записки или письма, безъ предварительнаго разсмотрѣнія ихъ лицомъ прокурорскаго надзора. Я взглянулъ на письмоводителя; кромѣ его, въ конторѣ никого не было. Не менѣе догадливый письмоводитель, не ожидая вопроса или просьбы, поспѣшилъ заявить:

— Не безпокойтесь: я ничего *не вижу*; прошу не стѣсняться. Если г. смотритель вамъ довѣряетъ, мнѣ нѣтъ надобности наблюдать за вами.

— Что за чортъ!—воскликнулъ по-французски Николаевъ.— У васъ, тутъ, все, словно, вверхъ дномъ перевернулось. Объясни мнѣ, пожалуйста, причину внезапнаго расположенія къ *тебѣ* Егорова.

— Причина простая; неужели *ты* не догадываетесь, что нужно, чтобы привлечь Егорова на свою сторону?

Digitized by Google

— Но этого быть не можетъ! Неужели ты *далъ?* послѣ этого, жалѣю, что я къ тебѣ пріѣхалъ. Такихъ господъ нужно учить! Впрочемъ, ничего съ ними не подѣлаешь,—нѣсколько смягчился Николаевъ.—Представь себѣ: я написалъ на двухъ листахъ одну голую правду; измѣнилъ только фамилію и названіе части. И что же? обращался въ три редакціи и одинъ отвѣтъ, словно сговорились: «при всемъ нашемъ желаніи помѣстить у себя вашу статью, мы, однако, вынуждены отказать вамъ. Сообщаемые вами факты, безспорно, возмутительны; но, во избѣжаніе отвѣтственности, мы должны отказать вамъ въ напечатаніи статьи». Какая-же, говорю, отвѣтственность? Позвольте, я назову вамъ дѣйствительную фамилію этого господина, имена свидѣтелей его произвола, взяточничества, подпишу свою фамилію... я принимаю на себя отвѣтственность. «Нѣтъ, мы», говорятъ, «можемъ только посовѣтовать вамъ обратиться къ прокурору»...

Мысль обратиться къ Николаеву съ просьбою справиться о Гуаидзе побудила меня положить конецъ его увлеченію. Онъ-бы, вѣроятно, еще долго не кончилъ своего посовѣтованія объ участи своей злополучной статьи, еслибы я, вдругъ, не произнесъ:

— Довольно, однако; объ этомъ мы съ вами въ другой разъ поговоримъ. Въ эту минуту у меня къ вамъ есть важная просьба; могу я надѣяться, что вы мнѣ не откажете?

— Что ты! Да я поломамъ разорвусь, а сдѣлаю, что нужно. Какъ, просидѣвъ столько времени подъ арестомъ, такъ скоро позабыть положеніе арестанта? Нѣтъ, шалишь!.. Николаевъ не изъ такихъ! Говори, сдѣлай милость...

Я передалъ ему, какого рода справка мнѣ нужна.

— Сейчасъ-же, сію минуту. Жди меня; а скоро вернусь. И, захвативъ съ собою данную ему, по моей просьбѣ, письмоводителемъ конторы справку о N отношенія, при которомъ Гуаидзе былъ возвращенъ въ участокъ, Николаевъ отправился въ управленіе того участка. Не объясняя ему сути дѣла, я, однакожь, предупредилъ его о необходимости быть «осторожнымъ» и, что было-бы безопаснѣе, навести нужную справку неофиціальнымъ путемъ. Въ ожиданіи возвращенія Николаева, я принялся читать «посланіе» моего больничнаго пріятеля, Фока. Оно было написано карандашемъ, на листѣ простой бумаги и изобиловало грубыми грамматическими ошибками. Передавая содержаніе этого

Digitized by Google

посланія, я позволяю себѣ не придерживаться орѳографіи подлинника:

«Добрѣйшій Дмитрій Александровичъ!

«Не знаю еще, скоро-ли представится случай отправить къ вамъ это письмо. Но пусть оно будетъ готово. Въ палатѣ всѣ больные теперь спятъ; дежурный тоже завалился гдѣ-то, должно быть, въ пріемномъ покоѣ; и я смѣло снялъ висячую лампу, поставилъ къ себѣ на столикъ и пишу это письмо. Только, право, мнѣ очень трудно писать. Вѣдь, я никогда не писалъ писемъ: не къ кому было ихъ писать. Вы меня простите. Я, вѣдь, вамъ сказалъ, что я и писать-то, какъ слѣдуетъ, не умѣю. Должно быть, Богъ сжалился надо мной, что мнѣ привелось познакомиться съ вами. Я помню каждое ваше слово и стараюсь сдѣлаться другимъ человѣкомъ. Только очень тяжело вдругъ отвыкнуть, отъучить себя отъ всего того, за что вы меня такъ пробирали. Въ тюрьмѣ меня всѣ знаютъ, и какъ только замѣтили, что я бросилъ пьянствовать и сталъ удаляться отъ компаніи, какъ стали поднимать меня на смѣхъ. Прежде никто не посмѣлъ-бы мнѣ слова сказать, а теперь видятъ, что я молчу, ну, и напустились. И противны они мнѣ теперь всѣ какъ стали! Только удивляюсь, какъ это я прежде не одумался. Вѣдь, еслибы не вы, я-бы такъ и пропалъ. Я все сдѣлалъ, какъ вы меня научили. Я вызвался къ слѣдователямъ и разсказалъ имъ чистую правду. Одинъ слѣдователь, тотъ самый, который не отпускалъ меня подъ надзоръ полиціи, очень удивился и спросилъ, что это со мною сдѣлалось, что я, вдругъ, сознался. Я прямо сказалъ, что нашелся въ тюрьмѣ добрый человѣкъ, который научилъ меня уму-разуму. Очень приставалъ, чтобы я сказалъ кто. Но я не сказалъ потому, что не знаю, пріятно-ли-бы вамъ это было. Слѣдователи на другой же день вызвали смотрителей: изъ тюрьмы и изъ части. Оба, спасибо имъ, правду показали, что я плакалъ, просился пустить меня хоть переночевать и говорилъ, что у меня цѣлый день во рту крошки хлѣба не было. Послѣ этого, меня вызвали и сказали, что напрасно я давно такъ всю правду не разсказалъ. Слѣдствіе закончили и слѣдователи обѣщались похлопотать мнѣ хорошаго защитника. Я имъ сказалъ, что мнѣ до смерти опротивѣла вся моя жизнь, что я хочу быть честнымъ человѣкомъ. И они говорятъ тоже, что и вы: что, можетъ быть, меня присяжные

Digitized by Google

оправдаютъ. Хорошо-бы было... Хоть я и плохой дворянинъ и не образованъ, а все-бы не хотѣлось званія терять. Да что тамъ Богъ ни дастъ, а я ужь не буду воромъ. Дай Богъ, чтобы васъ не сослали куда-нибудь: вы меня не оставите. Я готовъ все дѣлать, терпѣть, только-бы не вернуться къ проклятой жизни. Деньги ваши, чтобы ихъ какъ-нибудь не растратить, я отдалъ на сохраненіе здѣшнему отцу діакону. И какъ вспомню я теперь каждое ваше слово и какъ вы меня упрашивали бросить эту жизнь, такъ, право, мнѣ кажется, что вы мой родной братъ. Что я! Вы мнѣ болѣе, чѣмъ братъ. Вѣдь, я ужь и не думалъ выбраться когда-нибудь изъ этого омута, махнулъ на себя рукой, совсѣмъ было погибъ. И я васъ никогда не забуду. Не знаю, кажется, на что-бы я не былъ готовъ для васъ. Только страшная скука меня теперь больно одолѣваетъ. Все противно, гадко; такихъ, какъ вы, нѣтъ. Слова хорошаго ни отъ кого не услышишь; только и слышно, что ругань, брань, скверныя слова или похвальба. И отчего, я думаю, они не понимаютъ, что такъ жить цѣлый вѣкъ, что ждать свободы для того, чтобы опять воровать, грабить и развратничать, — гадко, отвратительно? Вѣдь, вотъ, я-же понялъ это и, какъ вспомню, какъ жилъ, такъ въ дрожь и бросаетъ. А потомъ думаю, оттого они не понимаютъ, что никто съ ними такъ отъ души не говоритъ, какъ вы говорили со мной. И я прежде слушать ничего не хотѣлъ, смѣялся надъ графиней. Потому не вѣрилъ я, чтобы меня кто-нибудь могъ полюбить, отъ души пожалѣть. И не слыхалъ я ни отъ кого добраго слова. А вы меня отъ души пожалѣли, отдали мнѣ свои послѣднія деньги и, какъ родной братъ, говорили со мной. Не бросайте меня, Дмитрій Александровичъ. Говорите мнѣ, что дѣлать; я во всемъ буду поступать согласно съ вашимъ совѣтомъ. Пришлите мнѣ какой-нибудь, хоть коротенькій отвѣтъ черезъ кого-нибудь. Все мнѣ легче будетъ. Ахъ, какъ-бы хорошо было, если-бы я могъ сидѣть вмѣстѣ съ вами! Говорятъ, что на дняхъ опять графиня начнетъ ѣздить. Если можно, такъ напишите, какъ ваше дѣло? Мнѣ очень хочется знать. Неужели это васъ осудятъ? Вотъ ужь, кажется, не грѣшно-бы васъ оправдать. Удалось-бы мнѣ только поскорѣй отослать это письмо; сталъ-бы тогда, по крайней мѣрѣ, отвѣта ждать.

Digitized by Google

«Прощайте, Дмитрій Александровичъ! Дай Богъ, чтобы вы были здоровы, и чтобы вы были скоро на свободѣ. Не забывайте меня. Въ цѣломъ свѣтѣ вы только одинъ человѣкъ, котораго я такъ полюбилъ и на котораго такъ надѣюсь. — Вы мнѣ совѣтовали больше читать; и радъ-бы, да ничего не подѣлаешь, не откуда достать книгъ. Еще *на отдѣленіи* можно раздобыться, а здѣсь никакъ не допросишься. Гулькевичъ обѣщалъ завтра принести что-нибудь почитать. У Штейна нѣмецкихъ книгъ много; да что толку, когда я не понимаю по нѣмецки... читать-то умѣю. Вотъ, если графиня опять начнетъ ѣздить, непремѣнно попрошу у нея книгъ. Только не знаю, какихъ посовѣтуете? напишите. Прощайте, добрый Дмитрій Александровичъ!

«Глубоко благодарный и по гробъ преданный вамъ, Константинъ Фокъ».

Мнѣ было въ высшей степени отрадно читать эти безъискусственныя, дышавшія искренностью строки. Припоминая слова и дѣйствія Фока въ началѣ моего знакомства съ нимъ, такое быстрое, несомнѣнно-искреннее превращеніе мнѣ не могло не казаться какимъ-то чудомъ. Но я зналъ, *что* произвело это чудо: глубокопрочувствованное, задушевное слово. Велика сила такого слова! Тяжкій опытъ, вынесенный изъ долговременнаго пребыванія посреди всевозможныхъ нравственныхъ уродовъ, близкое знакомство со многими представителями крайностей такого уродства, даетъ мнѣ право не соглашаться съ довольно распространеннымъ мнѣніемъ, допускающимъ возможность безусловно-*неисправимыхъ* злодѣевъ. Мало того, я убѣжденъ, что, если не исключительнымъ, то, во всякомъ случаѣ, главнѣйшимъ средствомъ исправленія служитъ «слово»; но не то притворно-теплое, въ сущности, безучастное слово, на которое такъ щедро большинство нашихъ оффиціальныхъ и партикулярныхъ филантроповъ обоего пола, которое только вредитъ дѣлу исправленія; а слово, проникнутое искреннею *любовью*, вѣрою въ *добрую* природу человѣка. Возвращеніе Николаева вызвало меня изъ задумчивости.

— Ну что? узнали?—поспѣшилъ я къ нему, лишь только онъ показался въ конторѣ.

— Какъ нельзя вѣрнѣе: онъ тогда-же, утромъ, освобожденъ изъ участка, такъ какъ при немъ находился указъ объ отставкѣ, удостовѣрявшій его личность,—отвѣтилъ мнѣ Николаевъ.

Digitized by Google

Я готовъ былъ не вѣрить ему: такъ невѣроятнымъ казалось мнѣ, чтобы Гуаидзе, будучи *на свободѣ*, могъ не пріѣхать ко мнѣ въ назначенный имъ день. Однако, Николаевъ твердо разсказалъ мнѣ подробности наведенія имъ справки. Не оставалось сомнѣнія, что Гуаидзе свободенъ.

— Вы меня обяжете, очень обяжете, если исполните еще одну просьбу. Дѣло не терпитъ отлагательства, а мнѣ не къ кому больше обратиться. Можете вы мнѣ пожертвовать еще часъ времени?—умоляюще обратился я вдругъ къ Николаеву, слѣдуя внезапно мелькнувшей въ головѣ мысли.

— Хоть пять часовъ! пожалуйста, не церемоньтесь со мной. Я-же свободенъ, потому что съ проклятымъ реверсомъ (такъ называется документъ, выдаваемый судебнымъ слѣдователемъ лицу, освобождаемому изъ-подъ стражи на поручительство или подъ надзоръ мѣстной полиціи) не скоро куда-нибудь на мѣсто попадешь. Пожалуйста, говорите, что я долженъ дѣлать?

— Нужно сейчасъ-же справиться въ адресномъ столѣ, гдѣ здѣсь остановился этотъ капитанъ.

— Сію минуту. Если это нужно, я даже готовъ объѣздить всѣ гостиницы. Такъ до свиданія пока,—проговорилъ услужливый Николаевъ, во второй разъ отправляясь за справкой.

Контора, между тѣмъ, наполнилась народомъ: вновь приведенными арестантами, арестантами, подлежавшими въ тотъ день освобожденію, городовыми, дворниками съ поднятыми на улицѣ, не смотря на раннее время, «пьяными». Егоровъ и околоточный громко «распоряжались», говоря точнѣе, *кричали*. Я удалился въ камеру. Проворный Николаевъ не заставилъ себя долго ждать; вскорѣ меня пригласили «внизъ».

— Нѣту, батюшка! Не повѣрилъ чиновнику, самъ просмотрѣлъ все кольцо: и фамиліи-то такой нѣтъ,—объявилъ мнѣ Николаевъ.

— Нѣтъ, такъ нѣтъ; дѣлать нечего. Благодарю васъ. Присядемте теперь, поговоримте... Что вы подѣлываете?—произнесъ я, тщетно силясь скрыть свое безпокойство.

— Да что это съ тобой? Тебѣ, должно быть, очень нуженъ этотъ капитанъ? Ты такой разсѣянный...

— Нѣтъ, я просто не совсѣмъ здоровъ: голова болитъ. Да, спасибо вамъ, monsieur Николаевъ, за посѣщеніе Фока,—сказалъ я, къ счастью, вдругъ вспомнивъ о Фокѣ.

Digitized by Google

— Я очень радъ, что могъ услужить вамъ. Фокъ очень удивился, когда я его вызвалъ на свиданіе: у бѣдняги никого нѣтъ и его никто не посѣщаетъ. И ужь какъ-же онъ обрадовался, когда я сказалъ, что пріѣхалъ по вашему (Николаевъ, мало по малу, перешелъ съ «ты» на «вы») порученію! Онъ превозноситъ васъ до небесъ. Фельдшеръ передалъ мнѣ его письмо. Фокъ очень просилъ меня, чтобы я привезъ ему отъ васъ какой-нибудь отвѣтъ. Я охотно обѣщалъ ему это; дѣло за вами.

— Вы меня просто кругомъ обязываете, отвѣтилъ я.—И, если только вы свободны, я непремѣнно воспользуюсь вашей добротой и попрошу васъ доставить Фоку мой отвѣтъ. Я его сегодня-же изготовлю. Можете вы ко мнѣ завтра заѣхать за нимъ?

— Да я сказалъ-же вамъ, что я совершенно свободенъ. Я попытался было искать какихъ-нибудь занятій, но, убѣдившись, что это безполезный трудъ, пересталъ и думать о мѣстѣ, по крайней мѣрѣ, до окончанія дѣла. Когда оно кончится, тамъ видно будетъ; можетъ быть, придется прокатиться къ бѣлымъ медвѣдямъ...

Тутъ вмѣшался въ нашъ разговоръ Егоровъ, прежде всего заявившій, что онъ съ этой «ватагой» измучился, какъ «чортъ», и что ему пріятно видѣть Николаева, своего стараго знакомаго. «По старой памяти», Егоровъ просилъ Николаева отобѣдать у него.

— Вы, конечно, позволите Николаеву завтра опять пріѣхать ко мнѣ?—обратился я къ Егорову.

— Хоть въ полночь. Все, что отъ меня зависитъ, Дмитрій Александровичъ... я, вѣдь, понимаю, сочувствую... но что вы такъ торопитесь уходить?

Сославшись на головную боль, я оставилъ Николаева бесѣвать съ Егоровымъ, взявъ съ перваго слово, что онъ посѣтитъ меня на другой день.

Я, конечно, не замедлилъ сообщить результатъ моихъ справокъ барону.

— По моему мнѣнію, тутъ догадки неумѣстны,—сказалъ онъ мнѣ.—Остается просто подождать съ недѣлю и, если Гуаидзе въ это время не подастъ вамъ о себѣ никакой вѣсти, то дѣло ясное, что вамъ нечего разсчитывать на содѣйствіе съ его стороны вашему побѣгу.

Digitized by Google

Выжидательное положеніе, дѣйствительно, представлялось единственнымъ, которое я, при данныхъ обстоятельствахъ, могъ принять. Мои скудныя свѣдѣнія о Гуаидзе дѣлали рѣшительно невозможными дальнѣйшія о немъ справки.

При участіи барона, мнѣ удалось, въ извѣстной степени, побѣдить свое тревожное состояніе, что дало мнѣ возможность, въ тотъ-же вечеръ, написать Фоку отвѣтное письмо слѣдующаго содержанія:

«Письмо ваше, милѣйшій Константинъ Николаевичъ, я читалъ съ большимъ удовольствіемъ. Мнѣ было чрезвычайно пріятно убѣдиться, что вы не отступили отъ своего благаго намѣренія измѣнить свою нравственную жизнь. Будьте-же тверды и старайтесь противустоять дурнымъ условіямъ, при которыхъ началась ваша новая жизнь. За невозможностью пользоваться разумной бесѣдою, обществомъ людей, хотя и павшихъ, но съ грустью сознающихъ, оплакивающихъ свое паденіе и стремящихся къ нравственному возстановленію себя, — замкнитесь въ себя, миритесь съ тоской, скукой, но не позволяйте себѣ бѣжать отъ нихъ, въ объятія своихъ прежнихъ, тѣсремныхъ товарищей. Я хорошо понимаю и живо представляю себѣ ваше положеніе посреди нихъ. И васъ, конечно, подымаютъ на смѣхъ, дѣйствуютъ на ваше самолюбіе, пожалуй, издѣваются надъ вами... Константинъ Николаевичъ! Три года тому назадъ, я самъ страдалъ отъ всего этого въ тюрьмѣ. Грубый, малоразвитый, низко - павшій несчастный какъ-бы находитъ удовольствіе издѣваться,—благо это возможно,— надъ менѣе испорченнымъ своимъ сотоварищемъ, если, по несчастью, послѣдній обнаруживаетъ чуждые его зачерствѣлой душѣ нравственные проблески. Нужно быть очень стойкимъ и умственно-крѣпкимъ, чтобы подчинить себѣ такую натуру, заставить такого человѣка молчать. Большею-же частью, такіе субъекты—истинный бичъ какъ для новичковъ на пути порока, такъ и для тѣхъ, которые, повинуясь внезапному доброму движенію души, примутъ, правда, трудное, но столь достойное *человѣка* рѣшеніе—нравственно обновить себя. Я съ удовольствіемъ принимаю вашу братскую любовь; я самъ чувствую къ вамъ самое теплое, искреннее расположеніе. Послушайте-же меня: не скрою отъ васъ, что я сильно опасаюсь, чтобы вы не поддались сильному вліянію окружающей васъ убійственной среды. Можетъ быть,

Digitized by Google

опасенія мои напрасны, преждевременны; но они не безъосновательны. Ни на минуту не сомнѣваясь въ вашей искренности *теперь*, я позволяю себѣ дать вамъ такой совѣтъ: выпишитесь изъ больницы и попросите смотрителя, а если послѣдній не согласится, то прокурора, чтобы вамъ позволили быть въ одиночномъ заключеніи. Одиночное заключеніе тяжело, очень тяжело, не спорю; но оно, во 1-хъ, не можетъ быть для васъ продолжительнымъ, такъ какъ вы пишете въ своемъ письмѣ, что слѣдствіе по вашимъ дѣламъ уже окончено; и, во 2-хъ, можетъ быть, въ извѣстной степени, облегчено чтеніемъ хорошихъ книгъ. Пользаже такого для васъ заключенія очевидна: вы не подвергаетесь риску отступить отъ разъ принятаго рѣшенія, поневолѣ научаетесь углубляться въ себя, *думать* и, наконецъ, получаете возможность, при помощи книгъ, поработать надъ своимъ образованіемъ, недостатокъ котораго вы сами, къ счастью, такъ хорошо сознаете. Книгъ, судя по вашему письму, вы можете достать. Я надѣюсь, что г. Николаевъ, который вручитъ вамъ, вѣроятно, черезъ Гульковича, мой отвѣтъ, постарается снабдить васъ книгами, если только къ тому не встрѣтится какихъ-нибудь особенныхъ тюремныхъ препятствій. Для васъ было-бы истиннымъ благодѣяніемъ, если-бы графиня Галенъ дѣйствительно опять стала ѣздить въ тюрьму. Совѣтую вамъ непремѣнно воспользоваться первымъ-же ея посѣщеніемъ для того, чтобы познакомиться съ нею. Очень можетъ быть, что она еще не забыла меня; въ такомъ случаѣ, вамъ можетъ оказать пользу заявленіе, что вы обращаетесь къ ней по моему совѣту. Будьте съ нею откровенны и я убѣжденъ, что вы найдете въ ней поддержку, притомъ гораздо болѣе существенную, чѣмъ во мнѣ, такомъ-же, какъ вы, безпомощномъ горемыкѣ. Не переставайте увѣдомлять меня о своемъ дѣлѣ. Вѣрьте, что и исходъ этого дѣла, въ значительной мѣрѣ, зависитъ отъ васъ. Искренность, непритворное раскаяніе, полная откровенность съ тѣмъ человѣкомъ, который будетъ назначенъ вашимъ защитникомъ, и вы увидите, что оно кончится, если не совершенно оправдательнымъ, то, во всякомъ случаѣ, весьма снисходительнымъ приговоромъ суда. Заключеніе отнимаетъ у меня всякую возможность непосредственно оказывать вамъ болѣе или менѣе существенную помощь. Но, принимая близко къ сердцу вашу участь, мнѣ было-бы крайне больно, если-бы я не получилъ воз-

Digitized by Google

можности быть вамъ полезнымъ, хоть не непосредственно. Къ счастью, случай даетъ мнѣ эту возможность. Съ г. Николаевымъ мнѣ привелось познакомиться въ полицейскомъ домѣ, откуда онъ освободился только на минувшей недѣлѣ. Это очень добрый и, кажется, честный человѣкъ. Хотя я еще не успѣлъ поговорить съ нимъ о васъ, но я заранѣе увѣренъ, что онъ съ удовольствіемъ предложитъ вамъ свои услуги. Какъ человѣкъ «свободный», онъ можетъ во многомъ помочь вамъ; къ тому-же, онъ господинъ далеко не глупый и, въ случаѣ какихъ-либо затрудненій, можетъ дать вамъ удачный совѣтъ. Завтра онъ будетъ у меня, чтобы взять это письмо. Я не премину познакомить его съ вашей исторіей и, какъ я уже упоминалъ, заранѣе увѣренъ, что онъ приметъ въ васъ живое участіе. Чрезъ него-же мы можемъ довольно удобно обмѣниваться письмами.

«Охотно исполнилъ-бы ваше желаніе и написалъ-бы о настоящемъ положеніи моего дѣла, если-бы я самъ что-нибудь зналъ о немъ. Я до сихъ поръ никѣмъ еще не допрошенъ; не знаю, у кого находится въ производствѣ слѣдственное обо мнѣ дѣло; словомъ, мои собственныя свѣдѣнія въ этомъ отношеніи, со времени выхода моего изъ больницы, ничуть не обогатились.

«Не возлагайте на меня большихъ надеждъ. Моя собственная жизнь слишкомъ испорчена, чтобы я могъ быть для васъ серьезной опорой, даже по выходѣ моемъ на свободу, допуская, что невѣроятное можетъ случиться. Я съ удовольствіемъ буду дѣлиться съ вами добытою дорогой цѣною опытностью, буду служить вамъ *словомъ*, т. е., добрымъ искреннимъ совѣтомъ; но могу-ли я проявить свое расположеніе къ вамъ *дѣломъ*, активной помощью, въ которой вы несомнѣнно будете нуждаться на первыхъ порахъ?— Врядъ-ли! Впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію, что я не скоро буду свободенъ и что «свободу» я получу, во всякомъ случаѣ, не иначе, какъ въ какомъ-нибудь сибирскомъ городкѣ. Старайтесь сами выработать въ себѣ, путемъ мысли, чтенія, *силу;* укрѣпитесь въ вашемъ настоящемъ настроеніи, и тогда найдете лучшую опору въ самомъ себѣ. Главное, не падайте духомъ и не миритесь съ тѣмъ, что гадко, грязно, словомъ,—боритесь. — Я еще, конечно, не разъ буду имѣть случай обмѣняться съ вами письмами до дня судебнаго засѣданія по вашему дѣлу. Предоставляю себѣ въ слѣдующемъ письмѣ нѣсколько подробнѣе побесѣдовать съ

Digitized by Google

вами. На этотъ-же разъ позволяю себѣ закончить письмо просьбой послѣдовать моему совѣту и перейдти въ одиночный нумеръ. Подумайте хорошенько, и вы, можетъ быть, сдѣлаете это даже охотно. По моему, это *необходимо*. Весьма вѣроятно, что съ переходомъ въ одиночный нумеръ вы потеряете возможность писать ко мнѣ письма, помимо тюремнаго начальства; не стѣсняйтесь-же и пишите письма на имя Николаева.

«Прощайте. До слѣдующаго письма. Искренно-расположенный къ вамъ Дмитрій Карасевъ».

Николаевъ не заставилъ себя долго ждать на другой день. Около 11-ти часовъ утра, онъ уже былъ въ конторѣ полицейскаго дома. Егоровъ простеръ свою любезность до того, что самъ пришелъ въ камеру освѣдомиться, не пожелаю-ли я имѣть свиданіе съ Николаевымъ въ его, Егорова, квартирѣ? Предложеніе это, на столько громко произнесенное безцеремоннымъ Егоровымъ, что его не могли не слышать «мировые», признаюсь, меня нѣсколько смутило. Я почувствовалъ себя какъ-то неловко. Мнѣ было непріятно быть предметомъ зависти для этихъ несчастныхъ, бѣдность которыхъ отнимала у нихъ возможность заслужить, точнѣе *купить*, егоровское благоволеніе. Его безцеремонность, относительно этихъ бѣдняковъ, какъ читатель видитъ, проявлялась черезъ-чуръ нахальнымъ образомъ.

— Благодарю васъ за любезность, я, однако, не хочу злоупотреблять ею, и попрошу васъ позволить мнѣ свиданіе съ Николаевымъ въ конторѣ на общемъ основаніи,— сказалъ я Егорову съ притворною мягкостью, послѣ непродолжительнаго молчанія.

— Какое тутъ злоупотребленіе! Идемте-же, полноте стѣсняться... смѣясь возразилъ онъ, беря меня подъ руку и увлекая за собою «внизъ».

— Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ *здѣсь* побесѣдовать,—настаивалъ я, придя въ контору. — Предоставляю себѣ въ другой разъ воспользоваться вашею любезностью. Секретовъ у насъ съ г. Николаевымъ никакихъ нѣтъ; къ чему-же безпокоить ваше семейство? нѣтъ ужъ, пожалуйста, оставьте насъ.

— Какъ вамъ угодно, князь; мое желаніе по силѣ возможности *услужить* вамъ. Конечно, если вы находите для себя удобнымъ имѣть свиданіе здѣсь, то сдѣлайте одолженіе... я васъ остав-

Digitized by Google

ляю,—и Егоровъ, къ немалому моему удовольствію, вышелъ изъ конторы.

Я не ошибся: Николаевъ живо заинтересовался моимъ разсказомъ о Фокѣ и самъ, предупреждая мою просьбу, вызвался посѣщать его и, насколько возможно, способствовать къ укрѣпленію въ немъ стремленій къ *новой* жизни. Онъ вполнѣ согласился съ моимъ мнѣніемъ о необходимости для Фока быть совершенно отдѣленнымъ отъ среды, въ которой онъ теперь жилъ, и взялся убѣдить его въ этомъ.

— Спасибо, отъ души спасибо, благодарилъ меня Николаевъ.—Вы даете мнѣ занятіе. Можетъ быть, мнѣ и въ самомъ дѣлѣ удастся принести ему пользу? Времени у меня довольно...

Я самъ былъ, конечно, ничуть не менѣе благодаренъ этому добряку, въ которомъ бѣдный Фокъ несомнѣнно пріобрѣталъ себѣ не маловажную опору. Уже не стѣсняясь,—какъ наканунѣ,—письмоводителя, я передалъ Николаеву мое отвѣтное письмо къ Фоку, предварительно приписавъ къ нему, тутъ-же въ конторѣ, о полной готовности Николаева быть ему полезнымъ. Пріѣздъ Амаліи Карловны, въ сопровожденіи еще двухъ барынь, на свиданіе къ «благодѣтелю», помѣшалъ нашей бесѣдѣ и заставилъ пожалѣть объ отвергнутой любезности Егорова. Амалія Карловна, ранѣе знакомая еъ Николаевымъ по конторѣ полицейскаго дома, гдѣ она встрѣчалась съ нимъ, сразу вмѣшалась въ нашъ разговоръ и, не обращая вниманія на мои отрывистые, краткіе отвѣты, вродѣ «да» и «нѣтъ», не оставила насъ и тогда, когда въ контору явился «благодѣтель».

— Ну его къ чорту! я хочу съ *вами* поболтать, — съ проворствомъ кошки успѣла она сказать мнѣ на ухо, послѣ того, какъ Глюмъ занялъ мѣсто на стулѣ посреди двухъ барынь.

Тутъ кстати замѣтить, что вскорѣ послѣ прибытія моего въ полицейскій домъ, контора дома обогатилась нѣсколькими стульями и диваномъ, мебелью, подаренною все тѣмъ-же «благодѣтелемъ».

Съ приходомъ Егорова, милыя барыни начали «*дурачиться*». Въ конторѣ полицейскаго дома поднялась безобразнѣйшая возня, въ которой главная роль принадлжала самому Егорову, по его собственнымъ словамъ — «великому охотнику *пошутить* съ барыньками». Эти шутки, охотно принимаемыя, отплачивались,

Digitized by Google

въ свою очередь, со стороны «барынь», еще болѣе смѣлыми. Письмоводитель занялъ мѣсто въ корридорѣ, гдѣ въ темнотѣ и принималъ казенные пакеты, арестантовъ, не допуская никого въ самую контору и только изрѣдка докладывая о комъ-нибудь Егорову, который тогда и выходилъ на минуту къ посѣтителю въ корридоръ. Перезрѣлая кокетка, когда-то весьма недурная собой, Амалія Карловна своимъ безстыдствомъ значительно превосходила своихъ достойныхъ подругъ, показывая видъ, что она поступаетъ такъ съ цѣлью побѣсить своего страстнаго обожателя, почтеннаго Ивана Ивановича. Неоднократная попытка отдѣлиться отъ компаніи не удавалась: другой комнаты, куда-бы можно было удалиться съ Николаевымъ, не было. А визитъ «милыхъ барынь» обѣщалъ продлиться, по обыкновенію, до вечера. Я поднялся со стула.

— Куда вы? фуй, какъ это вѣжливо... Ну, милый, хорошій князь, посидите немного... Вѣдь, смотрите, и monsieur Николаевъ изъ-за васъ уходитъ... Да, что я васъ прошу! Не пущу, да и конецъ! — и грузная Амалія Карловна почти повисла на моей рукѣ.

— Ай-да Амалія Карловна! Молодецъ барыня! Поздравляю. Заранѣе увѣренъ въ вашей побѣдѣ, князь будетъ у вашихъ ногъ... Ну, теперь намъ съ вами, Иванъ Ивановичъ, «труба», — подзадоривалъ совершенно забывшійся Егоровъ.

— Позвольте, — сурово произнесъ я, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія нахальствомъ Амаліи Карловны, и, освободивъ не совсѣмъ вѣжливымъ образомъ свою руку, простился съ Николаевымъ. Принудивъ себя затѣмъ сказать компаніи: «извините меня, я не совсѣмъ здоровъ, и при всемъ моемъ желаніи провести съ вами время, я долженъ, однако, отказать себѣ въ этомъ удовольствіи. Честъ имѣю кланяться», — я поспѣшно, одновременно съ Николаевымъ, оставилъ контору. Минутъ черезъ десять, вбѣгаетъ въ камеру «благодѣтель» и, чуть-ли не со слезами, бросается умолять меня сойдти внизъ и успокоить Амалію Карловну.

— Князь, голубчикъ, сдѣлайте это хоть для меня... Ну, что-жъ съ нею дѣлать: она, вѣдь, женщина. Обидѣлась, что вы не простились съ нею, руки не подали, ну, и истерика... Вы, вѣдь, ей очень понравились... Ну для меня, для меня, прошу васъ,

Digitized by Google

пойдемте; я знаю, что она сейчасъ-же успокоится... Капризъ, знаете, — какъ-бы глотая слова,—говорилъ мнѣ растерявшійся Глюмъ.

Мысленно посылая ко всѣмъ чертямъ и Глюма, и его Амалію Карловну, я, однако, уже готовъ былъ исполнить его просьбу и направился было, вмѣстѣ съ нимъ, «внизъ», какъ встрѣча въ корридорѣ съ Егоровымъ заставила меня измѣнить свое намѣреніе.

— Ступайте-ка одни, Иванъ Ивановичъ, мы съ княземъ сейчасъ придемъ... у насъ маленькій секретъ. Успокойтесь: Амалія Карловна оправилась, — остановилъ насъ Егоровъ, беря меня подъ руку.

— Такъ я надѣюсь, князь. Пожалуйста... *для меня*,—произнесъ Глюмъ, неохотно оставляя меня съ Егоровымъ.

Подведя меня къ окну, усѣвшись на широкомъ подоконникѣ и предложивъ мнѣ сдѣлать тоже самое, Егоровъ озадачилъ меня слѣдующими словами, произнесенными въ полголоса:

— Вамъ везетъ счастье, да и только! Когда вы были княземъ, еще не удивительно было, что барыни вѣшались вамъ на шею; но вы и подъ арестомъ кружите головы. И я очень радъ. Вы, можетъ быть, не знаете, у Амаліи Карловны, по крайней мѣрѣ, тысячъ 50 наличнаго капитала, да богатая бѣлошвейная мастерская; есть-таки чѣмъ поживиться.

— Я васъ не понимаю; что мнѣ за дѣло до вашей Амаліи Карловны, до ея денегъ? — перебилъ я его.

— Да вы посмотрите, что съ нею дѣлается! Повѣрите-ли, она мнѣ только-что руки цѣловала, чтобы я только уговорилъ васъ сойдти къ ней. Вы, конечно, не упустите случая; *дѣло* можетъ быть очень выгодное... Я, съ своей стороны, отъ души готовъ вамъ содѣйствовать.

«На что, на что только человѣкъ этотъ не способенъ?! Есть-ли у него хоть что-нибудь святое, не продажное?» — мысленно спрашивалъ я себя, слушая Егорова. Меня такъ и подмывало высказать ему, какое сильное отвращеніе внушаетъ мнѣ его личность, до какой степени онъ низокъ даже въ моихъ глазахъ, въ глазахъ человѣка, далеко не безупречнаго. И я-бы навѣрное высказалъ ему это и отнялъ-бы у него впредь охоту предлагать мнѣ свое «содѣйствіе», если-бы я не сознавалъ, что, во-первыхъ, я самъ поощрилъ его къ подобному отношенію ко мнѣ и, во-

Digitized by Google

вторыхъ, что, пока я въ полицейскомъ домѣ, я во многихъ случаяхъ могу нуждаться въ этомъ «содѣйствіи» для достиженія той или другой цѣли. Съ трудомъ скрывая свое негодованіе, я принудилъ себя «горячо» поблагодарить услужливаго смотрителя и, въ то-же время, въ формѣ насколько возможно безобидной, уклониться отъ свиданія съ Амаліей Карловной.

— Ахъ, если-бы вы знали, какъ чертовски голова у меня болитъ!—сказалъ я, хватаясь за голову.—Я рѣшительно не могу сойдти «внизъ». Я въ эту минуту неспособенъ не только успокоить Амалію Карловну, но и двухъ словъ сказать. Я-бы не прочь поговорить съ этой интересной барыней, но только тогда, когда я въ хорошемъ расположеніи духа. Повѣрьте, я вамъ очень благодаренъ...

— Такъ я передамъ ей, что вы себя не хорошо чувствуете и просите ее посѣтить васъ завтра, чтобы лично извиниться передъ ней и кое о чемъ, понимаете... поговорить, — отвѣтилъ мнѣ Егоровъ, видимо, пріискивая наиболѣе пріятную для Амаліи Карловны форму объясненія моего нежеланія сойдти «внизъ».

— Пожалуйста,—нетерпѣливо проговорилъ я, желая поскорѣе отъ него избавиться.

— Ужь мы обдѣлаемъ дѣло, не безпокойтесь... А лакомый кусочекъ, не правда-ли?... лукаво улыбнулся Егоровъ, соскакивая съ подоконника и слегка хлопнувъ меня по плечу.

Я ужь протянулъ было ему руку, намѣреваясь произнести: «до свиданія», долженствовавшее меня, наконецъ, избавить отъ его присутствія, какъ вдругъ раздавшееся около меня слѣдующее громкое словоизверженіе заставило меня машинально убрать назадъ руку:

— Живо! живо! Отопри! Сюда его, каналью! Зажили бока, такъ я тебѣ подновлю! Ну, тащи, давай его сюда! Ахъ ты, мазура несчастная! Вотъ я тебѣ покажу, какъ подслушивать!...

— Не угодно-ли? До чего этотъ народъ дерзокъ! Ну, скажите, пожалуйста!—обратился ко мнѣ Егоровъ, словно ища моего одобренія, въ то время, какъ дежурный полицейскій служитель отпиралъ рѣшетку «слѣдственной» камеры. Я стоялъ въ недоумѣніи, тщетно силясь отгадать причину, вывшавшую столь внезапный, бѣшеный гнѣвъ моего милаго собесѣдника.

Digitized by Google

— Что такое случилось? — спросилъ я, наконецъ, при видѣ дрожащаго «Петрухи», моего бывшаго сотоварища по «слѣдственной» камерѣ, котораго служитель вывелъ за шиворотъ изъ камеры и представилъ передъ ясныя очи Егорова.

— Какъ? развѣ вы не замѣтили?—отвѣтилъ мнѣ Егоровъ, и тутъ-же носкомъ своего праваго сапога такъ сильно толкнулъ въ животъ несчастнаго «Петруху», что послѣдній заметался на полу.

— Убери эту собаку въ карцеръ. Небось, не издохнетъ... Ну, живо! не справишься, что-ли, съ нимъ? — съ выраженіемъ глубокаго презрѣнія къ валявшемуся «Петрухѣ» произнесло «начальство».

Служитель, видно, не былъ расположенъ ждать вторичнаго приказанія и, вцѣпившись въ волосы приговореннаго, поволокъ его по полу по дорогѣ въ уже описанный мною егоровскій карцеръ.

Какъ ни въ чемъ не бывало, Егоровъ, совершенно спокойный, улыбаясь, пояснилъ мнѣ происшедшую сцену. Окно, у котораго происходилъ нашъ разговоръ, приходилось какъ-разъ противъ «слѣдственной». Соскочивъ съ подоконника, Егоровъ случайно обернулся и, о ужасъ! одинъ изъ слѣдственныхъ арестантовъ, именно тотъ самый «Петруха», который имѣлъ дерзость пожаловаться кому-то: «холодно, молъ», и которому эта жалоба стоила нѣсколькихъ дней карцера и «взлупки», приложивъ ухо къ пустому пространству между деревянными столбиками, составлявшими перегородку слѣдственной камеры, преспокойно удовлетворялъ свое любопытство, прислушиваясь къ тому, что говорило «начальство». Этого было достаточно, чтобы вызвать описанную сцену.

— Странно... вы только что выходили изъ себя, а теперь такъ спокойны?—невольно спросилъ я Егорова, будучи пораженъ его рѣзкими переходами отъ нормальнаго состоянія къ состоянію, ничѣмъ не отличающемуся отъ бѣшенства, и обратно.

— А вы думаете, я и въ самомъ дѣлѣ выходилъ изъ себя? ха-ха-ха! Изъ-за такой дряни? Нѣтъ, батюшка, вѣдь, это только крикъ одинъ. Это, знаете, дѣйствуетъ на этихъ бродягъ. Не даромъ бывало у меня, не то, что эти бродяги, и цѣлая рота солдатъ,—да еще не инвалидовъ какихъ-нибудь, а настоящихъ бой-

Digitized by Google

цовъ кавказцевъ,—какъ листъ дрожитъ. *Строгость*—душа дисциплины... Однако, пойдти-же къ бабамъ,—спохватился Егоровъ. — Пойдемте вмѣстѣ, полноте нѣжничать; у васъ голова вовсе не такъ сильно болитъ?

— Нѣтъ, ужь увольте; въ другой разъ... *Теперь*, право, не могу...

— Ну, ладно, ладно, какъ хотите. До свиданія!

— Ты у меня, старый чортъ, смотри! сейчасъ-же доложить въ контору, если онъ вздумаетъ тамъ шумѣть, стучать, какъ въ прошлый разъ, сказалъ Егоровъ мимоходомъ, проведя пальцемъ по носу дежурнаго.

Товарищи «Петрухи», оставшіеся безмолвными и, повидимому, безучастными зрителями егоровской расправы, лишь только затихли на лѣстницѣ шаги послѣдняго, энергически заявили свой протестъ, въ формѣ цѣлаго потока площадной брани, громко призывая на голову «дьявола», «нехристя», «*кровопивца*», «взяточника» смотрителя всевозможныя проклятія; «мировые», изъ своей камеры, сочувственно отозвались на голоса своихъ «сосѣдей».

— Что-жь вы, чортъ васъ дери, молчали? кричалъ староста изъ «мировой». — Зачѣмъ выдали? Видно *слабо!* При самомъ, такъ душа въ пятки ушла, а безъ него такъ куда, какъ храбры!...

— Самъ ты очень храберъ! Ты-то гдѣ былъ? Небось, не высунулся!—отрызался кто-то изъ «слѣдственной».

— Вотъ-те Христосъ, какъ выйду, такъ, первымъ дѣломъ, гдѣ-нибудь пущу камнемъ въ этого окаяннаго! За него и грѣха никакого не будетъ, потому онъ хуже звѣря. Анаѳема буду, коли не сдѣлаю,—слышался чей-то зарокъ.

— Бунтуй, робята! стучи! ломай! Всѣхъ въ карцеръ не пересажаешь; шалишь, братъ, дудки!...

— Валяй! Не брать ужина! Пусть его самъ лопаетъ эти помои! Начальство пусть пріѣдетъ! Жаловаться, молъ, хотимъ: хлѣбъ нельзя въ ротъ взять; не топитъ, словно въ сараѣ; притѣсняетъ, колотитъ... казенныя дрова продаетъ.

— Еще не наворовалъ столько денегъ, сколько тебѣ нужно, анаѳемская твоя душа!—доносилось то изъ «мировой», то изъ «слѣдственной» камеръ, жителей которыхъ быстро охватило воинственное настроеніе. Все стучало, кричало, ругалось, прыгало...

Digitized by Google

Неподвижное населеніе этихъ двухъ камеръ, вдругъ, какъ-бы ожило, воспрянуло отъ долгой невольной спячки... Оно съ неподдѣльнымъ наслажденіемъ, съ искреннею радостью предавалось «бунтовству», вносившему разнообразіе въ ихъ «до смерти скучную» жизнь. Дежурный полицейскій скужитель, видя тщетность своей попытки усмирить бунтовщиковъ, попытки, выразившейся въ двухъ-трехъ минутной суетливой бѣготнѣ взадъ и впередъ по корридору, и въ приправляемыхъ нецензурными восклицаніями угрозахъ, обращаемыхъ то къ одной, то къ другой камерамъ,— съ досады плюнулъ, бросилъ ключи на полъ и съ словами: «ладноже!...» пустился бѣжать по лѣстницѣ «внизъ».

Интересуясь исходомъ «бунта», или, точнѣе, дѣйствіями Егорова въ *этомъ* случаѣ, я, однакожь, счелъ не лишнимъ быть подальше отъ арены дѣйствія. Я поспѣшилъ взойдти въ свою камеру и примкнуть къ моимъ «благороднымъ» товарищамъ, также приготовившимся быть свидѣтелями интереснаго зрѣлища.

Къ немалому моему удивленію, дежурный полицейскій служитель черезъ нѣсколько минутъ вернулся «снизу» *одинъ* и, притомъ, далеко не съ угрожающимъ видомъ. Я еще болѣе удивился, когда онъ, не смотря на то, что шумъ и брань въ камерахъ съ его приходомъ не только не прекратились, но еще какъ будто получили новую силу, — сталъ приниженно просить «братцевъ» и «господъ» перестать «баловать».

— Не хорошо, братцы вы мои; право, не хорошо... Побаловали и будетъ... Послушайте меня, старика. Довольно, господа! Вѣдь, васъ-же жалко... да перестаньте, братцы, сдѣлайте Божескую милость,.. уговаривалъ онъ «бунтующихъ».

— Врешь, *паукъ* несчастный! Не прикидывайся тихоней! Знаемъ мы вашего брата! Что? или съ цѣлой камерой-то—не то, что съ однимъ? Убирайся къ чорту! Полно умасливать! Намъ начальство сюда подавай! Жаловаться хотимъ!... Нары всѣ переломаемъ и рѣшетка къ чорту полетитъ!—отвѣчали ему.

«Петруха», между тѣмъ, до слуха котораго донеслось, что дѣлается въ камерахъ, не отставалъ отъ товарищей и одиноко «бунтовалъ» въ своемъ карцерѣ, колотя, что-есть мочи, ногами и руками въ дверь.

Но вотъ, въ корридорѣ показался околоточный, а за нимъ потянулась цѣлая вереница, человѣкъ съ 12, полицейскихъ служителей. Отперли «мировую» камеру. Все смолкло.

Digitized by Google

— Кто тутъ бунтуетъ? — обратился околоточный къ камерѣ.

— Мы не бунтуемъ, ваше благородіе, а дѣло говоримъ,— посреди общаго молчанія, смѣло отвѣтилъ тотъ самый благообразный старикъ, который заступался за голоднаго мальчика.— Нешто полагается людей морозить? Холодъ какой, а камеру ужь третій день, какъ не топятъ.

— Хлѣбъ постоянно черствый, съ пескомъ...

— Хорошій хозяинъ и собакѣ своей не даетъ такого супа, нето што человѣку,—заговорили, мало по малу, всѣ.

— Кто недоволенъ, выходи въ корридоръ,—спокойнымъ голосомъ объявилъ невозмутимый околоточный.

— Мы всѣ недовольны!—отозвался старикъ.

— И ты первый?

— А хоша-бы и такъ? Чтожь? я дѣло говорю.

— Выходи въ корридоръ.

Старикъ колебался.

— Что-жь ты стоишь? выходи! Кто хочетъ жаловаться, выходи: я запишу, чего вы хотите,—пояснилъ околоточный.

Старикъ, а за нимъ еще три человѣка, повидимому, болѣе смѣлыхъ протестантовъ, вышли въ корридоръ. Приказавъ служителю запереть камеру, околоточный направился къ «слѣдственнымъ», предварительно приказавъ двумъ полицейскимъ изъ своей свиты свести трехъ протестантовъ въ контору.

Тотъ-же вопросъ: «кто бунтуетъ»? и тотъ-же отвѣтъ: «не бунтуемъ, молъ, а дѣло говоримъ». Объясняя *дѣло*, мой старый знакомый «Заяцъ», къ претензіямъ о холодѣ, дурномъ хлѣбѣ и проч., прибавилъ новую: «Зачѣмъ, молъ, смотритель дерется? Ишь, какъ онъ хватилъ Петруху! Нонѣ, тоже, вѣдь, драться-то небольно-то велятъ».

— Ступай въ контору, тамъ *запишутъ*. Отведи!—обратился околоточный къ полицейскому служителю.

— Больше никто не хочетъ жаловаться?

— Да пусть ужь онъ одинъ, ваше благородіе, все объяснитъ,— отвѣтилъ кто-то изъ «слѣдственныхъ».

— Ну, ладно. Запри! — и околоточный, издали почтительно поздоровавшись съ нами, «благородными», «не бунтующими» субъектами, удалился изъ корридора, вмѣстѣ съ своей свитой. Дежурный полицейскій служитель рѣшился было обратить вни-

Digitized by Google

маніе его благородія на «бунтовавшаго» Петруху, не переставшаго стучать, но получивъ въ отвѣтъ: «дуракъ», поспѣшилъ покорно заявить свое «слушаю-съ!»

Съ четверть часа, въ камерахъ царствовала тревожная тишина. Арестанты то и дѣло останавливались у рѣшетки своихъ камеръ, видимо прислушиваясь, не идетъ-ли кто по лѣстницѣ. Разговора не было слышно. Всѣ ожидали возвращенія изъ конторы своихъ смѣлыхъ представителей. Однако, долгое отсутствіе послѣднихъ, надо полагать, начинало имъ казаться подозрительнымъ. Послышался легкій ропотъ. «Мировые» и «слѣдственные» стали изъ своихъ камеръ переговариваться. На дежурнаго служителя, упорно хранившаго строгое молчаніе, посыпались проклятія. Шаги прохаживавшихся по камерамъ дѣлались учащеннѣе, тверже. «*Кипятятся*, ребята», опредѣлилъ мнѣ Угровъ ихъ состояніе. Невѣдѣніе ихъ, относительно участи своихъ товарищей, длилось, впрочемъ, недолго; тотъ-же околоточный, на этотъ разъ безъ свиты, явился опять и громогласно объявилъ той и другой камерамъ, что, жалѣя ихъ, онъ скрылъ отъ смотрителя, что они *всѣ* бунтовали, иначе и имъ-бы не сдобровать. Теперь-же за происшедшее отвѣтятъ одни только зачинщики.

— Но, если только кто-нибудь изъ васъ зашумитъ, заключилъ онъ свое объявленіе,—то, вѣдь, вы ужь знаете смотрителя? Онъ, вѣдь, не я, уговаривать васъ не станетъ. Расправа съ вами короткая: въ кандалы и въ карцеръ.

— Если въ камерахъ будетъ смирно, — обратился онъ къ дежурному полицейскому служителю, не обращая вниманія на послѣдовавшія со стороны нѣкоторыхъ изъ арестантовъ боязливыя, не твердыя возраженія, — то дать имъ кипятокъ и въ лавку сходить: все равно, какъ будто ничего не было. Ну, а чуть что, такъ, конечно, и безъ кипятку насидятся. Скажи вахтеру, что смотритель вездѣ въ эти двѣ камеры дровъ дать.

— Слышите! у васъ будутъ топить. Смотрѣть-же, не дурить! закончилъ околоточный «усмиреніе» и, войдя къ намъ, тяжело опустился на стулъ.

— Хоть у васъ немного отдохнуть,—промолвилъ онъ, стараясь казаться утомленнымъ.—Вѣдь, эдакій народъ! Сидятъ, сидятъ и выдумаютъ что-нибудь... Возись тутъ съ ними!

Digitized by Google

— Да они, кажется, жалуются на холодъ, что имъ даютъ дурной хлѣбъ?—замѣтилъ я.

— Ихъ только слушайте, они наговорятъ. Все равно, что спросите изъ нихъ любаго: «за что сидишь»? непременно окажется невинный страдалецъ. Просто отъ скуки, отъ бездѣлья, чтобы, знаете, кровь немного разогнать. Дѣйствительно, я вхожу въ ихъ положеніе, вѣдь, скука смертельная, по неволѣ на стѣну полѣзешь,— отвѣтилъ мнѣ околоточный.

Явившійся «снизу» Иванъ Ивановичъ передалъ околоточному, что его зоветъ Егоровъ.

— Вотъ и извольте тутъ отдохнуть! Цѣлый день на ногахъ... право, иной разъ позавидуешь вамъ. До свиданія, господа!

Иванъ Ивановичъ былъ въ самомъ великолѣпномъ настроеніи духа. Успокоенная Амалія Карловна съумѣла загладить свое непродолжительное, но жестокое съ нимъ кокетство.

— Нѣтъ, князь, вы узнайте ее хорошенько,—говорилъ мнѣ Глюмъ, когда я не отвѣчалъ похвалами на его вопросы о впечатлѣніи, произведенномъ на меня милой Амаліей Карловной.— Это чудеснѣйшая женщина! Какъ она васъ жалѣетъ... она очень добра... и какъ она меня любитъ!...

Румяныя щеки «благодѣтеля» и его слишкомъ не сентиментальное настроеніе заставляло догадываться, что онъ успѣлъ отдать должную дань Бахусу. Терпѣливо выслушавъ какое-то полуфантастическое повѣствованіе о не совсѣмъ обыкновенныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ завязалось знакомство почтеннаго Глюма съ «чудеснѣйшею женщиной», я обратился къ нему, какъ бывшему въ конторѣ во время «бунта», вмѣстѣ съ Егоровымъ,— за пополненіемъ пробѣловъ въ исторіи «усмиренія». Оказалось, что «ловкій» Егоровъ, выслушавъ рапортъ дежурнаго полицейскаго служителя о томъ, что въ третьемъ этажѣ «бунтуютъ», сдѣлалъ ему строгій выговоръ съ предупрежденіемъ о «Нинольскій» за употребленное имъ слово «бунтуютъ», такъ какъ у него,— полицейскій служитель долженъ это запомнить разъ навсегда,— никогда бунтовъ не бываетъ, а если произошелъ шумъ, то, значитъ, виноватъ дежурный, который, вмѣсто того, чтобы спѣшить съ докладомъ объ этомъ, лучше-бы сдѣлалъ, если-бы самъ прекратилъ шумъ. Какъ прекратить?—это дѣло дежурнаго, который,— и никто болѣе,—отвѣчаетъ за порядокъ. «Чтобы сейчасъ-же былъ

Digitized by Google

прекращенъ шумъ! знать ничего не хочу! Пошелъ вонъ»!—послѣдовало распоряженіе Егорова, по донесеніи дежурнаго служителя. Однако, по уходѣ послѣдняго, Егоровъ немедленно послалъ за околоточнымъ, съ которымъ очень долго озабоченно разговаривалъ. Къ сожалѣнію, Глюмъ, увлеченный бесѣдою съ «чудеснѣйшею женщиной», не слѣдилъ за этимъ, несомнѣнно весьма интереснымъ, разговоромъ. Шумъ и стукъ, происходившіе въ третьемъ этажѣ, явственно доносились до конторы. Когда околоточный отправился съ толпою полицейскихъ наверхъ, Егоровъ оставался очень озабоченнымъ, что даже замѣтила «чудеснѣйшая женщина». Онъ оправился только тогда, когда два полицейскихъ служителя представили предъ его ясныя очи трехъ «мировыхъ», явившихся въ контору въ увѣренности, что тамъ только «запишутъ». Присутствіе «милыхъ барынь», конечно, очень стѣсняло Егорова. Убѣжденный, что «съ этимъ народомъ» непремѣнно нужно быть, или, точнѣе, казаться свирѣпымъ, онъ, однако, принужденъ былъ на этотъ разъ ограничить свою свирѣпость словами: «вотъ я васъ, канальи, проучу!» и приказаніемъ «разсадить ихъ по секретнымъ нумерамъ». Приказаніе было немедленно приведено въ исполненіе. Обманутое trio, понимая безполезность борьбы, не оказало сопротивленія, только старикъ что-то такое, чего не разслышалъ Глюмъ, сказалъ смотрителю, за что и былъ отведенъ, вмѣсто секретнаго нумера, въ карцеръ. «Заяцъ», приведенный въ контору околоточнымъ, удостоился, предварительно отправки въ карцеръ, доброй егоровской оплеухи, вызвавшей слезы «чудеснѣйшей женщины» и тысячу извиненій со стороны на минуту забывшагося «любезнаго» смотрителя. Послѣ непродолжительнаго совѣщанія между смотрителемъ и помощникомъ, послѣдній вторично отправился наверхъ, гдѣ и довершилъ «усмиреніе» уже описаннымъ мною способомъ.

Тактика «ловкаго» Егорова имѣла полнѣйшій успѣхъ. Камеры потеряли своихъ главныхъ вожаковъ, наиболѣе отважныхъ и, пожалуй, разумныхъ арестантовъ; потеряли ихъ безъ боя, который былъ-бы неизбѣженъ, если-бы Егоровъ захотѣлъ открыто дѣйствовать. Камеры, безъ обмана, не выдали-бы своихъ лучшихъ товарищей, а въ «бой» вступить, т. е., насильно взять кого нужно изъ камеры, было несогласно съ интересами Егорова, не допускавшаго возможности «бунта» во ввѣренномъ ему полицей-

Digitized by Google

скомъ домѣ. Лишенное своихъ лучшихъ силъ, слабое духомъ большинство населенія «мировой» и «слѣдственной», имѣя притомъ въ виду возможность лишиться «кипятка», не думало возобновлять бунта и отводило душу въ сильныхъ выраженіяхъ досады на собственную оплошность.

— Еще хорошо, братцы, что *самъ* не пришелъ; а то досталось-бы намъ. Бѣда, коли-бы узналъ, какъ мы тутъ крича[illegible]!— утѣшали себя трусишки, сердечно радуясь, что *дѣло* обошлось имъ такъ дешево.

Вечеромъ явился и *самъ*. За нѣсколько минутъ до прихода его, дежурный полицейскій служитель былъ позванъ въ контору. Исполняя, вѣроятно, приказаніе, тамъ полученное, онъ, возвратившись оттуда, объяснилъ арестантамъ, что смотритель сейчасъ будетъ. Приберитесь, братцы, приберитесь! Неравно что, просите прощенія. У! сердитый онъ сегодня! смотрите, не раздражайте... и мнѣ достанется... Знаете, по солдатски: выноваты, молъ, и конецъ...

— Какая камера больше шумѣла?!—грозно просилъ служителя Егоровъ, показавшись въ корридорѣ.

— Да они, осмѣлюсь доложить, не очень чтобы шумѣли, ваше высокоблагородіе... такъ, поспорили между собой,—словно отвѣчая затверженный урокъ, произнесъ тотъ.

— Молчать! Врешь, шельма! Прикрывать вздумалъ! Заодно съ арестантами!... Ихъ нечего прикрывать, каналій! Ну?.... Отопри! — громовымъ голосомъ заявляло о себѣ начальство почти у самыхъ дверей «мировой» камеры.

Чтобы не только слышать, но и хорошо видѣть Егорова, я осмѣлился выйдти изъ своей камеры. Задравъ голову кверху, съ заложенными назадъ руками, онъ, молча, съ дѣйствительно-свирѣпымъ видомъ, медленно обходилъ «мировыхъ», пристально, строго всматриваясь въ каждаго изъ нихъ, по очереди; обходъ этотъ, какъ видно, имѣлъ цѣлью подѣйствовать на нервы нехрабрыхъ арестантовъ и цѣль эта вполнѣ достигалась. Арестанты какъ-то жались, краснѣли, опускали глаза внизъ, нѣкоторые просто дрожали; а у двухъ-трехъ, на которыхъ особенно долго останавливался взоръ Егорова, даже выступили слезы. «Мировые», да, надо полагать, и «слѣдственные», которымъ воцарившаяся—послѣ грознаго «отопри!»—тишина не могла не казаться

Digitized by Google

зловѣщею, несомнѣнно переживали тяжелыя минуты. «Обходъ» длился, приблизительно, минутъ двадцать. Поравнявшись съ дверью, Егоровъ остановился, широко разставя ноги и перенеся руки сзади напередъ.

— Кто шумѣлъ?—гаркнулъ онъ вдругъ посреди долго длившагося общаго молчанія.

Арестанты въ отвѣтъ только усиленно заморгали глазами.

— *Васъ* спрашиваютъ! кто шумѣлъ?—еще громче закричало «начальство». — Конвойныхъ сюда! Кандалы принести!—Дежурный, стремглавъ, бросился «внизъ».

— Ва-аше высокоблагородіе! простите... виноваты... какъ передъ Богомъ... насъ смутили... простите... ваше высоблагородіе, сдѣлайте Божескую милость... взмолилась вдругъ вся камера, отвѣшивая нижайшіе, чуть-ли не земные, поклоны.

— Вотъ я васъ прощу!... Въ бараній рогъ согну, мерзавцы! Подъ судъ!... кто смутилъ?

— Да они, ваше высокоблагородіе... эвти самые... простите, Христа ради... сквозь слезы просили арестанты.

Съ лѣстницы донесся шумъ множества шаговъ и побрякиванье кандалами. Двое изъ «мировыхъ» бросились въ ноги неумолимому Егорову.

— Смилосердуйтесь... не губите... Ва-аше высокоблагородіе!...

Вошли человѣкъ 12 полицейскихъ служителей. Въ рукахъ у нѣкоторыхъ находились кандалы.

— Давай сюда этихъ бродягъ, съ «слѣдственной»!—нѣсколько тише приказало «начальство» дежурному, закуривая сигару.

Читатель уже знаетъ, изъ какого рода субъектовъ состояло въ данное время небольшое населеніе «слѣдственной». Едва успѣлъ дежурный отпереть ихъ камеру, какъ всѣ они выбѣжали въ корридоръ и, бросившись въ ноги Егорову, подняли страшный вой, моля о пощадѣ. Однако, мнѣ не трудно было замѣтить, что «ребята» плакали *безъ слезъ* и что раскаяніе ихъ, такъ отчаянно высказываемое, не болѣе, какъ «комедія».

— Прочь!—толкнулъ Егоровъ ногою одного изъ нихъ, особенно на него напиравшаго.—«Заковывай»!

«Мировые» и «слѣдственные» завопили въ одинъ голосъ:

— Ва-аше высокоблагородіе! Отецъ родной! Прости насъ дураковъ... по глупости нашей...

Digitized by Google

— Хорошо, бестіи, я васъ прощаю на этотъ разъ! Но берегитесь: слово только пикни кто-нибудь,—заморю!... Маршъ, по мѣстамъ! — скомандовало начальство, направляясь ко мнѣ.—Ни кипятку, ни подаянія! Передавать дежурнымъ!... громко объявилъ онъ на ходу дежурному полицейскому служителю.

Толпа полицейскихъ не замедлила удалиться; камеры были заперты; водворилась необыкновенная тишина.

Суровость, грозное выраженіе мигомъ исчезли съ лица Егорова, какъ только онъ произнесъ:

— Любопытствуете, князь? Какъ ваша головная боль?

Въ голосѣ его слышались мягкость, ласковость. Невѣроятнымъ казалось, что это тотъ самый человѣкъ, который не *минуту, а всего только нѣсколько секундъ* тому назадъ, представлялъ собою какое-то грозное, страшно-гнѣвное, неумолимое божество. Я вторично высказалъ ему свое удивленіе его чудной способности моментально, по своему произволу, измѣнять свое настроеніе.

— Инымъ на такомъ мѣстѣ и быть нельзя,—самодовольно отвѣтилъ, замѣтно очень польщенный, Егоровъ.—Тутъ, батюшка, нужно быть *особеннымъ* человѣкомъ; да-съ, особеннымъ. Знаете вы, чѣмъ вотъ эта самая исторія пахла?—понизивъ голосъ, таинственно продолжалъ онъ.—У другого смотрителя, для того, чтобы усмирить этихъ бродягъ, потребовалась-бы, по крайней мѣрѣ, рота солдатъ... рапорты, донесенія. Тутъ-бы сегодня и полицей-мейстеръ, и прокуроръ, и всякое начальство перебывало. Глядишь, еще какой-нибудь писака пронюхалъ-бы и съ дуру прямо и хватилъ: въ такомъ-то, молъ, полицейскомъ домѣ взбунтовались арестанты, для усмиренія которыхъ потребовалось войско. Дознано, что причины бунта гнѣздятся въ злоупотребленіяхъ домовой администраціи. Арестанты заявили... ну, словомъ, плохо кормятъ, по головкѣ не гладятъ и т. д. Чѣмъ-же кончается? глядишь, и смотрителя вонъ, и помощника вонъ, и арестантовъ подъ судъ... Вѣрно, вѣрно; увѣряю васъ. А у меня вы видѣли, какой оборотъ дѣло получило? Я теперь, по крайней мѣрѣ, на мѣсяцъ застрахованъ не только отъ какого-нибудь бунта, но и вообще даже отъ простаго, незначительнаго нарушенія тюремной дисциплины. Такъ-то, князь! Всякое дѣло мастера боится. Приходите-ка въ контору посидѣть...—Бѣденькій Иванъ Ивановичъ

Digitized by Google

и не чуетъ бѣды,—наклонился вдругъ Егоровъ къ моему уху,—жалко мнѣ его, жалко; а ничего не подѣлаешь... бѣдовый вы человѣкъ, князь: скоро побѣждаете...

Я было покусился сдѣлать возраженіе, но «золотой человѣкъ» замахалъ руками и, продолжая на ходу шутить, оставилъ корридоръ.

— Ушелъ, анаѳема!—радостно объявилъ кто-то въ «слѣдственной» камерѣ.

— Тише, чо-ортъ! Чего орешь? можетъ, еще здѣсь стоитъ!—немного тише замѣтили ему.

— А я вотъ спрошу: этотъ баринъ, который съ нами-то сидѣлъ, не разсердится.

— Баринъ! а баринъ! —махалъ мнѣ рукой мальчикъ изъ «слѣдственной».

Я подошелъ и подтвердилъ, что «анаѳема» ушелъ. Черезъ минуту камера огласилась хохотомъ. Одинъ изъ «слѣдственныхъ» принялся очень удачно представлять Егорова. Дежурный полицейскій служитель болѣе не препятствовалъ «баловаться», вѣроятно, опасаясь возможности повторенія исторіи. Въ «мировой» камерѣ, напротивъ, все хранило гробовое молчаніе. Кандалы, толпа полицейскихъ и несомнѣнное могущество Егорова, видимо, произвели сильное впечатлѣніе на мало бывалыхъ «мировыхъ».

— Чего тамъ или умерли всѣ? Бабы! живы-ли? Или *слабо?*—тщетно поддразнивали ихъ «слѣдственные». «Мировые» ни слова не отвѣчали.

Появленіе Савельева съ обѣдами «изъ гостинницы» заставило меня прекратить свои наблюденія надъ «усмиренными». Однако, прежде, чѣмъ оставить корридоръ, я полюбопытствовалъ у дежурнаго полицейскаго служителя объ участи, постигшей «Петруху», изъ карцера котораго уже давно не доносилось стука и крика.

— Того-то скоро усмирили... ажь жалко стало!—отвѣтилъ онъ мнѣ.

— Что-же такъ, *жалко*?—спросилъ я, смутно догадываясь въ чемъ дѣло.

— Да такъ... ужь очень шибко его побили... связанный лежитъ... послѣдовалъ нерѣшительный отвѣтъ.

Я отъ души пожалѣлъ «Петруху».

Digitized by Google

ГЛАВА XII.

НА ТОЧНОМЪ ОСНОВАНІИ 229 СТАТЬИ.

— Наконецъ-то вы бросили свои наблюденія! А мы ужь, признаться, рѣшили не безпокоить васъ и утолить безъ васъ свой голодъ... Садитесь-же скорѣй!—нетерпѣливо произнесъ, видимо изрядно проголодавшійся «благодѣтель», принимаясь при входѣ моемъ «хозяйничать», т. е. наполняя супомъ тарелки.

— Простите, милѣйшій Иванъ Ивановичъ; впредь обѣщаю быть аккуратнѣе... согласитесь сами, вѣдь это интересно...

— Что такое интересно?—перебилъ онъ меня.

— Да, вотъ этотъ самый бунтикъ... причины, его вызвавшія, способъ усмиренія... Меня, по крайней мѣрѣ, это живо заинтересовало. На свободѣ, такія размашистыя картинки, право, не скоро увидишь. Да и другого Егорова, пожалуй, поискать надо. Какъ вы думаете, баронъ?

— Ну, я думаю, если-бы на свободѣ такіе подвиги, какими, обыкновенно, здѣсь почти ежедневно отличается Егоровъ, имѣли столько-же шансовъ на безнаказанность, сколько Егоровъ имѣетъ *здѣсь*, то, пожалуй, такихъ героевъ и не пришлось-бы искать: они попадались-бы намъ на каждомъ шагу.

Глюмъ, не то съ сожалѣніемъ, не то съ презрѣніемъ, посмотрѣлъ на барона. Трудно было точно опредѣлить то выраженіе, какое приняло его лицо, когда онъ, оставивъ на минуту свою ложку, взглянулъ на барона своими масляными глазами.

— Что вы на меня такъ посмотрѣли?—спросилъ его баронъ.

— Такъ-съ, ничего-съ... я вамъ въ другой разъ про это скажу.

— Почему-же въ другой разъ, а не теперь?

— А ужь это позвольте *мнѣ* знать,—рѣзко отвѣтилъ ему Глюмъ и, почему-то, при этомъ пристально, съ насмѣшливой улыбкой, посмотрѣлъ на ветхія рейтузы и сапоги барона.

Digitized by Google

Глюмъ, вообще, не долюбливалъ барона. И не долюбливалъ, кажется, именно за эти ветхія рейтузы, плохіе сапоги, словомъ— за его видимую бѣдность. Точно также, по той-же причинѣ, онъ не долюбливалъ и Де-Трайля; но послѣдній относился къ Глюму съ наружнымъ уваженіемъ, всегда во всемъ соглашался съ нимъ и нерѣдко принималъ отъ Глюма нѣкоторыя подачки, какъ, напримѣръ, 1/4 фунта табаку, осьмушку чаю, остатки отъ обѣда или завтрака и т. п., чѣмъ и давалъ ему право на фамильярное съ собою обращеніе, доходившее до того, что очень часто Глюмъ, не желая безпокоить себя, подыматься со стула или кровати, обращался къ Де-Трайлю: «а ну-ка, подайте мнѣ спички! или: «сходите, пожалуйста, внизъ, позовите мнѣ Савельева». Баронъ-же, напротивъ, слишкомъ замѣтно не уважалъ Глюма, не позволялъ ему съ собой ни малѣйшей фамильярности и, до моего прибытія, врядъ-ли обмѣнялся съ нимъ хоть-бы словомъ. И Глюму было очень непріятно, что эта «голь перекатная», которая такъ «кичится» передъ нимъ, получила вдругъ право обѣдать съ нимъ за однимъ столомъ и, вмѣсто черстваго хлѣба и колбасы на 3 коп., пользоваться почти такимъ-же обѣдомъ, какимъ пользуется и онъ, Глюмъ.

— Напрасно вы, князь, кормите этого барона... говорилъ онъ мнѣ наканунѣ въ конторѣ.—Охота вамъ тратиться! увѣряю васъ, что это самый неблагодарный человѣкъ. По моему, лучше Де-Трайлю помочь: тотъ, по крайней мѣрѣ, спасибо скажетъ. А вѣдь *этотъ*, даромъ, что голъ, какъ соколъ, а все хочетъ корчить изъ себя барина. Да и зачѣмъ ему обѣдъ? Спросите-ка его: когда онъ обѣдалъ?

Ничто такъ не бѣсило Глюма, какъ когда баронъ заговаривалъ со мною по французски. Онъ тогда или поспѣшно убирался «внизъ», или отводилъ душу, шопотомъ бесѣдуя съ Угровымъ. Очень часто такая бесѣда кончалась тѣмъ, что «благодѣтель», выведенный изъ себя продолжительностью нашего разговора, безцеремонно перебивалъ насъ словами: «Да будетъ-же вамъ, господа, бока-то намъ мыть! Говорите по русски»!

Какъ нарочно, послѣ рѣзкаго отвѣта Глюма, баронъ сдѣлалъ мнѣ какой-то вопросъ, на томъ-же, ненавистномъ Глюму, французскомъ языкѣ. Глюмъ быстро рѣшилъ, что баронъ непремѣнно говоритъ о немъ и ужь, конечно, не доброе говоритъ. Хмѣльное

Digitized by Google

состояніе располагало къ воинственности. И вотъ, достопочтенный Глюмъ, обыкновенно, чаще всего, столь любезный и почтительный, недолго думая, бросаетъ ложку и, ударяя кулакомъ по столу, громогласно объявляетъ, что онъ понимаетъ, что говоритъ о немъ баронъ, и что онъ поэтому требуетъ, чтобы баронъ немедленно-же передъ нимъ извинился.

— Сейчасъ-же! сію минуту! — какъ-то особенно выкрикнулъ побагровѣвшій Глюмъ.

— А-а! вы еще изволите улыбаться?—внѣ себя воскликнулъ Глюмъ, замѣтивъ на лицѣ барона невольную улыбку. — *Всякій* голышъ, всякій *нищій* будетъ надо мной смѣяться!..

Въ камерѣ раздался звукъ звонкой пощечины. Съ крикомъ: «дежурный! дежурный!» получившій эту пощечину «благодѣтель» бросился изъ камеры.

— Въ васъ мало самообладанія, баронъ; можно было безъ *этого* обойтись,—сказалъ я, искренно досадуя на барона.

— Нѣтъ, я съ вами не согласенъ: безъ «этого» нельзя было обойтись,—мягко отвѣтилъ мнѣ видимо взволнованный баронъ.— Не дай я ему этой пощечины, онъ еще до сихъ поръ продолжалъ-бы самодурствовать. Притомъ, какъ хотите, употребленныя имъ выраженія отнюдь не располагали къ хладнокровному дѣйствію. Человѣкъ, на каждомъ шагу, старается напомнить вамъ, что вы нищій и что, въ силу этого обстоятельства, вы существо низшее, которое онъ, богатый мошенникъ Глюмъ, можетъ третировать, какъ и сколько ему угодно; человѣкъ, наконецъ, выходитъ изъ себя безъ всякаго повода, оскорбляетъ васъ... Нужно-жь было конецъ положить этому? *Слово* не помогло-бы; оно было-бы безсильно остановить его. Вы, впрочемъ, менѣе всѣхъ имѣете причину печалиться, Дмитрій Александровичъ; вы такъ любите присутствовать при егоровскихъ «расправахъ»...

Но меня именно и безпокоила эта «расправа». Глубоко досадуя на Соте, такъ плохо пользовавшагося урокомъ прошлаго, меня, въ то-же время, очень тревожили вѣроятныя послѣдствія его самоуправства, впрочемъ, несомнѣнно, въ значительной степени оправдываемаго поведеніемъ Глюма. Можно было ожидать, что Егоровъ приметъ особенно близко къ сердцу дѣло своего друга Глюма, и раздѣлается съ нимъ не просто «по своему», а какимъ-

Digitized by Google

нибудь еще особеннымъ, новымъ, мнѣ неизвѣстнымъ, необыкновеннымъ образомъ.

— Успокойтесь, Дмитрій Александровичъ: увѣряю васъ, что въ карцеръ онъ меня не посадитъ и оковъ точно также не надѣнетъ,—сказалъ мнѣ баронъ послѣ того, какъ я высказалъ ему мои опасенія.—Съ благородными субъектами у него, вѣроятно, другая расправа, и вѣрнѣе всего, что Егоровъ удивитъ насъ: онъ поступитъ именно такъ, какъ мы вовсе и не ждемъ.

— Ну, это врядъ-ли такъ; вы напрасно ждете отъ него какой-то особой деликатности. Я совѣтую вамъ запастись хладнокровіемъ. Впрочемъ, позвольте... Я остановился вдругъ на мысли сойдти «внизъ» и предупредить неизбѣжное, по моему мнѣнію, опасное столкновеніе Егорова съ Соте.

— Куда вы?—остановилъ меня баронъ.—Пожалуйста, не ходите. Прошу васъ. Я-же, наконецъ, не ребенокъ, Дмитрій Александровичъ. Однако, напугалъ онъ васъ... Воспользуемтесь-ка лучше медленностью Егорова и покончимте пока съ обѣдомъ.

Я не противился и, слѣдуя примѣру барона, принялся за забытый обѣдъ.

Но вотъ мы и пообѣдать успѣли; «халуй» успѣлъ ужь и самоваръ подать на столъ, а Егоровъ, вопреки моему ожиданію, все еще не жаловалъ. Прошло съ добрый часъ времени, пока, наконецъ, кто-то постучалъ въ дверь корридора. Это былъ околоточный.

— Потрудитесь, баронъ, сойти внизъ къ смотрителю,—мрачно, почти не смотря на барона, объявилъ онъ, здороваясь со мною и Угровымъ.

— Иванъ Ивановичъ тамъ?—спросилъ я околоточнаго.

— Кажется... не замѣтилъ,—уклончиво отвѣтилъ онъ.—Пожалуйте-же скорѣй! Что вы тамъ копаетесь?—строго обратился онъ къ барону.

— Если вамъ некогда, то я васъ не задерживаю. Вы видите, что я одѣваюсь: не въ халатѣ-же мнѣ идти въ контору?—сдержанно отвѣтилъ ему Соте, неторопливо одѣваясь въ свой изношенный сюртукъ.

— И я пойду съ вами: мнѣ нужно поговорить съ смотрителемъ,—сказалъ я, отправляясь вслѣдъ за околоточнымъ и Соте «внизъ». Я, конечно, не встрѣтилъ препятствій и вошелъ вмѣстѣ

Digitized by Google

съ нимъ въ контору. Я напрасно искалъ глазами Глюма: его тамъ не было.

— Вы ко мнѣ, Дмитрій Александровичъ? Я теперь немножко занятъ... Нельзя-ли послѣ?—озабоченно сказалъ мнѣ Егоровъ, замѣтно стараясь выпроводить меня изъ конторы.

— Ничего, я посижу. Можно посмотрѣть сегодняшній приказъ по полиціи?—притворился я непонимающимъ смысла его словъ и, не ожидая приглашенія, сѣлъ на стулъ. Егоровъ неохотно подалъ мнѣ суточный приказъ.

— Г. Глюмъ заявилъ мнѣ на васъ жалобу,—незначительно возвысивъ голосъ, обратился онъ къ барону.—Вы не отрицаете, что вы ударили его?

— Нѣтъ.

— Мнѣ очень прискорбно, что вы такимъ образомъ оказываетесь виновнымъ въ *буйствѣ*, ставящемъ меня въ весьма непріятную для меня необходимость привести надъ вами въ исполненіе то, что мнѣ предписываетъ законъ.—Подайте мнѣ четырнадцатый томъ!—приказалъ онъ письмоводителю.

Четырнадцатый томъ, который мнѣ уже однажды предъявлялъ Егоровъ, въ доказательство своего права поставлять достойнымъ арестантамъ вино, былъ, собственно говоря, не томъ, а старенькая, замасленная и оборванная инструкція смотрителю губернскаго тюремнаго замка, при которой находилось еще нѣсколько листовъ изъ устава о содержащихся подъ стражею.

Раскрывъ свой четырнадцатый томъ, Егоровъ принялся перелистывать его немногія страницы; остановившись на одной изъ нихъ, онъ подалъ «томъ» барону съ словами:

— Неугодно-ли прочитать 229 статью?

— Я знаю эту статью,—отвѣтилъ ему Соте, заглянувъ въ «томъ» и возвращая его обратно.

— Тѣмъ лучше. Въ такомъ случаѣ, мнѣ остается только сказать вамъ, что, на основаніи этой извѣстной вамъ статьи, я васъ обязанъ наказать шестидневнымъ содержаніемъ въ карцерѣ. Ограничусь относительно васъ средней мѣрой взысканія: вы просидите четыре дня.

— Распорядитесь! — приказалъ онъ околоточному; но баронъ остановилъ послѣдняго, вдругъ обратившись къ Егорову съ вопросомъ:

Digitized by Google

— Вы не шутите?

— Извольте исполнить мое приказаніе! Посадите этого господина въ карцеръ,—вмѣсто отвѣта на вопросъ барона, повторилъ Егоровъ свое приказаніе.

Ничего не говоря, баронъ съ достоинствомъ подошелъ къ столу, сѣлъ на свободный табуретъ и, взявъ въ руки перо, спокойно произнесъ:

— Позвольте мнѣ листъ бумаги?

— Запишите сейчасъ въ книгу: за буйство, непослушаніе и сопротивленіе—на шесть дней въ карцеръ. Дайте ему листъ бумаги!—грозно приказалъ Егоровъ, нервно закуривая сигару.

На крикъ его: «эй! кто тамъ?» въ конторѣ показался Савельевъ.

— Конвой сюда! три человѣка!

Спустя нѣсколько минутъ, явился и конвой. Я возвратилъ Егорову суточный приказъ.

— Вы имѣли мнѣ что-то сказать? Я сейчасъ къ вашимъ услугамъ, — сказалъ онъ мнѣ, медленно, словно что-то обдумывая, вставая со стула.

— Когда онъ кончитъ писать, доложить мнѣ, я буду во второмъ этажѣ, — объявилъ онъ околоточному.—Пойдемте, Дмитрій Александровичъ!

Мы молча поднялись по лѣстницѣ и вошли въ просторный корридоръ втораго этажа, гдѣ, взявъ меня подъ руку, Егоровъ промолвилъ:

— Ну, что хорошенькаго?... Пройдемтесь немного.

Я сознался Егорову, что, въ дѣйствительности, я ничего сказать ему не имѣю и что я сошелъ въ контору съ единственною цѣлью посмотрѣть его судъ и расправу надъ барономъ.

— Я справедливъ, Дмитрій Александровичъ, и *различій не дѣлаю*. Баронъ-ли, разночинецъ-ли, для меня, въ этомъ случаѣ, все равно. Я не могу оставлять такія вещи безнаказанными, — тономъ глубокаго убѣжденія отвѣтилъ мнѣ Егоровъ, продолжая ходить подъ руку со мною по корридору.

Потребовалось, конечно, не мало самообладанія, чтобы ничѣмъ не дать замѣтить Егорову истинное впечатлѣніе, произведенное на меня его тирадой, его замѣчательными, по своей нахальности и беззастѣнчивости, словами: «я справедливъ... различій не дѣлаю».

Digitized by Google

Арестантовъ не было видно у рѣшетокъ, Вѣроятно, наученные поучительнымъ примѣромъ «Петрухи», такъ горько поплатившагося за свое непозволительное любопытство, содержавшіеся въ камерахъ втораго этажа, замѣтивъ присутствіе въ корридорѣ Егорова, прижались къ нарамъ, съ видимою цѣлью избѣжать привлечь чѣмъ-нибудь на себя его вниманіе.

— Конечно, вы и Глюма наказали?

— Его-то за что?—съ непритворнымъ удивленіемъ спросилъ меня, въ свою очередь, Егоровъ.

— Какъ за что! Впрочемъ, вамъ врядъ-ли извѣстны подробности. — Естественно думать, что, жалуясь вамъ, Иванъ Ивановичъ не преминулъ скрыть отъ васъ именно то, что вызвало самоуправство барона. А между тѣмъ, по моему мнѣнію, Иванъ Ивановичъ тутъ виноватъ ничуть не менѣе. Вѣдь это было при мнѣ. Если угодно, я вамъ съ стенографическою точностью передамъ, какъ было въ дѣйствительности дѣло.

— Пожалуйста, сдѣлайте одолженіе...

Разсказавъ Егорову исторію «пощечины», я позволилъ себѣ выразить мнѣніе, что «справедливость», которою онъ, Егоровъ, только что гордился, несомнѣнно требуетъ, чтобы и Глюмъ былъ наказанъ.

— Нѣтъ-съ, позвольте-съ... я съ вами не согласенъ. Разъ Соте позволилъ себѣ непосредственно расправиться съ Глюмомъ, онъ уже, этимъ самымъ, потерялъ всякое право на наказаніе его за причиненныя имъ ему дерзости. Да и помилуйте! Иванъ Ивановичъ такой прекрасный, такой мирный человѣкъ... Вотъ онъ ужь у меня не первый мѣсяцъ сидитъ, а я ни разу не имѣлъ причины быть имъ чѣмъ-либо недовольнымъ. А этотъ господинъ, право, ужь очень много о себѣ думаетъ; немного крылья ему подрѣзать, пожалуй, и не мѣшаетъ. Ну, что такое, что онъ баронъ? Во-первыхъ, такихъ барономъ, какъ онъ неспособныхъ даже прокормить себя, я ужь не въ первый разъ вижу у себя; а, во-вторыхъ, извините меня, Дмитрій Александровичъ, разъ человѣкъ попалъ въ тюрьму, онъ долженъ забыть всѣ свои титулы и чины и долженъ, для собственнаго-же спокойствія, мириться съ необходимостью подчиняться тюремному начальству.

— Но не посадите-же вы его, въ самомъ дѣлѣ, въ карцеръ?— перебилъ я Егорова.

Digitized by Google

— Я *обязанъ* его посадить; *обязанъ*, какъ смотритель. Законъ даетъ мнѣ право въ извѣстной степени облегчать положеніе арестованнаго, по моему мнѣнію заслуживающаго того своимъ поведеніемъ или по другимъ обстоятельствамъ. Меня нельзя упрекнуть, что я не пользуюсь этимъ правомъ. Вы сами очень хорошо видите, что я готовъ допустить многое... для васъ, для Глюма. Но къ барону я не имѣю повода даже быть снисходительнымъ; напротивъ, онъ самъ заставляетъ меня быть къ нему особенно строгимъ. Вы видѣли, какъ онъ себя держитъ?... Ну, посудите сами: вѣдь, какъ бы то ни было, я смотритель, я здѣсь начальникъ...

Его прервалъ околоточный, доложившій, что баронъ кончилъ писать.

— Принесите мнѣ сюда, что онъ тамъ написалъ,—отвѣтилъ ему Егоровъ.

Пока у меня въ карманѣ еще имѣлось нѣсколько извѣстнаго достоинства денежныхъ, я чувствовалъ себя настолько сильнымъ, чтобы въ любую минуту избавить Соте отъ карцера. Но Соте былъ такъ убѣжденъ, что Егоровъ не позволитъ себѣ поступить съ нимъ такимъ образомъ, что я, не смотря на произнесенный уже Егоровымъ приговоръ, ждалъ чего-то.

Это «чего-то» меня крайне интересовало даже независимо отъ участія барона. Обнаруженныя Егоровымъ, при «усмиреніи бунта», оригинальныя тактическія способности показали мнѣ, что я еще далеко не изучилъ его и что, не становясь менѣе отвратительнымъ, онъ, однако, представлялъ собою слишкомъ любопытный типъ. Почему ожидаемое «чего-то», какъ нѣчто такое, въ чемъ должна проявиться новая, неизвѣстная мнѣ, особенность этого типа, побуждала меня не торопиться переговорами о выкупѣ барона,—переговорами, къ тому-же, далеко не желательными и по другой причинѣ: съ исчезновеніемъ Гуандзе, небольшая денежная сумма, которою я обладалъ, получила для меня особенную цѣнность. Она составляла все мое состояніе, на которомъ я основывалъ многія надежды. Эта небольшая сумма должна была дать мнѣ возможность достичь, путемъ бѣгства, свободы и возможность безопасно укрыться, на первыхъ порахъ, отъ преслѣдованія.

Digitized by Google

Если я мысленно и рѣшилъ, въ крайнемъ случаѣ, прибѣгнуть къ выкупу, то я, въ то-же время, не могъ не сознавать, что это рѣшеніе, вызванное дружескимъ чувствомъ къ барону,— весьма, тяжелая для меня жертва этому чувству. Почему знать? Можетъ быть ожидаемое «что-то» сдѣлаетъ эту жертву лишнею, вовсе не нужною?...

— Да скажите, пожалуйста, гдѣ-же Иванъ Ивановичъ? Въ конторѣ его, вѣдь, нѣтъ?—спросилъ я Егоровъ.

— Онъ у меня. Я его никакъ не могъ уговорить вернуться въ камеру. «Я, говоритъ, за себя не ручаюсь, я могу его убить, если увижу его теперь». И то сказать: человѣкъ онъ самолюбивый и, нужно сказать правду, очень почтенный. Есть маленькая слабость... прекрасный полъ... но кто-же въ этомъ не грѣшенъ? У него и нѣтъ ничего общаго съ другими арестованными: я и смотрю на него такъ. Вы, конечно, знаете, за что онъ сидитъ? За собственныя, вѣдь, деньги сидитъ. Между нами,—сообщалъ мнѣ по секрету Егоровъ,—у него съ этой барыней что-то было, ну, жениться обѣщалъ тамъ, что-ли... словомъ, — месть. Жалко человѣка.

Околоточный принесъ бумагу.

— А-га! жалоба! Ха-ха-ха! дур-рачь!—сквозь принужденный смѣхъ воскликнулъ Егоровъ, прочтя первыя строки бумаги.

Онъ прочелъ ее съ притворною небрежностью и, возвращая околоточному, сказалъ:

— Ерунда; положите тамъ въ столъ.

— Прикажете отправить его въ карцеръ?—спросилъ тотъ.

— Да, впрочемъ... дайте-ка эту бумажонку!— И Егоровъ, опять, на этотъ разъ, съ большею внимательностью, просмотрѣлъ жалобу Сотэ.

— Я самъ буду въ конторѣ. Приготовьте отдѣльный нумеръ,— сказалъ онъ околоточному, положивъ бумагу въ свой боковой карманъ.

Околоточный удалился.

— Повѣрите-ли, Дмитрій Александровичъ, какъ мнѣ ни непріятно наказывать его,—тономъ сожалѣнія произнесъ Егоровъ,— но ничего не могу сдѣлать: я обязанъ. Притомъ, это упрямство... Если-бы онъ хоть извинился передъ Глюмомъ, просилъ-бы, я могъ-бы еще ограничиться меньшимъ наказаніемъ. Совсѣмъ без-

Digitized by Google

наказаннымъ я никоимъ образомъ не могу его оставить; это подѣйствовало-бы дурно на разночинцевъ. Иванъ Ивановичъ тоже имѣлъ-бы полнѣйшее право быть на меня въ претензіи. Положимъ, что не Соте ударилъ Глюма, а наоборотъ; что тогда? Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ господинъ полѣзъ-бы на стѣну, требовалъ-бы самаго строгаго для Глюма наказанія. Не такъ-ли? А тутъ онъ еще и жалуется! Ну, и нагородилъ-же онъ, я вамъ скажу, въ этой жалобѣ такую чепуху, что, по совѣсти говоря, я и отправить ее затрудняюсь... Жалко его. Вѣдь дуракъ жестоко можетъ поплатиться... Ну, тамъ, знаете, выраженія этакія, разныя.

— Можно полюбопытствовать? Она, кажется, при васъ?

— Не стоитъ читать: повѣрьте мнѣ, что ерунда,— уклонился онъ исполнить мою просьбу.—Я ее и отправлять не буду. Захочетъ жаловаться, тамъ еще успѣетъ, когда товарищъ прокурора пріѣдетъ. Только, вѣдь, на меня, я вамъ скажу, трудно жаловаться!... Однако, до свиданія; пойти распорядиться, — заторопился онъ вдругъ.

Нельзя было не замѣтить, что «ерунда» очень встревожила Егорова. Продолжая разговаривать со мною послѣ прочтенія ея, онъ, въ то-же время, какъ-бы что-то обдумывалъ. Вѣроятно, оттого, и высказанныя имъ мысли не отличались логикой и обычною смѣлостью. Въ словахъ его, точнѣе, въ тонѣ, какимъ они произносились, слышалась нерѣшительность. Я, къ великому моему удовольствію, начиналъ убѣждаться, что Егоровъ поступитъ съ барономъ «вопреки своей обязанности», т. е. не посадитъ его въ карцеръ. Тѣмъ не менѣе, желаніе быть очевидцемъ любопытнаго «чего-то»,—того, какимъ образомъ Егоровъ совершитъ «съ честью» свое отступленіе,—заставило меня крайне деликатно разстаться съ нимъ и, вмѣсто конторы, вернуться въ камеру. При всемъ «расположеніи» и «довѣріи» ко мнѣ Егорова, особенно рѣзкое проявленіе моего любопытства тамъ, гдѣ онъ самъ замѣтно стѣсняется меня, могло показаться ему подозрительнымъ, а слѣдовательно и подорвать не дорого купленное довѣріе.

Прошло съ часъ времени. Баронъ не возвращался изъ конторы. Ни околоточный, ни Савельевъ въ корридоръ не показывались: справиться, слѣдовательно, не у кого было, и я ужъ начиналъ помышлять о сошествіи «внизъ».

Digitized by Google

— Есть кто-нибудь въ конторѣ?—освѣдомился я у только что вошедшаго въ камеру Глюма.

— Нѣтъ; всѣ разошлись, — сухо отвѣтилъ онъ, не смотря на меня.

Мрачный и нахмуренный, Глюмъ быстро зашагалъ по камерѣ. Онъ не походилъ на себя: его расплывшееся лицо словно съузилось, потерявъ при этомъ обыкновенно не сходившую съ него улыбку; румянецъ на щекахъ замѣнился какими-то желтыми пятнами; обыкновенно полуоткрытый, смѣющійся ротъ былъ судорожно сжатъ... Онъ былъ неузнаваемъ. Попытка его пріятеля Угрова заговорить съ нимъ встрѣтила съ его стороны упорно-молчаливый отпоръ. Малочисленное «благородное» общество живо воспріняло настроеніе «благодѣтеля». Угровъ, видимо, обидѣлся на упорное молчаніе своего пріятеля, и такіе сдѣлался мраченъ. Де-Трайль на что-то покушался и, не смотря на то, что «благодѣтель» безцеремонно отворачивался отъ него, умышленно, то и дѣло, прибавлялъ и уменьшалъ свой шагъ, давая замѣтить свое неудовольствіе, онъ не отставалъ отъ него и, съ замѣтною, впрочемъ, робостью, продолжалъ съ четверть часа свою прогулку по камерѣ рядомъ съ нимъ, недобострастно заглядывая ему въ лицо, какъ-бы напрашиваясь на услугу. Вѣроятно, убѣдившись въ безполезности своей попытки, онъ, наконецъ, громко вздохнулъ и, отойдя отъ «благодѣтеля» съ грустнымъ видомъ, присѣлъ въ задумчивости на своей кровати. Давыдовичъ, сидя на подоконникѣ, ехидно улыбался, молча злорадствовалъ. Въ камерѣ настала какая-то зловѣщая тишина. Появленіе «халуя» съ самоваромъ не надолго прервало эту тишину. Молча приготовивъ чай, вытеревъ стаканы и наполнивъ ихъ чаемъ, Угровъ обратился къ «благодѣтелю»:

— «Слушай, Иванъ Ивановичъ: перестань-же хмуриться. Я думаю, чай-то тутъ не причемъ?»

Иванъ Ивановичъ не отвѣчалъ.

— Ну скажи-же, наконецъ: будешь чай пить или нѣтъ?—съ сердцемъ спросилъ его Угровъ.

— Убирайся къ чорту, вмѣстѣ съ своимъ чаемъ! Оставь меня въ покоѣ!—крикнулъ онъ ему, наконецъ, въ отвѣтъ.

Понятіе, которое я себѣ составилъ о характерѣ Глюма, не допускало предположенія, чтобы его странное поведеніе могло

Digitized by Google

быть слѣдствіемъ исключительно одного лишь сознанія тяжести нанесеннаго ему барономъ оскорбленія. Истиннаго самолюбія у такихъ людей нѣтъ, и потому оно легко удовлетворяется. Я былъ увѣренъ, что увижу Глюма не мрачнымъ, а торжествующимъ, гордымъ сознаніемъ, что онъ доказалъ-таки этому «голышу» его ничтожество, что онъ воздалъ ему сторицей, хотя и другимъ образомъ... Въ могуществѣ Глюма, основанномъ на его отношеніяхъ къ Егорову, я не сомнѣвался, и если я сталъ вѣрить, что Егоровъ не посадитъ барона въ карцеръ, я, однакожь, не допускалъ мысли, чтобы поступокъ барона могъ остаться вовсе безнаказаннымъ; я полагалъ только, что изобрѣтательная фантазія Егорова создастъ для барона какое-нибудь особое, нелишенное законнаго основанія, наказаніе, которое, не будучи такъ рѣзко, какъ заключеніе въ карцерѣ, въ сущности, будетъ гораздо тягостнѣе и совершенно удовлетворитъ мстительность оскорбленнаго Глюма. Продолжительное отсутствіе барона наводило, однако, на мысль, что Егоровъ не поцеремонился съ Соте и, пожалуй, отправилъ его въ карцеръ. Тѣмъ менѣе объяснялось поведеніе Глюма. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ «повѣрки», чтобы узнать, что сталось съ барономъ, безсознательно догадываясь, что настроеніе Глюма, во всякомъ случаѣ, тѣсно связанно именно съ этимъ «что сталось». Было уже поздно и «повѣрка» не замедлила.

— Иванъ Ивановичъ! смотритель васъ проситъ,—произнесъ околоточный, входя въ нашу камеру, послѣ обычной команды: «на молитву».

— Мнѣ нечего тамъ дѣлать,—рѣзко отвѣтилъ ему Глюмъ, продолжая ходить по камерѣ.—Передайте, что я нездоровъ.

— Ну, будетъ вамъ сердиться; ступайте, помиритесь!—уговаривалъ его околоточный.

Помолчавъ съ минуту, Глюмъ остановился передъ околоточнымъ и тономъ глубоко-чувствуемой обиды произнесъ:

— Нѣтъ, Павелъ Алексѣевичъ, обидно, ей Богу обидно... вы меня не первый день знаете, сами скажите... Мѣнять насъ на всякаго прощалыгу не приходится...

— Да кто-же васъ мѣняетъ? Что вы, Иванъ Ивановичъ! Нельзя, ну, повѣрьте мнѣ, что нельзя... *сегодня* нельзя. Погодите, не безпокойтесь; сами увидите... будетъ доволенъ... говорилъ околоточный.

Digitized by Google

— Нѣтъ, не могу, Павелъ Алексѣевичъ... не могу... обидно.... твердилъ Глюмъ.

Околоточный отвелъ его въ сторону, и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, шопотомъ, что-то горячо ему доказывалъ.

— Ну, вѣрите вы или нѣтъ? Перестаньте-же обижаться и пойдемте «внизъ»,—донеслись послѣднія слова околоточнаго, сказанныя болѣе громко.

Доводы его, надо полагать, были очень убѣдительны, такъ какъ Глюмъ, не возражая на нихъ, молча вышелъ, вмѣстѣ съ нимъ, изъ камеры.

Изъ немногихъ словъ, которыми околоточный и Глюмъ вслухъ обмѣнялись, не трудно было, однакожь, понять, что причина неудовольствія Глюма крылась въ какомъ-то дѣйствіи Егорова, дававшемъ поводъ думать, что какой-нибудь «прощалыга» стоитъ выше его, Глюма. Очевидно, что «прощалыга» этотъ былъ никто иной, какъ Соте. Чувство деликатности не позволяло мнѣ остановить околоточнаго и въ присутствіи Глюма распрашивать его о баронѣ. Оставалось обратиться за нужными свѣдѣніями къ Савельеву, который, пользуясь почему-то особеннымъ довѣріемъ Егорова, очень рѣдко дежурилъ въ арестантскихъ помѣщеніяхъ и какъ-бы состоялъ при Егоровѣ для особыхъ порученій. Онъ былъ его домашній разсыльный, ключникъ, лакей, а въ свободное отъ налагаемыхъ этими должностями обязанностей время—сторожъ при конторѣ. Никогда не будучи трезвымъ, Савельевъ, однако, исправно исполнялъ свои обязанности и весьма рѣдко подвергался наказанію, которое, впрочемъ, ограничивалось дежурствомъ въ арестантскихъ помѣщеніяхъ. Какъ приближенный Егорова, онъ, между прочимъ, пользовался важной привиллегіей: ему принадлежало исключительное право доставлять арестантамъ «лавочку»; прочимъ полицейскимъ служителямъ, подъ страхомъ трехъ-рублеваго штрафа, возбранялось покупать что-либо для арестантовъ. *Обыкновенная* «лавочка» доставлялась Савельевымъ два раза въ день: утромъ и вечеромъ. Она состояла, какъ уже извѣстно читателю, изъ такихъ предметовъ потребленія, какъ: хлѣбъ, селедка, тешка, колбаса, чай, сахаръ и т. под. Болѣе или менѣе постоянными потребителями являлись «мировая» и «женская» камеры. Обитатели-же «слѣдственной» и «бродяжной» камеръ далеко не каждый день пользовались «лавочкой». Будучи большею частью

Digitized by Google

«воспитанниками дома Вяземскаго», послѣдніе, голодавшіе и на-свободѣ, тѣмъ менѣе имѣли возможность достать откуда-нибудь копѣйку въ полицейскомъ домѣ. «Посѣтительская», источникъ дохода первыхъ двухъ камеръ, для послѣднихъ, какъ бездомныхъ и безродныхъ, была неизвѣстна. Дни, въ которые къ арестантамъ допускались посѣтители, были для этихъ несчастныхъ тяжелыми днями. Въ такіе дни, обыкновенно въ 12 часовъ, въ корридорѣ показывался Сапельевъ, со списокомъ въ рукахъ, громко выкликая фамиліи арестантовъ, къ которымъ кто-нибудь изъ родственниковъ или знакомыхъ явился на свиданіе. Горемыки «слѣдственные», хорошо зная, что ихъ фамиліи не могутъ значиться въ спискѣ, что къ нимъ посѣтить, тѣмъ не менѣе, толпятся у рѣшетки, съ жадностью слѣдя за выкличкой, какъ-бы стараясь обмануть себя. «А почемъ знать, можетъ и меня вызовутъ?»—читалось на лицѣ каждаго изъ нихъ. Но, вотъ, выкличка кончается. Счастливцы изъ «мировой» выпускаются «внизъ»... Какими завистливыми и, въ то-же время, полными грусти и печали, глазами, смотрятъ на нихъ эти всѣми забытыя, всѣмъ чуждыя созданія!... Съ понившими головами, съ невеселыми думами, отходятъ они отъ рѣшетки. Не слышно больше говора и смѣха... Эти обрюзглыя, обезображенныя коростой и нищетой лица вдругъ теряютъ свое отталкивающее наглое выраженіе; оно замѣняется выраженіемъ глубокой скорби и уныніе. Видимая беззаботность, въ свою очередь, также замѣнилась непривычною сосредоточенностью. Глубокіе вздохи вырываются изъ груди то одного, то другого изъ нихъ. Безмолвное, но сильное горе охватило ихъ одновременно... Проходитъ полчаса. Счастливцы возвращаются изъ «посѣтительской», съ вещественными доказательствами родственной любви или попечительной дружбы.

— Къ тебѣ кто приходилъ?

— Братъ. А къ тебѣ кто?

— Матушка съ тетенькой.

— Смотрите-ка, братцы, сколько тутъ сестрена нанесла мнѣ! Въ недѣлю не съѣшь... Да еще полтину денегъ въ конторѣ оставила,—хвастается передъ товарищами молодой парень, съ большимъ узломъ въ рукахъ.

— Видно тебя любитъ сестрена; а вотъ Валюхина, глядь-ка, только булку принесла. Хоть-бы пятачокъ на смолку оставила,—

Digitized by Google

ехидно подмигиваетъ ему здоровый дѣтина съ окладистой бородой, въ плисовой безрукавкѣ и такихъ-же широчайшихъ шароварахъ, съ двумя узлами въ рукахъ.

— Ладно!—съ горечью возражаетъ Ванюха.—И за то спасибо ей! Бѣдняжкѣ и самой-то ѣсть нечего: четыре мѣсяца безъ мѣста.

— *Танія* не бываютъ безъ мѣста. Небось, захотѣла-бы брата выручить, такъ достала-бы денегъ... сходила-бы на Невскій,—вотъ тебѣ и трешница,—продолжаетъ дразнить его дѣтина.

— А ты вотъ что, Митрей Степанычъ, хоша ты мнѣ и сколку даешь, а говори да не заговаривайся! Посылай, если хочешь, на Невскій жену свою, а не мою сестру!—внушительно замѣчаетъ ему Ванюха.

— Ну, всѣ, что ли, пришли? Разъ, два, три, четыре... всѣ. Маршъ въ камеру! командуетъ Савельевъ.

— Что, вяземскіе кадеты, пріуныли?—спрашиваетъ онъ, подходя къ «слѣдственной». Подождите, въ будущее воскресенье, къ вамъ обѣщался придти на свиданіе рамбовскій волкъ... ха-ха-ха!—заливается онъ, довольный своей остротой.

Вяземскіе кадеты, въ обыкновенное время, конечно, не остались-бы въ долгу у Савельева и обрадовались-бы поводу «поскалить зубы». Теперь-же, умная острота почтеннаго стража принимается молча; «кадеты» становятся все мрачнѣе и мрачнѣе. Хохотъ и веселый говоръ, доносящіеся до нихъ изъ «мировой», также не заражаютъ ихъ. Тяжелое настроеніе не оставляетъ ихъ цѣлый день. Мало имѣть только опытный глазъ и наблюдательный умъ, чтобы болѣе или менѣе вѣрно представить себѣ мрачную картину душевнаго состоянія этихъ несчастныхъ, въ которыхъ такое, повидимому, незначительное событіе, какъ вызовъ въ «посѣтительскую», вызвало такой поразительный психическій переворотъ; нужно еще и болѣе или менѣе близкое сходство положеній: нужно самому быть совершенно безроднымъ, чтобы цѣнить всю горечь того жгучаго чувства досады, зависти, злобы и ненависти, которое возбуждается въ нихъ при видѣ всего, что хоть сколько-нибудь говоритъ о родственной любви.

— Что, Петруха, задумался?—спрашиваетъ его болѣе закоренѣлый товарищъ.—Погоди, не все въ дядиномъ домѣ будемъ маяться; будетъ и на нашей улицѣ праздникъ! Слышь!

Digitized by Google

— Оставь, братъ! — умоляюще отвѣчаетъ ему Петруха, — сердце-то во какъ ноетъ. Эхъ ты, жисть наша, жисть горемычная! — глубоко вздыхаетъ онъ.

— А я вотъ эту, значитъ, самую жисть не промѣняю ни на что, — заявляетъ опытный бродяга, бѣжавшій изъ Сибири. — Посуди самъ: человѣкъ ты вольный, какъ птица небесная. Идешь куда хочешь, дѣлаешь что хочешь. Эка важность, что попалъ въ дядинъ домъ! Оно и хорошо: зиму-то нашему брату несподручно на волѣ проводить; того гляди, околѣешь гдѣ-нибудь подъ заборомъ... А вотъ придетъ весна, тутъ мы и направимъ свои лыжи. Ты смотри на меня: ужь 15-ть лѣтъ по этимъ самымъ острогамъ гуляемъ; всю Рассею почитай что исходилъ и науку дядину прошелъ (наказаніе плетьми чрезъ палача), а все ничего. А тоже все бывало, и убивство... Да, вотъ, братцы, дѣло со мной какое разъ было...

Общее вниманіе сильно возбуждено. Разсказъ бродяги отвлекаетъ несчастныхъ, въ томъ числѣ и Петруху, отъ мрачныхъ мыслей, возбужденныхъ выкличкой «въ посѣтительскую». И нужно видѣть, съ какою завистью, съ какимъ недобострастіемъ смотрятъ они на разсказчика... Обыкновенно, разсказъ слѣдуетъ за разсказомъ: каждый старается показать себя, удивить товарищей массой совершонныхъ имъ преступленій, ловкостью, нахальствомъ, безсердечіемъ, сопровождавшимъ тѣ преступленія. И Петруха, увлекаемый общимъ настроеніемъ, знакомою ему жизнью, забываетъ о своей горькой долѣ, глушитъ въ зародышѣ доброе чувство раскаянія и сожалѣнія, и искренно жалѣетъ только о томъ, что до сихъ поръ ему не удалось участвовать въ такихъ «славныхъ» дѣлахъ, какими богата жизнь бродяги и другихъ его товарищей. Нарушенное выкличкою «въ посѣтительскую», обычное отправленіе тюремной жизни опять возстановляется: составляются шайки, создаются планы воровства, праздное время всецѣло посвящено на обдумываніе предстоящихъ по выходѣ «на свободу» подвиговъ. Словомъ, — страшная школа дѣлаетъ свое дѣло. Но первый посѣтительскій день, первая выкличка на свиданіе, и въ камерѣ воцаряется уныніе, съ тѣми-же, впрочемъ, послѣдствіями. Случалось, конечно, что въ «слѣдственную» прибывали и не бродяги по состоянію, не воспитанники дома Вяземскаго, а семейные граждане — болѣе или менѣе состоятельные люди, прикащики, кон-

Digitized by Google

торщики, мастеровые; но такія лица, обыкновенно, недолго оставались въ камерѣ. «Синенькая», добытая, большею частью, въ ущербъ голодающему семейству заключеннаго, избавляла послѣдняго отъ «слѣдственной»; онъ переводился къ «благороднымъ» или въ «секретный нумеръ». Недолгое пребываніе подобныхъ лицъ въ «слѣдственной», однакожъ, оживляло камеру, вносило въ нее извѣстную долю благосостоянія. Оно составляло единственный источникъ дохода «слѣдственныхъ», дававшій имъ возможность иногда пользоваться «лавочной» и курить «смолку». Какимъ образомъ «слѣдственные» извлекали свой доходъ, читатель узнаетъ, когда я буду описывать мое пребываніе въ тюрьмѣ. «Благородная» и «секретныя» камеры могли получать «лавочку» хоть десять разъ въ день, и Савельевъ особенно дорожилъ этой лавочкой. Меня увѣряли полицейскіе служители, что «лавочка» давала Савельеву, по меньшей мѣрѣ, 50 рублей въ мѣсяцъ. Понятно, что Егоровъ также не оставался безъ доли: лавочникъ платилъ ему 10% со всей суммы арестантскаго забора.

Савельевъ, которому дежурный полицейскій служитель далъ знать о моемъ желаніи видѣть его, конечно, не замедлилъ явиться.

— Прикажете за чѣмъ-нибудь сходить?

— Да, пожалуй, принесите мнѣ сельтерской воды!—И, отозвавъ его въ сторону, тихо освѣдомился о баронѣ.

— То есть... оно, видите... я, ей-Богу... съ моимъ удовольствіемъ... только не могу вамъ сказать: смотритель строго запретилъ говорить вамъ объ этомъ...

— Такъ вы не хотите мнѣ сказать?—сурово спросилъ я его.— Все равно, я узнаю отъ другого. А мнѣ еще говорили, что вы мастеръ деньги заработывать! Да вы такой трусъ, какихъ я еще и не видывалъ...

— Нѣтъ, баринъ, мы не изъ трусливыхъ, и если будетъ съ васъ «за труды»...

Оплативъ рублемъ трудъ Савельева, я получилъ обстоятельныя свѣдѣнія о моемъ пріятелѣ баронѣ. Егоровъ посадилъ его въ слѣдственный секретный нумеръ, предварительно приказавъ убрать оттуда матрацъ, подушки и одѣяло, и когда баронъ заявилъ ему, что онъ не имѣетъ права оставлять его безъ постели, то Егоровъ придрался къ какому-то слову барона, и тутъ же приказалъ полицейскому немедленно донести прокурору о дер-

Digitized by Google

немъ поведеніи Сете и о необходимости примѣнить къ нему параграфъ 329 инструкціи, прилож. къ 96 ст. уст. о сод. подъ стражею.

— Бумага ужъ послана, и смотритель приказалъ приготовить нижній карцеръ... Ужъ въ него давно не сажали. Такой, я вамъ скажу, карцеръ...

— Неужели еще хуже того, въ который я входилъ?—непочтительно перебилъ я Савельева.

— Тутъ что: рай, въ сравненіи съ этимъ; да вотъ, если угодно будетъ, завтра смотритель уѣдетъ съ рапортомъ, я васъ и сведу въ этотъ карцеръ,—любезно предложилъ мнѣ Савельевъ свой новый трудъ.

— А гдѣ теперь Иванъ Ивановичъ?—полюбопытствовалъ я.

Послѣ минутной паузы, въ продолженіи которой Савельевъ какъ-бы обдумывалъ свой отвѣтъ, онъ, наконецъ, съ видомъ рѣшимости нагнулся ко моему уху и шепотомъ произнесъ:

— Вы только не проговоритесь, баринъ, смотрителю... Они уѣхали съ Иваномъ Ивановичемъ къ нимъ жидовкѣ.

Добытыми отъ Савельева свѣдѣніями пришлось подѣлиться съ моими нецеремонными сотоварищами, которые потребовали ихъ довольно настойчиво.

— Какіе тутъ секреты, князь!—обидчиво возразилъ Угровъ на мое замѣчаніе о томъ, что мнѣ врядъ-ли слѣдуетъ передавать имъ то, что Савельевъ, такъ сказать, *секретно* передалъ мнѣ.—Помилуйте, мы сидимъ въ одной камерѣ и не имѣемъ права скрывать другъ отъ друга *ничего*. Это мое мнѣніе, которое, насколько мнѣ извѣстно, раздѣляется во всѣхъ тюрьмахъ. Скрывать отъ *товарища*, что скажетъ паукъ... Если вамъ не угодно, можете, конечно, не говорить, но тогда извините, это ужъ будетъ... какъ вамъ сказать... не честно.

— Ну, ужъ будто-бы и не честно?—смѣясь, обратился я къ Давыдовичу и Де-Трайлю, также выразившимъ желаніе узнать сообщенное мнѣ Савельевымъ.—Эхъ, господа, господа! Мнѣ, просто на просто, хотѣлось немножко помучить васъ. Ну, ужъ и любопытны-же вы всѣ, а г. Угровъ въ особенности. Что-же разсказать вамъ?

— Вы меня извините, князь, я не зналъ, что вы шутили. Мнѣ показалось, что вы, въ самомъ дѣлѣ, не хотите подѣлиться съ нами... извинялся предо мной сконфуженный Угровъ.

Digitized by Google

Мнѣ удалось, такимъ образомъ, поправить свою ошибку; объяснивъ свое поведеніе шуткой, я не только ничего не потерялъ въ глазахъ моихъ «товарищей», но, напротивъ, вѣроятно, еще выигралъ. «Шутка» моя была направлена противъ одной изъ ихъ слабостей, осмѣивая которую, я, въ то-же время, давалъ имъ чувствовать свое, въ этомъ случаѣ, нравственное превосходство надъ ними.

Сообщивъ узнанное мною отъ Савельева, я добавилъ, что, по моему мнѣнію, «благодѣтель» не правъ и что я на сторонѣ барона.

— Я тоже,—присоединился ко мнѣ Давыдовичъ. — Такъ вы говорите, что онъ теперь у своей жидовки?

— Да.

— Я не перестаю проситься, хоть на полчаса, отправить меня, подъ конвоемъ, въ свою квартиру, чтобы спасти еще нерастасканные остатки своего имущества, такъ нѣтъ—нельзя: «Я не имѣю права», толкуетъ Егоровъ; а ѣздить съ арестантомъ къ любовницѣ—можно. О, торгъ возьми!—продолжалъ Давыдовичъ, все болѣе и болѣе выходя изъ себя. — Будь у меня шальная пятерка, закрылъ-бы я тебѣ ротъ, проклятый выкочинникъ! На тебя-бы Николаева напустить, онъ-бы тебѣ показалъ!..

Не только Угровъ и Де-Трайль, но и я съ удивленіемъ смотрѣли на Давыдовича. Злоба и ненависть кипѣли на его обыкновенно мрачномъ лицѣ. Флегматикъ, крайне несообщительный и, какъ казалось, весьма осторожный (его голосъ вообще не часто слышался въ камерѣ), а тутъ вдругъ такой смѣлый, энергическій протестъ, сопровождаемый сильною жестикуляціей!.. Съ часъ времени, Давыдовичъ не переставалъ выражать громко свое неудовольствіе егоровскими порядками, свои проклятія и угрозы. Угровъ и Де-Трайль, перекинувшись нѣсколькими многозначительными взглядами, вскорѣ убрались подъ одѣяла; примѣру ихъ не замедлилъ послѣдовать и я. Но въ то время, когда усиленное сопѣніе моихъ товарищей давало знать, что ими овладѣлъ сонъ праведныхъ, я еще продолжалъ бодрствовать, не переставая слѣдить за Давыдовичемъ. Замѣтивъ, что мы улеглись, онъ прекратилъ свои громкія мечтанія и въ глубокой задумчивости остановился среди комнаты. Простоявъ такимъ образомъ съ четверть часа, онъ подошелъ къ столу и, вынувъ изъ боковаго кармана

Digitized by Google

какое-то письмо, сосредоточилъ на немъ все свое вниманіе. Нѣкоторыя мѣста письма вынуждали изъ его груди тяжелые, продолжительные вздохи и особенно долго приковывали къ себѣ его взглядъ. При чтеніи послѣдней страницы, я замѣтилъ на его лицѣ крупныя капли слезъ. Я весь превратился въ слухъ и зрѣніе. Бережно сложивъ письмо, онъ вынулъ изъ того-же боковаго кармана конвертъ съ нѣсколькими фотографическими карточками, одну изъ которыхъ онъ медленно, съ юношескою горячностью, сталъ покрывать долгими поцѣлуями. «Боже мой, Боже мой!» вырвалось у него. Онъ сѣлъ на стулъ, схватился обѣими руками за голову и тихо зарыдалъ.

Зная изъ личнаго опыта, какъ непріятно въ такія минуты постороннее вмѣшательство, я не сдѣлалъ попытки «утѣшить» его и, искренно сочувствуя невыразимому моему горю его, продолжалъ молча наблюдать за нимъ. Онъ долго предавался безмолвному плачу, по временамъ дѣлая руками порывистыя движенія. Завершивъ свой плачъ трогательнымъ, трогающимъ душу, вздохомъ, онъ вытеръ лицо носовымъ платкомъ и, подойдя къ окну, ухватился обѣими руками за желѣзную рѣшетку, какъ-бы силясь вырвать ее; затѣмъ, печально понуривъ голову, онъ отошелъ отъ крѣпкой рѣшетки, сдѣлалъ себѣ папиросу, закурилъ ее и, усѣвшись на свою кровать, повидимому, вновь предался горькому раздумью. Эта безмолвная картина страданій человѣка, обыкновенно ничѣмъ не вызываемаго своей скорби и, повидимому, равнодушно относившагося къ своему положенію, произвела на меня сильное впечатлѣніе. Только глубоко прочувствованное горе и дѣйствительное несчастье могутъ вызвать въ человѣкѣ подобное проявленіе тщательно скрываемыхъ страданій. Отыскивая вѣроятныя причины ихъ, мысль незамѣтно остановилась на обстоятельствахъ, создавшихъ мое собственное несчастье. Мною вдругъ всецѣло овладѣло собственное горе. Я уже не наблюдалъ за Давыдовичемъ. Я самъ переживалъ ужасныя минуты и часы. Я долго не могъ подавить мрачныя воспоминанія, пока, наконецъ, измученный ими, обезсиленный непомѣрнымъ напряженіемъ мысли и чувства, я только на разсвѣтѣ получилъ возможность забыться и предаться сну.

«Благодѣтель» отсутствовалъ до десяти часовъ утра. Свѣжій видъ лица его и трезвое состояніе свидѣтельствовали, что онъ уже успѣлъ болѣе или менѣе продолжительнымъ сномъ обновить рас-

Digitized by Google

траченным ночным бодрствованием силы. Вчерашнего мрачного настроения не осталось и следа: он был весел и болтлив.

— Совсем было поссорился с смотрителем,—обидно показалось... А оказывается, что он, все-таки, золотой человек, другого такого смотрителя не скоро найдешь. Съ нимъ только нужно знать, какъ ладить; а ужъ разъ поладилъ, такъ будь спокоенъ... говорилъ онъ Угрюму и Де-Трайлю.

— Ну, что же баронъ-то нашъ?—сильно подмигивая, спросилъ его Угрюмъ.

Самодовольная улыбка изобразилась на жирномъ лицѣ «благодѣтеля».

— Гм... ничего... малый будетъ помнить: баронъ!... ха-ха-ха!—залился Глюмъ отвратительнымъ смѣхомъ.

— Да ты долго хохотать; объясни толкомъ, что онъ, въ карцерѣ, что-ли?—перебилъ Угрюмъ его хохотъ.

— Да вотъ князь на меня сердится, не знаю, за что; ужъ я замѣчаю... не отвѣчая ему на вопросъ, произнесъ Глюмъ, вновь обращаясь ко мнѣ.

— Полноте пустяки-то выдумывать; скажите-ка лучше: баронъ въ карцерѣ?—спросилъ я его въ свою очередь.

— Я вовсе не выдумываю, а знаю, что вы сердитесь на меня, и сердитесь именно изъ-за этого барона. Ужъ больно онъ, видно, вамъ по душѣ пришелся. Только это напрасно, князь: худого я вамъ ничего не сдѣлалъ; напротивъ, все, что только можно было устроить, я вамъ устроилъ... а что вамъ такое этотъ баронъ?—оправдывался Глюмъ.

— То-же, что и вы: сотоварищъ по заключенію, ни болѣе, ни менѣе.

Глюмъ нахмурился.

— Ну, перестаньте-же, Михаилъ Ивановичъ, обижаться. Богъ знаетъ на что и сказали намъ, куда вы запрятали барона?

— Куда-жъ его запрячешь, кромѣ карцера?

— Такъ онъ въ карцерѣ?

— Въ карцерѣ.

— Ну, а какъ вы думаете, выпустятъ его отсюда Егоровъ, если я ему дамъ «синенькую»?

— Что вы, князь, развѣ это возможно?—съ видимымъ недоумѣніемъ отвѣтилъ мнѣ Глюмъ.

Digitized by Google

— Почему-же невозможно? Вѣдь выпустилъ-же онъ мальчика за «синенькую»,—отчего-же ему не выпустить барона? Я ему, во всякомъ случаѣ, непремѣнно предложу это.

— Нѣтъ ужь, князь, вы это оставьте... только испортите...

— Что испорчу? Я увижу, если «синенькая» окажется въ этомъ случаѣ недостаточною, я прибавлю «зелененькую». Я непремѣнно хочу избавить барона отъ карцера, во что-бы то ни стало. А, такъ какъ я давно согласился съ вами, что Егоровъ «золотой человѣкъ», и что нѣтъ той пакости, которой онъ не сдѣлалъ-бы за деньги, то я нисколько не сомнѣваюсь въ успѣхѣ своей попытки. Ну, за что, въ самомъ дѣлѣ, посадили его въ карцеръ? Вы его сами оскорбили, вызвали... По моему, для вашего удовлетворенія было-бы совершенно достаточно, если-бы Егоровъ помѣстилъ его на нѣсколько дней въ одиночный нумеръ, и я, на вашемъ мѣстѣ, никоимъ образомъ не сталъ-бы такъ усиленно добиваться, чтобы его непремѣнно посадили въ карцеръ. Онъ васъ ударилъ; почему вы не отплатили ему тѣмъ-же, а побѣжали жаловаться?

Глюмъ продолжалъ смотрѣть на меня съ возрастающимъ недоумѣніемъ, сквозь которое проглядывала сильная досада.

— Словомъ, Иванъ Ивановичъ, я просилъ-бы васъ оставить теперь барона въ покоѣ и не противудѣйствовать мнѣ. — Вы не знаете, Егоровъ теперь въ конторѣ?—спросилъ я его, направляясь къ двери.

Бросивъ на меня вызывающій взглядъ, Глюмъ, какъ ужаленный, вскочилъ со стула.

— А, такъ вотъ какъ! — закричалъ онъ на всю камеру. — Такъ я-же вамъ покажу, какъ выкупать этого нищаго!... Увидимъ, чья возьметъ!... Онъ сгніетъ въ карцерѣ: я вамъ это говорю, я, Иванъ Ивановичъ Глюмъ! И сильно ударивъ себя, при этомъ, кулакомъ въ грудь, «благодѣтель» побѣжалъ внизъ.

— Если вы дѣйствительно хотѣли избавить барона отъ карцера, вы напрасно вызвали Глюма на соперничество,—произнесъ Давыдовичъ, съ замѣтнымъ вниманіемъ слѣдившій за нашимъ разговоромъ. — Вы предложите Егорову 10 рублей, онъ—20; вы—20, онъ—40, и т. д. Въ концѣ концовъ, въ выигрышѣ останется одинъ Егоровъ. Тамъ, гдѣ дѣло пойдетъ на то, чтобы

Digitized by Google

показать себя, этотъ мужикъ ничего не пожалѣетъ. Ну, а карманъ-то у него, надо думать, потолще вашего.

Да, теперь я уже и самъ сомнѣвался въ возможности избавить барона отъ карцера, при помощи тѣхъ немногихъ рублей, которые я могъ удѣлить на это изъ своего ограниченнаго капитала.

«Увидимъ, чья возметъ!»—Развѣ эти три слова не говорятъ о планѣ дѣйствій Глюма, о томъ, что онъ употребитъ всю свою, основанную на толстомъ карманѣ, мощь на то, чтобы доказать мнѣ, что «его взяла»?—Если до сихъ поръ дѣло шло только объ отмщеніи «прощалыгѣ», позволившему себѣ оскорбить его, то теперь явилась необходимость въ этомъ отмщеніи, еще и для того, чтобы доказать мнѣ, что идти противъ его, «благодѣтеля», всемогущества—не безопасно. Раздѣляя, такимъ образомъ, основательное мнѣніе Давыдовича, я уже винилъ себя за послѣдствія моего крупнаго съ «благодѣтелемъ» разговора. Я напрасно пріискивалъ въ своемъ умѣ всевозможно удобныя мѣры къ предотвращенію этихъ дурныхъ для барона послѣдствій: перекупить Егорова съ моими средствами нечего было и думать; прибѣгать къ убѣжденіямъ, взывать къ его «справедливости», тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ, гдѣ этимъ убѣжденіямъ и воззваніямъ будетъ противустоять бумажникъ «благодѣтеля», было бы также безполезно. Очевидно, Егорова можно было только *заставить* сдѣлать молчаніе, а это «заставить» обусловливало собою, если не явный, то тайный, но, во всякомъ случаѣ, полнѣйшій разрывъ только что завязавшихся между мною и имъ отношеній. Угроза, съ моей стороны, довести до свѣдѣнія кого слѣдуетъ о его небезкорыстномъ расположеніи къ Глюму и о многихъ другихъ неблаговидныхъ его продѣлкахъ несомнѣнно побудила бы его уступить мнѣ; но тогда мнѣ пришлось бы потерять его довѣріе, а слѣдовательно, и ту косвенную помощь къ побѣгу, на которую я разсчитывалъ. А между тѣмъ, особенности строгаго карцера, да еще такого, въ сравненіи съ которымъ,—по словамъ Савельева,—«видѣнный мною ужасный карцеръ—рай»,—не давали примириться съ мыслью о возможности шестидневнаго пребыванія Сотѣ въ такомъ карцерѣ.—Независимо отъ внушеннаго мнѣ баронемъ чувства безконечной симпатіи, я не могъ не принимать особенно близко къ сердцу его положенія, уже и потому одному, что баронъ не разъ выказывалъ мнѣ искренное участіе, непод-

Digitized by Google

дѣльно безпокоился, видя меня въ грустномъ настроеніи, употреблялъ всевозможныя мѣры разсѣять это настроеніе и проч., что меня каждый разъ такъ глубоко трогало...

Я отправился въ контору. Глюма уже не было тамъ: онъ прогуливался по двору.

— Что прикажете, Дмитрій Александровичъ? Не о баронѣ-ли хлопотать изволите? Извините, ей Богу... Впрочемъ, будьте такъ любезны, прочтите эту бумажку, — торжествующимъ тономъ произнесъ Егоровъ, здороваясь со мной и подавая мнѣ «бумажку».

Это былъ отвѣтъ прокурора на донесеніе смотрителя о буйствѣ и дерзостномъ поведеніи барона Соте. Отвѣтъ гласилъ: «Вслѣдствіе рапорта вашего, отъ сего декабря, за № 820, поручаю вамъ, милостивый государь, подвергнуть, содержащагося во вверенномъ вамъ полицейскомъ домѣ, арестанта, барона Соте, дисциплинарному взысканію, на точномъ основаніи парагр. 229 инструкціи смот. губ. тюр. замка, и впредь въ подобныхъ случаяхъ дѣйствовать въ предѣлахъ предоставленной вамъ закономъ власти, не испрашивая на то разрѣшенія».

Принимая отъ меня обратно бумагу, Егоровъ очень нужнымъ нашелъ вздохнуть и тономъ глубокаго соболѣзнованія произнести:

— Вѣрите-ли, Дмитрій Александровичъ, какъ мнѣ его жалко... Но ничего не подѣлаешь... долгъ... Я обязанъ его наказать...

— Если вы не особенно заняты, я прошу васъ пройтись со мной по двору: мнѣ нужно съ вами переговорить.

— Очень радъ; пойдемте. — И взявъ меня подъ руку, Егоровъ вышелъ вмѣстѣ со мной изъ конторы.

«Благодѣтель», лишь только замѣтилъ насъ, скрылся въ квартиру акушерки.

— Видите-ли, въ чемъ дѣло, — тихо началъ я. — Я поставленъ въ необходимость поговорить съ вами *откровенно*...

— Очень радъ, очень радъ, но я васъ не понимаю... торопливо перебилъ меня Егоровъ, замѣтивъ мое удареніе на словѣ: «откровенно».

— Семейство и ограниченное жалованье вынуждаютъ васъ не пренебрегать извѣстнаго рода доходами... — Лицо Егорова, при этомъ вступленіи, какъ-бы вдругъ вытянулось. — Позвольте, — остановилъ я его попытку что-то возразить мнѣ, — я хорошо понимаю ваше положеніе и ужъ, конечно, нисколько не осуждаю васъ, и

Digitized by Google

вы прекраснѣйшій смотритель; порядокъ у васъ образцовый, и служба нисколько не страдаетъ отъ того, что вы не отказываетесь отъ того, что вамъ искренно предлагается. Нѣтъ, не въ этомъ дѣло; я хочу только сказать, что пользованіе такими доходами неизбѣжно ставитъ васъ иногда въ необходимость поступать не совсѣмъ такъ, какъ вамъ подсказываетъ чувство справедливости. Вы искренно жалѣете барона, желали-бы уважить мое за него ходатайство; но отношенія ваши къ Глюму и нужда побуждаютъ васъ сдѣлать на этотъ разъ угодное Глюму. Не перебивайте меня, пожалуйста. Я убѣжденъ, что Глюмъ не пожалѣлъ 20—25 рублей, чтобы доканать барона...

— Зайдемте ко мнѣ, тамъ поговоримъ... здѣсь неудобно... предложилъ мнѣ вдругъ почему-то пріободрившійся Егоровъ.

Онъ занималъ роскошную казенную квартиру въ 10 комнатъ. Обстановка этой квартиры достаточно ясно свидѣтельствовала о томъ, что получаемое владѣльцемъ ея жалованье (600 руб. въ годъ) не служитъ ему средствомъ къ жизни. Становилось гадко на душѣ, при видѣ того комфорта, которымъ окружилъ себя этотъ нравственный уродъ. Особенно бросалась въ глаза обстановка его кабинета,—большой квадратной комнаты, походившей скорѣе на какой-нибудь магазинъ, въ которомъ производится «покупка и продажа вещей всякаго рода», чѣмъ на кабинетъ дѣловаго человѣка. До десятка лампъ всевозможныхъ видовъ и величинъ, нѣсколько серебряныхъ чайныхъ сервизовъ, множество такой-же посуды, нѣсколько паръ золотыхъ часовъ, серебряныхъ портсигаровъ, ложекъ, вилокъ, тарелокъ, кружекъ, наполняли собою этотъ «кабинетъ». Ни одной книги, ни клочка газеты, ничего такого, что говорило-бы объ умственныхъ потребностяхъ почтеннаго владѣльца. Вся эта оригинальная обстановка, очевидно, составилась изъ приношеній доброхотныхъ дателей, родственниковъ и друзей заключенныхъ, имѣвшихъ несчастье побывать «въ егоровской обители», — какъ называютъ арестанты описываемый мною полицейскій домъ.

Послѣ непродолжительнаго, плохо поддержаннаго мною, разговора о разныхъ пустякахъ, преимущественно о достоинствѣ тѣхъ вещицъ, которыми Егоровъ счелъ нужнымъ похвастать передо мной, онъ, наконецъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: почему я принимаю въ баронѣ такое горячее участіе?

Digitized by Google

— Видите-ли, я съ нимъ очень сошелся и успѣлъ-таки порядочно привязаться къ нему. Я увѣренъ, если-бы вы хорошо знали его, вы также не могли-бы не симпатизировать ему...

— Я понимаю, Дмитрій Александровичъ, онъ вамъ на что-нибудь нуженъ... О, я уважаю такихъ людей, какъ вы: умѣнье извлекать пользу всюду, изъ всего, не всякому дается,—увѣренно, не безъ восторженности произнесъ Егоровъ.

— Нѣтъ, вы меня не понимаете, я всего менѣе принадлежу къ числу тѣхъ людей, о которыхъ вы говорите...

— Ладно, скромничайте больше... Ну, да все-равно! Такъ вамъ очень хочется, чтобы баронъ былъ выпущенъ изъ карцера?

— Разумѣется, очень, если я такъ хлопочу объ этомъ, — отвѣтилъ я.

— Но вы, конечно, понимаете, что, при всемъ моемъ желаніи, я врядъ-ли могу это сдѣлать, не только потому, что это можетъ повлечь за собою жалобу на меня со стороны Глюма, но и потому, что дѣло получило официальную огласку: прокурору извѣстно...

— Я все это знаю; но, при всемъ этомъ, увѣренъ, что если-бы вы захотѣли, вы нашли-бы такой исходъ, который удовлетворилъ-бы и меня, и Глюма. Я не такъ богатъ, какъ Глюмъ, но щедръ ничуть не менѣе его. Словомъ, вотъ вамъ отъ меня за барона... И я подалъ ему 25-ти-рублевый билетъ.

— Благодарю васъ, Дмитрій Александровичъ. Но какъ-же-бы это сдѣлать? знаете, прокурору донесено... Баронъ посаженъ *на точномъ основаніи 229 статьи*... затруднялся Егоровъ.

— А теперь вы его освободите на точномъ основаніи... ну, хоть 230 статьи... Нѣтъ, кромѣ шутокъ, я теперь спокоенъ. Я слишкомъ хорошо знаю васъ, чтобы сомнѣваться въ томъ, что вы не найдете исхода. До свиданія-же. Только, пожалуйста, нельзя-ли сегодня?—добавилъ я, разставаясь съ Егоровымъ.

Взялъ — значитъ сдѣлаетъ: я былъ убѣжденъ въ этомъ; но какъ? Вѣдь онъ и съ Глюма, конечно, взялъ... Разрѣшеніе вопроса «какъ?» не замедлило послѣдовать. Спустя часа два, въ камеру явился Савельевъ и сообщилъ, что г. смотритель «отправили барона въ больницу».

— Сами просили здѣшняго доктора, чтобы тотъ призналъ барона больнымъ; а то онъ было не хотѣлъ подписывать свидѣтельства,—добавилъ онъ мнѣ «по секрету».

Digitized by Google

ГЛАВА XIII.

ЧТО МЕНЯ ПРИВОДИТЪ, СПЕРВА ВЪ «ПРІЕМНЫЙ НОМЕРЪ», А ПОТОМЪ — ВЪ «СЕКРЕТНЫЙ» НУМЕРЪ.

Вопреки обыкновенію, утреннюю повѣрку, на другой день, производилъ не околоточный, а самъ Егоровъ.

— Не имѣете-ли что заявить, господа? — прямо произнесъ онъ, войдя въ нашу камеру, и вслѣдъ затѣмъ, не ожидая отвѣта на свой вопросъ, обратился ко мнѣ и къ Глюму:

— Здравствуйте, Дмитрій Александровичъ! здравствуйте, Иванъ Ивановичъ! Пойдемте-ка къ контору, тамъ получены двѣ бумажки, — нужно ихъ объявить вамъ.

— Вѣроятно, отвѣтъ отъ прокурора на мое прошеніе? — полюбопытствовалъ я.

— Да... отъ прокурора... Пойдемте, тамъ прочтете...

Отдавъ, при входѣ въ контору, нѣкоторыя приказанія сопровождавшимъ его полицейскимъ служителямъ, Егоровъ, дружески пожимая мнѣ и Глюму руки, объявилъ, что онъ позволилъ себѣ относительно насъ «маленькое надувательство»: «бумажекъ» для объявленія намъ—никакихъ нѣтъ: есть только его желаніе побесѣдовать съ нами, для чего онъ и проситъ насъ раздѣлить съ нимъ его скудный завтракъ. — Я не имѣлъ приличнаго повода не послѣдовать примѣру Глюма, и также принялъ приглашеніе любезнаго начальника, искренно досадуя, въ то-же время, на то, что полученіе столь нетерпѣливо-ожидаемой «бумажки» оказалось вымысломъ.

— Прошу покорно! Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ,—театрально произнесъ онъ, самодовольно указывая на роскошно сервированный, въ его своеобразномъ кабинетѣ, «скудный» завтракъ.

Нѣсколько бутылокъ различныхъ,— не послѣдняго сорта,— винъ, разнообразныя елисѣевскія закуски, занимавшія добрую

Digitized by Google

половину довольно большого стола, превосходно приготовленный ростбифъ, поданный, при нашемъ входѣ, Савельичемъ, преобразившимся на этотъ разъ изъ полицейскаго служителя въ знающаго свое дѣло офиціанта, — врядъ-ли, впрочемъ, окрещёнными эпитетъ «скудный», который Егорову было угодно придать своему завтраку.

Одновременное приглашеніе меня и Глюма — своимъ *добровольцамъ* денщиковъ, предшествовавшее этому приглашенію краткая размолвка съ Глюмомъ, повлекшая за собою несогласіе съ его желаніемъ распоряженіе Егорова объ отправленіи Соте въ госпитальную больницу, въ извѣстной степени объясняли мнѣ тѣнь этой, повидимому, ничѣмъ не вызванной, *особенной* любезности Егорова. «Особенною» эта любезность являлась потому, что Егоровъ былъ далеко не изъ щедрыхъ и ужъ, конечно, даромъ, не имѣя въ виду извлечь изъ этого что-либо для себя полезное, не позволилъ-бы себѣ тратить 15—20 рублей для нашего удовольствія. Зато Глюмъ, видимо, недоумѣвалъ. Его взглядъ то и дѣло переходилъ отъ «скуднаго» завтрака на Егорова и обратно, какъ-бы ища отвѣта на вопросъ: «а что, моль, любезный, значитъ эта щедрость? вѣдь ужъ не даромъ-же ты расщедрился!»

Въ продолженіи всего завтрака, Егоровъ ничѣмъ не выдавалъ себя, искусно поддерживая общій разговоръ о постороннихъ предметахъ, преимущественно о различныхъ перипетіяхъ своей, обильной приключеніями, служебной карьеры; причемъ, разумѣется, онъ не упустилъ случая передать намъ и нѣсколько такихъ сценъ, которыя уже однажды вызвали обидное для него возраженіе со стороны Соте. Завтракъ заключился наиприличнѣйшимъ, давшимъ Егорову поводъ провозгласить нѣсколько тостовъ за мое и Глюма здоровье, за благополучное окончаніе нашихъ уголовныхъ и иныхъ дѣлъ, и проч. Глюмъ хотя и покорно переносилъ мое присутствіе, не высказывая своего неудовольствія, но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторое время, очень замѣтно отражалъ его на себѣ: онъ сопѣлся и морщился каждый разъ, какъ только взглядъ мой останавливался на немъ, уклонялся отъ бесѣды со мной, и съ видимой неохотой отвѣчалъ на егоровскіе, въ честь мою, тосты. Но, мало по малу, по мѣрѣ того, какъ опоражнивались рюмки и бутылки, Глюмъ далъ волю сдержать; а подъ конецъ даже самъ сталъ заговаривать со мной. Воспользовавшись минутнымъ

Digitized by Google

отсутствіемъ Егорова, зачѣмъ-то вызваннаго женой въ другую комнату, Глюмъ воспѣшилъ обратиться ко мнѣ за разрѣшеніемъ, какъ видно, непереставшаго интересовать его вопроса,—о значеніи егоровскаго завтрака.

— Вѣдь, ужъ это, ей-Богу, не даромъ; я его знаю: онъ что-нибудь затѣваетъ. А какъ вы думаете, Дмитрій Александровичъ?

— Мнѣ нѣтъ надобности и думать: я убѣжденъ, что это не даромъ; но, признаюсь, меня нисколько не интересуютъ намѣренія Егорова. Да и вы, Иванъ Ивановичъ, притворяетесь, вѣдь? ужъ какъ будто вы и въ самомъ дѣлѣ не знаете, что значитъ этотъ завтракъ! Давно-ли это у Егорова стали секреты отъ васъ?... Полноте шутить, Иванъ Ивановичъ,—небось для меня-же какую-нибудь ловушку устраиваете?...

— Что вы, что вы!... Оно, положимъ, что вы меня обидѣли... но, чтобы я мстилъ своему брату — арестованному... никогда! нѣтъ-съ, вы еще, значитъ, не знаете Глюма! — съ необыкновенною горячностью, возвразилъ достаточно охмѣлѣвшій Глюмъ. И что-бы такое это значило?... шампанское... онъ угощаетъ,—задумчиво, какъ-бы про себя, бормоталъ Глюмъ.

— А вамъ очень хочется узнать, что-бы это значило?—озадачилъ я его вдругъ.

— Гм... гм... конечно.

— Такъ мы это сейчасъ узнаемъ.

— Отъ кого-же это мы узнаемъ?—спросилъ онъ меня.

— Да отъ Егорова-же. И я обратился къ тутъ-же вошедшему Егорову.

— Вотъ, Иванъ Ивановичъ интересуется знать: съ чего это вы вздумали угощать насъ?

— Господа! да неужели вы не понимаете? Мнѣ просто хотѣлось помирить васъ. Мнѣ казалось, что вы не на шутку поссорились; но теперь я съ удовольствіемъ вижу, что ошибся. Да и стоитъ-ли этотъ баронишка, чтобы мы изъ-за него ссорились! Не правда-ли, Иванъ Ивановичъ? Эй, Савельевъ! подай шампанскаго!.. И Егоровъ, не ожидая возраженія или согласія, бросился обнимать то меня, то Глюма.

— Ну, право, не знаю, за что я васъ такъ люблю... Нѣтъ, вы меня просто на просто околдовали да и только... друзья мои... приговаривалъ онъ при этомъ.

Digitized by Google

— И такъ, да здравствуютъ между нами миръ и согласіе! За ваше здоровье, за ваше освобожденіе, друзья мои!—И Егоровъ уже подчесъ было къ губамъ бокалъ, какъ въ дверяхъ неожиданно появился запыхавшійся околоточный.

— Пожалуйте скорѣй, генералъ Барановъ пріѣхалъ!—торопливо объявилъ онъ.

Словно ужаленный, бросился Глюмъ къ Егорову:

— Батюшки, голубчики, что же мы будемъ дѣлать?... да скорѣй-же! Господи!

— Не бѣснуйтесь, успокойтесь, Иванъ Ивановичъ, — произнесъ Егоровъ дрожащимъ голосомъ, замѣтно силясь казаться хладнокровнымъ и поставивъ на столъ все еще бывшій у него въ рукѣ бокалъ съ шампанскимъ. — Пріѣхалъ, такъ пріѣхалъ; что-же изъ этого?... Да,— встрепенулся онъ вдругъ, обращаясь къ околоточному,—ступайте скорѣй къ генералу, сопровождайте его. Доложите, что я въ пріемномъ покоѣ... я сейчасъ буду.

— Карасевъ и Глюмъ находятся въ пріемномъ покоѣ!—крикнулъ онъ вслѣдъ бросившемуся вонъ изъ кабинета околоточному.

— Пойдемте, пойдемте, господа, живѣй! Я васъ сейчасъ пристрою... чортъ его угораздилъ теперь пріѣхать!—И Егоровъ повлекъ насъ за собою въ пріемный покой, помѣщавшійся въ нижнемъ этажѣ того-же флигеля, въ которомъ онъ занималъ квартиру.

— Живѣй! снимите съ себя сюртуки, убирайтесь подъ одѣяла, закутайтесь хорошенько!... будто спите,—торопливо проговорилъ онъ, указавъ намъ на двѣ кровати, стоявшія у самаго входа въ пріемный покой, и не ожидая съ нашей стороны исполненія, быстро оставилъ насъ.

— Вы повернѣй, повернѣй... голубчикъ, Дмитрій Александровичъ... батюшки, вдругъ войдетъ!... суетился совершенно опьянѣвшій Глюмъ.

Спустя минуту, вошедшій въ покой, дряхлый старичекъ-фельдшеръ—«изъ военныхъ» уже засталъ насъ мирно покоившимися подъ больничными одѣялами, не подававшими и признака жизни.

— Кто это? никакъ Иванъ Ивановичъ! Что-же это съ нимъ случилось? а это, никакъ, князь?... И оба спятъ... Что-то неладно... Нужно-бы доктору дать знать... Разбужу, право разбужу,—

Digitized by Google

разсуждалъ онъ про себя, не смѣло дотрогиваясь то очередно то до меня, то до Глюма.

— Иванъ Ивановичъ! а, Иванъ Ивановичъ! что съ вами? проснитесь!—будилъ онъ Глюма, который, однакожъ, ничѣмъ не выказывалъ намѣренія проснуться. Почувствовавъ на лицѣ что-то ползущее, а отчасти и желая успокоить бѣднаго фельдшера, я, освободивъ изъ-подъ одѣяла голову и лицо, голосомъ больнаго, обратился къ нему:

— Оставьте его, г. фельдшеръ, пусть спитъ. Мы немножко угорѣли: черезъ-чуръ рано закрыли трубу въ печкѣ... голова стала какъ болить.

— Ну, это ничего, не безпокойтесь, пройдитъ. Я вотъ вамъ сейчасъ капли дамъ... — успокоивалъ меня, поспѣшившій оставить Глюма, фельдшеръ, производя надо мной должное изслѣдованіе: щупанье пульса и лба.

Въ одномъ изъ угловъ комнаты, или «покои», стоялъ покривившійся отъ времени, покрытый густымъ слоемъ пыли, столъ, составлявшій, — какъ надо полагать, судя по множеству баночекъ и баночекъ, и всевозможнаго вида пузырьковъ, помѣщавшихся на немъ, — аптеку пріѣзжаго поповя. Это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что въ «покоѣ» не видно было ни шкафа и ничего такого, гдѣ-бы можно было подозрѣвать присутствіе лекарствъ и медицинскихъ инструментовъ. «Баночки» и «пузырьки» были, разумѣется, окрашены тою-же краской — пылью, что отнимало всякую возможность опредѣлить, содержится-ли что-либо въ нихъ. Въ одномъ изъ такихъ «пузырьковъ», поднесенномъ мнѣ фельдшеромъ, оказалась, однако, какая-то мутная, безвкусная жидкость, значительную составную часть которой, — я не сомнѣвался, — составляла та-же пыль. Я съ отвращеніемъ проглотилъ нѣсколько капель этой жидкости, — капель, долженствовавшихъ, по увѣренію фельдшера, скоро сдѣлать меня здоровымъ.

— Позвольте мнѣ оставить вамъ эти капли, пока Иванъ Ивановичъ проснется, вы ихъ ему дадите. Мнѣ нужно сбѣгать къ доктору. Да сейчасъ-съ!... Къ вечеру будете здоровы, — оставилъ меня заботливый фельдшеръ, предварительно сунувъ мнѣ *подъ подушку* цѣлебный пузырекъ: въ «покоѣ», кромѣ кровати и вышеупомянутаго стола, никакой мебели не было.

Digitized by Google

Глюмъ настолько проникся своею ролью, что сдѣланная мною, по уходѣ фельдшера, попытка заговорить съ нимъ осталась напрасною: онъ лежалъ неподвижно, не издавая ни одного звука. Если-бы не кратковременность нашего пребыванія въ пріемномъ покоѣ, я подумалъ-бы, что онъ и въ самомъ дѣлѣ спитъ. Предоставленный собственнымъ впечатлѣніямъ, я въ первый разъ внимательно оглядѣлъ свое ложе. Обзоръ этотъ привелъ къ тому, что я, не смотря на просьбу Егорова: «закутайтесь, будто спите», быстро оставилъ кровать, обдекся въ свой сюртукъ и, за неимѣніемъ стула или табурета, на которомъ можно было-бы присѣсть, на ходу сталъ избавлять себя отъ тѣхъ нежеланныхъ гостей, которые, уже однажды, въ достопамятную для меня ночь, провели ночь «на слѣдственной»,—завладѣли моей особой. Я негодовалъ не только на Егорова, которому не могло быть неизвѣстно состояніе предложенныхъ имъ къ нашимъ услугамъ постелей, но и на самого себя, такъ доверчиво воспользовавшагося одною изъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно было-бы болѣе внимательно взглянуть на подушки и одѣяла, которыми были покрыты помѣщавшіяся въ «покоѣ» пять кроватей, чтобы отшатнуться отъ нихъ, не смотря ни на какія просьбы. Одѣяла изъ солдатскаго сукна, отъ времени, огня и различныхъ медикаментовъ,—о томъ, другомъ и третьемъ свидѣтельствовали множество заплатъ, выжженныхъ дыръ и всевозможныхъ цвѣтовъ и размѣровъ пятна,—давно потеряли свой первоначальный, сѣрый цвѣтъ. Каждая заплата служила убѣжищемъ для отвратительныхъ насѣкомыхъ, гнѣздившихся по ея причудливымъ швамъ. Мочальныя подушки, необыкновенной твердости, были покрыты, буквально, черными отъ грязи и пыли наволочками изъ грубаго,—такъ называемаго «подкладочнаго»,—холста. Простыни, изъ того-же холста, были не менѣе грязны и также покрыты заплатами и пятнами отъ раздавленныхъ насѣкомыхъ. Мочальные матрацы изобиловали клопами. Вообще, вся обстановка «пріемнаго покоя»—невысокой, грязной, квадратной комнаты, съ тремя, выходившими на дворъ полицейскаго дома, окнами, также покрытыми пылью и паутиной, свидѣтельствовала о совершенной заброшенности и отсутствіи всякаго надзора и заботливости. Не оставалось сомнѣнія, что постельное бѣлье съ незапамятныхъ временъ не стиралось; одѣяла

Digitized by Google

никогда не выколачивались; матрацы и подушки оставались неприкосновенными съ перваго дня ихъ существованія.

— Послушайте, зачѣмъ вы встали? ложитесь скорѣе!... Прошу васъ... генералъ придетъ... Егорову достанется,—вдругъ заявилъ о себѣ Глюмъ.

Я указалъ ему нѣкоторое мѣсто на одѣялѣ, которымъ онъ былъ покрытъ, и на его собственный жилетъ, по которому свободно разгуливали извѣстнаго рода насѣкомыя.

Мой наглядный, хотя и молчаливый, отвѣтъ подѣйствовалъ на Глюма лучше всякихъ словъ: онъ уже болѣе не помнилъ о томъ, что генералъ можетъ придти и что Егорову можетъ достаться. Живо сбросивъ на полъ одѣяло и подушку, онъ также принялся освобождать себя отъ насѣкомыхъ, сопровождая эту операцію громкими,—неизвѣстно, впрочемъ, къ кому адрасованными,—проклятіями и ругательствами.

— Нельзя-ли потише, господа! Генералъ на дворѣ!—не замедлилъ раздаться голосъ Савельева, неожиданно очутившагося въ дверяхъ «покоя». Оказалось, что, оставивъ насъ въ «покоѣ», Егоровъ не преминулъ, въ то-же время, распорядиться, — «ради формы», какъ онъ потомъ объяснилъ,—поставить у «покоя», въ качествѣ часовыхъ, двухъ полицейскихъ служителей; однимъ изъ такихъ часовыхъ былъ Савельевъ.

При вѣсти: «генералъ на дворѣ», Глюмъ мгновенно умолкъ, поспѣшно поднялъ съ пола одѣяло и подушку и, плюнувъ нѣсколько разъ по обѣ стороны кровати, вторично улегся на ней, прикрывъ себя своимъ сюртукомъ: одѣяло и подушка нашли себѣ мѣсто въ ногахъ. Я не счелъ нужнымъ послѣдовать его примѣру и рѣшился, стоя у окна, выжидать появленія генерала.

— Это чортъ знаетъ что такое!.. тьфу гадость!... покорно благодарю... тьфу, тьфу!... отплевывался Глюмъ, ворочаясь на своемъ непривлекательномъ ложѣ.

Тотъ-же Савельевъ, спустя минуту, возвѣстилъ радостную вѣсть: «Генералъ уѣхалъ!» Нечего и говорить, что Глюмъ со всѣхъ ногъ бросился вонъ изъ «покоя». Оставляя его съ немалѣйшей охотой, но далеко не съ такой поспѣшностью, я обратилъ вниманіе на деревянную перегородку въ небольшомъ, узенькомъ, полутемномъ коридорчикѣ, составлявшемъ какъ-бы переднюю «пріемнаго покоя».

Digitized by Google

— Это—для женщинъ,—пояснилъ мнѣ Савельевъ, вводя меня за перегородку.

Пространство между стѣной и перегородкой было занято четырьмя кроватями, съ такими-же постельными принадлежностями, какъ и въ описанномъ уже помѣщеніи «покоя». Разница между тѣмъ и другимъ помѣщеніями заключалась въ томъ, что въ первомъ, независимо отъ свободнаго, ничѣмъ не занятаго, пространства, кровати стояли одна отъ другой на извѣстномъ разстояніи; тутъ-же, въ помѣщеніи «для женщинъ», свободнаго пространства вовсе не было, и кровати тѣсно примыкали одна къ другой, составляя какъ-бы сплошную массу.

Конечно, не каждому изъ читателей извѣстно, что такое «пріемный покой» и чѣмъ онъ долженъ быть? Полагаю, поэтому, не лишнимъ сказать объ этомъ нѣсколько словъ.

При каждомъ полицейскомъ домѣ имѣется особое помѣщеніе, называемое «пріемнымъ покоемъ», предназначенное для пріема внезапно заболѣвающихъ и вообще нуждающагося въ немедленной медицинской помощи бѣднаго люда, не всегда имѣющаго возможность воспользоваться врачебною помощью у себя на дому. На обязанности *частнаго* (т. е. состоящаго при полицейской *части*) врача и фельдшера лежитъ, между прочимъ, поданіе первой помощи всякому больному, доставленному въ «покой» родственниками, дворникомъ или городовымъ. Такой больной оставляется въ «пріемномъ покоѣ» до отправленія его въ одну изъ мѣстныхъ больницъ. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда въ мѣстныхъ больницахъ не бываетъ свободныхъ мѣстъ, что, обыкновенно, бываетъ во время эпидемій, такіе больные остаются на излеченіи въ «пріемныхъ покояхъ». Кромѣ того, «пріемный покой» служитъ часто мѣстомъ для бѣдныхъ роженицъ, прибѣгающихъ къ помощи живущей при «пріемномъ покоѣ» частной акушерки; а иногда, тамъ помѣщаются присылаемыя разными оффиціальными мѣстами и лицами, для испытанія, лица, умственныя способности которыхъ почему-либо заподозрѣны. Понятно, что въ томъ-же «покоѣ» подается первое пособіе и заболѣвающимъ арестантамъ, содержащимся при полицейскомъ домѣ. Ни одинъ такой арестованный не можетъ быть принятъ въ тюремную больницу безъ предварительнаго засвидѣтельствованія его болѣзни частнымъ врачемъ. Содержаніе «пріемнаго покоя», т. е. отопленіе, освѣщеніе, на-

Digitized by Google

блюденіе за чистотой, исправное содержаніе кроватей, и проч., лежитъ всецѣло на обязанности смотрителя полицейскаго дома. Въ «пріемный покой», обыкновенно, никто изъ посѣщающихъ полицейскій домъ начальствующихъ лицъ не заглядываетъ; частный врачъ, большею частью, «водитъ дружбу» съ смотрителемъ, чѣмъ и объясняется возможность существованія «пріемныхъ покоевъ», подобныхъ вышеописанному.

— Такъ скоро изволили поправиться, князь? А Иванъ Ивановичъ какъ?—освѣдомился у меня заботливый фельдшеръ, съ которымъ я столкнулся у входныхъ дверей «пріемнаго покоя».

— Какъ я, такъ и Иванъ Ивановичъ, благодаря вашимъ стараніямъ, очень скоро поправились. Пузырекъ, который вы мнѣ дали, я оставилъ подъ подушкой.

— Помилуйте-съ!.. Не соблаговолите-ли на чаекъ?... А пузырекъ потрудитесь взять,—спасибо скажете: наверно голова заболитъ, примете 15 капель—и какъ рукой сниметъ...

— Очень вамъ благодаренъ-съ,—расшаркался онъ предо мной, послѣ того, какъ я, поблагодаривъ его, въ свою очередь, за чудодѣйственный пузырекъ, наградилъ его усердіе и заботливость рублевой депозитной.

— Славный баринъ!.. рублевка!.. Пойду, выпью за его здоровье,—вслухъ произнесъ онъ мнѣ вслѣдъ.

Глюма я нашелъ въ конторѣ полицейскаго дома, гдѣ онъ, въ ожиданіи Егорова, что-то, въ полголоса, объяснялъ Павлу Алексѣевичу. Судя по жестамъ, сопровождавшимъ его рѣчь, и потому, что онъ часто отплевывался, можно было безошибочно заключить, что рѣчь идетъ объ обстоятельствахъ нашего пребыванія въ «пріемномъ покоѣ».—Почти вслѣдъ за мной, въ контору явился Егоровъ.

— Генералъ остался очень доволенъ... нѣсколько разъ принималъ жать мнѣ руку... благодарилъ, благодарилъ... радостно объявилъ онъ, ни къ кому въ отдѣльности не обращаясь.—Ну, а какъ вы поживаете, мои слабые больные? ха-ха-ха!—И, схвативъ мою руку, Егоровъ залился громкимъ смѣхомъ.

— Можете идти обѣдать, Павелъ Алексѣевичъ; вы—также.— Послѣднія слова относились къ двумъ, занимавшимся въ то время въ конторѣ писцамъ; тотъ и другіе не замедлили удалиться.

Digitized by Google

— Нѣтъ, идея-то какова! а? въ пріемный покой!.. Ха-ха-ха!.. Конечно, я не боюсь, я стою такъ твердо... Но нѣтъ, нѣтъ, идея-то какова? Ха-ха-ха!..

— Идея, сама по себѣ, не дурна; дурно только то, что именно *намъ* пришлось осуществлять ее... Нечего сказать, угостили вытяни насъ!.. произнесъ я, обращаясь къ все еще продолжавшему хохотать Егорову.

— Да-съ, спасибо-съ!—подтвердилъ, въ свою очередь, Глюмъ. Выраженіе лица послѣдняго было очень мрачное.

— Что съ тобой? Иванъ Ивановичъ!.. Вы, и въ самомъ дѣлѣ, на что-то претендуете? Ну, эка важность, что пришлось съ четверть часа полежать въ пріемномъ покоѣ!—сдерживая смѣхъ, обратился Егоровъ къ Глюму, пытливо въ него вглядываясь.

— Полежать-то-бы еще куда ни шло, а вотъ быть отданнымъ заживо на съѣденіе насѣкомыхъ—не совсѣмъ пріятно.

При послѣднихъ словахъ моихъ, Егоровъ быстро вскочилъ со стула и, какъ-бы что-то соображая, схватился за лобъ.

— Ну, простите, господа, совсѣмъ изъ ума вонъ!—произнесъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—Виноватъ... пожалуйста не сердитесь. Угораздило-же этого Баранова пріѣхать не во время! Сгоряча и забылъ, что у насъ пріемный покой не особенно чисто содержится... Не сердитесь-же, господа!..

— Мнѣ-то, положимъ, не привыкать-стать: послѣ «слѣдственной».

— Вы злопамятны, Дмитрій Александровичъ!—обиженнымъ тономъ перебилъ меня Егоровъ. — Знаете пословицу: «кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ»? А, вотъ и Амалія Карловна! она насъ сейчасъ помиритъ,—радостно воскликнулъ онъ вдругъ, увидавъ изъ окна въѣзжавшую на дворъ коляску, въ которой важно покоилась тучная фигура «чудеснѣйшей женщины».

Само собою разумѣется, что «благодѣтель» бросился встрѣчать ее.

— Не упускайте, князь... лакомый кусочекъ!.. Пятьдесятъ тысячъ чистаганомъ!—счелъ нужнымъ напомнить мнѣ Егоровъ.

— Здравствуйте, monsieur Егоровъ!—развязно произнесла показавшаяся-было въ дверяхъ Амалія Карловна. — Ахъ, вы не одни? Мое почтеніе, князь!—церемонно, съ видомъ оскорбленнаго достоинства, промолвила она, удостоивъ меня важно-медленнымъ, легкимъ поклономъ.

Digitized by Google

— Сердится... извинитесь!—поспѣшилъ шепнуть мнѣ Глѣбъ.

— А у насъ только что шла рѣчь, именно по поводу васъ,— совершенно свободно, нисколько не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, началъ повѣствовать Егоровъ.—Князь глубоко сокрушался, что болѣзненное состояніе заставило его навлечь на себя ваше не удовольствіе. Онъ увѣряетъ, что вы его ни за что не простите. Я принялъ на себя смѣлость спорить... безуспѣшно, однако. Не разрѣшите-ли вы, Амалія Карловна, нашъ споръ?

Окинувъ меня быстрымъ, но пристальнымъ взглядомъ, Амалія Карловна, принявъ вызывающую и, въ то-же время, рельефно обрисовывавшую ея роскошныя формы, позу, кокетливо произнесла:

— Такъ князь очень сокрушается, что былъ немножко относительно меня невѣжливъ?

Волей-неволей, пришлось отвѣтить:—«Очень».

— Отъ васъ зависитъ заслужить мое прощеніе.

— Постараюсь.

— Чего тутъ стараться?—вмѣшался Егоровъ: — развѣ вы не видите, что вы уже прощены? Что, рады, небось? Пойдемте-же, я васъ поздравлю.—На одну минуту, Амалія Карловна!—добавилъ онъ, уводя меня изъ конторы.

— Отлично, Дмитрій Александровичъ! все будетъ хорошо, если вы только позволите мнѣ дѣйствовать. Золотая баба, — повѣрьте честному слову,—говорилъ онъ мнѣ по дорогѣ въ свою квартиру.

Общество «золотаго человѣка» становилось мнѣ до такой степени невыносимо, что, послѣ послѣднихъ его словъ, мнѣ стоило не мало усилій удержать себя въ *должныхъ* границахъ. Съ языка уже готова была сорваться истинная оцѣнка его словъ и дѣйствій; я уже готовъ былъ высказать ему всю силу моей ненависти къ нему, къ этому, по истинѣ, нравственному уроду, человѣку, подобнаго которому, я,—не будучи новичкомъ въ практической жизни и сталкиваясь въ прошломъ съ массой лицъ всевозныхъ нравственныхъ состояній,—тѣмъ не менѣе, не встрѣчалъ. Я воскресилъ въ своей памяти все видѣнное и слышанное отъ него, во все время моего невольнаго съ нимъ знакомства: ни одного мало-мальски честнаго, не только дѣйствія, но и слова. Онъ былъ постоянно вѣренъ себѣ и ни на минуту не забывался. Что ни

Digitized by Google

слово—то подлость. И, слушая этого человѣка, я былъ поставленъ въ необходимость не только не порицать его, но и соглашаться съ нимъ, подлаживаться къ нему!.. Скрѣпя сердце, помня цѣль, ради которой я уже сдѣлалъ многое, что противно моимъ убѣжденіямъ, я и въ этотъ разъ заставилъ себя заглушить свой душевный порывъ, и ничѣмъ не выказалъ Егорову своего негодованія.

— Одну чашку кофе, князь; послѣ завтрака, это не мѣшаетъ,— предложилъ Егоровъ, введя меня вторично въ свой кабинетъ.

Предметомъ нашей застольной бесѣды, въ этотъ разъ, была та-же «золотая баба». Егоровъ очень старался убѣдить меня, что въ наше время пренебрегать подобными случаями къ наживѣ— грѣшно, преступно; что онъ не знаетъ ни одного человѣка, который уклонился-бы отъ любви Амаліи Карловны, которая, при томъ-же, и сама по себѣ «очень аппетитная женщина». Для меня, какъ для арестованнаго, любовь Амаліи Карловны,—любовь, которой онъ, Егоровъ, сочтетъ долгомъ дружбы ко мнѣ содѣйствовать всевозможными мѣрами, должна имѣть двоякую цѣну.

— Я увѣренъ,—убѣждалъ онъ меня,—что эта женщина заставила-бы васъ забыть, что вы подъ арестомъ; честное слово... Я васъ помѣстилъ-бы въ отдѣльный секретный нумеръ, предоставилъ-бы вамъ обставить его по вашему собственному усмотрѣнію, и вы могли-бы тамъ принимать кого угодно. Видите, батюшка, какой я человѣкъ? А вы еще хотѣли ссориться со мной!

— Но, однако, какъ-же это?.. А Иванъ Ивановичъ?—попробовалъ я было возразить.

— Вамъ-то что за дѣло до него! Не безпокойтесь!.. О, это такая ловкая женщина, которая съумѣетъ все сдѣлать какъ нельзя лучше. Впрочемъ,—задумался на минуту Егоровъ,—я, вѣдь, ничего не люблю дѣлать въ половину: если понадобится, повѣрьте, мы съумѣемъ сплавить его въ другую часть...

— Кого это? вашего друга?—притворился я крайне недоумѣвающимъ.

— Друга... Ха-ха-ха! Что вы, батюшка, какой онъ мнѣ другъ! Вы—дѣло другое: мы съ вами люди одинаковаго образованія, *одинаковыхъ* убѣжденій, а этотъ — вѣдь, чистый мужикъ! Конечно, я долженъ сказать, что онъ никогда не оставался мнѣ неблагодаренъ... умѣетъ цѣнить то, что для него дѣлаютъ; ну...

Digitized by Google

и, между нами сказать, онъ не скупъ... Но это все равно; въ убыткѣ я не останусь; не правда-ли? Сойдитесь только съ этой женщиной, и я заранѣе увѣренъ, что вы никогда не забудете Егорова...

— Почему, однакожь, вы такъ увѣрены, что Амалія Карловна захочетъ завязать со мною болѣе близкія отношенія? Говорила она вамъ что-нибудь, или вы рѣшили это путемъ собственныхъ догадокъ?—спросилъ я.

— Да развѣ вы не видите, что она васъ съѣсть рада? Вы счастливецъ, ей-Богу, счастливецъ!—И, пожавъ мнѣ многознаменательно руку, Егоровъ выбѣжалъ изъ кабинета.

Прошло съ четверть часа времени.

Куда-жь дѣлся мой любезный хозяинъ? Что побудило его вдругъ оставить меня?.. Сослаться на внезапную головную боль... уйти? Но, идя въ камеру, нельзя миновать конторы; а тамъ — «чудеснѣйшая женщина»; пожалуй, и онъ тамъ. Сослаться на головную боль послѣ недавно испрошеннаго прощенія въ такомъ-же преступленіи, на этотъ разъ, очевидно, не спасетъ меня: придется или остаться бесѣдовать съ «чудеснѣйшей женщиной», соблаговолившею избрать меня жертвой своей развращенной натуры, или — измѣнить свои отношенія къ Егорову, т. е. довести дѣло съ нимъ до открытой ссоры. До перваго — я *не долженъ* былъ допустить себя, а до послѣдняго—*не могъ*. Что-же дѣлать?

Звукъ знакомыхъ шаговъ и шелестъ женскаго платья остановили мои размышленія. На порогѣ кабинета показался отвратительно-ухмылявшійся Егоровъ, подъ руку съ невѣдомо отъ чего сіявшею «чудеснѣйшею женщиной».

— Какъ видите, князь, хлопоты мои не были напрасны. Ваше пламенное желаніе исполняется. Амалія Карловна готова васъ выслушать,—произнесъ Егоровъ, опустивъ свою даму въ ближайшее отъ меня кресло.

— А теперь—позвольте мнѣ васъ оставить: въ контору, въ контору нужно, на одну минуту... Честь имѣю кланяться! — поспѣшилъ онъ молодцовато расшаркаться.

— Часъ отъ часу не легче! — вырвалось у меня чуть не вслухъ.

— Что-же вы молчите, князь? Неужели вы такой не смѣлый?— послѣ обоюднаго минутнаго молчанія, ободряюще произнесла

Digitized by Google

Амалія Карловна, вперивъ въ меня свой далеко не чудные, нѣсколько напоминавшіе собою Глюмскіе—масляные глаза.

Въ головѣ моей, между тѣмъ, успѣло созрѣть рѣшеніе вопроса: «что дѣлать?» — Комедія, во всякомъ случаѣ, не можетъ долго продлиться. Задавшись цѣлью бѣжать и, притомъ, непремѣнно изъ полицейскаго дома, гдѣ, пользуясь «дружбой» «золотаго человѣка», я могъ найти къ тому множество болѣе или менѣе удобныхъ способовъ, — я, очевидно, не долженъ былъ медлить, такъ какъ не сегодня — завтра могла получиться бумага о переводѣ меня изъ полицейскаго дома, для содержанія подъ стражей, въ тюремный замокъ, или иное мѣсто заключенія.—Еще день—два подожду извѣстій отъ Гуаидзе; а затѣмъ, уже, не расчитывая ни на чью помощь, самъ сдѣлаю рѣшительный шагъ къ осуществленію своего намѣренія. Каковъ-бы ни былъ исходъ моей попытки избавиться отъ неволи, удача или неудача меня ожидаетъ, въ томъ и другомъ случаѣ, мои ложныя къ Егорову отношенія прервутся сами собой; а, слѣдовательно, и отношенія между мной и «чудеснѣйшей женщиной», какъ основанныя на покровительствѣ и участіи того-же Егорова, не грозятъ продолжительностью. Болѣе близкое знакомство съ нею, о чемъ такъ усердно и, конечно, не безкорыстно, хлопочетъ Егоровъ, окончательно утвердитъ его довѣріе ко мнѣ, а, стало быть, несомнѣнно, также послужитъ однимъ изъ средствъ къ достиженію мною извѣстной цѣли... Словомъ,—я рѣшилъ доиграть комедію.

Вмѣсто отвѣта на вопросъ, я молча приблизился къ Амаліи Карловнѣ и, съ притворною страстностью, нѣсколько разъ поцѣловалъ ея обѣ руки.

— Такъ вотъ вы какой!—радостно воскликнула она.—Безъ словъ... О, я была увѣрена, что вы умѣете любить такъ, какъ никто... Милый мой! — И, крѣпко обвивъ руками мою шею, нѣмка наградила мою «любовь» долгимъ, одуряющимъ поцѣлуемъ, своими особенностями живо напомнившимъ мнѣ поцѣлуй другой, не менѣе развращенной, женщины—княгини Лиліенгорсъ: пріемы той и другой были почти одинаковы. Ихъ поцѣлуи выражали грубую, ничѣмъ несдерживаемую животную страсть, жажду чувственныхъ наслажденій, при совершенномъ отсутствіи хотя-бы незначительной доли стыдливости и истинной женской нѣжности.

Digitized by Google

— А Иванъ Ивановичъ? — съ видомъ ревнующаго полюбопытствовалъ я.

— Эта гадина?... да я его ненавижу! Старый, слюнявый, приторный... тьфу! Два года преслѣдуетъ меня своею любовью... ха-ха-ха!

— Однако, чѣмъ-же объяснить ваши частыя посѣщенія?

— О, да онъ въ самомъ дѣлѣ ревнуетъ! Какъ это мило!—И мой ротъ вторично подвергается дѣйствію одуряющихъ поцѣлуевъ. Минута, и я оказываюсь безсильнымъ противустоять ихъ убійственному вліянію. Мною, естественно, овладѣло то чисто-чувственное состояніе, которое,—къ счастью, на короткое время, — совершенно парализуетъ правильную дѣятельность мозга,—состояніе, въ которомъ не можетъ не очутиться и нравственнѣйшій изъ смертныхъ, при столь близкомъ общеніи съ подобной женщиной.

Входъ Егорова, со свойственною ему догадливостью, предупредившаго о себѣ легкимъ стукомъ въ дверь, положилъ конецъ неистовству бѣщенной страсти.

— Прошу извиненія: меня немного задержали, — произнесъ онъ, какъ-бы не замѣчая нашего смущенія и нѣкотораго наружнаго безпорядка.—Знаете что, князь,—вдругъ обратился онъ ко мнѣ, — я хочу вамъ предложить перейти въ секретный нумеръ: вамъ тамъ будетъ гораздо спокойнѣе. А предлагаю я вамъ это теперь потому, что у меня только что освободился именно такой нумеръ...

— А мнѣ тогда можно будетъ приходить къ князю въ гости?— лукаво подмигивая мнѣ, перебила его Амалія Карловна.

— Ваше желаніе—для меня законъ; вы это давно знаете!— не замедлилъ отвѣтить Егоровъ, сопровождая этотъ отвѣтъ мнимопочтительнымъ поцѣлуемъ руки, несомнѣнно, не разъ воздававшей ему «должное».

— Какъ это хорошо! какъ это славно! Переходите, князь!... Что вы такъ смотрите? — передразнила она вдругъ Егорова. — Смотрите-жь!—и она безцеремонно обняла меня.—Только смотрите, противному Глюму—ни гу-гу!—приказывала она.—Онъ отъ меня получитъ вечеромъ цисульку, что я больна; а вы не вздумайте отпустить его ко мнѣ.... слышите?

Digitized by Google

— Слушаю-съ, слушаю-съ, милѣйшая Амалія Карловна! Приказывайте, повелѣвайте!...

— Пошлите за шампанскимъ: вотъ вамъ кошелекъ... Ступайте-жь, противный этакой! — Егоровъ не заставилъ себя просить и, оставляя насъ, тщательно притворилъ за собою двери кабинета.

Между тѣмъ чувственный порывъ страсти уже миновалъ, и «чудеснѣйшая женщина» начинала мнѣ внушать отвращеніе къ себѣ. Спасаясь поэтому отъ извѣстнаго рода поцѣлуевъ и объятій и желая выиграть время, я объявилъ ей, что, прежде чѣмъ идти дальше, я хочу знать исторію ея отношеній къ Глюму.

— Фи, какой вы противный! Зачѣмъ вамъ это знать?... Послѣ разскажу, — отвѣтила она мнѣ, не выпуская изъ своихъ объятій.

— Нѣтъ, непремѣнно теперь! — рѣшительно произнесъ я, по возможности останавливая ея страстные порывы, чувствуя себя, въ то-же время, неспособнымъ долго противустоять имъ.

Недоумѣвающе взглянувъ на меня, она покорно подчинилась моему настоятельному желанію, и пояснила, что Глюмъ принималъ участіе въ выгодномъ помѣщеніи ея капитала, доставилъ ей возможность сдѣлать нѣсколько выгодныхъ дѣлъ, самъ состоитъ ей должнымъ 15 тысячъ рублей, и что, наконецъ, онъ цѣлыхъ два года преслѣдуетъ ее своею любовью. Ей жаль его; она убѣждена, что онъ ее дѣйствительно сильно любитъ, и потому посѣщаетъ его въ заключеніи, позволяя себѣ награждать его испытанную привязанность ничего не выражающими поцѣлуями.

— Только не такими, не такими... милый мой!... Ты меня любишь?... едва дыша отъ сильнаго волненія, говорила она, не переставая душить меня въ своихъ циническихъ объятіяхъ.

«Милый мой, ты меня любишь?»... Съ этими словами, мнѣ когда обращалось ко мнѣ невинное, чистое созданіе... Я вспомнилъ Луизу... Иву... Краска стыда и негодованія бросилась мнѣ въ лицо.

— Позвольте... оставьте меня... я нездоровъ, — отрывисто проговорилъ я, освобождаясь отъ ласкъ «чудеснѣйшей женщины».

Но «чудеснѣйшая женщина» вовсе не расположена была вѣрить моему нездоровью и, благодаря ему, терять выгоды не

Digitized by Google

случайнаго tête-à-tête. Она продолжала дарить меня всевозможными доказательствами самой близкой дружбы...

Умышленно-громкій голосъ Егорова, отдававшаго кому-то за дверью приказанія, избавилъ меня, наконецъ, отъ невыносимо тягостнаго состоянія борьбы съ самимъ собою: требовалось немало силы воли, чтобы однимъ рѣзкимъ словомъ правды не разрушить съ трудомъ построеннаго зданія; а слово это, ежесекундно, готово было сорваться съ языка.

Подъ вліяніемъ-ли испытанныхъ ощущеній, вслѣдствіе-ли чрезмѣрно-выпитаго вина, только я вскорѣ почувствовалъ себя и въ самомъ дѣлѣ больнымъ. Въ такомъ состояніи, неподдѣльная веселость Егорова, тосты, анекдоты и разсказы котораго съ каждымъ бокаломъ вина становились краснорѣчивѣе и разнообразнѣе, смѣхъ, циническія остроты и масляные взгляды «чудеснѣйшей женщины»—меня несказанно раздражали.

— Милый князь, что съ вами? Посмотрите, я женщина, а на меня вино не производитъ такого дѣйствія, какъ на васъ. Можетъ быть, *мы* вамъ надоѣли?... Извольте быть здоровы, веселы! слышите? Цѣлуйте меня!—уже нисколько не стѣсняясь присутствіемъ Егорова, бѣсновалась Амалія Карловна.

— Вы обворожительная женщина! — восклицалъ Егоровъ. — Нисколько не удивляюсь, что вы такъ скоро плѣнили князя. Съ вами можно и про Парижъ забыть. Не правда-ли, князь?

— Еще-бы! — сквозь зубы отвѣчалъ я. — Однако, съ нашей стороны, далеко не любезно въ такой степени злоупотреблять вашимъ гостепріимствомъ: вы человѣкъ семейный и семейство ваше, конечно, давно ждетъ васъ обѣдать,—догадался я, наконецъ, замѣтить.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста не безпокойтесь: и безъ меня пообѣдаютъ. *Служба* рѣдко даетъ мнѣ возможность обѣдать въ кругу моего семейства... Оно ужъ привыкло обходиться безъ меня.

Къ счастью, Егоровъ во-время замѣтилъ мой, обращенный къ нему, умоляющій взглядъ. Онъ поспѣшилъ добавить:

— Впрочемъ, дорогіе гости, не задерживаю. Завтра, Амалія Карловна, пожалуйте къ намъ на новосельѣ. Вы когда хотите перебраться: сегодня, или завтра?—спросилъ онъ меня.

— Ловко-ли будетъ—вдругъ, ни съ того, ни съ сего, перейти въ секретный нумеръ? Глюмъ...

Digitized by Google

— Я ничего не знаю!—не дала мнѣ продолжать Амалія Карловна. — Завтра я ваша гостья на весь вечеръ. Слышите? Посмотримъ, чѣмъ-то вы насъ будете угощать!... Ну, вѣдь, мы друзья? друзья на всю жизнь!—И раскраснѣвшаяся отъ вина и страсти, тучная красавица заключила меня въ свои широкія объятія.

— Амалія Карловна, вы позволите мнѣ быть вашимъ провожатымъ?—разумно напомнилъ ей о себѣ Егоровъ.

— Конечно. Ступайте, противный! — освободила она меня.— До свиданія, ваше сіятельство! до завтра... Смотрите-жь, не вздумайте хворать!... Ступайте, ступайте, не оглядывайтесь!— И за что это только я его такъ полюбила?—театрально воскликнула она мнѣ вслѣдъ.

— Савельевъ! проведи г. Карасева до камеры!—донеслось до меня, въ то-же время, произнесенное строгимъ, начальническимъ тономъ, приказаніе Егорова.

— Что-же, развѣ смотритель боится, чтобы я не ушелъ? Вѣдь, я и безъ васъ дорогу нашелъ-бы до камеры?— спросилъ я у догнавшаго меня Савельева.

— Это, баринъ, только *для формы-съ*. Смотритель васъ знаютъ; а все-таки форма требуетъ: чтобы, значитъ, никто придраться не смѣлъ,—пояснилъ мнѣ мой «конвойный».

— Счастливо оставаться... нерѣшительно, какъ-бы чего-то отъ меня ожидая, проговорилъ онъ, дойдя со мной до конторы,— пункта, которымъ онъ, повидимому, считалъ нужнымъ ограничить свои конвойныя обязанности.

— Вы имѣете мнѣ что-нибудь сказать?—спросилъ я его, хорошо понимая, *что* ему отъ меня нужно.

— Нѣтъ-съ, ничего-съ... я только такъ, будьте покойны... Отъ меня Иванъ Ивановичъ ничего не узнаетъ. Прощайте-съ!— скороговоркой отвѣтилъ онъ мнѣ, переминаясь съ ноги на ногу и какъ-бы собираясь оставить меня.

— Возьмите... смотрите только держите ухо востро. Не вздумайте подслужиться Ивану Ивановичу... Впрочемъ, вы такъ преданы смотрителю, что, конечно, не преминете строго слѣдовать его приказаніямъ...

— Будьте покойны-съ... останетесь довольны...—несомнѣнно искренно отвѣтилъ мнѣ стражъ, лицо котораго, при видѣ поданной ему мною кредитной бумажки, какъ-то вдругъ просіяло и

Digitized by Google

приняло почтительное выраженіе. Онъ болѣе не переминался: отвѣсивъ мнѣ нижайшій поклонъ, онъ быстро скрылся изъ конторы.

На этотъ разъ, камера, служившая мнѣ мѣстомъ заключенія, потеряла для меня, на нѣкоторое время, свое истинное значеніе. Я былъ ей искренно радъ, и, только переступивъ ея порогъ, вздохнулъ свободно. Я почувствовалъ себя какъ-бы только-что освобожденнымъ отъ тяжкой неволи и, едва-ли не въ первый разъ, искренно пожалъ руки своимъ сотоварищамъ по камерѣ, которымъ не менѣе обрадовался.

— Ужь и вы начинаете измѣнять намъ, Дмитрій Александровичъ? Это не хорошо...

— Вообще, господа, вы замѣчаете, у насъ что-то странное творится съ камерѣ,—хитро подмигивая Давыдовичу и де-Трайлю, перебилъ Угровъ послѣдняго.—Князь начинаетъ по цѣлымъ днямъ отсутствовать, а Иванъ Ивановичъ, котораго, бывало, и днемъ съ огнемъ не сыщешь, изволитъ дома покоиться...—А что тамъ такое у него произошло съ Амаліей Карловной? — шопотомъ, вдругъ спросилъ онъ меня.—Ничего, спитъ, какъ убитый, — поспѣшилъ онъ успокоить меня, указывая на Глюма, повидимому, спавшаго дѣйствительно непробуднымъ сномъ.

— Развѣ между нимъ и Амаліей Карловной что-нибудь произошло?—непритворно заинтересовался я.

— Я думаю! Какъ будто вы ничего не знаете! Вѣдь вы-же вмѣстѣ были въ конторѣ?—не вѣрилъ мнѣ Угровъ.

— Нѣтъ; при свиданіи его съ Амаліей Карловной я не былъ: я былъ въ то время у Егорова. Въ самомъ дѣлѣ, между ними что-нибудь произошло?

— Надо думать. — И Угровъ, отведя меня въ противуположный кровати Глюма уголъ камеры, продолжалъ шопотомъ:

— Много-много, десять минутъ она пробыла сегодня съ нимъ въ конторѣ; тогда какъ обыкновенно, утромъ или днемъ, бывало, пріѣдетъ, а ужь раньше вечера не уѣдетъ... Вернулся онъ изъ конторы самъ не свой: съ часъ бѣгалъ по камерѣ, какъ угорѣлый: я слова отъ него добиться не могъ: ну, точь въ точь, какъ въ тотъ вечеръ, когда Егоровъ не хотѣлъ посадить барона въ карцеръ.... Раза два онъ собирался къ Егорову; посылалъ узнавать, да неуспѣшно: «дома нѣтъ», отвѣчали. А какое тамъ «дома

Digitized by Google

нѣтъ», когда вы у него сидѣли! Вѣдь не со стѣной-же вы у него бесѣдовали!... Завалился спать, и вотъ, я думаю, ужь часа три спитъ, словно убитый. Тутъ что-нибудь, да неладно... По самыя, вѣдь, уши человѣкъ влюбленъ въ нее...

— Выспится, самъ все разскажетъ. Я, право, ничего не знаю...—Угровъ недовѣрчиво покачалъ головой.

— А что, былъ у васъ тутъ въ камерѣ генералъ Барановъ?— обратился я къ Давыдовичу.

— Какъ-же! Но онъ на насъ, простыхъ смертныхъ, такъ мало обратилъ вниманія, что, какъ будто, насъ и въ камерѣ-то вовсе не было. Съ четверть часа при насъ разговаривалъ съ Егоровымъ: рѣчь шла о вашей *особѣ*.—И Давыдовичъ передалъ мнѣ подробности посѣщенія генераломъ Барановымъ «благородной» камеры.

Войдя въ камеру и окинувъ быстрымъ взглядомъ находившихся въ ней, генералъ спросилъ у Егорова: «Гдѣ-же у васъ сидитъ новоявленный князь?»

— Онъ опасно заболѣлъ, ваше пр—во,—смѣло отвѣтилъ ему тотъ, къ немалому удивленію моихъ сожителей,—и, до отправленія въ больницу, помѣщенъ мною въ пріемномъ покоѣ.

— А не улизнетъ онъ оттуда? Вы знаете, что онъ за птица? Не очень-то довѣряйтесь его болѣзни: это—замѣчательный пройдоха,—произнесъ генералъ.

Егоровъ поспѣшилъ увѣрить его пр—во, во-первыхъ, въ дѣйствительности моей болѣзни; во-вторыхъ, — въ томъ, что ко мнѣ приставлена стража, и, въ третьихъ,—что онъ меня уже успѣлъ достаточно изучить и смѣетъ ручаться, что изъ его полицейскаго дома мнѣ не удастся уйти.

— Надѣюсь. Вы съ нимъ не церемоньтесь; чуть что—употребите мѣры. Дайте мнѣ знать, когда онъ выздоровѣетъ.

Продолженіе разговора происходило внѣ камеры; но, судя по нѣкоторымъ, доносившимся изъ корридора и съ лѣстницы, выраженіямъ, какъ-то: «негодяй, втирался въ знатные дома», «образованъ, каналья», «двоеженецъ», и т. под., надо полагать, что заботливый генералъ еще долго занимался моей особой.

— Спрашивалъ васъ о чемъ-нибудь генералъ? — справлялся я у «мирныхъ» и «слѣдственныхъ», интересуясь знать, насколько касалось заключенныхъ посѣщеніе генерала.

Digitized by Google

— Чево спрашивалъ! хоть-бы взглянулъ-то толкомъ: вонъ, Митюха нарошно не надѣлъ халата, чтобы, значитъ, видѣлъ рваную рубаху: а она что твой полъ,—чиста... куда тебѣ, и не смотритъ совсѣмъ!—со вздохомъ отвѣтилъ мнѣ одинъ изъ «слѣдственныхъ».

— Это онъ, братцы, ѣздитъ только себя показывать: ишь очень красивъ... видѣлъ усища-то какіе? Анаѳемы-бы тебя съѣли!—высказалъ свое мнѣніе Митюха, видимо, озлобленный своей неудачей.

— А къ намъ и не вошелъ: посмотрѣлъ въ дверь, и—назадъ,—сказалъ мнѣ «мировой староста».

Очевидно, вся дѣятельность почтеннаго генерала, въ данномъ случаѣ, проявлялась только въ предупрежденіи смотрителя о возможности, съ моей стороны, покушенія на побѣгъ и разрѣшенія не церемониться со мною. Другихъ послѣдствій это рѣдкое посѣщеніе не имѣло. Впрочемъ, нѣтъ: для «Митюхи» это посѣщеніе имѣло послѣдствія: тотчасъ послѣ ужина, онъ былъ позванъ въ контору, откуда, послѣ нѣсколькихъ полновѣсныхъ пощечинъ, которыми его встрѣтилъ Егоровъ, онъ былъ отправленъ, на основаніи уже извѣстной статьи, въ карцеръ, на шесть дней.

— За что-же?—спросилъ я Савельева, доставившаго мнѣ приведенныя свѣдѣнія.

— За то, что жаловаться хотѣлъ,—отвѣтилъ онъ мнѣ.

— Почему-же это извѣстно, что онъ хотѣлъ жаловаться? Развѣ онъ сказалъ что-нибудь?

— Смотритель ужь знаетъ ихняго брата! А зачѣмъ онъ не надѣлъ свой халатишко? Нарочно разорвалъ свою, и безъ того рваную, рубашенку, да и сталъ на самомъ виду: авось, дескать, генералъ обратитъ вниманіе!... Этого тоже нельзя,—тономъ твердаго убѣжденія высказалъ онъ мнѣ свою полнѣйшую, въ этомъ случаѣ, солидарность съ своимъ начальникомъ.

Разбуженный Угровымъ, Глюмъ поспѣшилъ освѣдомиться обо мнѣ.

— Да вставайте, Иванъ Ивановичъ! Ужь я давно жду вашего пробужденія. Съ чего это вдругъ на васъ такой сонъ напалъ?—отозвался я, подходя къ нему.

— Нездоровится что-то. А вы—все у Егорова сидѣли?—спросилъ онъ меня.

Digitized by Google

— Да; газеты просматривалъ... Егоровъ куда-то уѣзжалъ, такъ что я почти все время одинъ тамъ сидѣлъ,—отвѣтилъ я.

— Знаю. Мнѣ самому нужно было видѣть его; посылалъ къ нему два раза, но его все дома не было.

— У васъ сегодня свиданіе было, кажется, не особенно продолжительно?

— Да,—вздохнулъ Глюмъ.—Ума не приложу, что-бы это могло значить: хотѣла черезъ четверть часа непремѣнно пріѣхать, и вотъ,—до сихъ поръ нѣтъ. Хоть-бы смотрителя увидать: онъ долженъ знать, кто за нею пріѣзжалъ. Вамъ онъ ничего не говорилъ? Скажите, пожалуйста, если что-нибудь знаете!—обратился онъ ко мнѣ.

Вошедшая въ ту минуту въ камеру, въ сопровожденіи Савельева, горничная Амаліи Карловны избавила меня отъ необходимости отвѣчать Глюму. Прочитавъ поданное ему письмо, онъ принялся допрашивать у горничной: кто было то лицо, которое присылало за Амаліей Карловной? Напрасно дѣвушка увѣряла его, что никакого господина не видала, что Амалія Карловна, какъ пріѣхала домой, такъ и заболѣла,—Глюмъ не переставалъ твердить: «*врешь*! говори правду!»

— Я не понимаю, чего вы отъ нея хотите! — вступился я, наконецъ, за дѣвушку.—Вѣдь вы имѣете возможность сами съѣздить къ Амаліи Карловнѣ?—спросилъ я его въ полголоса.

— Да, это правда; я самъ съѣзжу. Ступай, гадкая дѣвчонка! вотъ тебѣ на чай! — И, бросивъ горничной два двугривенныхъ, Глюмъ, вслѣдъ за нею, отправился въ контору.—Онъ возвратился оттуда позднимъ вечеромъ, когда прочіе мои «благородные» сожители уже были погружены въ сладкій сонъ.

— Вы еще не спите? Могу я васъ побезпокоить?—произнесъ онъ слегка дрожащимъ голосомъ, усаживаясь около меня на кровати.

— Что съ вами случилось?—спросилъ я, притворно изумленный.

— Ахъ, Дмитрій Александровичъ! Право, я и самъ не знаю хорошенько, что такое случилось...—отвѣтилъ онъ мнѣ, глубоко вздохнувъ, и, вслѣдъ затѣмъ, озираясь по сторонамъ, тихо прибавилъ:—Они, кажется, спятъ?

— Несомнѣнно,—успокоилъ я его.

Digitized by Google

— Представьте себѣ, на смотрителя кто-то написалъ доносъ, что *будто-бы*, онъ даетъ мнѣ за деньги полную свободу; что я хожу и ѣзжу куда только хочу... Ну, однимъ словомъ, что онъ мною подкупленъ. Какъ вамъ это нравится?—возмущался Глюмъ.—И вотъ, по милости какого-то подлеца, я не только не могу побывать у Амаліи Карловны, но даже и выходить изъ камеры: смотритель проситъ, чтобы я нѣсколько дней, пока дѣло не замнется, не выходилъ на дворъ, предупреждалъ-бы о своемъ желаніи сойти въ контору и проч... Теперь, когда мнѣ такъ нужно видѣть ее!... Что мнѣ дѣлать? Посовѣтуйте!

— Какой-же иной совѣтъ я могу вамъ дать, какъ не такой:—просите Егорова; все отъ него зависитъ...

— О нѣтъ, нѣтъ!—горячо перебилъ меня Глюмъ.—Поймите, я его знаю: если-бы была хоть малѣйшая возможность избѣгнуть необходимости быть въ теченіи нѣсколькихъ дней особенно осторожнымъ, онъ-бы даже не сказалъ мнѣ ни слова. Но тутъ совсѣмъ другое дѣло... доносъ... вы понимаете? доносъ! Николаевъ... больше некому... онъ, онъ и онъ! Ну, что я ему сдѣлалъ? Скажите, пожалуйста!

— Вы ошибаетесь: Николаевъ не такой человѣкъ, чтобы дѣлать что-нибудь изподтишка. Наконецъ, онъ у меня недавно былъ и навѣрное сказалъ-бы мнѣ объ этомъ. Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ, мнѣ кажется, что вамъ нужно *дать* Егорову, и все устроится по прежнему: онъ не боится никакихъ доносовъ.—Извините мнѣ нескромный вопросъ: много-ли вы передавали ему втеченіи своего ареста?—смѣло спросилъ я вдругъ Глюма.

— Не мало,—какъ-то неохотно, не безъ оттѣнка сожалѣнія, отвѣтилъ онъ мнѣ.

— Въ томъ, что вы передавали не мало, я не сомнѣвался; но интересно знать: сколько именно? Не думаю, чтобы у васъ было какое-нибудь основаніе меня стѣсняться. Вы-же хорошо знаете, что я и самъ далъ ему...—добивался я.

— Зачѣмъ, князь, говорить?... Сталъ онъ мнѣ-таки въ копѣйку. На тѣ деньги, которыя я прожилъ, пока сижу въ части, т. е. не прожилъ, а которыя только ему передавалъ, можно-бы,—думаю,—цѣлый годъ заграницей прожить. То за дочку—въ пансіонъ нужно заплатить, то за сына—въ гимназію, то праздникъ—расходовъ много, то просто взаймы сто рублей,—и за всѣмъ

Digitized by Google

этимъ,—ко мнѣ, какъ въ свой карманъ; а ему отказать нельзя: потомъ самъ проклянешь себя...

— И вы еще называли его «золотымъ человѣкомъ»? — перебилъ я Глюма.

— Я и теперь скажу: человѣкъ онъ хорошій, все сдѣлаетъ, ни въ чемъ не откажетъ... только вотъ насчетъ денегъ не очень-то совѣстливъ: не знаетъ мѣры; постоянно такъ и смотритъ, какъ-бы что-нибудь сорвать... А этотъ доносъ, вы думаете, дешево обойдется мнѣ? Теперь и не раздѣлаешься съ нимъ! Послушали-бы вы, что онъ мнѣ пѣлъ въ конторѣ цѣлыхъ два часа...— И, отвѣчая, вѣроятно, на недосказанную мысль, онъ отчаянно махнулъ рукой.

Чтобы объяснить себѣ причину внезапной немилости къ нему Егорова, побудившую послѣдняго искать себѣ новый источникъ дохода въ отношеніяхъ моихъ къ Амаліи Карловнѣ, я, пользуясь тѣмъ, что мнѣ удалось вызвать Глюма на откровенность, полюбопытствовалъ узнать: сколько и давно-ли онъ въ послѣдній разъ далъ? — Оказалось, что, независимо отъ переданныхъ Глюмомъ Егорову, въ разное время, *благодарностей*, послѣдній еще перехалъ у него, подъ видомъ займа, до 400 рублей; въ виду чего, Глюмъ, хорошо зная, что ему не придется получить этого *долга*, пересталъ платить Егорову за поѣздки въ городъ и за другія «льготы», до того обыкновенно оплачиваемыя. Въ послѣднее время, Глюму приходилось нѣсколько разъ отказывать Егорову въ судѣ, подъ видомъ неимѣнія наличныхъ денегъ. Становилось, такимъ образомъ, яснымъ стараніе Егорова сблизить меня съ Амаліей Карловной: вмѣсто одного, переставшаго быть исправнымъ, онъ пріобрѣталъ двухъ новыхъ, еще неистощенныхъ имъ, данниковъ: Очевидно, что то, о чемъ напѣвалъ Егоровъ Глюму въ теченіи двухъ часовъ, также имѣло цѣлью ограничить, подъ предлогомъ поступившаго доноса, право Глюма ходить по двору полицейскаго дома, являться въ любое время въ контору, въ квартиру смотрителя, словомъ,—лишить его возможности узнать дѣйствительную причину имѣющаго состояться перевода меня въ секретный нумеръ. Мнимый доносъ отнималъ, въ то-же время, у Глюма всякій поводъ къ недовольству противъ Егорова и, само-собою, прерывалъ дорого купленныя отношенія къ нему.

Digitized by Google

— Что-жъ мнѣ дѣлать?... Мнѣ нужно, необходимо видѣть Амалію Карловну... Она никогда не бывала больна... вдругъ... Это что-нибудь серьезное... Проклятый доносъ!—убивался онъ, повидимому, дѣйствительно влюбленный въ «чудеснѣйшую женщину».

— Никакого доноса — нѣтъ; увѣряю васъ. Егоровъ, просто, хочетъ заставить васъ давать ему по прежнему. Вините сами себя: не слѣдовало пріучать съ самаго начала къ частымъ «благодарностямъ»; довольствовался-бы и малымъ.

— Неужели это правда? А что... вѣдь, онъ, и въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, выдумалъ этотъ доносъ...—задумался Глюмъ надъ моими словами.—Нѣтъ, онъ со мной-бы этого не сдѣлалъ! Николаевъ подалъ доносъ; это вѣрно... вотъ увидите, — рѣшилъ онъ послѣ довольно продолжительнаго раздумья.

— Можетъ быть; во всякомъ случаѣ, теперь ужъ такъ поздно, что сдѣлать ничего нельзя. Утро вечера мудренѣе, Иванъ Ивановичъ. Вы-то изволили цѣлый день почивать, а меня, признаюсь, клонитъ ко сну. Спокойной ночи!—Здѣсь немножко удобнѣе, чѣмъ въ прежнемъ покоѣ,—протоворилъ я, безцеремонно перевернувшись на другой бокъ, оставляя, такимъ образомъ, Ивана Ивановича наединѣ съ его веселыми мыслями.

Утренняя повѣрка на другой день, къ немалому удивленію заключенныхъ, производилась, какъ и наканунѣ, самимъ Егоровымъ.

— Странно, что онъ самъ сталъ дѣлать повѣрку: второй день кряду, — вслухъ недоумѣвалъ Угровъ.

— Здравствуйте, господа! Непріятную вѣсточку я вамъ принесъ, г. Карасевъ: приходится разлучить васъ съ вашими товарищами, — оффиціальнымъ тономъ произнесъ Егоровъ, холодно здороваясь со мной.

— Вотъ-съ, пожалуйте сюда!—сказалъ онъ мнѣ, подводя меня къ окну и предъявляя какую-то писанную бумагу. — Впрочемъ, позвольте, я вамъ самъ объявлю. — И, понизивъ голосъ,—однакожь, настолько, чтобы присутствующіе могли его слышать,—онъ торопливо прочелъ слѣдующее: «Предлагаю вашему высокоблагородію, немедленно по полученіи сего, перевести, содержащагося подъ стражей во ввѣренномъ вамъ полицейскомъ домѣ, Дмитрія Александрова Карасева, изъ общей камеры въ отдѣльный секретный нумеръ, и объ исполненіи мнѣ донести».—Это—

Digitized by Google

отъ прокурора. Такъ приготовьтесь, пожалуйста. А право, мнѣ жалко разлучать васъ; вы, кажется, успѣли сойтись съ вашими товарищами, попривыкнуть, да и веселѣе въ общей камерѣ... Но ничего не подѣлаешь,—пожимая плечами, тономъ искренняго сожалѣнія, произнесъ онъ, оставляя камеру.

— И я перейду въ секретный нумеръ; все равно, теперь никуда нельзя выходить. А тамъ, по крайней мѣрѣ, знаешь, что никто доноса не напишетъ,—сказалъ мнѣ Глюмъ.—Мы съ вами тамъ хорошо устроимся, рядомъ... Рѣшено: я тоже, господа, васъ оставляю,—объявилъ онъ, обращаясь къ Угрову, де-Трайлю и Давыдовичу, — пойду хлопотать! И Глюмъ отправился въ контору.

Вскорѣ за мной явился Савельевъ. Пришлось распроститься съ «благородной» камерой и ея жильцами и отправиться вслѣдъ за нимъ въ свое новое помѣщеніе—секретный нумеръ.

Digitized by Google

ГЛАВА XIV.

НА «СЕКРЕТНОЙ ПОЛОВИНѢ».

Къ большому трехъ-этажному корпусу, занимаемому *общими* арестантскими помѣщеніями, примыкало высокое, но узкое, трехъ-этажное-же каменное зданіе, соединенное съ первымъ сквознымъ корридоромъ средняго этажа. Зданіе это называлось «секретная половина». Верхніе два этажа этой «половины» были заняты десятью камерами, или «секретными» нумерами, изъ которыхъ шесть, занимавшіе собою средній этажъ, были одинаковаго размѣра. Нижній этажъ вмѣщалъ въ себѣ цейхгаузъ полицейскаго дома. Назначеніе «секретной половины», точнѣе, — тѣхъ десяти камеръ, которыя составляли ея верхній и средній этажи, заключалось въ томъ, чтобы служить мѣстомъ содержанія исключительно, такъ называемыхъ, «секретныхъ» арестантовъ, т. е. тѣхъ изъ заключенныхъ, которымъ, по ходу ихъ дѣлъ, представляется необходимымъ, въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, пресѣчь всякую возможность сообщенія съ родственниками, знакомыми, друзьями, свидѣтелями по дѣлу и т. под. лицами. Одно только воспрещеніе такимъ заключеннымъ видѣться съ названными лицами ни къ чему не повело-бы, такъ какъ, содержась въ общихъ камерахъ, они имѣли-бы полную возможность сноситься съ ними письменно и устно, при посредствѣ лицъ, посѣщающихъ прочихъ заключенныхъ. Въ описываемомъ мною полицейскомъ домѣ «секретные» нумера не достигали своей цѣли, такъ какъ нерѣдко занимались людьми, денежныя средства которыхъ побуждали Егорова, по своему личному усмотрѣнію, переводить ихъ изъ общихъ камеръ, ради доставленія имъ возможности, за извѣстное «воздаяніе», пользоваться въ широкихъ размѣрахъ всѣмъ, что только составляетъ для заключеннаго «запретный плодъ». Понятно, что совмѣстное содержаніе

Digitized by Google

въ одномъ корридорѣ такихъ мнимо-секретныхъ съ дѣйствительно секретными дѣлало переводъ послѣднихъ изъ общихъ камеръ совершенно безцѣльнымъ. Не говоря уже о томъ, что всякій «секретный», какъ-бы ни были строги данныя, относительно его, Егорову инструкціи, обладая извѣстной суммой денегъ, имѣлъ полное право разсчитывать на всевозможныя проявленія «любезности золотаго человѣка»... Этажи сообщались между собою двумя необыкновенно крутыми, почти прямыми, темными лѣстницами. У входа въ «секретную половину» корридоръ преграждался двумя половинками, состоявшихъ изъ рѣдко переплетенныхъ между собою желѣзныхъ прутьевъ, дверей. Толстый желѣзный засовъ и необыкновенной величины висячій замокъ заграждали доступъ въ «секретную половину», дѣлая невозможнымъ какъ входъ, такъ и выходъ оттуда, безъ согласія дежурнаго полицейскаго служителя, большею частію неизмѣнно дремавшаго на табуретѣ у тѣхъ-же дверей, съ двумя связками ключей отъ камеръ и входной двери въ рукахъ.

— Ну, отпирай живѣй! будетъ тебѣ дремать! — окликнулъ Савельевъ дежурнаго, когда мы подошли къ названнымъ дверямъ.

Промычавъ «сейчасъ... успѣешь», дежурный, не торопясь, протеръ себѣ глаза, отыскалъ, не безъ труда, въ одной изъ связокъ нужный ему ключъ, которымъ и отперъ, наконецъ, входную дверь.

— Вотъ вамъ нумеръ, баринъ. Съ новосельемъ честь имѣемъ поздравить... расшаркался предо мной Савельевъ, отворивъ двери одного изъ «секретныхъ» нумеровъ средняго этажа.

Меня обдало запахомъ сырости и пустоты. Это была высокая, полутемная комната, съ небольшимъ узенькимъ окномъ у самаго потолка, доступу свѣта чрезъ которое мѣшала частая желѣзная рѣшетка съ обѣихъ сторонъ окна. Смѣривъ пространство комнаты, имѣвшей $5^1/_2$ шаговъ въ длину и $2^1/_2$ въ ширину, я, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, безмолвно осматривалъ свое новое помѣщеніе. Такая-же, какъ и въ «благородной» камерѣ, кровать съ принадлежностями и табуретъ со столикомъ занимали почти всю камеру, оставляя небольшое свободное пространство у самыхъ дверей и узкій, въ полшага, проходъ между стѣною и кроватью. Потолокъ камеры былъ чисто выбѣленъ, а стѣны выкрашены въ желтую краску; причемъ черная панель начиналась больше

Digitized by Google

чѣмъ отъ половины ихъ. Довольно массивная деревянная дверь, съ двумя громадными желѣзными засовами со стороны корридора и маленькимъ круглымъ окошечкомъ посрединѣ, была, въ свою очередь, выкрашена въ темно-зеленый цвѣтъ. Надъ дверью помѣщался, прикрѣпленный къ стѣнѣ, особаго вида, фонарь, служившій какъ-бы футляромъ для довольно большой керосиновой лампы. Фонарь этотъ былъ запертъ маленькимъ замочкомъ. Часть выходившей въ корридоръ и въ сосѣдній нумеръ, высокой, круглой, обитой листовымъ желѣзомъ, печи занимала весьма небольшой треугольникъ между дверью и правою, — отъ входа въ камеру,—стѣною. Полъ, какъ въ камерѣ, такъ и въ корридорѣ, былъ каменный.

— Можно обоями оклеить; вамъ смотритель позволитъ,—проговорилъ Савельевъ, прочитавъ на моемъ лицѣ непріятное впечатлѣніе, произведенное на меня осмотромъ своего новаго жилища.

— Попросите ко мнѣ смотрителя!— поручилъ я ему, затворяя за собой дверь камеры.

— Этого барина не запирай. И по корридору могутъ ходить; такъ и передавай сдачу: смотритель приказалъ,—наказывалъ за дверью дежурному служителю Савельевъ, оставляя «секретную половину».

Дежурный, въ свою очередь, не замедлилъ объявить мнѣ «начальническую милость».

— Неравно, баринъ, вамъ захочется *погулять*, такъ вы это можете; потому вамъ это дозволено, — приложивъ руку къ козырьку, почтительно произнесъ онъ, остановившись въ дверяхъ.

— Что вы стоите на порогѣ? Войдите, присядьте! — предложилъ я ему, указывая около себя мѣсто на кровати.

— Покорнѣйше благодаримъ-съ... не смѣемъ-съ... Неравно его высокоблагородіе могутъ пожаловать: намъ тоже не полагается съ секретными разговоры заводить,—отвѣтилъ онъ, входя, въ то-же время, въ камеру.

— Эй! дежурный! куда ты тамъ дѣлся?—донесся вдругъ откуда-то чей-то громкій голосъ.

Я еще не успѣлъ спросить, кому этотъ голосъ принадлежитъ, какъ дежурный уже исчезъ изъ камеры.

— Чего ты тамъ съ бродягами возишься? Не дозовешься тебя!... Позови ко мнѣ Савельева! — кричалъ тотъ-же голосъ почти у самой моей камеры.

Digitized by Google

— Слушаю-съ, ваше благородіе!—отвѣтилъ ему дежурный, и раздавшійся, вслѣдъ затѣмъ, звонъ ключей и стукъ засова свидѣтельствовали, что онъ бросился исполнять приказаніе.

Я выглянулъ въ корридоръ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей камеры, широко разставивъ ноги, съ опущенными внизъ глазами, какъ-бы погруженный въ глубокую думу, стоялъ высокій господинъ съ неподвижной сигарой въ зубахъ. Одѣтый въ кавалерійскія рейтузы, тужурку (такъ называется короткое военное полупальто) безъ погоновъ, съ уланской фуражкой на головѣ, этотъ господинъ довольно замѣтно покачивался изъ стороны въ сторону, словно ища точку опоры для своей громадной фигуры. Мой неумышленный кашель привлекъ ко мнѣ его вниманіе: уставивъ въ меня свои большіе оловянные глаза, онъ молча принялся закручивать свои залихватскіе, опускавшіеся ниже подбородка усы. Сдѣланное съ моей стороны покушеніе удалиться въ камеру, притворивъ за собою дверь, прервало его молчаніе.

— Позвольте, эй, вы!—громко крикнулъ онъ, распахнувъ дверь и бросая на полъ вынутую изо-рта сигару.

— Что вамъ угодно?—спросилъ я его.

— Кто вы такой, милостивый государь?—строго спросилъ онъ меня, въ свою очередь.

— Прошу васъ оставить меня!—проговорилъ я, берясь за ручку двери.

— Позвольте, позвольте! Кто вы такой? Ваша фамилія? Не стѣсняйтесь... остановилъ онъ меня, смѣло входя въ камеру.

— Да вы-то кто такой?—рѣзко спросилъ я моего безцеремоннаго гостя въ фуражкѣ съ кокардой.

— Я... я... рекомендуюсь: ротмистръ С. Позвольте узнать?...

— Вы арестованный?—перебилъ я его.

— Совершенно вѣрно. Позвольте мнѣ, въ свою очередь, узнать: съ кѣмъ я имѣю честь говорить?—менѣе нахально обратился онъ ко мнѣ.

— Я, какъ вы видите, тоже арестованный; фамилія моя — Карасевъ.

— А-а, очень пріятно!—произнесъ онъ, видимо обрадованный, протягивая мнѣ руку и своимъ приближеніемъ ко мнѣ давая мнѣ возможность ощутить запахъ водки и табаку, которыми отъ него сильно несло.

Digitized by Google

— Вы, вѣроятно, только что перебрались сюда?—продолжалъ онъ. — Иначе я-бы зналъ... Но вѣдь это препоганый нумеръ!— развелъ онъ вдругъ руками, обводя глазами мою камеру.

— Развѣ у васъ лучше помѣщеніе?—спросилъ я.

— Еще-бы! Да не угодно-ли посмотрѣть? Пойдемте...

— Можно-ли тутъ такъ свободно разгуливать?

— Не безпокойтесь; *со мной* вы можете смѣло идти!—не безъ гордости, отвѣтилъ мнѣ ротмистръ.

Въ замкѣ щелкнулъ ключъ, и въ корридоръ, на встрѣчу намъ, вбѣжалъ дежурный.

— Смотритель идетъ, ваше благородіе! — торопливо, громко объявилъ онъ ротмистру.

— Ну и пусть себѣ идетъ!... Чего-жь ты, дуракъ, орешь? Позвалъ Савельева?

— Такъ точно-съ!... онъ арестантовъ принимаетъ, ваше благородіе!—съ замѣтною робостью, отвѣтилъ дежурный, бросаясь къ входной двери, у которой показался Егоровъ.

— *Капитану* мое почтеніе!—фамильярно поздоровался съ нимъ С. — Все-ли въ *нашемъ* царствѣ обстоитъ благополучно?

— Слова: «неблагополучно», какъ вы знаете, въ моемъ словарѣ не имѣется,— молодцовато щелкнувъ шпорами, отчетливо отвѣтилъ «капитанъ», плечевые погоны котораго свидѣтельствовали о состояніи ихъ владѣльца въ гражданскомъ чинѣ коллежскаго секретаря. — А вы ужь успѣли съ княземъ познакомиться? Очень радъ... Ну, какъ вамъ нравится ваша новая квартира?— обратился онъ ко мнѣ.

— Да что, конура — и больше ничего: повернуться негдѣ! — поспѣшилъ отвѣтить вмѣсто меня С.

— Да, вѣдь, батюшка, такой нумеръ, какой вы занимаете, у меня всего, вѣдь, только одинъ! Онъ, собственно говоря, и назначеніе имѣетъ другое... Развѣ попа перевести?...

— Что-жь, и прекрасно: у него довольно порядочный нумеръ. Что съ нимъ церемониться!—подхватилъ С.

— Такъ-то, такъ; но онъ занимаетъ его ужь третій мѣсяцъ... Да ужь устроимъ какъ-нибудь! — весело проговорилъ онъ, послѣ непродолжительнаго, повидимому, притворнаго раздумья. Нужно вамъ знать, что князь меня просто заколдовалъ: я ни въ чемъ не въ состояніи отказать ему. — И Егоровъ счелъ при этомъ нужнымъ протянуть мнѣ свои обѣ руки.

Digitized by Google

— Зайдете ко мнѣ? Я хочу показать князю свое жилище, — спросилъ его С.

— Ступайте, ступайте! А я пойду распоряжусь относительно перемѣщенія попа. До свиданія!

— Позвольте, — остановилъ я Егорова, — я васъ попрошу не безпокоить попа. Право, я вамъ буду очень благодаренъ, если вы меня переведете обратно на «благородную».

Бросивъ на меня недоумѣвающій взглядъ, Егоровъ, вмѣсто отвѣта на мою просьбу, торопливо пожалъ мнѣ руку и, многозначительно, молча кивнувъ мнѣ нѣсколько разъ головой, поспѣшно оставилъ «секретную половину».

— Вотъ ужъ не понимаю, какъ можетъ порядочный человѣкъ желать находиться въ обществѣ мужика Глюма, оборванца Де-Трайля и имъ подобныхъ? Самое строгое одиночное заключеніе я-бы предпочелъ этому милому обществу,—говорилъ мнѣ С., поднимаясь вмѣстѣ со мной въ верхній этажъ. Наконецъ, здѣсь и удобствъ больше; я здѣсь дѣлаю что хочу... Вотъ увидите... Прошу покорно!—произнесъ онъ, отворивъ двери одного изъ четырехъ нумеровъ верхняго этажа.

— Что вы! Это *арестантское* помѣщеніе?—невольно воскликнулъ я, при видѣ представившейся моимъ глазамъ обстановки занимаемаго С. «секретнаго нумера». «Благородная» камера, такъ удивившая меня при переходѣ изъ «слѣдственной», не давала никакого понятія о томъ комфортабельномъ помѣщеніи, которое занималъ С.

Полъ и стѣны были покрыты превосходными персидскими коврами; довольно большая кушетка, съ такою-же подушкой, вышитой по краямъ батистовой наволочкѣ, мягкое кресло, небольшой изящный столикъ, этажерка съ книгами, ломберный столъ, два стула и вѣшалка составляли мебель этого «секретнаго» нумера. На столахъ находились: ящикъ сигаръ, два альбома съ фотографическими карточками, нѣсколько бонбоньерокъ и изящная пепельница. Одинъ изъ широкихъ подоконниковъ былъ занятъ зеркаломъ, щетками, щеточками, банками, пузырьками и тому подобными,—надо полагать,—косметическими принадлежностями. Наконецъ, большой чемоданъ и нѣсколько паръ платья на вѣшалкѣ довершали сходство этого оригинальнаго арестантскаго помѣщенія съ нумеромъ хорошей гостинницы.

Digitized by Google

— Да, я здѣсь, какъ видите, устроился довольно сносно. Прошу садиться...—И С., указавъ мнѣ на кресло и предложивъ сигару, довольно безцеремонно, не снимая фуражки, развалился на кушеткѣ.

— И вы ужь давно тутъ содержитесь?—спросилъ я его.

— Сегодня, батюшка, ровно три мѣсяца; ну, да, по всему вѣроятію, недѣли черезъ двѣ я буду освобожденъ. Совѣтую вамъ тогда перебраться въ мой нумеръ,—отвѣтилъ онъ мнѣ.

Послѣ обыкновенной оговорки «боюсь быть непромнымъ» и т. д., я спросилъ ротмистра, что привело его въ полицейскій домъ? Въ отвѣтъ послѣдовалъ довольно безсвязный, длинный разсказъ, сущность котораго заключалась въ томъ, что одинъ изъ товарищей мѣстнаго прокурора, будто-бы, задался цѣлью отомстить ему, С., за измѣну нѣкоторой барынѣ, знакомство съ которою сына Марса повлекло за собою отставку,—не служебную, конечно,—достойнаго служителя Ѳемиды. Случай къ мести не замедлилъ представиться: по смерти нѣкоего купца N, наслѣдники послѣдняго предъявили ко взысканію вексель въ 25 тысячъ рублей, выданный отцу ихъ поручикомъ С. На векселѣ значилась бланковая надпись матери С., богатой помѣщицы Бессарабской области. Когда-же оказалось, что г-жа С. никогда не дѣлала той надписи, то названный товарищъ прокурора возбудилъ дѣло противъ векселедателя поручика С., по обвиненію его въ подлогѣ, оставивъ безъ вниманія заявленіе С. о томъ, что онъ никогда никакого векселя купцу N не выдавалъ.

— Ну, понимаете, интрига, самая гнусная... месть въ современномъ духѣ: запрятать честнаго человѣка въ тюрьму, отнять у него незапятнанное имя, подвергнуть его участь такой лотереѣ, какъ нашъ судъ присяжныхъ... Это какъ нельзя болѣе современно! На дуэль теперь не вызываютъ,—съ замѣтно-фальшивою горячностью закончилъ свой разсказъ С., оказавшійся тѣмъ самымъ поручикомъ, въ камерѣ котораго Егоровъ однажды проявилъ свою находчивость въ отрекомендованіи товарищу прокурора подгулявшихъ гостей С. въ качествѣ почетныхъ посѣтителей.

— Можно войти?—раздался за дверью чей-то голосъ.

— Сдѣлайте одолженіе! И С. поспѣшилъ представить мнѣ вошедшаго господина, назвавъ его Радецкимъ.

— Очень пріятно... чрезвычайно радъ познакомиться,—процѣ-

Digitized by Google

дилъ тотъ сквозь зубы, когда я, въ свою очередь, назвалъ себя.

— Позволите воспользоваться одною изъ вашихъ чудеснѣйшихъ сигаръ?—съ тѣмъ-же процѣживаніемъ обратился онъ къ С., дотрогиваясь до ящика съ сигарами.

— Сдѣлайте одолженіе. А не выпить-ли намъ, господа?—предложилъ С.

— Отъ чего другого, а отъ вина—отъ роду не отказывался,—отозвался Радецкій, медленно закуривая сигару.

Наружностью и манерами Радецкій походилъ на англичанина. Это былъ высокій, мускулистый блондинъ, съ продолговатымъ желтымъ лицомъ, большими сѣрыми глазами, короткими, круглыми бакенами, — такъ называемыми котлетками, — и тщательно выбритыми подбородкомъ и верхней губой. Одѣтый въ длинный черный сюртукъ, широкія, цвѣтныя панталоны, онъ, при своей видимой неподвижности и привычкѣ медленно говорить, цѣдя сквозь зубы каждое слово, всего менѣе походилъ на русскаго, или на поляка, каковымъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ.

Доставъ изъ чемодана бутылку вина и три рюмки, С. подалъ первую Радецкому.

— Къ вашимъ услугамъ, *графъ*! — проговорилъ онъ при этомъ.

— Развѣ monsieur Радецкій—графъ?—спросилъ я С.

— Самой чистой крови, — отвѣтилъ мнѣ Радецкій, видимо, весь погруженный въ процессъ откупориванія бутылки.

— Пожалуйте, баринъ, къ смотрителю! — объявилъ мнѣ, вдругъ появившійся на порогѣ, Савельевъ.

— Позвольте, остановилъ меня С., — чего вы торопитесь? успѣете. Не угодно-ли?—предложилъ онъ мнѣ наполненную виномъ рюмку.

— Нѣтъ, это не иностраннаго розлива: свое, отечественное и, конечно, само собою разумѣется, никуда не годное!—произнесъ свой судъ надъ виномъ Радецкій, нѣсколько разъ принимавшійся съ видомъ знатока отвѣдывать его.

— Ладно... за ваше здоровье, князь! — проговорилъ С., съ наслажденіемъ опрокидывая въ ротъ рюмку «отечественнаго».

Я не замедлилъ послѣдовать его примѣру и поспѣшилъ отправиться въ контору.

— Скорѣй-же приходите! Мы васъ ждемъ,—крикнулъ С. мнѣ вслѣдъ.

Digitized by Google

Одновременно со мной, вошелъ въ контору настигшій меня Савельевъ.

— *Они* не выходятъ изъ нумера... требуютъ къ себѣ ваше высокоблагородіе, — доложилъ онъ Егорову, между тѣмъ какъ я поздоровался съ тутъ-же находившимся «благодѣтелемъ».

— Что-о!? не выходитъ! Да ты что это у меня первый день служишь, что-ли?—затопалъ ногами Егоровъ.—Чтобы сейчасъ-же нумеръ былъ свободенъ! Слышишь! Ну, пошелъ!

— Скажи, что меня нѣтъ дома!... Прокуроръ приказалъ... понимаешь? Не учить-же мнѣ тебя! — нѣсколько тише добавилъ онъ, когда принявшій вдругъ солдатскую выправку Савельевъ быстро сдѣлалъ «налѣво кругомъ», молодцовато стукнувъ нога объ ногу.

— Удивительно, какъ люди могутъ забываться!—съ пафосомъ воскликнулъ Егоровъ, обращаясь ко мнѣ и Глюму. — Сдѣлалъ человѣку одолженіе, оставлялъ его два мѣсяца въ такомъ нумерѣ, въ какомъ быть ему вовсе не слѣдовало, и, вотъ, видите, онъ ужь знать ничего не хочетъ, забылся... Вообразилъ, что я *обязанъ* содержать его именно въ томъ помѣщеніи...

— Однако, Иванъ Ивановичъ, какъ-бы прокуроръ не нагрянулъ!—сказалъ онъ вдругъ Ивану Ивановичу, взглянувъ на свои карманные часы. — Потерпите денёкъ, другой, а тамъ — все перемелется!

Глюмъ скорчилъ кислую гримасу и неохотно поднялся съ мѣста.

— Будьте покойны, Иванъ Ивановичъ, — предупредилъ Егоровъ попытку Глюма что-то сказать. — Какъ только улучу свободный часъ, съѣзжу къ прокурору и, надѣюсь, все уладится. Къ тому-же, вѣроятно, на дняхъ и С. будетъ освобожденъ, тогда ужь въ его нумеръ. До свиданія!—И Егоровъ проводилъ Глюма до лѣстницы.

— Хотите вѣрьте мнѣ, хотите нѣтъ, но я къ вамъ душевно расположенъ, Дмитрій Александровичъ, — остановясь противъ меня, началъ онъ, повидимому, заранѣе приготовленную рѣчь.— Вы знаете, что до сихъ поръ я никакого настоящаго документа на васъ не имѣю. Бумага, при которой вы присланы, гласитъ: «*содержать впредь до распоряженія*». Я знаю, что значитъ эта фраза и могу васъ увѣрить, что вамъ еще придется погостить у

Digitized by Google

меня. Поэтому, мнѣ хочется, по мѣрѣ возможности, облегчить вашъ арестъ. Именно въ этихъ видахъ, я и прошу васъ не противиться содержанію васъ на «секретной половинѣ». Тамъ я могу вамъ позволить *все*, здѣсь—*ничего*. Вы хорошо понимаете,— если вамъ что-нибудь позволить тутъ, придется и другимъ разрѣшить. Вѣдь вы знаете этотъ народъ?... на стѣну полѣзетъ! Наконецъ, въ секретномъ нумерѣ вы будете имѣть свиданіе, когда и съ кѣмъ вамъ только будетъ угодно... Впрочемъ, совершенно отъ васъ зависитъ остаться на «благородной»! — сдѣлавъ жестъ плечами, покорно закончилъ онъ.

Мнѣ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ благодарить «душевно расположеннаго» ко мнѣ человѣка и изъявить согласіе остаться на «секретной половинѣ».

— Глюмъ и другіе должны знать, что вы переведены по распоряженію прокурора; я васъ попрошу такъ и говорить имъ... Итакъ, сегодня, вечеромъ, я и Амалія Карловна—ваши гости,— вдругъ оживился Егоровъ.—Аппетитная баба! Не будь я женатъ, я-бы самъ попробовалъ пріударить за ней; а ужь подъ арестомъ такая женщина — кладъ... Не бойтесь, я вамъ мѣшать не буду: весь къ вашимъ услугамъ!—успокоительно, какъ-бы отвѣчая на высказанное сомнѣніе, добавилъ онъ, отвратительно улыбаясь.

Въ контору вошелъ мѣстный полицейскій врачъ.

— Подождите, письмоводитель придетъ и объявитъ вамъ, — полуповелительно, громко сказалъ мнѣ Егоровъ, протягивая врачу руку.

Въ присутствіи посторонняго, должностнаго лица, онъ, очевидно, считалъ неудобнымъ поддерживать со мной неоффиціальныя отношенія. Внезапно принятый имъ начальническій тонъ и приказаніе подождать письмоводителя должны были убѣдить врача, что я нахожусь въ конторѣ *по дѣлу* и что отношенія ко мнѣ смотрителя строго-служебныя.

Между тѣмъ какъ Егоровъ съ врачемъ о чемъ-то въ полголоса горячо спорили, я случайно взглянулъ на лежавшія предо мной бумаги. Первое, бросившееся мнѣ въ глаза слово, была—фамилія Радецкаго. Ничто не препятствовало мнѣ ознакомиться съ содержаніемъ бумаги: это была копія съ постановленія о взятіи Радецкаго подъ стражу, изъ которой явствовало, что мой новый знакомый, графъ «самой чистой крови», обвиняется въ поддѣлкѣ и

Digitized by Google

сбытѣ купоновъ и въ присвоеніи себѣ графскаго титула. Надпись слѣдователя, на копіи-же, между прочимъ, гласила: «содержать Радецкаго въ секретномъ нумерѣ, имѣя за нимъ, при этомъ, особенно-строгое наблюденіе. Посѣтителей къ нему не допускать».

— Увѣряю васъ, что вы сдѣлаете доброе дѣло, — достигли до моего слуха слова Егорова, обращенныя къ доктору.

Словъ этихъ было, однакожь, совершенно достаточно, чтобы возбудить мое любопытство до крайности. Просьба о добромъ дѣлѣ, исходящая изъ устъ Егорова!... Несомнѣнно, что «доброе дѣло» — весьма подозрительнаго свойства. Я весь превращаюсь въ слухъ.

— Я согласенъ съ вами; но вы имѣете возможность сдѣлать это безъ моего участія. По совѣсти, я не могу подписать такого свидѣтельства: онъ такъ здоровъ и, наконецъ, такъ недавно подъ арестомъ... нерѣшительно возражаетъ докторъ.

— Здоровъ... гм... да развѣ васъ, докторовъ, когда-нибудь провѣряютъ? вѣдь, только форма, форма одна требуетъ, чтобы было свидѣтельство. Онъ у меня и теперь не запирается; но это нужно оформить. По моему, тутъ нѣтъ ничего противъ совѣсти: воздухъ, батюшка, необходимъ всякому человѣку; не такъ-ли? а я васъ и прошу, ни болѣе, ни менѣе, какъ только объ удостовѣреніи этой истины,—убѣждаетъ его Егоровъ. — Если мало, я скажу ей, она за этимъ не постоитъ... добавляетъ онъ ему, нѣсколько тише, на ухо.

— Не въ этомъ дѣло; но я, право, затрудняюсь... прокурорскій надзоръ... Еще, пожалуй, запросъ будетъ,—менѣе нерѣшительно замѣчаетъ докторъ, закуривая егоровскую сигару и бросая въ мою сторону нѣсколько недовѣрчивыхъ взглядовъ.

— Никакого запроса не будетъ: вѣрьте мнѣ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ!—успокоиваетъ его Егоровъ.

Входитъ Савельевъ и докладомъ своимъ о переводѣ священника, къ немалому моему сожалѣнію, прерываетъ заинтересовавшую меня бесѣду и лишаетъ меня возможности присутствовать при ея продолженіи.

— Не угодно-ли, г. Карасевъ? — начальнически обращается ко мнѣ Егоровъ, выслушавъ докладъ Савельева. — Вы можете занять этотъ нумеръ. А для объявленія бумаги я васъ потомъ приглашу. Проводи, Савельевъ.

Digitized by Google

— Ужь и возня-же была съ батюшкой! — разсказывалъ мнѣ по пути Савельевъ. — Не идетъ, — хоть, что хочешь дѣлай. Требуетъ смотрителя или пристава. Потомъ просить принимался, такъ что мнѣ инда жалко стало его. Да ничего не подѣлаешь: приказано... такъ волокомъ и вытащили его изъ нумера. Хорошій нумеръ... будете довольны.

Водворивъ меня въ моемъ новомъ помѣщеніи—довольно большой, свѣтлой и чистой комнатѣ, въ которой я засталъ уже ожидавшихъ меня С. и Радецкаго, Савельевъ безцеремонно обратился ко мнѣ съ напоминаніемъ, что «я, молъ, дескать, баринъ, отъ васъ давно на чаекъ не получалъ: слѣдовало-бы. Съ новосельемъ имѣю честь поздравить».

— Любишь на чаекъ-то получать; а дѣло сдѣлать—такъ другого ищи! Изволь-ка сегодня сходить *туда*. Да не по вчерашнему, смотри! Принеси отвѣтъ, или узнай на словахъ: была-ли у слѣдователя, что показывала... понялъ? медленно наказывалъ ему Радецкій.

— Слушаю-съ! какъ только поуправлюсь немного, сбѣгаю. Вы только, *ваше сіятельство*, напрасно изволите безпокоиться: если-бы что, сейчасъ горничную прислали-бы...

Радецкій подалъ ему рублевую бумажку: «вотъ тебѣ на извощика!»—сказалъ онъ ему при этомъ. Получивъ и отъ меня такую-же бумажку «на чаекъ», Савельевъ, пожелавъ намъ «счастливо оставаться», удалился изъ нумера.

— Теперь, господа, пойдемте ко мнѣ, — сказалъ С.—Тамъ, кстати, не все еще выпито: поздравимъ сосѣда.

Я и Радецкій покорно послѣдовали за С., которому ноги, какъ и языкъ, слишкомъ замѣтно отказывались служить.

— Дежурный!—закричалъ онъ, войдя въ свой нумеръ и повалившись, какъ снопъ, на кушетку.

Дежурный полицейскій служитель не замедлилъ явиться.

— Достань тамъ... въ чемоданѣ... бутылку... Ну, давай живѣй!—приказалъ онъ ему. Дежурный, нерѣшительно, подошелъ къ чемодану.

Показавъ ему жестомъ, что онъ можетъ удалиться, я поспѣшилъ достать изъ чемодана,—точнѣе—изъ находившейся въ немъ корзинки съ десяткомъ бутылокъ различныхъ винъ — одну изъ такихъ бутылокъ.

Digitized by Google

— Однако, вы, ротмистръ, живете съ запасомъ: у васъ тутъ цѣлый погребъ, — произнесъ я, принимаясь откупоривать бутылку.

— Люблю... привыкъ... безъ церемоніи!... еле ворочая языкомъ, пробормоталъ С., у котораго, при этомъ, и сигара выпала изъ рукъ.

— Ему не мѣшаетъ отдохнуть. Ужь надо полагать, что осушилъ не одну бутылку коньяку: вѣдь натура желѣзная... Пойдемте ко мнѣ! — въ полголоса предложилъ мнѣ Радѣцкій.

— Пойдемте! — согласился я, намѣреваясь положить бутылку обратно въ чемоданъ.

— Нѣтъ ужь, позвольте! — остановилъ меня Радецкій, — намъ, въ свою очередь, нѣтъ основанія забывать себя: ничто не мѣшаетъ намъ бутылку взять съ собой. И, взявъ ее, онъ, а вслѣдъ за нимъ и я, на цыпочкахъ оставили С., состояніе котораго не позволяло ему замѣтить наше отсутствіе.

Гостепріимствомъ Радецкаго мнѣ, однакожь, въ этотъ разъ не довелось воспользоваться: въ корридорѣ дежурный передалъ мнѣ, что меня просятъ въ контору. — Говорю моему спутнику: «до пріятнаго свиданія» и направляюсь къ выходу изъ «секретной половины».

— Съ кѣмъ-же я пойду? — спрашиваю я дежурнаго, не видя около себя провожатаго.

— Вы и сами, баринъ, найдете дорогу: чего васъ провожать! вѣстовой изъ конторы передалъ, чтобы вы къ смотрителю пожаловали; а самъ ушелъ назадъ въ контору. Я, съ поста, тоже, значитъ, не могу отлучиться. Да вы не извольте сумлѣваться... пожалуйте! — растворилъ предо мной дежурный выходныя двери.

Впрочемъ, употребить во зло довѣріе, въ данномъ случаѣ, даже при всемъ своемъ къ тому желаніи, не представлялось возможности: «секретная половина», какъ уже извѣстно, соединялась съ другимъ зданіемъ, въ которомъ, между прочимъ, помѣщалась и контора полицейскаго дома, сквознымъ корридоромъ средняго этажа. А изъ этого корридора вели только два выхода: въ верхній этажъ или въ нижній корридоръ; въ послѣднемъ, рядомъ съ выходною на дворъ дверью, помѣщалась контора. Такимъ образомъ, очутиться внѣ зданія, минуя контору, было-бы дѣломъ далеко не легкимъ.

Digitized by Google

Въ конторѣ я засталъ Егорова, важно возсѣдающимъ за своимъ единственнымъ столомъ, накрытымъ краснымъ сукномъ, и что-то преподающимъ стоявшему передъ нимъ въ крайне смиренной позѣ высокому, пожилому господину въ священнической рясѣ.

— Я сейчасъ кончу, Дмитрій Александровичъ; присядьте пожалуйста!—не мѣняя голоса, ровно произнесъ онъ, обратясь на минуту ко мнѣ, и, затѣмъ, видимо увлеченный своею ролью, тѣмъ же голосомъ продолжалъ прерванную моимъ входомъ рѣчь:

— Законъ не позволяетъ намъ быть гуманными. Чѣмъ ужаснѣе совершонное преступленіе, тѣмъ строже мы, исполнители закона, обязаны относиться къ преступнину. Вы понимаете, къ чему я все это говорю. Вы — тяжкій преступникъ. Во всемъ домѣ у меня нѣтъ ни одного арестанта, который обвинялся-бы въ подобномъ преступленіи. Вашъ санъ только усугубляетъ вашу преступность... и если, до сихъ поръ, я позволялъ себѣ дѣлать вамъ нѣкоторыя облегченія, то я поступалъ вопреки долгу службы. Я подчинялся чисто человѣческому чувству сожалѣнія. Я-бы не жалѣлъ объ этомъ, если-бы не оказалось, что вы принимали все не какъ милость, а какъ нѣчто должное... Вы позволяли себѣ требовать, чтобы васъ оставили въ томъ нумерѣ, въ которомъ вы, ни по роду вашего преступленія, ни по многому другому, не можете быть. Вы оказали сопротивленіе надзирателю!... Послѣ всего этого, вамъ остается пенять на самого себя, если, съ настоящей минуты, къ вамъ будутъ относиться только какъ къ арестанту обвиняемому, нѣтъ, сознавшемуся... вѣдь, вы сами сознались, — въ убійствѣ. — Господина въ священнической рясѣ, при послѣднихъ словахъ Егорова, сильно передернуло. Онъ сталъ переминаться съ ноги на ногу. Егоровъ продолжалъ: — прислуги вамъ не полагается; за чистотой въ вашей намерѣ вы обязаны сами наблюдать. Замѣчу пыль или грязь, — строго взыщу. Не прогнѣвайтесь тогда. Вамъ нужно послать зачѣмъ-нибудь въ лавку,—вы должны *просить*, но не требовать. Сходить надзиратель,—хорошо, нѣтъ—и вы должны молчать. Словомъ, вы должны ежесекундно помнить, что вы не на свободѣ, и что вы — не невинный страдалецъ. У васъ хватило воли сдѣлать... ужасное преступленіе, должно также хватить воли и перенести всѣ его послѣдствія!..

Digitized by Google

— Позвольте ужь мнѣ, господинъ смотритель, покорнѣше просить васъ не попрекать меня моимъ преступленіемъ. Это, по настоящему, и не ваше дѣло, милостивый мой государь. Не вы меня будете судить и не вамъ меня упрекать. Это одно только издѣваніе ваше надо мной, и больше ничего,—скороговоркой, съ семинарскимъ удареніемъ на букву «о», къ немалому моему удовольствію, вдругъ произнесъ смиренный слушатель Егорова, рѣчь котораго была, и въ самомъ дѣлѣ, ни что иное, какъ наглое издѣваніе надъ несчастнымъ. Я самъ былъ искренно возмущенъ ею и мысленно изыскивалъ способъ положить ей конецъ.

— Ахъ, неблагодарный вы этакій! Такъ вы еще *смѣете разговаривать*! — гаркнулъ на него Егоровъ.— Эй!

Явился Савельевъ.

— Взять его отсюда! запереть, запереть! ни на секунду не выпускать! строго смотрѣть за нимъ!

— Господинъ... попытался было заговорить виновный.

— Молчать! вонъ ступайте! Что-жь ты стоишь? — напустился Егоровъ на Савельева. — Возьми его на мѣсто!

И господинъ въ рясѣ не замедлилъ, вмѣстѣ съ Савельевымъ, оставить контору.

— Неблагодарная скотина! Я тебя допеку!... шелковый сдѣлаешься!...—какъ-бы про себя, промолвилъ ему вслѣдъ Егоровъ, и тутъ-же, какъ ни въ чемъ не бывало, весело обратился ко мнѣ:

— Ну-съ, Дмитрій Александровичъ, устроились? очень радъ. Можетъ быть, вамъ что-нибудь нужно: лишнее кресло, стулъ? Пожалуйста не церемоньтесь! У меня все это найдется. Скучно вамъ не будетъ,—за это смѣю вамъ поручиться. Кстати, вы ужь познакомились съ С.? Не правда-ли, славный малый?—и Егоровъ, намѣреваясь, повидимому, продолжить бесѣду, присѣлъ около меня.

— Кажется, отвѣтилъ я.—А что за господинъ этотъ Радецкій? Мнѣ тутъ случайно попалась на глаза копія съ постановленія о взятіи его подъ стражу я, признаюсь вамъ... я-таки немножко удивился вашей смѣлости. Какъ вы не боитесь содержать его такимъ образомъ, не смотря на надпись слѣдователя, требованія котораго для васъ, несомнѣнно, безусловно обязательны? Мнѣ кажется, что вы тутъ очень рискуете. Если я говорю вамъ это, то, конечно, только потому, что мнѣ, право, было-бы очень больно, если-бы васъ постигла какая-нибудь непріятность...

Digitized by Google

— Успокойтесь за меня, Дмитрій Александровичъ, и знайте, что Егоровъ всегда найдетъ оправданіе своимъ дѣйствіямъ; да-съ,— и *законное* оправданіе, — дружески пожимая мнѣ, въ знакъ благодарности за участіе, руку, увѣренно, не безъ нахальства, произнесъ онъ.

— Однако, какое-же тутъ можетъ быть оправданіе?... недоумѣвалъ я.

— Ха-ха-ха!... Вы, безспорно, много видѣли на свѣтѣ, много знаете; но извините, батюшка, въ канцеляристикѣ вы, какъ видно, очень хромаете. Въ рукахъ *опытнаго* чиновника все и всегда окажется сдѣланнымъ на законномъ основаніи,—авторитетно сказалъ мнѣ Егоровъ.

— Но объясните-же мнѣ: гдѣ у васъ основанія держать Радецкаго въ незапертой камерѣ, когда, не говоря уже объ извѣстныхъ статьяхъ уст. о сод. подъ страж. и инструкц. смотрит. замка, предписывающихъ всѣ, безъ исключенія, арестантскія камеры держать днемъ и ночью запертыми, вы, въ данномъ случаѣ, имѣете еще дѣло въ добавокъ съ «секретнымъ» арестантомъ, котораго вамъ предписано содержать особенно строго?...

— Вотъ вамъ основанія; — не переставая ухмыляться моему невѣдѣнію, подалъ мнѣ Егоровъ взятую имъ со стола бумагу.

Это было отношеніе мѣстнаго полицейскаго врача на имя смотрителя полицейскаго дома, — судя по неизмятой бумагѣ и оставшимся на ней песчинкамъ, — недавно написанное. Число и № на бумагѣ не были обозначены. Отношеніе гласило слѣдующее: «Симъ имѣю честь увѣдомить ваше в—діе, что содержащійся во ввѣренномъ вамъ полицейскомъ домѣ, дворянинъ Викентій Радецкій, по состоянію своего здоровья, крайне нуждается въ ежедневномъ, хотя-бы непродолжительномъ, моціонѣ. Отсутствіе движенія, несомнѣнно, повлечетъ за собою весьма вредныя для здоровья названнаго арестанта послѣдствія».

— Если я не ошибаюсь, то именно это отношеніе служило предметомъ вашей сегодняшней бесѣды съ врачемъ?—полюбопытствовалъ я.

— Да; знаете, докторъ молодой, неопытный, ну,—и заупрямился-было. Желаніе заработать что-нибудь заставитъ бросить всякое упрямство!—съ замѣчательнымъ безстыдствомъ прибавилъ «опытный чиновникъ».

Digitized by Google

— По моему мнѣнію, однакожь, это отношеніе нисколько васъ не ограждаетъ: оно не можетъ отмѣнять собою распоряженія слѣдователя.

— Извините, я,—и никто больше,—отвѣчаю за жизнь арестанта. Если докторъ даетъ мнѣ оффиціально знать, что арестанту необходимо движеніе, я обязанъ найти способъ доставить ему его. Требованіе врача одинаково обязательно для меня, и для слѣдователя, и для суда, такъ какъ мы имѣемъ право только на личную свободу арестанта, а не на его жизнь. И повѣрьте мнѣ, имѣя подобное отношеніе врача, я никогда не отвѣчу за то, что разрѣшилъ Радецкому, въ извѣстное время, прогуливаться по коридору. Разумѣется, онъ долженъ при этомъ оставаться подъ особеннымъ наблюденіемъ дежурнаго служителя, который обязанъ слѣдить, чтобы арестантъ ни съ кѣмъ не разговаривалъ и проч. Но это ужь чисто домашнее распоряженіе, и дежурный отвѣтственъ предо мной—тономъ глубокаго убѣжденія въ своей правотѣ отвѣтилъ мнѣ Егоровъ.

Его горячая защита неприкосновенности здоровья арестанта не могла не напомнить мнѣ о холодѣ, голодѣ, зловоніи, жестокомъ обращеніи и многомъ другомъ, чему я былъ свидѣтелемъ въ полицейскомъ домѣ, и что, надо полагать, по его мнѣнію, должно было дѣйствовать на здоровье арестантовъ не иначе, какъ въ высшей степени благотворно.

— Но вы, конечно, знаете, что, въ сущности, дежурный никакого наблюденія за нимъ не имѣетъ, что онъ говоритъ, съ кѣмъ ему угодно, посылаетъ, куда угодно, и т. д.?—возразилъ я.

— Ну, и пусть себѣ говоритъ; съ какой стати я его буду стѣснять? Соръ изъ избы у меня не выносится; а если-бъ и нашлась такая наваля, то она удружила-бы не мнѣ, а дежурному.

— Да, вѣдь, дежурный долженъ-же будетъ сказать тогда, что онъ отъ васъ никакихъ приказаній не получалъ?—настаивалъ я.

— Кому это онъ будетъ говорить? Развѣ не я-же буду налагать на него взысканіе?.. Однако, Дмитрій Александровичъ, вы что-то обо мнѣ очень заботитесь!—полу-шутя, замѣтилъ вдругъ Егоровъ, пытливо взглянувъ на меня.

— Вамъ это страннымъ кажется?—въ свою очередь спросилъ я его, и, чтобы его совершенно успокоить, поспѣшилъ его увѣ-

Digitized by Google

рить, что къ боязни за него присоединяется любопытство, самого, впрочемъ, невиннаго свойства.

— О, что вы любопытны, я это давно замѣтилъ!—воскликнулъ Егоровъ.—Ну, да бросимте все это! — И, махнувъ рукой, Егоровъ, съ различными подмигиваніями и кивками головы, лукаво прогорилъ:—Не забудьте-ка, батюшка, приготовиться принять дорогую гостью. Ну, ей-богу, отъ души вамъ завидую!

— Смотрите, какъ-бы за эту гостью не досталось!—медленно произнесъ я.

— Вотъ чудакъ!—вскочилъ Егоровъ со стула.—Да перестаньте вы, ради Бога, обо мнѣ заботиться! Пользуйтесь моимъ расположеніемъ самымъ широкимъ образомъ. Не безпокойтесь, мы съ вами послѣ сочтемся... Надѣюсь не быть въ накладѣ,—снова добавилъ онъ.

— Ваше высокоблагородіе! арестантовъ привели изъ больницы,—доложилъ вошедшій въ контору полицейскій служитель.

— Сходи за помощникомъ и позови письмоводителя! — отвѣтилъ онъ.

Вошелъ городовой, съ разносной книгой въ рукахъ.

— Что, пакеты? давай сюда!—обратился къ нему Егоровъ.

Явились вахтеръ, письмоводитель, околоточный Савельевъ; ввели трехъ арестантовъ... Контора быстро наполнилась.

— Не смѣю отрывать васъ отъ дѣла... въ другое время,— воспользовался я докладомъ вахтера, чтобы раскланяться съ Егоровымъ.

— Я къ вамъ зайду. Тамъ, что нужно, скажите Савельеву; онъ вамъ все достанетъ,—тихо сказалъ онъ мнѣ, и тутъ-же обратился къ Савельеву:

— Ты здѣсь, пока, не нуженъ. Ступай на «секретную половину»; тамъ за обѣдомъ сходишь, или завтракъ тамъ пошлютъ.

— Слушаю-съ, ваше в—діе! — И Савельевъ послѣдовалъ за мной.

— Гдѣ священникъ сидитъ?—тихо спросилъ я его, войдя на «секретную половину».

— А вотъ, въ третьемъ нумерѣ, въ которомъ вы изволили быть,—также тихо отвѣтилъ мнѣ Савельевъ, показывая на дверь камеры, справедливо названной С. «конурой». Дверь была заперта массивнымъ замкомъ. Я заглянулъ въ стеклышко, точнѣе—

Digitized by Google

въ маленькое, полукруглое, посрединѣ дверей, окошечко, имѣющее цѣлью дать дежурному служителю возможность, во всякое время дня и ночи, наблюдать за положеніемъ арестанта въ камерѣ. Трогательная картина представилась моимъ глазамъ: передъ небольшой иконой, прибитой у самаго потолка, въ переднемъ углу камеры, съ понившей на грудь головой и со сложенными на крестъ руками, погруженная, вѣроятно, въ горячую, хотя и безмолвную молитву, стояла на колѣняхъ длинная, худая фигура несчастнаго священника. Глубокую печаль и безпомощность выражали его рѣдкія движенія головой и воздѣванія рукъ къ иконѣ. Царившій въ камерѣ полумракъ, къ сожалѣнію, не позволялъ мнѣ разглядѣть выраженіе самаго лица страдальца. Вотъ, онъ приникъ головой къ полу... и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ оставался въ такомъ положеніи. До моего напряженнаго слуха, по временамъ, явственно доносились сдерживаемыя рыданія... Я отошелъ отъ окошечка.

— За что онъ сидитъ?—спросилъ я Савельева.

— Жену убилъ... да онъ, баринъ, маленько *тово*...—добавилъ Савельевъ къ своему выразительному отвѣту, дотрогиваясь пальцемъ до своего лба.

Раздался сильный стукъ въ дверь крайняго нумера.

— Что еще ему тамъ нужно?—спросилъ Савельевъ дежурнаго.

— Проситъ все, чтобы истопили,—отвѣтилъ ему тотъ.

— Сказано, что завтра истопятъ; чего онъ не унимается! въ карцеръ, что-ли, захотѣлъ! — подходя къ камерѣ стучавшаго умышленно-громко сказалъ Савельевъ.

— Попробуй-ка самъ тутъ посидѣть до завтра! вѣдь я окоченѣлъ совсѣмъ! Третій день, какъ не топятъ!—кричалъ изъ-за двери заключенный.

— Отоприте на минутку, если можно!—обратился я къ Савельеву.

— Гм... любите вы, баринъ, всѣхъ разспрашивать!—широко улыбнулся Савельевъ.—Извольте, только не надолго. Давай сюда ключъ!

Дежурный отперъ камеру.

— Ваше высокоблагородіе, прикажите истопить! Три дня не топятъ... принимая меня за «начальство», пугливо обратился ко мнѣ заключенный, судя по платью, мастеровой, посинѣвшее лицо

Digitized by Google

и руки котораго достаточно ясно свидѣтельствовали въ пользу его заявленія.

Я спросилъ его: давно-ли онъ сидитъ?

— Пятый мѣсяцъ пошелъ; ни разу, какъ есть, никуда изъ нумера не выходилъ: ни къ слѣдователю, ни въ контору, никуда!—отвѣтилъ онъ мнѣ.

— А пускаютъ тебя иногда пройтись по коридору?

— То-то и есть, что не пускаютъ, ваше высокоблагородіе; совсѣмъ ходить разучился! — Заключенный при этомъ глубоко вздохнулъ.

— Да ты не хнычь! нечего сиротой прикидываться! Сказано тебѣ, завтра истопятъ, и сиди спокойно,—внушительно замѣтилъ ему Савельевъ.

Замѣчаніе это, сдѣланное въ моемъ присутствіи, вызвало со стороны заключеннаго обращенный ко мнѣ вопросительный взглядъ: онъ, видимо, недоумѣвалъ о значеніи моей особы. Я поспѣшилъ объяснить ему, что я не «начальникъ», а такой же арестованный, какъ онъ, но что мнѣ отъ души жаль его и проч. Подобострастное, заискивающее выраженіе мигомъ исчезло съ лица заключеннаго.

— Такъ вы, значитъ, *барина*? — смѣло спросилъ онъ меня, приглаживая свои, давно не чесанные, волосы и бороду.

— Конечно, не мужикъ! — отвѣтилъ ему, вмѣсто меня, Савельевъ.

Бросивъ на него крайне недружелюбный взглядъ, заключенный вдругъ быстро шепнулъ мнѣ:

— Нѣтъ-ли *смолки*?

— Я тебѣ дамъ смолки!—крикнулъ на него чуткій Савельевъ.— Пойдемте, баринъ!..

Я, безъ церемоній, устранилъ отъ двери руку Савельева и, достанъ изъ кармана нѣсколько серебряныхъ монетъ, подалъ ихъ заключенному.

— Смолки у меня нѣтъ; а вотъ тебѣ... за деньги найдется охотникъ: принесетъ...

— Какъ не принесетъ! Спасибо вамъ, баринъ!.. Ужъ три недѣли мучаюсь: не могу даже корешка достать. Кабы на общей, тамъ-бы можно достать; а здѣсь у кого? безъ денегъ умрешь.... Дай вамъ, Господи, доброе здоровье!—не переставая отвѣшивать

Digitized by Google

мнѣ поклоны, говорилъ, видимо очень обрадованный, заключенный.—Съ табачкомъ все какъ-то веселѣй будетъ сидѣть, — добавилъ онъ.

— Смотри, какъ-бы ты съ табачкомъ въ карцерѣ не насидѣлся!—пробормоталъ Савельевъ.

Заключенный, который, подъ вліяніемъ внезапной радости, забылся-было на минуту, живо опомнился и началъ упрашивать Савельева позволить ему «хоть разокъ затянуться».

— Припрячь хорошенько деньги! знаешь, тоже, вѣдь, не полагается имѣть при себѣ... А про смолку и думать забудь!—наставительно замѣтилъ ему Савельевъ, и проговорилъ:—Позвольте, баринъ... запереть нужно... нельзя, секретный!—заперъ нумеръ.

— Извините, я-бы съ удовольствіемъ, только нельзя... дежурный можетъ донести,—идя за мной въ третій этажъ, счелъ нужнымъ оправдаться предо мной Савельевъ.

— Неужели, въ теченіи пяти мѣсяцевъ, его дѣйствительно ни разу не выпустили хоть на полчаса въ корридоръ? — спросилъ я его.

— Не позволяется... секретный. Разъ дежурный подалъ ему обѣдъ и забылъ запереть камеру; а тутъ, на грѣхъ, пришелъ смотритель.—«Отопри, говоритъ, камеру!» а она отперта. Пять дней дулся на Никольской. Насчетъ секретныхъ строго... и разговаривать съ ними запрещается, — серьезно пояснилъ мнѣ Савельевъ.

— Ну, а вѣдь Радецкій тоже секретный; почему-же ему-то можно гулять по корридору?

— *Имъ* можно... воля начальства... не безъ нѣкотораго затрудненія отвѣтилъ мнѣ Савельевъ.

— Я тутъ вамъ все прибралъ; какъ слѣдуетъ быть... доложилъ онъ мнѣ, отворяя дверь моего нумера.

— Это откуда?—спросилъ я, замѣтивъ, что мебель въ нумерѣ обогатилась большимъ мягкимъ кресломъ и двумя плетеными стульями.

— Изъ квартиры смотрителя... приказали спросить: не нужно-ли вамъ еще чего-нибудь? Можетъ быть, столъ прикажете перемѣнить?.. Для васъ смотритель все сдѣлаютъ!—ради чего-то, высказалъ мнѣ Савельевъ свое мнѣніе.

Я, не безъ удовольствія, опустился въ нетюремное кресло.

Digitized by Google

— Прикажете за обѣдомъ сходить?—напомнилъ мнѣ Савельевъ.

— Непремѣнно!—И я подалъ ему десяти-рублевую бумажку.

— А кромѣ обѣда, ничего не прикажете? закусокъ, или тамъ что-нибудь другое... вина?—нерѣшительно, какъ-бы между прочимъ, выговорилъ почтенный стражъ, повидимому, посвященный въ тайну вечерняго посѣщенія меня «чудеснѣйшей женщиной», о чемъ, сознаюсь, не смотря на неоднократныя напоминанія Егорова, я совсѣмъ было забылъ.

— Гдѣ вы купите вино?—спросилъ я его.

Онъ назвалъ мнѣ находившійся по близости фруктовый магазинъ.

— А не у смотрителя возьмете?

— Какъ придется... Вамъ было-бы доставлено; а ужь откуда и какъ, зачѣмъ вамъ знать?.. тамъ, что прикажете купить?—уклонился Савельевъ отъ прямаго отвѣта.

— Савельевъ, къ смотрителю! живо! — донесся изъ средняго этажа голосъ дежурнаго.

— Ну, ступайте скорѣй, принесите обѣдъ, а тамъ видно будетъ,—сказалъ я Савельеву, мысленно рѣшивъ возложить заботу о пріемѣ «чудеснѣйшей женщины» на услужливаго Егорова.

Съ уходомъ Савельева, мысль, мало по малу, совершенно освободилась отъ разнообразныхъ впечатлѣній дня и остановилась на обстоятельствахъ, дѣлавшихъ мое положеніе столь неопредѣленнымъ: чего я жду? ради чего пропускаю время? Гуаидзе... Но развѣ его отсутствіе *до сихъ поръ* не доказываетъ всю тщетность моихъ ожиданій, надежды на его помощь? Не рискую-ли я потерять всякую возможность устроить свое бѣгство?... Прокуроръ не отвѣчаетъ... Слѣдователь не вызываетъ. Кто знаетъ, быть можетъ, завтра-же, меня переведутъ въ тюрьму... А бѣгство *оттуда*, по отзывамъ арестантовъ, едва-ли возможно. До сихъ поръ, у меня нѣтъ никакого плана... Я развлекаюсь въ то время, какъ меня ничто, кромѣ моего освобожденія, *не должно* интересовать; когда всѣ мои умственныя силы должны быть постоянно устремлены на изыскиваніе способа къ скорѣйшему бѣгству. Я не пользуюсь благопріятными обстоятельствами, не всматриваюсь, пропускаю, можетъ быть, удобную минуту... *Она* меня ждетъ... Нѣтъ, я не долженъ больше ждать Гуаидзе! Нужно *дѣйствовать*! немедленно дѣйствовать... но *какъ*? съ чего начать?... Поѣздка въ

Digitized by Google

баню? Но, вѣдь, можетъ-же случиться, что именно первая поѣздка и не представитъ удобнаго случая? Каждый день въ баню ѣздить невозможно; а ждать недѣлю... Ба! идея!... чего лучше—прогулка по двору. Дворъ большой... на улицу три выхода: черезъ главныя ворота, пожарный дворъ и черезъ главное зданіе полицейскаго дома... На весь обширный дворъ — одинъ дежурный, который, притомъ, вертится преимущественно около конторы... Полицейскимъ служителямъ не безъизвѣстны мои пріятельскія съ Егоровымъ отношенія; а это много значитъ... строго смотрѣть за мной не будутъ. Не можетъ быть, чтобы мнѣ не удалось улучить удобную минуту—незамѣтно проскользнуть на улицу!... Гуляя по двору, Глюмъ нерѣдко выходилъ-же за ворота! Несомнѣнно: мнѣ удастся очутиться на улицѣ. А дальше что? Нужно-же немедленно скрыться... спастись отъ несомнѣнныхъ розысковъ, которыми, конечно, не замедлятъ. Не пройдетъ и часа времени послѣ моего бѣгства, какъ, благодаря телеграфу, мои приметы будутъ уже извѣстны жандармско-полицейскому надзору, по всѣмъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ... Необходимо замаскироваться... военное платье... да, всего лучше, безопаснѣе — военное платье... лошади... все это, должно быть заранѣе приготовлено... платье, баженбарды, краски я долженъ найти въ экипажѣ... Нѣтъ, помощь посторонняго, свободнаго человѣка положительно необходима!... Гдѣ-же взять такого человѣка?

Мысль лихорадочно работала; вопросъ слѣдовалъ за вопросомъ, планъ за планомъ; множество рѣшеній принималось и отвергалось въ одно и то-же время. Я уже не сидѣлъ въ креслѣ, а, какъ сумасшедшій, бѣгалъ по своей комнатѣ. Желаніе вырваться на свободу, *немедленно* вырваться—мною всецѣло овладѣло: въ головѣ не было мѣста никакой другой мысли... Только досада и злость на самого себя, за безполезное сидѣніе въ теченіи нѣсколькихъ дней Гуаидве, порой, прерывали на минуту столь утомительную, лихорадочно-напряженную, односторонюю дѣятельность мозга.

Вошелъ Савельевъ съ обѣдомъ.

— Смотритель приказали вамъ сказать, если вамъ угодно будетъ ихъ видѣть, они не заняты: въ конторѣ сидятъ, — доложилъ онъ мнѣ, подавая сдачи съ 10 рублей.

— Хорошо; когда пообѣдаю, приду въ контору,—отвѣтилъ я ему.

Digitized by Google

— Но мнѣ было не до обѣда. Я старался резюмировать результатъ моей умственной работы.

— Рѣшено—единственно-удобный планъ бѣгства, это со двора полицейскаго дома. Остальные не выдерживаютъ критики. Сегодня-же заручусь разрѣшеніемъ Егорова... Николаеву можно довѣриться. Неужели онъ откажетъ мнѣ въ своемъ содѣйствіи? Но все равно; обратиться къ нему необходимо: больше не къ кому... онъ рискнетъ... наконецъ, я предложу ему бѣжать вмѣстѣ со мною... его теперешнее положеніе настолько незавидно, что онъ врядъ-ли откажется отъ обезпеченной жизни за границей. Повѣритъ-ли онъ мнѣ?... Завтра, утромъ, пошлю за нимъ... И я сталъ обдумывать средства къ убѣжденію Николаева сдаться на мое предложеніе. Наступившія сумерки напомнили мнѣ какъ объ обѣдѣ, такъ и объ Амаліи Карловнѣ, въ пріѣздѣ которой нельзя было сомнѣваться. Избѣжать свиданія съ нею, благодаря участію въ этомъ Егорова, нечего было и думать, и я, волей-неволей, примирился провести не одинъ часъ въ обществѣ «чудеснѣйшей женщины».

Наскоро закусивъ, я отправился въ контору: тамъ былъ одинъ Егоровъ. Онъ казался углубленнымъ въ чтеніе какой-то бумаги.

— Ахъ, это вы! — произнесъ онъ, поднявъ голову и пряча бумагу въ боковой карманъ.—Поджидаете Амалію Карловну? Она сейчасъ должна подъѣхать,—добавилъ онъ, взглянувъ на часы.—Запаслись вы шампанскимъ? Другого вина она, вѣдь, не пьетъ.

— Признаюсь, я именно за этимъ и пришелъ къ вамъ. Ужь примите, пожалуйста, на себя хлопоты объ угощеніи... произнесъ я, суя въ руку Егорова, заранѣе приготовленныя, двѣ десятирублевыя бумажки. Въ случаѣ, если нехватитъ, я вамъ додамъ,— добавилъ я.

— Хорошо, хорошо... сочтемся!—широко улыбаясь, промолвилъ Егоровъ, кладя въ портмоне мои деньги.—Довольны-ли вы своимъ новымъ помѣщеніемъ? Не нужно-ли вамъ чего?—принявъ вдругъ озабоченный видъ, обратился онъ ко мнѣ съ вопросами.

— Я вамъ благодаренъ какъ нельзя болѣе, и если вы ужь хотите вконецъ обязать меня, то позвольте мнѣ днемъ по двору погулять... Я ужь давно не былъ на свѣжемъ воздухѣ, голова начинаетъ побаливать,—мотивировалъ я свою просьбу.

— Можно, можно... да, вамъ нуженъ свѣжій воздухъ,—согласился Егоровъ.

Digitized by Google

Въ знакъ благодарности, я, молча, потрясъ его обѣ руки.

— Я ужь вамъ какъ-то сказалъ, что ни въ чемъ не могу вамъ отказать... и, вотъ, видите, — съ напускнымъ смиреніемъ произнесъ онъ, приложивъ руки къ сердцу.

Я, въ свою очередь, разсыпался въ благодарностяхъ.

— Однако, того гляди, подкатитъ наша барыня; нужно пойти приготовить... поднялся съ мѣста Егоровъ.

— Ужь я надѣюсь... промолвилъ я, также оставляя контору.

«Егоровъ далекъ отъ всякихъ подозрѣній на мой счетъ. Все дѣло теперь въ Николаевѣ. Согласись онъ, и часъ свободы не за горами»,—успокоивалъ я себя.

Чья-то заботливая рука освѣтила мой нумеръ двумя стеариновыми свѣчами, вставленными въ красивые кабинетные подсвѣчники; вѣроятно, та-же рука накрыла столъ превосходной ковровой салфеткой и привела въ порядокъ мою постель: ковровое одѣяло, двѣ роскошныя подушки въ батистовыхъ наволочкахъ снѣжной бѣлизны и такая-же, съ широкой кружевной каймой, простыня, не могли, конечно, быть принадлежностью «секретнаго» нумера. Оставалось удивляться благосостоянію Егорова, излишки въ хозяйственномъ обзаведеніи котораго позволяли ему проявлять свою крайнюю любезность ко мнѣ даже въ такой трогательной формѣ. Полагать, что я могу быть этимъ обязанъ не ему, а кому-нибудь другому, чья нѣжная заботливость обо мнѣ простерлась до такой истинно-дружеской предусмотрительности, — я врядъ-ли могъ.

Ради меня, онъ пренебрегъ Глюмомъ. Такая удивительная заботливость о моей особѣ, о моихъ потребностяхъ... готовность исполнить всякую мою просьбу... Ясно, онъ убѣжденъ, что я богатъ и разсчитываетъ на мою щедрость... Не двадцати-пяти рублей ждетъ онъ отъ меня!... и вдругъ... бѣдный, какое жестокое разочарованіе!... И я совершенно увлекся, рисуя въ своемъ воображеніи комическую картину положенія «опытнаго чиновника» Егорова, когда, вмѣсто ожидаемыхъ благъ, навѣрное разсчитанныхъ, онъ, за всѣ свои заботы обо мнѣ, за всѣ свои несомнѣнно драгоцѣнныя услуги, въ одинъ прекрасный день, очутится на гауптвахтѣ, за мое исчезновеніе изъ ввѣреннаго ему полицейскаго дома...

Digitized by Google

Звонкій женскій смѣхъ и вторившій ему грубый мужской хохотъ возвѣстили мнѣ о появленіи въ корридорѣ средняго этажа «чудеснѣйшей женщины» и ея чиновнаго чичероне.

— Ну, гдѣ-же? Показывайте скорѣй, несносный!... быстро взбѣжавъ по лѣстницѣ и остановившись у моей двери, нетерпѣливо постукивая ботинками, капризно произнесла она, обращаясь къ опереженному ею Егорову.

— Здѣсь, здѣсь!—откликнулся я, отворяя двери; причемъ не могъ не замѣтить въ корридорѣ, на порогѣ своихъ нумеровъ, вѣроятно, также привлеченныхъ женскимъ голосомъ, моихъ сосѣдей, С. и Радецкаго.

Съ легкостью сирены, она, однимъ прыжкомъ, очутилась посрединѣ комнаты.

— А-а, такъ вотъ онъ гдѣ! Здравствуйте, здравствуйте... Рады меня видѣть? Говорите!— и, поправивъ кокетливымъ движеніемъ руки свое pince-nez, она, какъ-бы въ ожиданіи отвѣта, остановилась противъ меня въ вызывающей позѣ, замѣтно рисуясь.

Съ минуту я стоялъ въ нѣмомъ изумленіи. Амалія Карловна была неузнаваема: замѣчательно бѣлое, сохранившее слѣды недюжинной красоты, нѣжное лицо ея дышало необычной свѣжестью, дерзкой отвагой. Румянецъ, словно свѣтившійся извнутри, придавалъ этому лицу пикантную прелесть. Въ своемъ роскошномъ зимнемъ костюмѣ, съ pince-nez на задорно вздернутомъ носикѣ, съ папиросой во рту, съ гордо-поднятой головой, эта тридцатипяти-лѣтняя женщина, съ своей тиціановской полнотой и тою крайнею роскошью формъ, которая многимъ такъ нравится, не могла не дѣйствовать на воображеніе.

— Я вами любуюсь... Вы сегодня особенно хороши... проговорилъ я.

— Ну, очень рада. Наконецъ-то я съумѣла вамъ понравиться! — съ сіяющей улыбкой погрозила она мнѣ пальцемъ и принялась торопливо освобождать себя отъ тяжелаго зимняго наряда. Я, конечно, не преминулъ помочь ей въ этомъ. И вотъ, лишь только я снялъ съ нея шубку, какъ сильнымъ, порывистымъ движеніемъ, она заключила меня въ свои страстныя объятія... Входъ Савельева не замедлилъ избавить меня отъ нихъ. Вся раскраснѣвшаяся, тяжело дыша, съ выраженіемъ сильной страсти,

Digitized by Google

не только въ глазахъ, но и въ лицѣ, она медленно опустилась въ кресло, судорожно сжавъ мою руку.

— Что это?—спросилъ я Савельева, поставившаго на полъ, принесенный имъ съ собою, небольшой ящикъ и сакъ-вояжъ.

— Не могу знать-съ! это изъ ихней кареты... приказали внести,—отвѣтилъ онъ.

— А смотритель гдѣ?—спросила его Амалія Карловна.

— Они сейчасъ будутъ-съ... прощенья просить!—И, сдѣлавъ шагъ назадъ, онъ остановился въ выжидательномъ положеніи. Бывалая Амалія Карловна, взглянувъ на него, опустила руку въ карманъ, вынула изъ изящнаго портмоне кредитную бумажку и вручила ее Савельеву.

— Что ты тутъ пропадаешь,—строго крикнулъ на него Егоровъ, съ которымъ онъ столкнулся при выходѣ изъ камеры.— Ступай, стань у главнаго подъѣзда, и не зѣвай! Чуть кто—живо бѣги сюда! ну, не зѣвай, смотри!—наказывалъ онъ Савельеву.

— Извините, Амалія Карловна,—нужно было распорядиться... знаете, чтобы Ивану Ивановичу кто-нибудь не мѣшалъ... солдатика поставить... Осторожность не мѣшаетъ,—улыбаясь своей широкой улыбкой, объяснилъ онъ причину своего отсутствія.

— Теперь можно и съ новосельемъ васъ поздравить!—обратился онъ вдругъ ко мнѣ.

— Да, да, съ новосельемъ!—оживилась Амалія Карловна и бросилась къ сакъ-вояжу и ящику.

— Позвольте ужь мнѣ хозяйничать!—вѣжливо отстранилъ ее Егоровъ, принимаясь развязывать ящикъ и затѣмъ доставать изъ него: яблоки, виноградъ, заливные орѣхи, арбузы и проч. т. п. сласти, которыми тутъ-же Амалія Карловна настойчиво угощала меня. Изъ сакъ-вояжа были вынуты три бутылки шампанскаго, пробочникъ, ножикъ и три бокала.

— Преклоняюсь предъ вашею предусмотрительностью: даже пробочникъ не забыли захватить!—восхищался Егоровъ, которому, очевидно, не представлялось надобности расходовать данные ему 20 рублей.

— Ужь не вамъ-ли я *этимъ* обязанъ?—вдругъ мелькнула въ моемъ умѣ догадка, при взглядѣ на постель. Амалія Карловна, съ видомъ провинившейся дѣвочки, кивнула мнѣ головой.

Digitized by Google

— Кому-же больше!—поторопился Егоровъ понять ея безмолвный отвѣтъ.

— Чтобы намъ было нѣсколько удобнѣе,—суетился Егоровъ,—мы поставимъ столъ вотъ такъ.—И онъ придвинулъ столъ къ кровати.

— Теперь прошу покорно!—произнесъ онъ, заняв мѣсто въ креслѣ и указывая мнѣ и Амаліи Карловнѣ на широкую кровать.

Амалія Карловна, бархатное платье которой превосходно обхватывало ея пышныя формы, рельефно обрисовывая всѣ неровности и выпуклости ея богато одареннаго физическаго организма, граціознымъ скачкомъ сѣла на кровать. Кокетливо облокотясь на подушки, она поджала подъ себя правую ногу и приняла сразу одно изъ тѣхъ полу-сидячихъ положеній, которыя, возбуждая воображеніе, въ то-же время, дѣйствуютъ крайне раздражительно на чувственность.

— Не угодно-ли? Да перестанете-ли вы меня дичиться!—обворожительно улыбаясь, указала она мнѣ на мѣсто возлѣ себя.

Егоровъ, между тѣмъ, откупорилъ шампанское и наполнилъ имъ бокалы.

— Я пью за ваше освобожденіе, Дмитрій Александровичъ; что должно быть главнымъ желаніемъ вашихъ друзей. И я надѣюсь, что вы скоро будете свободны... Самое важное, это—хорошій адвокатъ; а ужь объ этомъ мы съ Амаліей Карловной позаботимся. Не правда-ли?—чокаясь со мною и Амаліей Карловной, заключилъ Егоровъ свой тостъ, обращеннымъ къ ней полувопросомъ.

— Если только князю будетъ угодно принять наши услуги... жеманясь, отвѣтила она ему, вызывая меня на возраженіе.

Поднявъ, въ свою очередь, бокалъ я, прежде всего, въ самыхъ теплыхъ,—сознаюсь, не совсѣмъ искренныхъ,—выраженіяхъ поблагодарилъ «чудеснѣйшую женщину», которая, не смотря на свое недавнее знакомство со мной и мое незавидное положеніе, уже успѣла столько разъ доказать мнѣ всю силу своего глубокаго расположенія ко мнѣ. Выразивъ, затѣмъ, надежду на прочность этого драгоцѣннаго для меня расположенія, я, въ нѣсколькихъ словахъ, поблагодарилъ также и своего «друга» Егорова, которому я столько обязанъ и который принимаетъ такое искреннее, горячее участіе въ нашемъ сближеніи.

Digitized by Google

— Я пью за ваше дорогое здоровье, Амалія Карловна и... за прочность нашей дружбы!—заключилъ я свою рѣчь, которую Амалія Карловна слушала съ видимою жадностью, не сводя съ меня своихъ маслянныхъ глазъ.

— Что-бы съ вами ни случилось, милый князь, знайте, что это сердце всецѣло принадлежитъ вамъ и будетъ биться только для васъ!—поднявшись съ кровати и взявъ мои обѣ руки, горячо произнесла видимо тронутая Амалія Карловна.

— За ваше здоровье, мой милый, неоцѣненный!... И, поспѣшно опорожнивъ свой бокалъ, она, не обращая вниманія на присутствіе Егорова, порывисто бросилась осыпать меня жаркими поцѣлуями.

— Да здравствуетъ любовь!—восклицаетъ Егоровъ, и вновь наполненные имъ бокалы быстро опоражниваются.

— Еще разъ за *твое* здоровье, мой милый!—провозглашаетъ Амалія Карловна.

Спустя минуту, новый тостъ. Бутылки опоражниваются... Движенія Амаліи Карловны принимаютъ все болѣе и болѣе порывистый характеръ... Егоровъ незамѣтно исчезаетъ изъ камеры.

Digitized by Google

ГЛАВА XV.

РАЗСТАЮСЬ СЪ ПОЛИЦЕЙСКИМЪ ДОМОМЪ.

Когда я проснулся, уже было далеко за полдень. Ничто въ камерѣ не напоминало о характерѣ проведеннаго въ обществѣ «золотаго человѣка» и «чудеснѣйшей женщины» вечера: ни бутылки, ни бокалы, ни сакъ-вояжъ, ни ящикъ, наконецъ, ни одна пробка на чисто выметенномъ полу. Все это, чьей-то заботливой рукой, было убрано во время моего сна. О минувшемъ вечерѣ напоминали только тяжелое ощущеніе и головная боль.

— И это не сонъ?—съ невольнымъ ужасомъ спрашивалъ я себя, вспоминая возмутительныя подробности столь безобразно проведенной ночи.—Неужели я допустилъ себя до такой степени забыться, до такой степени отдаться грубому разврату, циническія картины котораго воображеніе такъ настойчиво переживало? Кровь бросилась мнѣ въ голову. Лицо покрылось краской стыда и глубокаго негодованія...

Но, вотъ, чудеснымъ внутреннимъ процессомъ, воображеніе вдругъ посѣщаетъ другая картина давно минувшаго, непродолжительнаго счастья: другая женщина... другой вечеръ... *Имя* ласки... наслажденія, запечатлѣнныя благороднымъ, нравственнымъ характеромъ, искренною любовью... Что, какъ не чувство омерзенія къ себѣ, должно было вызвать во мнѣ сравненіе? Я чувствовалъ себя глубоко виновнымъ передъ Ивой, передъ своимъ собственнымъ чувствомъ къ ней, и искренно, сознательно раскаивался, отвергая возможныя оправданія.

Въ такомъ настроеніи, полубольной, преслѣдуемый грустнымъ сознаніемъ печальнаго факта, я еще долго продолжалъ лежать въ кровати. Углубившись въ себя, въ изслѣдованіе своего моральнаго состоянія, я совершенно забылъ о настоящемъ, о предстоящемъ побѣгѣ и о необходимости видѣть Николаева. Чѣмъ

Digitized by Google

печальнѣе были выводы, тѣмъ больше память отвлекалась отъ настоящаго и уходила въ прошлое, увлекаемая воображеніемъ. Не знаю, скоро-ли бы я опомнился, если-бы въ камеру не вошелъ Савельевъ.

— Изволили заспаться, баринъ. Ужь поздненько,— громко произнесъ онъ, здороваясь со мной.

— Ахъ да, поздно... Который теперь часъ? — спрашивалъ я его, какъ-бы только что проснувшись.

— Ужь пятый часъ: къ вечернѣ благовѣстятъ, — отвѣтилъ онъ мнѣ.

Тутъ только церковный звонъ коснулся моего уха. Вниманіе мое было до такой степени отвлечено отъ всего внѣшняго, что до этой минуты я и не подозрѣвалъ его. «Нужно послать за Николаевымъ»,— было моею первою мыслью по дѣйствительномъ пробужденіи.

— Заняты вы чѣмъ-нибудь теперь? — торопливо спросилъ я Савельева, принимаясь поспѣшно одѣваться.

— Если что прикажете, я для васъ всегда свободенъ, — почтительно отвѣтилъ мнѣ услужливый стражъ.

— Достаньте мнѣ скорѣе карандашъ и клочокъ бумаги!

Пока Савельевъ сбѣгалъ внизъ, я, при помощи дежурнаго полицейскаго служителя, передавшаго свои ключи Савельеву, успѣлъ кое-какъ умыться. Написавъ, на поданной мнѣ Савельевымъ четвертушкѣ бумаги, адресъ Николаева и адресованную къ нему просьбу немедленно посѣтить меня, я предложилъ Савельеву доставить ее ему.

— Слушаю-съ! Я живо... возьму извощика.—Хитрый стражъ не преминулъ мнѣ, такимъ образомъ, поставить на видъ предстоящіе по выполненію моего порученія расходы.

— Хорошо. Только скорѣе поѣзжайте; да по дорогѣ доложите смотрителю, что я хочу прогуляться по двору: онъ вчера разрѣшилъ мнѣ.

Едва Савельевъ успѣлъ оставить мою камеру, какъ ко мнѣ пожаловалъ мой сосѣдъ С.

— Пора, пора, батенька. Здравствуйте-же! — лукаво улыбаясь, привѣтствовалъ онъ меня.

— Ладно, ладно,—не переставая улыбаться, фамильярно перебилъ онъ меня, при самомъ началѣ моей отвѣтной фразы. —

Digitized by Google

Пожалуйста, безъ оправданій. Я имѣю полнѣйшее право претендовать на васъ. Вы очень безпокойный сосѣдъ. Благодаря вамъ, я тоже не очень-то спокойно провелъ ночь. А знаете, ей-Богу, я покушался къ вамъ зайти...—вдругъ объявилъ онъ мнѣ, разваливаясь на моей кровати.

— И отлично сдѣлали-бы, — отвѣтилъ я.

— Я и не сомнѣвался въ этомъ, — произнесъ С. самоувѣренно.—Судя другихъ, обыкновенно, по себѣ, я совершенно вѣрю, что черезъ-чуръ продолжительное tête-à-tête съ женщиной должно быть тягостно, и я всегда бываю очень благодаренъ моимъ товарищамъ, которые во-время являются выручать меня. Поболтать съ хорошенькой женщиной, несомнѣнно, имѣетъ свою прелесть; извѣстнаго рода tête-à-tête съ такой женщиной — удовольствіе, выше котораго я не знаю. Но, по моему мнѣнію, то и другое никакъ не должно быть продолжительно; или-же должно, въ промежуткахъ, разнообразиться пріятельской бесѣдой, выпивкой и т. под. Заключите меня въ крѣпость, въ одинъ нумеръ съ первою красавицей въ мірѣ, и, я увѣренъ, что не минетъ и двухъ недѣль, какъ она мнѣ опротивѣетъ до невозможности, и присутствіе ея обратится для меня въ адскую пытку... А гроров.. Не осталось-ли послѣ вчерашняго чѣмъ горло промочить?—сморщивъ вдругъ свою физіономію и поднявшись съ кровати, прервалъ С. собственное философствованіе.—Ну, да успѣется; къ себѣ лѣнь идти, — принимая прежнее положеніе, съ грустью проговорилъ онъ, послѣ того, какъ я высказалъ свое сожалѣніе о неимѣніи ничего такого, чѣмъ-бы можно было «горло промочить». Закуривъ сигару, гость мой продолжалъ: — Да, такъ я еще не успѣлъ разсказать, почему я не заглянулъ къ вамъ. Чуть не поссорился съ Егоровымъ. Заладилъ одно: «помѣшаете, неловко, негодится»... Хоть что хочешь дѣлай. Спрашиваю его: чего тутъ неловкаго? Оба мы находимся въ заключеніи, одинаково страдаемъ скукой, познакомились... Какія тутъ могутъ еще быть церемоніи? Пріѣдетъ моя барыня, у меня пирушка, милости просимъ ко мнѣ... Нѣтъ, ничѣмъ не могъ его убѣдить. А барынька ваша — ничего себѣ: не дурна... Я-таки успѣлъ ее разглядѣть, когда она показалась въ корридорѣ... Не безъ шика. А это, по моему мнѣнію, чуть-ли не главное въ женщинѣ. Чѣмъ у насъ берутъ француженки?...

Digitized by Google

Но тутъ на порогѣ камеры показался дежурный и произнесъ, обращаясь ко мнѣ: васъ смотритель просятъ въ контору, — помѣшавъ, такимъ образомъ, словоохотливому С. подѣлиться со мною своими *мнѣніями* объ истинныхъ достоинствахъ женщины.

— Ступайте, да возвращайтесь скорѣй, — сказалъ онъ мнѣ, повидимому, вовсе не собираясь оставлять моей камеры.—Нужно что-нибудь придумать... Скука чертовская... Да, — спохватился онъ вдругъ, когда я ужь готовъ былъ выйдти изъ камеры,—пойдука, промочу горло пока. А, вотъ и графъ кстати. Пойдемте-жь!

Встрѣченный въ корридорѣ, Радецкій важно и, въ то-же время, изысканно - вѣжливо поздоровался со мною и С. Получивъ свѣдѣнія о моемъ здоровьи и обмѣнявшись нѣсколькими общими фразами о погодѣ, до которой, какъ мнѣ, такъ и ему, было, конечно, весьма мало дѣла, онъ послѣдовалъ за С.

Кромѣ Егорова, околоточнаго и писарей, въ конторѣ находились: Глюмъ и неизвѣстный мнѣ, представительнаго вида, господинъ, съ огромной рыжей бородой и съ весьма скуднымъ остаткомъ такихъ-же, крайне-рѣденькихъ волосъ на неимовѣрно-большой головѣ.

— Здравствуйте, князь, голубчикъ! Наконецъ-то я васъ вижу! Какъ вы поживаете?—радостно встрѣтилъ меня Глюмъ.—Позвольте васъ познакомить: присяжный повѣренный Боевскій, мой защитникъ... Князь... виноватъ... Дмитрій Александровичъ Карасевъ,— поспѣшилъ онъ познакомить меня съ представительнымъ господиномъ.

— Очень пріятно,—съ достоинствомъ проговорилъ послѣдній, окинувъ меня любопытнымъ взглядомъ.

— Здравствуйте, Дмитрій Александровичъ! — заявилъ о себѣ Егоровъ, съ которымъ Глюмъ не далъ мнѣ поздороваться. — Я васъ пригласилъ по просьбѣ Ивана Ивановича. Это, положимъ, и не совсѣмъ законно,— улыбнулся онъ,— вы, вѣдь, секретный... Но ужь такъ и быть... Я разрѣшаю вамъ подъ свою личную отвѣтственность. Подай стулъ! — приказалъ онъ вошедшему вѣстовому.

— Я, вотъ, вчера обвинительный актъ получилъ, — сказалъ мнѣ Глюмъ, предъявляя нѣсколько листовъ бумаги.

— Вамъ угодно, чтобы я прочиталъ? — спросилъ я его.

— Пожалуйста,—отвѣтилъ онъ.

— Интересное дѣло, — замѣтилъ мнѣ Боевскій.

Digitized by Google

— А когда дѣло назначено къ слушанію?—спросилъ я Глюма, возвращая ему просмотрѣнную мною копію съ обвинительнаго акта, заключавшаго въ себѣ изложеніе уже извѣстнаго читателю дѣла.

— Это, пока, еще неизвѣстно; надо полагать, въ началѣ будущаго мѣсяца, — отвѣтилъ Боевскій на обращенный къ нему вопросительный взглядъ Глюма.

— Ну, какъ вы думаете, вы, вѣдь, человѣкъ опытный, — чѣмъ можетъ кончиться дѣло?—не стѣсняясь присутствіемъ своего защитника, патентованнаго юриста, обратился ко мнѣ Глюмъ, въ которомъ полученная копія, повидимому, возбудила нѣкоторое безпокойство за свою участь.

— Если смотрѣть на дѣло съ строго-юридической точки зрѣнія,—отвѣтилъ я,—то оно, конечно, не представляетъ матеріала для обвиненія; но, вѣдь, судъ присяжныхъ—не коронный судъ... Мнѣ кажется, все будетъ зависѣть отъ того впечатлѣнія, которое вы произведете на присяжныхъ. Если они повѣрятъ показанію потерпѣвшей—вы будете обвинены...

— Ничего, Иванъ Ивановичъ, не пугайтесь,— перебилъ меня Боевскій, замѣтивъ безпокойство своего кліента.— Вы совершенно справедливо замѣтили,— обратился онъ ко мнѣ съ видомъ оракула,—что дѣло не представляетъ юридическихъ данныхъ для обвиненія. Судебная палата, утвердивъ составленный товарищемъ прокурора обвинительный актъ, очевидно, поддалась нравственной сторонѣ дѣла, почему-то придавъ вѣроятность показанію жалобницы. Но что-же изъ этого? Дѣло, все-жъ-таки, не перестаетъ быть гражданскимъ. А на этомъ основаніи и приговоръ присяжныхъ для насъ не можетъ быть страшенъ. Правда, придется мѣсяцъ-другой провести въ заключеніи... Нѣтъ сомнѣнія, что сенатъ кассируетъ не только приговоръ присяжныхъ, но и самое преданіе суду. За *это*, — съ особеннымъ удареніемъ произнесъ Боевскій, — я вамъ ручаюсь, Иванъ Ивановичъ.—Вѣроятно, не допуская возможность возраженія, почтенный юристъ, послѣ послѣдней фразы, быстро всталъ и, ссылаясь на недостатокъ времени, сталъ прощаться съ Иваномъ Ивановичемъ.

— Не падайте духомъ,—сказалъ онъ ему при этомъ.—Вѣрьте мнѣ... Вечеромъ, буду у Амаліи Карловны, все передамъ; а завтра увидимся.

Digitized by Google

Вистовой подалъ ему богатую шубу, надѣвъ которую, онъ очень любезно раскланялся со мною и Егоровымъ, и оставилъ контору.

— Онъ, конечно, не отъ суда вамъ назначенъ? — спросилъ я Глюма.

— *Такіе* защитники отъ суда рѣдко назначаются, Дмитрій Александровичъ. А если и посчастливится какому-нибудь бѣднягѣ, то, вѣдь, у каждаго изъ такихъ присяжныхъ повѣренныхъ нѣсколько помощниковъ; вотъ они-то большею частію и исполняютъ обязанности своихъ патроновъ, относительно бѣдняковъ-арестантовъ, — отвѣтилъ мнѣ, вмѣсто Глюма, Егоровъ.

— Сколько-же онъ взялъ съ васъ за свою защиту?—полюбопытствовалъ я.

— Три тысячи, — съ глубокимъ вздохомъ отвѣтилъ мнѣ Глюмъ. — Тысячу рублей онъ уже получилъ, а остальныя двѣ — по окончаніи дѣла. Да ужъ Богъ съ ними, съ деньгами, только-бы самому-то выпутаться, — продолжалъ Глюмъ съ несвойственнымъ ему, необыкновеннымъ смиреніемъ.—Богъ знаетъ! *Они* увѣряютъ, что я буду свободенъ. Оно, положимъ, кажется, пострадать-то и не за-что-бы... а все какъ-то сомнѣніе беретъ. Вотъ и вы говорите, что судъ меня обвинитъ; да за что-же? — принявъ вдругъ видъ оскорбленной невинности, уставился онъ въ меня.

— Ну, вѣдь будто-бы и не за что?—въ свою очередь, спросилъ я его, въ шутливомъ тонѣ.

— Да, хорошо намъ смѣяться... А тутъ, какъ знаешь, что страдаешь за свои-же деньги, такъ, право, не до смѣха, — обиженно произнесъ Глюмъ.

— И охота вамъ, право, Иванъ Ивановичъ, хныкать! — вмѣшался Егоровъ. — Что это съ вами вдругъ сдѣлалось? Получили обвинительный актъ и расписки... Полно, дружище! — дружески ткнувъ его по плечу, продолжалъ онъ. — Небось, не въ такихъ еще передѣлкахъ бывали. Повѣрьте, я, вѣдь, тоже кое-что смекаю въ юриспруденціи... Главное — хорошій адвокатъ; а онъ у васъ есть. На что лучше: бывшій товарищъ-предсѣдатель окружнаго суда... имѣетъ руку въ сенатѣ!...

— Да, — ободрился Глюмъ, — вотъ недавно тоже, онъ защищалъ одного купца, который обвинялся въ подлогѣ... такъ, вѣдь, тоже прямо сказалъ: за судъ не отвѣчаю; а въ сенатѣ непремѣнно

Digitized by Google

выиграемъ. Что-же вы думаете? такъ и случилось: судъ приговорилъ его въ Иркутскую губернію, а сенатъ отмѣнилъ самое преданіе суду, по отсутствію существенныхъ признаковъ подлога. Я потому и взялъ его, что у него тамъ рука.

— Ну, вотъ видите; чего-же и безпокоиться! — сказалъ я.

— Такъ-то, такъ... А какъ вы полагаете, вѣдь не мѣшало-бы мнѣ условиться съ Вьёвымъ насчетъ показанія, какъ тамъ въ судѣ показывать, чтобы разно не вышло? — вдругъ, приблизившись къ самому моему уху, таинственно обратился онъ ко мнѣ, причемъ лицо его изобразило нѣчто очень плутоватое.

— Это, пожалуй, не мѣшало-бы, — отвѣтилъ я. — Только какъ-же вы это устроите? Вѣдь Вьёвъ сидитъ въ С—кой части?

— Это ничего не значитъ. На той недѣлѣ, меня и его вызовутъ въ судъ для дополненія списка свидѣтелей. Пока позовутъ въ канцелярію, обыкновенно, приходится часа два сидѣть внизу, въ камерѣ. Можно о чемъ угодно переговорить.

— Но согласится-ли Вьёвъ показывать согласно съ вами? Мнѣ говорили, что онъ на васъ въ претензіи по поводу этого дѣла... Вы обидѣли его, что-ли, тамъ...

— Это все пустяки: вамъ наврали... Да онъ и не можетъ иначе показывать: что ему за охота лѣзть въ петлю? Въ исходѣ дѣла мы съ нимъ одинаково заинтересованы: я буду оправданъ и онъ тоже, и на оборотъ... Меня немного безпокоитъ его показаніе, которое онъ сгоряча далъ на предварительномъ слѣдствіи. Онъ тамъ говоритъ, что я его уговаривалъ жениться на ней, брался устроить это дѣло и просилъ съ него за это пять тысячъ рублей... Тамъ еще что-то такое напутано... Ну, знаете, не подумавши... Но, вѣдь, это показаніе, какъ данное слѣдователю и не внесенное въ обвинительный актъ, не можетъ быть прочитано на судѣ? Мнѣ, по крайней-мѣрѣ, такъ сказалъ Боевскій... Значитъ, на судѣ онъ можетъ измѣнить свое показаніе? — продолжалъ Глюмъ шептать мнѣ на ухо.

— Чѣмъ вы мотивируете возведенное ею на васъ обвиненіе?— спросилъ я его.

— Какъ чѣмъ! очень ясно: нежеланіе платиться капиталомъ и местью... изъ ревности... Между нами были близкія отношенія...

Digitized by Google

— Подтверждается чѣмъ-нибудь эта близость и вѣроятность мести съ ея стороны?

— Въ томъ-то и дѣло, что только баронъ и зналъ о моихъ отношеніяхъ къ ней. Она даже ему говорила, вскорѣ послѣ полученія моего векселя, что, если-бы я измѣнилъ ей, она съумѣла-бы жестоко отомстить мнѣ, что я насижусь въ острогѣ. Она это говорила по поводу дошедшаго до нея слуха о томъ, что я намѣренъ жениться на одной барынѣ. Къ сожалѣнію, я это совершенно упустилъ изъ виду во время производства предварительнаго слѣдствія. Баронъ разсказывалъ мнѣ это при моемъ прикащикѣ...

Интимная бесѣда длилась съ полчаса. Было рѣшено, что Глюмъ переговоритъ въ судѣ, точнѣе, — въ арестантскихъ камерахъ,—находящихся въ нижнемъ этажѣ зданія суда, въ которыя обыкновенно запираются доставляемые въ судъ арестанты, до вызова ихъ въ канцелярію, — съ Вьёвымъ, въ томъ смыслѣ, чтобы послѣдній подтвердилъ обстоятельство, будто-бы высказанной ему вдовушкою, угрозы и близкія отношенія между ею и Глюмомъ, и отказался-бы отъ нѣкоторыхъ пунктовъ даннаго имъ на предварительномъ слѣдствіи показанія. Контора, между тѣмъ, наполнилась народомъ, и я былъ искренно обрадованъ, когда Егоровъ, понявъ, наконецъ, значеніе бросаемыхъ мною на него взглядовъ, въ полголоса объявилъ Глюму, что ему неловко оставаться дольше въ конторѣ: «можетъ кто-нибудь пріѣхать» и т. п. Глюмъ неохотно простился со мной, взявъ съ Егорова обѣщаніе, что онъ позволитъ ему вечеромъ еще разъ повидаться со мной.

Окруженному просителями, арестантами и городовыми, Егорову, очевидно, некогда было, въ свою очередь, пуститься въ «бесѣду».

— Вы хотите погулять? — поспѣшилъ онъ удостовѣриться по выходѣ Глюма изъ конторы, и, обратясь вслѣдъ затѣмъ къ околоточному, произнесъ оффиціальнымъ тономъ: — Я разрѣшаю г. Карасеву полчаса въ день прогуливаться по двору; потрудитесь распорядиться.

— Къ вашимъ услугамъ, — расшаркался предо мной околоточный. — Пожалуйте!

Digitized by Google

Выйдя вмѣстѣ со мною на полицейскій дворъ, онъ подозвалъ къ себѣ дежурнаго по двору городоваго.

— Г. Карасевъ будетъ прогуливаться по двору, подъ твоимъ наблюденіемъ... понимаешь? — объявилъ ему околоточный. — Не угодно-ли, Дмитрій Александровичъ? — проговорилъ онъ, показывая мнѣ на широкій дворъ. — До свиданія... некогда... контора полна народу.

Я быстро зашагалъ по двору, съ жадностью вдыхая въ себя свѣжій воздухъ. Въ первыя минуты, я даже забылъ о цѣли своей прогулки. Я наслаждался относительнымъ просторомъ, нѣкоторой долей свободы... движенія, и спѣшилъ насытиться некомнатной атмосферой. Сдѣлавъ три, четыре круга, я, однакожь, почувствовалъ усталость. Не смотря на свою непродолжительность и благопріятныя условія, тюремная жизнь уже успѣла подѣйствовать и на мой физическій организмъ. Ноги отвыкли не только отъ быстрой, но и отъ обыкновенной, болѣе или менѣе продолжительной, ходьбы. Одновременно съ усталостью, я почувствовалъ голокруженіе и усиленное сердцебіеніе; то и другое было, конечно, слѣдствіемъ рѣзкой перемѣны воздуха и непривычнаго моціона. Тогда, вспомнивъ, что прогулка моя имѣетъ цѣлью рекогносцировку мѣстности, я медленнымъ шагомъ еще раза два прошелся по двору и, къ немалому удовольствію, убѣдившись, что «наблюденіе» дежурнаго городоваго, почти неизмѣнно находящагося у конторы, т. е. на одномъ концѣ двора, чисто фиктивное, и что, слѣдовательно, приведеніе въ исполненіе предположеннаго плана бѣгства вполнѣ возможно, — я, много ранѣе урочнаго получаса, возвратился къ себѣ въ нумеръ, куда не замедлили явиться и мои любезные сосѣди.

— Не прикажете-ли, князь, стаканъ чаю? у меня самоваръ поданъ,—предложилъ мнѣ Радецкій.

— Признаюсь, я-бы не прочь прежде закусить что-нибудь,— отвѣтилъ я, намѣреваясь послать за обѣдомъ.

— А мы съ графомъ только что пообѣдали,—произнесъ С.— Жаль, что вы замѣшкались въ конторѣ. Сегодня обѣдъ особенно удался; благодаря чему, вашъ покорный слуга въ отличномъ настроеніи духа,—счелъ онъ нужнымъ заявить мнѣ.

— А вамъ откуда доставляютъ обѣдъ?—спросилъ я.

Digitized by Google

— Татары [1]), татары, батюшка! Артистически приготовляютъ... Не правда-ли, графъ?—сослался онъ на Радецкаго.

— Гм... да... но не все... Впрочемъ, видно знаніе дѣла,— принявъ серьезный видъ, авторитетно процѣдилъ тотъ свой отвѣтъ.

— А вотъ, и нашъ почтеннѣйшій тѣлохранитель! Что скажете? За чьей грѣшной душой пожаловали?—обратился С. къ показавшемуся въ дверяхъ Савельеву.

— Видѣли Николаева? будетъ онъ?—поспѣшилъ я, въ свою очередь, встрѣтить его.

Отвѣсивъ общій почтительный поклонъ, Савельевъ, молча, подалъ мнѣ два письма, справедливо полагая, что, въ виду ихъ, въ словесномъ отвѣтѣ на мои вопросы не представляется надобности.

Быстро вскрывъ одно изъ этихъ писемъ, я прочелъ слѣдующее:

«Милостивый государь! Очень жалѣю, что вашъ посланный не явился нѣсколькими часами раньше: тогда онъ еще засталъ-бы моего мужа, который, часа за три до его прихода, уѣхалъ, по одному нетерпящему отлагательства дѣлу, на нѣсколько дней изъ Петербурга. По пріѣздѣ его, я, конечно, передамъ ему вашу просьбу; впрочемъ, онъ и безъ этого непремѣнно посѣтилъ-бы васъ. Мужъ мой успѣлъ мнѣ столько передать о васъ, и все, что онъ говорилъ, было на столько симпатично, что, полагаю, васъ не удивитъ, если я, не имѣя еще чести быть вамъ лично извѣстною, пользуясь случаемъ, позволю себѣ предложить вамъ свои услуги. Если я, какъ свободный человѣкъ, могу быть вамъ чѣмъ нибудь полезна до пріѣзда мужа, не оставьте сообщить. Вы найдете во мнѣ такого-же преданнаго вамъ человѣка, какого вы имѣете въ моемъ мужѣ. Надѣюсь, что, во всякомъ случаѣ, вы позволите мнѣ посѣтить васъ, чтобы лично познакомиться съ вами. Анжелика Николаева».

— Бѣдный Николаевъ!—Восклицаніе это невольно вырвалось у меня по прочтеніи кокетливаго письма его «невѣрной» жены. Оно вызвало во мнѣ чувство глубокой жалости къ моему безхарактерному пріятелю, котораго ни двукратная измѣна любимой

---

[1]) Одинъ изъ модныхъ столичныхъ ресторановъ содержится татарами и извѣстенъ подъ названіемъ «татарскаго».

Digitized by Google

женщины, ни доказанная продажность ея не могли заставить отрѣшиться отъ добраго чувства къ ней и отъ мысли, что онъ еще можетъ имѣть въ ней вѣрную подругу жизни. Несомнѣнно, какая-нибудь новая бѣда принудила ее опять искать у него пріюта, чтобы затѣмъ, при первомъ удобномъ случаѣ, въ третій разъ бросить его.

— Что это?—спросилъ я Савельева, который, выйдя между тѣмъ, въ корридоръ, вернулся оттуда съ какой-то корзинкой, которую и поставилъ на столъ.

— Отъ Амаліи Карловны... приказала вамъ кланяться,— отвѣтилъ онъ.

— Кто-же васъ просилъ заходить къ ней?

— Я отъ себя... онѣ сами приказали зайти,—поправился смущенный стражъ, замѣтивъ мое неудовольствіе.

— Такъ и письмо это отъ нея?—проговорилъ я, вскрывая другое письмо.

«Чудеснѣйшая женщина», на необыкновенно раздушенномъ, маленькаго формата, изящномъ листкѣ розовой бумажки, писала мнѣ по нѣмецки: «Не нужно-ли тебѣ чего-нибудь, милый, дорогой мой? Здоровъ-ли ты? Послѣ блаженнѣйшихъ часовъ, проведенныхъ мною у тебя, послѣ столькихъ безподобныхъ ощущеній, я, естественно, чувствую себя нѣсколько нездоровой: голова очень болитъ; но это пройдетъ. Не знаю, утерплю-ли я, чтобы не заглянуть къ тебѣ сегодня. Но завтра, завтра вечеромъ... я опять буду около тебя... Егоровъ обѣщалъ устроить свиданіе *у меня*. Благословляю полицейскій домъ, нѣтъ,—не полицейскій домъ, а знакомство съ противнымъ Глюмомъ; потому что не будь я съ нимъ знакома, я не встрѣтила-бы тебя. Вѣрь мнѣ, мой дорогой, что ты первый мужчина, котораго я дѣйствительно горячо полюбила. Мои прежнія увлеченія были не болѣе, какъ печальныя ошибки. Ты не похожъ ни на одну изъ этихъ изношенныхъ натуръ. Заботу о твоихъ матеріальныхъ потребностяхъ предоставь мнѣ. Съ сегодняшняго дня, я положительно требую, чтобы ты все, что только понадобится тебѣ, бралъ не иначе, какъ отъ меня. Не нужно-ли тебѣ денегъ?... Напиши мнѣ сегодня съ Савельевымъ хоть нѣсколько строкъ. До свиданія, мой милый! Цѣлую тебя. Твоя Амалія».

Обозрѣвъ содержимое въ корзинкѣ, я нашелъ роскошный обѣдъ изъ шести блюдъ и двѣ бутылки портвейна,—то и другое

Digitized by Google

заслужило полное одобреніе моихъ гостей,—я, тутъ-же, исполнилъ просьбу «моей» Амаліи и написалъ ей карандашемъ нѣсколько строкъ, ничего, впрочемъ, кромѣ изысканно-вѣжливыхъ выраженій благодарности, въ себѣ не заключавшихъ.

— Я васъ не просилъ заходить къ Амаліи Карловнѣ; но разъ вы зашли, несите-жь послѣдствія своей непрошенной услуги: Амалія Карловна ждетъ отвѣта на свое письмо; потрудитесь доставить ей эту записку,—произнесъ я, вручая Савельеву сложенную трехугольникомъ четвертушку бумажки, на которой я написалъ желанныя строки.

— Слушаю-съ! сейчасъ доставлю! — И Савельевъ, замѣтно обрадованный, надо полагать, *пріятнымъ* для него порученіемъ, не обращая вниманія на зовъ Радецкаго и его неоднократное: «Постой-же!.. кстати», бросился «доставлять».

— Вѣдь этакая каналья!—качая головой, проговорилъ Радецкій.—Навѣрное, ваша Амалія Карловна ужь черезъ чуръ щедро вознаграждаетъ его услуги... И слушать не хочетъ! А давно-ли я ему далъ.

— Ха-ха-ха!—засмѣялся С. во всю свою здоровую глотку.—Это, батюшка, народъ такой: ему сколько ни давай сегодня, а завтра изволь вновь повторять. Удивляюсь только, какъ это вы, зная Егорова, вздумали удивляться Савельеву... Подлецъ на подлецѣ!—энергически закончилъ онъ свою тираду.

— Да, это правда,—какъ-бы подумавъ, согласился Радецкій.

— Однако, что-жь это!—спохватился С.—Пожалуйста, князь, не церемоньтесь съ нами: свои, вѣдь, люди... располагайтесь обѣдать. Кстати, я нисколько не прочь отвѣдать вашъ портвейнъ... Вы, конечно, позволите?—шутливо добавилъ онъ.

— Пожалуйста, господа,—наведенный на догадку, поспѣшилъ я предложить моимъ гостямъ портвейнъ.—Только какъ-же это?... рюмокъ-то, вѣдь, и нѣтъ.

— О, объ этомъ не безпокойтесь: все будетъ. Вы только знайте свое дѣло: садитесь обѣдать,—наставительно произнесъ С., отправляясь, должно быть, въ свою камеру за рюмками.

— Можно узнать, кто эта Амалія Карловна?... разумѣется, если это не составляетъ секрета... Я потому спрашиваю, что зналъ одну особу, которую также звали Амаліей Карловной,—лѣниво спросилъ меня Радецкій, повидимому, погруженный, въ

Digitized by Google

то-же время, въ разсматриваніе этикетовъ на елисеевскихъ бутылкахъ съ портвейномъ.

— Сегодня позволю себѣ не отвѣчать на вашъ вопросъ. Если разрѣшеніе его васъ очень интересуетъ, я передамъ объ этомъ Амаліи Карловнѣ. Полагаю, что она ничего не будетъ имѣть противъ того, чтобы вы знали, кто она, и тогда я вамъ не только дамъ удовлетворительный отвѣтъ, но, если угодно, при первомъ ея посѣщеніи, я васъ даже представлю ей,—отвѣтилъ я серьезно.

— Извиняюсь,—проговорилъ Радецкій, слегка приподнявшись съ мѣста.—Вопросъ мой оказывается очень нескромнымъ. Но.... я право не зналъ, что вы такъ рыцарски относитесь къ женщинамъ. Мы смотримъ на это гораздо легче, современнѣе, знаете.

— То-есть, какъ это *легче?*—полюбопытствовалъ я.

Испытующе посмотрѣвъ на меня съ минуту, какъ-бы желая убѣдиться, серьезно-ли я его спрашиваю, Радецкій, положивъ ногу на ногу и выпустивъ густую струю сигарнаго дыма, не измѣняя своей привычкѣ цѣдить сквозь зубы каждое слово, не безъ апломба произнесъ:

— Время идеаловъ вообще и въ отношеніи женщинъ въ частности безвозвратно кануло въ вѣчность. Практическій девятнадцатый вѣкъ, неоспоримо, имѣетъ ту заслугу, что онъ внесъ трезвое отношеніе къ жизни. И вотъ, мы, люди опыта и практики, дѣти этого вѣка, давно уже перестали смотрѣть на женщину, какъ на перлъ созданія. Прежде всѣхъ, сама женщина относится къ себѣ далеко не строго; а изъ этого, естественно, вытекаетъ и наше легкое отношеніе къ ней. Много-ли вы знали такихъ женщинъ, которыя оказывались способными быть дѣйствительными подругами жизни, понимая это слово не въ смыслѣ одного только удовлетворенія извѣстныхъ животныхъ потребностей? Женщинъ-помощницъ, женщинъ-товарищей вы врядъ-ли знали. Природа одарила ихъ красотой, единственной силой, которою онѣ, въ силу законовъ той-же природы, эксплуатировали, эксплуатируютъ и никогда не перестанутъ насъ эксплуатировать. Деньги,—вотъ вѣрное средство пріобрѣсти ихъ любовь, вѣрность. Женщина васъ любитъ до тѣхъ поръ, пока ей это выгодно, пока не является другой, болѣе щедрый, покупатель... Знаю я ихъ, князь: я тоже не прозябалъ, а жилъ, и успѣлъ хорошо раскусить тотъ священный плодъ, къ которому вы, повидимому, очень благоговѣйно относитесь...

Digitized by Google

— Да никакъ вы тутъ лекціи читаете? Это для меня новость: представьте, я до сихъ поръ вовсе и не подозрѣвалъ въ васъ профессорскихъ способностей! — перебилъ Радецкаго появившійся съ рюмками и штопоромъ С.—Mon Dieu, будете-ли вы обѣдать?... Все остыло, посмотрите... Э, да вы, просто на просто, церемонитесь!— И С., какъ-бы вызывая меня на подражаніе, принялся отвѣдывать присланный мнѣ обѣдъ, поручивъ, въ то-же время, Радецкому заняться откупориваніемъ бутылокъ.

Нечего и говорить, что, въ дѣйствительности, я и не думалъ церемониться съ моими, далеко не церемонными, товарищами по заключенію. Дѣло заключалось въ томъ, что извѣстіе объ отъѣздѣ Николаева изъ Петербурга, очевидно, разстраивавшее лелѣянный планъ бѣгства, меня таки порядкомъ озадачило и отбило всякій аппетитъ. — С. и Радецкій, уже не будучи для меня личностями *новыми*, не особенно меня интересовали; а бесѣда съ ними тѣмъ менѣе представлялась желательною. Слушая ихъ и по неволѣ отвѣчая, я не переставалъ мысленно повторять вопросъ: «что дѣлать?» Рядомъ съ этими словами, въ головѣ вертѣлось еще нѣсколько отрывочныхъ фразъ: «Гуаидзе нѣтъ... Николаевъ уѣхалъ... меня могутъ перевести... гдѣ взять платье?...» Мнѣ было необходимо остаться одному, чтобы сосредоточиться на новомъ оборотѣ моихъ дѣлъ. Невозможность немедленно избавиться отъ моихъ непрошенныхъ гостей, отсутствіе для этого болѣе или менѣе приличнаго предлога, меня не на шутку злили. Я дѣлалъ надъ собою неимовѣрныя усилія, чтобы не поссориться съ ними. А когда С., поднявъ рюмку, дружелюбно произнесъ: «Ну, чокнемтесь, Дмитрій Александровичъ!» я едва удержался, чтобы не швырнуть этой рюмки на полъ. Я автоматически чокался и пилъ предложенное мнѣ вино, сѣлъ за давно ожидавшій меня обѣдъ и машинально уничтожалъ его, съ нетерпѣніемъ ожидая прихода Савельева. Скорое появленіе послѣдняго, съ передачею поклона отъ Амаліи Карловны и приглашеніемъ явиться въ контору къ Егорову, заставило, конечно, меня несказанно обрадоваться и, къ немалому удивленію моей компаніи, стремглавъ броситься къ двери, не извинившись даже предварительно.

— Пожалуйте, Дмитрій Александровичъ! — встрѣтилъ меня Егоровъ, — вотъ, господинъ Z. имѣетъ къ вамъ нѣкоторое порученіе, — представилъ онъ мнѣ того самаго чиновника сыскной

Digitized by Google

полиціи, которому я уже однажды отказался дать нужныя ему свѣдѣнія. Чиновникъ Z., грозившій мнѣ тогда местію и обошедшійся со мною далеко не вѣжливо, на этотъ разъ протянувъ мнѣ руку, заискивающимъ тономъ произнесъ:

— Я опять къ вамъ; въ прошлый разъ вы, кажется, на меня разсердились, но что дѣлать, господинъ Карасевъ? Ужъ наша служба такая, что, кромѣ непріятностей, мы, обыкновенно, своимъ присутствіемъ больше ничего не вносимъ. Вотъ и теперь, не знаю, пріятенъ-ли вамъ мой визитъ и согласитесь-ли вы избавить меня, въ свою очередь, отъ непріятностей, неизбѣжныхъ въ случаѣ, если мое настоящее посѣщеніе будетъ имѣть такіе-же результаты, какъ прошлое... Но меня посылаютъ, приказываютъ... Вѣдь, у насъ знать ничего не хотятъ: узнайте то-то и то-то; насколько возможно, насколько удобно это узнаваніе, объ этомъ не заботятся. Присядемте, — предложилъ онъ мнѣ, повидимому, не находя болѣе словъ для окончанія своей вступительной рѣчи.

— Не угодно-ли? — любезно поднесъ онъ мнѣ тутъ-же свой раскрытый портъ-сигаръ.—Вѣжливо отклонивъ его, я попросилъ любезнаго чиновника предъявить мнѣ предписаніе, дающее ему право меня допрашивать. — Гм, видите-ли... — замялся онъ. — Насъ, въ такихъ случаяхъ, письменными предписаніями не снабжаютъ. Если вы не вѣрите г-ну смотрителю, что я, дѣйствительно, чиновникъ сыскной полиціи, то вотъ вамъ удостовѣреніе моей личности,—проговорилъ онъ, вынувъ изъ боковаго кармана какую-то бумагу.

— Я нисколько не сомнѣваюсь, что вы дѣйствительно господинъ Z., въ противномъ случаѣ, вы, конечно, и допущены сюда не были-бы; но извините меня, я, къ сожалѣнію, вынужденъ и на этотъ разъ уклониться отъ дачи вамъ какихъ-либо показаній.

— Вовсе не показаній, господинъ Карасевъ, — улыбаясь возразилъ Z., — это дѣло слѣдователя. Вы меня крайне обяжете, отвѣтивъ мнѣ всего на два, на три вопроса... Пожалуйста, не ставьте меня въ неловкое положеніе! — умоляюще добавилъ онъ, раскрывъ передъ собою свою записную книжку.

— Просьба ваша кажется мнѣ въ высшей степени странною. Роли наши таковы, что, казалось-бы, рѣчи о какихъ-либо одолженіяхъ не должно-бы быть. Вы являетесь, какъ чиновникъ

Digitized by Google

сыскной полиціи, допрашивать меня, какъ обвиняемаго въ извѣстныхъ преступленіяхъ, и я имѣю несомнѣнное право требовать отъ васъ доказательствъ вашего права на это. Разъ вы не представляете мнѣ этихъ доказательствъ, — я не убѣжденъ въ законности подобнаго допроса, и само собой разумѣется, не буду отвѣчать вамъ, — произнесъ я не безъ нѣкоторой рѣзкости...

— Да, въ такомъ случаѣ, мнѣ ничего болѣе не остается дѣлать, какъ оставить васъ... А, вѣдь, я могъ-бы быть вамъ полезенъ, — щуря свои маленькіе хитрые глазки, въ полголоса произнесъ онъ, пряча въ карманъ записную книжку.

Тутъ въ контору вбѣжалъ Савельевъ.

— Ваше высокородіе, товарищъ прокурора идутъ, — поспѣшилъ онъ объявить.—Егоровъ бросился встрѣчать.

— Позвольте, — остановилъ я Z., намѣревавшагося оставить контору: — сейчасъ войдетъ товарищъ прокурора, и если онъ признаетъ, что я *обязанъ* давать вамъ показанія, то я къ вашимъ услугамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... къ чему?.. пробормоталъ было онъ; но товарищъ прокурора уже вошелъ въ контору, и я не замедлилъ представить ему чиновника сыскной полиціи Z., съ просьбой дать нужное разъясненіе.

— Безспорно, — отвѣтилъ товарищъ прокурора, — вы имѣете право требовать предъявленія вамъ бумаги, въ силу которой васъ допрашиваютъ.

— Но *у насъ* это не принято,—возразилъ Z.

— Вы подавали прокурору прошеніе, — обратился ко мнѣ товарищъ прокурора, не удостоивъ Z. дальнѣйшимъ разговоромъ. — Мы наводили справки, и полиція отвѣтила намъ, что вы на дняхъ будете отправлены въ Чугуевскій посадъ, по требованію тамошняго полицеймейстера. Имѣете вы что-нибудь заявить?

— Врядъ-ли законна отправка меня туда? Я здѣсь арестованъ, здѣсь обнаружено преступленіе, въ которомъ я обвиняюсь, и ясное дѣло, что предварительное слѣдствіе должно производиться здѣсь-же. Наконецъ, законъ обязываетъ допросить обвиняемаго не позже, какъ въ теченіи сутокъ послѣ его ареста, а я столько времени содержусь подъ стражей, ни кѣмъ ни разу не спрошенъ и, въ концѣ концовъ, меня отсылаютъ за тысячу верстъ, въ

Digitized by Google

другой судебный округъ, не объявляя даже, по какому дѣлу. Я васъ покорнѣйше прошу, господинъ прокуроръ, обратить вниманіе на мое заявленіе. Полицеймейстеръ посада можетъ сюда сообщить, что ему отъ меня нужно,—отвѣтилъ я, сильно взволнованный извѣстіемъ о предстоящемъ мнѣ этапномъ путешествіи. Товарищъ прокурора черкнулъ что-то въ своей записной книжкѣ и, сказавъ мнѣ: — «до свиданія», потребовалъ отъ Егорова свѣдѣнія о прибывшихъ и убывшихъ въ теченіи недѣли арестантахъ.

— Вѣстовой!—крикнулъ Егоровъ, предъявляя товарищу прокурора арестантскіе документы.

— Что прикажете, ваше высокоблагородіе?—отозвался явившійся на зовъ вѣстовой.

— Отведи на мѣсто! — указавъ на меня, приказалъ ему Егоровъ.

— Собирается ходить по этажамъ? — счелъ своею обязанностью освѣдомиться у моего конвойнаго дежурный полицейскій служитель у входа на секретную половину.

— А чортъ его знаетъ! Бумаги тамъ какія-то разсматриваетъ,—почему-то съ досадой отвѣтилъ ему тотъ.

— Пожалуйте, баринъ, *теперь* васъ запереть нужно... пока пройдетъ,—принялъ меня дежурный отъ вѣстоваго.

— Почему-же меня *теперь* нужно запереть, если до этой минуты камера моя не запиралась?—спросилъ я его, слѣдуя въ свою камеру.

— Такъ ужь отъ смотрителя приказано... У насъ завсегда такъ... Другого барина и не велятъ запирать, ну, а какъ начальство пріѣзжаетъ, сейчасъ подается со двора *повѣстка* и—на замокъ. Вотъ, я тоже и ихъ заперъ, — добавилъ онъ мнѣ, въ видѣ утѣшенія, указывая на двери камеръ, занимаемыхъ С. и Радецкимъ. Обѣ эти камеры были заперты огромными висячими замками, обыкновенно болтавшимися, безъ всякаго употребленія, на привѣпленныхъ къ дверямъ желѣзныхъ засовахъ. Такимъ образомъ, внезапный пріѣздъ товарища прокурора, о которомъ, конечно, немедленно дано было знать по всему зданію полицейскаго дома, для зависящихъ отъ дежурныхъ распоряженій, избавилъ меня, наконецъ, отъ моихъ непрошенныхъ, черезъ-чуръ надоѣдливыхъ гостей, не преминувшихъ, впрочемъ, захватить съ

Digitized by Google

собою портвейнъ и рюмки. Будучи также запертъ на замокъ, я получилъ возможность всецѣло предаться своимъ мыслямъ, неожиданно получившимъ новый толчокъ, новое направленіе: бѣгство, безъ помощи Николаева, единственнаго лица, на которое я еще могъ-бы разсчитывать въ этомъ случаѣ, не могло состояться; а то, что мнѣ объявилъ товарищъ прокурора, не только лишало меня надежды дождаться возвращенія Николаева изъ своей поѣздки, но и предвѣщало мнѣ цѣлый рядъ новыхъ мытарствъ и продолжительныхъ страданій.

«Дѣло», по которому я вызывался въ Чугуевскій посадъ, собственно говоря, не составляло для меня секрета. Названный посадъ мнѣ довелось посѣтить незадолго до ареста, проѣздомъ изъ М. Посадскія святыни, богатая лавра, скиты и т. под. мѣстныя достопримѣчательности побудили меня остановиться въ посадѣ для обозрѣнія ихъ. Посѣтивъ между прочимъ мѣстный соборъ, который по случаю храмоваго праздника былъ биткомъ набитъ богомольцами, я имѣлъ несчастье быть въ немъ обкраденнымъ. Чья-то рука очень ловко извлекла изъ моего сюртучнаго кармана—портмонэ, лишивъ меня тѣмъ всего моего наличнаго капитала. Пришлось обратиться къ мѣстному полицеймейстеру, какъ съ заявленіемъ о кражѣ, такъ и съ просьбой указать мнѣ лицо, которому я могъ-бы, на короткій срокъ, заложить брилліантовый перстень или что-нибудь другое. Довѣрчивый полицеймейстеръ, въ рукахъ котораго находился мой паспортъ, присланный къ нему изъ гостинницы для прописки, самъ предложилъ къ моимъ услугамъ свой кошелекъ, и я вынужденъ былъ взять у него, заимообразно, нѣсколько десятковъ рублей, которые, впрочемъ, не замедлилъ выслать ему изъ Петербурга.

Вотъ этотъ-то случай, когда появилось извѣстіе о моемъ арестѣ, далъ полицеймейстеру посада поводъ требовать высылки меня въ посадъ. Невыдуманная кража у меня портмонэ признавалась такою-же, съ моей стороны, хитро-сплетенною выдумкой, какъ и вѣнская кража. Такова участь лжеца: ему не вѣрятъ и тогда, когда онъ говоритъ правду.

Настойчивое требованіе полицеймейстера говорило мнѣ, впрочемъ, что причина этого требованія кроется не сколько въ желаніи произвести слѣдствіе по приведенному «дѣлу», сколько въ желаніи видѣть мое разоблаченное «сіятельство», такъ гордо

Digitized by Google

державшееся передъ нимъ, — въ своихъ рукахъ, видѣть мое униженіе, словомъ,—въ желаніи отплатить достойнымъ образомъ за свое заблужденіе, за оказанный имъ мнѣ предупредительно-почтительный пріемъ. Я не могъ не предвидѣть, какова будетъ эта «оплата». Уже одно *мысленное* представленіе ожидающихъ меня разнообразныхъ глумленій и оскорбленій вызывало, во всемъ моемъ существѣ, продолжительную нервную дрожь... Неужели нѣтъ средствъ избѣжать всего этого? И неужели я долженъ распроститься съ мыслью о бѣгствѣ, съ чѣмъ были неразлучны всѣ мои надежды на счастье?... Одно только препятствіе: отсутствіе Николаева. Очевидно, весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы отправка моя не могла состояться прежде, чѣмъ я увижусь съ нимъ. Но гдѣ-же предлогъ Егорову для такой задержки, на случай, если-бы бумага объ отправленіи меня не замедлила придти?... Мое словесное заявленіе товарищу прокурора врядъ-ли будетъ имѣть послѣдствія; а между тѣмъ, здравый смыслъ говоритъ мнѣ, что отправленіе меня, за тысячу верстъ, въ другой судебный округъ, — для того только, чтобы отобрать отъ меня показаніе по ничтожному дѣлу и потомъ отослать обратно, — не можетъ быть законно. Я позвалъ дежурнаго и попросилъ его дать знать въ контору, что я прошу на нѣсколько минутъ судебные уставы.

— У насъ, въ конторѣ, уставовъ нѣтъ; ходилъ къ смотрителю, —у нихъ тоже нѣтъ. Развѣ въ участокъ сходить попросить?—доложилъ мнѣ не замедлившій появиться Савельевъ.

— Пожалуйста; да принесите мнѣ, кстати, бумаги, чернилъ и перо.

— Слушаю-съ!—отвѣтилъ стражъ.—Похлопочу.

«Хлопоты» его увѣнчались успѣхомъ: онъ вскорѣ вернулся съ уставами въ одной рукѣ и письменными принадлежностями — въ другой.

Результатомъ просмотра мною устава уголовнаго судопроизводства явилось тутъ-же составленное мною заявленіе на имя прокурора суда, въ которомъ, ссылаясь на статьи 210, 211, 212, 214 и 215. уст. угол. суд., на основаніи которыхъ, какъ предварительное слѣдствіе, такъ и судъ надо мной могутъ имѣть мѣсто только въ П., гдѣ происходило *послѣднее* и, притомъ, главное преступное дѣйствіе, въ которомъ я, несомнѣнно, обвиняюсь (проживаніе по подложному, или чужому, документу подъ именемъ

Digitized by Google

князя Каракадзе), и гдѣ, наконецъ, послѣдовало задержаніе меня,— я просилъ прокурора дать дѣлу законное направленіе, избавить меня отъ безполезнаго для дѣла, убыточнаго для казны и нежелательнаго для меня путешествія въ посадъ и обратно, и сдѣлать распоряженіе о допросѣ меня.

Я ужь намѣревался было сойти въ контору, какъ въ дверяхъ моего нумера показался Егоровъ. Лицо его было озабочено.

— Жалко мнѣ васъ, Дмитрій Александровичъ... Вы еще не знаете, что за штука наши этапы. Не будете рады и жизни,— съ видомъ искренняго участія произнесъ Егоровъ, [illegible]становившись противъ меня съ сложенными на груди руками.

— Да развѣ это ужь рѣшено? Вѣдь, бумаги нѣтъ еще?—проговорилъ я.

— Въ томъ-то и дѣло, батюшка, что есть! Дождались распоряженія. Сейчасъ только получилъ.—И онъ досталъ изъ-за борта сюртука вскрытый конвертъ.

— Не угодно-ли?—глухо проговорилъ онъ, подавая мнѣ заключавшіяся въ конвертѣ бумаги.

Невольный глубокій вздохъ вырвался изъ моей груди, когда я ознакомился съ ихъ содержаніемъ. Одною изъ этихъ бумагъ, мѣстною управою благочинія предписывалось смотрителю полицейскаго дома, *немедленно* по полученіи бумаги, отправить меня въ пересыльную тюрьму, для слѣдованія этапнымъ порядкомъ въ Чугуевскій посадъ къ тамошнему полицеймейстеру. Другая бумага — подорожная, между прочимъ, гласила: «Именующій себя княземъ Дмитріемъ Каракадзе слѣдуетъ *за строжайшимъ* карауломъ».

— Но это незаконно! Я вотъ написалъ прокурору,—выкрикнулъ я, подавая, въ свою очередь, Егорову написанное мною заявленіе.

— Да, но пока послѣдуетъ какое-либо распоряженіе по вашему заявленію, вы уже будете въ посадѣ,—мрачно произнесъ онъ, по внимательномъ прочтеніи моего заявленія.

— Что-же дѣлать? Неужели нѣтъ никакой возможности задержать меня на нѣсколько дней?—спросилъ я его.

Егоровъ на минуту задумался.

— Сядемте-ка, Дмитрій Александровичъ; можетъ быть, и придумаемъ что-нибудь,—медленно произнесъ онъ, наконецъ, повидимому, не переставая, въ то-же время, что-то обдумывать.

Digitized by Google

Я, не безъ надежды, опустился на стулъ. Мое отвращеніе къ Егорову какъ-бы исчезло, и я,—если можно такъ выразиться,—наслаждался его присутствіемъ, его молчаливою задумчивостью.—«Онъ придумаетъ что-нибудь, непремѣнно придумаетъ... Я не буду отправленъ»,—говорилъ я себѣ, не спуская глазъ съ оживленнаго дѣятельностью мысли лица Егорова. Вотъ что-то вызвало улыбку на этомъ лицѣ, и онъ, въ свою очередь, пристально взглянувъ на меня, произнесъ:

— Средство есть; не будьте только слишкомъ щепетильны. Вся исто[illegible] въ томъ, чтобы на какой-нибудь часъ сдѣлаться... какъ-бы [illegible]о вамъ сказать... настоящимъ арестантомъ.

— Я васъ не понимаю; говорите яснѣе, что нужно сдѣлать?—нетерпѣливо перебилъ я его.

— А вотъ видите-ли, что нужно сдѣлать: я, напримѣръ, дамъ сейчасъ депешу начальнику сыскной полиціи, что вотъ, молъ, содержащійся во ввѣренномъ мнѣ полицейскомъ домѣ такой-то, заявилъ мнѣ, что онъ имѣетъ экстренную надобность видѣть его по весьма важному дѣлу. Завтра, утромъ, васъ вызываютъ въ сыскное или секретное отдѣленіе... а тамъ уже отъ васъ зависитъ въ теченіи извѣстнаго времени задержать себя здѣсь.

— Я, опять-таки, не понимаю, какимъ образомъ это можетъ отъ меня зависѣть? И что я, наконецъ, скажу начальнику сыскной полиціи?... Говорите, пожалуйста, все, что вы придумали!... Я вовсе не такъ догадливъ и опытенъ въ подобныхъ дѣлахъ,—умоляюще добавилъ я.

— Мало-ли что можно сказать!—нерѣшительно отвѣтилъ онъ мнѣ, продолжая искуственно улыбаться.—Съумѣйте сдѣлаться на нѣкоторое время необходимымъ, вотъ и вся исторія: мнѣ предпишутъ не отправлять васъ впредь до особаго распоряженія.

— Господи! да скажете-ли вы, наконецъ, въ чемъ дѣло?—воскликнулъ я, совершенно теряя терпѣніе.

— Жили вы въ Лондонѣ или въ Брюсселѣ? Ну, вы, положимъ, заявите, что знаете цѣлую компанію русскихъ, занимающихся тамъ поддѣлкой кредитныхъ билетовъ, имѣющихъ тамъ для этого свою мастерскую... Назовете вымышленныя имена, адресы, и добавите, что нѣсколько сбытчиковъ, агентовъ этой компаніи, имѣютъ жительство въ главныхъ городахъ Россіи, между прочимъ, и здѣсь. Затѣмъ, высказавъ свое желаніе содѣйствовать раскры-

Digitized by Google

тію преступленія, вы, на вопросы объ обстоятельствахъ знакомства съ той компаніей и о прочемъ, отвѣтите желаніемъ составить и прислать имъ подробную записку. Даже вотъ что: назовите себя участникомъ фабрикаціи денегъ... Вы какъ будто удивлены моимъ совѣтомъ? Но позвольте... ваше заявленіе будетъ, конечно, принято, хотя-бы съ цѣлью его повѣрки; а до тѣхъ поръ мнѣ предпишутъ пріостановиться отсылкой васъ въ посадъ.

— А дальше что?—спросилъ я, дѣйствительно какъ-бы ошеломленный предложеніемъ Егорова.

— Дальше—ничего; вы имъ напишете нужную записку. Потомъ, когда получится отъ прокурора отвѣтъ, вотъ [redacted] это заявленіе,—отвѣтъ будетъ несомнѣнно благопріятный,—вы объявите тому-же сыскному отдѣленію, что все было съ вашей стороны выдумкой, что вы хотѣли выиграть какъ-нибудь время, пока прокуроръ признаетъ справедливость вашихъ доводовъ, и найдетъ отсылку васъ въ посадъ лишнею.—Вотъ-съ вамъ средство!—И Егоровъ самодовольно принялся утюжить изъ-подъ галстука свою рѣденькую бородку.

— Предлагаемое вами средство, прежде всего, кажется мнѣ весьма сомнительнымъ; да, притомъ-же, я не считаю себя способнымъ хорошо разыграть нужную роль,—по крайней мѣрѣ, въ настоящее время,—добавилъ я, замѣтивъ на лицѣ моего собесѣдника выраженіе сомнѣнія. Наконецъ, если-бы все и случилось такъ, какъ вы воображаете, то, все-жъ-таки, средство ваше отдалило-бы кризисъ, очень вѣроятно, всего лишь на два, на три дня. Получивъ мою записку, сыскное отдѣленіе, до извѣстнаго времени, т. е. до наведенія необходимыхъ справокъ, въ моемъ личномъ присутствіи вовсе не будетъ нуждаться, и врядъ-ли оно сочтетъ себя въ правѣ задерживать меня. А въ два-три дня я врядъ-ли успѣю получить отвѣтъ отъ прокурора на мое заявленіе.

— Намъ и необходимы-то главнымъ образомъ завтра и послѣ завтра; а тамъ вы на цѣлыя двѣ недѣли застрахованы: этапъ, по тому тракту, по которому вы должны слѣдовать, идетъ разъ въ двѣ недѣли, и, вотъ, именно, послѣ завтра онъ и отправляется отсюда. Не попадите вы къ нему, и вы цѣлыхъ двѣ недѣли пробудете здѣсь. Впрочемъ... я, все-таки, обязанъ буду отправить васъ въ пересыльную тюрьму.—Но вы сдѣлайте такъ, какъ я вамъ совѣтую; ручаюсь вамъ, что вы не два дня будете задержаны,—увѣренно закончилъ Егоровъ свое возраженіе.

Digitized by Google

— Нѣтъ, я не могу этого сдѣлать... неспособенъ... промолвилъ я, отвѣчая, въ то-же время, на собственную мысль.

Надежда исчезла, а вмѣстѣ съ нею исчезло и то, что не надолго заставляло меня забыть о нравственномъ уродствѣ «золотаго человѣка».

— Придумайте сами что-нибудь... Не забудьте, Дмитрій Александровичъ, что я обязанъ, завтра-же, отправить васъ въ пересыльную тюрьму,—напомнилъ мнѣ Егоровъ.

— Ну, ужъ, будто-бы, и завтра! Я разсчитываю, что день-другой вы, во всякомъ случаѣ, продержите меня. Такъ вотъ сейчасъ и нагрянутъ къ вамъ справляться, отправленъ-ли я?

— Непремѣнно-съ!—горячо отозвался Егоровъ.—Да будь это не съ вами, я-бы нисколько не задумался не только два дня, но и двѣ недѣли не отсылать васъ. Въ томъ-то и дѣло, что о васъ очень заботятся. Однако, нужно на что-нибудь рѣшиться... Не послать-ли за Амаліей Карловной?—вдругъ спросилъ онъ.

— Ну, она-то, мнѣ кажется, менѣе, чѣмъ кто-либо, можетъ мнѣ помочь въ этомъ случаѣ,—не безъ досады отвѣтилъ я.

Егоровъ выразительно пожалъ плечами.

— Знаете что,—рѣшительно прервалъ я нѣсколько минутъ длившееся молчаніе.—Мнѣ не вѣриться, чтобы вы не могли мнѣ помочь. Я васъ слишкомъ хорошо знаю. И если вы ко мнѣ, дѣйствительно, сколько-нибудь расположены, вы, тѣмъ или другимъ образомъ, устроите такъ, что я избавлюсь отъ предстоящаго этапа хоть на двѣ недѣли. Вамъ нѣтъ надобности стѣсняться со мной: скажите, сколько это будетъ стоить—и дѣлу конецъ.

— Не въ этомъ дѣло, Дмитрій Александровичъ,—произнесъ онъ, какъ-бы конфузясь, усиленно моргая своими узенькими глазами, и, подумавъ немного, прибавилъ:—Отъ этапнаго дня-то можно, пожалуй, васъ избавить: но потомъ?

— Потомъ? потомъ—видно будетъ!—радостно подхватилъ я.—Но что-же вы придумали?

— Внезапная болѣзнь... Завтра-же утромъ придется васъ отправить въ больницу... Предписаніе управы я помѣчу завтрашнимъ числомъ; оно какъ-бы получится уже послѣ отправки васъ въ больницу... Только докторъ... подпишетъ-ли свидѣтельство?—нерѣшительно, словно самъ съ собой, разсуждалъ Егоровъ.—А, право, лучше-бы было, если-бы вы согласились на мое первое

Digitized by Google

предложеніе и побывали-бы у начальника сыскной полиціи?— добавилъ онъ вдругъ полувопросительно.

Моему «другу», видимо, было очень тяжело разставаться со мной. Притворная болѣзнь, избавляя меня отъ перваго этапа, въ то-же время, ставила его въ необходимость отправить меня въ больницу. А ему-бы хотѣлось не разлучаться со мной... Я подавалъ ему такія надежды!... Богатый источникъ вѣрнаго дохода, только что открытый, такъ неожиданно закрывался. Неужели-же всѣ его «труды» пропадутъ даромъ? Сколько усердія, сколько хитрости потрачено на сближеніе меня съ Амаліей Карловной!... И что-же?...

А я-то, неблагодарный, сознаюсь, искренно обрадовался мысли о больницѣ, удивляясь, какъ она могла мнѣ самому не придти въ голову. Больница давала мнѣ возможность дождаться возвращенія Николаева, дождаться резолюціи прокурора, видѣть барона, Фока, избавляла меня отъ особенныхъ визитовъ «чудеснѣйшей женщины». Все это, конечно, достаточно вознаграждало меня за потерю «золотаго человѣка». — Если меня при этомъ и смущало что, такъ это воспоминаніе о грубомъ помощникѣ тюремнаго смотрителя и вообще о больничныхъ порядкахъ.

— Отлично! — воскликнулъ я, хватая Егорова за руку. — Отправляйте меня въ больницу!

— Нужно еще съ докторомъ поладить: это далеко не сговорчивый баринъ, — отвѣтилъ онъ съ грустью.

— Сколько-же ему нужно дать для того, чтобы онъ сдѣлался сговорчивымъ?—спросилъ я.—Вмѣсто отвѣта, Егоровъ, почему-то, счелъ нужнымъ нѣсколько разъ укоризненно кивнуть головой.

— Однако, что-же, развѣ онъ не беретъ?—спросилъ я опять.

— Беретъ-ли, не беретъ — дѣло должно быть сдѣлано, — произнесъ онъ, наконецъ, собираясь оставить меня.—Надо съѣздить къ Амаліи Карловнѣ, съ ней потолковать.

— Чего тутъ съ ней толковать! Она-то тутъ при чемъ? Я-бы хотѣлъ навѣрное знать теперь-же: иду я завтра въ пересыльную тюрьму, или нѣтъ?—настаивалъ я.

— Имѣйте немного терпѣнія. Впрочемъ, могу вамъ почти навѣрное сказать, что въ пересыльную тюрьму вы, во всякомъ случаѣ, не пойдете. До свиданія пока... Я еще, можетъ быть, къ вамъ зайду сегодня... А заявленіе я отправлю утромъ, теперь

Digitized by Google

ужь поздно.—И, не переставая казаться озабоченнымъ, Егоровъ оставилъ камеру.

Сосѣди мои, осушивъ бутылку-другую, уже успѣли выспаться, и, повидимому, только и ждали выхода Егорова. Трезвое состояніе послѣ сна дѣлало ихъ настолько догадливыми и вѣжливыми, чтобы понять возможную неумѣстность ихъ визита, во время моего tête-à-tête съ нимъ, и подождать его ухода. Но зато, едва шаги его перестали доноситься съ лѣстницы, какъ мои новые пріятели-лица которыхъ носили явные слѣды недавняго сна, уже пока, зались на порогѣ моей камеры.

— А мы тутъ, батюшка, славно, чортъ возьми, выспались!— доложилъ мнѣ С., зѣвая во весь ротъ и протягивая мнѣ руку.

— У насъ, говорятъ, товарищъ прокурора былъ? вы его не видѣли?—освѣдомился Радецкій.

— Какъ-же, видѣлъ, и могу вамъ сообщить нѣкоторую новость, впрочемъ, лично до меня относящуюся,—отвѣтилъ я.

— Новость даже? Это интересно! — и С., успѣвшій расположиться на моей кровати, поджалъ подъ себя ноги, готовясь со вниманіемъ выслушать «новость». Вниманіе Радецкаго было, какъ кажется, всецѣло занято процессомъ обрѣзыванія сигары, что дѣлалось крайне медленно и серьезно.

Я сообщилъ о предстоящей мнѣ на другой день поѣздкѣ въ пересыльную тюрьму и о тщетности моихъ стараній избавиться отъ этого.

— Пустяки-съ! — увѣренно махнулъ С. рукой. — Все дѣло, я вамъ скажу, въ Егоровѣ; а я-бы сильно хотѣлъ знать, чего не сдѣлаетъ этотъ баринъ за деньги?... Деньги, это—единственный богъ, которому онъ поклоняется... Вы, значитъ, еще очень плохо его знаете!

— Напротивъ, очень хорошо знаю; но въ томъ-то и дѣло, что единственно возможный для него предлогъ не отправлять меня въ пересыльную тюрьму, это — болѣзнь; болѣзнь, однако, должна быть засвидѣтельствована здѣшнимъ врачемъ; а онъ, какъ увѣряетъ Егоровъ, какой-то неподкупный баринъ...

— Кто неподкупный? — прервалъ меня вдругъ Радецкій, благополучно окончивъ обрѣзываніе сигары и закуривая ее. — Здѣшній докторъ? да это живодеръ! Вы меня спросите о немъ... — И, помѣстившись около С., Радецкій, съ несвойственною ему

Digitized by Google

живостью, разсказалъ мнѣ, во что обошлось ему свидѣтельство этого доктора о томъ, что безусловно-одиночное заключеніе, для него, Радецкаго, вредно, и что ему необходимъ хотя-бы непродолжительный моціонъ.—Я узналъ, такимъ образомъ, конечный результатъ интимной бесѣды Егорова съ врачемъ, которой я былъ случайнымъ свидѣтелемъ. Врачъ, надо полагать, принявъ къ свѣдѣнію увѣреніе Егорова, что «если мало, она прибавитъ, она за этимъ не постоитъ», довелъ необходимость такой прибавки до maximum'а. Явившаяся къ нему, въ первый разъ, по совѣту Егорова, съ 20 рублями, сестра Радецкаго, была не только выгнана почтеннымъ эскулапомъ, но и напугана угрозами составить протоколъ, сообщить слѣдователю, производящему слѣдствіе о Радецкомъ, что его, доктора, подкупаютъ и т. под. Въ тотъ-же день, слѣдуя совѣту того-же Егорова, она предложила врачу уже 50 рублей. Тѣ-же послѣдствія, тѣ-же угрозы, только въ болѣе вѣжливой и нерѣшительной формѣ, съ добавленіемъ фразы: «За 50 рублей, сударыня, докторъ не продаетъ себя. Я не квартальный какой-нибудь». Основываясь на этой послѣдней фразѣ, сестра Радецкаго послала ему 100 рублей, и свидѣтельство было получено.

— Это, однако, неутѣшительно,—промолвилъ я, выслушавъ разсказъ Радецкаго. — Если онъ захочетъ и съ меня столько-же взять, я, при всемъ своемъ желаніи удовлетворить его, буду, однако, вынужденъ отказаться отъ его услугъ... Придется шествовать въ пересыльную...

— А вы знаете, что сдѣлайте,—догадливо произнесъ С., вскакивая съ кровати:—позовите фельдшера, дайте ему въ зубы три рубля, и онъ васъ сдѣлаетъ и въ самомъ дѣлѣ больнымъ на нѣсколько дней... Ну, порошокъ какой-нибудь дастъ: внезапная рвота, лихорадочное состояніе... Сверно только, что васъ, все-таки, отправятъ въ больницу,—съ сожалѣніемъ добавилъ онъ.

— Прекрасная мысль, — отвѣтилъ я на оригинальное предложеніе С. — Но довѣряться здѣшнему фельдшеру не совсѣмъ безопасно: я имѣю о немъ нѣкоторое понятіе: пожалуй, такъ заболѣешь, что и не вылечатъ. Наконецъ, теперь ужь и поздно. Посмотримъ, что будетъ завтра утромъ.

Со стороны С. не замедлило послѣдовать предложеніе выпить; Радецкій поддержалъ предложеніе, находя, что, во-первыхъ, —

Digitized by Google

«тоска страшная», а во-вторыхъ,—«не мѣшаетъ, на всякій случай, проститься съ сосѣдомъ». Въ чемоданѣ С. нашлось еще *что* выпить; препятствій, слѣдовательно, не встрѣтилось. Разговоръ принялъ другое направленіе. Чтобы сколько-нибудь забыться и разсѣять свое тревожное настроеніе, я принудилъ себя принять участіе въ болтовнѣ моихъ гостей, стараясь найти въ ней какой-нибудь интересъ.—Характерные разсказы С. изъ исторіи своихъ отношеній къ женщинамъ, оригинальныя замѣчанія и повѣствованія флегматическаго по наружности Радецкаго вскорѣ привлекли къ себѣ мое вниманіе.

Было ужь очень поздно, когда сосѣди, пожелавъ мнѣ спокойной ночи, удалились въ свои камеры.—Привычка быстро уходить въ себя, анализировать свое положеніе, свои чувства, какъ только умъ мой освобождался отъ внѣшнихъ впечатлѣній, въ этотъ разъ была скоро побѣждена матеріей, и я заснулъ, что называется, «сномъ праведныхъ».

Сонъ этотъ былъ нарушенъ шумомъ шаговъ, скрипомъ двери и прикосновеніемъ руки къ моему тѣлу. Я раскрылъ глаза: они упали на стоявшаго у моей кровати Егорова.

— Ахъ, извините... развѣ такъ поздно?—пробормоталъ я.

— Конечно, поздно: скоро десять часовъ. Встаньте-ка скорѣй, соня вы этакій!... Амалія Карловна хочетъ къ вамъ войти, — отвѣтилъ онъ, дружески пожимая мнѣ руки.

— Гдѣ она? такъ рано!... Позвольте-же, я сію минуту...

— Нѣтъ, она не въ корридорѣ,—успокоилъ онъ меня:—она у меня въ квартирѣ... Однако, одѣвайтесь, одѣвайтесь!

— А куда вы мою душу сегодня направите? — поспѣшилъ я спросить у него, вспомнивъ свои «обстоятельства».

— Въ больницу, въ больницу, батюшка; все улажено... свидѣтельство ужь подписано... Ну, вы, кажется, готовы; я сейчасъ пришлю Амалію Карловну,—потирая руки, торопливо проговорилъ Егоровъ, проворно пятясь къ выходу изъ камеры.

— Позвольте, какъ-же все уладилось? Докторъ не видѣлъ-же меня вовсе?

— Ему и не къ чему васъ видѣть! Сказано: обдѣлаемъ, и обдѣлали... Такъ-то-съ, Дмитрій Александровичъ,—отвѣтилъ онъ мнѣ, захлопывая за собою дверь.

Digitized by Google

Спустя минутъ пять, — я еще не успѣлъ освѣжить свое лицо холодной водой, — въ камеру вбѣжала «чудеснѣйшая женщина».

— Здравствуй, мой милый! Не безпокойся, голубчикъ, *мы* все устроили!—радостно проговорила она, награждая меня своими продолжительными поцѣлуями.

— То есть, какъ это *вы* все устроили? — спросилъ я съ непритворнымъ удивленіемъ.

— Ну, да, конечно, Егоровъ все сдѣлалъ, я только денегъ дала... Ну, обними-же меня, поцѣлуй!... еще!... — страстно бормотала она, заключивъ меня въ свои объятія.

Напрасно я старался своею сдержанностью дать понять ей несвоевременность подобныхъ изліяній. Только приходъ Савельева могъ оторвать ее отъ меня.

— Что тебѣ нужно?—сердито спросила она его.

— Его высокоблагородіе приказали узнать: какъ вамъ будетъ угодно ѣхать въ больницу: въ каретѣ или просто на извозчикѣ?— отвѣтилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Конечно, въ каретѣ, въ моей каретѣ; я ея нарочно не отпустила. Ступайте, такъ и скажите! — поспѣшила проговорить Амалія Карловна.

Я воспользовался случайнымъ антрактомъ, чтобы, по возможности, продлить его.

— Что вамъ до этого! — гримасничая, отвѣтила она мнѣ на вопросъ о цифрѣ денегъ, данныхъ ею Егорову. — Я хочу, чтобы вы были мнѣ обязаны... Вы мой — слышите!

— Позвольте, Амалія Карловна, поговоримте нѣсколько минутъ о дѣлѣ, — серьезно произнесъ я, цѣлуя, съ притворною страстностью, ея руки. — Нужно-же обдумать: какъ и когда мы будемъ видѣться? Да скажите, въ самомъ дѣлѣ, сколько вы дали Егорову?

— Вотъ пристaлъ-то! Ну, изволь: онъ взялъ у меня сто рублей. Стоитъ-ли говорить о пустякахъ! А относительно свиданія, ты не безпокойся! золотой ключикъ всякую дверь отворитъ!— И «чудеснѣйшая женщина» объяснила мнѣ, что Егоровъ принялъ на себя заботу устроить такъ, чтобы и въ тюремной больницѣ она могла со мною свободно видѣться; что только это обѣщаніе ее и успокоило; тогда какъ, въ первыя минуты, извѣстіе о моемъ переводѣ ее такъ поразило, что она упала въ обморокъ.....

.....

Digitized by Google

Послышался троекратный стукъ въ дверь. Почти у самыхъ дверей, въ выжидательномъ положеніи, стоялъ Егоровъ.

— Пора, батюшка, ѣхать; скоро—часъ,—сказалъ онъ, лукаво улыбаясь.

— Сейчасъ; вотъ, съ Амаліей Карловной немножко дурно сдѣлалось... Она, впрочемъ, сейчасъ оправится,—проговорилъ я, уводя его въ глубь корридора.

— Ну, ладно,—ухмылялся Егоровъ.—Что, не правду я вамъ говорилъ: какова баба? Увѣренъ, что не разъ вспомните меня съ благодарностью...

— Да, я вамъ очень благодаренъ, — проговорилъ я.

— Ахъ да, — какъ будто вдругъ вспомнилъ онъ. — Я, вѣдь, далъ за васъ доктору; вы, мнѣ, конечно, теперь отдадите?

— Сколько-же вы ему дали?

— Пятьдесятъ. Были и еще нѣкоторые расходы...

— Вы получили отъ Амаліи Карловны 100 рублей? — спросилъ я.

— Сто рублей? Получилъ, получилъ.. У меня съ нею особенные счеты,—живо поправился Егоровъ.—Давайте-же скорѣй, князь; какъ разъ, сію минуту деньги нужны: подрядчикъ пришелъ,—остановившись, твердо произнесъ онъ, медленно протирая, въ то-же время, свои очки.

— Не много-ли вы дали доктору? — спросилъ я, очутившись лицомъ къ лицу съ серьезною опасностью, грозившею моему тощему карману.

— Что за много! Еще хорошо, что не заупрямился. Я... — Онъ не договорилъ. Въ корридорѣ показалась Амалія Карловна.

— Куда вы пропали? Дайте мнѣ стаканъ воды! — капризно произнесла она.

— Дежурный! — закричалъ Егоровъ. — Принести стаканъ холодной воды! — приказалъ онъ не замедлившему явиться дежурному.

Амалія Карловна казалась какъ-бы утомленною.

— Ну-съ, милый князь, надолго-ли мы съ вами разстаемся?— нѣжно обратилась она ко мнѣ.

— Если-бы это отъ меня зависѣло, я-бы лучше съ вами вовсе не разставался,—отвѣтилъ я.

— Давно-ли-вы стали такой любезный?

Digitized by Google

— Съ тѣхъ поръ, какъ васъ узналъ.

— Ай, ай, ай! второй часъ, господа... Пора! — заторопился вдругъ Егоровъ, взглянувъ на часы. — Я васъ, князь, самъ отвезу. Мнѣ, вѣдь, предстоитъ еще поработать тамъ для васъ...—выразительно кивнулъ онъ головой Амаліи Карловнѣ.—Такъ я пойду одѣваться.

— Ахъ, да, — воротился онъ, — что-же, князь? Долгъ-то? Давайте скорѣе! Въ самомъ дѣлѣ, подрядчикъ ждетъ...

— Но я не знаю, есть-ли у меня теперь при себѣ столько денегъ.... — пробормоталъ я, нерѣшительно опуская въ карманъ руку.

— Тебѣ нужны деньги?—живо подхватила Амалія Карловна.

— Если вы сколько-нибудь дорожите моею привязанностью къ вамъ, пожалуйста, не предлагайте мнѣ денегъ! — строго произнесъ я, продолжая шевелить рукой въ карманѣ и обдумывать, какъ мнѣ поступить съ Егоровымъ, т. е. какой цифрой опредѣлить свой «долгъ». Мой скудный капиталъ не позволялъ мнѣ бросить непроизводительно такую сумму, какъ сто рублей; а между тѣмъ Егоровъ далъ мнѣ понять, что онъ именно ждетъ отъ меня никакъ не меньше 100 рублей: «50 рублей доктору и еще нѣкоторые расходы...» Но Амалія Карловна, не обращая вниманія на мои слова и тонъ, которымъ они были произнесены, уже вела шопотомъ бесѣду съ Егоровымъ.

— Слушаю-съ, слушаю-съ... будьте увѣрены, Амалія Карловна!... Одѣвайтесь, Дмитрій Александровичъ! — громко завершилъ Егоровъ эту непродолжительную бесѣду, поспѣшно оставляя корридоръ.

— Что ты словно остолбенѣлъ? Пойдемъ, дорогой мой! — выпивъ принесенный дежурнымъ стаканъ воды, ласково обратилась она ко мнѣ, взявъ меня подъ руку.

Во мнѣ происходила запоздалая борьба двухъ противуположныхъ чувствъ. Мое самолюбіе страдало отъ сознанія всей неблаговидности пользованія денежною помощью Амаліи Карловны, и, въ то-же время, я живо ощущалъ чувство радости и благодарности за эту помощь...—Нѣтъ, это больше ничего, какъ щепетильность, притомъ неумѣстная и неосновательная. Какое я имѣю право запретить кому-нибудь, почти помимо моей воли, выражать, тѣмъ или другимъ образомъ, свою заботу, свое расположеніе ко мнѣ?—

Digitized by Google

успокоивалъ я себя, и мысленно оправдывался подобнымъ образомъ, слѣдуя молча за Амаліей Кардовной въ камеру.

— Благодарю васъ,—проговорилъ я, крѣпко сжавъ ей руку, въ отвѣтъ на ея, вызванный моимъ молчаніемъ, недоумѣвающій взглядъ.

— Ну, вотъ, такъ-то лучше! А то вишь ты какой обидчивый: «не предлагайте мнѣ денегъ!»—улыбаясь, передразнила она меня.— Еще грозить вздумалъ...

— Пожалуйте, баринъ, смотритель ждутъ васъ! — доложилъ вѣстовой изъ конторы.

— Дай-же, я тебя обниму... До свиданія, дорогой мой... любовь моя!.. Не скучай!.. Я буду у тебя завтра, послѣ завтра... Я добьюсь... радость моя!..—повиснувъ у меня на шеѣ, трепетно говорила она, не переставая осыпать меня своими поцѣлуями.

Отвѣтивъ ей подобнымъ-же образомъ, хотя и менѣе искренно, я торопливо одѣлся и, продолжая прощаться, вмѣстѣ съ нею отправился въ контору. Сойдя въ средній этажъ, я невольно остановился, вдругъ услыхавъ раздавшіяся сквозь громкій плачъ проклятія.

— Пойдемъ отсюда! Что тебѣ за дѣло?—крѣпко прижавшись ко мнѣ, испуганно произнесла Амалія Кардовна. Мнѣ припомнилось такое-же отношеніе Глюма ко всему, что только непосредственно до него не касается.

— Кто это такъ ругается и плачетъ?—спросилъ я дежурнаго.

— Неугомонный такой, Богъ съ нимъ!—въ крайнемъ нумерѣ,—отвѣтилъ онъ мнѣ, махнувъ рукой.

— Это не тотъ-ли, который просилъ, чтобы у него печку истопили?—вспомнилъ я.

— Такъ точно-съ. Оно и взаправду холодно... Наше дѣло маленькое, а докладывать сколько разъ докладывали; ей Богу. Вотъ и вчера, только для батюшки,—знаете, тутъ священникъ сидитъ,—такъ только на него одного дровъ отпустили, а въ остальныя печки ничего... Хоть-бы по два полѣна дали!—распространился дежурный.

Я хотѣлъ-было заглянуть въ крайній нумеръ; но Амалія Карловна положительно воспротивилась этому, повиснувъ на моей рукѣ всею тяжестью своего тучнаго тѣла.

Digitized by Google

Мы застали Егорова въ нижнемъ коридорѣ, у входа въ контору; одѣтый въ богатую шинель, щикарному воротнику и лацканамъ которой могъ-бы позавидовать не одинъ гвардеецъ, въ офицерской фуражкѣ (онъ рѣдко надѣвалъ полицейское кепи), съ сигарой въ зубахъ и разносной книжкой съ конвертомъ въ рукѣ, онъ, очевидно, ждалъ нашего появленія.

— Готовы вы, Дмитрій Александровичъ?—спросилъ онъ меня.

Я вспомнилъ, что не простился съ моими сосѣдями.

— Ну, это бѣда не большая; вы еще застанете ихъ тутъ.— И такъ, Амалія Карловна, — обратился онъ къ ней, — милости прошу ко мнѣ посидѣть, пока я свезу князя. Да не грустите, скоро увидитесь. Ну, прощайтесь, прощайтесь!—торопилъ онъ насъ.

Обмѣнявшись еще нѣсколько разъ поцѣлуями, мы, наконецъ, разошлись. Я сѣлъ въ карету, куда не замедлилъ явиться и Егоровъ, проводившій Амалію Карловну въ свою квартиру.

— Въ тюремный замокъ!—скомандовалъ онъ кучеру.

— Довольны вы вашимъ конвойнымъ?—смѣясь, спросилъ онъ меня, когда карета тронулась.

— Какъ нельзя больше,—отвѣтилъ я.

— То-то вотъ, Дмитрій Александровичъ!—замѣтилъ онъ мнѣ тономъ укоризны.—А собирались еще со мной воевать.

— Не вы-ли вызывали меня на эту войну? вспомните-ка!...— не удержался я, чтобы, въ свою очередь, не замѣтить ему.

— Ну, ну, ну!—дружески прервалъ меня Егоровъ.—Вы страшно самолюбивы,—сознайтесь!... Да вотъ что я вамъ скажу,—заговорилъ онъ вдругъ серьезно:—вы постарайтесь расположить къ себѣ старшаго помощника; т. е., я вамъ подготовлю почву,— пояснилъ онъ,—вы только съумѣйте воспользоваться ею, не испортите дѣла. Однимъ словомъ,—не будьте съ нимъ дерзки. Онъ немножко мужиковатъ, это правда... Ну, что дѣлать? не каждое лыко въ строку.

Попытка моя проникнуть въ планы Егорова, т. е., узнать способъ, вѣрнѣе говоря, не способъ,—онъ не нуждался въ объясненіи,—а условія, при которыхъ должно было состояться подготовленіе имъ для меня «почвы»,—не имѣла успѣха.

— Это ужь не ваше дѣло... Положитесь на меня... Если ужь я за что взялся, то будьте спокойны... обдѣлаемъ...—непзмѣнно твердилъ онъ.

Digitized by Google

Не смотря на легкое сопротивленіе Егорова,—выразившееся замѣчаніемъ: «Не открывайте лучше; чего добраго, можемъ встрѣтить Баранова—неловко»,—я опустилъ окно кареты и до самой тюрьмы не переставалъ съ жадностью упиваться запахомъ свободы, созерцаніемъ кипѣвшей вокругъ шумной жизни, составлявшей такой разительный контрастъ съ тою жизнью, которою я жилъ уже два мѣсяца. Не зависть, а горькое сожалѣніе, яркое сознаніе всей силы своего несчастья, словно клещами, сжали мое сердце. Я машинально отвѣчалъ,—не знаю, всегда-ли впопадъ,—короткими «да» и «нѣтъ» на всѣ вопросы и замѣчанія Егорова.

Карета остановилась. Подскочившій городовой суетливо отворилъ дверцы.

— Поручикъ Ждановъ (старшій помощникъ) въ конторѣ?—спросилъ его Егоровъ, выйдя изъ кареты.

— Были въ конторѣ, ваше высок—родіе!—отвѣтилъ городовой, сильно дернувъ звонокъ у воротъ знакомаго мнѣ зданія, надъ которыми громадная черная вывѣска, чуть-ли не аршинными буквами, возвѣщала: «Тюремный замокъ».

— Что-же вы не выходите? Будетъ вамъ мечтать!—напомнилъ мнѣ Егоровъ, когда звукъ ключей за воротами далъ знать о приближеніи дежурнаго городоваго. Я до такой степени забылся, что, слѣдя за Егоровымъ, слушая его вопросъ и отвѣтъ городоваго, видя, какъ городовой дернулъ звонокъ, въ то-же время, не трогался съ мѣста, какъ будто все это нисколько меня не касалось.

— Ахъ, да и въ самомъ дѣлѣ, что-же я смотрю? — вслухъ спросилъ я себя, вызванный изъ этого забытья. Я живо оставилъ карету и, вслѣдъ за Егоровымъ, вошелъ въ открывшееся въ воротахъ, въ ростъ человѣка, отверстіе. Пространство шаговъ въ 15 отдѣляло первыя деревянныя ворота отъ другихъ, массивныхъ, желѣзныхъ, у которыхъ толпились городовые, солдаты, тюремные служители и нѣсколько человѣкъ статскихъ. Со двора, видневшагося сквозь толстые желѣзные прутья послѣднихъ воротъ, доносились свистки, брань, командныя слова. Не доходя этихъ воротъ, налѣво, нѣсколько ступенекъ вели въ просторный, свѣтлый корридоръ, на половинѣ котораго открывалась дверь, съ надписью: «входъ въ контору». Дверь эта вела, однакожь, не непосредственно въ контору; чтобъ очутиться въ послѣдней, надо было пройдти еще одинъ узенькій, темный корридорчикъ, такую-

Digitized by Google

же квадратную комнату,—нѣчто въ родѣ прихожей,—и только минуя еще двѣ-три двери и отворивъ четвертую, мы очутились въ самой конторѣ. Она состояла изъ трехъ, одинаковой величины, комнатъ, соединенныхъ сквознымъ проходомъ. Первая комната была раздѣлена на двѣ ровныя половины высокой деревянной рѣшеткой, за которой виднѣлась еще такая-же рѣшетка, образуя, такимъ образомъ, между собою узкій корридорчикъ, въ который, очевидно, вела одна изъ тѣхъ дверей, мимо которыхъ мы проходили. Въ первой рѣшеткѣ имѣлось небольшое квадратное отверстіе, достаточное развѣ только для того, чтобы просунуть голову. Въ той половинѣ первой комнаты, въ которую мы вошли, помѣщались три длинныхъ стола, за которымъ нѣсколько человѣкъ занимались письмомъ, и высокая конторка, у которой, стоя, что-то записывалъ въ большую книгу молодой полицейскій офицеръ, въ которомъ я узналъ симпатичнаго мнѣ младшаго помощника смотрителя. Сказавъ мнѣ: «подождите тутъ», Егоровъ прямо прошелъ въ послѣднюю комнату, изъ которой доносилось мѣрное щелканье на счетахъ. Занимавшіеся въ конторѣ, изъ которыхъ иные, очевидно, хорошо запомнили меня (читателю извѣстно, что я однажды уже заходилъ въ эту контору: это было когда я выписался изъ больницы), то и дѣло отрывались отъ своихъ занятій, чтобы бросить на меня любопытный взглядъ, шопотомъ сообщить другъ другу свои наблюденія; причемъ слово «князь», довольно часто, явственно доносилось до меня. Одинъ только младшій помощникъ смотрителя былъ такъ углубленъ въ свое дѣло, что ни разу не обернулся и врядъ-ли замѣтилъ меня. Спустя минутъ десять, въ проходѣ показался Егоровъ съ старшимъ помощникомъ, отталкивающая наружность котораго уже была мною описана.

— Вотъ-съ, г. Карасевъ,—начальнически обратился ко мнѣ Егоровъ,—я рекомендовалъ васъ поручику, какъ человѣка спокойнаго, непохожаго на большинство арестантовъ... Поручикъ настолько добръ, что принимаетъ васъ подъ свое покровительство. Я увѣренъ, что не буду раскаяваться въ своей рекомендаціи; не правда-ли?

— Постараюсь оправдать...—пробормоталъ я.

— Я увѣренъ, увѣренъ...—И Егоровъ сталъ прощаться съ «поручикомъ», не переставшимъ удостоивать меня молчаливыми взглядами изподлобья.

Digitized by Google

— До свиданія, выздоравливайте скорѣе!—сказалъ и мнѣ Егоровъ, съ важностью протянувъ мнѣ руку.

— До свиданія, капитанъ. Благодарю васъ,—проговорилъ я, почтительно пожавъ ее.

Сказавъ что-то, шопотомъ, младшему помощнику, «поручикъ», не удостоивъ меня ни однимъ словомъ, удалился въ послѣднюю комнату.

— Здравствуйте, г. Карасевъ,—привѣтливо произнесъ младшій помощникъ, между тѣмъ оставившій книгу.—Что вы такъ скоро опять заболѣли? Не рано-ли вы тогда выписались?—Онъ поднесъ къ губамъ, болтавшійся у него на борту мундира, свистокъ. Раздался пронзительный свистъ. Нѣсколько человѣкъ городовыхъ разомъ вбѣжали въ контору и стали какъ вкопанные.

— Раздѣть, обыскать и сдать больничному надзирателю!—отдалъ приказаніе помощникъ.—Прошу васъ за рѣшетку!—добавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Я послѣдовалъ за городовыми. Очутившись въ корридорчикѣ между двумя рѣшетками, я, не ожидая участія городовыхъ, поспѣшилъ раздѣться и передать имъ платье для обыска.

— Баринъ бывалый: сами знаете порядокъ,—одобрительно замѣтилъ одинъ изъ нихъ.

Но вотъ за осмотромъ платья послѣдовалъ осмотръ тѣла.

— Пожалуйста, освободите меня отъ этого осмотра; увѣряю васъ, что при мнѣ ничего нѣтъ. Да и не понимаю, куда-же-бы еще можно что-нибудь спрятать?—умоляюще обратился я къ почтенному стражу, предложившему мнѣ, послѣ старательнаго осмотра моей головы, раскрыть ротъ.

— Нельзя-съ!—коротко отвѣтилъ онъ мнѣ.—Шире раскройте! подъ языкомъ нѣтъ-ли чего? высуньте языкъ!

— Позвольте,—рѣшительно остановилъ я его.— Доложите помощнику, что я имѣю къ нему просьбу.

— А вотъ сперва мы васъ обыщемъ, а потомъ и доложимъ. Ну, да чего тутъ толковать? Нагнитесь!

Къ счастью моему, препирательство мое съ городовымъ достигло слуха младшаго помощника, который и не замедлилъ показаться у отверстія рѣшетки.

— Платье все обыскали?—спросилъ онъ.

Digitized by Google

— Такъ точно-съ; только, значитъ, самого еще не обыскали: не дается,—отвѣтилъ городовой.

— Я не знаю, какую-же цѣль можетъ имѣть дальнѣйшій осмотръ? Какъ видите, я въ костюмѣ Адама.

Помощникъ улыбнулся.

— Видите-ли, г. Карасевъ,—мягко произнесъ онъ:—не разъ бывали примѣры, что у арестантовъ находили деньги, записки и т. под. вещи не только въ волосахъ, но и во рту. Вслѣдствіе этого, мы и приняли за правило тщательно осматривать не только платье, но и тѣло. И не мы одни: насколько мнѣ извѣстно, то-же самое дѣлается и въ другихъ здѣшнихъ тюрьмахъ и въ полицейскихъ домахъ. Впрочемъ, вѣдь, и вы изъ полицейскаго дома?

— Да, и я уже разъ подвергся подобному циническому осмотру... Но, ради Бога, прошу васъ, избавьте меня отъ повторенія!—взмолился я.

— Успокойтесь, я понимаю... Вамъ нечего прятать, нѣтъ дѣли... Довольно!—скомандовалъ онъ.—Деньги, золотыя и серебряныя вещи подать сюда!

Обыскивавшій мое платье подалъ ему мое портмонэ съ деньгами. Пересчитавъ послѣднія, помощникъ отошелъ отъ рѣшетки, проговоривъ: «Сейчасъ получите квитанцію».

— Счастье ваше, что вы не нарвались на смотрителя или на старшаго помощника: показали-бы они вамъ, какъ не даваться обыскивать!—угрожающимъ тономъ замѣтилъ мнѣ одинъ изъ городовыхъ.

Во все время обыска и послѣ него, въ продолженіи, по крайней мѣрѣ, четверти часа, я оставался ничѣмъ ненакрытый, безъ всякаго бѣлья и обуви. Изъ-подъ сыраго, деревяннаго пола страшно дуло; дверь безпрестанно открывалась и закрывалась, внося каждый разъ съ собою струю холоднаго воздуха. Меня уже начинала прохватывать дрожь, и новый протестъ готовъ былъ сорваться съ языка, когда показался, наконецъ, больничный надзиратель съ узломъ въ рукахъ.

— А, это вы, ваше сіятельство! вотъ вамъ бѣлье, одѣвайтесь скорѣй! Холодно такъ стоять,—сказалъ онъ, услужливо разстилая передо мной больничный халатъ съ бѣльемъ и туфлями.

Видъ принесеннаго мнѣ бѣлья разомъ охладилъ тотъ пылъ, съ какимъ я схватилъ его и сталъ накидывать на себя. Оно не

Digitized by Google

только почти сплошь состояло изъ заплатъ, дыръ и пятенъ отъ лекарствъ, было крайне грубо, но и не оставляло ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что оно давно не знало стирки.

— Не знамъ-съ, а то-бы потоньше и почище выбралъ; ну, да вы только здѣсь одѣньте, придемъ—перемѣнимъ,—успокоительно произнесъ больничный надзиратель, замѣтивъ мое смущеніе. Онъ, повидимому, былъ очень радъ мнѣ и старался показать мнѣ, съ своей стороны, всевозможное, въ его положеніи, вниманіе и готовность «служить по прежнему».

— Г. Карасевъ! вамъ, вѣроятно, нужно будетъ денегъ на чай и сахаръ?—спрашивалъ меня изъ конторы голосъ младшаго помощника.

— Да,—отвѣтилъ я.

— Я выдамъ больничному надзирателю на руки два рубля; остальные будутъ записаны въ книгу и вы сейчасъ получите квитанцію.

Спустя минуту, помощникъ показался у отверстія, и, вручивъ мнѣ квитанцію, а надзирателю—два рубля, проговорилъ: «Можно вести».

— Пожалуйте!—скомандовалъ больничный надзиратель, предлагая мнѣ слѣдовать впереди себя.

— Куда-же теперь, въ больницу?—спросилъ я его, слѣдуя по корридору.

— Да-съ, теперь—къ намъ,—отвѣтилъ онъ.

— Такъ это мнѣ опять приходится, въ такой морозъ, чуть-ли не въ одномъ бѣлье, идти по двору!—воскликнулъ я.—Дайте мнѣ хоть мое пальто накинуть на себя!

— Нельзя, баринъ; ей Богу, нельзя: у воротъ не пропустятъ и сейчасъ извѣстно будетъ смотрителю.

— Стойте!—остановилъ меня у желѣзныхъ воротъ городовой.

— Пропускай, ничего нѣтъ,—сказалъ ему больничный надзиратель.

— Мало-ли что нѣтъ! А можетъ быть и есть? Форма требуетъ,—возразилъ городовой, слегка проводя нѣсколько разъ руками по халату и по бѣлью на мнѣ.

— Вѣдь, я прямо изъ конторы, а меня тамъ обыскивали,—замѣтилъ я.

Digitized by Google

— Тамъ само собой, а здѣсь—само собой; можетъ тамъ и просмотрѣли что-нибудь; али вы сами успѣли что-нибудь спрятать... На то мы здѣсь и приставлены,—пояснилъ мнѣ городовой.— Ступайте!

Я, чуть-ли не бѣгомъ, бросился въ отворенную имъ половинку воротъ.

— Не бѣгите, не бѣгите! Какъ разъ еще и въ карцеръ попадете... Стойте!—закричали одновременно и городовой, и надзиратель.

Чувство самосохраненія взяло верхъ надъ боязнью взысканія за ослушаніе. Я изо всѣхъ силъ пустился бѣжать по двору и живо очутился въ пріемной комнатѣ больницы.

Digitized by Google

ГЛАВА XVI.

ЕЩЕ НѢЧТО О БОЛЬНИЧНЫХЪ ПОРЯДКАХЪ И ОРИГИНАЛЬНЫЙ ВИДЪ ШАНТАЖА.

— Эхъ вы! только себѣ хуже дѣлаете! И добро-бы вы были новичокъ, не знали здѣшнихъ порядковъ, а то, вѣдь, слава-те, Господи, давно-ли отсюда?—съ досадой произнесъ незамедлившій появиться надзиратель, искоса взглянувъ на меня и начавъ задумчиво, заложа руки назадъ, расхаживать по пріемному покою.

— Не безпокойтесь; я увѣренъ, что докторъ вполнѣ оправдаетъ мое ослушаніе и заступится за меня. Не поступили-ли-бы вы, на моемъ мѣстѣ, точно такъ-же? Посмотрите,—вѣдь, я весь посинѣлъ...

Слова мои вызвали на лицѣ надзирателя какую-то неопредѣленную улыбку. Онъ продолжалъ молча измѣрять пространство пріемнаго покоя.

— Маршъ по мѣстамъ, бродяги! чего еще не видали!—крикнулъ онъ, когда прервали это молчаніе, показавшіеся въ боковыхъ дверяхъ, ведшихъ въ палаты, нѣсколько любопытныхъ головъ въ больничныхъ колпакахъ. Головы моментально исчезли, и надзиратель, притворивъ за ними наглухо двери, съ прежнимъ безмолвіемъ принялся маршировать по покою.

— Однако, что-жь вы меня здѣсь держите? Я былъ-бы вамъ очень благодаренъ, если-бы вы указали мнѣ палату: мнѣ-бы хотѣлось прилечь...—наконецъ, обратился я къ нему.

— Не могу-съ; вотъ что изъ конторы скажутъ,—отрывисто, не останавливаясь, отвѣтилъ онъ мнѣ.

Послышались торопливые шаги.

— Надзиратель, давай скорѣй Карасева сюда! Карасева!...

— Пойдемте!—скомандовалъ надзиратель, направившись къ выходу, у котораго, въ то-же время, показался городовой.

Digitized by Google

— Живо, живо!—скомандовалъ, въ свою очередь, послѣдній.

— Куда это?—спросилъ я.

— Тамъ узнаешь!—грубо отвѣтилъ городовой.

— Однако, я хочу знать, куда; если въ контору опять, я попрошу прежде дать мнѣ мое платье. Въ такой морозъ нельзя людей водить по двору чуть-ли не нагишемъ,—настаивалъ я.

— Что-жь вы смотрите? Ведите! это ваше дѣло,—съ угрозой отнесся городовой къ недоумѣвавшему надзирателю.—Помощникъ приказалъ, чтобы вы его сейчасъ привели. Мнѣ что? Я доложу, что передалъ вамъ приказаніе, а тамъ какъ знаете,—добавилъ онъ, махнувъ безучастно рукой.

— А что я могу сдѣлать? драться, что-ли, съ нимъ?—возразилъ надзиратель.

— Я такъ и доложу,—проговорилъ городовой, уходя поспѣшно.

— Такъ вы не пойдете въ контору? — рѣшительно спросилъ меня вдругъ надзиратель.

— Въ томъ, въ чемъ я теперь, конечно, не пойду,—не менѣе рѣшительно отвѣтилъ я.

Позвавъ изъ находившейся рядомъ съ пріемнымъ покоемъ ванной комнаты служителя и поставивъ его около меня въ качествѣ часоваго, надзиратель также поспѣшно куда-то скрылся. Предчувствуя недоброе, я обратился къ служителю съ вопросомъ: не могу-ли я видѣть Гулькевича?—этого, въ своемъ родѣ, «всемогущаго» старшаго фельдшера, покровительству и защитѣ котораго я намѣревался поручить себя. Къ несчастью, у меня не только не было двугривеннаго, но даже и кармана, въ которомъ-бы послѣдній могъ находиться; у меня, такимъ образомъ, не было талисмана, при помощи котораго угрюмый служитель могъ-бы сдѣлаться болѣе разговорчивымъ и менѣе дерзкимъ. Отвѣтивъ мнѣ на мой вопросъ молчаніемъ, онъ, послѣ троекратнаго повторенія его въ болѣе или менѣе заискивающихъ формахъ, удостоилъ меня, наконецъ, слѣдующей краткой, но очень выразительной фразой: «Да замолчишь-ли ты? чортъ те дери!» Возражать на такую фразу было, очевидно, не только безполезно, но, пожалуй, и не безопасно. Поэтому, я не рѣшился его болѣе безпокоить и, въ глубокомъ безмолвіи, выжидалъ, что будетъ. Я даже старался сохранить неподвижность: мнѣ, почему-то, казалось, что стоитъ мнѣ только двинуться съ мѣста, или встать, и угрюмый стражъ мой

Digitized by Google

непремѣнно скажетъ: «Да будешь-ли ты спокойно сидѣть, чортъ те возьми!»—Въ пріемномъ покоѣ царствовала совершенная тишина. Никто въ него не заглядывалъ. Напрасно я надѣялся, что вотъ-вотъ, если не Гулькевичъ, то кто-нибудь изъ младшихъ фельдшеровъ покажется; даже служителей не было видно: всѣ, какъ будто нарочно, исчезли куда-то и не показывались. Большинство больныхъ, надо полагать, предавалось еще послѣ-обѣденному сну, и изъ палатъ не доносилось ни одного звука.—Заложивъ ногу на ногу и упершись плечомъ въ косякъ окна, стражъ мой, повидимому, всецѣло предался созерцанію того, что происходило за окномъ... Но, вотъ, послышался ударъ въ колоколъ, другой, третій... Крикъ, говоръ, суетня... Двери палатъ съ шумомъ растворились. Больные, въ безпорядкѣ, силясь опередить другъ друга, проносились предо мной, кто съ оловянной кружкой, кто съ глинянымъ чайникомъ, кто съ жестянымъ, а кто—съ тѣмъ, другимъ и третьимъ вмѣстѣ. Искушеніе было велико: какъ не заговорить съ кѣмъ-нибудь изъ этихъ больныхъ и не узнать чего-нибудь о Фокѣ и баронѣ? Глаза мои невольно обратились къ окну. Гдѣ-же онъ? Я быстро обвелъ глазами весь пріемный покой... И—о радость! грозная стража исчезла.

— Откуда, новенькій, изъ какой части? вижу, что не здѣшній,—къ немалому моему удовольствію, заинтересовался мною одинъ изъ «больныхъ», здоровенный, краснощекій парень, лѣтъ 25, возвращаясь въ свою палату съ набраннымъ въ кружку кипяткомъ.

Сказавъ ему, изъ какой я части, я, въ свою очередь, спросилъ: давно-ли онъ въ больницѣ и знаетъ-ли онъ Фока? Но раздавшаяся вдругъ команда: «Смирно! Маршъ по мѣстамъ! Докторъ идетъ!»—заставила его отскочить отъ меня, чуть не обваривъ меня при этомъ своимъ кипяткомъ. Скорыми, мелкими шагами, въ покой вошелъ докторъ—маленькій, суетливый господинъ, лицо котораго и движенія одновременно выражали неудовольствіе, торопливость и крайнюю озабоченность. Въ рукахъ у него была какая-то бумага. Вслѣдъ за нимъ, кромѣ надзирателя, въ покой вбѣжали: младшій фельдшеръ, съ заткнутымъ за ухо перомъ, карандашемъ и бумагой въ рукахъ, и два служителя, съ перекинутыми черезъ плечи полотенцами.

— Гдѣ больной? — спросилъ докторъ, остановившись, ни къ кому не обращаясь и сосредоточивъ свое вниманіе на циферблатѣ поспѣшно вынутыхъ имъ изъ кармана часовъ.

Digitized by Google

Я подошелъ.

— Чѣмъ боленъ?—машинально произнесъ докторъ, пряча часы и пробѣгая записку, поданную ему фельдшеромъ.

— Постоянныя головныя боли... отвѣтилъ я, нисколько, впрочемъ, не солгавъ, такъ какъ, въ послѣднее время, у меня, и въ самомъ дѣлѣ, не переставала болѣть голова.

Черкнувъ что-то карандашемъ на запискѣ и отдавъ ее фельдшеру, съ словами: «выписать изъ аптеки и отослать ко мнѣ на квартиру», докторъ, дотронувшись до моей руки, вѣроятно, яко-бы для изслѣдованія пульса, повторилъ свой вопросъ: «Чѣмъ боленъ?»

— Жалуется на головную боль, — предупредилъ меня фельдшеръ, въ присутствіи котораго мною уже былъ данъ отвѣтъ на вопросъ доктора.

— Головная боль... пробормоталъ докторъ, и сталъ въ полголоса пробѣгать принесенную имъ съ собой бумагу.

«Это, вѣроятно, свидѣтельство полицейскаго врача»,—промелькнуло у меня вдругъ въ умѣ. Я схватился за голову. — «Все пропало!»—рѣшилъ я про себя. Я тутъ только замѣтилъ свой непростительнюй промахъ, значительная доля вины котораго падала, конечно, и на Егорова. Мнѣ было вовсе неизвѣстно содержаніе добытаго имъ отъ полицейскаго врача свидѣтельства. Показаніе мое о головной боли не идетъ-ли въ разрѣзъ съ свойствомъ засвидѣтельствованной врачемъ болѣзни? Такъ и есть! Докторъ съ досадой бросилъ на столъ бумагу, окинулъ меня быстрымъ, недобрымъ взглядомъ и, взглянувъ опять на часы, строго произнесъ:

— Притворяться вздумали? Въ части жаловались на ломоту въ ногахъ, а здѣсь головная боль? Языкъ!..

Я повиновался.

— Пустое. Принять и завтра выписать!—И, въ третій разъ справившись съ часами, докторъ, а за нимъ и фельдшеръ съ служителями, бросились въ палату.

— Идите за мной,—проговорилъ надзиратель и, замѣтивъ, что я колеблюсь, добавилъ:—Не въ контору... въ ванную.

«Ванною» называлась комната, въ которой имѣлись двѣ вылуженныя ванны изъ красной мѣди, и такой-же, огромный, вдѣланный въ плиту, котелъ, снабжавшій тѣ ванны, посредствомъ двухъ кранновъ, горячей водой; холодная вода бралась прямо изъ

Digitized by Google

ушатовъ. Тотъ-же котелъ, въ извѣстное время дня, снабжалъ больныхъ кипяткомъ, для заварки чая. Одна изъ этихъ двухъ ваннъ предназначалась исключительно для лицъ, одержимыхъ сифилитическими и иными заразительными болѣзнями; но такъ какъ одной только другой ванны, для прочихъ больныхъ, было далеко недостаточно, то назначеніе первой ванны,—какъ я имѣлъ неоднократно случай замѣтить въ свое первое пребываніе въ тюремной больницѣ,—было чисто фиктивное.

Въ дѣйствительности, больные, не смотря на родъ болѣзни, какой-бы заразительный характеръ она ни имѣла, принимали ту или другую ванну, смотря по тому, какая изъ нихъ бывала въ данный моментъ свободна. Слово «свободна» не слѣдуетъ, однакожь, понимать буквально: даже при такомъ порядкѣ, двѣ ванны, все-таки, оказывались далеко не въ состояніи удовлетворить ежедневно все число больныхъ, которымъ прописывались ванны, тѣмъ болѣе, что больные допускались въ нихъ только съ часа и до четырехъ часовъ дня, т. е., съ послѣ обѣда до вечерняго чая; а въ три часа, двадцати, двадцати-пяти человѣкамъ,—обыкновенная ежедневная цифра такихъ больныхъ,— по одному, очевидно, невозможно воспользоваться ванной. И вотъ, простые смертные, т. е. не «благородные» арестанты, принимали ванну не иначе, какъ по четыре человѣка заразъ; причемъ и вода не каждый разъ мѣнялась: объ измѣреніи температуры ея, согласуясь съ состояніемъ здоровья больнаго, тутъ, конечно, и рѣчи не могло быть... Врачамъ все это было очень хорошо извѣстно. Такъ, однажды, при мнѣ, одинъ изъ наиболѣе смѣлыхъ и развитыхъ арестантовъ, котораго надзиратель, не смотря на энергическій протестъ съ его стороны, усадилъ въ одну ванну съ больными заразительными болѣзнями, заявилъ по этому поводу жалобу старшему доктору. Послѣдній, къ немалому моему удивленію, только развелъ насмѣшливо руками и, передразнивая арестанта, проговорилъ: «Пойди, прикажи комитету, чтобы намъ еще двѣ ванны поставили!» Само собою разумѣется, что, при такихъ порядкахъ, и самое содержаніе сифилитиковъ въ *отдѣльной* палатѣ— безцѣльно.

Между тѣмъ, по закону, каждый вновь прибывшій больной, по осмотрѣ его врачемъ, прежде, чѣмъ быть отведеннымъ въ палату, долженъ принять ванну.

Digitized by Google

Правило это, нельзя сказать, чтобы съ особенною строгостью, но все-же, большею частью, соблюдалось въ тюремной больницѣ. Приглашеніе меня въ «ванную» послѣдовало именно на силу этого правила.

— Прикажете перемѣнить воду, или и эта сойдетъ?—спросилъ служитель надзирателя, недоумѣвая, повидимому, къ какой категоріи заключенныхъ меня причислить: къ привиллегированнымъ, или къ простымъ смертнымъ.

— Ну, спусти, пожалуй, — какъ-бы дѣлая мнѣ этимъ особенное одолженіе, отвѣтилъ надзиратель.

— Вы обѣщали мнѣ перемѣнить бѣлье?—напомнилъ я ему.

— Чего тутъ мѣнять до завтра! Слышали, что докторъ сказалъ?... Ничего, и въ этомъ переночуете!—отвѣтилъ онъ мнѣ съ крайне недовольнымъ видомъ.

Любезный и предупредительный при пріемѣ меня, онъ,—лишь только я навлекъ на себя неудовольствіе старшаго городоваго,—сдѣлался ко мнѣ холоденъ; а узнавъ, что я остаюсь въ больницѣ только одну ночь,—даже грубъ. Надежды, внушенныя ему моимъ прибытіемъ въ больницу, слишкомъ скоро оказывались неосновательными, а слѣдовательно и церемониться со мной не было болѣе причины. Я это хорошо понялъ, и, чтобы не липиться, хоть «до завтра», его необходимыхъ «услугъ», поспѣшилъ выразительнымъ жестомъ отозвать его въ одинъ изъ угловъ «ванной», подальше отъ служителя, и въ полголоса заявилъ ему, что взятые имъ изъ конторы два рубля онъ можетъ оставить себѣ, что я ему очень благодаренъ за предупредительный пріемъ и что надѣюсь еще остаться въ больницѣ, а тогда... сама собою разумѣется, мы сочтемся... Мое секретное заявленіе быстро произвело желанное дѣйствіе: мнѣ пожали, въ знакъ благодарности, руку, заглянули въ ванну, приказали ее тотчасъ вымыть и отправились въ кладовую за бѣльемъ. Такое внезапное вниманіе ко мнѣ надзирателя не осталось безъ подражанія со стороны служителя, благосклонность ко мнѣ котораго салтически выразилась въ предложеніи къ моимъ услугамъ «своей» мочалки и мыла.—«А то, позвольте, я и спину вамъ потру», — нѣжно произнесъ онъ, между прочимъ. Не имѣя при себѣ денегъ и не будучи увѣренъ, что мнѣ удастся остаться въ больницѣ,—въ послѣднемъ случаѣ, можно-бы добыть изъ конторы еще нѣсколько рублей, тѣмъ-же,

Digitized by Google

въ крайнемъ случаѣ, адресовать служителя къ Амаліи Карловнѣ,— я не счелъ себя въ правѣ воспользоваться трогательною нѣжностью усатаго служителя, отклонивъ ее со всевозможными благодарностями... словесными, разумѣется. Принесенная мнѣ надзирателемъ пара бѣлья превзошла мои ожиданія: она была не только безъ заплатъ и чисто вымыта, но и изъ лучшаго матеріала,—изъ тонкаго холста. Немного ниже воротника рубашки, на наружной сторонѣ спинки, имѣлось крупное, черное клеймо: «Больн. тюр. зам.».

— У насъ недавно началась новая постройка; хорошее бѣлье, не то, что старое: то дерюга, а не бѣлье,—согласился надзиратель съ моимъ замѣчаніемъ о достоинствахъ принесеннаго имъ бѣлья.—Я вамъ ни на что не нуженъ?—спросилъ онъ меня.—Пойдти, доктора проводить; теперь, думаю, скоро выйдетъ: онъ, вѣдь, живо...

— Не увидите-ли тамъ Гулькевича,—скажите, что я прошу его на пару словъ.

— То-то и плохо, что его нѣтъ,—тономъ искренняго сожалѣнія отвѣтилъ мнѣ надзиратель:—онъ въ отпускъ уѣхалъ. Будь онъ здѣсь, вамъ и тужить-бы нечего: лежали-бы въ больницѣ, пока самимъ не надоѣло-бы.

— А младшіе фельдшера ничего не могутъ сдѣлать?—спросилъ я, не мало опечаленный его сообщеніемъ.—Вы понимаете... я не пожалѣю...

— Нѣтъ, съ ними лучше не связывайтесь; не совѣтую... Ты чего глаза вылупилъ?—строго обратился онъ къ служителю, слишкомъ внимательно вслушивавшемуся въ нашу бесѣду.—Когда они одѣнутся, сведешь въ первую палату... первая койка съ правой стороны, отдѣльный столикъ.—Никакъ выходитъ?—проговорилъ онъ, бросаясь изъ ванной на послышавшійся шумъ шаговъ.

Пока я одѣвался, служитель успѣлъ мнѣ повѣдать нѣкоторыя тюремныя новости. Злобой дня въ тюрьмѣ былъ тифъ. Попавъ, очевидно, на благодатную почву, опустошительная болѣзнь свободно дѣлала свое ужасное дѣло.

— Ужь три недѣли, какъ она, проклятая, у насъ появилась,—разсказывалъ мнѣ служитель,—и хошь-бы тебѣ одинъ день прошелъ безъ покойника! Такъ нѣтъ; случалось, что по два и по три таскали... Знамо, сами знаете, какое ужь у насъ леченье!

Digitized by Google

Докторъ обѣжитъ палату, словно бѣшенный... А что-жь такое, что арестанты? тоже, вѣдь, люди!

Принимавшій меня докторъ завѣдывалъ «тифозной» палатой, которую посѣщалъ аккуратно по три раза въ день. Изъ того, однако, что онъ рѣдкій разъ оставался въ палатѣ болѣе пяти минутъ, а въ такое время добросовѣстный врачъ врядъ-ли въ состояніи надлежащимъ образомъ осмотрѣть не только двадцать человѣкъ,—наличное число тифозныхъ больныхъ въ тотъ день, въ который я прибылъ въ больницу,—но и двухъ человѣкъ, тѣмъ болѣе больныхъ тифомъ,—постоянно торопился и, то и дѣло, справлялся съ часами, несомнѣнно явствовало, что «усердіе» врача, въ дѣйствительности, было очень фальшиваго свойства, ограничиваясь однимъ лишь наружнымъ проявленіемъ, и всего вѣроятнѣе, что оно было вызвано какимъ-нибудь распоряженіемъ «свыше». Такимъ образомъ, посѣщенія эти, долженствовавшія быть благодѣтельными, вмѣсто пользы, влекли за собой только вредъ и, притомъ, двоякій: смерть множества больныхъ и бездѣйствіе администраціи. Оставляемые безъ серьезной медицинской помощи, больные гибли одинъ за другимъ, а начальствующія лица,—будучи убѣждены, что за больными имѣется усиленный уходъ, что они посѣщаются врачемъ три раза въ день и что, слѣдовательно, пользуются всѣми средствами медицинской науки, — оставались, по неволѣ, равнодушными зрителями плачевныхъ результатовъ вынужденнаго «усердія» достойнаго эскулапа....

— Ну, что разболтался? ступай, лампы зажигай!—прервалъ надзиратель словоохотливаго служителя.—Тебѣ сказано: одѣнутся, сведи въ палату; а ты что тутъ дѣлаешь? Бобы разводишь? ступай!

Отвѣтивъ ему едва слышнымъ ворчаніемъ и почесавъ затылокъ, служитель, лѣниво переваливаясь, вышелъ изъ ванной.

— Пожалуйте, я васъ проведу въ палату,—произнесъ надзиратель, вымывъ подъ краномъ свои грязныя калоши и вытеревъ ихъ скинутымъ мною съ себя бѣльемъ.

Съ уходомъ доктора, тишина, царствовавшая до того въ больницѣ, замѣнилась безпрерывнымъ гуломъ отъ говора многихъ голосовъ. Все какъ-бы вдругъ ожило: больные то и дѣло перебѣгали изъ палаты въ палату, заглядывали въ ванную, въ пріемный покой, толпились въ корридорѣ. Провожая меня въ палату,

Digitized by Google

надзиратель замѣтилъ, какъ одинъ изъ нихъ, при нашемъ приближеніи, поспѣшно спряталъ въ рукавъ халата дымившуюся папироску. «Расправа» послѣдовала на мѣстѣ. Отобравъ у виновнаго поличное, надзиратель угостилъ его двумя полновѣсными нощечинами, подзатыльникомъ и за волосы отвелъ его въ палату, строго воспретивъ ему показываться въ пріемномъ покоѣ. Больной, повидимому, нисколько не претендовалъ на способъ расправы, во время которой повторялъ только: «Простите, Александръ Ивановичъ, простите! ей Богу! больше не буду».

— На счетъ этого, братцы, и цѣны нѣтъ Александру Ивановичу,—вслухъ произнесъ, въ то-же время, одинъ изъ присутствовавшихъ при расправѣ зрителей,—за волосы оттаскаетъ, по зубамъ раза два съѣздитъ, за то ужь въ контору никогда не доложитъ: со всякими пустяками къ начальству не суется...

— Ладно, заговаривай зубы; ты у меня тоже смотри: я тебя давно замѣчаю,— съ фальшивою строгостью въ тонѣ, отозвался на эту похвалу замѣтно польщенный надзиратель.

— Вотъ ваша койка; рядомъ съ вами тоже *господинъ*... — произнесъ онъ, введя меня въ первую палату и указывая на пустую койку, по одну сторону которой, на рядомъ стоявшей койкѣ, поверхъ одѣяла, лежалъ пожилой больной, довольно почтеннаго вида, обладатель красивой, окладистой бороды. При послѣднихъ словахъ надзирателя, «господинъ» слегка приподнялся, проговоривъ: «очень пріятно; радъ сосѣду». Я отрекомендовался. — «Исаевскій», назвалъ себя, въ свою очередь, «господинъ», вставъ и протянувъ мнѣ руку. Надзиратель, между тѣмъ, привлеченный *воображаемымъ* запахомъ чего-то, — я говорю — воображаемымъ, потому что я, сколько ни напрягалъ обонянія, никакого запаха не ощущалъ, — медленно обводилъ носомъ палату, принимая все болѣе и болѣе грозный видъ. Большая часть больныхъ, въ тревожномъ ожиданіи, оправляла свои постели, халаты, не переставая, въ то-же время, съ видимою боязнью слѣдить за движеніями надзирателя, намѣренія котораго, надо полагать, были для нихъ ясны.

— Кто накурилъ? Говорите, подлецы! всѣхъ обыщу! — разразился онъ, наконецъ, громкими ругательствами.

Мнимое приведеніе въ порядокъ постелей и халатовъ моментально оставлено. Больные вытянулись въ струнку, не исключая

Digitized by Google

и тѣхъ, которые, при входѣ надзирателя, продолжали лежать. Его крикъ подѣйствовалъ и на нихъ, заставивъ и ихъ также вскочить съ своихъ кроватей и занять стоя почтительное положеніе; трудно-больныхъ въ палатѣ не было; помѣщавшіеся въ ней больные страдали преимущественно наружными болѣзнями. Только я и сосѣдъ мой, «господинъ», который, помимо своего «господскаго» состоянія, былъ, вѣроятно, еще также въ состояніи платить надзирателю извѣстную дань, не оставляли своихъ мѣстъ: онъ, повидимому, былъ тоже изъ «новенькихъ», и происходившее предъ нашими глазами одинаково привлекло къ себѣ наше вниманіе.

— Кто курилъ въ палатѣ? говори, шельцецъ ты эдакій! — не получивъ отвѣта на свой крикъ, такъ-же грозно, обратился надзиратель къ одному изъ больныхъ, сильно дернувъ его при этомъ за руку.

— Въ палатѣ?.. *въ палатѣ*, ей-Богу, никто не курилъ... вотъ-те Христосъ, Александръ Ивановичъ... — робко отвѣтилъ порядкомъ струсившій больной.

— Такъ вотъ я вамъ покажу! — оскаливъ зубы, прошипѣлъ надзиратель, нѣсколько разъ ударивъ указательнымъ пальцемъ по носу больнаго, и, обратясь къ вошедшему въ палату служителю съ зажженной висячей лампой въ рукахъ, отрывисто проговорилъ: «Живѣй поворачивайся! Привѣсь лампу и иди сюда!...» Заторопившійся служитель, въ свою очередь, крикнулъ какому-то больному: «подай табуретку!» Табуретка была немедленно подана; служитель сталъ на нее, повѣсилъ на крючокъ висячую лампу, молодцовато спрыгнулъ и подошелъ къ надзирателю.

— Начинай съ самаго края: матрасы, подушки, все долой! Все ощупать и осмотрѣть какъ слѣдуетъ быть!

Служитель съ жаромъ принялся за дѣло.

— Становись сюда, всѣ!—скомандовалъ надзиратель больнымъ, указавъ на сторону, противуположную обыскиваемой. Больные, молча, съ видимой, впрочемъ, неохотой, повиновались.

— У кого есть смолка, *зайчики* (спички), — давай; хуже будетъ, если самъ найду! — предупредилъ надзиратель, начавъ собственноручно обыскивать больныхъ.

— Воля ваша, Александръ Ивановичъ... ищите...—было ему отвѣтомъ.

Digitized by Google

Обыскъ производился совершенно однообразно: пріемы и порядокъ обыска одного ничѣмъ не разнились отъ обыска другого больнаго. Надзиратель, неизмѣнно, начиналъ свой осмотръ съ узкаго воротника халата, переходилъ отъ него къ рукавамъ, проводилъ руками вдоль загнутыхъ краевъ халата сверху до низу, затѣмъ снималъ его, отбрасывалъ въ сторону и приступалъ къ ощупыванію бѣлья, начиная эту операцію также съ ворота и переходя къ ощупыванію голаго тѣла, что, впрочемъ, дѣлалось, не снимая совершенно съ арестанта бѣлья. Обыскъ кончался осмотромъ носковъ и туфель и приказаніемъ больному сдѣлать два шага въ сторону. Служитель, между тѣмъ, встряхивалъ и ощупывалъ матрацы, подушки и одѣяла, и все, что находилъ подъ ними и въ нихъ — бросалъ на полъ. Онъ скоро окончилъ возложенное на него порученіе, собралъ на полу все найденное и отрапортовалъ: «Готово-съ, Александръ Ивановичъ! Вотъ, извольте смотрѣть: газетная бумага — для папиросъ, значитъ, чайнко, сахаръ, черный хлѣбъ, ножницы, ситцевый платокъ, книга какая-то... да вотъ два карандаша нашелъ...»

— Чьи это карандаши?—прервавъ свой безуспѣшный обыскъ, обратился надзиратель къ больнымъ, предъявляя имъ карандаши.

— Не знаю-съ... не мой... на што мнѣ карандашъ? рази я грамотный?...—одновременно отвѣчали больные.

— Ну, да, конечно, знать, молъ, не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ, съ неба свалились... Вотъ я вамъ покажу!... Въ чьихъ кроватяхъ нашелъ карандаши? — спросилъ онъ служителя.

— Вторая кровать, значитъ тульскаго будетъ, а другой нашелъ подъ подушкой у питомца,—отвѣтилъ тотъ, указывая на кровати и двухъ больныхъ, которыхъ онъ именовалъ «тульскимъ» и «питомцемъ». Именованіе это объяснилось, когда я взглянулъ на ихъ дощечки: надъ каждой кроватью, въ терапевтической больницѣ, какъ и въ частныхъ, привѣшивались у изголовья небольшая четырехъугольная дощечка, или выкрашенная въ черную краску жестянка, на которой разведеннымъ мѣломъ надписывались: званіе, имя, фамилія больнаго, время поступленія его въ больницу, латинское названіе болѣзни и получаемая имъ порція. Дощечки надъ кроватями «тульскаго» и «питомца», между прочимъ, гласили, что одинъ — крестьянинъ *Тульской* губерніи, а другой — *питомецъ* воспитательнаго дома.

Digitized by Google

— Книгу у кого нашелъ?

— Это мнѣ баринъ дали почитать... господинъ Исаевскій...— робко отозвался чрезвычайно симпатичный мальчикъ лѣтъ 17-ти.

— Это ваша книга?—обратился надзиратель къ моему сосѣду.

— Моя.

— Такъ извольте получить и впередъ не давайте больнымъ книгъ. Эта книга не тюремная: печати нѣтъ; по настоящему, и у васъ нужно-бы было ее отобрать,—наставительно произнесъ надзиратель, отдавая Исаевскому книгу. Я полюбопытствовалъ взглянуть на нее, и прочелъ на оберткѣ: «Иловайскаго, Всеобщая исторія».

Приказавъ больнымъ «убрать хорошенько постели, да поскорѣй!», надзиратель, успѣвшій обыскать только трехъ больныхъ, взявъ съ собою вещественныя доказательства преступности «тульскаго» и «питомца», вышелъ изъ палаты.

— Что, подлецы? говорилъ вамъ: смотрите, осторожнѣй курите! развѣ отдушника нѣтъ? Анъ вы все по своему... Тьфу, чортъ васъ возьми! Съ вами и самъ пропадешь ни за нюхъ табаку... Издохни-жъ я, коли я теперь кому-нибудь хоть одинъ корешокъ дамъ! — съ сердцемъ, размахивая руками, громкимъ шопотомъ проговорилъ служитель, лишь только надзиратель удалился.

— Па-авлычъ, отдай...—чуть-ли не плача, обратился вдругъ къ нему одинъ изъ больныхъ, осмотрѣвъ свою постель.

— Чего тебѣ еще отдать? дурень ты! Моли Бога, что я тутъ былъ, а не другой... И нашелъ гдѣ прятать? Этакую папушу...— отвѣтилъ служитель, вынимая изъ-за своего нагрудника съ полфунта махорки.

— Павлычъ, отдай, сдѣлай милость... вотъ-те Христосъ, никто не увидитъ...—живо обступили его больные.

— А ну васъ, окаянные!—И, оттолкнувъ ихъ отъ себя, онъ бросился вонъ изъ палаты, унося съ собою предметъ обыска и просьбъ больныхъ — смолку.

— За дѣло тебѣ: не клади плохо; вонъ у Мишки, небось, не нашли...—съ грустью проговорили нѣкоторые больные, очевидно, также заинтересованные въ невозвращенной служителемъ смолкѣ.

— Онъ ищетъ, щупаетъ, а она у меня въ рукахъ, ха-ха-ха! Глянько, братцы!... — торжествуя, похвастался одинъ изъ обы-

Digitized by Google

сканныхъ надзирателемъ больныхъ, показывая товарищамъ, бывшіе у него въ рукѣ, нѣсколько листовъ махорки.

— Молодецъ, Мишка!... нечего сказать — надулъ... Хитеръ мошенникъ!... — одобрили товарищи, не безъ зависти смотря на счастливца, точнѣе, — на руку, скрывавшую драгоцѣнные листки.

— На радостяхъ не *посмолить-ли*? [1]). У кого есть зайчики?— спросилъ Мишка. Но тутъ въ дверяхъ показался фельдшеръ, и больные поспѣшно принялись приводить въ порядокъ свои постели.

Обойдя всѣхъ больныхъ съ вопросами: «сдѣлалъ перевязку?», «приложилъ пластырь?», «принялъ капли?» и т. п., и получивъ такіе-же короткіе отвѣты: «приложилъ... принялъ... сдѣлалъ», фельдшеръ снялъ съ моей кровати дощечку и, передавая ее мальчику-больному, у котораго была отобрана книга, поручилъ ему надписать на ней что нужно.

— А вы какъ, г. Исаевскій? какъ ваша ломота? — освѣдомился онъ у моего сосѣда.

— Все такъ-же; невыносимо ломитъ... Не могу ходить, да и только,—скорчивъ вдругъ болѣзненную гримасу, отвѣтилъ онъ ему.

Фельдшеръ улыбнулся, недовѣрчиво покачалъ головой и направился въ слѣдующую палату.

— Скажите, пожалуйста, развѣ больные сами перевязку себѣ дѣлаютъ?—спросилъ я Исаевскаго.

— Это-бы еще ничего, если-бы они хоть сами кое-какъ мѣняли перевязки, а то, вѣдь, обыкновенно, сдѣлаетъ фельдшеръ разъ перевязку, и она, по два, по три дня не снимается. Тутъ не частная больница, и здѣшній больной молитъ Бога не о выздоровленіи, а о противномъ; чѣмъ дольше рана не заживаетъ,— тѣмъ лучше: благо есть случай не быть на отдѣленіи. Конечно, если-бы докторъ чаще осматривалъ больныя части, тогда и фельдшера имѣли-бы за ними иное наблюденіе; а то, кажется, болѣе или менѣе сносный осмотръ дѣлается только при пріемѣ больнаго, да еще развѣ когда фельдшеръ, почему-либо, найдетъ нужнымъ доложить о послѣдовавшей перемѣнѣ въ ходѣ болѣзни, — отвѣтилъ онъ мнѣ.

— А вы чѣмъ больны?

---

[1]) Покурить.

Digitized by Google

— О, моя болѣзнь, если не ошибаюсь, кажется, одинаковаго свойства съ вашею, — засмѣялся онъ и поспѣшилъ добавить: повѣрите-ли, я только три дня пробылъ на отдѣленіи, и, право, готовъ былъ руки на себя наложить.

Исаевскій вопросительно взглянулъ на прислушивавшагося къ нашему разговору мальчика-больнаго.

— Мнѣ нужно узнать, какъ ихъ зовутъ... — проговорилъ тотъ, указывая на меня.

Удовлетворивъ его свѣдѣніями о моемъ званіи, имени и фамиліи, которыя мальчикъ, тутъ-же, крупнымъ, четкимъ почеркомъ написалъ разведеннымъ мѣломъ на врученной ему фельдшеромъ жестянкѣ, и узнавъ, что онъ уже около трехъ мѣсяцевъ лежитъ въ больницѣ, я не преминулъ освѣдомиться у него о Фокѣ и баронѣ. Онъ зналъ того и другого, и сообщилъ мнѣ, что Фокъ выписался изъ больницы и содержится на секретномъ отдѣленіи, а баронъ лежитъ въ 3-й палатѣ.

— Коли угодно, я ихъ позову, — предложилъ онъ мнѣ.

— Пожалуйста.

Спустя нѣсколько минутъ, на порогѣ палаты показался Соте. Увидавъ меня, онъ на секунду пріостановился было, какъ-бы не вѣря своимъ глазамъ.

— Васъ-ли я вижу, Дмитрій Александровичъ? — радостно проговорилъ онъ, подойдя затѣмъ быстро къ моей кровати и протягивая мнѣ обѣ руки.

Я не могъ сразу не замѣтить сильной перемѣны въ немъ, тѣмъ болѣе поразительной, что я еще такъ недавно разстался съ нимъ. Онъ очень отощалъ и казался гораздо выше своего обыкновеннаго роста; красивое лицо осунулось, покрылось какими-то синими пятнами; живое выраженіе глазъ словно застыло: они смотрѣли теперь грустно, задумчиво. Въ общемъ, вся его наружность свидѣтельствовала о сильныхъ душевныхъ страданіяхъ.

— Меня-то, я думаю, трудно не узнать, а вотъ васъ... — невольно вырвалось у меня въ отвѣтъ. — Я не договорилъ, и нѣсколько разъ, молча, крѣпко пожалъ его руки.

— А что-же меня?... очень перемѣнился. — спросилъ онъ, силясь улыбнуться. — А мнѣ кажется, что я такой-же, какимъ былъ въ части... Ну, что у васъ новаго? Какъ ваше дѣло? Я ужъ хотѣлъ Николаеву написать, съ цѣлью узнать что-нибудь о

Digitized by Google

васъ, — торопливо заговорилъ вдругъ Соте, замѣтно стараясь перемѣнить тему разговора. Я началъ передавать ему, что произошло въ полицейскомъ домѣ, со дня отправленія его оттуда; но лишь только я назвалъ Гуаидзе, какъ Соте движеніемъ руки остановилъ меня и довольно недвусмысленно взглянулъ на моего сосѣда, который, — я тутъ только замѣтилъ это, — съ жадностью ловилъ каждое мое слово.

— Впрочемъ, успѣю еще разсказать вамъ все это, — поправился я. — Скажите-ка лучше, какъ вы тутъ устроились? Вы, вѣдь, въ 3-й палатѣ? Можно заглянуть къ вамъ?

— Конечно, можно; еще ужина не было; до повѣрки добрыхъ два часа... Пойдемте!

Я послѣдовалъ за Соте.

— А у васъ можно свободно говорить? — спросилъ я его, входя въ 3-ю палату.

— Конечно, лучше всего не говорить по русски, — отвѣтилъ мнѣ Соте на французскомъ языкѣ. — Чиновникъ Померанцевъ, — отрекомендовалъ онъ мнѣ своего сосѣда, блѣднаго молодаго человѣка лѣтъ 25-ти. — Ничего не понимаетъ, а объ остальныхъ и говорить нечего; да тутъ и нѣтъ *такихъ*.

— То есть такихъ, какъ Исаевскій? А онъ что-же? — заинтересовался я.

— А вотъ г. Померанцевъ можетъ вамъ о немъ повѣдать,— сказалъ Соте по русски.—Мы говоримъ объ Исаевскомъ...

— А, а... сыщикъ — одно слово, — не задумавшись, коротко и ясно аттестовалъ его г. Померанцевъ.

— Однако, кто-же онъ такой? за что онъ содержится? — не удовольствовался я краткой аттестаціей.

— Если хотите, я вамъ могу о немъ все разсказать: я его очень хорошо зналъ на волѣ, знаю и дѣло его. Тутъ, на дняхъ, мнѣ принесли что-то изъ лавочки; оно оказалось завернутымъ какъ разъ въ тотъ № газеты, въ которомъ былъ напечатанъ судебный отчетъ по его дѣлу... Жалко, на папиросы выкурилъ...

И Померанцевъ съ видимой охотой разсказалъ мнѣ: *кто* и *что* благообразный сосѣдъ мой.

Опуская множество малоинтересныхъ подробностей, которыми изобиловалъ этотъ разсказъ, — подробностей, главнымъ образомъ касавшихся отношеній разсказчика къ предмету разсказа, я огра-

Digitized by Google

ничусь передачей *дѣла* Исаевскаго. Оно достаточно его характеризуетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляетъ несомнѣнный интересъ, какъ знакомящее съ однимъ изъ наиболѣе возмутительныхъ видовъ шантажа на почвѣ государственной службы.

Исаевскій не разъ жаловался Померанцеву на свою злосчастную судьбу въ такихъ выраженіяхъ: «Вѣдь, и умрешь на пятистахъ рубляхъ! Сколько лѣтъ хлопочу о порядочномъ мѣстечкѣ,— нѣтъ, ничего не выходитъ... Протекціи нѣтъ,— вотъ въ чемъ вся и штука. Ты говоришь, у меня и теперь хорошее мѣсто; да что въ немъ толку? позволь тебя спросить. Одно жалованье... помимо — ни гроша, ни откуда. На жалованьи далеко не уѣдешь, особенно съ моимъ семействомъ. Агаповъ получаетъ жалованья всего триста рублей, а посмотри-ка, какую лавку женѣ открылъ да еще домъ собирается покупать. Вотъ оно что значитъ хорошее мѣсто! Тутъ не нужно и жалованья... Есть-же счастливцы!» Въ одинъ прекрасный день, Померанцевъ узнаетъ, что Исаевскій перешелъ на службу во врачебно-полицейскій комитетъ, на должность смотрителя, съ жалованьемъ въ триста рублей въ годъ. Такой переходъ не мало удивилъ недальновиднаго Померанцева, такъ какъ прежнее мѣсто давало Исаевскому пятьсотъ рублей и было, по его мнѣнію, несравненно приличнѣе. Чтобы новое мѣсто могло быть изъ числа тѣхъ «порядочныхъ» мѣстъ, къ которымъ его знакомый такъ упорно стремился, онъ, имѣя весьма поверхностное понятіе о правахъ и обязанностяхъ агентовъ врачебно-полицейскаго комитета, допустить никакъ не могъ, и рѣшилъ, что переходъ Исаевскаго не добровольный, что, по всему вѣроятію, ему было предложено или выйти въ отставку, или перейти на службу въ другое учрежденіе; подвернулось мѣсто смотрителя, — все-таки лучше, чѣмъ быть вовсе безъ мѣста... На самомъ дѣлѣ, было далеко не такъ, и предположенія Померанцева не имѣли ни малѣйшаго основанія. Новая должность Исаевскаго какъ нельзя больше соотвѣтствовала его задушевному желанію. Въ бездоходномъ и неприличномъ, по мнѣнію Померанцева, мѣстѣ смотрителя врачебно-полицейскаго комитета, Исаевскій видѣлъ совершенно достойное себя поприще дѣятельности, долженствовавшее дать ему обильныя средства. Не онъ Агапову, а Агаповъ ему будетъ завидовать... Его новая обязанность, какъ агента врачебно-полицейскаго комитета, имѣющаго непосредствен-

Digitized by Google

ный надзоръ за столичной проституціей, заключалась, главнымъ образомъ, въ строгомъ наблюденіи за своевременнымъ и неуклоннымъ исполненіемъ явными, т. е. уже извѣстными комитету, проститутками относящихся до нихъ постановленій и въ обнаруженіи тайной проституціи. Содержательницы многочисленныхъ публичныхъ домовъ, хозяйки извѣстныхъ квартиръ, несчастныя, независимо занимающіяся своимъ постыднымъ ремесломъ и пользующіяся большимъ или меньшимъ благосостояніемъ, находятся въ непосредственной зависимости отъ смотрителя. Опасно навлечь на себя его неудовольствіе. Закрытіе заведенія, запрещеніе держать квартиру, частые вызовы въ комитетъ,—вотъ его обыкновенныя послѣдствія. Всѣ онѣ являются лицами сильно заинтересованными; естественно, что и заявленія ихъ не могутъ приниматься комитетомъ въ опроверженіе донесеній его агентовъ. И вотъ, всѣ эти несчастныя употребляютъ всевозможныя мѣры, чтобы заслужить благоволеніе агента. Онѣ счастливы, если благоволеніе это — продается. Деньги достаются такъ легко... чего ихъ жалѣть!... А кто изъ жителей столицы не знаетъ, если не по статистическимъ свѣдѣніямъ, то наглядно,—потому что онъ видитъ ежедневно на главныхъ улицахъ города, во всевозможныхъ садахъ и кафешантанахъ,—какъ велико въ столицѣ число несчастныхъ созданій, посвятившихъ себя продажному разврату явно, съ вѣдома врачебно-полицейскаго комитета?... Понятно, какой золотой источникъ дохода представляетъ собою эта масса для недобросовѣстнаго чиновника комитета, который оказался-бы не менѣе продажнымъ, чѣмъ опекаемыя имъ проститутки, хотя и въ другомъ родѣ. Но это еще не все. Опытный агентъ съумѣетъ извлечь гораздо больше изъ другой своей обязанности: обнаруженія *тайной* проституціи. Между вольнымъ или невольнымъ первоначальнымъ паденіемъ, точнѣе, — между тѣмъ, что принято называть этимъ именемъ и дѣйствительнымъ, полнымъ паденіемъ, всегда большой промежутокъ. Онъ наполненъ безпрерывной борьбой съ особеннымъ чувствомъ стыдливости, свойственнымъ всякой женщинѣ. Драгоцѣнное чувство это довольно сильно и не сразу поддается. Оно уступаетъ только мало по малу, подъ вліяніемъ компромиссовъ, бьющихъ примѣровъ, словомъ,—подъ вліяніемъ развращающей житейской обстановки. Пока еще несчастная сохранила долю этого чувства, для нея ничто не можетъ

Digitized by Google

быть такъ страшно, какъ очутиться въ врачебно-полицейскомъ комитетѣ, быть освидѣтельствованной и заклейменной навсегда званіемъ *публичной* женщины. Жолтый листокъ, выдаваемый такимъ женщинамъ, справедливо представляется ей смертнымъ приговоромъ тому немногому, что еще оставалось въ ней нравственнаго. Въ ней еще оставалась доля самоуваженія: она считала себя въ правѣ полагать себя выше тѣхъ, которымъ каждый прохожій имѣетъ *право* сдѣлать гнусное предложеніе, которыхъ знаетъ всякій полицейскій. Теперь, все потеряно; она — *такая-же* и нѣтъ болѣе стыда!... А между тѣмъ, довести ее до этого положенія совершенно зависитъ отъ смотрителя комитета. Онъ вправѣ въ любое время представить ее въ комитетъ, снабдить ужаснымъ листкомъ. И вотъ, благодарное поприще для шантажа. Постоянно угрожая, онъ заставляетъ ее отдавать ему все, что она только можетъ дать, заставляетъ ее дѣлиться своимъ постыднымъ заработкомъ. Не мало, впрочемъ, и такихъ, уже потерявшихъ всякій стыдъ, развратницъ, которыя готовы на всякій откупъ по другимъ причинамъ. Вызовъ въ комитетъ, освидѣтельствованіе и листокъ не затрогиваютъ ихъ нравственно, но за то подрываютъ ихъ кредитъ, ихъ заманчивую репутацію, лишаютъ ихъ возможности казаться не всякому доступными, между тѣмъ, какъ въ этомъ-то именно и заключается ихъ главная прелесть. Тутъ заинтересована уже чисто-денежная сторона. Но тѣмъ лучше для смотрителя: онъ знаетъ это и не упуститъ изъ виду продавая имъ свое благоволеніе. Опытный и неглупый, Исаевскій съумѣлъ себя поставить такъ, что, пользуясь самымъ широкимъ образомъ названными источниками дохода, онъ, въ то-же время, слылъ за ревностнаго служаку и былъ на лучшемъ счету у своего непосредственнаго начальства.

Послѣднее объясняется доказанною имъ съ перваго-же дня своей службы способностью обнаруживать тайную проституцію, которая имъ, повидимому, безжалостно преслѣдовалась. Онъ цѣлыми десятками представлялъ незаписанныхъ еще въ комитетѣ женщинъ, по его удостовѣренію, занимающихся тайной проституціей. Понятно, что это были только такія, которыя подавали мало надежды сдѣлаться доходной статьей: болѣе или менѣе некрасивыя, пожилыя и т. под. Тѣмъ безопаснѣе были его дан-

Digitized by Google

ницы, счастливицы, оказывавшіяся *въ состояніи* пользоваться его расположеніемъ.

Такъ онъ служилъ нѣсколько лѣтъ; продолжалъ-бы, вѣроятно, и теперь служить, и начальство до сихъ поръ оставалось-бы въ полнѣйшемъ невѣдѣніи истиннаго значенія дѣятельности своего усерднаго агента, если-бы не слѣдующій случай, приведшій его въ тюрьму и собственно составляющій — *дѣло*.

Постоянно вращаясь въ мірѣ падшихъ прелестницъ, Исаевскій не долго оставался вѣренъ своей молодой женѣ. Его положеніе давало ему возможность безпрепятственнаго выбора, а богатое разнообразіе представительницъ продажнаго разврата отечественнаго и иноземнаго производства, мало по малу, до крайности развили въ немъ чувственность. Агентъ комитета уже не довольствовался взимаемымъ имъ денежнымъ налогомъ; особенно выдававшіяся своей красотой должны были нести и натуральную повинность: удовлетворять чувственнаго смотрителя одновременно и деньгами, и своими роскошными тѣлами. Очень часто, жертвами развращеннаго смотрителя являлись мало-опытныя дѣвушки, о несчастномъ увлеченіи которыхъ ему удавалось узнать. Ихъ ничто не могло спасти. Сопротивленіе его желаніямъ влекло за собою для нихъ гибельныя послѣдствія. Честное существо, разъ отдавшееся любимому человѣку, представлялось въ комитетъ какъ промышляющее тайнымъ развратомъ; освидѣтельствованіе подтверждало донесеніе смотрителя, и несчастная дѣвушка становилась публичной женщиной... Въ одинъ изъ лѣтнихъ вечеровъ, рыская по проспекту съ цѣлью высмотрѣть добычу, Исаевскій остановилъ свое вниманіе на двухъ молодыхъ дѣвушкахъ, сопровождаемыхъ молодымъ человѣкомъ. Къ несчастью этихъ особъ, молодой человѣкъ вскорѣ распростился съ ними, причемъ громко произнесъ, что онъ ихъ ждетъ. Не переставшій слѣдить за ними Исаевскій не замедлилъ подскочить къ нимъ съ безцеремоннымъ предложеніемъ ѣхать съ нимъ въ гостинницу. Сконфуженныя дѣвушки просятъ оставить ихъ, увѣряя, что онъ ошибается, что онѣ двѣ сестры, вышедшія вмѣстѣ съ братомъ пройдтись. Отвѣтивъ имъ грубымъ хохотомъ, Исаевскій называетъ свою должность и рѣшительно объявляетъ, что онъ не намѣренъ слушать басни: «Если вы сейчасъ не поѣдете со мной, я васъ отправлю въ комитетъ; тогда вы можете имѣть

Digitized by Google

сколько угодно братцевъ».—«Убирайтесь отъ насъ, иначе мы позовемъ городоваго»,—говорятъ ему сквозь слезы дѣвушки.—«Такъ вы не хотите со мной ѣхать? Упрямствуете?»... Раздается свистокъ, являются городовые. Исаевскій предъявляетъ имъ доказательство своего званія и дѣвушекъ, не смотря на ихъ громкій протестъ, усаживаютъ на извозчика и отправляютъ въ участокъ, гдѣ и отбираютъ отъ нихъ свѣдѣнія о ихъ званіи, занятіяхъ и проч. Въ то-же время, случайно, заходитъ въ участокъ знакомый дѣвушкамъ чиновникъ, который и спѣшитъ засвидѣтельствовать о ихъ безукоризненномъ поведеніи; тоже самое подтверждаетъ и одинъ изъ околоточныхъ надзирателей, знакомый ихъ брата... Исаевскій знать ничего не хочетъ и доноситъ комитету, что такія-то двѣ сестры уже давно занимаются тайной проституціей и что необходимо немедленно подвергнуть ихъ освидѣтельствованію, такъ какъ онъ имѣетъ основанія считать одну изъ нихъ больною. Дѣвушки приводятся въ комитетъ, свидѣтельствуются, и къ ужасу Исаевскаго, оказываются... дѣвственницами.

Братъ несчастныхъ опозоренныхъ дѣвушекъ, естественно, не удовольствовался легкимъ извиненіемъ въ *ошибкѣ* и сталъ настоятельно требовать наказанія виновнаго; но послѣдній, какъ совершившій преступленіе по должности, могъ быть преданъ суду только своимъ непосредственнымъ начальствомъ. А оно, будучи введено въ заблужденіе мнимо-усердною дѣятельностью своего агента, долго склонно было видѣть въ происшедшемъ не болѣе, какъ печальную ошибку. Началась переписка... Дѣятельное вмѣшательство прокурорскаго надзора и дружный откликъ печати привели, однако, къ тому, что Исаевскій вскорѣ былъ уволенъ отъ должности и преданъ суду. Присяжные засѣдатели, какъ и можно было ожидать, отнеслись къ нему съ должною строгостью и, признавъ его виновнымъ, отказали въ снисхожденіи. На основаніи ихъ вердикта, судъ приговорилъ его къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Томскую губернію.

— Но почему вы его назвали сыщикомъ? — спросилъ я Померанцева, когда онъ кончилъ свой разсказъ.

— Потому, что это обнаружилось здѣсь, въ больницѣ. По его желанію, я перезнакомилъ его со многими больными, въ томъ числѣ вотъ и съ барономъ, разумѣется, нисколько не подозрѣвая

Digitized by Google

истинной цѣли такого желанія знакомиться. Думалъ — просто, человѣкъ сообщительный, скучно... а оказалось совсѣмъ другое; оказалось то, что меня изъ-за него чуть не убили. Пріѣзжали къ нему нѣсколько разъ сыщики, его самого разъ вызвали въ сыскное отдѣленіе; но я, все-таки, ничего не подозрѣвалъ: мало-ли, думаю себѣ, о чемъ его могутъ допрашивать? Рядомъ съ нимъ лежалъ одинъ солдатъ, обвиняемый въ убійствѣ; уликъ—никакихъ и онъ со дня на день ждалъ освобожденія. Вотъ, пріятель-то мой къ нему и подъѣхалъ. Ну, своему брату-арестанту тотъ, понятное дѣло, разсказалъ все какъ было: гдѣ спряталъ взятыя у убитаго деньги, кому продалъ вещи и проч. Третьяго дня, этого солдата вызываютъ къ слѣдователю; только, вмѣсто больницы, его отъ слѣдователя прямо отвели въ секретный нумеръ. Въ тюрьму онъ, однако, возвращался не одинъ, и съ нимъ въ повозкѣ ѣхало еще нѣсколько человѣкъ арестантовъ, одному изъ которыхъ онъ и поручилъ передать всѣмъ больнымъ, что Исаевскій сыщикъ, что онъ его погубилъ, чтобы остерегались и т. под. Арестантъ умудрился передать порученіе въ тотъ-же день. Господи, что тутъ было! Если-бы во-время не подоспѣли городовые, его-бы на куски разорвали... бока-то помяли порядочно: трое въ карцерѣ сидятъ. А на другой день накрыли *тяжную* вашему покорному слугѣ: «онъ твой знакомый, отчего ты не сказалъ, что онъ сыщикъ»...

— Довольно, однако, господа,—перебилъ Соте Померанцева.— Ну его къ чорту!

— Чортъ съ нимъ! — живо согласился тотъ. — Пойти въ 4-ю палату: не разживусь-ли тамъ нѣмного смолкой. Вы курите, конечно?—спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, не курю.

— Счастливый вы человѣкъ: для васъ, тюрьма вдвое менѣе тягостна, чѣмъ для нашего брата, курящаго... Пойду, авось добуду,—проговорилъ Померанцевъ, направившись въ 4-ю палату.

Соте съ видимымъ нетерпѣніемъ ждалъ моего разсказа. Понятно, что, едва Померанцевъ поднялся съ кровати, какъ я поспѣшилъ удовлетворить дружеское любопытство Соте, познакомивъ его со всѣмъ, что произошло со мной во время его отсутствія изъ полицейскаго дома.

Digitized by Google

— Печальныя вѣсти, — проговорилъ онъ, сосредоточенно выслушавъ меня. За исключеніемъ нѣсколько разъ срывавшихся у него съ языка восклицаній: «негодяй!... подлецъ!...», относившихся къ Егорову, онъ, пока я не кончилъ, ни однимъ словомъ не перебилъ меня: ни краткаго обмѣна мыслей, ни замѣчаній, ни вопросовъ, столь естественныхъ во время разсказа о событіяхъ, въ которыхъ принимали участіе извѣстныя слушателю лица.

— Ужинъ несутъ! Ужинъ!—раздалось около насъ.

— Успѣли-ли вы въ части пообѣдать?—освѣдомился Соте. Я долженъ былъ сознаться, что чувствую себя достаточно голоднымъ, чтобы съ удовольствіемъ воспользоваться больничной овсянкой.

— Для этого, вамъ нѣтъ надобности ходить въ свою палату: можно и здѣсь,—остановилъ меня Соте.—У меня и булка есть,—добавилъ онъ,—доставъ изъ-подъ подушки, завернутый въ больничное полотенце, полутора-копѣечный розанчикъ. На доскѣ барона значилось: «3 порц.». Она, какъ извѣстно читателю, состояла именно изъ такого розанчика и овсянки, конечно, нисколько не достаточныхъ для питанія болѣе или менѣе здороваго человѣка. Я зналъ безденежье Соте: *купить* розанчикъ онъ не могъ; а то обстоятельство, что онъ дневную свою порцію оставлялъ неприкосновенной, въ извѣстной степени объясняло мнѣ его тощій видъ. Для меня было ясно, что онъ упалъ духомъ, сильно страдаетъ душевно и до такой степени отдался этимъ страданіямъ, что не замѣчаетъ недостатка пищи, потерявъ всякій аппетитъ. Взявъ миску, онъ подошелъ къ ушату, который внесшіе его служители такъ осторожно опустили, вѣрнѣе будетъ сказать,—бросили на полъ, что нѣкоторые трудно-больные, мгновенно разбуженные внезапнымъ ударомъ ушата объ полъ, заметались на своихъ кроватяхъ и громко застонали; и обождавъ, пока двое относительно-здоровыхъ больныхъ перестали подходить съ своими и слабыхъ своихъ товарищей мисками, онъ поднесъ, наконецъ, свою.

— И вы захотѣли сегодня поѣсть овсянки? дѣло хорошее, баринъ,—проговорилъ одинъ изъ служителей, наполняя ее.

Но Соте и не думалъ ѣсть ее. Поставивъ предо мной миску, онъ подалъ мнѣ ложку и розанчикъ, и, предупреждая вопросъ мой, поспѣшилъ объяснить, что онъ настолько сытъ, что не составитъ мнѣ компаніи.

Digitized by Google

— А позвольте узнать, *чѣмъ* вы сыты?—не вытерпѣлъ я.

— Какъ чѣмъ?... Я... я обѣдалъ...—замялся онъ, и, вслѣдъ за тѣмъ, съ мнимымъ оживленіемъ добавилъ:—Да вы не смотрите на меня: я, ей Богу, сытъ... Если хотите, я, пожалуй, присоединюсь...

— Очень хочу,—серьезно отвѣтилъ я, смотря ему прямо въ глаза.

Онъ лѣниво досталъ ложку отсутствующаго Померанцева, медленно вытеръ ее тѣмъ-же полотенцемъ, въ которое былъ завернутъ розанчикъ и которое, безъ сомнѣнія, служило также для вытиранія лица и рукъ, и еще съ большею медленностію началъ подносить эту ложку отъ миски ко рту и обратно, едва дотрогиваясь до овсянки. Въ то-же время, съ видимою цѣлью избѣжать разговора, лично до него относящагося, котораго предвѣстникомъ служили мои краткіе вопросъ и отвѣтъ, сопровождаемые болѣе выразительной интонаціей, онъ предложилъ мнѣ, одинъ за другимъ, нѣсколько мало интересныхъ, едва вытекавшихъ изъ моего разсказа, вопросовъ. Отвѣтивъ на нихъ съ возможною краткостью, я, послѣ того, какъ «ужинъ» кончился и служители обобрали миски, воспользовался молчаніемъ Соте, и безъ всякихъ предисловій, ссылаясь на свою дружбу, откровенно высказалъ ему печальныя мысли, внушенныя мнѣ найденною въ немъ рѣзкой перемѣной, какъ въ наружномъ, такъ и въ духовномъ отношеніяхъ. Болѣзненный стонъ, стонъ безъисходнаго отчаянія, былъ мнѣ отвѣтомъ. Острое сожалѣніе, словно тисками, сжало вдругъ мое сердце. Едва сдерживая навертывавшіяся на глаза слезы, я горячо принялся доказывать ему неумѣстность отчаянія... Я такъ увлекся, что не замѣтилъ продолжительнаго звона тюремнаго колокола, и только появленіе Померанцева, со словами: «Повѣрка идетъ, вамъ надобно быть на своемъ мѣстѣ», могло прервать меня. Какъ-бы углубленный въ разсматриваніе своихъ пальцевъ, баронъ упорно молчалъ, и лишь краска, разлившаяся по всему лицу его, свидѣтельствовала о впечатлѣніи, произведенномъ моимъ несомнѣнно убѣдительнымъ,—потому что исходило изъ глубины души,—краснорѣчіемъ.

— По мѣстамъ! по мѣстамъ!—раздалась команда служителя. Соте поднялъ на меня свои грустные глаза.

Digitized by Google

— Послѣ повѣрки, я къ вамъ приду, Дмитрій Александровичъ... Спасибо... произнесъ онъ, замѣтно взволнованный, крѣпко пожавъ мнѣ руку.

Дрожащій голосъ его и видъ обратили на себя вниманіе Померанцева, который окинулъ насъ вопросительнымъ взглядомъ. Я поспѣшилъ сказать: «до свиданія», и отправился «на мѣсто».

— Скажите, пожалуйста, вѣдь вы давно знаете барона?— заискивающе обратился ко мнѣ сосѣдъ мой, лишь только я сѣлъ на свою кровать.

— Давно.

— На волѣ знали?... Что у него за дѣло?

— Мало-ли у него дѣлъ!—серьезно отвѣтилъ я,—дѣлъ шесть, кажется.

Исаевскій живо пересѣлъ ко мнѣ на кровать.

— Во-отъ какъ? шесть дѣлъ?... Любопытство «сыщика» было возбуждено въ высшей степени.

— Да, если не больше,—подтвердилъ я.

— Вѣроятно, все однородныя?—допытывался онъ, умиленно гладя свою почтенную бороду.

— Нѣтъ, сбытъ фальшивыхъ денегъ, подлоги... отвѣтилъ я, какъ-бы не замѣчая дѣйствія своихъ отвѣтовъ.

— Это очень интересно... Вамъ, конечно, извѣстны подробности?—Плохо скрывая страстное нетерпѣніе, онъ такъ близко придвинулся ко мнѣ при этомъ, что я ощущалъ на себѣ его дыханіе.

— Извѣстны... Кажется, повѣрка идетъ.

Исаевскій быстро пересѣлъ на свою кровать. Раздалось: «смирно!» и «повѣрка» вошла въ палату.

— Разъ, два, три, четыре... Сосчитавъ больныхъ и назвавъ ихъ число старшему городовому, который немедленно записалъ таковое мѣломъ на имѣвшейся у него въ рукахъ длинной, узкой дощечкѣ,—производившій повѣрку, младшій помощникъ смотрителя обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Совѣтую вамъ, г. Карасевъ, безусловно подчиниться здѣшней дисциплинѣ; это васъ избавитъ отъ большихъ непріятностей... повѣрьте мнѣ. Старшій городовой доложилъ, что вы, по выходѣ изъ конторы, пустились бѣжать и, не смотря на неоднократныя приказанія остановиться, не сдѣлали этого. Я не хотѣлъ взять на себя наложенія на васъ взысканія и передалъ объ этомъ смо-

Digitized by Google

трителю. Пожалуйста, не подавайте больше повода къ жалобамъ... Я надѣюсь...—И онъ уже хотѣлъ было отойти, какъ я остановилъ его просьбой выслушать меня и передать смотрителю также и мое объясненіе.

— Хорошо-съ, я передамъ,—произнесъ онъ, благосклонно выслушавъ меня.

— Васъ завтра опять въ сыскное отдѣленіе требуютъ,—сказалъ онъ мимоходомъ Исаевскому. Послѣдній почтительно поклонился.

— Ваше благородіе, на счетъ карандашей,—напомнилъ старшій городовой помощнику.

— Да, гдѣ они?—спросилъ онъ. «Тульскій» и «питомецъ» робко отдѣлились отъ своихъ кроватей.

— Гдѣ взяли карандаши?—обратился къ нимъ помощникъ.

— Нашли, ваше выс-діе... послѣдовалъ едва слышный отвѣтъ.

— Толкуй тамъ,—нашли!... Вы все находите!—вмѣшался старшій городовой, повидимому, не особенно стѣснявшійся передъ младшимъ помощникомъ.

— Гдѣ нашли?—продолжалъ допрашивать послѣдній.

— Мы оба вмѣстѣ ихъ нашли... въ корридорѣ... на окнѣ... отвѣтилъ «питомецъ».

— А вотъ, чтобы вы впередъ не находили карандашей, я васъ оставлю безъ свиданія,—объявилъ помощникъ старшему городовому, лицо котораго, при такой резолюціи, изобразило крайне недовольную гримасу.

— Вы какое преступленіе совершили?—тономъ начальника, обратился ко мнѣ вдругъ сопутствовавшій помощнику караульный офицеръ, юноша лѣтъ 18—19, не сводившій съ меня глазъ, пока длилось дознаніе о карандашѣ.

Присутствіе помощника и только что преподанный имъ совѣтъ относительно тюремной дисциплины поставили меня въ довольно затруднительное положеніе. *Права* на отвѣтъ на свой вопросъ караульный начальникъ, безспорно, не имѣлъ. Тонъ, которымъ онъ былъ предложенъ, отнималъ всякую охоту удовлетворить его любопытство. А между тѣмъ, такой отвѣтъ, какой онъ заслуживалъ, несомнѣнно, былъ-бы отнесенъ къ нарушенію тюремной дисциплины. Къ счастью, помощникъ замѣтилъ впечатлѣніе, произведенное на меня вопросомъ караульнаго началь-

Digitized by Google

ника, и въ возможно мягкихъ выраженіяхъ объяснилъ ему за меня, что я обвиняюсь въ присвоеніи себѣ имени князя Каракадзе.

— А-а-а, такъ это субъектъ, о которомъ я недавно читалъ? гм...—измѣривъ меня съ ногъ до головы еще болѣе пристальнымъ и высокомѣрнымъ взглядомъ, проговорилъ офицеръ, удаляясь съ помощникомъ изъ палаты. За ними, разумѣется, послѣдовала и свита ихъ, городовые и караульные солдаты.

— Дай Богъ ему добраго здоровья! хорошій баринъ, никогда не обидитъ,—съ чувствомъ произнесъ «тульскій».

— Хорошо, что на его дежурствѣ; *тотъ*-бы разговаривать не сталъ: прямо къ капитану. Слава-те, Господи!—радостно перекрестился «питомецъ».—А паукъ, видѣли, братцы, какъ косился? Да ничего сдѣлать не можетъ.

— Сяводня хоша-бы смолку нашелъ, такъ и то ничаво-бы не было!—подтвердилъ Мишка, вырывая листокъ изъ имѣвшагося у него евангелія и принимаясь вертѣть папироску.

— Какъ кому, а коснись до меня,—глубокомысленно заявилъ одинъ больной:—такъ я лучше у Капотина отсижу, чѣмъ безъ свиданія остаться. Знамо къ тебѣ никто не ходитъ, для тебя все равно.

— А барина, слышалъ? опять въ сыскное...—донесся до меня шопотъ.

Между больными завязалась живая общая бесѣда. Младшій помощникъ—душа-человѣкъ; старшій помощникъ—сущій дьяволъ; пауки старшіе и младшіе; надзиратель—жидъ; служитель Григорій, у котораго можно достать смолки, былъ-бы только пятачекъ; служитель Иванъ, которому и заикнуться про смолку не смѣй, и фельдшеръ, морящій по двѣ недѣли на овсянкѣ,—вотъ предметы, около которыхъ преимущественно вертѣлась бесѣда. Я умышленно прислушивался къ ней настолько замѣтно, что какъ ни сильно было въ Исаевскомъ желаніе узнать *дѣла* барона, онъ, однакожь, не рѣшился заговорить со мной. Приходъ Соте, очевидно, былъ ему очень пріятенъ: онъ даже указалъ ему на свою кровать, предупредительно проговоривъ: «Не угодно-ли? Пожалуйста... Можетъ быть, я васъ стѣсняю. Я, впрочемъ, послѣ повѣрки, имѣю привычку дѣлать нѣкоторый маціонъ по палатѣ...» И онъ уже готовъ былъ оставить свою кровать, какъ Соте, поблагодаривъ его легкимъ наклоненіемъ головы, спросилъ меня

Digitized by Google

по французски: «не нахожу-ли я болѣе удобнымъ опять воспользоваться 4-й палатой?» Исаевскій, вѣроятно, понимавшій этотъ языкъ, оставилъ свое намѣреніе и, съ видомъ оскорбленнаго достоинства, углубился въ книгу, читать которую врядъ-ли позволялъ скудный свѣтъ палатной лампы. Я, конечно, охотно принялъ предложеніе Соте и, спустя минуту, уже бесѣдовалъ... съ Померанцевымъ.—«Пожалуйте, пожалуйте, г. Карасевъ! Я только что подумывалъ къ вамъ отправиться... Ну, согласитесь, возможная-ли вещь съ этихъ поръ завалиться спать? Баронъ тоже меня оставилъ; онъ хотя и не изъ разговорчивыхъ, а все-таки... Садитесь-же!»—радостно привѣтствовалъ онъ меня. Мысленно посылая добраго малаго ко всѣмъ чертямъ, я, однакожь, волей-неволей, долженъ былъ вступить съ нимъ въ разговоръ. Къ несчастью, Померанцевъ оказался изъ тѣхъ словоохотливыхъ людей, которые, владѣя даромъ слова и нѣкоторой долей остроумія, имѣютъ способность безконечно говорить на любую тему, какъ-бы безсодержательна она ни была. Я это скоро замѣтилъ, и сталъ ограничивать свое участіе въ разговорѣ однимъ словомъ: «да». Но это нисколько не подѣйствовало. Не имѣя повода подозрѣвать истинной причины моего немногорѣчія, онъ, вѣроятно, видѣлъ въ этомъ мое совершенное съ нимъ согласіе и, пожалуй, увлеченіе перлами его краснорѣчія. Соте нетерпѣливо пожималъ плечами и, конечно, раскаявался въ своемъ приглашеніи, точно также, какъ и я—въ томъ, что принялъ его. А тутъ, на бѣду, явился надзиратель съ весьма внушительнымъ замѣчаніемъ: «кто, молъ, дескать, позволилъ вамъ, послѣ повѣрки, быть не въ своей палатѣ?...» Такъ мнѣ болѣе и не довелось въ тотъ вечеръ поговорить съ Соте. Раздосадованный этимъ, я далъ безцеремонный отпоръ моему любопытному сосѣду, который, бодрствуя, ожидалъ моего возвращенія изъ 4-й палаты и не преминулъ спросить меня: не буду-ли я—такъ любезенъ, чтобы продолжить такъ некстати прерванный разговоръ о Соте, представляющемъ, какъ оказывается, крайне интересный тюремный типъ. Въ другое время, я, пожалуй, удовлетворилъ-бы его желаніе и продолжалъ его мистифицировать; но настоящее настроеніе далеко не располагало къ этому, и я довольно рѣзко отвѣтилъ: «Зная васъ такъ мало, я не считаю себя вправѣ особенно распространяться съ вами о человѣкѣ, которому не имѣю ни малѣйшаго повода желать

Digitized by Google

зла. Если вамъ угодно, я соберу о васъ завтра нѣкоторыя свѣдѣнія, т. е. спрошу нѣкоторыхъ изъ больныхъ, относительно-болѣе знакомыхъ съ вами, и тогда...»

— Нѣтъ, не безпокойтесь, пожалуйста, — живо перебилъ онъ меня,—къ чему это? Во-первыхъ, меня здѣсь близко никто не знаетъ, и очень вѣроятно, что вамъ наскажутъ Богъ знаетъ какія нелѣпости; а во-вторыхъ,—мое любопытство, смѣю васъ увѣрить, вовсе не такого характера, какой вамъ, повидимому, угодно придать ему. Я, впрочемъ, нисколько не оскорбляюсь... Я очень радъ поговорить съ вами о чемъ-нибудь другомъ...

— Я тоже очень радъ, только не сегодня... Спокойной ночи!— проговорилъ я, проворно закутываясь въ одѣяло, и закрылъ глаза.

— Спокойной ночи, милѣйшій сосѣдъ!...—не то зѣвая, не то вздыхая, отозвался Исаевскій. И, поднявшись съ кровати, онъ отчетливо произнесъ вслухъ нѣсколько молитвъ «на сонъ грядущій». Заключивъ и ихъ такимъ-же подозрительнымъ, еще болѣе глубокимъ и протяжнымъ вздохомъ, онъ также убрался подъ одѣяло.

По обыкновенію, сонъ не скоро овладѣлъ мною. Среди глубокой тишины, царившей въ палатѣ, освободившаяся отъ внѣшнихъ впечатлѣній мысль еще долго продолжала свою лихорадочную работу...

На другой день утромъ, я, не смотря на совѣтъ надзирателя, обратился къ младшему фельдшеру съ просьбой: устроить мое пребываніе въ больницѣ, хотя-бы въ продолженіи одной недѣли; причемъ присовокупилъ, что «за цѣной не постою». Послѣднія четыре слова возымѣли свое дѣйствіе. Помощникъ Гулькевича на минуту погрузился въ глубокую думу. Но, увы! результатъ ея, высказанный мнѣ съ неподдѣльнымъ сожалѣніемъ, былъ весьма печальнаго свойства: «ничего нельзя подѣлать; если-бы вы еще вчера сказали мнѣ объ этомъ, можно-бы было дать вамъ принять что-нибудь... Теперь, того и гляди, войдетъ докторъ... не успѣетъ подѣйствовать... можетъ догадаться... Развѣ вотъ что: васъ сегодня выпишутъ, а вы, дня черезъ два, опять приходите; тогда можно будетъ устроить. А теперь, ужъ если приказалъ выписать, ничего нельзя сдѣлать»...

Digitized by Google

Ясная, до очевидности, неизбѣжность обратнаго, — спустя нѣсколько часовъ,—слѣдованія въ полицейскій домъ вытѣснила всякую надежду, и я уже заботился только о томъ, чтобы употребить съ нѣкоторой пользой эти нѣсколько часовъ: я долженъ былъ снестись съ Фокомъ и пробудить Соте отъ овладѣвшей имъ апатіи.

На вопросъ старшаго врача: «чѣмъ боленъ?» я совершенно равнодушно, малоубѣдительно повторилъ то-же, что отвѣтилъ на тотъ-же вопросъ, наканунѣ, палатному врачу.

— У меня тоже голова болитъ, а я вотъ еще на службу хожу... ядовито произнесъ врачъ. И онъ уже началъ было искать что-то въ заготовленномъ для меня скорбномъ листкѣ, какъ фельдшеръ поспѣшилъ доложить, что я подлежу выпискѣ, что «Василій Ивановичъ» хоть и приняли меня, но приказали сегодня выписать.

— Это что еще за новости? Здоровыхъ не принимаютъ, а возвращаютъ назадъ, откуда присланы. А принять—значитъ болѣнъ... И, живо зачеркнувъ то, что успѣлъ написать, врачъ дотронулся до моего лба и пульса и, проговоривъ: «лихорадочное состояніе... дать хинины... третья порція!»...» вновь написалъ нѣсколько строкъ въ листкѣ. Черкнувъ затѣмъ въ листкѣ каждаго изъ находившихся въ палатѣ больныхъ, онъ, не удостоивъ ни одного изъ нихъ не только вопросомъ, но и взглядомъ, оставилъ палату.

Я съ трудомъ вѣрилъ своему слуху и зрѣнію: вновь написанныя докторомъ строки заключали въ себѣ краткое описаніе моей болѣзни и средство леченія. Первое гласило, между прочимъ, что я жалуюсь на сильную головную боль, ознобъ и тошноту, и что при изслѣдованіи оказалось: пульсъ—98 и т. под. Зачеркнутыя два слова также не трудно было разобрать: «здоровъ, выписать». Что-же могло его заставить внезапно измѣнить себѣ, своему первоначальному предписанію: выписать? Гдѣ побудительныя причины къ *сочиненію* болѣзни съ жалобами съ моей стороны на ознобъ и тошноту? Пульсъ—98...

Digitized by Google

ГЛАВА XVII.

ВИЖУСЬ СЪ ГУРИНОЙ, РАЗСТАЮСЬ СЪ СЕТЕ И ЗАБОЧУСЬ О ФОКѢ.

Въ палату вошла высокая, стройная женщина, лицо которой трудно было разглядѣть сквозь густой черный вуаль, которымъ оно было покрыто. Больные встрѣтили ее почтительными поклонами. Отвѣтивъ на нихъ медленными кивками головы въ обѣ стороны палаты, женщина, цѣль которой, повидимому, была не 3-я палата, не останавливаясь, направилась въ слѣдующую. Но, поровнявшись съ моей кроватью и бросивъ на меня случайный взглядъ, она вдругъ остановилась, быстро откинула вуаль и, сложивъ руки, тономъ глубокаго негодованія проговорила:

— Такъ вотъ гдѣ мнѣ пришлось вновь встрѣтить васъ?

Это была Елена Андреевна Гурина, нѣкогда принимавшая во мнѣ столь горячее участіе. Почти три года тому назадъ, обходя секретныя камеры тюрьмы, она, въ одной изъ нихъ, въ первый разъ увидѣла меня. Тогдашнее положеніе мое, съ одной стороны, было едва-ли не хуже настоящаго: совершенно незнакомый съ дѣйствительною жизнью, безъ всякаго опыта, я вдругъ очутился подъ всею тяжестью горькой дѣйствительности, имѣя лишь 18 лѣтъ отъ роду, при крайне впечатлительной натурѣ. Отвыкнувъ видѣть кого-бы ни было, кромѣ грубыхъ тюремщиковъ и, изрѣдка, презрительно-вѣжливаго товарища прокурора, я не могъ не выразить глубокаго удивленія при видѣ посѣтительницы, рѣчь которой была мнѣ совершенно неизвѣстна. Ласковый голосъ, добрая улыбка, теплое слово быстро проникли въ мою душу, и на вопросы посѣтительницы я оказался безсильнымъ отвѣтить словами: отчаянный плачъ былъ отвѣтомъ... Я нашелъ *чужую* помощь: явилась надежда на будущее, и я сталъ оживать. Прошло шесть долгихъ мѣсяцевъ. Тюрьма выпустила меня изъ своихъ желѣзныхъ объятій. Елена Андреевна опредѣляетъ меня въ полкъ, причемъ беретъ съ меня слово, что я скрою отъ брата ея, начальника ди-

Digitized by Google

визіи, свою бытность въ тюрьмѣ. «Это необходимо. Вы еще не знаете, до какой степени въ обществѣ вкоренилось мнѣніе о совершенной нравственной непригодности лица, однажды бывшаго въ тюрьмѣ. Если узнаютъ, что вы были въ тюрьмѣ, всѣ мои хлопоты будутъ напрасны, и даже мой братъ не согласится принять васъ на службу въ свою дивизію»,—говорила она мнѣ, отправляя меня съ письмомъ къ своему брату. Потребовалось свидѣтельство о несостояніи подъ судомъ. «Я достану это свидѣтельство, не безпокойтесь; потомъ, спустя нѣкоторое время, это можно будетъ устроить. Пока, дайте подписку, что вы его представите въ послѣдствіи»,—говорила она опять. Читателю извѣстны грустныя послѣдствія этой «необходимой» лжи... По исключеніи меня изъ службы, считая М-ше Гурину, въ извѣстной степени, виновною въ своемъ новомъ несчастьи, и будучи оскорбленъ содержаніемъ одного ея письма, которымъ, какъ мнѣ казалось, она желала избавиться отъ меня, я отказался отъ ея покровительства, прервавъ свои отношенія къ ней. И вотъ, спустя полтора года, я вижу ее вновь, въ той-же тюрьмѣ, только не въ секретномъ нумерѣ, а въ больницѣ, вижу ее не ласковою и утѣшающею, а полною негодованія, упрекающею меня въ моемъ вторичномъ паденіи.

— Стыдно, милостивый государь!—тѣмъ-же тономъ продолжала она, приблизясь ко мнѣ. — На что вы употребили ваши способности? На то, чтобы придти опять въ тюрьму, и своимъ примѣромъ вредить вотъ этимъ несчастнымъ, лишеннымъ вашего развитія и образованія? Чтобы заставить меня горько раскаяваться въ томъ, что я когда-то принимала въ васъ горячее участіе? Куда дѣлась ваша стыдливость, совѣстливость? Такимъ-ли я васъ знала? Вѣдь, волосъ дыбомъ становится, когда послушаешь о вашихъ преступныхъ похожденіяхъ...

Больно отзываясь въ моей наболѣвшей душѣ, слова эти, въ то-же время, заставляли меня смотрѣть на Елену Андреевну крайне удивленными глазами. Та-ли это женщина, изъ устъ которой исходили только слова христіанской любви къ ближнему, безконечнаго снисхожденія и участія? Неужели только что слышанное мною рѣзкое слово безпощаднаго осужденія было произнесено ею? Казалось невѣроятнымъ.

— Вы молчите; вы даже не находите, что мнѣ отвѣтить?— спросила она меня съ видимымъ озлобленіемъ послѣ минутнаго молчанія.—Здравствуйте, докторъ!

Digitized by Google

— Мое почтеніе, ваше пр—ство!—поспѣшилъ подойти къ ней, возвращавшійся изъ 4-й палаты, докторъ.

— Чѣмъ боленъ г. Карасевъ?—спросила она его.

— Простуда, впрочемъ, довольно серьезная... серьезно отвѣтилъ докторъ.

Я переходилъ отъ удивленія къ удивленію.

— Кстати, вотъ вамъ еще доказательство, какъ относится мой хваленый коллега къ своимъ обязанностямъ,—съ замѣтнымъ злорадствомъ произнесъ онъ тутъ-же по французски. — Человѣкъ положительно боленъ, полицейскій врачъ препровождаетъ его, при своемъ свидѣтельствѣ, къ намъ. И что-же? Онъ его принимаетъ и, въ то-же время, отдаетъ фельдшеру приказаніе на другой день выписать его. На что это похоже? Нѣтъ, ваше пр—ство, я не могу дольше продолжать съ нимъ службу! — И изобразивъ на своемъ лицѣ гримасу сожалѣнія, докторъ развелъ руками.

— Вамъ угодно, чтобы я это передала генералу? — спросила его Гурина съ видомъ недовольства.

— Повѣрьте мнѣ, ваше пр—ство, что только забота о вверенномъ мнѣ дѣлѣ побуждаетъ меня такъ поступать; лично я противъ него ничего не имѣю... Имѣю честь кланяться...

М-me Гурина молча протянула ему руку.

— Вы, дѣйствительно больны?—недовѣрчиво спросила она меня.

— Откровенно говоря, я не чувствую себя больнымъ, и прибылъ въ больницу съ единственною цѣлью: внести нѣкоторое разнообразіе въ свою тюремную жизнь.

— Странно; откуда-же онъ взялъ у васъ простуду, да еще *серьезную*!—задумчиво произнесла она скороговоркой.

— Вы, быть можетъ, еще болѣе удивитесь, если я вамъ скажу, что онъ-же сначала написалъ въ листкѣ, что я здоровъ и подлежу выпискѣ, а потомъ, когда ему фельдшеръ тутъ-же доложилъ, что принимавшій меня врачъ также приказалъ выписать меня, онъ зачеркнулъ написанное и призналъ меня больнымъ лихорадкой, простудой,—умышленно проговорилъ я, желая вполнѣ разъяснить себѣ странное относительно меня поведеніе старшаго доктора, неблаговоленіе къ которому Гуриной было очевидно.

Ключъ къ отгадкѣ этого поведенія, благодаря происходившему въ присутствіи моемъ краткому разговору, былъ найденъ раньше,

Digitized by Google

чѣмъ я ожидалъ. Подозрѣніе, слышавшееся въ послѣднемъ вопросѣ Гуриной, утверждало меня въ вынесенномъ изъ этого разговора впечатлѣніи, и, отвѣчая ей такъ, я, не безъ основанія, разсчитывалъ, что новый ея вопросъ или замѣчаніе дополнятъ составлявшееся объясненіе. Я не ошибся. Отвѣтъ мой настолько заинтересовалъ ее, что она, забывъ, повидимому, свое негодующее отношеніе ко мнѣ, попросила меня разсказать ей подробнѣе обстоятельства пріема меня въ больницу.

— Во-отъ какъ? Я такъ и думала,—произнесла она какъ-бы про себя, когда я исполнилъ ея просьбу.—Ваша простуда явилась потому только, что Ф. нашелъ васъ здоровымъ; найди онъ васъ больнымъ, тогда, на-оборотъ, К. нашелъ-бы васъ совершенно здоровымъ.—Гурина громко вздохнула, и вдругъ, какъ-бы вспомнивъ что-то, устремила на меня упорный взглядъ сожалѣнія.

— Опомнитесь, г. Карасевъ, обратитесь къ Богу, постарайтесь пробудить вашу дремлющую совѣсть, раскайтесь въ своихъ многочисленныхъ преступленіяхъ!.. И вы еще можете быть спасены,—пророчески проговорила она.

— Нѣтъ, не говорите мнѣ ничего; не прибавляйте лжи!—энергическимъ движеніемъ руки, быстро остановила она мою попытку заговорить.—Возьмите это евангеліе.

— Я уже имѣю одинъ экземпляръ, которымъ меня снабдила графиня Галенъ,—рѣзко отвѣтилъ я, почувствовавъ приливъ крови къ лицу.

— Ну, и, конечно, ни разу въ него не заглянули? — насмѣшливо спросила она, положивъ обратно въ ручной редикюль предложенное евангеліе. Я не отвѣчалъ. Она отчаянно покачала головою, промолвивъ нѣсколько разъ: «грустно, грустно!»... и, наконецъ, проговорила:

— Прощайте! Дай Богъ, чтобы вы вернулись къ хорошей, честной жизни.

Въ тонѣ и выраженіи, которыми были произнесены послѣднія слова, нельзя было не узнать прежнюю, всепрощающую, проникнутую безпредѣльною любовью Елену Андреевну. Тѣмъ болѣзненнѣе чувствовалось общее подавляющее впечатлѣніе настоящаго свиданія. Неужели преступность моя такъ велика и ужасна, что могла совершенно преобразить эту кроткую женщину и заставить ее, вмѣсто евангельскаго слова утѣшенія, бросить въ

Digitized by Google

меня, непривычный въ ея устахъ, суровый приговоръ безусловнаго осужденія? Или это разочарованіе? Прежнія убѣжденія, прежняя безграничная любовь къ несчастному человѣчеству, вѣра въ его хорошія стороны уступали, почему-то, мѣсто озлобленію, глубокой подозрительности, а быть можетъ и ненависти. Продолжительное общеніе съ тюремнымъ міромъ и болѣе близкое, непосредственное знакомство съ людскою испорченностью, повидимому, повлекли за собою значительное охлажденіе, невольный скептицизмъ. Оказалось, что имѣть только доброе сердце и желаніе слѣдовать возвышеннымъ указаніямъ религіи недостаточно, постоянно имѣя предъ глазами порокъ въ самыхъ его разнообразныхъ, возмутительныхъ формахъ, наглое притворство, ложь, черную неблагодарность. Для того, чтобы оставаться нравственно неизмѣннымъ, оставаться, такъ сказать, внѣ вліянія житейскихъ ударовъ, нужны еще твердая воля, непоколебимыя убѣжденія, опытный, закаленный въ бояхъ характеръ, т. е., то, что, къ сожалѣнію, рѣдко вносятъ въ свою дѣятельность тѣ почтенныя дамы, которыя, въ силу того или другого импульса, чаще всего вслѣдствіе мистическо-религіознаго настроенія, посвящаютъ себя извѣстному дѣлу, безъ всякой серьезной, предварительной къ нему подготовки. А тюремная филантропія, въ истинномъ значеніи этого слова, именно и требуетъ такой подготовки. Одна только *матеріальная* помощь никогда безусловно не подниметь падшаго, и, тѣмъ менѣе, *исправитъ* порочнаго. Онъ требуетъ серьезнаго леченія, что, очевидно, невозможно при поверхностномъ,— такъ сказать, наружномъ лишь,—знакомствѣ съ болѣзнью...

Среди такихъ размышленій засталъ меня Соте.

— Намъ приходится вмѣстѣ возвращаться къ Егорову,—сказалъ онъ мнѣ.

— Какъ такъ вмѣстѣ?

— Я тоже выписанъ, отвѣтилъ онъ.—Да и лучше: въ части, можетъ быть, узнаю что-нибудь... Куда меня, наконецъ, дѣнуть?

Я показалъ Соте свой скорбный листъ.

— Что это? Такъ вы не на шутку больны?—произнесъ онъ, просмотрѣвъ значившееся въ листкѣ. Я указалъ ему зачеркнутыя два слова и разсказалъ, въ чемъ дѣло.

— Теперь мнѣ понятна выписка въ нашей палатѣ еле-живаго крестьянина, также вчера принятаго ординаторомъ,—добавилъ Соте мой разсказъ.

Digitized by Google

— Вотъ кто настоящіе преступники-то!—съ мнимою горячностью, воскликнулъ вдругъ Исаевскій, прислушивавшійся къ нашему разговору,—замѣтно, только и выжидавшій болѣе или менѣе приличнаго повода вмѣшаться въ него.

— А между тѣмъ, замѣчательно, на нихъ-то *доносчика* и не находится,—рѣзко отвѣтилъ ему Соте, повидимому, крайне недовольный непрошеннымъ вмѣшательствомъ «сыщика».

— Тутъ и донось ничего не подѣлаетъ,—какъ-бы не понимая смысла словъ Соте, съ убѣжденіемъ проговорилъ Исаевскій.

— Вы думаете?—насмѣшливо спросилъ его Соте.

— Согласитесь, что...

— Я заранѣе соглашаюсь, только, пожалуйста, сдѣлайте ваше одолженіе, не мѣшайте намъ поговорить.

— Никто вамъ и не мѣшаетъ; полагаю, что я вправѣ оставаться на своей кровати?—злобно проговорилъ Исаевскій, убѣдившись, такимъ образомъ, въ безполезности своихъ стараній завязать съ Соте бесѣду. Какъ и наканунѣ, онъ досталъ изъ-подъ подушки книгу и какъ-бы всецѣло углубился въ нее. Притворяться, или даже сдерживать свои чувства, въ особенности тамъ, гдѣ ихъ, тѣмъ или другимъ образомъ, касались, Соте не былъ способенъ. Питая глубокое отвращеніе къ бывшему смотрителю врачебно-полицейскаго комитета, онъ не могъ не только говорить съ нимъ хладнокровно, но и смотрѣть на него, не выражая въ своемъ взглядѣ безконечнаго презрѣнія. Бросивъ на него еще одинъ такой взглядъ, Соте указалъ мнѣ на подоконникъ, какъ на болѣе удобное для нашей бесѣды мѣсто. Одинъ изъ больныхъ поспѣшилъ предупредить насъ, что сидѣть на подоконникахъ не позволяется: «оборони Богъ, паукъ войдетъ»... Не желая являться нарушителями закона о подоконникахъ, мы предались бесѣдѣ стоя. Боже, какая это была печальная, полная безконечнаго сожалѣнія и живаго состраданія, бесѣда—съ одной стороны, горя, съ другой—безъисходной тоски и отчаянія!.. Отчаяніе Соте было полное, не оставлявшее мѣста ни чему, что могло-бы ослабить его губительную силу. Онъ потерялъ послѣднюю точку опоры, необходимый импульсъ духовной жизни — *надежду*; а это, безъ сомнѣнія, величайшее изъ несчастій. Съ потерей этого чуднаго огонька, одинаково освѣщающаго дорогу богатаго и бѣднаго, счастливца и горемыки, настаетъ нравственная

Digitized by Google

смерть; смерть безусловная, если на помощь вскорѣ не подоспѣетъ что-либо такое, что способно воскресить, вновь зажечь потухшій огонекъ. Человѣкъ, въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья, съ развитымъ умомъ и честнымъ, неразвращеннымъ сердцемъ, искренно, прочувствованно признаетъ себя совершенно лишнимъ, безполезнымъ существомъ, обременяющимъ собой общество. Тяжело, невыразимо тяжело слушать такое признаніе... Дѣлается страшно за себя.

— Нѣтъ, Дмитрій Александровичъ, вы вчера были гораздо убѣдительнѣе,—произнесъ Соте, послѣ того, какъ я исчерпалъ всѣ употребляемыя въ подобномъ случаѣ разсужденія.—Все, что можно и должно было честному человѣку сдѣлать для того, чтобы выйдти изъ заколдованнаго круга, было сдѣлано. Силъ моихъ оказалось, однако, недостаточно для этого. Вы говорите: «попробуйте, попытайтесь еще...» Теперь, когда ко всѣмъ прежнимъ препятствіямъ прибавились новыя: пребываніе въ тюрьмѣ и несомнѣнная высылка подъ надзоръ полиціи? Очевидно, что, кромѣ лишнихъ страданій, эти новыя попытки ничего не принесутъ. Не говоря уже о томъ, что я чувствую себя измученнымъ, разслабленнымъ не только душевно, но и физически, и что, слѣдовательно, уже не имѣю даже прежнихъ силъ для борьбы, я васъ спрашиваю: *возможна-ли*, мыслима-ли для меня другая борьба, кромѣ какъ только за свое матеріальное существованіе? А влачить жизнь сквозь эгоизмъ и презрѣніе людей и, въ ожиданіи старости, дряхлости и смерти, вести непрерывную войну только изъ-за куска хлѣба, — вы мнѣ не можете посовѣтовать. Что-же остается? Слѣдовать по стопамъ многихъ и бросить, какъ вредный хламъ, все, что составляетъ мою нравственную личность: честь, совѣсть, симпатіи, убѣжденія, и подлостью, лестью и продажностью завоевать себѣ общественное уваженіе и полноправность?.. Пусть-же называютъ самоубійство—безнравственнымъ, смѣшнымъ доказательствомъ малодушія, чѣмъ хотите, а я глубоко убѣжденъ, что, въ подобныхъ моему положеніяхъ, оно не имѣетъ характера ни того, ни другого, ни третьяго, и есть только печальная, разумная необходимость...

— Вы, значитъ, рѣшились на самоубійство?

— Да, мнѣ кажется, я воспользуюсь первымъ удобнымъ случаемъ...

Digitized by Google

— Г. Сотé! въ цейхгаузъ пожалуйте, одѣваться! — раздалось около насъ.

— Нельзя-ли помозже немного, спустя полчаса?—одновременно обратились я и Сотé къ старшему городовому.

— Нельзя-съ, пожалуйте скорѣй, мнѣ некогда васъ ждать!— послѣдовалъ повелительный отвѣтъ.

— Дѣлать нечего... Прощайте, Дмитрій Александровичъ... не сокрушайтесь обо мнѣ... Благодарю васъ за вашу дружбу... Голосъ Сотé дрожалъ. Онъ крѣпко трясъ мои руки, стараясь скрыть навертывавшіяся на его глазахъ слезы. Я почувствовалъ, какъ у меня самого двѣ крупныя слезинки скатились по щекамъ. Признаніе Сотé не было зовомъ на помощь, чѣмъ, обыкновенно, большею частью, подобныя признанія бываютъ: оно было результатомъ глубокой увѣренности въ неизбѣжности извѣстнаго исхода. Тѣмъ труднѣе было придумать что-нибудь, что могло-бы хоть на время отдалить катастрофу. Мозгъ мой лихорадочно работалъ. Я не выпускалъ рукъ Сотé.

— Дождусь-ли я васъ, наконецъ?—грозно крикнулъ старшій городовой, приближаясь къ намъ.

— Сію минуту,—поспѣшилъ я отвѣтить вмѣсто Сотé, стараясь, въ то-же время, извлечь, такъ сказать, выдавить что нибудь изъ головы.—Прощайте, баронъ, проговорилъ я наконецъ; только еще одинъ вопросъ: если-бы мнѣ удалось доказать вамъ, что, при всей видимой безвыходности вашего положенія, для васъ, тѣмъ не менѣе, *возможна* извѣстная дѣятельность, достиженіе извѣстной цѣли...

— Само собою разумѣется, что тогда самоубійство не имѣетъ мѣста,—какъ-бы угадывая заднюю мысль моего вопроса, сквозь улыбку отвѣтилъ Сотé.—Но развѣ не ясно, какъ день, что это одна химера?

— Допустимъ, что это химера; но я прошу васъ именемъ своего глубокаго дружескаго чувства къ вамъ, дайте мнѣ время убѣдиться въ этомъ. Дайте мнѣ подумать, поразмыслить. Мнѣ почему-то кажется, что долженъ быть иной выходъ. Можетъ быть, я и ошибаюсь; не спорю. Но я прошу васъ, дайте мнѣ слово, что вы въ теченіи мѣсяца, по крайней мѣрѣ, не прибѣгнете къ насильственному прекращенію своей жизни. Мѣсяцемъ раньше, мѣсяцемъ позже... Прошу васъ, не откажите.

Digitized by Google

Дверь палаты съ шумомъ растворилась и старшій городовой, выхода котораго изъ палаты я и не замѣтилъ, появился предъ нами въ сопровожденіи двухъ служителей.

— Возьмите, сведите его въ цейхгаузъ!—приказалъ онъ имъ.— Маршъ на свое мѣсто!—скомандовалъ онъ также и мнѣ.

— Обѣщайте, дайте слово... настаивалъ я, не обращая вниманія на грозную команду.

— Даю, даю... прощайте, другъ мой!.. И, безцеремонно отиснутый отъ меня служителями, Соте послѣдовалъ за старшимъ городовымъ.

Грустное настроеніе, навѣянное на меня свиданіемъ съ M-me Гуриной и своимъ послѣднимъ разговоромъ съ Соте, не оставляло меня цѣлый день. Я избѣгалъ всякаго, съ кѣмъ-бы то ни было, разговора, ни на что не обращалъ вниманія и въ продолженіи всего дня не сходилъ съ своего мѣста, углубленный въ свои мрачныя думы. Раза два подходилъ ко мнѣ надзиратель съ поздравленіемъ по случаю благополучнаго исхода для меня докторской визитаціи и заявленіемъ готовности «сходить куда нужно»; навѣдывались и фельдшеръ, и Померанцевъ; первый старался увѣрить меня, что «это», т. е. оставленіе меня въ больницѣ, «обдѣлалъ» ни кто иной, какъ онъ, фельдшеръ, и что онъ еще въ аптекѣ убѣдилъ старшаго доктора, что меня не слѣдуетъ выписывать. Померанцевъ-же пришелъ было «поскучать» и «поболтать, если найдется о чемъ». Нѣсколько разъ повторенныя: «благодарю васъ» и «не безпокойтесь, повѣрьте, что за мной не пропадетъ», удовлетворили надзирателя и фельдшера. Съ Померанцевымъ-же я не нашелъ нужнымъ церемониться и прямо высказалъ ему, что я не расположенъ бесѣдовать и занятъ обдумываніемъ нѣкотораго дѣла.—«Понимаю-съ, понимаю-съ, какой-нибудь геніальный планъ?... Дѣло, дѣло... Не буду мѣшать»,— проговорилъ онъ, ретируясь отъ меня. Такимъ образомъ, ничто не мѣшало развиваться охватившему меня настроенію, и я весь ушелъ въ міръ невеселыхъ мечтаній.

Было уже семь часовъ, и больные покончили съ ужиномъ, когда въ палатѣ раздалось: «смирно!», и старшій помощникъ смотрителя своимъ появленіемъ вызвалъ меня изъ забытья. Онъ прямо подошелъ ко мнѣ и полушопотомъ произнесъ: «Я вамъ даю свиданіе; на десять минутъ... никакъ не дольше... вы пони-

Digitized by Google

маете, этого нельзя... Идите за мной». Въ пріемномъ покоѣ, куда я вошелъ вслѣдъ за нимъ, я нашелъ Амалію Карловну. По обыкновенію богато-одѣтая, она, для чего-то, сочла нужнымъ придать себѣ тутъ гордую осанку, мнимо-серьезный, недовольный видъ знатной женщины, вынужденной снизойти до минутнаго пребыванія посреди непривычной ей обстановки и не могущей скрыть выраженія глубокаго пренебреженія.

— Вы извините меня, — почтительно обратился къ ней помощникъ, котораго егоровская протекція какъ-бы совершенно преобразила, — очень можетъ быть, что вамъ будетъ непріятно подчиниться необходимости имѣть свиданіе въ присутствіи третьяго лица; но это неизбѣжно. Одно, что я могу сдѣлать, это избавить васъ отъ присутствія городоваго или надзирателя: я самъ останусь. Берите стулъ, г. Карасевъ, садитесь!

Сдержанно поздоровавшись со мной, Амалія Карловна, негодующимъ тономъ оскорбленнаго достоинства, громко произнесла:

— Егоровъ увѣрилъ меня, что я не встрѣчу никакихъ препятствій къ свиданію съ вами, что онъ предупредилъ этого господина, — она сдѣлала наклоненіе головы въ сторону помощника,—оказывается, что съ моей стороны потребовалось не мало просьбъ, прежде, чѣмъ разрѣшить мнѣ хоть 10-ти минутное свиданіе. Тутъ какіе-то ужасные, безчеловѣчные порядки!

— Законъ, сударыня!... Давая вамъ не въ воскресный день свиданіе, и, притомъ, не за рѣшеткой, я, повѣрьте, ужь и то достаточно рискую... — промолвилъ помощникъ, слегка приподнявшись съ подоконника, на которомъ онъ помѣстился.

— Васъ не заставили-бы пострадать; вы были-бы вознаграждены. Надѣюсь, Егоровъ передалъ вамъ, съ кѣмъ вы имѣете дѣло?... — отрывисто, продолжая сохранять свою мнимую важность, отвѣтила ему Амалія Карловна.

— Я знаю-съ... Очень благодаренъ, сударыня... Но, изволите-ли видѣть, мы сегодня ждемъ прокурора... — оправдывался старшій помощникъ, вообще представлявшій не мало нравственнаго сходства съ «золотымъ человѣкомъ».

— Боже мой, что за халатъ, что за бѣлье!! — съ ужасомъ воскликнула Амалія Карловна, дотронувшись до того и другого.— Выписывайтесь отсюда! ради Бога выписывайтесь! Можно и въ полицейскомъ домѣ лечиться... Тутъ нельзя и поговорить, какъ-

Digitized by Google

бы хотѣлось, не только пріятно провести время въ обществѣ другъ друга,—тихо добавила она по нѣмецки.—Вѣдь, это только мучить себя...

Обмѣнявшись со мной еще нѣсколькими подобными-же фразами, она, не выжидая напоминанія помощника, стала прощаться.

— Если-бы г. Карасевъ былъ на отдѣленіи, а не въ больницѣ, я-бы могъ давать вамъ свиданія въ конторѣ и въ теченіи болѣе продолжительнаго времени, — заявилъ помощникъ.

— Нѣтъ, ужъ это плохое свиданіе: въ полицейскомъ домѣ меня допускали прямо въ камеру къ нему.

— До свиданія, мой другъ. Я отсюда поѣду къ Егорову, переговорю съ нимъ. Онъ въ этихъ дѣлахъ человѣкъ опытный, и вамъ дамъ знать, — проговорила она, пожавъ мнѣ руку и поднеся къ моему рту, для поцѣлуя, свою.

— Потрудитесь идти на мѣсто! — произнесъ помощникъ, отправляясь вслѣдъ за Амаліей Карловной. Спустя четверть часа, ко мнѣ явился надзиратель и, вручая мнѣ, незамѣтно для прочихъ больныхъ, 10 рублей, шопотомъ объяснилъ, что получилъ ихъ отъ посѣтившей меня особы.

— Какимъ образомъ?

— Вы, вѣдь, сказали мнѣ, что на рукахъ у васъ больше нѣтъ денегъ; а изъ конторы трудно получить: на расходы выдаютъ только рубль въ недѣлю; хотя-бы у васъ тамъ тысячи были. При помощникѣ, вамъ, тоже, нельзя было у нея взять. Я вотъ и подождалъ ихъ у воротъ; онѣ только-что хотѣли сѣсть въ экипажъ, какъ я сейчасъ: такъ молъ и такъ, сударыня: г. Карасевъ просятъ у васъ сколько-нибудь денегъ на чай и сахаръ. «Сколько?»—спрашиваютъ. Сколько дадите. Красненькую и дали.

Сдѣлавшись, такимъ образомъ, благодаря догадливости надзирателя, обладателемъ «красненькой», я счелъ возможнымъ попытаться письменно снестись съ Фокомъ. Съ этою цѣлью, я попросилъ надзирателя размѣнять мнѣ ее и вызвать меня потомъ къ себѣ въ пріемный покой. Вызовъ не замедлилъ послѣдовать. Я объяснилъ надзирателю, въ чемъ дѣло.

— Мнѣ самому никакъ нельзя попасть туда; секретные, знаете, до насъ не касаются. А вотъ развѣ черезъ фельдшера? Тотъ

Digitized by Google

можетъ... будто съ лекарствомъ, или осмотрѣть... Не поскупитесь — устрою, — добавилъ онъ, подумавъ съ минуту.

— Я дамъ три рубля.

— Врядъ-ли согласится... ужь не пожалѣйте синенькой; завтра-же утромъ напишите и отвѣтъ получите.

— Идетъ. — И я былъ тутъ-же снабженъ карандашемъ и полулистомъ бумаги, съ предупрежденіемъ, впрочемъ, о необходимой осторожности.

— А особенно остерегайтесь Исаевскаго: все въ контору переноситъ,—сказалъ онъ мнѣ въ заключеніе.

Я дождался, когда всѣ больные въ палатѣ, не исключая и моего сосѣда, предались глубокому сну; тогда, не смотря на полумракъ,— послѣ повѣрки, свѣтъ въ палатахъ уменьшается, — я приготовилъ для Фока записку, которую рано утромъ и вручилъ въ пріемномъ покоѣ надзирателю.

— Отвѣтъ вечеромъ,—доложилъ онъ мнѣ вскорѣ.

Въ тотъ день 3-ю и 4-ю палаты обходилъ принимавшій меня врачъ Ф.

— Почему онъ не выписанъ? — энергически ткнувъ на меня пальцемъ, гнѣвно спросилъ онъ фельдшера.

— Я докладывалъ, ваше высок-діе, г. старшему врачу... Они не приказали...

— Не приказали? Дай сюда листокъ!

Фельдшеръ подалъ.

Быстро пробѣжавъ его глазами, онъ не менѣе быстро провѣрилъ себя: едва дотронулся до моего пульса и головы, почти такъ-же скоро обошелъ, точнѣе, обѣжалъ остальныхъ больныхъ въ палатѣ, однообразно черкнулъ въ листкѣ каждаго и, не только не спросивъ ни о чемъ, но и не взглянувъ ни на одного изъ нихъ, ушелъ въ 4-ю палату, которую, впрочемъ, спустя минуту, или-же никакъ не больше двухъ, также не замедлилъ оставить.

Незадолго до обѣда, въ палатахъ показался надзиратель.

— Приберитесь, братцы, хорошенько!... Оправьте постели!... Смотри, подъ подушками, подъ матрацами, чтобы ни у кого ничего не было! — торопливо, съ глубоко-озабоченнымъ видомъ наказывалъ онъ больнымъ.

Раздался пронзительный звонокъ въ наружную дверь больницы.

Digitized by Google

— Смотри-же, братцы! — И надзиратель стремглавъ бросился на звонокъ.

Въ больницу пожаловалъ *самъ* смотритель. Свита его состояла изъ старшаго помощника эконома, 4-хъ городовыхъ, двухъ надзирателей и нѣсколькихъ человѣкъ тюремныхъ служителей. Въ больницѣ ее увеличили собою: больничный надзиратель, больничные служители и два фельдшера. При входѣ ихъ въ палату, нельзя было не замѣтить, что въ порядкѣ шествія каждый изъ названныхъ чиновъ занималъ соотвѣтствующее своему званію мѣсто. Почти рядомъ съ смотрителемъ, по правую его руку, нѣсколько поодаль, шелъ старшій помощникъ; по лѣвую — экономъ; за ними—городовые; далѣе слѣдовали надзиратели и служители. Исключеніе составляли: больничный надзиратель и фельдшера; первый, какъ представляющій на смотръ свою часть, былъ впереди; послѣдніе перебѣгали съ мѣста на мѣсто. Остановившись у одной изъ кроватей, смотритель окинулъ проницательнымъ взглядомъ всѣхъ больныхъ.

— Это что?—указалъ онъ надзирателю на ноги больнаго, у котораго не были подвязаны больничные носки.

— Виноватъ-съ, ваше высок-діе, я...

— Молчать! почему у него такой короткій халатъ? не могъ подобрать?—указалъ онъ на другого больнаго, халатъ котораго не доходилъ до колѣнъ. — Смотри у меня! Я, братъ, вижу, ты что-то портиться сталъ!—И, внушительно погрозивъ надзирателю пальцемъ, смотритель, не оставляя своего наблюдательнаго пункта, обратился ко мнѣ:

— Я васъ лишаю права свиданія въ продолженіи двухъ недѣль. Своевольничать, батюшка мой, нельзя. Кто это пріѣзжала къ вамъ вчера?

— Моя хорошая знакомая.

— И только? — ухмыльнулся онъ. — А я думаю, что нѣчто большее, чѣмъ хорошая знакомая... Фамилія ея? Навѣрное изъ вашихъ княжескихъ знакомыхъ?

— Это было видно, что знатная дама; иначе я и не допустилъ-бы не въ пріемный день,—проговорилъ старшій помощникъ.

— Я молчалъ.

— Что-жъ? Вы не хотите мнѣ отвѣчать? Я васъ съ этимъ не поздравляю, — нахмуривъ вдругъ свои жиденькія брови, строго спросилъ меня смотритель.

Digitized by Google

— Я могу имѣть причины не отвѣчать вамъ на вашъ вопросъ относительно посѣтившей меня особы. Вы предложили мнѣ его, конечно, не въ качествѣ смотрителя, и я полагаю, поэтому, что, пожалуй, и вправѣ это сдѣлать, — стараясь придать интонаціи голоса какъ можно больше мягкости и почтительности, полу-вопросительно отвѣтилъ я.

— Нѣтъ-съ, я васъ спрашиваю какъ смотритель!—Въ слѣдующій разъ, когда пріѣдетъ эта дама,—обратился онъ къ помощнику,—отберите отъ нея свѣдѣнія о ея личности и доложите мнѣ.

— Что вамъ угодно-съ?— спросилъ онъ Исаевскаго, сдѣлавшаго по направленію къ нему нѣсколько шаговъ.

Исаевскій что-то невнятно пробормоталъ.

— Громче говорите!

— Прикажите вызвать меня въ контору; я здѣсь не могу...

— Хорошо.—Не забудьте его вызвать.

Помощникъ, къ которому относились послѣднія слова, въ свою очередь, повторилъ ихъ одному изъ городовыхъ.

Еще разъ окинувъ всю палату долгимъ, пристальнымъ взглядомъ и сбросивъ съ двухъ кроватей подушки, очевидно, съ цѣлью убѣдиться, нѣтъ-ли подъ ними чего-нибудь, смотритель, со всей своей свитой, направился въ слѣдующую палату.

Обходъ длился съ часъ. Проводивъ «начальство», надзиратель поспѣшилъ къ тѣмъ, изъ-за которыхъ ему достались замѣчанія. Напрасно одинъ напоминалъ ему, что онъ разъ десять тщетно просилъ о перемѣнѣ халата, а другой,—что онъ также не переставалъ просить хоть веревочки для подвязыванія носковъ,—надзиратель и слушать ничего не хотѣлъ: онъ кричалъ, ругался, грозилъ и, въ заключеніе всего этого, не смотря на заявленіе больныхъ, что они будутъ жаловаться доктору, приказалъ служителю обоимъ мнимо-провинившимся больнымъ дать овсянку хотя на ихъ доскахъ и значилось: «2-я порція».

Вѣрный своему слову, надзиратель, лишь только смерклось, доставилъ мнѣ отвѣтъ Фока.

— Вѣдь, это ему; а *мнѣ* за труды?—обидчиво произнесъ онъ, когда я вручилъ ему синенькую. Вы знаете, это не синенькой стоитъ... Пришлось дать еще два рубля.

Фокъ писалъ мнѣ слѣдующее:

Digitized by Google

«Записка ваша, добрый Дмитрій Александровичъ, застала меня какъ разъ въ то время, когда я тщетно ломалъ себѣ голову, пріискивая возможность дать вамъ знать о моемъ грустномъ положеніи. Представьте себѣ: завтра меня будутъ судить; ужь двѣ недѣли, какъ мнѣ объявили, что защитникомъ моимъ назначенъ присяжный повѣренный N, а я, до сихъ поръ, не видѣлъ его еще ни разу. Когда-же я ему разскажу, какъ вы мнѣ совѣтовали, всю мою жизнь? Я хотѣлъ было написать ему письмо, да смотритель не далъ, — говоритъ, что напрасный трудъ: «это не такой защитникъ; онъ ѣздитъ только къ тѣмъ, съ которыхъ можно взять что-нибудь. Очень ему нужно ко всякому грошовому воришкѣ въ тюрьму ѣздить! Еще, говоритъ, хорошо будетъ, если и въ судъ-то явится». Что-же мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать? Если-бы я умѣлъ самъ все связно разсказать! Да мнѣ и не повѣрятъ, если я буду говорить. Прокурору больше повѣрятъ. А я хочу, страстно хочу быть честнымъ человѣкомъ. Въ одиночномъ заключеніи, которое я избралъ по вашему совѣту, я много думалъ, много читалъ, и если-бы вы знали, какую глубокую благодарность я чувствую къ вамъ. Я не знаю, что я буду дѣлать, чѣмъ буду кормиться; знаю только, что не вернусь на прежнюю дорогу. Я надѣюсь на васъ, на ваши указанія. Вы меня не бросите, не оставите. Но что мнѣ теперь дѣлать? Какъ избѣжать суроваго приговора? Неужели мнѣ придется еще долго, долго томиться въ тюрьмѣ? Смотритель сказалъ мнѣ, что, послѣ суда, онъ долженъ будетъ перевести меня въ общую. Опять насмѣшки, оскорбленія; останусь-ли я тамъ такимъ-же, каковъ я теперь? Умоляю васъ, посовѣтуйте, скажите!... Ахъ, какъ я боюсь завтрашняго дня! Вы еще успѣете сегодня написать мнѣ нѣсколько строкъ. Надзиратель, если только онъ заинтересованъ, найдетъ случай передать мнѣ. Жду съ нетерпѣніемъ».

Бѣдный Фокъ! Никому нѣтъ дѣла до его желанія стать честнымъ человѣкомъ, до его раскаянія. Вмѣсто поддержки, вмѣсто помощи, онъ встрѣчаетъ одно только убійственное равнодушіе, полнѣйшее безучастіе. Его *маленькое*, *неинтересное дѣло* ничего не прибавитъ къ славѣ и достоянію знаменитаго софиста; чего-же послѣднему безпокоиться? *Извѣстному* защитнику нуженъ *извѣстный* злодѣй, *извѣстный* воръ. Только такой преступникъ имѣетъ право на особенное вниманіе, на особенное покровительство. О

Digitized by Google

немъ пишутъ, о немъ говорятъ, его рисуютъ, за его дѣломъ слѣдятъ. Честь и слава его адвокату!...

Несимпатичная наружность, три кражи, вторая судимость, — было почему Фоку бояться завтрашняго дня. Вѣроятный исходъ его,—лишеніе правъ и еще годъ тюрьмы,—не могли не страшить Фока. Онъ вполнѣ сознавалъ, какую опасность представляетъ для него болѣе или менѣе продолжительное пребываніе въ общемъ заключеніи. Какимъ отчаяніемъ дышетъ это двукратное восклицаніе: «Что-же мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать?»!

— У меня на кровати вы можете писать, что вамъ угодно. Я стану на стрёму, и дѣло съ концомъ,—успокоилъ меня Померанцевъ, къ которому я обратился въ своемъ затрудненіи.

Послѣднее слово подсудимаго, если оно не совершенно безсодержательно и произносится съ дѣйствительнымъ чувствомъ, рѣдко не производитъ на присяжныхъ извѣстнаго впечатлѣнія. Я рѣшилъ составить для Фока послѣднее слово. Заключая въ себѣ все, что служитъ къ оправданію или къ смягченію его преступности, всю его злополучную жизнь и выраженія глубокаго раскаянія, оно, отчасти, могло замѣнить хорошую защитительную рѣчь. Движимый чувствомъ, я написалъ это слово въ самыхъ теплыхъ и трогательныхъ выраженіяхъ. Рекомендовавъ Фоку, въ особой припискѣ, заучить написанное въ теченіи ночи, я совѣтовалъ ему, когда онъ будетъ произносить это слово въ судѣ, стараться воскресить въ своей памяти всю свою горемычную жизнь и не сдерживать рыданій, которыя несомнѣнно вызовутся мрачными воспоминаніями. Прибавивъ еще нѣсколько ободряющихъ, утѣшительныхъ словъ и поблагодаривъ Померанцева за «стрёму», я поспѣшилъ въ пріемный покой.

— Гдѣ надзиратель? — спрашиваю служителя.

— На кухнѣ.

Даю двугривенный, и служитель отправляется на кухню. Является надзиратель.

— У меня осталось только три рубля, — говорю я ему, — но вы знаете, что стоитъ мнѣ только послать къ той барынѣ, и мнѣ пришлютъ денегъ, сколько я спрошу. Пока возьмите эти три рубля; впрочемъ, у меня и трехъ рублей нѣтъ—я далъ служителю 20 к.,—только, во что-бы ни стало, сейчасъ-же достаньте Фоку эту записку.

Digitized by Google

— Сегодня-то нельзя; до завтра, если время терпитъ... Теперь и фельдшеру неловко. Утромъ доставлю, будьте покойны.

Я уже зналъ изъ письма Фока, что фельдшеръ тутъ не причемъ, что записку доставилъ самъ надзиратель, положивъ, такимъ образомъ, въ свой карманъ не только два рубля, но и «синенькую».

— Что хотите берите, только сегодня, сію минуту доставьте. Вы понимаете, онъ завтра утромъ въ судъ идетъ; нужно, чтобы онъ сегодня получилъ эту записку.

— Я съ удовольствіемъ; только какъ фельдшеръ... — бормоталъ надзиратель.

— Дѣлайтесь съ нимъ какъ хотите; я ни зачѣмъ не постою... только сейчасъ сдѣлайте!

— Постараюсь. — И, получивъ отъ меня 2 р. 80 к., надзиратель ушелъ «стараться».

Само собою разумѣется, что записка была передана и что надзиратель не преминулъ поставить мнѣ на видъ всю драгоцѣнность такой услуги: «Свои додалъ, насилу уломалъ; ни за что не хотѣлъ рисковать. Оно и то сказать... третій разъ идти къ секретнымъ: всякому бросится въ глаза». Можно себѣ представить мой восторгъ, когда тотъ-же надзиратель сообщилъ мнѣ на другой день вечеромъ, что Фокъ оправданъ!...

Къ сожалѣнію, *оправданъ* не всегда значитъ — *освобожденъ*, хотя законы наши и обусловливаютъ послѣднее первымъ. Извѣстно, что тотчасъ за объявленіемъ старшиною присяжныхъ оправдательнаго приговора, подсудимый, если онъ находится подъ стражей, объявляется предсѣдателемъ свободнымъ отъ этого. Ему, при этомъ, *предлагается* возвратиться въ тюрьму, *только* для сдачи имѣющагося на немъ казеннаго платья. Всякое дальнѣйшее задержаніе его, какъ лица уже свободнаго, совершенно полноправнаго, можетъ послѣдовать не иначе, какъ на основаніи новаго о томъ, надлежащимъ образомъ составленнаго, постановленія. Что-же мы видимъ въ дѣйствительности? Во всѣхъ почти уѣздныхъ и большей части губернскихъ тюрьмахъ, т. е., именно тамъ, гдѣ мы болѣе всего склонны подозрѣвать всевозможныя злоупотребленія въ этомъ случаѣ, практика не расходится съ закономъ. Онъ является мертвой буквой только въ столичныхъ тюрьмахъ, въ этихъ завидныхъ для провинціи образцахъ. Въ нихъ уже

Digitized by Google

много лѣтъ практикуется слѣдующій порядокъ. Получается въ тюрьмѣ предписаніе предсѣдателя суда о *немедленномъ* освобожденіи оправданнаго изъ-подъ стражи. Очень часто, дѣло длится въ судѣ 6—7 часовъ, и тогда бумага поступаетъ въ тюрьму вечеромъ, послѣ «повѣрки». Не смотря ни на какой протестъ оправданнаго, не смотря на его ссылку на законъ и на слово «немедленно», упомянутое въ предсѣдательскомъ предписаніи, его, въ такомъ случаѣ, все-жъ-таки, отправляютъ, до 9 ч. утра другого дня, въ арестантскую камеру, или, — что бываетъ нерѣдко,—въ карцеръ, «за сопротивленіе». Въ 9 часовъ утра, или часъ-другой спустя по полученіи бумаги,—если это было днемъ,— оправданнаго, *подъ конвоемъ*, отправляютъ въ сыскное отдѣленіе. Тамъ записываютъ его адресъ, занятія, провѣряютъ право на жительство въ столицѣ и, если окажется, что онъ былъ подъ судомъ въ первый разъ и что паспортъ его имѣетъ должную силу, его, наконецъ, освобождаютъ. Истекъ срокъ паспорта оправданнаго во время его пребыванія въ тюрьмѣ, его не освобождаютъ, не даютъ отсрочки, а прямо изъ сыскнаго отдѣленія препровождаютъ въ пересыльную тюрьму, для отправленія этапнымъ порядкомъ на родину. Какими-бы соображеніями администрація при этомъ ни руководствовалась, неосвобожденіе оправданнаго тотчасъ по полученіи о томъ предписанія — явленіе, во всякомъ случаѣ, весьма прискорбное. Я не могъ не бояться за Фока, какъ за рецидивиста, у котораго, къ тому-жь, и документа не было. Пріѣздъ въ больницу М-ме Гуриной навелъ меня на мысль рекомендовать ей несчастнаго.

— Что вы имѣете мнѣ сказать? — широко раскрывъ глаза, удивленно спросила она меня, придя въ 3-ю палату по моей просьбѣ, переданной черезъ надзирателя.

— Я не о себѣ хочу вамъ говорить, и потому, прошу васъ, забудьте на минуту личное противъ меня неудовольствіе и выслушайте меня,—началъ я.

— Говорите.

— Дѣло идетъ о спасеніи человѣка, искренно раскаявшагося въ своемъ преступленіи... Я говорю не о себѣ, повторяю...—оговорился я, опять замѣтивъ на лицѣ Гуриной выраженіе недовѣрія,— я говорю о несчастномъ, котораго я узналъ здѣсь, въ тюрьмѣ, и который имѣетъ право на вашу помощь...

Digitized by Google

— Даже *право*? Говорите, говорите, я слушаю.—И, сѣвъ на поданную ей Исаевскимъ табуретку, она съ видимымъ любопытствомъ устремила на меня свои глаза.

Не стараясь быть краткимъ, я далъ ей полное понятіе о личности Фока и о той богатой почвѣ для всего добраго и честнаго, какое представляетъ собою его настоящее благодѣтельное душевное настроеніе.

— Предоставить его самому себѣ, при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ теперь находится, слишкомъ рискованно. Вы примете въ немъ участіе; это вашъ долгъ, ваша обязанность: посвятивъ себя дѣлу исправленія падшихъ, вы не имѣете права отталкивать отъ себя подобныхъ Фоку! — горячо закончилъ я.

— Я васъ не понимаю, — проговорила Гурина, слушавшая меня съ замѣтнымъ удивленіемъ:—такъ можетъ говорить только честный человѣкъ, а между тѣмъ... Впрочемъ... имя и званіе вашего protégé?

— Дворянинъ Константинъ Фокъ.

Она записала.

— Онъ теперь въ сыскномъ отдѣленіи? Я сейчасъ туда поѣду. Прощайте.

Общественное положеніе Гуриной и ея родственныя связи дѣлали ее довольно вліятельной особой. Я не сомнѣвался, что, при ея участіи, Фокъ избѣгнетъ высылки изъ столицы. Оставалось отыскать болѣе или менѣе подходящій къ его небогатымъ способностямъ трудъ, который обезпечивалъ-бы сколько-нибудь его матеріальное существованіе на свободѣ и давалъ-бы ему возможность удѣлять извѣстное время на пополненіе своихъ скудныхъ знаній. Объ этомъ я рѣшился просить ту-же Гурину, если не удастся лично, то письменно.

Успокоившись, такимъ образомъ, насчетъ Фока, я обратился къ себѣ.

Digitized by Google

ГЛАВА XVIII.

САМОУБІЙСТВО НИКОЛАЕВА И ПОСЛѢДНІЯ СУТКИ МОЕГО ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ ПОЛИЦЕЙСКОМЪ ДОМѢ.

Безъ сомнѣнія, Николаевъ, какъ только возвратится изъ своей поѣздки, немедленно бросится въ полицейскій домъ, гдѣ и узнаетъ, что я нахожусь въ тюремной больницѣ. Онъ дождется воскресенья,— дня допуска въ тюрьму посѣтителей, — и явится для свиданія со мной. Получивъ отказъ въ этомъ, въ силу наложеннаго на меня смотрителемъ взысканія, онъ, конечно, письменно увѣдомитъ меня о своемъ пріѣздѣ. Но когда я получу это увѣдомленіе? Письмо, прежде, чѣмъ быть мнѣ выданнымъ, будетъ препровождено изъ тюремной конторы на разсмотрѣніе прокурора; а продлится-ли мое пребываніе въ больницѣ до тѣхъ поръ, пока оно получится отъ него обратно? Сомнительно. Являлась, слѣдовательно, необходимость найти способъ самому своевременно узнать о пріѣздѣ Николаева и, за невозможностью имѣть личное съ нимъ свиданіе, снестись съ нимъ письменно. Первое можно было сдѣлать черезъ надзирателя; но какъ довѣрить ему письмо, заключающее въ себѣ планъ бѣгства? Не найдетъ-ли онъ болѣе выгоднымъ для себя представить это письмо по начальству!... Довѣриться Амаліи Карловнѣ, которая, навѣрное, добьется свиданія, не смотря на запрещеніе? Умышленно она, конечно, не донесетъ на меня; но не проболтается-ли она Егорову — что одно и то-же. Наконецъ, бѣгство—куда, для чего? Какъ я объясню ей это? къ женѣ? но тогда нечего и надѣяться на ея содѣйствіе. Надзиратель казался мнѣ слишкомъ опытнымъ и хитрымъ, слишкомъ лукавымъ и безсовѣстнымъ, чтобы не проникнуть въ тайну моего письма, если-бы оно было написано даже на непонятномъ для него языкѣ. Онъ найдетъ, кто-бы прочелъ ему его. Нѣтъ, ни ему, ни Амаліи Карловнѣ я, въ этомъ случаѣ, не довѣрюсь. Посовѣтуюсь съ Поме-

Digitized by Google

ранцевымъ: онъ тюремный старожилъ, и, какъ кажется, успѣлъ сдѣлаться *настоящимъ* арестантомъ; навѣрное, онъ укажетъ мнѣ на такого испытаннаго *фортоваго* человѣка, котораго можно смѣло употребить для всевозможныхъ наисекретнѣйшихъ порученій. А пока адресую надзирателя къ Амаліи Карловнѣ за деньгами и къ Николуеву, узнать—пріѣхалъ-ли онъ. Безъ денегъ и ни о какомъ фортовомъ человѣкѣ мечтать нельзя.

Записка моя къ Амаліи Карловнѣ заключалась въ слѣдующихъ четырехъ строчкахъ: «Не найдете-ли возможнымъ прислать мнѣ еще 10—15 рублей, въ которыхъ я, въ данную минуту, очень нуждаюсь? Мои деньги въ конторѣ; получить ихъ оттуда, пока я въ больницѣ, нелегко. Надѣюсь, что вы не замедлите доставить мнѣ удовольствіе своимъ посѣщеніемъ».

Отвѣтъ:

«Охотно исполняю твою просьбу и посылаю тебѣ еще 10 рублей. Пока ты въ больницѣ, мы врядъ-ли увидимся. Согласись, другъ мой, что нѣтъ ничего пріятнаго въ такомъ свиданіи, какое мнѣ дали. Противный Егоровъ, просто на просто, надулъ меня: взялся все устроить, а сдѣлалъ только то, что отрекомендовалъ меня тюремному помощнику важной барыней и больше ничего. Я даже думаю, что помощникъ не получилъ отъ него ни копѣйки изъ тѣхъ денегъ, которыя я дала ему для него. Просидѣть какихъ-нибудь 15 минутъ и не имѣть возможности обмѣняться не только теплымъ поцѣлуемъ, но и любящимъ словомъ,—не знаю, какъ для тебя, а для меня—сущая пытка. Выписывайся скорѣй изъ больницы, а тамъ видно будетъ, что дѣлать. Сейчасъ получила слезливое посланіе отъ Ивана Ивановича. Бѣдняжка боленъ. Ѣду навѣстить его. Шлю тысячу поцѣлуевъ».

Вторую часть моего порученія надзиратель исполнилъ также аккуратно.

— Не пріѣхали еще. Барыня ихъ приказали вамъ кланяться и сказать, что сами ждутъ съ минуты на минуту, — доложилъ онъ мнѣ.

— Нельзя-ли вамъ будетъ завтра опять сходить?

— Оно.. далеко очень... да и выберешь-ли завтра время...— почесывая затылокъ, медленно отвѣтилъ мнѣ надзиратель, бросая, въ то-же время, выразительные взгляды на мою правую руку, заключавшую въ себѣ присланные Амаліей Карловной десять рублей.

Digitized by Google

Я догадался и поспѣшилъ вручить ему еще «синенькую». Его будущія услуги и не вполнѣ оплаченная передача Фоку моего послѣдняго письма дѣлали невозможнымъ меньшее «воздаяніе». То, что было «далеко очень», стало тотчасъ-же очень близко, и надзиратель ни минуты не сомнѣвался, что онъ выберетъ время не только завтра, но, если нужно, то и ежедневно будетъ навѣдываться къ Николаеву.—Съ вами, баринъ, пріятно и дѣло имѣть; не насчетъ чего я говорю, а потому, что знаю, что не попадусь: вы умный господинъ... вѣдь, вотъ, дай мнѣ другой хоть сто рублей,—ей-Богу, ни за что не согласился-бы: свяжешься, а потомъ самъ не радъ будешь, — разсудительно заключилъ онъ нашу интимную бесѣду.

Прошло шесть долгихъ, томительныхъ дней нетерпѣливаго ожиданія и опасеній. Какъ только наставалъ обыкновенный часъ пріѣзда доктора, мною овладѣвала мучительная тревога. Сердцебіеніе и нервная дрожь необыкновенно усиливались по мѣрѣ приближенія доктора къ 3-й палатѣ. Въ ту минуту, пока листокъ мой находился въ его рукахъ, я бывалъ, дѣйствительно, «ни живъ, ни мертвъ». Я оживалъ только тогда, когда, по уходѣ доктора изъ палаты, убѣждался, что имъ въ листкѣ написано желательное: «тоже». Вопросовъ я не удостоивался никакихъ и даже дотрогиваніе «ради формы» до пульса и лба не имѣло болѣе мѣста. Надзиратель не переставалъ каждый день заглядывать въ квартиру Николаева и неизмѣнно приносить мнѣ одну и ту-же вѣсть: «нѣтъ, еще не пріѣхали». Вѣсть эта, впрочемъ, каждый разъ сопровождалась передачей различныхъ, не дешево стоющихъ, лакомствъ, которыя присылались мнѣ его сердобольной женой. Высокіе сорта этихъ лакомствъ и заключавшія ихъ бомбоньерки, на ряду съ тѣмъ, что было мнѣ извѣстно о крайне стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ Николаева, характерѣ и нравственныхъ правилахъ горячо-любимой имъ жены, подсказывали мнѣ истинный источникъ такой щедрости и, вмѣсто удивленія, вызывали глубокое сожалѣніе къ несчастному добряку-мужу. Мои подозрѣнія подтвердилъ надзиратель, простершій свое усердіе до того, что, по собственному почину, безъ всякой съ моей стороны о томъ просьбы, навѣдывался о Николаевѣ по два раза въ день. Ясно,— подумалъ я,—что навѣдыванія эти ему особенно пріятны; а это значитъ, что щедрость М-ме Николаевой касается и его. Я сталъ

Digitized by Google

спрашивать его о томъ, что говоритъ она съ нимъ, кого онъ видитъ въ ея квартирѣ, и проч.

— У нихъ постоянно гости; все больше господа офицеры... играютъ на фортепіано, смѣются, поютъ. Бутылокъ много на столѣ, все съ засмоленными горлышками; должно быть, шампанское... А мнѣ каждый разъ рублик перепадаетъ; ласковая барыня... — получился много-объясняющій отвѣтъ.

Въ седьмой день опасенія мои осуществились. Вмѣсто обычнаго «тоже», я прочиталъ въ листкѣ: «Выздоровѣлъ. Выписанъ». Надзиратель былъ, повидимому, не менѣе меня опечаленъ подобнымъ исходомъ докторской визитаціи.

— Вы-бы хоть притворились немного, жаловались... Эхъ-ма, недолго вы у насъ нагостили...—съ неподдѣльнымъ сокрушеніемъ проговорилъ онъ, не замедливъ, по уходѣ доктора, вызвать меня въ пріемный покой.

Онъ охотно согласился съѣздить къ «ласковой барынѣ», и узнать — не пріѣхалъ-ли Николаевъ наканунѣ ночью.

— Насчетъ этого вы не безпокойтесь: сперва нужно, чтобы я подалъ записку въ контору, что вы выписаны, а потомъ ужь за вами придетъ городовой, Ну, а я записку подамъ, когда возвращусь, — успокоилъ онъ меня насчетъ возможности быть позваннымъ въ цейхгаузъ раньше, чѣмъ онъ доставитъ мнѣ свой отвѣтъ.

И я его дождался...

Онъ заключался въ двухъ словахъ: «*они застрѣлились*».

Нѣсколько блѣдный и какъ-бы растерянный вѣстникъ, видимо находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ свѣжаго впечатлѣнія, не могъ не испугаться при видѣ дѣйствія своихъ словъ... Хорошо понимая, точнѣе,— чувствуя, кто это—«они», я, тѣмъ не менѣе, лишь только онъ произнесъ свой краткій, но ужасный отвѣтъ, схватилъ его за обѣ руки и, забывъ всякую осторожность, чуть-ли не на всю больницу закричалъ: «Кто застрѣлился? говорите скорѣй!» Вырвавшись отъ меня и прошептавъ: «Вы и меня-то погубите», надзиратель скрылся изъ пріемнаго покоя въ «ванную». Но я уже овладѣлъ собою и послѣдовалъ за нимъ.

— Ступайте на мѣсто, ради Бога ступайте! Я ничего не знаю... Во всѣхъ палатахъ слышно было, какъ вы закричали... Не нужно мнѣ отъ васъ ничего... уйдите!—замахалъ онъ руками, стараясь отдѣлаться отъ моего опаснаго присутствія.

Digitized by Google

Мнѣ стоило не мало словъ, чтобы смилостивить его и убѣдить, что поступокъ мой не могъ имѣть для него послѣдствій.

— За это *банки* ставятъ...—проговорилъ онъ, наконецъ.

Умышленная или неумышленная выдача *фортоваго* человѣка составляетъ одно изъ немаловажныхъ преступленій, предусмотрѣнныхъ арестантскимъ кодексомъ и влечетъ за собою извѣстныя читателю *банки*.

— Разскажите-же мнѣ подробности; вѣдь, меня, пожалуй, скоро позовутъ.

— Ахъ да,—спохватился онъ,—погодите, я сейчасъ записку подамъ.

Я остался въ «ванной» ждать возвращенія его изъ конторы. Опять бѣда: онъ нарвался тамъ на смотрителя, который, будтобы, и оштрафовалъ его тремя рублями за позднее доставленіе въ контору записки.

— Все изъ-за васъ. Мое жалованье не вѣсть какое, чтобы терять изъ него три цѣлковыхъ.

«Новая выдумка», рѣшилъ я мысленно и, чтобы узнать, наконецъ, подробности самоубійства Николаева, поспѣшилъ вручить ему три рубля.

— Вотъ ваши три цѣлковыхъ; только, пожалуйста, не мучьте меня: разскажите, наконецъ, что тамъ такое случилось?

— Чего еще разсказывать? Однимъ словомъ, г. Николаевъ застрѣлились. Пріѣхалъ я. Смотрю, у подъѣзда стоятъ кареты, извощики, полицейскіе. Подъѣздъ отпертъ, дворникъ стоитъ. Что это, говорю, у васъ за съѣздъ сегодня? А во второмъ номерѣ жилецъ застрѣлился, начальство тамъ. Увидалъ горничную—я къ ней. Она мнѣ и разсказала, какъ дѣло было. Барыня-то снюхалась съ однимъ офицеромъ. Только какъ приходить машинѣ вечеромъ, въ 10 часовъ, онъ и уходилъ, а потомъ узнавалъ, что не пріѣхалъ и приходилъ опять. Вчера то-же самое. Ждала его съ машины; нѣтъ. Въ 11 часовъ она и послала за офицеромъ. Глядь, г. Николаевъ пріѣзжаетъ ночью, въ 3 часа, на лошадяхъ. Ключъ отъ двери у него былъ свой, и горничная не слыхала, какъ онъ вошелъ и зажегъ огонь. А въ передней-то висѣла шинель офицера. Онъ, должно быть, увидалъ ее и тихонько вошелъ въ спальную. Что тамъ было, неизвѣстно; когда горничная прибѣжала на выстрѣлъ, онъ ужь лежалъ на полу, съ прострѣлен-

Digitized by Google

ной головой, въ рукахъ револьверъ: онъ съ нимъ былъ въ дорогѣ... Много душъ погибаетъ изъ-за бабъ! Вонъ на татебномъ сидитъ мой товарищъ, въ одномъ полку служили, фельдфебелемъ былъ, потомъ старшимъ городовымъ служилъ... Тоже, жилъ сколько лѣтъ съ женщиной, любилъ ее, холилъ, а она возилась съ докторомъ. Только онъ лучше сдѣлалъ: чѣмъ себя убивать, взялъ да убилъ ее, проклятую, вмѣстѣ съ любовникомъ! И не зналъ я г. Николаева, а жалко мнѣ его, — со вздохомъ заключилъ надзиратель.

Тѣмъ болѣе было жаль его *мнѣ:* я зналъ эту честную, добрую, хотя и безпечную натуру; зналъ его постоянно веселый, добродушный характеръ и видѣлъ симпатичныя отношенія его къ людямъ, отвращеніе къ Глюму и Егорову и участіе его къ Фоку. Меня не удивило, что онъ не поступилъ такъ, какъ поступилъ товарищъ надзирателя; мысль о томъ, что онъ палъ не отъ собственной руки, меня также не посѣтила. Смерть его совершенно согласовалась съ его характеромъ. Тамъ, гдѣ люди обыкновенно убиваютъ и мучаютъ другихъ, такіе субъекты, какъ онъ, мучаются всю жизнь *сами*, убиваютъ *себя*. Цвѣты наслажденія не для нихъ: они пьютъ ядъ, продолжая любить существо, которое его подноситъ. Не служитъ-ли тому доказательствомъ вся супружеская исторія Николаева? Любовь побудила его оставить военную службу, т. е. лишиться средства къ безбѣдному существованію; любовь наградила его, такимъ образомъ, страшной двухълѣтней нуждой; любовь сдѣлала его преступникомъ, познакомила съ тюрьмой, и любовь-же убила его. Разъ полюбивъ женщину, онъ продолжалъ любить ее и тогда, когда она явила себя недостойною этой любви. Невѣрность, двукратный обманъ, неблагодарность были безсильны вырвать изъ его сердца привязанность къ предмету его первой и единственной любви, были безсильны заставить его сдѣлать ему зло. Его любовь носила въ себѣ задатки смерти только для него одного. Любимая преступница была въ безопасности. И надо полагать, что она это знала; иначе, она, конечно, съ большею осторожностью предавалась-бы своимъ постыднымъ наклонностямъ. Съ другой стороны, эта неожиданная смерть лишала меня единственнаго человѣка, на содѣйствіи котораго я основывалъ свой планъ предполагаемаго бѣгства. Я былъ увѣренъ въ этомъ содѣйствіи и вытекавшемъ отсюда успѣхѣ

Digitized by Google

предпріятія. Я уже предвкушалъ близость счастья, въ томъ значеніи слова, какое оно для меня имѣло. И вдругъ... видѣть эту увѣренность внезапно разбитою, уничтоженною, лишиться даже надежды! Горесть моя была, такимъ образомъ, двоякая: до болѣзненности жаль было преждевременно погибшаго добраго человѣка—жертву симпатичнаго чувства, и еще болѣе, чѣмъ жаль, было—*себя*, терявшаго въ этомъ человѣкѣ средство къ избавленію себя отъ неволи, къ скорому счастью.

Чѣмъ сильнѣе нравственный ударъ, тѣмъ продолжительнѣе бездѣйствіе разсудка: въ первыя минуты, человѣкъ весь отдается чувству; рѣшенія его безумны, также, какъ и его дѣйствія: онъ живетъ *только* сердцемъ. Здравая, всесторонняя мысль вступаетъ въ свои права только тогда, когда первое впечатлѣніе, *во всей своей силѣ*, уже вполнѣ воспринято и пережито. Естественно, что продолжительность этого періода находится въ зависимости отъ большей или меньшей впечатлительности извѣстнаго субъекта и свойственной ему, вслѣдствіе этого, глубины воспріимчивости. Насколько впечатлителенъ мой характеръ, читатель уже знаетъ. Глубоко потрясенный неожиданностью и силою удара, я не скоро получилъ возможность сдѣлать ему *вѣрную* оцѣнку, взвѣсить его *дѣйствительныя* послѣдствія. Отсюда явилось чувство безнадежности, которое на самомъ дѣлѣ было не совсѣмъ основательно. Я, однакожь, отдался этому чувству и сильно страдалъ. Я машинально отдалъ надзирателю остававшіеся у меня пять рублей, лишь только онъ заикнулся объ этомъ; машинально послѣдовалъ за городовымъ въ цейхгаузъ и также полусознательно одѣлся, получилъ въ конторѣ отобранныя отъ меня при пріемѣ деньги и очутился на улицѣ, подъ конвоемъ *двухъ* тюремныхъ служителей. На минуту вниманіе мое привлекается этимъ усиленнымъ противъ обыкновеннаго конвоемъ. Я вспомнилъ, что въ первое мое пребываніе въ больницѣ меня сопровождалъ оттуда *одинъ* служитель. (Содержащіеся въ полицейскихъ домахъ не конвоируются военнымъ конвоемъ, и вообще способъ препровожденія ихъ въ присутственныя мѣста и тюрьмы не указанъ никакой инструкціей и совершенно зависитъ, такимъ образомъ, отъ личнаго усмотрѣнія смотрителя). Но настроеніе мое дѣлаетъ меня неспособнымъ вдумываться, отыскивать причину, вызвавшую необходимость въ болѣе строгомъ, чѣмъ прежде, надзорѣ за мной. Мысль какъ-бы

Digitized by Google

мимоходомъ скользнула по бросившемуся на глаза факту и быстро перешла на другіе предметы, касаясь ихъ также поверхностно и безучастно. Глаза машинально блуждаютъ по домамъ, вывѣскамъ, людямъ, по всему, мимо чего я прохожу и что мнѣ встрѣчается. Шагъ невольно замедляется; я совершенно забываюсь и останавливаюсь. Легкій толчекъ въ спину, приправленный ругательствами, моментально приводитъ меня въ память. Я извиняюсь предъ своими конвойными и начинаю мѣрно шагать. Нѣсколько минутъ и грозный возгласъ: «Будетъ-ли этому конецъ! Что вы ошалѣли, что-ли, прости Господи!»—вновь будитъ меня. Полицейскій домъ. Видъ его дѣйствуетъ на меня проясняющимъ образомъ. Я возвращаюсь къ поразившему меня удару. «Кончено!»—мысленно восклицаю я.—«Прощайте, радужныя мечты! Прощай надежда на счастье и любовь!»...

Вотъ я и въ конторѣ. Знакомыя лица: Амалія Карловна, поручикъ С., околоточный, писаря...

— Здравствуйте, г. Карасевъ! Здравствуйте, князь! Здравствуйте, Дмитрій Александровичъ!—привѣтствуютъ меня.

Ловлю знакомый, полный извѣстнаго значенія, взглядъ, брошенный «чудеснѣйшей женщиной» моему бывшему сосѣду по секретному нумеру. Взглядъ сопровождается словами: «До свиданія, до свиданія, ступайте... дайте мнѣ поговорить съ моимъ другомъ».—«Не церемоньтесь, я не помѣшаю. Какъ поживаете, князь?»—обращается ко мнѣ С., и не думающій уходить изъ конторы.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, какъ вы поживаете? — повторяетъ какъ-бы смущенная Амалія Карловна.

— Ничего, какъ видите... только голова что-то болитъ... Извините меня, Амалія Карловна!... Павелъ Алексѣевичъ! отправьте меня поскорѣе въ камеру,—обратился я къ околоточному, чувствуя себя и въ самомъ дѣлѣ слабымъ.

— Сдѣлайте одолженіе, пожалуйте.

Амалія Карловна широко раскрыла глаза, словно спрашивая: «Что-жь это значитъ? Онъ со мной и говорить не хочетъ». С. преспокойно остался курить свою сигару. Околоточный повелъ меня на «секретную половину».

— Нельзя-ли на «благородную»? Я вовсе не хочу быть въ секретномъ нумерѣ. Вы, конечно, знаете, что я не секретный?

— Я не могу; ужь это какъ будетъ угодно смотрителю. Я долженъ помѣстить васъ туда, откуда вы ушли въ больницу,—

Digitized by Google

отвѣчаетъ мнѣ околоточный, предлагая войти въ мой прежній нумеръ, который оказывается незанятымъ.

Видъ его былъ, однакожь, далеко не прежній: отсутствіе всякой мебели, постели; пыль, покрывавшая потолокъ и стѣны; паутина въ углахъ; отсутствіе свѣта, скудно проходившаго сквозь небольшое окно, стекла котораго были покрыты льдомъ; страшный холодъ,—все это, вмѣстѣ взятое, производило какое-то мрачное, тяжелое впечатлѣніе.

— Помилуйте, мнѣ еще нужно отогрѣться, а вы вводите меня въ камеру, которая столько времени не топилась,—протестовалъ я.

— Безъ приказанія смотрителя, ей-Богу, не могу. Не угодно-ли вамъ пока посидѣть въ конторѣ: онъ скоро пріѣдетъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ; вы лучше позвольте мнѣ по коридору походить.

Околоточный, въ отвѣтъ, развелъ только руками, что, опять-таки, означало все тоже: «не могу».

Дѣлать нечего. Я предпочелъ нумеръ конторѣ, и остался въ немъ.

Съ часъ времени я трясся какъ въ лихорадкѣ: зубъ на зубъ не попадалъ, пока не явился *дѣйствительный* помощникъ Егорова—достопочтенный Савельевъ, бывшій также въ отсутствіи.

— Какъ мнѣ сказали на дворѣ, что вы прибыли, я прямо и бросился къ вамъ: даже и не заходилъ въ контору. Ну, слава Богу, баринъ; какъ вы поживаете?—радостно проговорилъ онъ.

— Въ настоящую минуту очень плохо: видите, какъ я трясусь?—отвѣтилъ я.

— А, Господи, да что-же вы тутъ сидите? Тутъ замерзнуть можно!—возмутился Савельевъ.—Пожалуйте, можно пока у *графа* посидѣть: у него тепло!

Радецкій былъ очень радъ гостю и принялъ меня съ изысканною любезностью.

— Теперь-съ, съ благополучнымъ прибытіемъ честь имѣемъ поздравить-съ,—заискивающе улыбаясь, театрально расшаркался предо мной Савельевъ. Я замѣтилъ, что онъ былъ пьянъ. Получивъ желаемое и убѣдившись, что я въ немъ болѣе не нуждаюсь, онъ пожелалъ мнѣ «счастливо оставаться».

Радецкій распорядился послать за чаемъ и закуской. То и другое не замедлили принести. По мѣрѣ того, какъ я согрѣвался

Digitized by Google

и подкрѣплялъ себя чаемъ и нѣсколькими бутербродами, я отрѣшался отъ овладѣвшаго мною настроенія. Пріятное ощущеніе тепла внесло нѣкоторое довольство въ мою душу. Я уже былъ способенъ отдаться бесѣдѣ, интересоваться.

Дѣло «графа» было окончено предварительнымъ слѣдствіемъ, и хотя онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ освобожденъ отъ секретнаго содержанія, но перейдти въ общую камеру отказался. Всѣ старанія энергическаго судебнаго слѣдователя представить суду *неопровержимыя* улики противъ Радецкаго, виновность котораго въ сбытѣ фальшивыхъ ассигнацій была несомнѣнна, не привели ни къ чему, благодаря извѣстной читателю системѣ содержанія въ полицейскомъ домѣ. Возможность, — не смотря на «секретный» арестъ, — сноситься съ прочими обвиняемыми и свидѣтелями по дѣлу сдѣлала то, что даже тѣ достовѣрныя улики, которыя имѣлись въ рукахъ слѣдователя при началѣ слѣдствія, получили потомъ другой характеръ: одни свидѣтели прямо отказывались отъ своихъ прежнихъ показаній; другіе—заявляли, что показывали по злобѣ; третьи — приписывали слѣдователю угрозы и вымогательства и т. под. Какъ ни сильно было убѣжденіе слѣдователя въ виновности Радецкаго, онъ, однакожь, оказался вынужденнымъ измѣнить принятую противъ него мѣру для воспрепятствованія уклониться отъ суда: Радецкій оставленъ подъ стражей «впредь до представленія денежнаго залога въ 10 тыс. рублей».

— Это называется *умно* повести дѣло; не правда-ли?—хвалилъ онъ себя.

— Но какъ-бы вы повели дѣло, если-бы не могли отсюда переписываться и видѣться съ кѣмъ вамъ нужно было? Ясное дѣло, что и умъ тутъ не много помогъ-бы,—возразилъ я.

— Primo,—я не могу себѣ представить такой тюрьмы, администрація которой была-бы неподкупна. Нужно только знать, какое грошовое жалованье она получаетъ, чтобы не спорить противъ этого. Существовать на него, да еще съ семействомъ, честно— невозможно. Secundo,—все дѣло во времени: при данныхъ обстоятельствахъ, я могъ поправить дѣло еще у слѣдователя; при другихъ-же, оно-бы получило то-же благопріятное направленіе нѣсколько позже — на судѣ. Съ окончаніемъ слѣдствія, запрещеніе видѣться съ знакомыми и родственниками было-бы снято и черезъ нихъ все устроилось-бы,—процѣдилъ Радецкій съ видомъ *дѣльца*.

Digitized by Google

Я не сталъ спорить, насколько справедливо его положеніе о грошовомъ содержаніи, получаемомъ тюремной администраціей, въ примѣненіи къ лицамъ столичнаго тюремнаго управленія, поставленнымъ въ этомъ отношеніи въ исключительныя, благопріятныя условія. Я освѣдомился о положеніи дѣла С., ожидавшаго со дня на день свободы, а между тѣмъ продолжающаго находиться въ заключеніи.

— Не можетъ залога внести: пять тысячъ требуютъ; а возлюбленная-то его бросила, остается глухою ко всѣмъ его просьбамъ: даже не отвѣчаетъ на письма. Надо, впрочемъ, думать, что онъ утѣшился... Навѣщала васъ въ больницѣ Амалія Карловна?—спросилъ онъ меня вдругъ, лукаво улыбнувшись.

Нельзя было сомнѣваться въ значеніи улыбки и вопроса, слѣдовавшихъ за мнѣніемъ, что С. утѣшился въ измѣнѣ своей пріятельницы. Я видѣлъ его дружески разговаривавшимъ съ Амаліей Карловной, съ которою онъ, до ухода моего въ больницу, не былъ знакомъ; замѣтилъ ея взглядъ и его безцеремонное съ нею обращеніе.

Радецкій не долго отнѣкивался. Убѣдившись, что я никакого особеннаго чувства къ «чудеснѣйшей женщинѣ» не питаю и отношусь хладнокровно къ возможной съ ея стороны измѣнѣ, онъ повѣдалъ мнѣ слѣдующее: увидавъ Амалію Карловну на порогѣ моего нумера, С. тогда-же сказалъ Радецкому: «эта женщина мнѣ чертовски нравится, и не будь я благородный офицеръ, если она не будетъ моей!»... Кто, что и какъ—все это было узнано отъ Савельева. Не далѣе, какъ въ день выбытія моего изъ полицейскаго дома, вечеромъ, тотъ-же Савельевъ отнесъ по адресу первое любовное посланіе поручика, очевидно, мастера въ подобныхъ дѣлахъ. О содержаніи этого посланія Радецкій выразился такъ: «Ну, ужъ и написалъ же онъ, я вамъ скажу! Нѣтъ ничего мудренаго... спеціалистъ!» На другой день предметъ новой страсти поручика явился къ нему на свиданіе. Егоровъ и его вскорѣ поздравилъ съ одержанной надъ «золотой бабой» побѣдой. Для него было, конечно, все равно, изъ кого-бы доходъ не извлекался. «Чудеснѣйшая женщина» стала проводить цѣлые дни въ полицейскомъ домѣ: или въ конторѣ, или въ секретномъ нумерѣ. «Сегодня у него должно было быть рѣшительное объясненіе на счетъ залога: облапошитъ бабу!»—выразилъ Радецкій свое мнѣніе.

Digitized by Google

Исторія эта явилась только фактическимъ подтвержденіемъ моего убѣжденія объ истинномъ характерѣ внезапной страсти ко мнѣ развращенной женщины. Не смотря на то, что я предвидѣлъ подобный исходъ, я, тѣмъ не менѣе, почувствовалъ себя неловко послѣ разсказа Радецкаго. По мнѣ скользнуло жало ревности, чувство, которое, въ данномъ случаѣ, можно объяснить развѣ только,—такъ сказать,—инстинктивнымъ возмущеніемъ самолюбія. О Глюмѣ и другихъ «благородныхъ» жильцахъ полицейскаго дома Радецкій передать мнѣ ничего не могъ. Недостатокъ матеріала для бесѣды уже начиналъ чувствоваться, когда въ нумеръ вошелъ С.

— Васъ Егоровъ проситъ въ контору,—передалъ онъ мнѣ;—да это еще успѣется: не выпить-ли намъ ради свиданія съ милымъ сосѣдомъ?—спросилъ онъ Радецкаго.

— Добре,—отвѣтилъ тотъ.

С. вышелъ и, спустя минуту, явился съ бутылкой и рюмками въ рукахъ.

— А я познакомился... въ конторѣ, случайно... съ Амаліей Карловной... Роскошная женщина, хоть и стара! Думаю пріударить... Не будете въ претензіи?—ухмыляясь, проговорилъ онъ, чокаясь со мной.

— Сдѣлайте одолженіе,—махнулъ я рукой.

— Вотъ это по дружески! благодарю... Впрочемъ, долженъ вамъ сказать, что, если-бы на то пошло, ей Богу, отбилъ-бы... За ваше здоровье!

За мной явился Савельевъ:

— Пожалуйте!

— Амалія Карловна тамъ?

— Такъ точно-съ!

Вынувъ изъ кармана свой небольшой капиталъ, я отсчиталъ столько, сколько считалъ себя ей должнымъ, ставъ, такимъ образомъ, владѣльцемъ лишь 12 рублей. Съ такой несчастной суммой бѣжать, конечно, не приходилось.

Кромѣ Амаліи Карловны, казавшейся чрезвычайно грустной, и Егорова, въ конторѣ никого не было. Послѣдній бросился обнимать меня и трясти мои руки.

— Одно только не хорошо: зачѣмъ вы у меня разстроили Амалію Карловну?—заключилъ онъ свои привѣтствія.

— Для меня, для нея и для васъ, пожалуй, будетъ лучше,

Digitized by Google

если мы объ этомъ не будемъ говорить. Вотъ деньги, которыя Амалія Карловна издержала на меня: прошу васъ передать ихъ ей...

Удивленный Егоровъ не успѣлъ еще взять отъ меня денегъ, какъ Амалія Карловна уже вскочила и быстрымъ взмахомъ руки швырнула ихъ на полъ.

— Вы смѣете меня оскорблять, неблагодарный! за мою любовь, за мои ласки!—вызывающе воскликнула она, принявъ гнѣвную позу.

— Я не имѣю намѣренія васъ оскорблять, а только прекращаю свои отношенія къ вамъ, — сдержанно отвѣтилъ я.

— *Онъ* прекращаетъ... ха-ха-ха!... Такъ знайте-жь, *я* васъ бросаю, а не *вы* меня!—торжествующе объявила она.

— Амалія Карловна! Дмитрій Александровичъ!... позвольте... Что за причина?—останавливалъ Егоровъ то меня, то ее, держа въ рукахъ поднятыя имъ съ пола деньги.

— Я ухожу отсюда,—проговорилъ я и поспѣшно направился къ выходу.

— Не удерживайте его; пусть себѣ уходитъ... Я увольняю его въ отставку,—произнесла Амалія Карловна, громко захохотавъ.

— «Милые бранятся только тѣшатся»; «перемелется — мука будетъ»,—выпалилъ двумя пословицами остановившій меня Егоровъ.

— Вы въ своемъ прежнемъ нумерѣ? — спросилъ онъ меня.

— Позвольте мнѣ на «благородную»: вѣдь я-же, въ самомъ дѣлѣ, не секретный; да теперь и нѣтъ причинъ оставаться тамъ...

— На «благородную»? Нѣтъ, неловко; ужь вы лучше оставайтесь тутъ; тѣмъ болѣе, что, по всему вѣроятію, я вынужденъ буду завтра отправить васъ въ пересыльную тюрьму... А впрочемъ,—произнесъ онъ, подумавъ,—можете идти на «благородную». Только, пожалуйста... понимаете... не объясняйте ничего Глюму...

— Будьте спокойны! — И черезъ минуту, я уже былъ на «благородной», здоровался со своими бывшими сожителями, тщетно ища глазами Соте.

— Развѣ баронъ на «секретной половинѣ»? — спросилъ я.— Онъ выписался изъ больницы еще недѣлю тому назадъ.

— Вашъ баронъ тю-тю,—отвѣтилъ мнѣ Глюмъ.

— Что съ нимъ?

— Спекся [1]).

---

[1]) Осужденъ, приговоренъ.

Digitized by Google

Оказалось, что предположенія Соте, относительно ожидавшей его участи, въ точности оправдались: на третій день прибытія его изъ больницы, онъ, на основаніи состоявшагося о немъ въ административномъ порядкѣ постановленія, былъ препровожденъ въ пересыльную тюрьму, для слѣдованія въ одну изъ отдаленныхъ губерній Европейской Россіи, подъ надзоръ тамошней полиціи.

— Я то-же завтра въ пересыльную тюрьму, — объявилъ я, довольный вѣроятностью свиданія съ Соте.

— Мы васъ не пустимъ, ни за что!—проговорилъ Угровъ.— У насъ тутъ все вверхъ дномъ перевернулось: въ лавочку можемъ посылать въ день одинъ только разъ; въ контору, безъ разрѣшенія, нельзя сойти; свиданіе—въ опредѣленные дни; табачокъ прятать нужно... словомъ,—бѣда да и только.

— Что-же за причина?—спросилъ я.

— Да причина... догадываемся... Иванъ Ивановичъ не поладилъ; онъ, вѣдь, тоже теперь, что нашъ братъ: изъ камеры ни на шагъ.

Я обратился къ Ивану Ивановичу.

— Потомъ все разскажу: мнѣ нужно съ вами поговорить, — съ серьезнымъ видомъ сказалъ мнѣ «благодѣтель».

— Завтра на пугундеръ,—указалъ на него Угровъ.

— Да, князь; завтра рѣшится моя судьба. Неужели я за свое добро погибну?—какъ-то жалостно спросилъ онъ меня.

— Мой взглядъ на ваше дѣло вамъ уже извѣстенъ: все будетъ зависѣть отъ того, кто внушитъ присяжнымъ больше довѣрія: вы или она?—А ваши какъ дѣла, господа?—обратился я къ Де-Трайлю и Давыдовичу.

— Застой. «Ничего въ волнахъ не видно». Въ палатѣ, — вздохнулъ первый. Давыдовичъ только махнулъ рукой.

Общая бесѣда длилась до повѣрки. Въ обращеніи околоточнаго съ «благородными» не было и тѣни прежняго пріятельства. Только Глюмъ, видимо, еще пользовался значительной долей вниманія: оно выразилось въ пожатіи руки и нѣсколькихъ словахъ, сказанныхъ ему на ухо. Записавъ число «благородныхъ», околоточный немедленно оставилъ камеру, находясь во время «молитвы» въ корридорѣ. Глюмъ нашелъ своевременнымъ поговорить со мной. Поставивъ въ одномъ изъ угловъ камеры два стула, онъ пригласилъ меня занять одинъ изъ нихъ.

Digitized by Google

— Я все знаю, князь,—началъ онъ шопотомъ;—и васъ не виню. Я знаю, что вы не искали этого и даже не долюбливали Амаліи: я помню сцену въ конторѣ. Но зачѣмъ вы отъ меня скрывали?!

— Скажите прежде: *что* вы знаете?—проговорилъ я не безъ смущенія.

— Все. Я знаю, что этотъ подлецъ Егоровъ, которому я позволялъ высасывать изъ себя послѣднюю копѣйку, воспользовался слабостью къ вамъ Амаліи, чтобы продать меня... Амалія была у васъ въ нумерѣ. Она женщина больная... Вы знаете... Но она можетъ и мертваго расшевелить: остаться съ нею наединѣ опасно; я это знаю и васъ не виню. Но зачѣмъ вы не открыли мнѣ глаза? Вѣдь, до послѣднихъ дней, я ничего не зналъ, продолжалъ вѣрить этому предателю. Онъ ее оберетъ; онъ доведетъ ее Богъ знаетъ до чего. Ужь на что лучше: онъ свелъ ее съ этимъ негодяемъ С.! Я и теперь скажу: она добрая женщина, но слабая. Она меня любила и любитъ; увѣряю васъ... Къ несчастью,—не владѣетъ собой. Мой оправдательный приговоръ и ее спасетъ, и ея деньги,—и, помолчавъ съ минуту, онъ вдругъ необыкновенно жалобно, скороговоркой произнесъ:—Буду я оправданъ? скажите, Дмитрій Александровичъ, по вашему мнѣнію!

Судъ, повидимому, сильно страшилъ его. Чтобы сколько-нибудь успокоить себя и подкрѣпить слабую надежду, онъ вымаливалъ у меня ободрительнаго мнѣнія. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ же страхъ за свою участь и парализовалъ вліяніе измѣны «чудеснѣйшей женщины». Онъ былъ теперь всецѣло поглощенъ исходомъ своего дѣла. Подтвердивъ ему не въ первый разъ свое истинное мнѣніе, значило-бы сдѣлать нашу бесѣду на эту тему безконечною. Я счелъ за лучшее отдѣлаться нѣсколькими общими успокоительными фразами. Такимъ образомъ, мнѣ удалось вернуться къ предмету разговора — Егорову. Я напомнилъ «благодѣтелю» все, что я ему прежде говорилъ о его другѣ, «золотомъ человѣкѣ», и чему онъ не хотѣлъ вѣрить, и, въ заключеніе, спросилъ о настоящихъ отношеніяхъ его къ нему.

— Я не вытерпѣлъ и прямо высказалъ ему то, что узналъ. Съ тѣхъ поръ я больше его не вижу и стѣсненъ кругомъ. Въ контору только на свиданіе выпускаютъ, и то на полчаса, когда его тамъ нѣтъ; въ камеру не показывается... Господи, что-то

Digitized by Google

завтра будетъ!—возвратился опять Глюмъ къ своей господствующей мысли.

— Завтра не за горами, видно будетъ. Успокойтесь. Пойдемте къ столу; довольно секретничать.

Но Глюмъ уже не примыкалъ къ общему разговору. Онъ ходилъ по комнатѣ, часто что-то записывалъ на бумажкѣ и, вслухъ, по нѣсколько разъ повторялъ отвѣты на предлагаемые вопросы суда.

Было уже далеко за полночь, когда разговоръ въ камерѣ совершенно умолкъ и мои собесѣдники предались крѣпкому сну. Нѣкоторое время я еще продолжалъ наблюдать за «благодѣтелемъ»; наконецъ, я рѣшился напомнить ему, что безсонная ночь лишитъ его той свѣжести силъ и необходимой бодрости духа, которыя завтра ему такъ понадобятся.

— Это правда,—согласился онъ, и, не раздѣваясь, легъ подъ одѣяло.

Въ 10 часовъ утра, Глюмъ, одѣтый въ нарочно сдѣланную для суда черную пару, тщательно причесанный и приглаженный, выслушавъ отъ своихъ сожителей множество благопожеланій, послѣдовалъ внизъ за околоточнымъ. Егоровъ не только разрѣшилъ ему ѣхать въ судъ въ каретѣ, но и конвоировать своего друга назначилъ не служителя, а своего помощника. И вотъ, въ то время, какъ одного подсудимаго мчала въ судъ карета подъ охраной почетнаго конвоя, другой соучастникъ по дѣлу—баронъ Вьёвъ, которому не удалось воспользоваться плодами преступленія, конечно, направлялся туда-же далеко не такимъ почетнымъ образомъ: онъ, несомнѣнно, шелъ пѣшкомъ, подъ конвоемъ полицейскихъ служителей, по многолюднымъ улицамъ столицы, вынося всѣ пытки публичнаго позора...

Послѣ обѣда, я былъ позванъ въ контору. Егоровъ вручилъ мнѣ присланное изъ канцеляріи прокурора, для выдачи мнѣ, городское письмо Фока. Бѣднякъ напрасно старался добиться свиданія со мной въ тюремной больницѣ: его выгнали изъ тюремной конторы. Не зная, когда я выпишусь изъ больницы, и желая, чтобы я зналъ, что съ нимъ сталось, онъ написалъ мнѣ письмо. Не явись на помощь М-те Гурина, онъ, какъ я и предполагалъ, былъ-бы высланъ изъ столицы; въ этомъ смыслѣ уже и было отдано начальникомъ сыскной полиціи приказаніе. Къ

Digitized by Google

счастью, М-me Гурина явилась еще во-время, и онъ былъ освобожденъ. Онъ заявилъ Гуриной о своей готовности на всякаго рода черную работу, лишь-бы имѣть честнымъ образомъ заработанный кусокъ хлѣба. Она обѣщала опредѣлить его въ артель посыльныхъ, въ ожиданіи чего, благодаря оставленнымъ ему мною 15 рублямъ, сохраненнымъ тюремнымъ діакономъ, онъ нанялъ себѣ «уголъ» и обзавелся грамматикой, исторіей и географіей. «Какой-бы трудъ на мою долю не выпалъ, я всегда найду, хоть-бы пришлось урвать отъ сна, часъ-другой, чтобы учиться. Мнѣ тяжело мое невѣжество»,—гласило его письмо, наполненное горячими выраженіями благодарности и преданности. Оно заключалось просьбой извѣстить его, по сообщенному имъ адресу, когда я возвращусь въ полицейскій домъ.

— Когда вы отправите меня въ пересыльную тюрьму?—спросилъ я Егорова,

— Да ужь завтра непремѣнно,—отвѣтилъ онъ мнѣ.

— Вы мнѣ позволите написать отвѣтъ на это письмо?

— Хоть сто отвѣтовъ! Вотъ вамъ почтовая бумага, конверты и марки,—съ крайнею предупредительностью произнесъ онъ, доставъ изъ стола то, другое и третье.

Нѣсколькими строчками я увѣдомилъ Фока, что оставляю полицейскій домъ, и просилъ не замедлить посѣтить меня въ пересыльной тюрьмѣ. Надписавъ адресъ, я вручилъ свое письмо Егорову съ просьбой отправить его *надлежащимъ порядкомъ*.

— То есть, вы хотите, чтобы оно шло черезъ прокурора?—удивленно спросилъ онъ.

— Я ничего противъ этого не имѣю; пусть оно идетъ тѣмъ порядкомъ, котораго, обыкновенно, придерживаются при отправленіи писемъ арестованныхъ.

Егоровъ молча заклеилъ письмо и, позвавъ вѣстоваго, приказалъ ему опустить его въ почтовый ящикъ.

— Видите-ли что, Дмитрій Александровичъ,—обратился онъ ко мнѣ съ видомъ человѣка, намѣревающагося высказаться,—если заключенный однажды уже поставленъ мною въ исключительное положеніе, онъ имъ и пользуется до конца. То, что я для васъ дѣлалъ и чѣмъ вы у меня пользовались, повѣрьте честному слову, никто, ни до васъ, ни послѣ васъ, пользоваться не будетъ. Я съ вами сошелся дружески и быть вамъ полезнымъ во всемъ

Digitized by Google

доставляло мнѣ искреннее удовольствіе. Я, батюшка, не матеріалистъ... Этого вы не думайте... Деньгами купить меня нельзя. Отъ негодяя я не возьму. И я хочу, чтобы вышедшее между вами и Амаліей Карловной недоразумѣніе не касалось *нашихъ* отношеній. Между тѣмъ, вы, на прощанье, становитесь вдругъ ко мнѣ въ настолько оффиціальное положеніе, что просите письмо ваше отправить *установленнымъ* порядкомъ. Да развѣ я виноватъ въ томъ, что вышло между вами и ею? Запретить ей свиданіе съ С. я не былъ вправѣ. Да, притомъ, я хорошо зналъ ваше равнодушіе къ ней и нежеланіе эксплуатировать ее... И я васъ за это глубоко уважаю.

— Благодарю васъ, — проговорилъ я, не зная, чему болѣе удивляться: тому-ли, что онъ находилъ нужнымъ оправдываться предо мной, когда я уже пересталъ быть для него «источникомъ», или-же безстыдству, съ какимъ выражалось это оправданіе.

— Вотъ вамъ доказательство моей доброты, — тѣмъ-же ровнымъ голосомъ продолжалъ онъ: — изъ-за той-же Амаліи Карловны, Глюму вздумалось ссориться со мной. Вамъ нечего говорить, что я могъ-бы его въ бараній рогъ согнуть. Но нѣтъ; не смотря на дерзости, которыя онъ мнѣ наговорилъ, я, все-таки, не могъ заставить себя относиться къ нему иначе, чѣмъ относился; я отправилъ его въ судъ съ помощникомъ и въ каретѣ, и никто такъ не желаетъ ему оправдательнаго приговора, какъ я.

Становилось до нельзя противно слушать его. Къ счастью, на дворѣ показался полицейскій офицеръ, направлявшійся въ контору. Это обстоятельство прервало краснорѣчіе «золотаго человѣка». Онъ поспѣшилъ сказать мнѣ:

— До свиданія пока; приставъ идетъ зачѣмъ-то... неловко. Но мы съ вами еще не кончили. Мы должны разстаться друзьями...

Доносившіеся съ «слѣдственной» охи и стоны побудили меня подойти къ этой камерѣ. Болѣзненные звуки испускалъ несчастный, метавшійся на нарахъ, повидимому, въ горячечномъ состояніи. Вокругъ него, тѣсной группой, въ различныхъ положеніяхъ, сидѣли и стояли его сотоварищи по камерѣ. Положенія эти: сложенныя на груди крестъ-на-крестъ руки, опущенныя головы и т. под., говорили какъ о глубокомъ участіи къ больному, такъ и о безсиліи ихъ помочь ему. Говорили шопотомъ. Всѣ были мрачны.

Digitized by Google

— Что съ нимъ?—тихо спросилъ я своихъ старыхъ знакомыхъ.

— Здравствуйте, баринъ! Давно-ли прибыли? Гдѣ были? — обрадовались они мнѣ.

Я кратко отвѣтилъ и повторилъ свой вопросъ.

— Какъ-бы наукъ не услыхалъ: и говорить-то боимся; вотъ до чего дожили!—сказалъ мнѣ «Петруха».

— Ничего, не бойся, говори: кто это стонетъ?

— А не узнали? «Заяцъ»! Почитай што полторы недѣли отмаялся въ карцерѣ.—«Петруха» глубоко вздохнулъ, вѣроятно, вспомнивъ прелести хорошо ему знакомаго мѣста. — Оно, по закону, больше шести дней—нельзя; такъ онъ, вишь ты, что придумалъ, анаѳемская душа: какъ минуло шесть дней, выпустилъ его на полчаса, а потомъ опять на шесть посадилъ. Малый—чуть живой. А въ больницу не отправляютъ: «Притворяется, говоритъ; пусть издыхаетъ». Просили, чтобы, значитъ, дохтура сюда, такъ чуть сами въ карцеръ не угодили.

— А за что смотритель на него такъ разсердился?

— Рубаху сталъ требовать, потому совсѣмъ голый, пять мѣсяцевъ сидитъ... Ну, скажи еще вахтеру, что смотритель, молъ, продаетъ бѣлье... Знамо, языкъ что мельница.

Я обратился къ расхаживавшему по корридору дежурному.

— Какъ-же можно держать такого больнаго въ камерѣ? Вы, вѣрно, не докладывали смотрителю?

— Что-же вы думаете, на мнѣ креста, что-ли, нѣтъ, баринъ? Докладывать-то докладывалъ, да толку мало,—послѣдовалъ отвѣтъ.

Я вернулся въ контору. Приставъ прощался съ Егоровымъ и, въ то-же время, не переставалъ его съ чѣмъ-то поздравлять. Въ конторѣ находились еще два полицейскіе офицера. Проводивъ пристава, Егоровъ, видимо находившійся въ чрезвычайно-благодушномъ настроеніи, потирая руки отъ удовольствія, поспѣшно подошелъ ко мнѣ.

— Что скажете-съ?—спросилъ онъ, показывая мнѣ глазами на присутствіе постороннихъ лицъ.

— Я счелъ себя обязаннымъ предупредить васъ. Вы наживете себѣ немалую бѣду, если замедлите отправленіемъ въ больницу больнаго съ «слѣдственной». Онъ опасно боленъ; находится въ безпамятствѣ. Я сейчасъ проходилъ мимо и убѣдился въ этомъ,— держа себя на почтительной дистанціи, полушопотомъ отвѣтилъ я.

Digitized by Google

— Я ужь васъ попрошу—не подходите къ другимъ камерамъ... Это до васъ не касается,—мягко проговорилъ Егоровъ.

— Но я же за васъ безпокоюсь... Онъ не притворяется, увѣряю васъ... Вдругъ умретъ въ камерѣ?!

— Хорошо, его отправятъ въ больницу. Ступайте на мѣсто.

И «Заяцъ», спустя 5—6 часовъ, вечеромъ, дѣйствительно былъ отправленъ.

Вскорѣ послѣ «повѣрки», на лѣстницѣ раздались чьи-то шаги и громкій плачъ. Дверь камеры была уже заперта и сожители мои спѣшили удовлетворить сильно возбужденное любопытство, столпившись у небольшаго двернаго оконца. Стукъ въ дверь коридора и щелканье ключа объ замокъ.

— Батюшки! это Иванъ Ивановичъ!—воскликнулъ Угровъ.

— Погибъ!.. за свое добро... за свои деньги...—послышался голосъ «благодѣтеля», прерываемый громкими всхлипываніями.

— Конецъ... все пропало... сгубили...—продолжалъ онъ выкрикивать, уже очутившись среди насъ.

Фигура его поражала своимъ жалкимъ видомъ: по жирному лицу катились слезы; голова и руки безпомощно опущены; платье въ безпорядкѣ, вздохи, громкій плачъ... Онъ представлялъ собою олицетворенное отчаяніе. Съ часъ времени отъ него ничего нельзя было добиться; затѣмъ, отчаяніе замѣнилось злобой. Онъ разразился цѣлымъ потокомъ грубой брани и нецензурныхъ ругательствъ. Всевозможныя ругательства щедро сыпались на головы честно отнесшихся къ своему дѣлу судей и присяжныхъ. Больше всѣхъ, конечно, доставалось обвинявшему его товарищу прокурора. Мы могли, наконецъ, узнать, что судъ *совѣсти* призналъ справедливымъ познакомить почтеннаго «благодѣтеля» съ арестантскими ротами: онъ былъ приговоренъ къ трехълѣтнему заключенію въ нихъ. Соучастникъ-же его—баронъ Вьёвъ, какъ лицо привиллегированнаго сословія, долженъ былъ умножить собою населеніе Томской губерніи. Само собою разумѣется, что при этомъ на имущество обвиненныхъ пало взысканіе 32-хъ тысячъ рублей. У Вьёва имущества никакого не имѣлось, и дѣло ясное, что «благодѣтель» долженъ былъ платиться фабрикой и магазиномъ.

— Нѣтъ, это еще дудки! увидимъ, что сенатъ скажетъ!...—восклицалъ онъ, грызя ногти.

Digitized by Google

Рано утромъ, на другой день, его посѣтилъ адвокатъ. Опытный юристъ уже имѣлъ важный кассаціонный поводъ. То, въ чемъ присяжные признали виновнымъ его кліента, не составляло *юридическаго* преступленія, а, слѣдовательно, и ненаказуемо. Онъ смѣло клялся Глюму, какъ честный человѣкъ, что сенатъ кассируетъ приговоръ. И онъ не ошибся: спустя два мѣсяца, сенатъ, разсмотрѣвъ кассаціонную жалобу Глюма и Вьёва, нашелъ, что приговоръ суда основанъ на признаніи ихъ виновными въ томъ, что они ввели потерпѣвшую въ заблужденіе относительно значенія бланковой надписи. А такъ какъ незнаніемъ закона никто не можетъ отговариваться и она должна была знать законъ о значеніи такой надписи, и такъ какъ ни о насиліи, ни о подлогѣ она не заявляла, а исключительно только въ этихъ случаяхъ дѣло и можетъ подлежать уголовному суду, то, за силою 1-й ст. улож. о наказ. и 1-й ст. уст. угол. суд., кассаціонный судъ отмѣнилъ приговоръ суда со всѣми послѣдствіями.

Въ 12 часовъ дня, я былъ позванъ въ контору. Егоровъ былъ въ полной формѣ, т. е. въ кепи, однобортномъ мундирѣ и при шпагѣ. Бронзовая медаль, въ память крымской войны, и знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ украшали его грудь.

— Я еще хотѣлъ съ вами поговорить, да ужь не приходится: васъ необходимо сейчасъ отправить; полученъ запросъ отъ прокурора... а я тороплюсь къ генералу, благодарить за награду... Станислава, батюшка, получилъ. Прощайте-жь! Выпутывайтесь... еще увидимся, надѣюсь...—торопливо проговорилъ онъ, и, пожавъ мнѣ нѣсколько разъ руку, вышелъ изъ конторы.

Околоточный объявилъ мнѣ, что уже готовъ конвой сопровождать меня въ пересыльную тюрьму, и потому, если мнѣ угодно проститься съ своими сотоварищами, просилъ поторопиться. Сцена прощанія не была продолжительная, и, чрезъ нѣсколько минутъ, я, въ свою очередь, былъ тоже *готовъ* слѣдовать. Но пока записывалось отношеніе обо мнѣ къ смотрителю пересыльной тюрьмы въ исходящую и разносную книги, я успѣлъ просмотрѣть, лежавшій на столѣ, суточный приказъ по полиціи. Въ немъ, между прочимъ, значилось о награжденіи за отлично-усердную и ревностную службу, орденомъ св. Станислава 3-й степени, смотрителя полицейскаго дома N—ской части, коллежскаго секретаря Егорова.

Digitized by Google

Въ контору вошли два полицейскихъ служителя съ шашками. Одному изъ нихъ былъ врученъ пакетъ и разносная книга.

— Вотъ ваши конвойные. Прощайте, Дмитрій Александровичъ; дай Богъ...

— Но позвольте, — перебилъ я околоточнаго: — зачѣмъ-же мнѣ назначили *двухъ* служителей?

— Смотритель назначилъ; но онъ позволилъ, если вамъ будетъ угодно, съ однимъ изъ нихъ сѣсть на одного извощика, а другой сзади поѣдетъ. Если вы такъ хотите, я пошлю за извощиками.

— Извощики готовы, — объявилъ вбѣжавшій въ контору Савельевъ. — Я, вѣдь, зналъ, что они пѣшкомъ не пойдутъ, — добавилъ онъ въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ околоточнаго.

— Ступайте съ Богомъ! — скомандовалъ онъ конвойнымъ, еще разъ простившись со мною.

— Я послѣдовалъ за ними.

— Дай Богъ вамъ всякаго благополучія! На меня обижаться, кажется, не за что, баринъ... Я для васъ все дѣлалъ и много вами доволенъ, — говорилъ мнѣ Савельевъ, заботливо унутывая мои ноги полостью извощичьихъ санокъ.

Это «много вами доволенъ» не мѣшало, однакожь, егоровскому подчиненному, лишь только онъ убѣдился въ достоинствѣ сунутой ему мною бумажки, послать мнѣ вслѣдъ: «Чортъ-бы васъ побралъ съ вашимъ рублемъ! Тьфу!...»

— А вотъ и пересыльная тюрьма! — какъ-бы сообщая мнѣ нивѣсть какую радость, послѣ десяти-минутной ѣзды, весело объявилъ мнѣ мой конвойный, у громадныхъ воротъ новаго мѣста моего заключенія.

Слѣдующій томъ «ПО ТЮРЬМАМЪ», подъ заглавіемъ: **„ЭТАПНЫМЪ ПОРЯДКОМЪ“**, *также имѣетъ выйдти отдѣльнымъ изданіемъ въ концѣ текущаго года.*

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Главы:	Стр.
I. Пробужденіе	1
II. Въ тюремной больницѣ	4
III. Тамъ-же	14
IV. Я оставляю больницу	33
V. Въ полицейскомъ домѣ.—«На слѣдственной»	62
VI. «На благородной»	73
VII. Исключенный изъ службы	87
VIII. «Егоровщина»	115
IX. Оригинальное свиданіе	141
X. Воздаю Егорову «должное» и пользуюсь плодами этого воздаянія	163
XI. «Бунтъ» и «усмиреніе»	191
XII. На точномъ основаніи 229 статьи	218
XIII. Что меня приводитъ, сперва въ «пріемный покой», а потомъ — въ «секретный» нумеръ	244
XIV. На «секретной половинѣ»	270
XV. Разстаюсь съ полицейскимъ домомъ	299
XVI. Еще нѣчто о больничныхъ порядкахъ и оригинальный видъ шантажа	337
XVII. Вижусь съ Гуриной, разстаюсь съ Соте и забочусь о Фокѣ	366
XVIII. Самоубійство Николаева и послѣднія сутки моего пребыванія въ полицейскомъ домѣ	385

Digitized by Google